

ПАЛЕСТИНСКІЙ ПАЛОМНИКЪ
СВЯЩЕННИКЪ
Александръ Васильевичъ Анисимовъ.

28
2. 1908 13976

19147-0

2010517414

ОТЪ АВТОРА.

Передавая право на второе изданіе моихъ „Путевыхъ Записокъ о Священномъ Востокѣ“ уважаемой книжной фирмѣ И. Л. Тузова, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ читателямъ оныхъ Записокъ.

Два раза я имѣлъ счастье посѣщать Палестину какъ простой паломникъ и какъ пастырь, для личной душевной пользы и — для другихъ, а въ послѣднее время быть тамъ и на службѣ при нашей русской духовной Миссіи. Послѣ перваго благотворнаго путешествія, я не думалъ составлять описанія его, въ виду имѣющихся сочиненій прежнихъ пилигримовъ. Но когда, по прибытіи на родину, я явился какъ подначальный къ своему приснопамятному архипастырю — Саввѣ, то онъ, послѣ долгой отеческой бесѣды со мною обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ мною по пути во Св. Землю и въ самой Палестинѣ, до того заинтересовался моими разсказами, что предложилъ изложить описаніе моего путешествія на бумагѣ, и, если оно окажется достойнымъ, передать его для печати, особою книжкой. На мое же возраженіе, что мои „Путевыя Записки“ будутъ излишни, при множествѣ имѣющихся у насъ описаній подобнаго рода,—замѣтилъ, что „путешественникъ путешественнику рознь,—каждый изъ нихъ смотритъ въ данную минуту по своему на окружающіе его предметы. Вы, какъ священникъ, могли имѣть свой особый взглядъ на все окружающее, взглядъ совершенно отличный отъ воззрѣнія и кругозора мірянина-паломника: видѣть, изслѣдовать, передумать, пережить и перечувствовать то, что послѣднему ни на умъ, ни на сердце не всходило, и къ чему онъ не могъ по своему положенію имѣть и доступа.“ Какъ наилучшее подтвержденіе истинности этого мнѣнія Владыки, мнѣ пришли въ тоже время на память и слѣдующія слова одного Швейцарскаго туриста—

Бове. Извѣстно,—говорить онъ,—на сколько наши впечатлѣнія зависятъ отъ обстоятельствъ, отъ вѣтра, отъ воздуха, отъ непогоды, отъ тысячи мелочей, а въ особенности отъ расположенія нашего духа въ данную минуту. Путешественники, которые проливали слезы при видѣ Іерусалима и съ замираніемъ сердца высаживались въ Пирей, не должны обвинять въ безсердечіи тѣхъ, которые оставались холодными при видѣ сихъ мѣстъ. Я знаю, продолжаетъ онъ, что одинъ и тотъ же человекъ можетъ получить сильное впечатлѣніе отъ предметовъ, на которые въ другую, особую минуту смотрѣлъ бы равнодушно.—Подвинутый такимъ образомъ къ дѣлу первѣе всего поощрительными словами незабвеннаго Іерарха и поддержанный въ томъ же только что упомянутымъ писателемъ, я съ охотой принялся за составленіе описанія перваго моего путешествія въ Палестину, которое и было одобрено, отпечатано особой книжкой подъ названіемъ „Выписки изъ дневника и пр.“ и разошлось въ тысячахъ экземпляровъ.

Такъ какъ въ первое короткое мое пребываніе въ Палестинѣ—по случаю холеры—я успѣлъ посѣтить только Іерусалимъ и ближайшія къ нему Св. Мѣста, то я задался мыслию, при первой же возможности, предпринять вторичное путешествіе въ Обѣтованную Землю съ тѣмъ, чтобы во что бы то ни стало обойти, по возможности, всѣ историческія Свящ. Мѣста. Вскорѣ, по возвращеніи на родину, въ немощной плоти моей сказался нравственный зародышъ особаго, дотолѣ мнѣ невѣдомаго (да и многимъ) душевнаго недуга—тоски, необыкновенной грусти по покинутой Святой Землѣ и особенно по свящ. Іерусалимѣ. Нѣсколько лѣтъ такого страданія стали, наконецъ, мнѣ не подъ силу,—и вотъ я, для излѣченія этой непонятной томительной болѣзни, рѣшился, скорѣе, чѣмъ предполагалъ предпринять второе путешествіе туда, гдѣ Небесный Врачъ, въ видимомъ образѣ Сына Человѣческаго, явно и осязательно врачевалъ всѣхъ недуговавшихъ и душевно и тѣлесно.

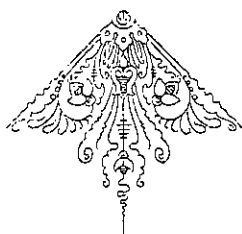
Второе путешествіе дало мнѣ, между прочимъ, матеріалъ для описанія тѣхъ Св. Мѣстъ Палестины, которыя не были посѣщены и изслѣдованы мною въ первый разъ. Такимъ образомъ составила другая книжка втораго моего путешествія во Святую Землю подъ названіемъ: „Путевыя Записки русскаго пастыря о Священномъ Востокѣ“, которая есть не что иное, какъ продолженіе прежде начатаго труда—въ первой книжкѣ, или—дальнѣйшаго описанія Палестины.

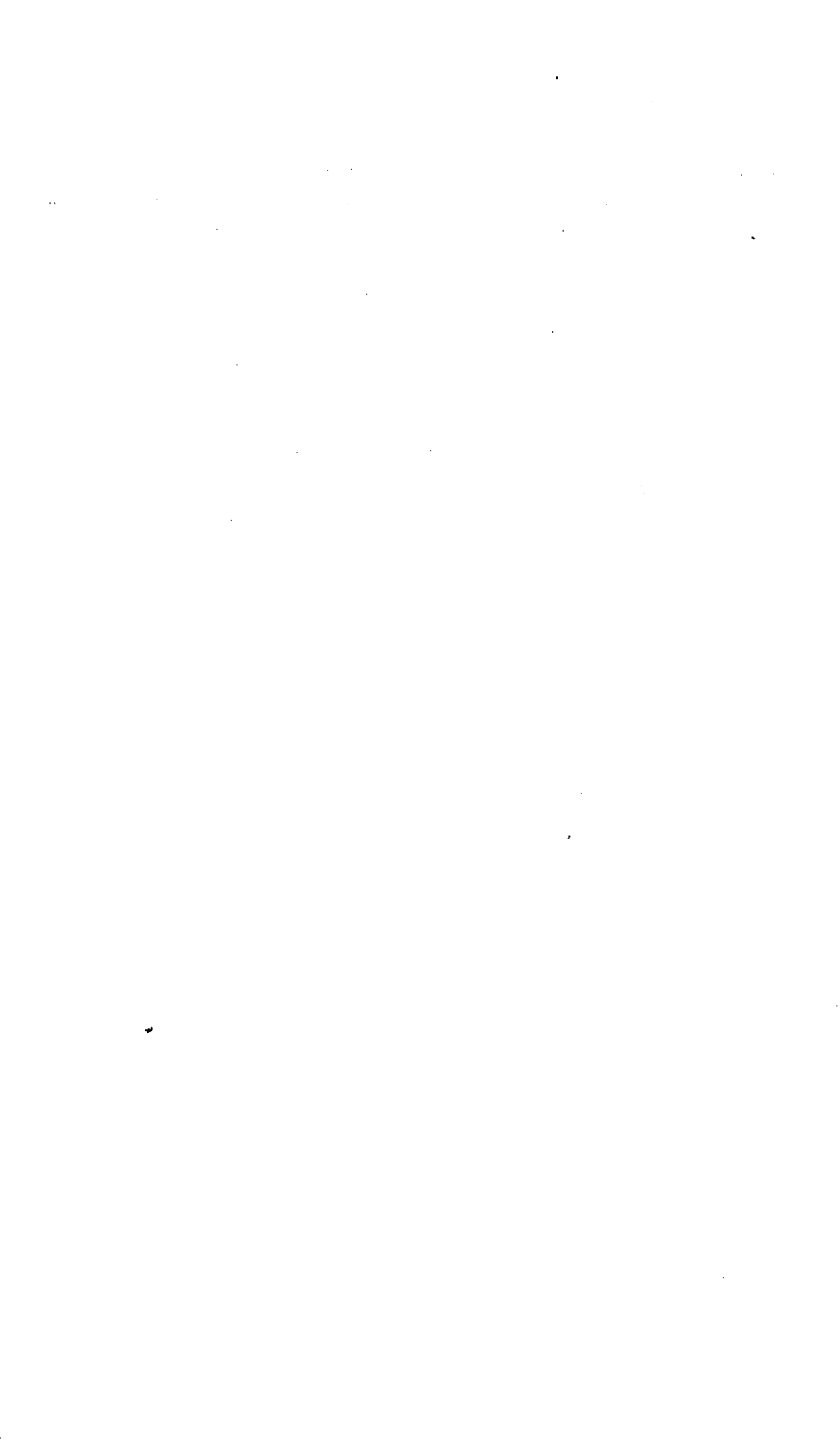
Но такъ какъ эти описанія изданы были въ разное время и въ отдѣльныхъ книжкахъ, то тутъ самъ собой сказывался недостатокъ: читавшій первую книжку знакомился только съ одною частію Палестины—Іудеею, а прочитавшій вторую—съ двумя другими частями—Сама-

рією и Галилеєю, не имѣя понятія о первой,—и такимъ образомъ и первый и второй—неполнѣ удовлетворялись чтеніемъ „Записокъ“ въ такомъ видѣ, справедливо замѣчая, что первая книжка есть туловище безъ ногъ, а вторая—безъ головы, хотя и та и другая—и въ отдѣльности—заслуживаютъ лестный отзывъ, ибо читаются съ большимъ наслажденіемъ.

И вотъ я счелъ долгомъ при новомъ изданіи моихъ Описаній (Записокъ) для удобства желающихъ сразу познакомиться съ Палестиной и для вящей пользы читателей—исправить замѣченное: соединить двѣ отдѣльныя книжки—въ одну; издать ихъ подъ однимъ общимъ названіемъ—„Путевыя Записки русскаго пастыря о Свящ. Востокѣ“ и раздѣлить на двѣ части; первое путешествіе составить первую часть книги, а второе—вторую часть.

Кромѣ сего, благодаря добрымъ услугамъ уважаемаго Издателя, книжка украшена множествомъ прекрасныхъ видовъ Свящ. Востока, а для ознакомленія читающей публики съ паломникомъ и составителемъ „Записокъ“ снабжена двумя его портретами въ двухъ разнovidныхъ палестинскихъ снимкахъ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

РУССКАГО ПАСТЫРЯ

О СВЯЩЕННОМЪ ВОСТОКѢ

*Скажи ми Господи путь, въ оныя же пойду,
яко къ Тебѣ взяхъ душу мою (Пс. 142, 9).*

Всегда я завидовалъ тѣмъ паломникамъ, которые, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, ознаменованныхъ дѣйствіями благодѣтельной десницы Божіей, рассказывали потомъ въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ—что они видѣли сами или слышали отъ другихъ объ извѣстной, замѣчательной въ какомъ либо отношеніи, святынѣ и о нравственномъ вліяніи оной на сердце человѣческое. Но особенно я съ живымъ интересомъ и глубокимъ настроеніемъ духа внималъ рассказамъ о мѣстахъ, освященныхъ стопами Богочеловѣка Иисуса. О, какъ въ тѣ минуты мнѣ желалось лично перенестись, во мгновение ока, въ тѣ мѣста и самому съ услажденіемъ созерцать ихъ своими нечистыми очами, прослѣдовать своими, косными на добро, ногами и прильнуть къ нимъ своими грѣшными устами! Искра такого святого желанія глубоко заронила въ мою душу и—все тлѣла и тлѣла: такъ какъ я за служебными обязанностями не могъ рассчитывать на безпрепятственный выѣздъ, бросивъ на произволъ и все и вся. Такимъ образомъ прошло пять лѣтъ. Наконецъ страшный пожаръ 1872 года, испепелившій лучшую часть нашего города и, только при чудной помощи Божіей, некоснувшійся нашего

жилища, усилилъ во мнѣ святое желаніе посѣтить св. мѣста Палестины и возблагодарить Господа Спасителя за Его видимое, великое благодѣяніе къ намъ грѣшнымъ, на самомъ мѣстѣ Его рожденія, смерти и воскресенія; а новый страшный пожаръ 1875 г. іюня 10-го дня, опять сильно угрожавшій нашимъ постройкамъ, а равнымъ образомъ и моя долговременная болѣзнь, ослабившая мой организмъ до плачевнаго состоянія физическихъ силъ и безнадежности на земную помощь, окончательно довершили во мнѣ желаніе, какъ можно скорѣе, осуществить данный обѣтъ. И вотъ, я на другой же день началъ приготовляться въ путь, заблаговременно испросивъ слѣдующее по закону разрѣшеніе на отѣздъ за границу. Но приступимъ къ дѣлу. Начнемъ свои записки.

Среда, 11-е іюня. Отправляясь въ дальній и опасный путь, я предварительно принесъ покаяніе во грѣхахъ всей моей жизни, отъ юности и до настоящаго дня содѣянныхъ, потомъ литургисалъ, совершивъ прежде молебное пѣніе Покрову Божіей Матери и напутственное — «хотящимъ отыти въ путь». Совмѣстная усердная молитва предстоящихъ, ихъ задушевные благопожеланія, напутствованіе въ дорогу Св. Таинствами исповѣди и Св. Причастія—все это такъ благотворно подѣйствовало на меня, до того умилило мою душу и воспламенило мое сердце, что я, до сихъ незабвенныхъ сладкихъ минутъ нерѣшительный, унылый, больной, какъ бы преобразился; и искра св. желанія вмигъ превратилась въ неугасимое пламя нетерпѣнія летѣть и летѣть къ завѣтнымъ и дорогимъ сердцу христіанина мѣстамъ. А потому, по окончаніи литургіи, я обратился къ предстоящимъ въ церкви прихожанамъ съ слѣдующими словами:

«По изволенію Божію, по благословенію нашего Архипастыря, и по данному, въ душѣ, обѣту, я отправляюсь въ далекій, неизвѣстный для меня и опасный путь. Если и недалеющее, кратковременное путешествіе на сушѣ и въ своей родной землѣ часто не обходится безъ приключеній и нерѣдко оканчивается печальными послѣдствіями: то что сказать о странствованіи далекомъ и продолжительномъ, по чужимъ странамъ, подъ непривычнымъ для насъ, знойнымъ небомъ, и при томъ, за малымъ исключеніемъ, по суровымъ и необозримымъ пучинамъ, на утломъ кораблѣ? Чего только не можетъ

случиться, чего только не переиспытаетъ плавающій! И голодь, и холодъ, и жаръ, и тѣсноту, и всяку болѣзнь“.

„Сегодня на морѣ царствуетъ тишина, небо чисто и—на душѣ весело и покойно; завтра—вмигъ подули вѣтры, дрогнуло море своими могучими волнами, забили они въ ребра корабля, точно тараны, и—на душѣ — мрачно, и прискорбна она до слезъ. Нынѣ путешествуетъ странникъ по плодоноснымъ долинамъ, а чрезъ нѣсколько времени проходить безплодными горами, видитъ одни скалы, землю сухую, производящую только тернии и волчцы, гдѣ—что село, то свои нравы, свои обычаи, свои приемы, свой особый говоръ, свой подозрительный на путника взглядъ. Сію минуту небо ясно, воздухъ чистъ; чрезъ полчаса оно мрачно, громъ гремитъ надъ головой, молнія ударить у ногъ, путешественникъ чуть не затопленъ дождевымъ потокомъ, чуть не побить страшнымъ градомъ; словомъ, онъ подверженъ приключеніямъ всякаго рода. Не зная поѣтому, что и мнѣ предстоитъ въ моемъ трудномъ путешествіи—добро или зло, животъ или смерть, благополучное ли къ вамъ возвращеніе или же печальная и вѣчная разлука съ вами—я, во первыхъ, прошу прошенія у васъ,—можетъ статься, я кого либо оскорбилъ словомъ или дѣломъ или ввелъ въ соблазнъ недостойнымъ поступкомъ; во вторыхъ,—прошу вашихъ чистыхъ молитвъ обо мнѣ, ибо ваша общая мольба будетъ сильнѣе моей предъ Богомъ. А я, съ своей стороны, дамъ обѣтъ—аще Господь благоуправить мой путь,—помолиться за всѣхъ васъ тамъ, гдѣ Господь въ образѣ челоуѣка, видимаго всѣми, родился, гдѣ Онъ Самъ молился за насъ, училъ насъ святой жизни, гдѣ крестился, страдалъ, умеръ и воскресъ, дабы избавить насъ отъ вѣчной смерти, и гдѣ вознесся на небо плотію, да и насъ спосадить съ Собою въ царствѣ вѣчной славы Своей“.

„Сладчайшій Іисусе, Боже мой! Твой есть день и Твоя есть ночь; отъ Тебя происходитъ все; Ты распоряжаешься нашими дѣйствіями: отвращаю Тебѣ отъ насъ лице Твое, вся возмутятся. Но съ Тобою, Спасителю мой, и на тѣсной стези печаль и слезы превращаются въ радость. Укрѣпи же душу мою Твоею благодатію: да съ радостію потеку и добръ совершу путь мой къ мѣстамъ, освященнымъ Твоими божественными стопами. Вѣрю и надѣюсь, что тамъ, у гроба Твоего, и одинъ часъ, мною проведенный, доставитъ мнѣ

болѣе утѣшенія, нежели сколько всѣ невзгоды путевыя вмѣстѣ могутъ причинить мнѣ страданій! Тамъ, тамъ у подножія Твоего Креста, я еще болѣе увѣрюсь, что Онъ есть самый надежный спутникъ въ семъ многмятежномъ мірѣ на пути къ вѣчнымъ обителямъ Твоей славы, участія въ которой желаю и вамъ, братія моя возлюбленная».

Четвергъ, 12-е іюня. Приѣхавши въ Харьковъ, я долженъ былъ, по предписанію начальства, явиться въ консисторію для дачи подписки въ томъ, что я буду вести себя за границей, какъ подобаетъ моему священному сану, въ противномъ же случаѣ подвергаю себя великой отвѣтственности, и потомъ получить отъ начальника губерніи свидѣтельство на безпрепятственный выѣздъ за границу, по которому и, взамѣнъ котораго, получить въ пограничномъ городѣ отъ градоначальника заграничный паспортъ. Нельзя не пожелать въ будущемъ, чтобы, во избѣжаніе лишней траты времени и денегъ, подписка отбиралась на мѣстѣ жительства паломника, а равно и самое свидѣтельство на выѣздъ отсылалось, для выдачи, подлежащему ближайшему начальству, а не требовалась бы, за сотни верстъ, личность паломника изъ-за одной формальности. Здѣсь же, въ Харьковѣ, знакомые и незнакомые съ сожалѣніемъ, покивая главами своими, задавали мнѣ вопросъ—зачѣмъ я ѣду въ Палестину въ такое время года и, при томъ—безъ спутника, когда никто не рѣшается изъ жителей сѣвера тамъ показаться. «Тамъ, гдѣ теперь страшная жара, духота неимоверная, вы спечетесь, какъ хлѣбъ въ печкѣ или блинъ на сковородѣ; охота же вамъ завѣдомо обрекать себя на самосожженіе». Признаюсь, покоробили было меня такія рѣчи, и я, чтобы не слышать ихъ болѣе и не смущаться ими, поторопился выѣздомъ въ Одессу.

Суббота, 14-е іюня. (*) Въ этотъ день, простившись съ святынями харьковскими, въ 3 часа по полудни я отправился въ Одессу, уплативъ за мѣсто въ 3 классѣ 10 р. 38 к. за 960 верстъ. И дешево, и нескучно! Обыкновенно въ этомъ отдѣленіи бываетъ тѣснота, и, какъ преобладающій въ немъ элементъ—простой классъ, то неразлучно съ нимъ и невѣжество; но

(*) Пятницу—13-е іюня, я пробылъ въ Харьковѣ.

мнѣ на этотъ разъ посчастливилось: пассажиры въ вагонѣ все были люди изъ образованнаго круга, много дамъ, нѣсколько мужчинъ; между сими послѣдними одинъ дворянинъ К., который былъ мнѣ пріятнымъ собесѣдникомъ до самой Одессы, такъ какъ онъ извѣдиль Россію вдоль и впоперѣкъ нѣсколько разъ. Повѣствуя о житіѣ-бытіѣ духовенства Херсонской губерніи, онъ находилъ матеріальный бытъ его жалкимъ и грязнымъ неописуемо, жизнь же духовенства нашей епархіи изображалъ въ такихъ картинныхъ образахъ, что, не обинуясь, приравнивалъ ее къ блаженной жизни нашихъ праотцовъ въ раю, когда они, невинные, ни въ чемъ не терпѣли нужды и не знали—что есть горе. На что я ему замѣтилъ, что это сто первая ложь изъ книжки—«не любо не слушай, а лгать не мѣшай».

Въ 7^{1/2} часовъ вечера мы подъѣхали къ вокзалу г. Полтавы, которая отстоитъ отъ него версты на полторы. Самый вокзалъ—плохенькій; публики мало; нѣтъ той людности, оживленности, роскоши и аристократизма, которые вы привыкли видѣть на Харьковскомъ вокзалѣ. Самый городъ не вдаль отъ р. Ворсклы, на довольно живописной возвышенности, усаженной съ избыткомъ зеленѣющими деревьями. Не бросается онъ въ глаза путнику, какъ нашъ Харьковъ или Одесса; ибо на ряду съ высокими каменными домами, чуть не въ центрѣ города, торчатъ и соломенные домики, между которыми виднѣются бѣдные и весьма невидные храмы Божіи, не исключая и кафедральнаго собора. Отъ Полтавы до Кременчуга грунтъ земли большею частію песчаный, но не утомляющій взора, такъ какъ очень часто попадаются низменности, покрытыя водою, озерами, болотами и источниками, испещренныя роскошною растительностію, вѣющею благотворною, для уставшаго отъ дневной жары путника, прохлагою. Такъ какъ предмѣстья Кременчуга и самый городъ мы проѣзжали ночью; то я, къ сожалѣнію, не видѣлъ ни его самого, ни Днѣпра, ни полутора-верстнаго чрезъ него желѣзнаго моста.

Воскресенье, 15-е іюня. Утромъ, на разсвѣтѣ мы проѣзжали около Елисаветграда. Городъ довольно обширный, видѣлось около 8-ми церквей, въ числѣ коихъ особенно замѣчательна по красивой архитектурѣ, при подъѣздѣ къ вокзалу,—кладбищенская. Юнкерское училище—тоже большое и прекрасное зданіе. Здѣсь

желѣзно-дорожный путь дѣлится надвое: одна линія идетъ на Одессу, а другая—на Николаевъ; а потомъ, чрезъ нѣсколько станцій, опять дѣленіе поѣздовъ на одесскій, кievскій и кишиневскій. Въ продолженіе пути отъ Елисаветграда до Одессы много разъ склонялась линія дороги то въ Подольскую, то въ Херсонскую губ., и это оттого, что дорога проведена, замѣтно, большими зигзагами. Поѣздъ нашъ опоздалъ въ Одессу на 2 часа по случаю пожара, происшедшаго въ товарномъ вагонѣ кievскаго поѣзда; чрезъ что мы прибыли въ Одессу, вмѣсто 9-ти часовъ вечера, въ 11-ть часовъ ночи. А жаль, хотѣлось посмотрѣть на Одессу издали, и доставить удовольствіе чувству зрѣнія послѣ столь утомительнаго пути по необозримымъ и однообразнымъ степямъ.

Понедѣльникъ, 16-е іюня. Что сказать объ Одессѣ? Городъ очень чистый, богатый и красивый: нельзя не восхищаться имъ. Деревянныхъ домовъ и соломенныхъ крышъ, по обычаю нашихъ городовъ, не существуетъ. Правильно распланированныя улицы вымощены гранитомъ и усажены въ два ряда, по обѣ стороны, копновидными акаціями; что придаетъ городу еще болѣе красоты и изящества и вмѣстѣ защищаетъ пѣшеходовъ отъ палящихъ солнечныхъ лучей; во многихъ мѣстахъ бьютъ ключемъ фонтаны и освѣжаютъ уставшихъ людей и животныхъ; тротуары до того широки, что могутъ идти по нимъ въ рядъ до 20-ти душъ; отлично устроенные водопроводы доставляютъ для питья отличную воду изъ Днѣстра и вмѣстѣ напаяютъ уличную и бульварную растительность. Въ городѣ очень много сыновъ Израиля. Вездѣ, почти на каждомъ шагу, и въ номерахъ, и въ лавкахъ, и во дворахъ, и на улицахъ вы встрѣтите еврея. Въ 8 часовъ утра я посѣтилъ ближайшія церкви—греческую во имя Св. Троицы и Покровскую. Въ греческой совершалъ утреню молодой священникъ—грекъ, въ камилавкѣ особаго устройства, верхушка которой устроена на подобіе раскрытаго зонтика; а читалъ и пѣлъ на клиросѣ настоятель оной—архимандритъ, съ бывшими въ церкви мірянами. Церковь богатая, со множествомъ огромныхъ хрустальныхъ люстръ; на престольныя облаченія изъ чистаго серебра съ литыми золочеными изображеніями страданій Спасителя по боковымъ сторонамъ престола. По правую сторону иконостаса стоитъ замѣчательной работы и

цѣнности балдахинъ, подъ коимъ покоится и хранится древняя дорогая плащаница; по лѣвую—въ придѣлѣ Трехъ Святителей—виднѣтся четырехугольная мраморная тумба, вышиною на аршинъ отъ полу, огражденная золоченою рѣшеткою, подъ которой покоились священные останки патріарха Константинопольскаго Григорія, повѣшеннаго турками въ день Пасхи и отданнаго потомъ евреямъ на поруганіе, которые, въ довершеніе своего неистовства надъ нимъ, привязавъ ему большой камень на шею, бросили въ море; но тѣло его всплыло и было привезено греками въ Одессу, гдѣ и положено подъ спудомъ въ сказанной церкви, подъ означенною тумбою. Потомъ, въ концѣ шестидесятихъ годовъ, по просьбѣ Ольги Константиновны, нынѣшней Эллинской королевы, съ согласія Русскаго правительства, оно перевезено въ Грецію, въ г. Аѳины. Теперь же, на память о покоившемся здѣсь патріархѣ-мученикѣ, на бывшемъ мѣстѣ его временнаго упокоенія, подъ стекляннымъ колпакомъ хранится его саккосъ, омофоръ, панагія, наперсный крестъ, похожій на нашъ священнический, и архіерейская митра, черная, безъ креста сверху. Вокругъ внутреннихъ стѣнъ церкви—по бокамъ, устроены сѣдалища для немощныхъ и каеэдра, чуть не подъ сводами храма, для чтенія евангелія и сказыванія проповѣдей.

Вечеромъ я ѣздилъ нарочито посмотреть на море, чтобы испытать, какое вліяніе произведетъ на меня его безбрежность и свирѣпость волнъ, и, признаюсь,—дѣйствіе потрясающее и ужасающее. Какъ я завидовалъ въ это время тѣмъ путникамъ, которые, побывавъ въ Палестинѣ, благополучно уже приставали къ родному берегу! А я!... что со мной будетъ? Удостоюсь ли опять видѣть свой край родной? Такъ, подумалъ я, и истинный христіанинъ—странникъ этого міра, «зря житейское море, водвизаемое напастей бурей», завидуетъ переселившимся въ родное горнее отечество и самъ горитъ желаніемъ скорѣе прійти къ оному!

Вторникъ, 17-е іюня. Въ этотъ памятный для меня день по отплытію отъ родныхъ береговъ къ Цареграду, я, желая помолиться Богу, зашелъ въ первый, случившійся на пути, храмъ. Каково-жъ было мое удивленіе, когда оный, по наружному виду казавшійся православнымъ, на самомъ дѣлѣ оказался латинскимъ! Въ немъ старикъ-ксендзъ, на одномъ изъ боковыхъ

престоловъ, втихомолку совершалъ миссу, а сидѣвшіе на скамьяхъ, кажется, не обращали никакого вниманія на совершавшееся священнодѣйствіе: одни—вперивши свои взоры въ новенькія скамьи, а другіе въ изящный переплетъ своихъ молитвенниковъ. По бокамъ храма, близъ стѣнъ, расположены около 10 исповѣдаленъ; надъ дверьми нѣкоторыхъ изъ нихъ красовались надписи—«для италіянцевъ, для французовъ, для поляковъ», другія же титулованы по именамъ возсѣдающихъ въ нихъ о.о. исповѣдниковъ—патеръ Гіацинтъ, патеръ Станиславъ и пр. Храмъ, впрочемъ, величественный, и я, не обращая вниманія на папскихъ слугъ, преклонь колѣна, помолился невидимому главѣ всѣхъ исповѣданій христіанскихъ, Господу Іисусу: да благоуправитъ Онъ Милосердый мой путь къ мѣстамъ освященнымъ Его божественными стопами!

Здѣсь не лишнимъ считаемъ замѣтить, что свидѣтельство, выданное на проѣздъ за границу отъ мѣстнаго губернатора, обмѣнивается на заграничный паспортъ, для чего необходимо подать прошеніе на имя градоначальника пограничнаго города, съ приложеніемъ прежняго документа и квитанціи изъ мѣстнаго казначейства объ уплатѣ денегъ за имѣющій быть выданнымъ новый документъ; что лучше всего, для избѣжанія задержки, дѣлать за нѣсколько дней раньше отхода парохода. Получивши заграничный паспортъ, слѣдуетъ предъявить его сейчасъ въ Турецкомъ консульствѣ и, для скорѣйшаго визированія, положить въ самый документъ златолюбивому турку 1 р. 50 к. денегъ; потомъ, за два часа до отплытія парохода, заpastись класснымъ билетомъ въ агентствѣ. Пассажиры, желающіе занять мѣсто въ 1-мъ классѣ, уплачиваютъ отъ Одессы до Яффы 93 р. сереб., во 2-мъ—67 руб. и въ 3-мъ—15 руб. сереб.,—въ одинъ конецъ *). Хотя въ послѣднемъ классѣ и дешево, но ѣхать въ немъ не совѣтую и своему врагу: такъ тяжелы невзгоды, претерпѣваемые въ немъ отъ солнца, отъ дождя, и отъ людей, и отъ насѣкомыхъ. Заручившись билетомъ, умѣstнѣе всего сейчасъ-же занять по нему мѣсто, чтобы впослѣдствіи, при многолюдствѣ, не пришлось бѣдствовать, валяясь, вмѣсто коекъ, по скамейкамъ и по полу, хотя бы то и во 2 классѣ.

*) Благодаря заботливости Православнаго Палестинскаго Общества плата на пароходахъ для богомольцевъ за мѣста теперь уменьшена почти на половину въ оба конца.

Едва я успѣлъ выхлопотать заграничный паспортъ и пароходный билетъ, сейчасъ-же и отправился къ пристани, гдѣ и помѣстился на пароходѣ, который оказался русскимъ, съ именемъ «Александръ II». Въ этомъ я узрѣлъ явное знаменіе бодрствующаго надо мною промысла Божія, вручившаго меня покровительству тезоименитаго мнѣ святаго; такъ какъ одного русскаго пароходнаго общества плаваютъ въ водахъ Чернаго и другихъ смежныхъ морей до 90 экземпляровъ разныхъ наименованій. Въ 4 часа пополудни мы, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, отправились въ открытое море. Сначала море нѣсколько часовъ волновалось, что послужило источникомъ для картины весьма грустной: душъ до 150 разомъ, точно по командѣ, преусердно рвали до жолчи чуть не до полуночи, а потомъ судорожно стонали,—то ахая, то охая, относясь съ злобною апатіею ко всему окружающему, даже къ роднымъ малюткамъ, добывавшимся привычной материнской ласки.

Среда, 18-е іюня. Море тихо до неподвижности, и пароходъ нашъ, какъ орелъ, идетъ богатырскимъ ходомъ, невольно возбуждая этимъ и въ сѣдокахъ чувства веселья и довольства своимъ положеніемъ; только дельфины то-и-дѣло-что выпрыгиваютъ на водную поверхность и, своимъ неимовѣрно быстрымъ бѣгомъ—въ парѣ съ пароходомъ, какъ бы силятся конкурировать съ нимъ въ бѣгу; а смѣлыми и вмѣстѣ смѣшными эволюціями—позабавить и расшевелить нѣкоторыхъ угрюмыхъ и не словоохотливыхъ путниковъ.

Четвергъ, 19-е іюня. Съ разсвѣтомъ стали виднѣться предмѣстья Царь-Града, и мы въѣхали въ Константинопольскій проливъ, при началѣ котораго, по бокамъ, сторожатъ на значительной высотѣ два маяка. Вдоль береговъ по обѣимъ сторонамъ за рощами виднѣлись дома самой причудливой архитектуры, въ томъ числѣ и нашего посольства, и дворцы султана, которыхъ насчиталъ я въ разныхъ мѣстностяхъ города, простирающагося въ длину на 37 верстъ, числомъ не менѣе 20-ти, устроенныхъ въ чисто европейскомъ вкусѣ, на самыхъ очаровательныхъ мѣстахъ по холмистымъ берегамъ пролива. Глубина самага пролива довольно значительна,—болѣе 20-ти сажень, а Чернаго моря до 500 сажень, какъ утверждалъ капитанъ корабля. Проѣхавъ около 12-ти верстъ городомъ, мы стали на якорь противъ русскаго

пароходнаго агенства, въ числѣ прочихъ неисчислимыхъ судовъ и пароходовъ;— это было въ 7 часовъ утра при погодѣ самой тихой и благопріятной. Едва мы стали на мѣстѣ, какъ со всѣхъ сторонъ бросились къ намъ наперерывъ лодочники—турки, и, какъ кошки, хватаясь крючьями за бортъ запертаго парохода, вскакивали въ оный, насильно хватая изъ рукъ наши сакъ-воляжи и, каждый, зазывая на свой кайкъ; а по спускѣ трапа такая масса этихъ людей нахлынула на пароходъ, что ихъ оказалось болѣе, нежели пароходной публики, и давка сдѣлалась невыносимою. Мы, т. е. я и двое моихъ спутниковъ, предположили прямо съ парохода отправиться осмотрѣть столицу Турціи и, по возможности, что нибудь имѣющее интересъ въ какомъ либо отношеніи, а главнѣе христіанскія святыни. Нанявши лодочника до берега за три лева (20 коп. нашихъ), мы сначала осмотрѣли Азіатскій базаръ: чего только на немъ не было! И плоды тропическихъ странъ—абрикосы, персики, гранаты,—и произведенія нашей умѣренной полосы—кукуруза, картофель, редиска и пр. Улицы въ базарѣ,—а базаромъ можно назвать весь К—ль,—узки—до 5 шаговъ ширины, кривы, безобразны и, при своей тѣснотѣ, такъ запружены народами разныхъ націй, что нѣтъ возможности идти прямо, а нужно пробираться бокомъ; а смѣшанный, оглушительный крикъ и язвительный визгъ продающихъ и ихъ нечистоплотность одуряютъ васъ до тошноты; не менѣе поражаетъ и оскорбляетъ непривычный глазъ Европейца отвратительная нечистота улицъ, на которыя безъ зазрѣнія совѣсти бросаются изъ оконъ всякія остатки отъ завтрака и обѣда, выносятся изъ домовъ и льется всякая зловонная жидкость и валяется безъ запрету всевозможная падаль, такъ что весь К—ль, въ этомъ отношеніи, можно сравнить съ огромною помойною ямою. А что всего оригинальнѣе, такъ это то, что на ряду съ богатымъ магазиномъ ліонскихъ кружевъ и бархата торчитъ или оборванная лавчонка торговца старыми поношенными сапогами и башмаками, или же конура мясника, пропитанная насквозь промзглымъ запахомъ отъ разлагающихся барановъ, на которыхъ успѣлись цѣлыя міриады насѣкомыхъ, отъ которыхъ въ свою очередь нѣтъ отбоя снующему взадъ и впередъ люду. А потому путешествующему ради удовольствія совѣтуемъ лучше всего, нанявъ кайкъ часовъ на 6, покататься вдоль пролива и остановиться своимъ вниманіемъ на этихъ нагроможденныхъ одинъ на другой 3-хъ и 4-хъ

этажныхъ деревянныхъ домахъ, самой причудливой архитектуры; на этой сплошной зелени садовъ, парковъ, аллей, сквозь которыя сверкають бѣлораморныя стѣны кіосковъ, вильпаоновъ, мечетей съ окружающими ихъ стройными минаретами; на эти величаво-красивые, вѣчно зеленѣющіеся гигантскіе кипарисы, смотрящіеся въ тихую гладь пролива, и многое другое... а потомъ, взявъ билетъ, ѣхать себѣ съ Богомъ, куда нужно. По крайней мѣрѣ, сохранить онъ тогда въ памяти одни дивныя картины, созданныя природою и искусствомъ, а не образъ повалпеннаго гроба, который внѣ уду кажется изящнымъ, а внутри уду полонъ смрадныхъ костей и всякой нечистоты.

Возбудивъ къ себѣ почему то, хожденіемъ по улицамъ, нескромное любопытство въ турецкихъ сердцахъ, мы наняли одноконную карету, по 1 рублю въ часть, и отправились въ Европейскую часть Константинополя по дрянному мосту, за проѣздъ чрезъ который взяли съ насъ 30 к. с. Проводникъ нашъ, Смирнскій грекъ, завезъ насъ въ вычурно-архитектурную магометанскую часовню, гдѣ покоятся смертныя останки царствовавшихъ султановъ. Получивъ отъ насъ за входъ, съ каждаго лица по 60 к. и за туфли по 20 к., насъ ввели въ великолѣпный залъ, предварительно наложивъ на наши сапоги турецкія туфли. Здѣсь нашимъ взорамъ представились великолѣпныя гробницы, покрытыя богатыми, шитыми золотомъ, покрывами и огражденные золочеными рѣшетками, возлѣ которыхъ, въ подсвѣчникахъ, стояли огромныя восковыя свѣчи, пудовъ по 30; посреди часовни висѣла замѣчательной величины хрустальная люстра, а по бокамъ, на раздвижныхъ табуретахъ, необыкновенно искусно отдѣланныхъ изящными узорами перламутра, покоились на бархатныхъ подушкахъ древнія книги корана, тисненныя огромными золотыми буквами, и стояла чалма султана Абдуль-Азиса, цѣнямая во сто тысячъ турецкихъ лиръ. Въ отдѣльной боковой комнатѣ, простой, безъ всякаго убранства, покоится прахъ прочихъ принцевъ; а во дворѣ часовни—знаменитыхъ министровъ—султанскихъ любимцевъ.

Далѣе намъ предложили посѣтить то мѣсто, гдѣ, по преданію, покоится прахъ благоговѣнно чтимаго греками, Императора Византійскаго Константина Палеолога XI. Идучи сюда, мы предполагали видѣть на могилѣ государя пышный мавзолей. Но каково же было наше удивленіе, когда повели насъ по мѣстамъ, засыпаннымъ вся-

каго рода соромъ, и на самомъ отвратительнѣйшемъ мѣстѣ одинъ турокъ иронически указалъ мѣсто погребенія героя. При этомъ проводникъ объяснилъ, что прежде надъ прахомъ Палеолога красовался приличный памятникъ, устроенный усердіемъ христіанъ, и постоянно горѣла неугасимая лампада; но правовѣрные мусульмане,—боясь, чтобы греки подобными внѣшними знаками не обезсмертили дорогаго имени своего героя-государя—купивъ дорогою цѣною мѣсто его вѣчнаго покоя, надгробный памятникъ разобрали до основанія, и въ поруганіе сваливаютъ и выливаютъ сюда всякую нечистоту. Одинъ изъ сопровождавшихъ насъ мусульманъ, заключивъ почему-то, что мы сомнѣваемся въ истинности этого разсказа, съ дикою радостію, засучивъ рукава, вмигъ бросился расгребать руками, наваленный болѣе аршина, соръ и, достигши своей цѣли, показалъ намъ основаніе бывшаго на этомъ мѣстѣ памятника. Турки, работавшіе въ мастерскихъ, завидѣвъ насъ на этомъ мѣстѣ, побросавъ работы, начали опрометью сбѣгаться къ намъ, такъ что въ двѣ—три минуты составилъ около насъ кружокъ душъ во сто, съ восклицаніями: «а, Московъ, Московъ!» Это насъ нѣсколько встревожило и напугало, тѣмъ болѣе, что вся эта буйная толпа съ неистовымъ хохотомъ повалила за нами, такъ какъ проводникъ нашъ повелъ насъ къ виднѣвшемуся невдали надгробному обелиску, при обзорѣ котораго онъ разсказалъ намъ слѣдующее: «Турки для того, чтобы вовсе отвлечь вниманіе христіанъ отъ мѣста погребенія Константина, устроили надъ могилою Мавра, убившаго этого государя, памятникъ, во всемъ похожій на разрушенный ими прежде надъ гробомъ государя; въ нишѣ памятника повѣсили фонарь съ лампадою, чтобы приходящіе поклониться праху Константина христіане воздавали такимъ образомъ, къ ихнему удовольствію, хотя ошибочно и наружно, почетъ не тому, кому они на самомъ дѣлѣ хотѣли воздать оный, а заклѣтому врагу христіанъ, мусульманину мавру».

Поклонившись праху христіанскаго императора, мы поѣхали въ 1-мъ часу дня въ дворцовую контору, чтобы выхлопотать фирманъ султана на осмотръ мечети — «Ая Софі», бывшей нѣкогда православнымъ храмомъ св. Софіи—Премудрости Божіей и достали, заплативъ за оный по 10-ти рублей серебромъ съ персоны. При впускѣ въ мечеть муллы требовали, чтобы мы поснимали сапоги и шли бы босыми ногами. Это

сильно оскорбило меня: я ни за что не соглашался снимать сапоги и, требуя назадъ деньги, хотѣлъ воротиться назадъ, хотя мои спутники стояли уже босыми и готовились идти впередъ. Видя мою рѣшимость, и не желая лишиться 10-ти рублеваго бакшиша, турки предложили мнѣ надѣть на сапоги ихнія туфли, и мы отправились. При входѣ въ мечеть, мы такъ были поражены внутренностію, что долго, долго стояли въ изумленіи и оцѣпенѣніи, и едва удержались отъ слезъ, видя поруганіе отъ атарянъ надъ такимъ величественнымъ и священнымъ зданіемъ, созданнымъ неусыпными трудами и умѣньемъ Императора Іустиніана, въ которомъ столько вѣковъ возносила безкровная жертва преподобными руками толикаго сонма Богоносныхъ мужей. Трудно даже представить себѣ что-либо подобное видѣнному нами. Намъ и на мысль не входило, чтобы возможно было, при такой громадности зданія, такъ смѣло, такъ величественно, такъ гармонически, такъ поразительно для чувствъ создать внутренность храма. Недаромъ Русскіе послы - язычники, уполномоченные княземъ Владиміромъ для изслѣдованія достоинства различныхъ вѣроисповѣданій, побывавши въ этомъ святилищѣ, говорили: «По истинѣ тамъ Самъ Богъ обитаетъ и веселится съ людьми стоя въ немъ, мы думали, что стоимъ не на землѣ, а на небѣ». Да, и теперь этотъ храмъ, превращенный въ мечеть, лишенный церковнаго внутренняго благолѣпія и обезображенный мусульманами по свѣому, невольно возбуждаетъ въ душѣ молитвенный порывъ и умиленіе, а брѣнное тѣло клонить къ благоговѣйному поклоненію. Внутренній распорядокъ частей храма тотъ же, что былъ и во времена христіанскаго богослуженія; только главный входъ въ оный съ запада задѣланъ наглухо (а входятъ теперь боковыми южными и сѣверными дверьми). Затѣмъ притворъ, изъ котораго въ самый храмъ ведутъ 7 огромнѣйшихъ открытыхъ вратъ. Какъ согласишься на эту огромную длинную паперть (которая въ тѣ времена и должна была быть таковою), такъ сейчасъ и живописуется въ твоёмъ воображеніи эта масса разноплеменныхъ людей—оглашенныхъ, кающихся и пр., стоящихъ здѣсь то съ поднятыми вверхъ взорами и руками, то поникшихъ долу и колѣнопреклоненныхъ, то біющихъ въ перси своя и плачущихъ. Въ самой мечети многое напоминаетъ христіанскій храмъ; такъ: то отдѣленіе, которое у насъ называется алтаремъ, и у атарянъ имѣетъ такое же важ-

ное значеніе, и отличается отъ прочихъ возвышенностію (солеею), сохранившеюся отъ прошлыхъ временъ; гдѣ прежде было горнее мѣсто, тамъ теперь стоитъ какая-то мусульманская золоченая святыня, устройствомъ своимъ похожая на наши кіоты, съ турецкими надписями и изреченіями корана, а по бокамъ оной громадной величины—въ $2\frac{1}{2}$ сажени—восковыя свѣчи, такъ что мы приняли ихъ сначала за колонны; по правую сторону бывшаго алтаря, на томъ мѣстѣ, гдѣ была кафедра христіанскихъ проповѣдниковъ, теперь высится изящный балдахинъ, подъ сѣнью котораго мулла совершаетъ нѣкоторыя общественныя молитвы и наставляетъ правовѣрныхъ; на лѣвой сторонѣ, на значительной высотѣ—царское мѣсто, огражденное со всѣхъ сторонъ частой золоченой рѣшеткой—выше роста человѣческаго, такъ что находящихся тамъ трудно различить. Самый храмъ въ три яруса; въ первыхъ двухъ—помѣщается народъ, сюда и мы всходили, а въ третій—верхній никто не допускается изъ непосвященныхъ въ мусульманскія тайны. Освѣщается онъ болѣе нежели 200 люстръ различной величины и формъ, въ которыя вставлены разноцвѣтные стаканы. Воображаемъ, какое обаяніе можетъ произвести храмъ при такомъ фантастическомъ освѣщеніи. Полъ весь мраморный, покрытый дорогими цыновками, и содержится въ необыкновенной чистотѣ и опрятности.

Не смотря на все стараніе мусульманъ изгладить въ этомъ священномъ зданіи слѣды христіанства, усилія ихъ, пока, остаются тщетными, къ изумленію вѣрныхъ и невѣрныхъ и къ прославленію Бога, творящаго чудная. Такъ, въ куполѣ надъ алтаремъ явно видны черты лика Спасителя, благословляющаго народъ, хотя весь куполъ зазолоченъ и росписанъ турками по свѣму; равнымъ образомъ и въ другихъ мѣстахъ видно стараніе турокъ выскоблить изображеніе св. креста; но все таки на внутреннихъ стѣнахъ зданія во множествѣ весьма рельефно выдаются таковыя, а надъ средними входными дверьми изъ притвора во храмъ живо и всецѣло сохранилось изваянное изъ мѣди, раскрытое, Евангеліе съ греческимъ текстомъ, а надъ нимъ паритъ Духъ Святой. Кромѣ того, что особенно замѣчательно,—сѣверныя желѣзныя двери значительной величины и тяжести, коими насильственнымъ образомъ вломились турки въ храмъ, послѣ осады и взятія Константинополя, чтобы избить запершихся и молившихся въ храмѣ христіанъ, съ тѣхъ поръ

и до сего дне, такъ и остались открытыми. И какихъ средствъ не придумывали мусульмане къ закрытію оныхъ, всѣ ихъ усилія оставались и остаются напрасными, къ великому ихъ стыду и огорченію;—что и понудило ихъ сдѣлать впереди новыя малыя. Въ неподвижности прежнихъ вратъ мы сами лично убѣдились, пробуя пошевелить ихъ, но ничего не сдѣлали.

Далѣе, на правой сторонѣ храма, невдали отъ бывшаго алтаря, за колоннами на мраморной стѣнѣ, показывали намъ ясныя слѣды растопыренной человѣческой руки, и объяснили это такъ: когда турки, какъ выше было сказано, ворвались въ храмъ и, въ фанатическомъ изступленіи, рубили находившихся въ немъ на куски, то одинъ христіанинъ—грекъ, пораженный смертельно саблей, желая оставить по себѣ память мужественной защиты храма и своихъ собратьевъ, ударилъ окровавленную кистью руки по стѣнѣ, а саблей по близъ-стоящей мраморной колоннѣ, и знаки отъ первой—въ видѣ чернаго, какъ уголь, пятна съ пятью пальцами, а отъ послѣдней—въ видѣ шрама около двухъ четвертей длины—остались съ тѣхъ поръ неизгладимыми, не смотря на постоянное желаніе и заботливость турокъ объ уничтоженіи ихъ. Въ храмѣ не смотря на громадную величину его (въ немъ можетъ помѣститься до 30 тысячъ народа) и значительную высоту (аршинъ до ста), акустика поразительная: въ какомъ бы углу его ни было что сказано самымъ умѣреннымъ голосомъ—слышится вездѣ; мозаика во многихъ мѣстахъ поопала уже, и намъ мулла за деньги предложилъ нѣсколько кусочковъ оной, что мы приняли съ несказанною радостію. Около южныхъ дверей во внутренности храма находится колодезь для мусульманскихъ омовеній, устье котораго, по преданію, заграждено крышкой, взятой отъ студенца Іаковля, возлѣ котораго Спаситель бесѣдовалъ съ Самарянкой о живой водѣ. При посѣщеніи нашемъ мечети, были въ ней и молившіеся мусульмане, изъ коихъ нѣкоторые, вѣроятно, уставшіе отъ усиленной фанатической молитвы, обыкновенно сопровождаемой постоянной жестикулировкой,—присѣданіемъ на корточки, поклонами, цѣлованіемъ земли и восклоненіемъ безъ пособія рукъ,—разложивши здѣсь-же тюфяки и подушки, безмятежно наслаждались глубокимъ сномъ.

Чтобы кратче, нагляднѣе и вѣрнѣе охарактеризовать достоинство архитектуры, богатство матеріала и изящность внутренней отдѣлки этого храма, достаточно при-

вести на память слова султана, покойнаго Абдуль-Азиса, сказанныя имъ при разговорѣ съ одною особою и переданныя намъ: «если бы, сказалъ онъ, всю эту мечеть снизу до верху наполнить золотомъ, и тогда бы я не могъ имѣть такого грандіознаго зданія, какъ эта мечеть». Выходя изъ св. мѣста, нынѣ попираемаго безбожными агарянами, мы невольно припомнимъ слова Живущаго въ нерукотворенныхъ храмахъ: «жалость Дому Твоего снѣсть Мя», и съ грустью въ сердцѣ оставили этотъ знаменитый памятникъ временъ христіанства и владычества эллиновъ.

Отсюда часа въ два дня мы отправились въ часовню Успенія Божіей Матери. Монахъ грекъ, ничего особеннаго не могшій намъ объяснить, сказалъ, указывая на углубленіе въ стѣнѣ: «вотъ здѣсь явилась бѣлая икона Успенія Божіей Матери, а здѣсь—(въ это время глазамъ нашимъ представилось круглое, въ діаметрѣ не болѣе аршина, отверстіе въ дикомъ широкомъ камнѣ, до краевъ наполненное прекрасною холодною водою)—обрѣтена меньшая икона того же названія,—на самомъ источникѣ». Обѣ иконы грубой работы, на деревянныхъ доскахъ безъ всякой отдѣлки, повѣшены на стѣнкахъ часовни и такъ ограждены желѣзными прутьями, вѣроятно во избѣжаніе разграбленія, что нельзя къ нимъ прильнуть устами. Бѣдность часовни поразительная; да и сама она есть не что иное, какъ сырой подвалъ, устроенный узкимъ корридормомъ, въ которомъ врядъ можетъ стать не болѣе 3-хъ душъ, и весьма напоминаетъ собою древнія христіанскія катакомбы. Испивъ отъ чудесной воды, омочивъ оною чело и перси и возжегши предъ иконами чуть не сальные свѣчи, за которыя монахъ-грекъ взялъ съ насъ баснословную цѣну, мы со скорбію вышли изъ оной.

Далѣе, мы отправились къ мѣсту явленія Божіей Матери св. Андрею и Епифанію подъ сводами Влахернскаго храма. Здѣсь грубость, невнимательность и разсѣянность приставленныхъ монаховъ оскорбляютъ св. чувство. Они насъ ввели въ небольшую и бѣдную церковь, по наружному виду похожую на обыкновенный домъ, въ которой указали намъ бассейнъ чудной ключевой воды, цѣлящей отъ разныхъ недуговъ всѣхъ черплющихъ, кропящихся и пьющихъ отъ нея съ вѣрою;—какое утѣшеніе и мы возжелали получить, изливъ св. воды на главу и перси своя. Такъ какъ у грековъ день Покрова Божіей Матери не празднуется вовсе, то у

нихъ нѣтъ и иконъ этого священнаго событія; а намъ отъ души желалось на самомъ мѣстѣ онаго поклониться лику Богоматери: грекъ-монахъ, по нашей просьбѣ—розыскивая оный, небрежно указавъ на одну икону, сказалъ: «а вотъ, не эта ли? Русска бабъ принёсъ, а намъ грекъ такихъ нѣтъ нужно». Къ нашему утѣшенію, дѣйствительно эта икона оказалась искомою,—суздальской работы, и мы со умиленіемъ преклонились предъ ней. Протоіерей Дюковъ въ своемъ описаніи (стр. 14) говоритъ, что ему на хорахъ этой низенькой церкви греки указывали мѣсто, гдѣ стояла Богоматерь и осѣняла народъ своимъ омофоромъ. Но подобное могли сказать только греки—невѣжды, и вѣрить имъ не слѣдовало; тѣмъ болѣе, что изъ преданія всѣмъ намъ вѣдомо, что Божія Матерь не стояла во время явленія своего во храмѣ на чемъ-либо твердомъ, напр., хотя бы и на площадкѣ хоръ,—а она явилась на воздухѣ, подъ высокими сводами давно несуществующаго обширнаго Влахернскаго храма. Теперешній миниатюрный, въ вышину комнаты, составляетъ только двадцатую долю прежняго, какъ увѣрялъ насъ грекъ, а остальное мѣсто занято садомъ, постройками и завалено во многихъ мѣстахъ мусоромъ. Противъ сѣверныхъ алтарныхъ дверей, возлѣ стѣнки, подъ стекляннымъ колпакомъ, намъ небрежно показывали частицу мощей св. великомученика Пантелеимона, нижнюю челюсть св. преподобномученицы Евдокіи, одно изъ ребръ мученицы Татіаны и головной черепъ въ серебряномъ вѣнцѣ патріарха Григорія. Поклонившись и симъ святынямъ, мы вышли изъ храма съ грустью въ сердцѣ о запустѣніи столь священнаго историческаго мѣста. Грусть сію еще болѣе усугубилъ въ насъ молодой монахъ грекъ, который, провожая насъ изъ церкви, закурилъ папирску на самыхъ дверяхъ оной. Отсюда проѣздомъ къ пароходу, мы для своего продовольствія купили вишень, абрикосовъ и грушъ. Послѣднія, судя по климату и мѣстности, очень дороги,—именно 35 к. сереб. за око (3 фунта). Возвратившись на пароходъ въ 4 часа вечера, мы долго любовались Цареградомъ и его отраженіемъ въ водахъ пролива при лучахъ заходящаго солнца; ночью же, при тихой погодѣ съ безчисленными зажженными огнями разныхъ цвѣтовъ, онъ казался чѣмъ-то волшебнымъ.

Пятница, 20-е іюня. (*) Въ этотъ день мы приглашены были съ парохода на Афонское подворье «Русикъ», недалеко отъ пристани, гдѣ русскіе монахи очень любезно насъ приняли. Здѣсь мы видѣлись и познакомились съ о. архимандритомъ Аеонскаго Пантелеимоновскаго монастыря Макаріемъ; личность очень умная, благообразная и въ высшей степени симпатичная. Въ мірѣ его фамилія была Сушковъ, извѣстный московскій богачъ; на его-то счетъ и куплено означенное подворье. За его-то избраніе въ игумены и возникла извѣстная распря между русскими и греческими насельниками св. Аеонской горы, кончившаяся послѣ долгихъ неурядицъ въ пользу его, при содѣйствіи нашего посла при Оттоманской Портѣ, дружелюбно къ нему расположеннаго за его отличныя качества души.

Въ 2 часа пополудни, по его же распоряженію, была собрана въ церковь братія подворья, куда и мы приглашены. По приходѣ нашемъ, изъ алтаря седмичнымъ іеромонахомъ торжественно изнесены были въ богатомъ серебрянномъ ковчегѣ частицы мощей св. Пантелеимона, и мы, при стройномъ пѣніи всѣми монахами величанія великомученику, съ умиленіемъ прикладывались къ онымъ, прося безмезднаго цѣлителя уврачевать и наши немощи тѣлесныя и душевныя. По удовлетвореніи жажды душевной, насъ пригласили утолить и тѣлесную алчбу довольно обильнымъ, вкуснымъ, хотя вмѣстѣ и простымъ, обѣдомъ, состоявшимъ изъ икры, красныхъ бураковъ съ андрикотами и редиски, потомъ изъ супа, артишоковъ, жаркого изъ рыбы кефалъ, довольно вкусной, и плодовъ персиковъ.

Въ 7 часовъ зазвонили къ вечерни,—пошли и мы къ ней въ числѣ прочихъ. Чтеніе монаховъ четкое, пѣніе гармоничное; только жара невыносимая, такъ что мы принуждены были стоять на террасѣ храма, съ высоты которой во всей красѣ, какъ на ладони, виднѣлся предъ нами весь Стамбуль. По окончаніи богослуженія, за слабостію іеромонаха, меня пригласила братія прочитатъ акаѣистъ Успенію Божіей Матери, что я и исполнилъ съ особымъ усердіемъ.

(*) Такъ какъ у мусульманъ пятница есть то же, что у насъ воскресный день, то мои товарищи, которымъ доложено было, что султанъ будетъ имѣть выходъ въ придворную мечеть для совершенія намаза, тотчасъ и отправились къ дворцу лицезрѣть его. Но не тутъ то было! Ихъ силою заставили удалиться съ замѣчаніемъ, что они не достойны взирать на повелителя правовѣрныхъ Падишаха—«избранника Господня, тѣла самаго Бога».

Суббота, 21-е іюня. Утро очаровательное. Аѳонскіе монахи пріѣхали провожать насъ. Ко времени выхода парохода набралось множество пассажировъ разныхъ націй; суета, крикъ и гамъ страшные. Послѣ двухдневной утомительной и донельзя надѣвшейся намъ выгрузки и нагрузки разнаго рода товаровъ, мы, наконецъ, въ 4 часа вечера двинулись изъ Константинопольскаго пролива въ Мраморное море, простирающееся въ длину на 100 миль. При выѣздѣ изъ перваго, глазамъ нашимъ представился затонувшій англійскій пароходъ, но, къ счастью другихъ ѣдущихъ, однимъ кончикомъ трубы дававшій знать о мѣстѣ своего нахожденія. Расказывали при этомъ, что капитанъ другого англійскаго парохода, шедшаго изъ Цареграда, обрадовавшись несказанно своему земляку, захотѣлъ поближе подвернуть къ нему, чтобы перекинуться однимъ—другимъ краснымъ словцомъ, и, по неосторожности, такъ неловко сдѣлалъ рейсъ, что ударилъ носомъ своего пегаса въ пароходъ своего друга и, разрѣзавши его чуть не пополамъ, сразу посадилъ на дно. Этотъ случай навѣялъ на насъ грустные и тяжелыя думы: когда бы и съ нами, въ продолженіе нашего далекаго плаванія, не случилось чего либо подобнаго. Обратившись вспять, лицомъ къ мѣсту Влахернской церкви, я мысленно произнесъ: «Радуйся, радости наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ!»

Недѣля, 22-е іюня. Съ восходомъ солнца, въ 5 часовъ, мы подѣхали къ Дарданеламъ—небольшое мѣстечко съ грозными старинными укрѣпленіями по обѣимъ сторонамъ Дарданельскаго пролива, въ которомъ живутъ и войска; есть здѣсь и русское консульство. Безъ остановки, почти на ходу корабля было выгружено тутъ нѣсколько тюковъ кавказской хлопчатой бумаги. Такъ какъ трапъ съ корабля не былъ спущенъ, а дарданельцамъ хотѣлось поторговать во что бы то ни стало, то многіе изъ нихъ, вооружившись смѣлостію и крючьями, были такъ ловки, что по нимъ вспрыгивали къ намъ черезъ бортъ, какъ бѣлки, и предлагали къ нашимъ услугамъ разныя закуски и товары, въ числѣ которыхъ наше вниманіе приковали къ себѣ особаго устройства узорчато-золоченные кувшины мѣстнаго производства, весьма дешевые—по 25 к. за штуку,—за которые у насъ, на Руси, торговцы взяли

бы, а потребители съ удовольствіемъ заплатили бы по 3 руб. сер. Пассажиры брали ихъ на расхватъ.

Первый часъ дня. Мы плывемъ темносиними водами Архипелага. На пути нашимъ глазамъ представляется множество разнаго вида и величины острововъ, изъ коихъ особенно выдающіеся Тенедось и Метелена, съ полуразрушенными древними укрѣпленіями и бойницами, замѣчательные по громадному вывозу изъ нихъ маслинъ, деревяннаго масла, гранатъ и пр. Къ Метеленѣ мы пристали въ два часа, здѣсь выгружались нѣкоторые товары и сажались новые путники; отсюда же явились къ намъ во множествѣ и продавцы мѣстныхъ произведеній, жители, большею частію греки,—народъ стройный, красивый, равно какъ и самый городокъ, расположенный у подошвы холмовъ на берегу моря, прелестенъ,—особенно его дачи, окруженныя масличными садами. Здѣсь живетъ и русскій консулъ. Съ этого мѣста климатъ становится замѣтно жаркимъ, а вода, чѣмъ ближе къ Смирнѣ, принимаетъ цвѣтъ болѣе и болѣе натуральный.

Эти строки я пишу въ 2½ часа дня, при страшной духотѣ на площадкѣ палубы 1-го класса, когда визави насъ, безцеремонно развалившись на шелковыхъ подушкахъ, лежитъ турецкій генералъ, окруженный многочисленнымъ штатомъ своихъ 17-ти бѣлораморныхъ женъ; пользуясь дремотою своего стоокаго аргуса, они, то и дѣло, что высовываютъ изъ подъ покрываль свои мертвецкія фізіономіи, какъ бы этимъ желая показать предъ прочими націями, что и они иногда имѣютъ свою свободную волю и тѣже людскія склонности и слабости. День хоть и воскресный, но на пароходѣ не видишь никакихъ признаковъ исключительности этого священнаго въ ряду прочихъ дня.

Мы приближаемся къ Смирнѣ. Небо постоянно ясно. Предъ нашими глазами,—то длинная нить холмовъ, совершенно голыхъ, то цѣпь горъ, какъ будто и невысокихъ и на недалекомъ отъ насъ разстояніи, а капитанъ увѣряетъ, что къ нимъ не менѣе 150 верстъ. Почва не производящая деревьевъ, а одни жалкіе кустарники, и то изрѣдка; а трава, если гдѣ и виднѣется, то она похожа на нашу тонконожку. Хотя въ лощинахъ замѣтны слѣды скошеннаго хлѣба, но земля не та рыхлая и мелкая, что у насъ, а большею частію—известнякъ и кремнеземъ.

Вотъ завиднѣлась и Смирна; но къ ней еще три часа пути. Поскучаемъ и потерпимъ и еще, еще варъ дня

и тяготу плаванія. Вотъ гора трехъ сестеръ; вотъ и гора двухъ братьевъ; а вотъ и предмѣстья Смирны такъ и плаваютъ въ роскошныхъ садахъ! А вотъ и она сама, чуть не европейская красавица! Бьетъ 9-ть часовъ вечера, и мы стали на якорь. Городъ при свѣтѣ огней поражаетъ и плѣняетъ чувство зрѣнія; воздухъ въ немъ здоровый, но климатъ очень жаркій. Это оттого, что онъ самъ въ котловинѣ, съ трехъ сторонъ окруженъ горами и освѣжается только западными вѣтрами. Въ каютѣ убійственная духота, насильно заставляющая не вовремя бдѣть и, противъ желанія, безразсудно роптать на знойную планету.

Понедѣльникъ, 23-е іюня. Восходъ солнца засталъ насъ бдящими, по прежнему, на площадкѣ парохода. Для прогнанія скуки и, отчасти, изъ любопытства мы отправились на шлюпкѣ въ городъ. Протоіерей Дюковъ въ своемъ описаніи (стр. 81) утверждаетъ, что у турокъ съ моря на берегъ не иначе можно выйти и особенно войти въ городъ, какъ чрезъ крѣпость и гауптвахту, гдѣ непременно спрашиваютъ «дишкири», т. е. паспорта. Это замѣчаніе не совсѣмъ вѣрно и подлежитъ поправкѣ. Такъ, въ Константинополѣ мы съ пристани пришли къ подворью «Русикъ» безъ всякаго спроса и предъявленія кому бы то ни было нашего «дишкири»; не видали такъ же никакой неизбѣжной крѣпости и гауптвахты; безъ лицезрѣнія таковыхъ же преградъ мы сошли на берегъ и даже вошли въ городъ Смирну; и, кстати замѣтить, не удостоились проходить чрезъ упомянутыя мытарства съ «дишкири» и въ другихъ турецкихъ городахъ, напр. Бейрутѣ, Яффѣ и др. Все зависитъ оттого, въ какое время, въ какой части города, въ какомъ уголкѣ пристани, кто, и съ кѣмъ высаживается на берегъ съ кайка; а также отъ присутствія при себѣ или отсутствія багажа. Но у насъ рѣчь о Смирнѣ. Городъ хотя и азіатскій, но все въ немъ напоминаетъ нашу родную Европу: и эти богатые и изящно устроенные магазины съ произведеніями рукъ парижанъ; и эти готическіе пассажи съ ліонскимъ бархатомъ и кружевами; и эти роскошные кофе-рестораны, биткомъ набитые италіанцами, нѣмцами, французами; и ихъ разноязычное болтанье, заглушаемое мелодическими звуками оркестра всесвѣтныхъ богемцевъ. Какъ выдающаяся мѣстная особенность — это обязательность для всѣхъ говора на французскомъ

языкъ, вслѣдствіе сложившихся въ пользу его обстоятельствъ. Онъ поэтому и преподается во всѣхъ мѣстныхъ школахъ (какъ мнѣ передавали), почти какъ главный предметъ. Еще и то, что вообще смирнскіе дамы и мужчины отличаются развязностію, ловкостію и щегольствомъ костюмовъ послѣдней европейской моды. Городскія улицы, хотя тѣсны, но чисты, исключая еврейскаго квартала; дома почти все каменные и, въ большинствѣ, правильной архитектуры; на рынкахъ избытокъ во всемъ, словомъ городъ—хоть куда;—только отнюдь не для неряшливыхъ турковъ;—и ему можно отдать во всякомъ случаѣ предпочтеніе предъ зловоннымъ Стамбуломъ. Какъ послѣдняя смирнская новость—это устройство желѣзной дороги близъ морского берега, прилегающаго къ городу, къ Эдесской желѣзнодорожной станціи. Изъ церковныхъ зданій, по массивности, высотѣ и зодчеству, выдается, особенно, греческій православный соборъ, устроенный на русскія деньги и въ русскомъ стилѣ, и одна изъ католическихъ церквей. Дешевизна шелковыхъ матерій, обуви, смирны и пр. заставила многихъ путниковъ усугубить свой багажъ; и мы, по совѣту бывалыхъ, запасшись соломенными бѣлыми шляпами съ такого же цвѣта тюрбанами и зонтиками, необходимыми орудіями для самозащиты отъ палящихъ лучей палестинскаго іюньскаго солнца, возвратились на пароходъ.

Въ 4 часа пополудни мы отъѣхали отъ береговъ Смирны при благопріятной погодѣ. Но чрезъ часъ времени усилился вѣтеръ, который, впрочемъ, до времени для насъ былъ благодѣтеленъ, такъ какъ умѣрялъ дневной жаръ. Ночью я сильно заболѣлъ воспаленіемъ желудка, вѣроятно оттого, что, послѣ употребленія персиковъ, напился свѣжей воды; но скипидаръ, всегда находящійся при мнѣ, нѣсколько успокоиваетъ мучительныя желудочныя спазмы. Большое и тяжелое для меня испытаніе въ дорогѣ! По неволѣ и съ грустью я задаю себѣ вопросъ: «доѣду ли я до мѣста чаянія души моей, Іерусалима?» А вѣдь еще нужно ѣхать 7 дней! Вода въ Архипелагѣ до острова Хіоса, котораго однаковъ за ночнымъ временемъ хорошо не разсмотрѣли,—темносиняя.

12 часовъ ночи, а я еще и не смыкать глазъ. Причиною этому не одна моя болѣзнь и томительная неизвѣстность исхода оной, но и непрошенныя жестокіе и кровожадные каютные хозяева, которыхъ непріятно называть по имени.

Вторникъ, 24-е іюня. День очень знойный. Боль желудочная уменьшилась, но ослабленіе силъ чрезвычайное. Ёдемъ все вдоль различныхъ безжизненныхъ и безлюдныхъ острововъ, изъ коихъ на одномъ, въ прибрежномъ ущельи, подъ природными сводами, указывали намъ мѣсто подвиговъ одного дивнаго отшельника, подвизающагося здѣсь уже нѣсколько лѣтъ. Надъ этимъ мѣстомъ растетъ роскошное дерево, посаженное его же руками, жизненность котораго, по всей вѣроятности, поддерживается его денно-ночными молитвенными слезами, такъ какъ на всемъ островѣ не видно никакой растительности. Питается онъ подаваніемъ отъ мелкихъ судовъ, пристающихъ по временамъ къ берегамъ его, по данному имъ знаку.

Скалы острововъ необыкновенно распалены солнечными лучами, такъ что отъ нихъ пышетъ, какъ отъ огненной печи, и поверхность ихъ застлана дымомъ или въюгою, точно послѣ пожара. Около 9 часовъ вечера мы прибыли къ острову Родосу. Городъ, расположенный на берегу его, довольно красивъ; между зданіями вездѣ виднѣются деревья и зелень. Семь турецкихъ мечетей и одинъ православный храмъ; но особенно много круглыхъ, на подобіе улья, каменныхъ мельницъ,—мы насчитали ихъ до 25. На развалинахъ колосса родосскаго устроенъ отличный маякъ; самый городъ со стороны моря довольно укрѣпленъ. Островъ изобилуетъ ослами, которые отсюда вывозятся въ разныя мѣстности въ великомъ множествѣ. На мѣстѣ они продаются по 2 руб. сереб., а въ Іерусалимѣ восходятъ до 60 р. сереб. за экземпляръ.

Среда, 25-е іюня. Мы вступили въ Средиземное море, по одну сторону котораго, именно—по лѣвую, вдоль тянутся необитаемые острова. День очень знойный. Арбузы, дыни, персики, абрикосы и виноградъ уже поспѣли, и намъ подавали ихъ за столомъ,—что доставило многимъ велие утѣшеніе.

Все время море было покойно, но съ полночи подулъ сильный западный вѣтеръ; пароходъ начало сильно качать, и я, проснувшись, не могъ уже болѣе сомкнуть глазъ. Ревъ моря наводитъ ужасъ, а грохотъ волнъ, то разбивающихся о корабль, то перебрасываемыхъ силою вѣтра выше пароходной трубы,—при чемъ онъ и стонетъ и визжитъ словно человѣкъ,—заставляетъ ежеминутно опасаться за свою жизнь: я три раза не-

много не слетѣлъ съ койки, и спасенъ отъ калѣчества только постельными перегородками; ходить же по каютѣ нѣтъ никакой возможности. Многихъ, въ томъ числѣ и турецкаго доктора, начало тошнить и сильно рвать, вслѣдствіе чего послѣдній служилъ предметомъ насмѣшекъ и остротъ до самой Яффы. У меня же только въ желудкѣ что-то мозолило. Такимъ образомъ качало пароходъ до 12 часовъ слѣдующаго дня.

Четвергъ, 26-е іюня. Всѣ пассажиры отъ качки и послѣдствій оной въ уныніи; на пароходѣ царитъ мертвая тишина, какъ будто на немъ нѣтъ ни одного живаго существа. Страшныя тучи нависли надъ скалистыми возвышенностями; сверкаетъ молнія; слышится громъ, и виднѣется вдали, спустившійся полосой, обильный дождь; далѣе тянется амфилада конусообразныхъ горъ. Однѣ изъ нихъ на третью часть закрыты облаками, поверхность коихъ отбѣлена играющими лучами полуденнаго солнца, которые постоянно, преломляясь въ нихъ, рисуютъ привлекательную картину, неуловимую никакою фотографіею; а другія—покрыты вѣчными снѣгами, къ которымъ такъ и полетѣлъ бы схватить хотя маленькій комокъ снѣга для освѣженія физическихъ силъ, ослабленныхъ знойною атмосферою.

Въ 12 часовъ дня мы пристали къ острову Мерсинѣ, довольно живописному, отъѣненному прекрасною растительностію, которой мы давно уже не встрѣчали. Это пріятнымъ образомъ повліяло на наши чувства, утомленные однообразіемъ пароходной жизни и скучнымъ плаваніемъ по зыбкой стихіи. Мерсина—небольшой *хуторокъ*, состоящій не болѣе какъ изъ 30 домовъ; но обитателямъ ихъ живется весьма недурно; ибо жирныя луговыя пажити и длинныя гряды посѣянныхъ бакчей и другихъ южныхъ растеній даютъ имъ обильную дань. Кстати замѣтить, что плаваніе отъ острова Хіоса и почти до Мерсины—самое опасное, и рѣдко обходится безъ приключеній. Ночь была тихая и покойная, и мы простояли на якорѣ до 8-ми часовъ утра.

Пятница, 27-е іюня. Утро превеликолѣпное; вода не шелохнетъ; воздухъ чистъ и прозраченъ, и дышется легко. Но настроеніе духа самое грустное, хотя, благодаря пароходному доктору, мнѣ сдѣлалось лучше. Около 5-ти часовъ вечера мы стали на якорь въ одной верстѣ отъ Александры, которая не что иное, какъ небольшой

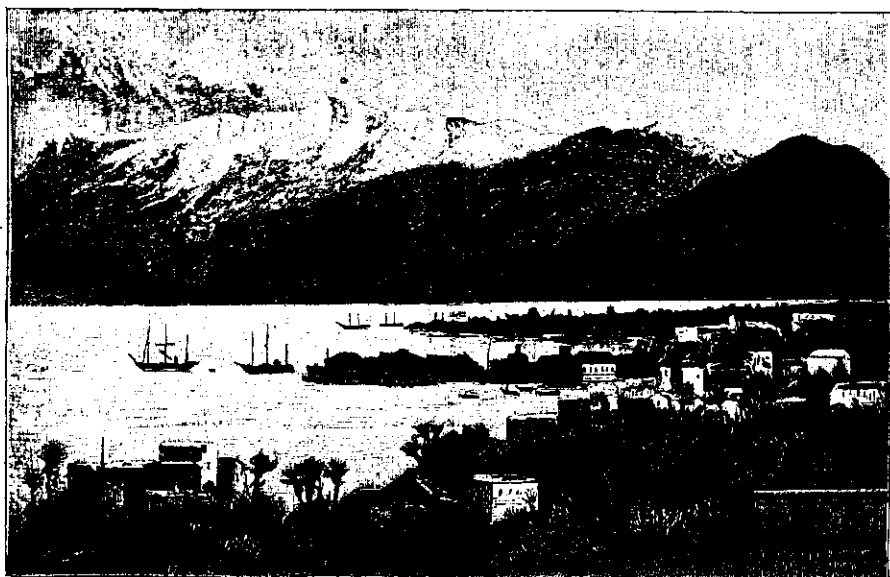
посёлокъ, состоящій изъ десятка домовъ, обладатели коихъ—арабы всё принадлежать къ фанатическимъ послѣдователямъ Магомета, и живутъ разбоемъ. Въ 12-ти верстахъ, какъ говорилъ капитанъ парохода (хотя намъ показалось не болѣе 2-хъ верстъ), виднѣются два каменныхъ столбика, которыми обозначено мѣсто, гдѣ китъ, по повелѣнію Божию, выбросилъ пр. Іону. Никогда не видя вблизи облаковъ, странно мнѣ было смотрѣть, какъ они выходили изъ ущелій близъ-лежащихъ горъ и группировались въ нашихъ глазахъ, то разстилаясь, то сжимаясь, то разбиваясь на нѣсколько слоевъ, изъ коихъ нѣкоторые были такъ непроницаемы, какъ и самыя скалы, и поверхъ оныхъ скользили солнечные лучи. Съ Александреты прибавилось множество пассажировъ въ 1-мъ классѣ; они цѣлую ночь не давали мнѣ покоя. Съ якоря снялись въ 8 часовъ вечера.

Суббота, 28-е іюня. Нашъ пароходъ, завидѣвъ издали идущій русский же пароходъ изъ Египта, бросилъ якорь, чтобы узнать отъ капитана онаго, что дѣлается въ Сиріи, и нѣтъ ли какихъ особенныхъ новостей морскихъ и распоряженій турецкаго правительства въ виду развивающейся тамъ холеры. Подошедшій пароходъ звался Владиміромъ; капитанъ его объявилъ, что Блистательная Порта на дняхъ издала приказъ объ учрежденіи двѣнадцатидневныхъ карантинъ въ Смирнѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ въ таковыхъ будетъ настоять необходимость, и запретила впредь до сентября мѣсяца перевозъ русскихъ поклонниковъ изъ Одессы въ Палестину. Это неожиданное и до-нельзя прискорбное извѣстіе, какъ варомъ насъ обдало: вмигъ напалъ на всѣхъ столбнякъ; воцарилась гробовая тишина, закончившаяся сдерживаемымъ рыданіемъ въ нѣкоторыхъ уголкахъ пятидесяти-саженного экипажа.

«О, горе намъ грѣшникамъ! Отъ Бога наказуемы за помышленія на злая по вся дни, лишаемся Его милостей», подумали мы. «Не посрами Всемогушій и Благій нашего душевнаго чаянія въ будущемъ!»

Воскресенье, 29-е іюня. Въ 6 часовъ утра, въ день, посвященный памяти св. первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, мы прибыли въ Лотокию. Городъ расположенъ между прекрасными фиговыми и масличными садами, съ одною православною церковію и многими полуразрушенными древними замками, между коими

указывали намъ на тотъ, въ которомъ заключена была и томилаь царица Тамара. Здѣсь нагружено было множество барановъ, отличающихся отъ нашихъ огромнымъ ростомъ и одномастною рыжеватою шерстью. И дались же знать эти бараны третье-класснымъ пассажирамъ! Такъ какъ первые были расквартированы между послѣдними и ихъ багажемъ, то очевидно, что ни одному изъ нихъ нельзя было все время и думать о покоѣ и неприкосновенности своего «калабалика» (*). А турки нарочито, въ насмѣшку, то-и-дѣло-что пугали этихъ бессмысленныхъ животныхъ, которыя всею массою

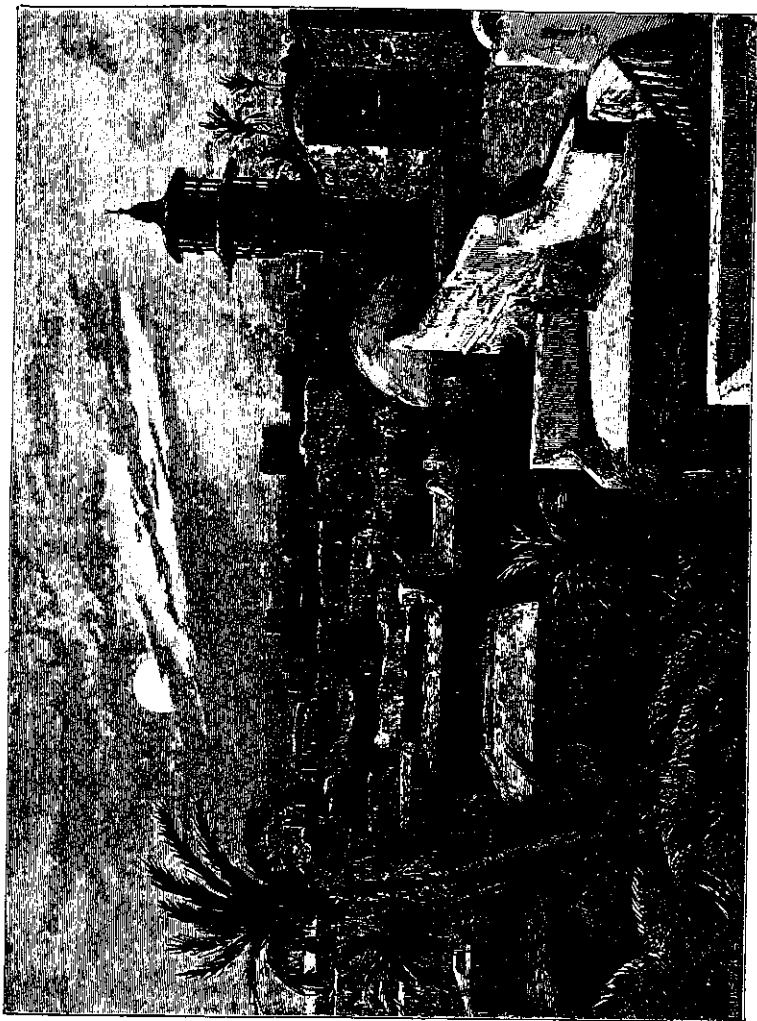

Городъ Бейрутъ.

напирали на сидящихъ и лежащихъ на полу палубы. Только одна любовь къ Спасителю и святое желаніе видѣть и поклониться мѣстамъ, освященнымъ Его Божественными стопами, могла заставить терпѣливо нести этотъ своего рода странническій крестъ. Черезъ четыре часа мы снялись съ якоря и благополучно продолжали путь до Триполи; при чемъ испытывали жаръ и духоту нестерпимые. Когда мы стали на якорь, часовая стрѣлка показывала четыре часа пополудни. Городъ небольшой, чисто восточный; здѣсь живутъ арабы, въ числѣ которыхъ есть много православныхъ.

(*) .Т. е. багажа.

Понедѣльникъ, 30-е іюня. Въ 6 часовъ утра мы подѣхали къ городу Бейруту, довольно обширному, со многими красивыми европейскими постройками, особенно въ новой части онаго, гдѣ трудами, кочевавшихъ тутъ, французскихъ солдатъ разведены роскошные сады и устроено по-за городомъ покойное шоссе по пути въ

Сидонъ при лунномъ свѣтѣ.

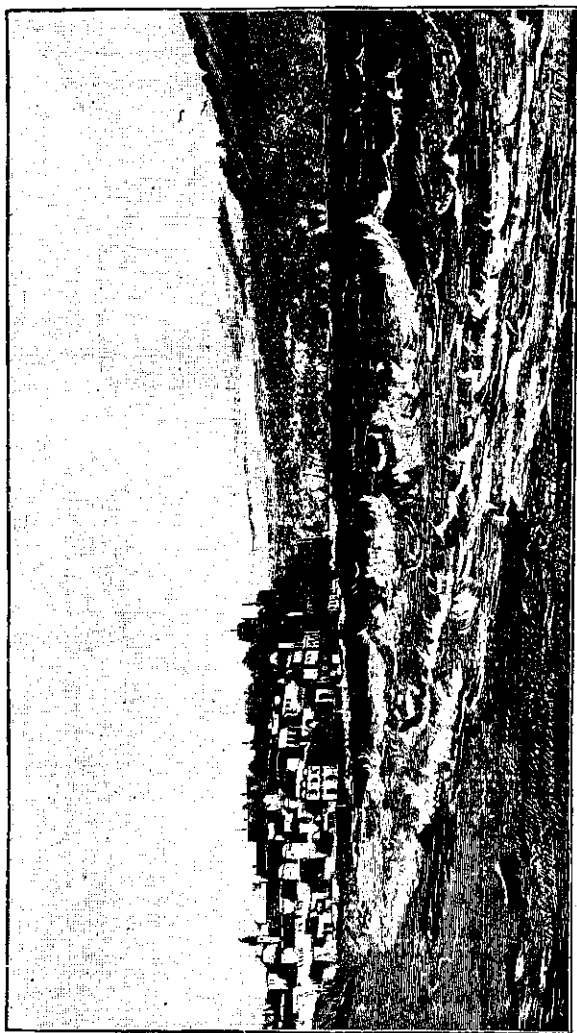
Дамаскъ,—на протяженіи 12 верстъ,—съ прекрасными боковыми аллеями тутовыхъ и другихъ деревьевъ, которыя съ особою охотою и удовольствіемъ посѣщаются всѣми городскими жителями, какъ лучшія мѣста прогулки и отдыха послѣ дневнаго зноя. Видъ города отъ моря весьма живописенъ и напоминаетъ собою наши

европейскіе города—и постройкиками, и преобладающимъ въ немъ элементомъ Французовъ, Итальянцевъ, Англичанъ и пр., которыхъ торговыя фирмы, и учебныя, и благотворительныя заведенія пользуются похвальною извѣстностію во всей Сиріи. Съ парохода намъ показывали мѣсто, обозначенное довольно высокою часовнею, гдѣ великомъ. Георгій поразилъ змія. Всматриваясь въ часовню и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, я мысленно просилъ Святаго, чтобы онъ поразилъ и бѣсовъ, искушающихъ мя.

Снявшись съ якоря, вечеромъ уже, мы послѣ солнечнаго заката подѣхали къ древнему, знаменитому въ свое время по механическимъ искусствамъ, библейскому Сидону. Теперь онъ называется Салда—небольшой приморскій городокъ, съ мелкою и опасною гаванью; отчего корабли далеко останавливаются отъ берега, и рѣдко даже заходятъ туда. Множество садовъ какъ въ самомъ городѣ, такъ особенно въ окрестностяхъ его, съ роскошными плодоносными деревьями—масличными, персиковыми, апельсинными, миндальными, абрикосовыми, гранатными и бананными,—придаютъ городу очень привлекательный живописный видъ, среди песчаной пустыни; а базаръ его оживленъ довольно хорошей торговлей, такъ какъ Сидонъ состоитъ въ постоянномъ сношеніи съ Дамасскомъ. Сидономъ оканчивается и начинается Святая Земля. Въ предѣлахъ Тирскихъ и Сидонскихъ проходилъ нѣкогда Господь, внявшій воплю и глубокой вѣрѣ женщины-язычницы, неотступно взывавшей: «Сыне Давидовъ, помилуй меня! дочь моя бѣснуется». Помня это, и мы взывали ко Господу: «Пѣніе всеумиленное принося Ти, недостойный, вопію Ти, яко Хананеа: Исусе помилуй мя! не дочь бо, но плоть имамъ, страстьми лютъ бѣсящуюся и яростію палимую, и исцѣленіе даждь ми, вопіющую Ти: Аллилуіа».

Вторникъ, 1-е іюля. Въ ожиданіи скорѣе узрѣть Яффу—эту послѣднюю грань скучнаго плаванія по морскимъ пучинамъ для поклонниковъ Палестины и первую для нихъ твердыню Обѣтованной Земли (на которую по этому притрепетно и вмѣстѣ весело ступаетъ нога христіанскаго путника),—я всталъ довольно рано. Цѣлую ночь носились дождевыя тучи, и теперь, когда уже 5 часовъ утра, довольно свѣжо и сѣренько. Наконецъ къ 8-ми часамъ завиднѣлась съ площадки корабля и Яффа,

стоящая на возвышенности, почему ее видно издали. Лишь только Яфѣскіе лодочники завидѣли, подходящій къ пристани, пароходъ, какъ опрометью бросились къ нему, наперерывъ одинъ другому, съ цѣлю пораньше и побольше захватить и багажа и пассажировъ; но остановлены были на полдорогѣ Русскимъ консуломъ Ма-

Видъ Яффы съ моря.

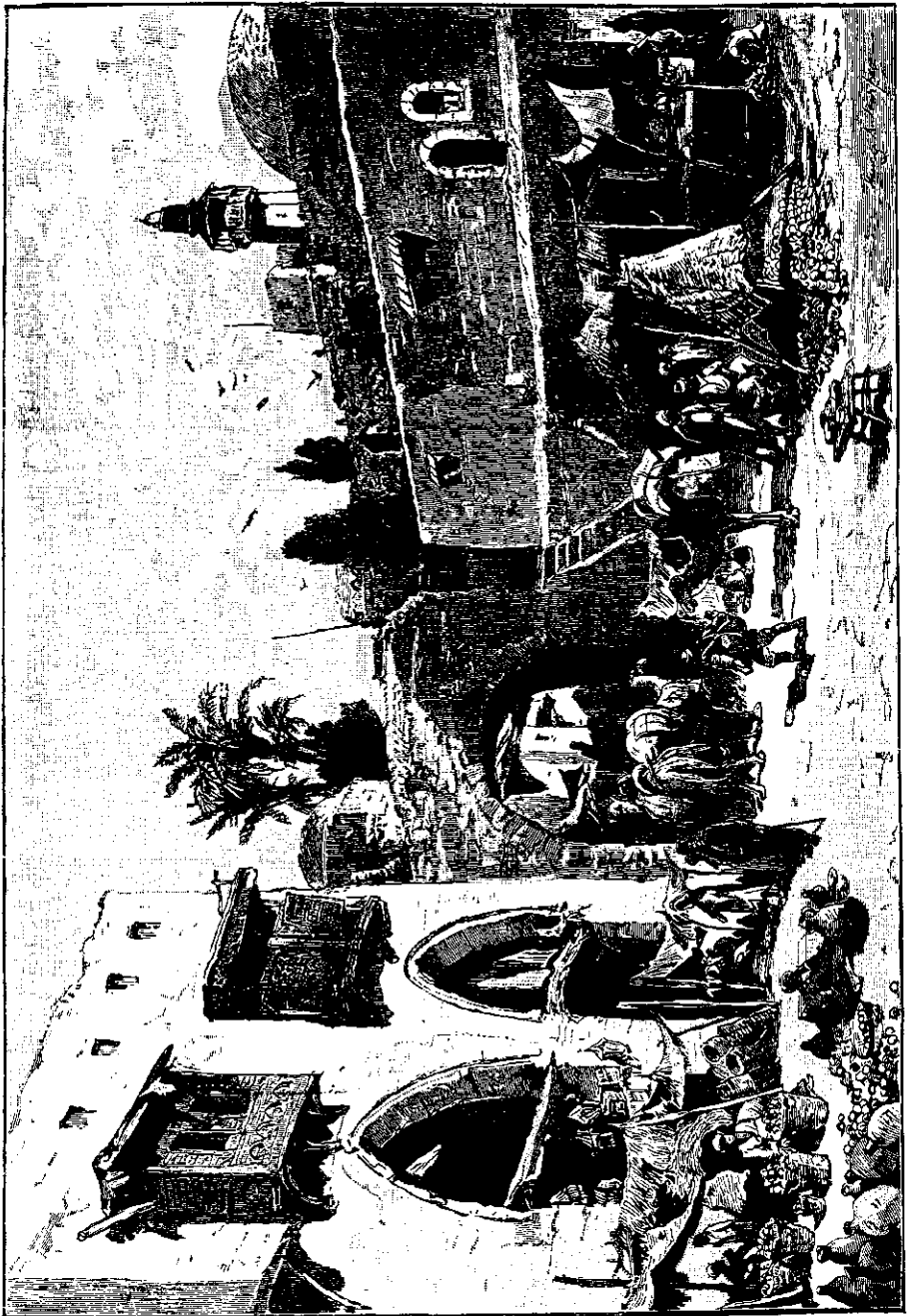
рабути, прибывшимъ на нашъ пароходъ для освидѣтельствованія здоровья пассажировъ, — для чего заставлялъ ихъ пройти скорымъ шагомъ по палубѣ. Признаться, это слишкомъ напугало меня. Я въ это время такъ былъ слабъ физически и психически, что могъ только сидѣть, и то съ трудомъ, а ходить — не иначе, какъ черепашымъ

шагомъ, и то пошатываясь,—что угрожало мнѣ госпиталемъ въ Яфѣ, среди ненавистныхъ иновѣрцевъ и, пожалуй, лишеніемъ навсегда душевнаго утѣшенія направить мои стопы и возвести очи мои на священные горы, *отнюду же прииде помощь моя*. Но къ счастью моему, до меня, какъ первокласснаго пассажира, не дошла очередь выдѣлывать помянутую гимнастику.

За симъ, по данному знаку, вмигъ налетѣла масса звѣронравныхъ лодочниковъ, опѣпила кругомъ пароходъ, на которомъ затѣмъ произошло такое смятеніе, такая свалка, такой гамъ, крикъ и вой, что трудно и описать: наше судно въ эти минуты представляло крѣпость—точно Севастополь,—пассажиры—осаждаемыхъ, а лодочники-турки — осаждающихъ. Послѣдніе, безпереромно, не спросясь, силою вырывали сакъ-вояжи и скрывались съ ними, а хозяевъ ихъ взваливали къ себѣ на плеча другіе, и, продержавъ одно мгновеніе между небомъ и водою, передавали поочередно слѣдующимъ, пока простодушные поклонники, измятые и чуть не изкалѣченные, не долетали такимъ образомъ до мѣста назначенія. Вотъ какимъ подвигомъ вѣры, надежды и любви достигаютъ Святой Земли! Впрочемъ, къ чести водяныхъ духовъ, нужно сказать, что никто не жаловался на пропажу вещей.

Черезъ четыре часа, когда не стало осаждающихъ, и осаждаемые всѣ, исключая насъ троихъ, были перевезены на берегъ, мы упросили капитана послать за шлюшкою, на которой мы, сердечно распрощавшись съ добрымъ пароходнымъ начальствомъ, и прибыли къ Яфѣ. Едва успѣли мы ступить на горячую почву оной, какъ опѣпили насъ кругомъ таможенные и требовали на улицѣ, подъ палящими лучами полуденнаго солнца, выкладки всѣхъ вещей; но, благодаря русскому консулу, мы избавились отъ этого китайскаго мытарства, бывъ приглашены въ его контору для отдыха и переговоровъ на счетъ найма животныхъ для дальнѣйшаго слѣдованія къ цѣли нашего странствованія — по землѣ Израиля.

Яффа расположена уступами, на довольно возвышенной горѣ;—это небольшой, но издали красивенькій городокъ, окруженный садами съ разными плодовыми деревьями тропическихъ странъ, благодаря своему особому географическому положенію; въ особенности же славится онъ на всю Сирію и Палестину своими крупными и вкусными апельсинами, которыми мы и запаслись въ изобиліи.

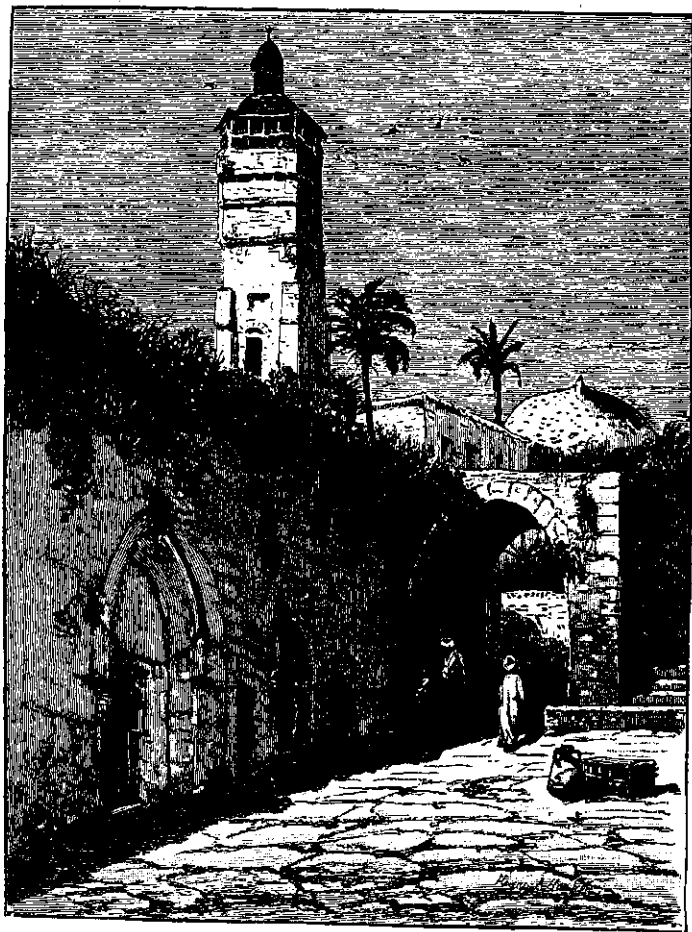
Улица въ Яффѣ.

Смотря на Яффу, или древнюю Йопію, мы невольно вспоминали всѣ связанныя съ именемъ ея и древнія библейскія сказанія о пророкѣ Іонѣ, отплывшемъ изъ Яффы въ Фарсисъ, съ намѣреніемъ убѣжать отъ лица Вѣчнаго, о плотахъ лѣсовъ, доставлявшихся отсюда въ Іерусалимъ для храма Соломонова, и новозавѣтныя—о воскресеніи ап. Петромъ Тавиены и видѣніи имъ таинственной плащаницы. Чувствуя и за собою грѣхъ евангельскаго фарисея, я мысленно взывалъ: «Ей, Господи Царю! даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего во-вѣки».

За кофе—обычнымъ угощеніемъ востока, консулъ предложилъ намъ выбирать для предстоящаго пути одно изъ трехъ: нанять или карету, или верховыхъ лошадей, или же ослонъ. Не ѣздивши никогда верхомъ, при слабости состояніи здоровья, я согласился на первый способъ ѣзды. Уплативши 40 франковъ за три мѣста, мы втроемъ остались въ канцеляріи консульства для того, чтобы дожидаться какъ ослабленія дневнаго зноя, такъ и самаго экипажа. Каково же было мое удивленіе и вмѣстѣ скорбь, когда намъ предложили идти къ экипажу пѣшкомъ за городъ, чуть не три версты, и при томъ улицами, буквально запруженными народомъ. Въ изнеможеніи отъ зловонной духоты, ходьбы и тѣсноты, нѣсколько разъ падалъ я на землю. Но и роптать за это нельзя было ни на кого, кромѣ на самихъ себя, такъ какъ оказалось, что ѣзда по городу въ экипажахъ невозможна по чрезвычайной узкости улицъ,—чего мы раньше не предвидѣли. Но сія вся, только начало болѣзней! Нанимая карету, мы соединяли съ этимъ названіемъ понятіе о ней европейское. Какова-жъ была болѣзнь нашего сердца и разочарованіе, когда карета оказалась нашею простою некрытою телѣгою, устроенною, впрочемъ, на желѣзныхъ осяхъ, безъ рессоръ, съ двумя болтающимися между ребръ скамейками. Размѣстившись кое-какъ, мы хотѣли поскорѣе продолжать путь; но не тутъ-то было: нахлынула толпа нищихъ, окружила насъ и до тѣхъ поръ не давала намъ возможности двинуться, пока каждый изъ нихъ не ощутилъ въ своихъ рукахъ желаннаго бакшиша. Въ восторгѣ, при восклицаніяхъ: «Русь хороша, Русь хороша!» нищіе разошлись по кофейнямъ.

Дорога отъ Яффы до Іерусалима считается небезопасною, но ѣдущимъ въ каретахъ не даютъ конвоя; — почему такъ, — не знаемъ. За Яффскія скорби мы до-

статочно были вознаграждены ѣздой и веселымъ убѣжищемъ между сплошными садами самыхъ роскошныхъ, благоухающихъ деревьевъ апельсиновыхъ, лимонныхъ, миндальныхъ и пр. и душистыхъ кустарниковъ розановыхъ, жасминовыхъ, постоянно искусственно орошаемыхъ водою изъ нѣсколькихъ восьмигранныхъ и квад-

Церковь Крестоносцевъ въ Рамлѣ.

ратныхъ каменныхъ водоемовъ, архитектурно устроенныхъ мусульманами въ разныхъ мѣстахъ, съ выбитыми на нихъ золотыми арабесками и изреченіями изъ корана. Прохладное дуновеніе благовоннаго вѣтерка изъ тѣнистой чаши цвѣтущихъ деревьевъ довершало нашу радость, послѣ утомительнаго зноя, и навѣвало сладо-

стныя думы о сбывающемся воочію чаяніи лицезрѣнія св. земли.

Выѣхавъ изъ Яффы въ 4 часа пополудни, мы спустились въ прекрасную равнину съ рыжевато-красною почвою; то тамъ, то сямъ видны были слѣды скошеннаго хлѣба и паслись стада туземныхъ домашнихъ животныхъ; вддали виднѣлась цѣпь Іудейскихъ горъ, а вблизи рисовался, при заходящемъ солнцѣ, прелестный ландшафтъ деревни Рамлы, оттѣняемый среди безлѣсной пустыни гигантскими финиковыми деревьями и остроко-нечными верхами молитвенныхъ зданій разныхъ исповѣданій. Дорога ровная; и хотя нашъ экипажъ по мѣстамъ сильно потряхивалъ наше брѣнное тѣло, но мы ѣхали въ веселомъ настроеніи духа, которое постоянно поддерживалъ въ насъ рядъ тянувшихся своеобразныхъ каравановъ съ произведеніями востока; а побрякиванье вьючныхъ верблюдовъ и ословъ колокольчиками и разными погремушками, при ночномъ мракѣ и тишинѣ, будило наши слабѣвшіе нервы.

Въ половинѣ десятаго часа ночи мы подъѣхали къ Рамлѣ. Такъ какъ многіе считаютъ ее за родину Іосифа Аримаѣйскаго, погребавшаго Господа, то мы, припомнивъ евангельское сказаніе о семъ прехвальномъ его подвигѣ, исполненномъ великаго самоотверженія, въ избыткѣ благодарныхъ религіозныхъ чувствъ воспѣли въ честь его священный гимнъ: «Пріидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго, въ нощи къ Пилату пришедшаго и Живота всѣхъ испросившаго»... По тѣснотѣ улицъ, экипажъ нашъ остановился внѣ деревни, и потомъ на отдыхъ, волей-неволей, мы должны были около версты пройти къ русскому подворью, на довольно высокой и весьма просторной террасѣ котораго насъ встрѣтила, къ великой нашей радости и удивленію, наша родная москвичка—жена смотрителя, завѣдующаго подворьемъ; она приняла насъ чисто по-русски: хлѣбосољству и ласкамъ не было и конца, даже нашелся русскій самоваръ и чай, за которымъ она объяснила намъ, что настоящее помѣщеніе нанимаетъ русское правительство у араба за 170 р. сереб. въ годъ для поклонниковъ, и показала намъ самыя комнаты, чистыя, свѣтлыя, съ готовыми спальными принадлежностями. Мнѣ сильно хотѣлось спать; но муэzzинъ, съ сосѣдняго минарета созывавшій правовѣрныхъ на вечерній намазъ чуть не цѣлый часъ самымъ убійственнымъ пронзительнымъ голосомъ, до того разстроилъ мои слабые нервы,

что я не могъ сомнѣть глазъ; а между тѣмъ явился мукеръ съ приглашеніемъ ѣхать дальше, и мы въ 11 часовъ ночи, изможденные, пошлелись дальше.

На 30-й верстѣ до того пронзило насъ ночнымъ холодомъ, что и теплое платье, которымъ я по совѣту и настояніямъ добрыхъ людей запасся въ дорогу, мнѣ не помогло согрѣться, и я получилъ лихорадку на лихорадку. Яфѣскій консулъ предвѣщалъ насъ о холодѣ; но

Мечеть въ Рамлѣ.

ни я, ни спутники мои не могли себѣ представить, чтобы въ Палестинѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ могъ быть такой холодъ. Между тѣмъ мы подъѣхали къ освѣщенному огнями какому-то зданію. Здѣсь мукеръ объявилъ, что онъ будетъ кормить лошадей и что лучше всего это время пересидѣть въ экипажѣ, такъ какъ жидъ, содержатель освѣщенной, какъ оказалось, корчмы, за одинъ только входъ беретъ съ каждаго путника по франку. Но горе — не свой братъ, и я, вскарабкавшись кое-какъ на пре-

высокую террасу съ грязной комнатою, удостоился видѣть этого пустыннаго грабителя. Горячее кофѣ возбудило въ моемъ организмѣ теплоту и придало мнѣ бодрости. Черезъ часъ мы снова были въ дорогѣ. Но, Боже мой, что эта за дорога! То вы подымаетесь на цѣлыя сотни футовъ вверхъ, то сразу опускаетесь на столько-же футовъ внизъ, то васъ толкаетъ въ ухабъ на цѣлый аршинъ глубиною, то при крутомъ поворотѣ (*) качнетъ васъ въ сторону такъ, что нужно особое напряженіе всѣхъ вашихъ мускуловъ, чтобы не выпасть изъ экипажа. Мы чуть не проклинали тѣхъ минутъ, въ которыя соблазнились невиданнымъ азіатскимъ экипажемъ; сидѣть въ немъ не было никакой возможности, и товарищи мои болѣе шли пѣшкомъ, а я, больной и слабый, поневолѣ долженъ былъ терпѣть страшную пытку отъ такой ѣзды. Чѣмъ ближе къ Св. Граду, тѣмъ ощутительнѣе становилось неудобство нашей каретной ѣзды, такъ что я терялъ уже надежду увидѣть оный и принужденъ былъ въ 10-ти верстахъ отъ него дать, хотя временный, покой смертельно уставшимъ членамъ, въ жидовскомъ палашѣ.

Среда, 2-е іюля. Было 6 часовъ утра; а зной, особенно въ ущельяхъ горъ, невыносимый. Да скоро-ль мы доѣдемъ до Іерусалима? нетерпѣливо спрашиваемъ своего возницу. А вотъ, еще нѣсколько холмовъ и еще, и еще нѣсколько пропастей переѣдемъ, а тамъ перевалимъ чрезъ самую высокую гору, за ней будетъ садикъ, а тамъ... онъ—Святой... Потерпите еще немножко; тамъ уже сколько захотите, столько и будете покоиться и отдыхать...

Да, подумалъ я, обозрѣвая, на сколько возможно, пройденное и подлежащее пространство, путь къ земному Іерусалиму не легкій, усѣянный дикими горами и безплодными холмами, стропотный, острый;—нужно большое самообладаніе, чтобы, шествуя по немъ, не выронить ропотливаго слова;—за то, по мѣрѣ приближенія къ нему, сердце бьется сильнѣе и сильнѣе, тоска уступаетъ мѣсто радости, усталось—бодрости, и творится во всемъ организмѣ какъ бы нѣкое, сверхъ-естественное преображеніе къ лучшему... Не истинное ли это подобіе и прообразъ пути и шествія по немъ въ

(*) Въ 1866 году устроено здѣсь шоссе, но это шоссе идетъ почти помянутою линіею и за все время ни разу не починалось.

горній, небесный Іерусалимъ—вѣчное царство? Не такія ли волны страстей бушуютъ и преливаются въ жизненный корабль каждаго путника къ небу и не даютъ ему покою во всю его жизнь? Не подобные ли холмы огорченій и горы разнаго рода несчастій затрудняютъ его шествіе? И не случается ли и здѣсь такъ, что, чѣмъ ближе къ горнему Граду, тѣмъ болѣе путникъ изнемогаетъ подъ гнетомъ ихъ и вчастую падаетъ? Но божественная благодать поднимаетъ его, ободряетъ, утѣшаетъ и ведетъ далѣе къ *церкви первородныхъ, на небесныхъ написанныхъ*, гдѣ ожидаетъ его вѣчный покой.

Пока я такимъ образомъ мыслить въ себѣ, показалась высокая гора, на которую подъемъ былъ весьма труденъ и опасенъ; затѣмъ роскошный садикъ, живописныя дачи палестинскихъ архіереевъ и наконецъ Градъ Царя Великаго съ своими зубчатыми стѣнами и куполами. Моментально, снявъ шляпы, въ нѣмомъ восторгѣ отъ наплыва святыхъ чувствъ, мы осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ и, не сводя съ него глазъ, взывали: «Слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ!»

Около восьми часовъ утра наша колесница быстро вкатилась въ растворенныя ворота огромнаго двора русской миссіи, и глаза наши первѣе всего очарованы были изящнымъ пятиглавымъ соборомъ Живоначальной Троицы, а потомъ громадными и красивыми корпусами для помѣщенія русскихъ поклонниковъ. Около парадныхъ дверей ближайшаго корпуса мы остановились, но долго не имѣли возможности обратиться къ кому-либо для указанія намъ помѣщенія.

Данная мнѣ квартира оказалась довольно уютной келіей, со всѣми удобствами лучшихъ русскихъ гостиницъ, — снабженная прекрасною желѣзною кроватью съ чистыми постельными принадлежностями, комодомъ, шкапикомъ, умывальницею, нѣсколькими стульями, столомъ и даже вѣшалкою для платья, съ трехъ-аршиннымъ окномъ, обрамленнымъ тканями востока; въ углу виднѣлась икона такъ-называемой Іерусалимской Божіей Матери. Трогательныя чувства наполнили мою, изнывшую отъ мірскихъ тревоженій, душу, когда я, до-нельзя разслабленный тѣломъ, оставшись одинъ, предался сладкому отдохновенію: и дальность разстоянія отъ родныхъ мѣстъ, и трудность и опасность пройденнаго пути, и тягостное сомнѣніе въ благополучномъ возвратѣ въ отечество,—все, все забыто въ окружающей меня тиши;

одна лишь мысль, что я наконецъ у цѣли моего странствованія—въ Іерусалимѣ, всецѣло занимала мою душу и сердце. Въ радостномъ молитвенномъ порывѣ, со слезами благодаренія, повергся я предъ св. ликомъ Богоматери. Это было въ 12 часовъ дня. Но ослабѣвшія мои силы не дали мнѣ возможности подняться съ одра временнаго покоя до 4-хъ часовъ вечера; въ это время вошли ко мнѣ въ номеръ мои два сопутника и пригласили помыться съ ними въ турецкой банѣ. До бань я не охотникъ, но, наслышавшись и начитавшись вдоволь о восточныхъ баняхъ, какъ о чемъ-то чудесномъ, обаятельномъ, котораго нигдѣ нельзя видѣть и испытать, какъ только тамъ, поплелся съ моими товарищами въ сопровожденіи вооруженнаго консульскаго каваса. Не успѣли мы войти въ мусульманское водное чистилище, какъ сразу послѣдовало полное разочарованіе въ чудесности онаго. Вонь, нечистота и мракъ царятъ тамъ, какъ истые хозяева; своды закончены, какъ въ винномъ подвалѣ; свѣтъ проникаетъ сквозь небольшія отверстія въ потолкахъ; а полы хотя и мраморные, но по мѣстамъ или вогнуты отъ времени, или powyбиты на подобіе харьковскихъ мостовыхъ;—и моющіеся должны сидѣть и лежать на этихъ холодныхъ плитахъ; никакой мебели, никакихъ полокъ, никакихъ приборовъ для взиманія воды и усиленія пара не существуетъ; только кое-гдѣ въ стѣнкахъ торчатъ краны, испускающіе, по желанію моущихся, то холодную, то горячую воду въ поставленные тутъ небольшіе каменные водоемы, изъ которыхъ по временамъ и плескали на себя горстями воду чайвшіе отъ ней очищенія. Банныки же вооружены были мыломъ, губкою и мисками и предлагали свои услуги только за особый бакшишъ. Не желая загрязниться въ хваленомъ восточномъ чистилищѣ, я совершенно отказался отъ всякихъ омовеній, а мои сопутники позволили себя натереть азіатскими снадобьями. И за невольное созерцаніе этого и другихъ мерзостей, творившихся здѣсь безперемежно, въ виду моемъ, я приплатился четырьмя франками.

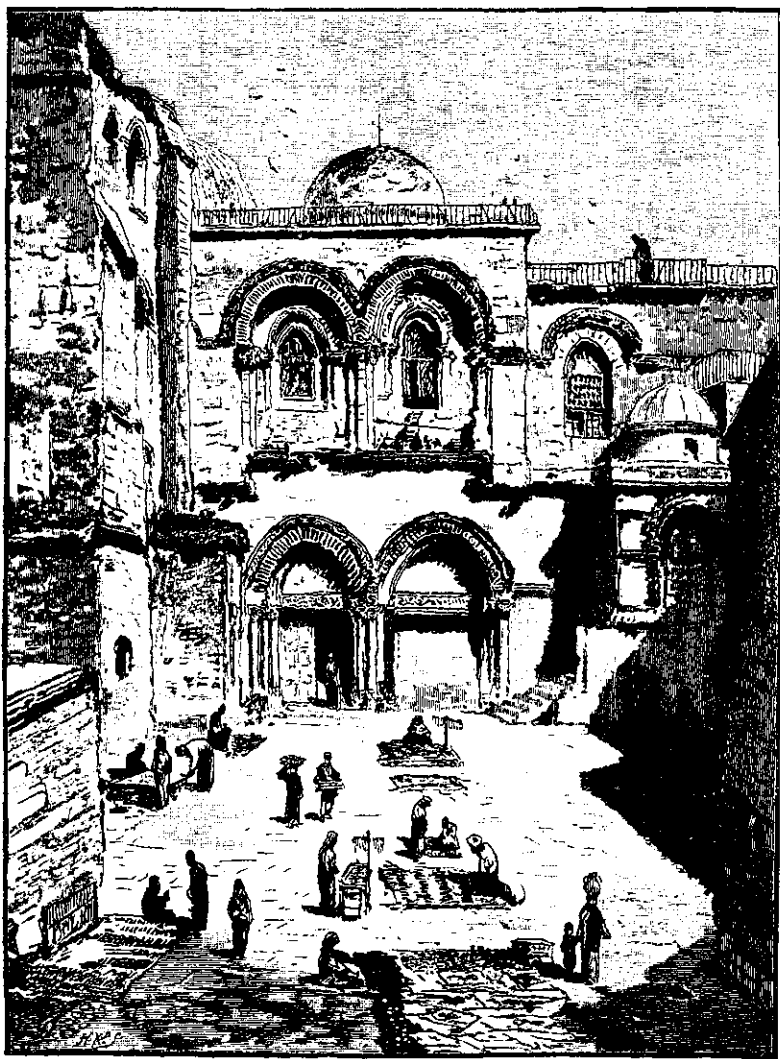
Четвергъ, 3-е іюля. Вставши въ 7 часовъ утра, я съ прочими договорилъ грека-повара, живущаго при миссіи, доставлять мнѣ обѣдъ, состоящій изъ трехъ блюдъ, за каждый по 9-ти левовъ или 54 к. серебромъ. Азіатскія кушанья для насъ оказались весьма невкусными; всѣ они состоятъ большею частію изъ вареной

зелени: баклажановъ, помодоровъ, кабачковъ, картофеля —приправленныхъ бараньимъ саломъ и перцемъ и съ кусками жесткаго бараньяго мяса. Рыбы, грибовъ, сушеныхъ вишенъ, яблокъ, грушъ, соленыхъ огурцовъ тамъ не увидишь; домашнихъ птицъ—куръ, гусей, утокъ—тоже нѣтъ; только у консула, какъ рѣдкость, расхаживали три курицы и четверо гусей. Оттого въ кушаньяхъ томительное однообразіе. Говядина же есть удѣлъ только богатей; а равнымъ образомъ и коровье масло,—такъ какъ сберегать ихъ нѣтъ никакой возможности по неимѣнію ледниковъ и даже погребовъ. За то лукомъ, перцемъ и маслинами хоть «греблю» гати.

Пользуясь пока свободнымъ временемъ, я пожелалъ узнать о рыночныхъ цѣнахъ на кой-какія жизненные потребности, и оказалось, что въ Іерусалимѣ цѣны на оныя довольно высоки. Такъ напр. фунтъ картофеля стоитъ 4 к., фунтъ печенаго хлѣба 10 к., фунтъ арбуза 1½ к., фунтъ дровъ 2 к., око баранины 35 к., око говядины 1 р.; нѣкоторыя же жизненные потребности дешевле нашего, напр. фунтъ колотатаго сахару стоитъ 12 к., средняя коробка сардинокъ 15 к., око (3 ф.) кипрскаго вина 18 к., самые лучшіе штиблеты 6 р., фунтъ восковыхъ свѣчей 20 к. По возвращеніи съ рыночнаго вояжа, я отправился съ визитомъ къ начальнику миссіи, который принялъ меня съ истинно-русскимъ радушіемъ и пригласилъ пить съ собой чай. Просидѣвъ у него около часу и успѣвъ за это время переговорить о многомъ изъ дѣлъ Россіи, я возвратился въ свою квартиру. Въ 3 часа пополудни, къ немалому моему удивленію, является ко мнѣ въ келію самъ о. архимандритъ въ смиренной одеждѣ простаго инока, предлагаетъ идти съ нимъ ко Гробу Господню и посѣтить другія священно-историческія мѣста, освященныя жизнію, ученіемъ и дѣлами Богочеловѣка. Поблагодаривъ отъ души за такую неожиданную для нашего недостойнства и вмѣстѣ неоцѣненную его услугу, мы втроемъ, имѣя во главѣ такого ученаго, опытнаго и авторитетнаго путешественника, отправились къ вечернѣ во храмъ Воскресенія; но нашли оный запертымъ мусульманами.

Въ ожиданіи открытія вратъ онаго, мы зашли въ патріаршую кафедральную церковь, помѣщающуюся въ особомъ, ничѣмъ не отличающемся отъ обыкновеннаго дома, зданіи,—по лѣвую сторону отъ входа въ памянутый Воскресенскій храмъ;—тамъ въ это время со-

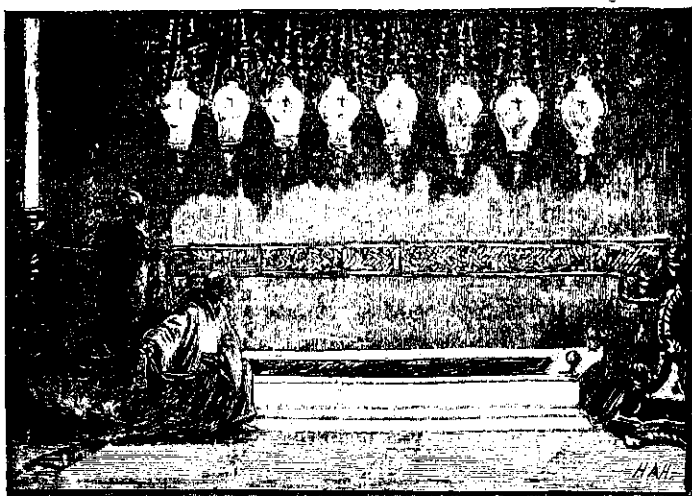
вершалась вечерня. Церковь очень мала, темна, низка и поразительно бѣдна; нѣтъ въ ней ничего воскреляющаго духъ. Царскія врата вышиною не болѣе полутора аршина, такъ что служащій въ алтарѣ виденъ почти до поясицы; на нихъ я замѣтилъ во время служенія висящій эпитрахиль, что и возбудило мое

Входъ въ храмъ Гроба Господня.

любопытство. Оказалось, что служащій іеромонахъ только тогда надѣвалъ его, когда выходилъ предъ царскія врата для возглашенія эктении, по окончаніи которой, предъ отходомъ въ алтарь, тотчасъ снималъ его и оставлялъ на вратахъ. Не успѣли мы еще, какъ го-

ворится, хорошенько и осмотрѣться, какъ подбѣгаетъ къ намъ мальчикъ въ красной фескѣ, суетъ насильно въ руки по восковой свѣчкѣ и ведетъ за собой въ особое мрачное отдѣленіе; при возженіи данныхъ намъ свѣчъ оказалось, что мы стоимъ предъ ликомъ мѣстно глубоко-чтимой иконы Іерусалимской Божіей Матери, которая, по сказанію нѣкоторыхъ Святогробцевъ, будто бы, есть та самая, предъ которой молилась при входѣ въ Воскресенскій храмъ Марія Египетская и, предъ ней же, дала обѣдъ цѣломудренной жизни. Со словами: «Владычице! Не отврати рабы Твоя тщи: Тя бо едину надежду имамы», мы приложились къ чтимому образу благословенной между женами, а мальчикъ настаивалъ о возможно большемъ бакшишѣ (подаркѣ).

Камень помазанія.

Такъ какъ посланный отъ Святогробскаго настоятеля возвѣстилъ, что врата Воскресенскаго храма уже отперты, и началась вечерня, то мы и поспѣшили въ оный. При входѣ, дѣйствительно, какъ и прежде намъ передавали, устроены нары, на которыхъ сидѣли два турка и пили кофе... При входѣ нашемъ они поспѣшно встали и, приложивъ правую руку къ сердцу, въ знакъ почтенія, привѣтствовали словами: «здравствуй Русь!» Отступя шаговъ 12 отъ порога и прямо его, о. архимандритъ палъ ницъ на полъ церковный, а потомъ приникъ устнами къ лежащей на немъ мраморной трехъ-аршинной обрамленной плитѣ, надъ которой горѣло около десятка

большихъ изящныхъ разноцвѣтныхъ лампадъ, а по сторонамъ стояли, въ подсвѣчникахъ, громадной величины восковыя свѣчи, въ такомъ же количествѣ, принадлежащія тремъ исповѣданіямъ: православному, католическому и армянскому, — по три каждаго. Мы послѣдовали примѣру нашего путеводителя, т. е. приложились къ оной. Эта плита есть тотъ священный камень, на которомъ бездыханное тѣло Живнодавца, по снятіи со креста Іосифомъ и Никодимомъ, (ими же) было приготовляемо къ погребенію натираніемъ благовонными мастями; но ничуть не женами мѣроносицами, какъ говоритъ о. Дюковъ на страницѣ 117-й, которыя только при этомъ присутствовали и смотрѣли потомъ, гдѣ Его полагаху; иначе имъ не было бы необходимости идти послѣ этого ко Гробу Господню зѣло завтра,нося ароматы, да, пришедше, помажутъ Іисуса. И потому-то, что жены только носили мѣро для помазанія, но не успѣли этого сдѣлать — названы мѣроносицами, а не мѣропомазательницами. Помянутый камень названъ камнемъ помазанія, или, какъ выразился о. архимандритъ, — *развожденія Христа*, такъ какъ на немъ же руки и ноги Его были освобождены отъ вбитыхъ гвоздей. Вправо отсюда восходъ по ступенямъ на Голгоу, противъ которой въ 15-ти шагахъ обозначено особымъ кругомъ на полу, накрытымъ желѣзною сѣткою съ висящею въ серединѣ оной неугасимой лампадою, принадлежащею армянамъ, то мѣсто, съ котораго Богоматерь, рыдаючи, взирала на своего Божественнаго Сына, приготовляемаго къ погребенію, и восклицала: «увы мнѣ, Чадое! Увы мнѣ, Свѣте мой и Утроба моя возлюбленная!» Еще тринадцать шаговъ отсюда вправо — къ югозападу, и мы очутились за громадными колоннами изъ цѣльнаго мрамора, поддерживающими великолѣпный куполь Воскресенскаго храма, подъ которымъ кувуклія, устроенная изъ мрамора же, въ видѣ маленькой церквицы, вмѣщаетъ въ себѣ гробъ Невмѣстимаго. Отступя отъ колоннъ пять шаговъ, мы стали прямо у входа въ часовню Живоноснаго Гроба Господня. Съ замираніемъ сердца съ поникшей долу скорбной головой, долго, долго стоялъ я на площадкѣ оной, пока другіе прикладывались къ мѣсту погребенія и воскресенія Господа, въ тяжеломъ раздумьи. «Како вниду недостойный въ погребальный чертогъ моего Творца и Бога! Или како прикоснуса, нечистѣ устнѣ имѣй, Его Божественному тридневному ложу, въ немъ же и изъ него же всѣмъ

свѣтъ спасенія возсія!» Предъ входомъ въ придѣлъ Ангела, я поспѣшно изауль сапоги, хотя это и необязательно, и, приложившись здѣсь къ части отъ камня, отваленнаго Ангеломъ въ моментъ воскресенія Спасителя отъ Его погребальной пещеры, опустясь на колѣни въ самой дверкѣ, ведущей къ Живоносному Гробу, и въ созерцаніи онаго отсюда, при свѣтѣ горящихъ лампадъ, со словами священной пѣсни: «Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ да вниду въ онъ», проползъ на колѣняхъ (удобнѣе этого положенія нельзя придумать по маломѣрности входнаго отверстія) къ самому Гробу Господню и, припавъ къ низу онаго—на мраморный полъ, съ смѣшанными чувствами страха, благодарности, радости, умиленія и надежды прильнуль къ Божественному покоищу Богочеловѣка, закончивъ начатый молитвенный гимнъ: «просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавецъ, и спаси мя!» О, какъ мнѣ хотѣлось было оросить горячими слезами покаянія это мѣсто всемірнаго спасенія и поклоненія всѣхъ языковъ! Но, отъ физическаго ли безсилія, или отъ сильнаго наплыва и давленія волновавшихъ меня разнородныхъ чувствъ, или же по моему недостоинству, Богъ и Спаситель мой не далъ мнѣ на первый разъ блаженныхъ слезъ умиленія и сокрушенія. Будучи чуждымъ, вообще, зависти, на этотъ разъ я испыталъ на себѣ всю силу этой страсти, видя, какимъ обильнымъ потокомъ въ теченіи цѣлаго часа струились на Гробъ Господень слезы сокрушенія о грѣхахъ юности изъ глазъ Ч., молодаго именитаго моего сопутника; я считалъ его въ эти минуты счастливѣе всѣхъ счастливцевъ міра сего и молилъ Господа Бога, чтобы Онъ—всеблагій не лишалъ и меня, хотя въ будущіе разы моего посѣщенія Его погребальнаго ковчега, этого небеснаго дара—плача о грѣхахъ, и тѣмъ утѣшилъ мою душу, истерзанную и физическими и нравственными бѣдами.

Разсматривая внимательно верхнюю мраморную доску, скрывающую подъ собою природное тридневное ложе (*) Искупителя, я замѣтилъ, что она съ трехъ

(*) Многие не могутъ составить опредѣленнаго понятія о томъ, что нужно разумѣть подъ словомъ ложе. Порозъ говорить, что тѣла усопшихъ по обычаю Іудейскому полагались въ вертепъ на высѣченномъ въ стѣнѣ ложѣ; но мы скажемъ яснѣе: на возвышеніи, похожемъ на нашу лежанку или прилавокъ; только оно не всегда высѣкалось или углублялось внутрь стѣны въ видѣ ниши, а чаще выдѣлялось впередъ отъ пещерныхъ стѣнокъ, какъ наши лежанки отъ печки. Таковъ наружный видъ и Христова ложа. Что подъ плитой,

сторонъ пропилена, на разстояніи полтора вершка отъ краевъ, и посрединѣ преломлена, и кажется какъ бы составленную изъ двухъ плитъ. На запросъ мой объ этомъ, мнѣ рассказали слѣдующее: «для мусульманъ не тайна, что христіанскій храмъ Воскресенія, посѣщаемый издревле столькими тысячами богомольцевъ, вмѣщаетъ въ себѣ не малые вклады и деньгами и вещами; не тайна также и то, что множество даровъ шлетъ сюда изъ разныхъ христіанскихъ странъ;—что всегда служило и теперь служитъ для нихъ предметомъ зависти и желанія прибрать эти сокровища гяуровъ къ своимъ рукамъ. И вотъ въ одинъ день, неожиданно-негаданно, пользуясь междоусобіемъ, нагрянули полчища туркомановъ въ храмъ Гроба Искупителя, и, кто-что попалъ, начали грабить. Многимъ мусульманамъ нечего было взять, и вотъ они, вошедши въ кувуклію, замѣтили мраморную большую цѣльную доску, которая имъ, почему-то, особенно понравилась; но сколько ни употребляли усилій, не могли сорвать ее съ мѣста, чтобы унести для своей мечети; тогда они начали выпиливать, но, пропиливши съ трехъ сторонъ,—черезчуръ устали и въ сонномъ тяжеломъ томленіи ушли съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее утро явиться для продолженія работы. Греки же, пользуясь этимъ случаемъ и, не желая, чтобы эта священная доска, послѣ вѣковыхъ услугъ Гробу Господню, досталась въ поправленіе невѣрнымъ, согласились лучше перебить ее по поламъ; что и исполнили. Турки, пришедшіе на слѣдующій день для окончанія недоконченной работы, нашедши ее въ такомъ видѣ, въ изступленіи перебили много христіанъ, а доску оставили въ покоѣ».

Кромѣ этого я замѣтилъ, что лѣвый передній уголъ этой же самой священной доски, подобіемъ и величиною въ обыкновенный деревянный классный трех-угольникъ, какъ бы былъ когда то отбитъ и потомъ прикрѣпленъ къ своему прежнему мѣсту мастикою. До-

которой оно одѣто, мы не видѣли, но можно предположить, что природное ложе Искупителя можетъ имѣть и другую форму, форму гробовъ Іосифа и Никодима, которые мы долго рассматривали неподалеку отсюда; именно: высѣкалась, какъ видно, сначала пещера, ровнялся полъ; а тамъ, гдѣ предполагались мѣста для покойниковъ, оставлялись возвышенности среди вертепа, какъ и здѣсь; въ нихъ дѣлались углубленія такъ, какъ въ нашихъ корытахъ, настолько, чтобы тѣло человѣка могло вмѣститься въ нихъ въ уровень съ краями или даже ниже оныхъ;—что по всей вѣроятности дѣлалось для того, чтобы кости одного мертвеца не смѣшивались съ другими, а потомъ, можетъ статься, эти корыто-образныя ложа накрывались сверху плитами, если устье пещеры не было заграждаемо особымъ камнемъ, отваливать и приваливать который не у всякаго доставало силъ.

гадка моя подтвердилась на самомъ дѣлѣ. Намъ рассказали: «когда былъ намѣстникомъ патріаршимъ въ Іерусалимѣ, блаженной памяти, митрополитъ Мисаилъ (человѣкъ благочестивый и строгій подвижникъ, всегда жившій при Гробѣ Господнемъ и бывшій духовникомъ почти всѣхъ русскихъ богомольцевъ, какъ знавшій ихній языкъ), ему предъ наступленіемъ времени совершенія литургіи, въ которой и онъ долженъ былъ участвовать, донесено было, что неизвѣстно кѣмъ въ ночное время отбита часть отъ доски, покрывающей ложе Искупителя; но виновникъ и похищенное не отысканы. Святитель Божій въ обычное время литургіи обратился къ предстоящимъ съ словомъ назиданія, претилъ похитившему гнѣвомъ Божиимъ и умолялъ принести обратно отбитый кусокъ, угрожая въ противномъ случаѣ предать таковаго церковной анаемѣ. Къ слѣдующей заутрени отбитая частица усмотрѣна лежащею на гробной доскѣ,—при чемъ виновникъ—малороссъ, раскаиваясь въ своемъ поступкѣ, объяснилъ, что онъ это сдѣлалъ съ благимъ намѣреніемъ—снабдить свою приходскую церковь наиважнѣйшею Іерусалимскою святынею на память всѣмъ настоящимъ и будущимъ односельчанамъ; отбилъ же припасеннымъ въ карманѣ молоткомъ, во время чтенія монашескаго правила, ударивши со всего размаху молотомъ только одинъ разъ, и не считалъ подобный поступокъ грѣхомъ, такъ какъ онъ совершенъ съ благою цѣлью. Отбитая часть сейчасъ же и была прикрѣплена къ своему мѣсту мастикою, въ какомъ видѣ и теперь остается». Какъ при входѣ, такъ и при выходѣ изъ погребальной пещеры Богочеловѣка, мы были усердно окроплены драгоценными ароматами изъ серебрянаго кувшина стоявшимъ здѣсь дежурнымъ монахомъ.

Далѣе о. архимандритъ повелъ насъ налѣво отъ кувкліи мимо того мѣста, гдѣ Господь по воскресеніи явился Маріи Магдалинѣ; оно обозначено кругомъ на полу, и надъ нимъ горитъ неугасимая лампадка, противъ которой устроенъ католическій алтарь, и за симъ вошли въ храмъ, принадлежащій латинянамъ. Здѣсь на алтарномъ столѣ, въ металлической круглой тумбѣ, хранится часть позорнаго каменнаго столпа или колонны, вышиною въ три четверти аршина, къ которой привязаны были пречистыя руки Святѣйшаго святыхъ въ преторіи Пилата. Она наглухо закрыта отъ взора любопытныхъ, по недочету во многихъ изъ нихъ честности, и толь-

ко открывается для лобызанія одинъ разъ въ году, на всю страстную седмицу; въ прочее же время года лобызаютъ ее посредствомъ лежащей здѣсь съ золотымъ наконечникомъ трости, однимъ концомъ которой, чрезъ небольшое отверстіе, сначала касаются самой колонны, а потомъ цѣлуютъ его;—что и мы сдѣлали по примѣру нашего вожатая. Внутренность этого небольшого храма украшена священными изображеніями самой лучшей италіанской школы и почти вся загромождена скамьями, на которыхъ сидѣло около 12 человекъ католическихъ монаховъ, съ выбритыми до щепетильности макушками, въ длинныхъ съ капишонами бурнусахъ изъ верблюжьяго сукна, препоясанныхъ толстыми, въ нѣсколько рядовъ, простыми веревками, на завязанныхъ концахъ которыхъ, при бедрѣ, висѣло металлическое рельефное распятіе Спасителя,—ноги голышемъ—ни во что не обуты, на головѣ никакихъ покрываль, волосы по краямъ головы толстые, подстриженные въ скобку;—въ такомъ видѣ я видѣлъ ихъ ходящими по улицамъ и по-за Іерусалимомъ. Не трудно догадаться, что это Францискане. У входа во храмъ, въ особой комнатѣ, называемой уборною, потому что въ ней облачаются для служенія, намъ показали богатѣйшую ризницу католическихъ бискуповъ и ксендзовъ, а въ особенномъ дорогомъ хранилищѣ—огромный мечъ и четырехвершковые шпоры Готфрида Бульонскаго. Зачѣмъ воздается ему такая почесть католиками, и кто есть Готфридъ Бульонскій?

Для незнающихъ и неимѣющихъ возможности навести надлежащія справки не лишнимъ считаемъ сдѣлать краткую замѣтку. Когда Св. Земля въ 1083 году вмѣстѣ съ Іерусалимомъ и Гробомъ Господнимъ, подпала подъ иго свирѣпыхъ туркомановъ, которые страшно угнетали христіанъ и ругались надъ ихними святынями, тогда нѣкто пустынный Петръ, видѣвшій лично эти бѣдствія и поношенія, воспламененный ревностію по Божѣ и состраданіемъ къ церкви Іерусалимской обошелъ всю Италію и Францію, проповѣдуя христіанамъ возстаніе противъ невѣрныхъ; вслѣдствіе чего составились многочисленныя воинства, подъ названіемъ крестоносцевъ, на освобожденіе Св. Земли отъ язычниковъ. Одна изъ подобныхъ армій явилась, предводимая Готфридомъ, 10 іюня 1099 года предъ стѣнами Іерусалима. Іерусалимъ, послѣ сорокадневной осады, былъ взятъ Крестоносцами приступомъ. Готфридъ, со вступ-

леніемъ во святой градъ, направился пѣшій къ Гробу Господню, въ сопровожденіи только трехъ воиновъ; войско, узнавъ объ этомъ подвигѣ своего вождя, тотчасъ прекратило кровопролитіе и въ награду за его мужество и освобожденіе Гроба Господня отъ руки невѣрныхъ поднесло ему золотую корону; но онъ отказался принять ее, сказавъ, что никогда не рѣшится возложить на себя царской короны тамъ, гдѣ Спаситель міра былъ увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ; хотя принялъ титулъ барона и защитника Гроба Господня. Черезъ годъ послѣ этого, онъ окончилъ жизнь свою въ Іерусалимѣ и погребенъ у подошвы скалы Голгофы. Не трудно послѣ этого догадаться, почему даже и вещи, ему принадлежащія, такъ высоко цѣнятся тамъ, гдѣ онъ такъ энергически подвизался и ратовалъ за честь имени Христова.

Но продолжимъ прерванный рассказъ о дальнѣйшемъ нашемъ хожденіи по храму. Поблагодаривъ папскихъ слугъ за ихъ, хотя и вынужденное, вниманіе къ намъ—схизматикамъ, мы прослѣдовали за почтеннымъ нашимъ путеводителемъ мимо придѣла, посвященнаго Пресвятой Богородицѣ (мѣстное преданіе говоритъ, что здѣсь находилась пещера, въ которую заключенъ былъ Спаситель, пока злобные воины готовили орудія Его казни, и здѣсь будто-бы Богоматерь проливала слезы о предстоящемъ распятіи Ея сына); поклонились каменнымъ узамъ, въ которыя, какъ полагаютъ, были забиты ноги Искупителя; — это есть не что иное какъ большой камень известковаго свойства, въ длину и ширину не менѣе аршина, въ которомъ выдолблены вертикально круглыя дыры, на разстояніи двухъ вершковъ одна отъ другой, въ которыя свободно могутъ войти ноги, почти до колѣнъ; видна и поперечная дыра, въ которую, по всей вѣроятности, вдвигалась задвижка, чтобы наказываемый не могъ высвободить ногу. Эти каменные узы вдѣланы около стѣны въ полъ и ограждены желѣзной рѣшеткой (отъ рвенія поклонниковъ, откалывающихъ иногда отъ нихъ частицы), за которой теплится неугасимая лампада. Чтобы облобызать хотя край оныхъ, нужно прилечь на землю. Я имѣлъ счастье получить нѣсколько крупинокъ отъ сего орудія казни. За симъ молились въ греческомъ придѣлѣ во имя Лонгина сотника, который, видя страшныя знаменія, сопровождавшія кончину Спасителя, съ вѣрою въ Него, какъ Бога, воскликнулъ: «воистину сынъ Бо-

жій бѣ сей»,—и послѣ самъ изъ-за Него мученически окончилъ свою жизнь; далѣе со смиреніемъ преклонили главы предъ армянскимъ придѣломъ *раздѣленія ризъ* и спустились по широкой каменной длинной лѣстницѣ въ глубокій ровъ, изрытый при отыскиваніи Креста Господня. То мѣсто, гдѣ оный обрѣтенъ, обозначено чер-

Капелла Обрѣтенія Креста Господня.

нымъ крестомъ изъ асфальта, вдѣланнымъ въ мраморную половую плиту, къ которому прикладываются, прилегши на землю. Здѣсь довольно сыро и свѣжо, и отъ глубины мѣста, и отъ близости подземнаго водоема. Восходя обратно по лѣстницѣ, мимо придѣловъ благо-

разумнаго разбойника и св. Елены, мы молили Распятаго за насъ помянуть и насъ во царствіи Своемъ и не лишить небесныхъ своихъ благъ.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ передать читающимъ легенду, которая намъ была сообщена нашимъ дорогимъ вожатаемъ, когда мы остановились на средней площадкѣ лѣстницы для отдыха—о происхожденіи восточнаго бакшиша. Когда св. Елена сидѣла надъ окномъ, выдѣланнымъ въ скалѣ, которое и теперь есть, и смотрѣла отсюда на работавшихъ при открываніи креста, и потомъ, когда оный былъ обрѣтенъ, царица на радостяхъ велѣла поскорѣе поднести его къ себѣ; работавшіе, пронесши немного, остановились, требуя отъ ней бакшиша, и не двигались съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не получили желаемаго съ избыткомъ. Съ этихъ поръ бакшишъ въ Палестинѣ и другихъ мѣстахъ Востока началъ играть такую роль, что безъ него ничего не подѣлаешь. Не только за самую пустую услугу, но и за слово требуютъ съ васъ подарка. Если, говорятъ мѣстные Турки, Арабы, Евреи и Греки, царицу заставили дать бакшишъ, а тебя—и подавно; ты не знаешь развѣ, что этотъ обычай у насъ, какъ законъ, и всякій иноземецъ обязанъ подчиняться ему; а не то камешковъ у насъ много,—забрасаемъ. И мы сами испытывали на себѣ всю силу и тягость этой варварской взятки почти на каждомъ шагу.

Но возвратимся къ прерванной рѣчи. За лѣстницею, въ придѣлѣ поруганія (гдѣ греческій престолъ обоснованъ на части отъ колонны, взятой изъ двора Пилата, къ которой, по преданію, привязанъ былъ Спаситель когда неистовая чернь, по повелѣнію этого малодушнаго правителя, повлекла Его во внутрь двора, бичевала Святѣйшаго и ругалась надъ Нимъ) (*), я осѣнялъ себя неоднократно крестнымъ знаменіемъ и со словами: «Исусе отъ всѣхъ оскорбленный, Радосте моя, возвесели мя»,—дерзнулъ за своими спутниками, грѣшными стопами взойти по 18-ти мраморнымъ ступенямъ на скалу—Голгофу. Невозмутимая тишина, глубокій мракъ, бьющій среди него въ глаза блескъ отъ множества разноцвѣтныхъ лампадъ, игра свѣта отъ драгоценныхъ камней, коими украшены нѣкоторые св. лики; великая святость самаго мѣста, на которомъ совершено наше спасеніе—все это

(*) О. Доксовъ въ своемъ описаніи на стр. 119-й говоритъ, что тамъ, гдѣ теперь придѣлъ поруганія, воины возлагали вѣнецъ на главу Спасителя: это не вѣрно. Изъ Евангельской исторіи видно, что онъ возложенъ еще во дворѣ Пилата, а домъ Пилата не около Голгофы, а довольно далеко отсюда.

невыразимо дѣйствуетъ на чувства, душу объемлетъ невольный трепеть, тѣло клонить къ паденію ницъ,—на молитву; но бѣдный языкъ нѣмѣетъ, мысли... отъ сильнаго волненія цѣпенѣютъ. Но вотъ мало по малу, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту водруженія Креста Христова, приходишь въ себя, отрезвляешься, бросаешься къ подножію онаго и, крѣпко лобызая, съ умиленіемъ восклицаешь: «Иже въ шестый день же и часъ на крестѣ пригвожденъ въ рай дерзновенный Адамовъ грѣхъ: и согрѣшеній нашихъ рукописаніе раздери, Христе Боже, и спаси насъ!» Высѣченное углубленіе въ скалѣ, въ которое водруженъ былъ Крестъ Христовъ, четырехугольное, вширь около полутора квадратной четверти, въ длину или глубину около аршина. Такія углубленія заготовляемы были впередъ и не уничтожались, такъ какъ они, во первыхъ, были выдолблены въ скалѣ, а во вторыхъ, въ нихъ настояла постоянная необходимость по множеству казнившихся здѣсь преступниковъ. Принесенный крестъ, по пригвожденіи на немъ наказуемаго, ставился прямо въ углубленіе, и если шатался, то подножіе его обивали клинѣями; потомъ, по уничтоженіи трупъ птицами или звѣрями, или посредствомъ естественнаго разложенія, кресты вынимались и бросались со скалы. Вотъ почему и Крестъ Христовъ найденъ возлѣ Голгофы. Сзади углубленія стоитъ небольшая драгоценная икона страждущаго Спасителя—усердное приношеніе Императорскаго Россійскаго Дома,—стоящая нѣсколько десятковъ тысячъ; слова свящ. писанія, изложенныя на иконѣ довольно большими буквами, составлены изъ однихъ бриллиантовъ; надъ самымъ углубленіемъ стоитъ довольно высокій каменный престолъ, утвержденный на толстыхъ мраморныхъ колонкахъ, открытый со всѣхъ сторонъ, чтобы удобнѣе наклоняться подъ него для лобызанія св. мѣста, но во время совершенія Богослуженія накрываемый пеленами, какъ и у насъ. Служащіе, для большаго удобства, становятся при совершеніи литургіи на подставляемую спереди онаго деревянную площадку. За престоломъ водруженъ крестъ, въ вышину подлиннаго Креста Христова,—около шести аршинъ, съ весьма живописнымъ распятіемъ на немъ Господа, а по бокамъ—рѣзныя изображенія во весь ростъ Богоматери и Іоанна Богослова, вѣнцы которыхъ, украшенные тысячами драгоценныхъ камней, при свѣтѣ огней обаеваютъ зрѣніе; за крестомъ и предстоящими, на разстояніи аршина—глухая стѣна, на которой, на доскахъ, изобра-

жены всѣ виды страданій І. Христа, начиная отъ моленія о Чашѣ до Его погребенія, въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ. За симъ, осмотрѣвши со свѣчами (иначе нельзя) въ рукахъ трещину въ природной скалѣ, которая образовалась въ минуты смерти Богочеловѣка, мы перешли въ придѣлъ папистовъ, находящійся смежно, по правую сторону, гдѣ взоры наши прикованы были поясною статуею скорбящей Божіей Матери объ умирающемъ Сынѣ: это чудо искусства;—лишь точно живой; такъ и ожидаешь, что вотъ, вотъ онъ заговорить: «Увы мнѣ, Чадо мое!» Слезы нависли на рѣсницахъ и готовы капать на землю; чувство страшной сердечной туги о Сынѣ возлюбленномъ такъ естественно отпечатлѣно во всей фигурѣ, что, смотря на нее, и самъ невольно располагаешься къ сѣтованію и слезамъ. Драгоценное покрывало на головѣ, мониста, запонки, браслеты и прочія женскія украшенія—даръ латинскихъ королей, горятъ брилліантами, алмазами, изумрудами, яхонтами, аметистами и цѣнятся въ нѣсколько милліоновъ рублей. За симъ поклонясь, здѣсь же, мѣсту, на которомъ положенъ былъ Крестъ для пригвожденія къ нему Спасителя, мы направились къ сѣверной двери и спустились по лѣстницѣ, ведущей въ Воскресенскій храмъ, прямо въ алтарь онаго. Здѣсь мы застали святогробскаго настоятеля, который показалъ часть Животворящаго Древа, вдѣланную въ большой Крестъ и руку (начиная отъ плеча и кончая кистью) св. и равноапостольной Маріи Магдалины, хранящуюся въ драгоценномъ ковчегѣ. По возданіи подобающей чести симъ святынямъ, мы осмотрѣли св. алтарь, иконостасъ и всю внутренность храма. Замѣтивъ, за серединою онаго, торчащій въ полу голубой столбикъ, на которомъ прилѣплены были горящіе свѣчи, я спросилъ о. архимандрита: какое онъ имѣетъ назначеніе? Мнѣ объяснили, что многіе невѣжды называютъ эту урну цупомъ земли и думаютъ на основаніи словъ Писанія — „посреди земли содѣлалъ еси спасеніе, Боже“,—что то мѣсто, гдѣ она поставлена, какъ-разъ и есть центръ или середина земли; тогда какъ она поставлена для означенія предѣла, далѣе котораго священная процессія — съ Евангеліемъ на маломъ входѣ и съ Св. Дарами на великомъ—не должна слѣдовать и, обойдя оный, должна возвращаться въ алтарь. Отсюда же намъ показали келіи монаховъ католическихъ и армянскихъ: первыя помѣщаются вправо отъ часовни

Гроба Господня, надъ самымъ храмомъ, на второмъ этажѣ, а вторыя—влѣво, на противоположной сторонѣ, гдѣ помѣщается армянскій храмъ. Оборотившись за симъ опять къ иконостасу, мы увидѣли, что каждая икона въ верхнихъ ярусахъ имѣетъ сквозныя прорѣзы по-надъ ликами съ трехъ сторонъ;—это насъ очень удивило. Оказалось, что каждый ярусъ иконъ имѣетъ за собою съ алтаря хоры, на которыхъ располагается народъ въ страстную седмицу, когда бывають десятки тысячъ богомольцевъ, и оттуда, сквозь иконныя скважины, смотрять на совершающіяся священнодѣйствія во храмъ и около часовни Гроба Господня.

Наконецъ, вышедши изъ Воскресенскаго храма, мы были приглашены Святогробскимъ игуменомъ въ пріемный залъ, который находится подъ Голгоѳой и угощены кофе, вареньемъ и ракою, и потомъ распростившись удалились изъ храма. Не было никакихъ официальныхъ омовеній ногъ и рукъ, никакихъ урочныхъ трапезъ и торжественныхъ засѣданій множества архіереевъ, при которыхъ бы записывались имена и вносились деньги на нужды храма отъ поклонниковъ, и за это выдавались бы разрѣшительныя грамоты.

Когда мы вышли на наружную площадь предъ храмомъ и осматривали внѣшній видъ онаго, о. архим. указалъ на заложенныя большія врата, въ которыя силась войти на праздникъ Воздвиженія Креста Господня преп. Марія Египетская, но невидимая сила ее отталкивала; надъ ними же стояла и икона Богоматери, предъ которой Марія молилась и дала обѣтъ цѣломудренной жизни;—здѣсь теперь помѣщается убогая часовня Коптовъ, въ которой помѣстится не болѣе трехъ человекъ; на небольшомъ столикѣ помѣщается икона, гдѣ и совершается обѣдня; дверь, ведущая въ часовню, хуже деревенской калитки. Потомъ, смотря на колокольную, мы долго не могли объяснить себѣ, почему она до сихъ поръ остается безверхою—при одномъ этажѣ, представляя изъ себя безобразную фигуру перебитаго пополамъ графина или усѣченнаго конуса. Порчу оной многіе туристы объясняютъ бывшимъ когда-то землетрясеніемъ, но о. архим. выяснилъ это согласно съ мѣстными преданіями такъ: нѣкто Саладинъ, увѣнчанный короною калифовъ, пользуясь смутнымъ положеніемъ дѣлъ христіанъ, рѣшилъ привести въ дѣйствіе давно обдуманное имъ намѣреніе освободить Востокъ отъ владычества христіанъ. Съ многочисленною арміею онъ

подступилъ къ Иерусалиму, который, по тѣснымъ своимъ обстоятельствамъ, долженъ былъ сдаться побѣдителю на капитуляцію. Король Иерусалимскій со многими вож-
дями достался въ плѣнъ Саладину. Всѣ церкви Св. Града
были обращены въ мечети, кромѣ храма Гроба Господня,
только съ тѣмъ условіемъ, чтобы башня его, или коло-

Судище Пилата.

кольня, была снята до послѣдняго этажа и никогда не
смѣла бы возвышаться и величаться предъ мусульман-
скими минаретами; при чемъ онъ указалъ на сосѣдній
минаретъ, который былъ гораздо ниже ея по высотѣ.
Этотъ высящійся минаретъ и при немъ мечеть, въ которой

поименованный побѣдитель преклонялъ свои колѣна предъ Аллахомъ за дарованную побѣду, до сихъ поръ существуетъ и почти примыкаетъ къ наружной площади Святогробскаго храма. Колокольная же послѣдняя, будучи тогда же обезображена, и теперь стоитъ въ такомъ жалкомъ видѣ, и никто не осмѣливается достроить ее, боясь смертной угрозы.

На помянутой сейчасъ площади, едва мы двинулись съ мѣста, чтобы итти далѣе, окружила насъ несмѣтная толпа мусульманскихъ нищихъ и продавцовъ разнаго рода священныхъ предметовъ и чуть не сбивала насъ съ ногъ, хватая за руки, за одежду, за что попало, и много стоило намъ труда и усилій высвободиться отъ нихъ; такъ какъ мы были безъ офиціальнаго каваса или турецкаго проводника.

Ушедши отъ безпокойной толпы, мы пошли чрезъ небольшую арку по такъ-называемому крестному пути. Здѣсь мы зашли въ латинскій храмъ, устроенный на томъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель послѣ насмѣшекъ и различныхъ истязаній, учиненныхъ надъ нимъ безчеловѣчными воинами Пилата, былъ выведенъ симъ послѣднимъ на площадку предъ народъ въ терновомъ вѣнцѣ и багреницѣ со словами «смотрите, какъ Онъ измученъ!» (Се человѣкъ.) Этотъ храмъ называется храмомъ Сіонскихъ сестеръ, при которомъ они и живутъ, какъ монастырки, и своимъ саномъ много приносятъ и матеріальной и моральной пользы мѣстному разноплеменному и разновѣрному населенію. Зданія, въ которыхъ онѣ помѣщаются, массивны и архитектурны. Въ сѣняхъ сказаннаго храма стоитъ поражающая зрѣніе статуя, изображающая Божію Матерь, держащую на колѣняхъ Своего Божественнаго Сына — Мертвеца, только-что снятаго со Креста; въ любимыя черты лица Его Она вперила Свой слезящіеся глаза; одна рука Его покоится на сердцѣ Его, какъ-бы съ цѣлію осязательнѣе дознать, дѣйствительно и совершенно ли оно перестало биться для жизни, или въ ожиданіи — не забьется ли оно вновь для блага бѣднаго человѣчества. Съ правой стороны, при входѣ во храмъ, устроенъ особый придѣлъ, сквозь открытое окно котораго мы разсматривали богатую статую Спасителя, падающаго подъ тяжестью креста, въ терновомъ вѣнцѣ и червленой звѣздчатой порфирѣ, — работы искусной руки, и пошли далѣе, подавляемые тяжелыми чувствами скорби. Внутренность самаго храма плѣняетъ своимъ великолѣпіемъ, въ

особенности же производить потрясающее душу впечатлѣніе—величественная фигура Спасителя съ надписью «Ессе homo», стоящая вверху надъ алтаремъ, на томъ, будто бы, мѣстѣ, гдѣ стояли пречистыя ноги Его, когда Пилать спрашивалъ: «откуда Ты?»

Раньше этого мы хотѣли осмотрѣть францисканскую церковь—*Бичеванія Іисуса*; но, сколько ни стучали въ запертую калитку двора оной, не получили ни отвѣта, ни привѣта, и—ушли. Теперь же, когда подошелъ къ намъ самый блюститель этого храма, старичекъ францисканецъ, и усердно приглашалъ не минуть и его, мы воротились и вошли чрезъ низкую дверь въ церковь, надъ входомъ въ которую бросается въ глаза крупная латинская надпись: «*Пилать поятъ Іисуса, и би Ею*». Внутри церковь низка, невелика и похожа на обыкновенный залъ, увѣшанный по сторонамъ довольно живописными картинами религіознаго содержанія изъ послѣднихъ дней жизни Іисуса. Подъ открытымъ небольшимъ алтаремъ, на мраморномъ полу, означено мѣсто, облитое кровію Святѣйшаго Страдальца. За симъ мы осмотрѣли весь внутренній дворъ бичеваній, заушеній и заплеваній и сорвали на память нѣсколько цвѣтковъ, изобильно насаженныхъ усердною рукою вездѣ, гдѣ только позволяло мѣсто. Отсюда прошли мы къ дому Пилата, и когда я хотѣлъ взойти въ наружную открытую дверь съ улицы, чтобы посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ происходилъ, по преданію, нечестивый судъ надъ неповиннымъ Праведникомъ, то одинъ изъ турецкихъ солдатъ выскочилъ и грубо оттолкнулъ меня, а прочіе извнутри свистали съ крикомъ: «вонъ гяуръ!» Однакожь я успѣлъ завидѣть, что здѣсь помѣщается турецкая конница. Отецъ архимандритъ повелъ насъ къ другому ходу, гдѣ, поднявшись по ступенямъ вверхъ, мы прошли чрезъ нѣсколько грязныхъ комнатъ, въ которыхъ помѣщаются турецкіе трубачи, при появленіи нашемъ, въ насмѣшку, проигравшіе намъ какой-то кошачій концертъ, и взошли на высокую террасу, съ которой открываются превосходные виды на сосѣднюю мечеть Омарову, съ ея красивою и громадною площадью и прилегающими къ ней зданіями, осѣненную вѣковыми деревьями,—на храмъ гроба Господня и почти на весь Св. Градъ. Отсюда же мы, созерцая пройденный нами страстной путь, въ чувствѣ умиленія осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, мысленно восклицали: «Слава страstemъ Твоимъ, Господи! Слава долготерпѣнію

Твоему, Господи!» При спускѣ съ террасы, стоявшій тутъ на часахъ турецкій воинъ потребовалъ съ насъ по піастру (25 к.) за хожденіе. Обогнувъ уголъ улицы, мы зашли посмотрѣть то мѣсто, которое у Евангелиста Іоанна называется *Овчею Купелью*. За горами мусора и за разною нечистотою, мы едва могли пробраться къ ней и вотъ что узрѣли: глубокую и широкую четверугольную яму, огражденную отъ верху до низу плотнымъ камнемъ. вмѣсто изсякавшихъ животворныхъ водъ, испѣлявшихъ всевозможные недуги, красуется въ ней навозъ, валимый сюда турецкими солдатами изъ своихъ конюшенъ, какъ-бы въ насмѣшку, а всѣми мусульманами и жидами всякая дрянь, начиная отъ помоевъ до дохлой кошки или собаки, чтобы поскорѣе изгладить изъ благодарной памяти истинныхъ почитателей Бога это священное и осязательное мѣсто Его милосердія и любви къ страждущему человѣчеству. Индѣйскихъ фигъ, гранатовыхъ и другихъ деревьевъ, которыя такъ недавно видѣлъ растущими на полу этой купальни одинъ изъ печатныхъ паломниковъ, теперь не существуетъ. Съ трехъ сторонъ она окружена высокими каменными зданіями, обращенными къ ней заднимъ фасадомъ, между которыми, и именно, прилегающими къ площади Омаровой мечети, теперь почти развалившимися, указывали намъ на отдѣленія, принадлежавшія *дому милосердія*, въ которыхъ слезало множество болящихъ, чающихъ движенія воды, въ числѣ которыхъ, будто-бы, здѣсь же возлежалъ и Евангельскій тридцативосьми-лѣтній разслабленный, испѣленный всемогущимъ—«востани и ходи». Тутъ же и *Красныя врата*—тѣ самыя, которыя вели во дворъ храма Соломонова, а теперь къ мечети Омара, и въ которыхъ св. ап. Петръ испѣлилъ хромаго. Завидѣвъ чрезъ нихъ прекрасную площадь, усаженную деревьями, и разные портики, окружающіе красивую мечеть, и не видя ничего подобнаго въ пройденныхъ мѣстахъ, я, подстрекаемый неудержимымъ любопытствомъ, оставивъ своихъ спутниковъ, со тщаніемъ пошелъ чрезъ помянутыя врата, чтобы лучше полюбоваться тѣмъ, что тамъ есть, какъ вдругъ, къ моему удивленію, а потомъ и не малому страху, съ разныхъ сторонъ посыпались на меня камешки; гдѣ взялась цѣлая буйная ватага мусульманскихъ мальчишекъ разнаго возраста и съ бранью, неистовымъ крикомъ и свистомъ устремила съ камнями противъ меня; и если бы не близъ лежащія руины

какого то зданія, въ которыхъ я сокрылся, то пожалуй сдѣлался бы подобнымъ тѣмъ слѣпымъ и кривымъ, которые когда-то неподалеку отсюда возлежали, въ надеждѣ избавиться отъ этихъ физическихъ золъ.

Сидя за траншеей въ ожиданіи успокоенія мусульманскаго фанатизма, я мыслилъ въ себѣ: о, когда-то Господь сокрушитъ это дикое и свирѣпое агарянское владычество! И дождется ли христіанскій міръ того блаженнаго времени, того часа, когда ему возвѣстятъ: слава Богу, — теперь миръ въ Іерусалимѣ! Теперь каждый поклонникъ свободно, безъ боязни, во всякое время и какъ угодно можетъ выражать свои молитвенныя чувства въ священныя и дорогихъ сердцу его мѣстахъ?! Чувствуя себя необыкновенно разслабленнымъ и болѣзнию и долгою ходьбою, взирая съ жалостію на занавоженную купель, подумалъ я: о, если бы она опять, вдругъ, наполнилась животворными водами! Не успѣли бы онѣ еще до дна возмутиться, а я уже и тамъ... первый... и здоровый, и радостный, и благодарный теку по стогнамъ св. града и удоіямъ всея Палестины... Но мечтанія мои были прерваны поисками за мной моихъ спутниковъ. При разсказѣ о случившемся со мной, о. архим. замѣтилъ: «напрасно вы удалились отъ насъ; васъ могли бы тамъ даже убить»; и повелъ насъ къ находившимся невдалекѣ Геосиманскимъ воротамъ, иначе именуемымъ *вратами Дѣвы Маріи* или *Стефановскими*, потому что чрезъ нихъ проходятъ въ Геосиманскій садъ мимо мѣста побіенія св. архидіакона Стефана. Подъ навѣсами этихъ воротъ сидѣли сторожевые солдаты-турки, которые въ излишнемъ упованіи на могущество и вниманіе магомета — грознаго карателя гяуровъ, беззаботно, поставивъ свои ружья въ сторону, съ особымъ усердіемъ занимались игрою въ карты — въ трилистика, носка и пр., по временамъ потягивая живительный кальянъ.

Вышедши изъ этихъ воротъ, мы направились вдоль городскихъ стѣнъ, начиная отъ сѣвернаго угла оныхъ и кончая юго-западнымъ. Влѣво отъ насъ протянулся длинный, неширокій и неглубокій оврагъ, именуемый въ Писаніи потокомъ Кедрскимъ, въ которомъ не было и признаковъ воды. Между ложемъ онаго и городскими стѣнами тянутся мусульманскія кладбища, (*) испещрен-

(*) Замѣчательно, что на мусульманскомъ Іерусалимскомъ кладбищѣ нѣтъ никакихъ деревьевъ, составляющихъ обязательную принадлежность; только къ сѣверу, въ началѣ крѣпостной стѣны, виднѣется дерево, похожее на нашу

ныя множествомъ бѣломраморныхъ, разнаго вида, надгробныхъ памятниковъ съ рельефными эмблемами рода службы или занятія покойщихся подъ ними. На могилахъ и по-между ними постоянно попадались сидящія или блуждающія мусульманки въ бѣлыхъ длинныхъ саванахъ съ цвѣтами въ рукахъ, превосходными гирляндами которыхъ обвивались такъ же и самые памятники. Бѣлые саваны, изъ-подъ которыхъ выглядывали мѣлоподобныя мертвецкія фizioноміи, могильная тиши-

Кладбище въ Иосафатовой долинѣ.

на, самое мѣсто, изрытое рытвинами, близость Иосафатовой долины, гдѣ, по преданію, долженъ происходить послѣдній судъ,—все это наводило на душу какой-то непонятный страхъ,—такъ и грезилось, что это блуждаютъ воскресшіе мертвецы, и, въ томительномъ ожиданіи опредѣленія своей вѣчной участи, снуютъ взадъ и впередъ въ раздумьи: куда-то придется понасть.—

осицу, на которомъ турки вѣшаютъ провинившихся;—что по всей вѣроятности и послужило для многихъ поводомъ къ сказаніямъ, которыя и мы здѣсь же слышали,—будто на этомъ деревѣ повѣсился Иуда предатель.

При этомъ о. архим. замѣтилъ: уважаю я этихъ мусульманокъ за ихъ благоповеденіе въ праздничные и другіе часы свободнаго времени: посѣщеніе кладбищъ, молитва за покоящихся тамъ родныхъ, тоскованье о разлукѣ съ ними, чинные разговоры, проходка между могилами или сидѣніе на нихъ,—вотъ любимое ихъ развлеченіе и вмѣстѣ препровожденіе сказаннаго времени! Не такъ водится у насъ на Руси: въ свободные и особенно праздничные часы пьянство подомамъ и въ кабакахъ, безчинное расхаживанье и пѣніе по улицамъ срамныхъ пѣсень, пляски, игры, неистовый смѣхъ и пр. и пр. Тутъ же мы долго смотрѣли на заложенные въ крѣпостной стѣнѣ такъ-называемыя святыя златыя врата, въ которыя, сидя на жребяти осли, имѣлъ торжественный входъ Спаситель человѣчества. Доступъ къ нимъ съ внѣшней стороны труденъ, какимъ бы кто способомъ къ нимъ не пробирался: ибо теперь предъ ними идетъ гористый вертикальный уступъ саженей около пяти.

Окончивъ хожденіе по-надъ юговосточною наружною стороною Іерусалима, по случаю поздняго времени, мы оставили осмотръ Сіонскихъ святынь до слѣдующаго разу, а пошли посмотреть на мѣсто плача или молитвы сыновъ Израиля, которые они совершали подъ открытымъ небомъ. Дѣло въ томъ, что у евреевъ сохранилось преданіе, будто въ стѣнѣ, окружающей св. градъ, сохранились камни отъ временъ построенія ветхо-завѣтнаго Іерусалимскаго храма. И дѣйствительно, смотря на нижніе ряды стѣны, возлѣ которой евреи молятся, можно думать, что эти громадныя, полуторасаженныя камни (подобные которымъ я видѣлъ въ послѣдствіи въ подвалахъ бывшаго храма Соломонова), принадлежать тѣмъ временамъ. Евреи посѣщаютъ это мѣсто не по пятницамъ только, какъ говоритъ одинъ паломникъ Л., но и во всѣ другіе дни и часы. Такъ мы посѣтили это мѣсто въ четвергъ вечеромъ и застали около 30 душъ обоюго пола евреевъ, изъ коихъ одни прислонились къ завѣтнымъ камнямъ лбами, другіе тыкали въ нихъ пальцами, иные выкрикивали усердно псалмы, нѣкоторые пронзительно выли и преуморительно гримасничали, многіе же равнодушно высиживались и посматривали на насъ. Словомъ, эта жужжащая группа молившихся напоминала собою то состояніе, въ которомъ находятся пчелы, когда они останутся въ ульѣ безъ матки. За симъ мы вошли въ городъ чрезъ такъ-называемыя гнойныя ворота, гдѣ на площади, загроможденной раз-

валинами древнихъ зданій, роскошно растутъ огромные кактусы, и, пройдя тѣсный, зловонный и наводящій уныніе еврейскій кварталъ, мы воротились домой на „постройки“ въ 7 часовъ вечера, когда уже, по тамошнему времени, начинало темнѣть, и съ удовольствіемъ пили чай, за которымъ я своимъ спутникамъ разсказалъ мою біографію, которою и ихъ ввелъ въ тоску и себя въ слезы и тяжелое раздумье.

Пятница, 4-е іюля. Я всталъ въ 5-ть часовъ, чтобы не пропустить обѣдни въ нашей миссіонерской Троицкой церкви, которая началась въ 6-ть часовъ. Въ самую церковь ведутъ трое дверей; внутренность представляетъ видъ длиннаго, просторнаго зала, вокругъ котораго во второмъ ярусѣ устроены прекрасные хоры, поддерживаемые цѣльными мраморными колоннами; полъ тоже вездѣ мраморный; къ алтарю поднимаются по пяти мраморнымъ ступенькамъ, на широкой площади котораго красуется иконостасъ отличной рѣзной работы *) изъ дубоваго дерева, безъ всякой покраски и позолоты; иконы византійской живописи, безъ металлическихъ ризъ, въ три яруса; предъ каждою иконою висятъ драгоценныя лампадки и всѣ во время служенія зажигаются; царскія врата изъ бронзы, золоченой чрезъ огонь, искусной рѣзной работы, и, особенно, привлекаютъ къ себѣ глаза всякаго пришельца; въ алтарѣ, весьма просторномъ, устроено тринадцать бархатныхъ сѣдалищъ для священно-служащихъ. Утварь и облаченія роскошны,—даръ русскаго Императорскаго Двора и московскихъ фабрикантовъ. Семь душъ пѣвчихъ—теноры и басы—поютъ гармонично, напѣвомъ, составленнымъ изъ партитуръ Кіевскихъ, Аѳонскихъ и Сумо-новскихъ.

По приѣздѣ въ Іерусалимъ, мы предположили первѣе всего говѣть и принять таинства исповѣди и св. причастія, почему усердно просили о. архимандрита отслужить для насъ субботнюю всенощную и обѣдню русскую во храмъ Гроба Господня, такъ какъ русскіе не имѣютъ тамъ права совершать какое бы то ни было богослуженіе безъ благословенія патріарха. О. архим. настолько былъ обязателенъ и добръ, что устроилъ все къ нашему душевному утѣшенію; и вотъ мы, вмѣстѣ

(*) С.-Петербургскаго мастера Леонтьева, за который онъ удостоенъ на выставкѣ серебряной медали.

съ нимъ, вечеромъ, въ 7 часовъ, и отправились ко Гробу Господню. Всенощная совершалась на Голгоѣѣ, при пѣніи русскихъ миссіонерскихъ пѣвчихъ. Ночная тишина, мракъ, мерцанія среди него разноцвѣтныхъ огней, громовые раскаты роднаго мелодическаго пѣнія подъ сводами обширнѣйшаго храма, трогательный канонъ о распятіи Господа, необычайность самаго мѣста,—все это и ужасало, и сокрушало, и умиляло, и восторгало мою душу до слезъ.

Но особенно, что меня поразило и вмѣстѣ пролило утѣшеніе въ мою душу, убитую невзгодами жизни, такъ это слова утренняго Евангелія: „Прійдите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обряцете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть“ (Матѣ. 11, 28, 30), которыя я принялъ за отвѣтъ, какъ-бы лично ко мнѣ обращенный Самимъ Спасителемъ, распростертымъ здѣсь за престоломъ на крестѣ, привлекающимъ къ Себѣ и вѣщающимъ отвѣтъ на мое томительное жизненное положеніе: „что ты всеу мятешься? почто ты, трудясь и потѣя, ищешь мира душѣ твоей, покоя и отрады сердцу твоему въ томъ, что способно только еще болѣе возмутить тебя и сокрушить послѣдній останокъ твоихъ слабыхъ силъ? Возверзи твою печаль на Меня, и ты найдешь миръ; Я доставлю тебѣ жизнь безъ печали; я буду для тебя Свѣтомъ, блистающимъ паче всякаго свѣта, Упокоеніемъ паче всякаго земнаго упокоенія. О, прійди же, прійди ко Мнѣ труженикъ и мученикъ страстей! Не бойся! Я не тиранъ, а милосердый Отецъ; посмотри на Меня, на Мои язвы: Я ихъ претерпѣлъ, чтобы тебя ввести въ Чертогъ Мой. Не ужасайся: Мой законъ не есть бремя тяжелое и бесполезное, а сокровище, дорогшее паче тысящъ злата и сребра; ибо онъ одинъ только можетъ указать и открыть дверь въ Мое славное вѣчное царство“. По окончаніи всенощной, я, у подножія Креста Христова, подъ престоломъ, принесъ покаяніе во всѣхъ грѣхахъ моей жизни.

Суббота, 5-е іюля. Во второмъ часу ночи началась литургія на св. Гробѣ, которую совершали настоятель русской миссіи—о. архимандритъ, іеромонахъ Веніаминъ—мой духовникъ, экономъ Уфимскаго архіерейскаго дома Филаретъ и я недостойный. О, до чего

радостны, до чего сладки были минуты служенія на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ погребенъ и воскресъ, спогребши съ собою и наши грѣхи, и совоскресивши и насъ къ вѣчно-блаженной жизни! Не выяснить никакимъ языкомъ земнымъ, не описать никакимъ писаломъ человѣческимъ сихъ восторженныхъ минутъ въ моей жизни. Въ особенности же, до глубины души, до раздѣленія мозговъ, подѣйствовала на меня священная процессія перенесенія св. Даровъ—съ Гроба Господня вокругъ кувукліи—на великомъ входѣ, въ преднесеніи множества крестовъ, хоругвей, свѣтильниковъ, въ предшествіи пѣвчихъ и заунывномъ пѣніи ими, во время самага обхожденія, херувимской пѣсни. Такъ и казалось, будто мы видимо сопровождаемъ Господа, идущаго заклаться и даться въ снѣдъ вѣрующимъ. Я готовъ былъ тутъ же разрѣшиться отъ тѣла, я забылъ землю, забылъ все, все на ней; эти минуты казались мнѣ уже жизнію на небѣ,—и какъ, очнувшись послѣ всего этого, горько было разочаровываться и видѣть себя въ омутѣ прежней жизни!

Послѣ обычнаго отпуска мы, забравъ всѣ священныя принадлежности, отправились для разоблаченія и чтенія благодарственныхъ молитвъ въ Воскресенскій храмъ; а на Гробъ Господнемъ начали совершать обѣдню армяне. За симъ, къ 3 часамъ, мы приглашены были въ приемную настоятеля Святогробскаго и угощены вареньемъ, ракою и чаемъ; послѣ чего на разсвѣтѣ разошлись по квартирамъ и, при выходѣ изъ храма, видѣли турецкихъ стражей, варящихъ на жаровнѣ кофе.

Въ 10 часовъ утра дѣлалъ мнѣ отвѣтный визитъ о. архимандритъ съ духовникомъ іеромонахомъ Веніаминомъ и пригласилъ къ 2 часамъ къ себѣ на завтракъ, (по случаю именинъ одного изъ моихъ спутниковъ А.),—который былъ очень обилень и заключенъ за здравными тостами, послѣ которыхъ присутствовавшимъ радушный хозяинъ раздавалъ на память разные священные предметы; мнѣ же, сверхъ того, презентовалъ двѣ монеты временъ Александра Македонскаго.

Послѣ этого я дѣлалъ визитъ русскому консулу, Василию Ѳедоровичу Кожевникову, который оказался жителемъ города Харькова и бывшимъ студентомъ Харьковскаго университета; почему обоюдное наше знакомство было самое пріятное; распросамъ и допросамъ не было и конца; при чемъ пригласилъ меня на обѣдъ, а потомъ и на вечерній чай, послѣ котораго я

оставался у него до 12 часовъ ночи. Въ оживленной бесѣдѣ о восточныхъ дѣлахъ и мѣстныхъ святыняхъ время шло непримѣтно и до того пріятно, что я совершенно забылъ, что нахожусь на чужбинѣ, внѣ отечества, въ страшной дали отъ родныхъ, друзей и знакомыхъ,—слишкомъ за четыре тысячи верстъ.

Назавтра предположено ѣхать въ Крестный монастырь, гдѣ, по преданію, находится корень того дерева, изъ котораго сооруженъ былъ крестъ для распятія на немъ Господа.

Воскресеніе, 6-е іюля. Послѣ краткаго сна, я уже готовъ былъ въ предположенный путь; почему и отправился къ о. архимандриту, такъ какъ онъ общалъ и меня взять съ собою въ Крестный монастырь по приглашенію ректора, находящейся въ немъ, патріаршей греческой семинаріи. Со мной въ Палестинѣ не было ни скуфьи, ни камилавки; а у грековъ, и вообще на востока, привыкли видѣть всегда священное лицо съ покрытою головою; почему о. архим. предложилъ мнѣ надѣть его монашескую камилавку, а наперсный крестъ, въ память минувшей войны, снять и оставить дома, ибо эллины сильно издѣваются надъ тѣми русскими духовными особами, которые, пробравшись въ Палестину, стараются вездѣ выказывать свои кресты и ордена; вотъ, прибавилъ онъ, и я никогда не ношу никакихъ регалій внѣ своей церкви; и вы далѣе сами увидите, что ни одинъ архимандритъ, ни одинъ изъ архіереевъ здѣшнихъ не будетъ имѣть на себѣ во время экзамена никакого знака отличія отъ другихъ, кромѣ Патріарха, и только потому, что онъ будетъ предварительно въ актовѣ залѣ совершать молебное пѣніе. Запасшись зонтиками, мы въ 8 часовъ утра возсѣли на осѣдланныхъ животныхъ,—о. архим. на бѣлаго арабскаго коня, а я на коричневаго осла; отъ непривычки и, вообще, отъ неумѣнья ѣздить верхомъ, я, при слабости силъ и каменистой тропѣ, усѣянной огромными камнями, ѣхалъ со страхомъ и трепетомъ и при всякомъ смѣломъ движеніи и мгновенномъ поворотѣ животного, при незнаніи его характера и турецкихъ дрессировочныхъ терминовъ, чуть не падалъ на землю. Чрезъ часъ мы были уже у самаго монастыря, похожаго по наружному виду скорѣе на крѣпость,—такъ высоки и толсты окружающія его стѣны, изъ-за которыхъ трудно путешественнику, даже издали, рассмотреть его внѣшній

видѣ. Въ узкую калитку мы были впущены вовнутрь, и направились по лѣстницѣ прямо въ ту церковь, гдѣ блюдется корень отъ Животворящаго Древа. Былъ десятый часъ утра, и, когда мы вошли въ церковь, обѣдня уже окончилась. Бывшіе въ церкви, и мужчины и женщины, опрометью бросились, опережая и давя другъ друга, въ алтарь, какъ оказалось, для поклоненія и лобызанія вышесказанной святыни. Въ ожиданіи выхода этой толпы, мы разсматривали внутренность храма; храмъ сравнительно небольшой, темный и довольно ветхій; по стѣнамъ видны альфресковыя религіозныя изображенія; полъ мраморный, испещренный по мѣстамъ красивою мозаикою, со впадинами отъ древности. Замѣтивъ на немъ кое-гдѣ темнокрасныя пятна, мы спросили о нихъ мнѣнія о. архимандрита, который намъ объяснилъ это такъ: турки, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, народъ дикій, фанатическій и корыстолюбивый; при малѣйшемъ неудовольствіи, при всякомъ возмущеніи подвѣдомыхъ имъ племенъ, они изливаютъ свою месть на нихъ грабежомъ, кровопролитіемъ и убійствами. А такъ какъ лучшимъ убѣжищемъ въ подобныхъ случаяхъ для христіанъ служили и служатъ храмы и монастырскія стѣны, то въ нихъ, особенно въ прежнія времена, очень часто лилась кровь человѣческая и совершались грабежи разныхъ церковныхъ сокровищъ. И вотъ, на память вѣкамъ, объ изувѣрствѣ мусульманъ надъ неповинными христіанами Промыслъ блюдетъ кровавыя пятна до суднаго дня. За симъ мы вошли въ алтарь, престолъ котораго съ трехъ сторонъ обвить пеленами, а съ четвертой, восточной, открыть совершенно; подъ нимъ въ полу указали намъ въ серебрянномъ кругѣ отверстіе, — мѣсто, гдѣ, по преданію, росло Животворящее Древо; — но есть ли въ немъ остатки его корня, мы не могли разсмотрѣть за темнотою. Почтивши должнымъ образомъ святыню, мы отправились на верхній этажъ надъ церковью, въ пріемный залъ существующей здѣсь патріаршей семинаріи, въ которомъ нашли до 50 душъ любителей просвѣщенія однихъ монашествующихъ, сидѣвшихъ, скучившись кругомъ зала, на длинныхъ турецкихъ диванахъ. При появленіи нашемъ съ о. архимандритомъ, всѣ попригостили; я искалъ глазами Патріарха, но не могъ угадать его по наружному виду. О. архим. подошелъ къ одному маститому старцу, стоявшему, въ числѣ прочихъ, въ углу подъ иконою, самъ принялъ отъ него благосло-

веніе и меня подвелъ къ нему съ рекомендаціею: оказалось, что это былъ Патріархъ Іерусалимскій и всея Палестины Іерооѳей. По полученіи мною благословенія, онъ съ привѣтственной улыбкой указалъ мнѣ мѣсто для сидѣнія. Оказалось впоследствии, что я сидѣлъ между двумя митрополитами; архіереевъ же здѣсь было семь; остальные архимандриты, и всѣ въ черныхъ зонтообразныхъ камилавкахъ. Не успѣли мы присѣсть, какъ намъ поднесли варенье, мастику *) и кофе; за симъ по докладѣ, что къ экзамену все готово, и по поднесеніи Патріарху панакіи, насъ пригласили въ экзаменаціонный залъ, чрезъ площадку террасы.

Патріархъ, облачившись въ мантию (которая отличается отъ нашихъ архіерейскихъ тѣмъ, что на спинѣ ея былъ вышитъ большой бархатный малиновый воздухъ съ крестами, херувимами и разными украшеніями) съ жезломъ въ рукѣ, самъ, въ сослуженіи только двухъ иподіаконовъ (они же исправляли и должность діаконовъ и архидіаконовъ), державшихъ трикирій и дикирій, началъ молебное пѣніе и, по возгласѣ, громкимъ и выразительнымъ голосомъ самъ прочиталъ 50-й псаломъ; молебенъ закончился осѣненіемъ крестомъ на четыре стороны, на которое присутствовавшіе отвѣчали пѣніемъ: *Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα*“, съ провозглашеніемъ полного патріаршаго титула.

За симъ приглашенные размѣстились такимъ образомъ: ректоръ семинаріи среди зала за каедрою, какъ начальникъ заведенія и предсѣдатель собранія; на диванахъ вокругъ каедръ, по лѣвую сторону, патріархъ съ нѣсколькими архіереями, по правую—два митрополита, далѣе по ту и другую сторону архимандриты и прочіе участники торжества; за ними на скамьяхъ воспитанники семинаріи всѣхъ классовъ,—всѣ въ полуряскахъ и низенькихъ клобучкахъ съ подрѣзанными въ скобку волосами, а взрослые въ бородахъ. По занятіи мѣстъ, ректоръ открылъ экзаменъ приличною времени и случаю рѣчью, по окончаніи которой прочелъ конспектъ пройденному по всѣмъ предметамъ во всѣхъ классахъ; за тѣмъ сообщилъ порядокъ самыхъ испытаній.

Первыми испытываемыми были воспитанники богословскаго класса, по всѣмъ отдѣламъ богословскихъ наукъ. Вызывались они не по спискамъ, какъ у насъ,

*) хмельной напитокъ.

а по отдѣльнымъ билетикамъ съ фамиліями учащихся, которые, по предложенію ректора, вынималъ изъ урны одинъ изъ митрополитовъ и по нимъ выкликалъ фамилію ученика. Во время экзамена обратилъ на себя наше вниманіе одинъ преосвященный - старичекъ своею патріархальною простотою: сбросивъ, по началіи испытаній, съ себя башмаки въ присутствіи всѣхъ, подвернувъ подъ себя ноги и, склонясь на руку, онъ все время преспокойно дремалъ, не обращая никакого вниманія на происходившее вокругъ него. (Впослѣдствіи я съ нимъ совершалъ литургію на Гробѣ Господнемъ, — онъ великій подвижникъ, и хорошо владѣетъ русскимъ и славянскимъ языками.)

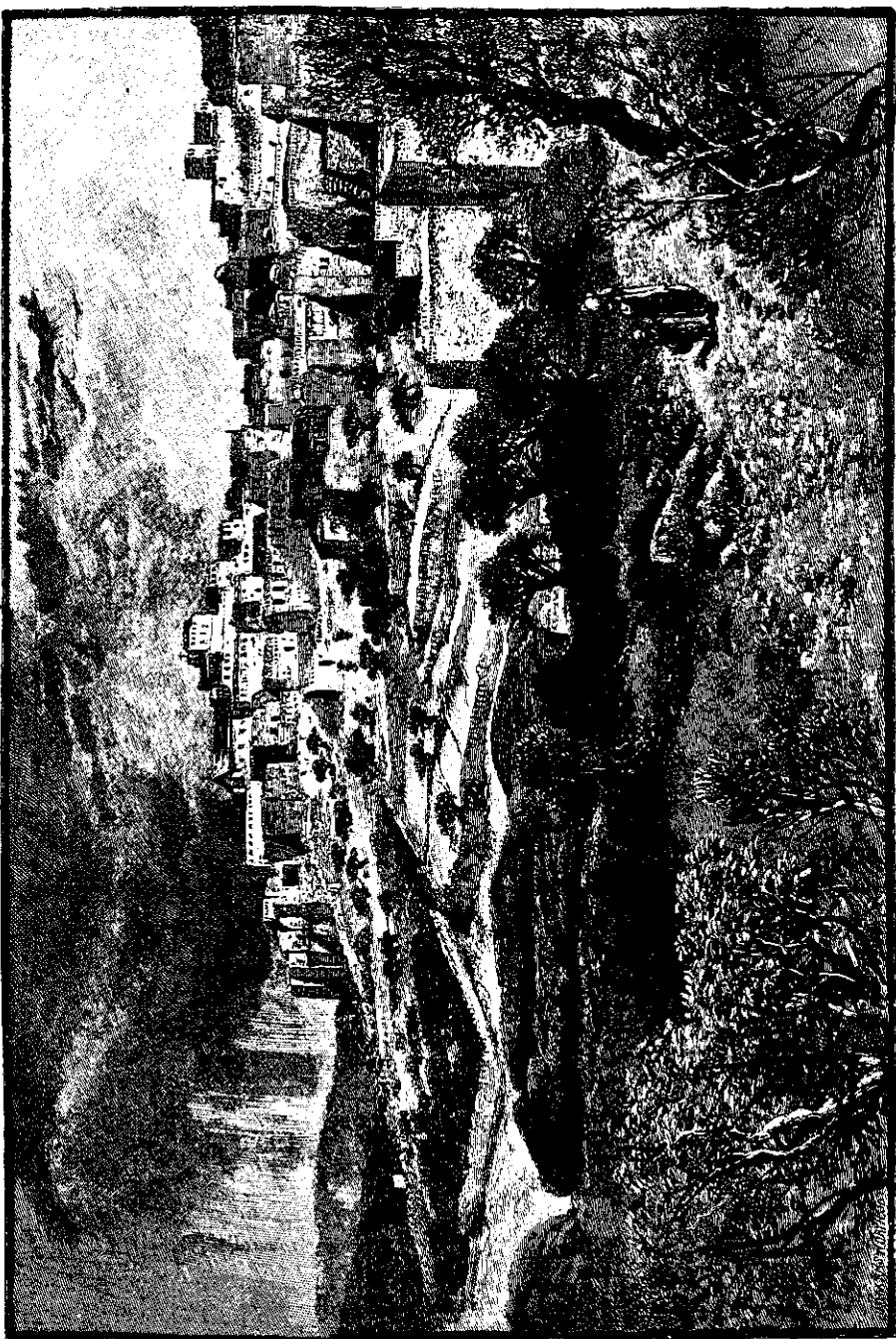
Экзамень продолжался три часа, въ продолженіи которыхъ спрошены были только три воспитанника богословскаго класса, — они же составляли и весь штатъ его; всѣхъ же учащихся въ семинаріи семьдесятъ человѣкъ. По окончаніи экзамена, въ 12½ часовъ, когда всѣ попривстали съ своихъ мѣстъ, всѣми воспитанниками, подъ руководствомъ учителя пѣнія, были пѣты въ теченіи получаса въ честь Патріарха нарочито сочиненные гимны, на которые онъ отвѣчалъ глубоко знаменательною улыбкою и наклоненіемъ головы. По лицамъ поющихъ замѣтно было, что они были въ восхищеніи отъ своего пѣнія; предполагая и въ насъ то же чувство, они то-и-дѣло-что поглядывали на насъ; но кто слыхалъ настоящее, такъ сказать, самородное греческое пѣніе, тотъ согласится съ нами, что оно, по меньшей мѣрѣ, дикое и безобразное и можетъ быть уподоблено нашему демественному пѣнію по крючкамъ. За симъ ректоръ пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ въ семинарскую столовую на обѣдъ, на который Патріархъ явился смиреннымъ инокомъ, безъ всякихъ отличій, а только въ сопровожденіи кавасовъ съ булавами. По прочтеніи имъ самимъ молитвы Господней и благословеніи трапезы, посѣтители усажены были за однимъ столомъ съ Патріархомъ, а на другомъ семинаристы. Обѣдъ былъ не изысканный, хотя изобиловалъ кушаньями изъ мѣстныхъ продуктовъ греческой стряпни, которая русскому человѣку весьма не повкусу; главную роль, впрочемъ, играла жесткая сирійская баранина, которую подносили всѣмъ монашествующимъ, начиная отъ Патріарха до иподіаконовъ; — это меня удивило, долго не вѣрилъ я своимъ глазамъ, что это вижу наяву. За разъясненіемъ я обратился къ о. рек-

тору, который на замѣчаніе мое, что я не привыкъ видѣть мяснаго въ устахъ русскихъ монаховъ, а здѣсь вижу ядущихъ его и архіереевъ, объяснилъ: у насъ монашествующіе дѣлятся на два разряда: на мірскихъ монаховъ и схимниковъ — настоящихъ монаховъ; первые — ѣдятъ все, какъ и міряне, а вторые воздерживаются отъ мяса. Къ мірскому монашествующему духовенству причисляются всѣ архіереи, а архимандриты и прочіе монашествующіе — по желанію. Для различія схимниковъ отъ мірскихъ монаховъ установлены наружныя знаки: первые носятъ плоскодонныя камилавки, а послѣдніе съ зонтообразнымъ верхомъ. Обѣдъ заключенъ былъ десертомъ, состоявшимъ изъ мелкихъ жесткихъ яблокъ, похожихъ на наши кислицы, которыя съ особымъ удовольствіемъ кушали всѣ архіереи и даже по парѣ взяли себѣ въ карманы, какъ рѣдкость (*) для храненія; я тоже, подражая имъ, набралъ и себѣ, чтобы показать въ Россіи, каковы палестинскія яблоки; но они чрезъ недѣлю загнились. По краткомъ отдыхѣ, Патріархъ возсѣлъ на своего бѣлаго арабскаго коня и, въ предшествіи шести кавасовъ съ булавами, уѣхалъ въ Іерусалимъ въ свое подворье; а мы послѣдовали за нимъ на русскія постройки.

Въ 4 часа вечера предположено было отправиться въ Виелеемъ, къ обители св. Саввы, потомъ къ Мертвому морю и Іордану, для чего мы, при посредствѣ русскаго консульства, приговорили верховыхъ лошадей и вьючныхъ муловъ съ мукерами и четырьмя кавасами, по три рубля въ сутки съ нашимъ удовольствіемъ для людей. По двухчасовомъ отдыхѣ, запасшись всѣмъ нужнымъ, мы уже были въ дорогѣ. Не ѣздивши верхомъ на лошадяхъ съ самаго дѣтства, я сильно беспокоился за счастливый исходъ моей дальней и тяжелой поѣздки по дикимъ утесамъ и опаснымъ стремнинамъ Палестины; а мой спутникъ, бывшій кавалеристъ Кавказа К., то и дѣло-что подтрунивалъ надо мной и надъ моей ѣздой. Но, благодареніе Господу, я ѣхалъ такъ спокойно, ловко и бодро, что самохваль-кавказецъ все оставался назади и никакъ не могъ сладить съ своею арабскою лошадыю, требуя отъ нея русскихъ кавалерійскихъ приемовъ, и забывая, что каждая арабская

(*) Въ Палестинѣ яблоки и вишни составляютъ большую рѣдкость, и въ продажѣ я ихъ вовсе не видалъ.

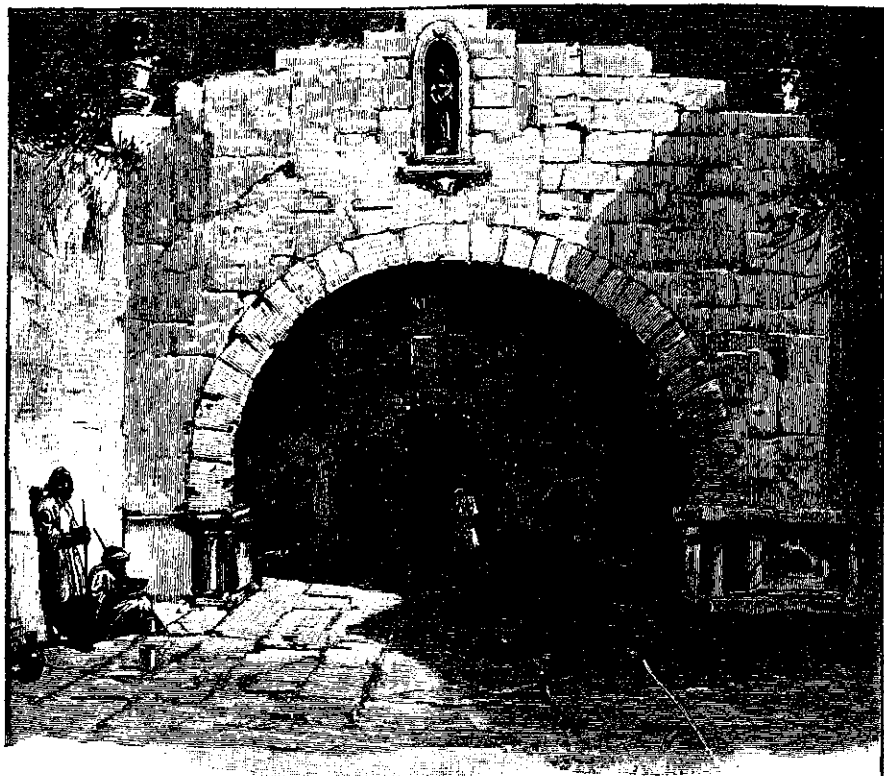
лошадь, по своей природной смышлености, знает свое дѣло лучше многихъ нашихъ ветерановъ. Дорога къ Виелеему мнѣ очень понравилась. Вездѣ, и около насъ, и вдали, виднѣлись масличныя рощи, придававшія холмамъ и долинамъ веселый, привлекательный видъ. На полпути къ Виелеему, среди пустыни, на небольшой высотѣ устроены монастырь св. пророка Иліи. По однимъ преданіямъ, онъ созданъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, будто бы, жилъ этотъ ревнитель божественной славы, а по другимъ, на томъ, гдѣ онъ, убѣгая отъ преслѣдованій нечестивой Іезавели, хотѣвшей его убить, сидѣлъ подъ кустомъ въ изнеможеніи и просилъ у Бога себѣ смерти и при этомъ уснулъ; но потомъ, подкрѣпленный чудесною пищею, направилъ путь свой, по повелѣнію ангела, къ горѣ Хориву. Мы для отдыха взошли въ самый монастырь и сначала посѣтили его довольно просторную церковь съ новымъ отличнымъ рѣзаннымъ по кипарису иконостасомъ, устроеннымъ недавно на счетъ патріархіи; обстановка же храма очень бѣдна. На сѣверной внутренней бѣлой стѣнѣ нарисованъ яркими красками, весьма неискусно, на громаднѣйшей лошади сидящій, св. Георгій Побѣдоносецъ огромнаго роста; что намъ показалось почти шалостію, такъ какъ подобное малеванье не можетъ плѣнять и питать религиозныхъ чувствъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего же здѣсь представленъ взору путника подобный рисунокъ? Недалеко отсюда, какъ гласитъ мѣстное преданіе, былъ обезглавленъ этотъ великомученикъ: вотъ обитель, для напоминанія объ этомъ паломникамъ, неискусною, но усердною рукою мѣстнаго художника и воспроизвела его образъ. Въ обители всѣхъ монашествующихъ три души: игуменъ—простой монахъ, который насъ и принималъ, іеромонахъ и одинъ прислужникъ, небольшой мальчикъ, подносившій кофе. Пробывши въ монастырѣ не болѣе 15 минутъ, мы отправились далѣе, горя нетерпѣніемъ до заката солнечнаго рассмотреть внѣшній видъ священнаго мѣста воплощенія и вочеловѣченія Сына Божія. По дорогѣ мы утоляли жажду изъ колодезя Трехъ Королей или Волхвовъ, находящагося на томъ мѣстѣ, гдѣ они, по выходѣ изъ Іерусалима къ Виелеему, опять увидѣли знаменательную звѣзду, приведшую ихъ къ самому мѣсту рожденія Богочеловѣка. Проѣзжали мимо мѣста погребенія Рахили и хотѣли было посмотреть внутренность ея гробницы; но мусульмане и евреи насъ прогнали. Далѣе намъ указывали на курганъ, въ

Виолеттѣ.

пещерѣ котораго, будто бы, скрывался юный Давидъ отъ поисковъ своего злобнаго тестя; вправо отъ насъ виднѣлась арабская деревня Беджалы,—гдѣ находится русское православное училище,—вся въ прекрасныхъ садахъ, а влѣво отъ ней городокъ, изъ негоже вышелъ Вождь, упасшій Израиля.

Виелеемъ, — небольшой поселокъ, расположенный на оконечностяхъ горнаго хребта уступами, беспоря-

Входъ въ церковь Рождества Христова.

дно, какъ вообще и всѣ восточные азіатскіе города. При въѣздѣ въ него на насъ дружелюбно посматривали тамошніе арабки, въ костюмахъ, такъ живо намъ напомнившихъ Богоматерь въ ея одеждѣ, въ которой она обыкновенно у насъ изображается на иконахъ; дѣти же, наперерывъ выскакивая изъ своихъ жилищъ, привѣтствовали насъ своимъ „мирхаба“! (здравствуй). Почти въ срединѣ Виелеема мы остановились предъ узкою калиткою огромнаго и высокаго зданія, и, послѣ нѣсколькихъ ми-

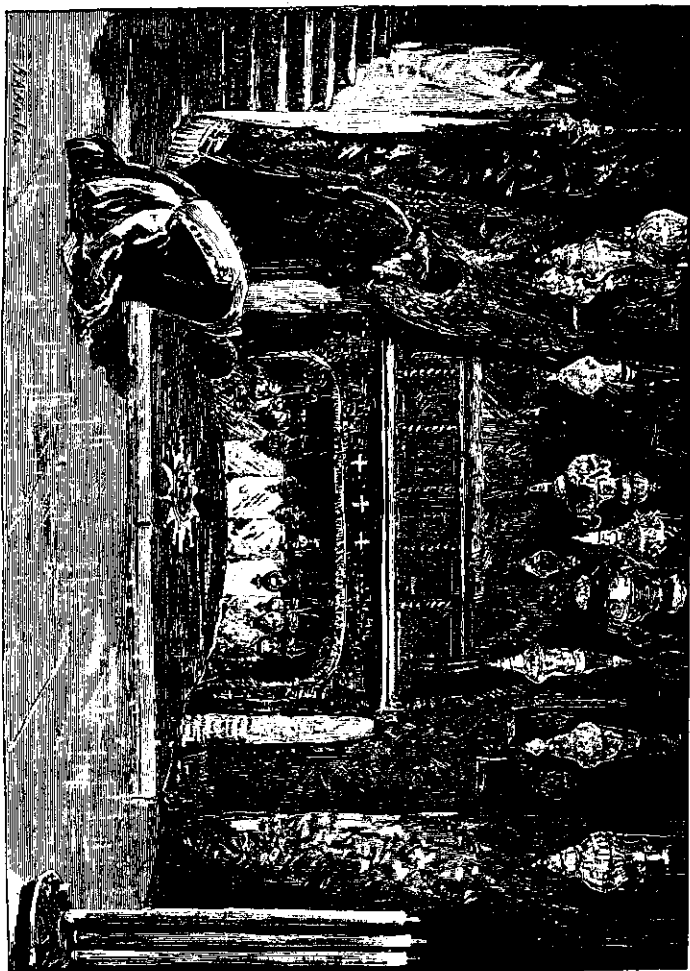
нута ожиданія, были впущены во внутренній дворъ того завѣтнаго мѣста, вверху котораго „ста звѣзда, идѣже бѣ Отроча“. Было 8 часовъ вечера и уже начало темнѣть. Насъ повели по крутымъ лѣстницамъ на террасу, гдѣ указали прекрасное помѣщеніе, и угостили потомъ чисто по-русски, чаемъ и обильнымъ ужиномъ, за которымъ сидѣлъ съ нами и вице-намѣстникъ настоятеля, іеромонахъ о. Прокопій, весьма любезный, радушный, образованный и симпатичный, говорящій довольно хорошо по-русски, съ которымъ я сидѣлъ на террасѣ храма до полуночи, бесѣдуя о палестинскихъ и русскихъ текущихъ дѣлахъ.

Въ три часа ночи данъ былъ сигналъ о началѣ обѣдни, и мы, наскоро одѣвшись, поспѣшили къ ней. При входѣ въ вертепъ Рождества тамъ и сямъ по лѣстницѣ валялись сонныя турецкіе стражи, какъ попало. Когда намъ показали мѣсто рожденія Богомладенца и ясли *), въ которыхъ Онъ положенъ былъ, мы, съ смѣшанными чувствами радости и скорби поверглись долу и долго, долго шептали покайныя молитвы, чтобы Родивыйся въ вертепѣ и во яслехъ возлегъ спасенія нашего ради, далъ намъ силы должнымъ образомъ пользоваться плодами Его спасительнаго воплощенія, и вмѣстѣ благодарили за Его великую милость, удостоившую насъ и созерцать, и лобызать эти священныя мѣста, что достается въ удѣлъ очень, очень не многимъ. Въ это время уже совершалась проскомидія, на которую я подалъ четыре просфоры за здравіе и упокой родныхъ, знакомыхъ и всѣхъ гражданъ г. Изюма, живыхъ и отшедшихъ, и поставилъ двѣ свѣчи, которыя горѣли во все время обѣдни, въ самомъ кругу, которымъ обозначено мѣсто рожденія; эти свѣчи и просфоры и еще елей отъ лампадъ, здѣсь горящихъ, я взялъ съ собою на память и пользованіе. Нужно замѣтить, что я самъ душевно хотѣлъ совершать литургію на мѣстѣ рождества Спасителя, о чемъ съ вечера и заявилъ вице-игумену, который потребовалъ отъ меня на это письменнаго разрѣшенія самого Патріарха. Не зная этого порядка, я не запасся нужнымъ документомъ, и потому, къ великому душевному моему прискорбію, только слушалъ обѣдню, которую совершалъ арабскій священникъ, на арабскомъ, греческомъ

*) Это не самыя тѣ ясли, въ которыхъ возлежалъ безплотный Младенецъ, — они взяты и перенесены въ Римъ, — а только мѣсто, гдѣ они были; — оно одѣто храмомъ и имѣетъ видъ небольшой лежанки.

и славянскомъ языкахъ. Когда приспѣло время чтенія Евангелія *), которое въ Палестинѣ читается лицомъ къ народу, и читалось порознь на всѣхъ упомянутыхъ языкахъ, тогда арабки, бывшія въ церкви, стремилавъ бросились къ читающему, и каждая подклоняла свою

Часовня Рождества Христова.

голову подъ раскрытое Евангеліе, считая за великое счастье, если какая нибудь изъ нихъ, подобно кровоточивой женщинѣ, удостоивалась коснуться хотя края

*) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что на Гробѣ Господнемъ, на Голгоѣ и въ вертепѣ Рождества Христова, въ какой бы день или праздникъ ни совершалась литургія, читается на ней не дневное или праздничное Евангеліе, а примѣнительно случившемуся на сихъ мѣстахъ событію, такъ напр. въ Ввлеемскомъ вертепѣ всегда читается Евангеліе о рожденіи Спасителя, на Голгоѣ о распятіи и т. д.

онаго. Вообще, набожность Виелеемскихъ арабокъ уми-
лительна; и, не смотря на то, что была ночная пора
и наставлялъ будничный день, вертепъ былъ перепол-
ненъ молящимися. Въ самомъ вертепѣ можетъ помѣ-
ститься не болѣе 70-ти душъ; природныя стѣны его и
потолокъ для большого благообразія завѣшаны бога-
тыми тканями; въ особенности же одѣто богатою ката-
петасмою мѣсто возлежанія Иисуса въ ясляхъ, кото-
рое принадлежитъ католикамъ, и которую они вновь
соорудили послѣ недавней, въ свое время опублико-
ванной въ газетахъ, катастрофы, надѣлавшей столько
шума, чуть не политическаго свойства, за которую
православные заплатились тридцатью тысячами ту-
рецкихъ лиръ и отнятіемъ у нихъ митрополита, ка-
еэдра котораго въ Виелеемѣ и до сихъ поръ никѣмъ
не замѣщена, а управляетъ Виелеемскимъ монастыремъ
вышеупомянутый о. Прокопій. Все это продѣлка сердо-
больныхъ служака непогрѣшимато Пія IX.

По окончаніи литургіи, мы осматривали обшир-
ный соборный храмъ, алтарь котораго приходится какъ
разъ надъ самымъ вертепомъ рождества Спасителя, и
въ которомъ можетъ помѣститься болѣе 10 тысячъ че-
ловѣкъ. Въ боковомъ придѣлѣ его прикладывались къ
чудотворному образу св. великомученика Георгія и
взяли масла отъ горящей здѣсь лампы; заходили
потомъ въ прекрасную католическую церковь св. Ека-
терины, гдѣ совершалъ въ это время литургію ксендзъ
съ выбритой макушкой, разсматривали и другія свящ.
мѣста, примыкающія къ вертепу, о которыхъ есть
сказанія у многихъ паломниковъ. Возвратившись въ
номеръ, мы пили чай, который теперь былъ очень
кстати, потому что намъ нужно было отправляться
далѣе и какъ можно скорѣе, по случаю наступающей
жары. Записавши свое имя и родныхъ для помино-
венія на цѣлый годъ, я, съ грустію въ сердцѣ, рас-
простился съ священнымъ мѣстомъ воплощенія Пре-
вѣчнаго Свѣта въ невѣдѣніи: удостоить ли Онъ — не-
заходимый меня побывать здѣсь въ другой разъ, что-
бы самому восхвалить Его своими недостойными устами
въ божественной литургіи.

Здѣсь мнѣ пришло на мысль одно замѣчаніе авто-
ра замѣтокъ и воспоминаній, о. Д—ва, который бук-
вально такъ излагаетъ его: «замѣчательно, что русскій
элементъ начинается преобладать между греками и ар-
мянами, — говоримъ это такъ потому, что многіе изъ

нихъ начинаютъ учиться русскому языку». Но гдѣ онъ подмѣтилъ такое преобладаніе — въ Іерусалимѣ или Вилеємѣ, или же по всей вообще Палестинѣ,— не указалъ. Мы же замѣтили совершенно противное, особенно между служащими греками. (Объ армянахъ не буду говорить, потому что они совершенно не причастны тому дѣлу, въ которое они замѣшаны упомянутымъ авторомъ; вѣроятно, это сдѣлано по ошибкѣ: вмѣсто ихъ, должны быть поименованы арабы,—это будетъ вѣрнѣе). *Замѣчительно*—употребимъ выраженіе автора,—что русскій языкъ, какъ и все русское, исключая денегъ, у грековъ въ сильномъ пренебреженіи; за доказательствами на это не ходить далеко; такъ, когда я говѣлъ на Голгоѣѣ и со мною около 20 душъ русскихъ богомольцевъ, и они пожелали исповѣдываться, то между греческими іеромонахами не нашлось ни одного духовника для нихъ, и ихъ исповѣдывалъ нашъ русскій іеромонахъ. Въ другое время одна русская женщина, будучи имянинницей, пожелала на день своего Ангела высповѣдаться и приобщиться Св. Таинъ и, къ великому горю, не могла найти между греками ни одного исповѣдника, понимающаго русскій языкъ; обращалась со слезами ко мнѣ, но я поневолѣ ей долженъ былъ отказать за неимѣніемъ эпитрахилиа и креста, которыхъ почему-то никакъ не могъ допроситься у ризничихъ-грековъ. Послѣ я видѣлъ ее склонившеюся подъ эпитрахилемъ греческаго монаха, который читалъ ей по-гречески покаянныя молитвы, а она излагала свою исповѣдь по русски. Далѣе, на проскомидіяхъ, если подаются поклонниками грамотки, написанныя по-русски, то онѣ совершенно отлагаются въ сторону, и мнѣ всегда, при служеніи моемъ, ихъ въ изобиліи подсовывали. Молебновъ, отправлявшихся на славянскомъ языкѣ, мы нигдѣ въ Палестинѣ не слыхали (*); а все на греческомъ, не смотря на наше усиленное желаніе. А русскому священнику, если бы и пожелалось въ иномъ мѣстѣ самому отслужить что-либо, то или книгъ славянскихъ нѣтъ, или же и есть,

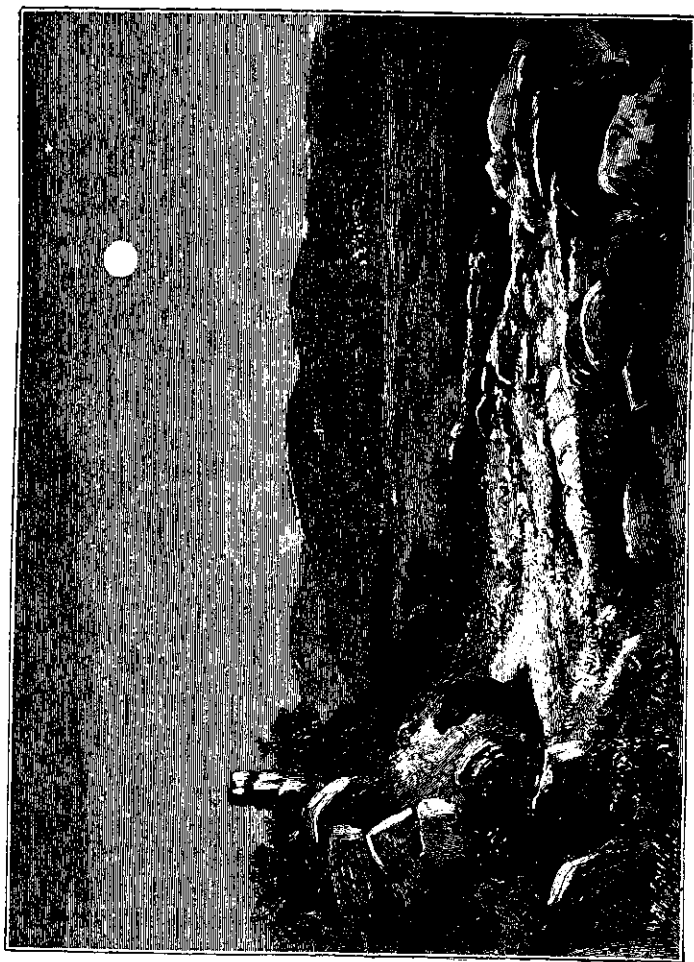
(*) При гробѣ Господнемъ русскій языкъ порядочно понимаетъ и читаетъ только одинъ старецъ—архіерей и молодой іеродіаконъ, другіе, двѣ—три души, знаютъ только нѣсколько русскихъ словъ; остальные—ни аза. Въ Вилеємѣ понимающій русскій языкъ изъ грековъ одинъ только іеромонахъ; въ обители же св. Саввы, въ крестномъ монастырѣ и св. Іоанна Предтечи и въ греческомъ Іерусалимскомъ подворьѣ—ни одного. А потому богомольцы русскіе, какъ овцы не слышашія знакомаго имъ голоса или языка, лишь только узнаютъ, что служить гдѣ-либо русскій священникъ изъ паломниковъ, всѣ туда сбѣгаются; и нужно видѣть, какова ихъ радость бываетъ при этомъ. Это

но много стоит хлопот доискаться и допроситься таковых: да некому и подѣлать по нашему. У грековъ замѣтно проглядываетъ пренебреженіе не только къ русскому языку, но даже и къ самимъ руссакамъ. Самымъ нагляднымъ доказательствомъ этого служить то, что ни въ одномъ почти изъ Палестинскихъ монастырей нѣтъ монаховъ изъ русскихъ, исключая одного человѣка въ монастырѣ св. Саввы (о которомъ мы скажемъ въ свое время); а нѣтъ потому, что греки, по своимъ эгонистическимъ и другимъ расчетамъ, или вовсе ихъ не принимаютъ къ себѣ, или же нарочито, умышленно требуютъ отъ поступающаго огромнаго взноса, не менѣе 500 червонцевъ, — и это самая бѣдная норма для русскихъ, какъ увидимъ ниже. Между греками торговцами тоже очень, очень мало говорящихъ по-русски; намъ не разъ приходилось проходить цѣлые десятки ихнихъ лавокъ для покупки свѣчей, четокъ, крестовъ и пр., — и только въ двухъ лавкахъ могли безъ переводчика понять насъ, что намъ нужно. На русскомъ языкѣ говорятъ и стараются по возможности изучать оный — это, исключительно, православные арабы, въ особенности Виелеемскіе, занимающіеся издѣліемъ свящ. предметовъ изъ перламутра и имѣющіе свои лавки въ Іерусалимѣ.

Понедѣльникъ, 7-е іюля. Въ 6 часовъ утра мы были уже на лошадяхъ, и съ трудомъ спускались съ высотъ Виелеемскихъ по узкой, чуть не вертикальной мѣловой тропѣ, по сторонамъ которой постоянно попадались роскошныя финиковыя и рожковыя деревья съ зелеными плодами. Мы направились къ мѣсту явленія Ангеловъ, возвѣстившихъ простецамъ-пастухамъ о явленіи на землѣ Бога во плоти и воспѣвшихъ въ воздушѣ торжественную пѣснь — «Слава въ вышнихъ Богу», которая съ тѣхъ поръ не перестаетъ оглашать нашъ слухъ и своды христіанскихъ храмовъ. Мѣстность эта, называемая *Пастушкомъ*, есть не что иное, какъ довольно большая низменная равнина, удобная для пастбища скота, гдѣ и теперь можно видѣть и пасущихъ и

ли говорить о преобладаніи русскаго элемента между греками? Даже и въ греческой семинаріи, гдѣ, кажется, и нужно бы учить питомцевъ русскому языку, въ видахъ и матеріальныхъ и религіозныхъ, и то объ немъ и помину нѣтъ; тогда какъ на французскомъ діалектѣ многіе изъ нихъ щеголяютъ. Семинаристъ грекъ, ѣхавшій съ нами отъ Іерусалима до Смирны, и говорившій отлично на французскомъ языкѣ, самъ чистосердечно сознался, что имъ противенъ русскій языкъ.

пасущихся, такъ живо напоминающихъ совершившееся за 1898 лѣтъ назадъ. Около 30^ю оливковыхъ деревьевъ окружають ту пещеру, въ которой пастухи бдѣли *стрѣ-
ище стражу* ноцную о стадѣ своей, и гдѣ слава Господня *осія ихъ*. По принесеніи ключа изъ Вифлеема и по уплатѣ бакшиша, мы спустились въ пещеру. Пещера на

Мѣсто, гдѣ, по преданію, Ангелъ явился пастухамъ.

разстояніи версты отъ мѣста рожденія Богомладенца и ничѣмъ не отличается по наружному и внутреннему виду отъ нашего, малороссійскаго такъ-называемаго «походнаго погреба»;—безъ отверстій для свѣта, покрыта землей. Въ ней бѣдный, бѣдный храмъ, гдѣ изрѣдка совершается литургія. Близъ пещеры нѣтъ никакихъ жилыхъ помѣщеній. Вообще, это мѣсто въ за-

пустыни и безпорядкѣ; а, какъ замѣтно, оно когда то было огорожено. Теперешняя печальная панорама его навѣваетъ грустные думы. Позавидовавъ блаженному жребію, выпавшему здѣсь во время оно на долю смиренныхъ пастуховъ, и словивъ на память масличную вѣтвь съ зелеными оливками, мы отправились къ пустынной обители св. Саввы.

Въ 10 часовъ утра, когда солнце немилосердно жгло и насъ, и особенно подъяремныхъ животныхъ, мы уже приближались къ монастырю св. Саввы, по довольно трудной дорогѣ, которая шла по отвѣсистымъ скаламъ, по которымъ, по настоящему, только и можно свободно разгуливать однѣмъ сернамъ. И если бы не природная смѣтливость и навыкъ арабской лошади, то намъ, пожалуй, подчасъ пришлось бы плоховато, какъ мы это и увидимъ ниже. Къ самому монастырю можно спуститься не иначе, какъ вставши съ лошади, и то почти ползкомъ, съ большою осторожностію, хватаясь по временамъ за камни, чтобы не упасть и не разбиться. А между тѣмъ обителью употреблены всевозможныя средства къ улучшенію этого единственного спуска. По наружному виду, этому поселку никакъ нельзя дать имени убѣжища смиренныхъ отшельниковъ: такъ грозны и неприступны его твердыни! Мы скорѣе готовы были принять его или за тюремный замокъ, гдѣ содержатся подъ крѣпкими забралами и заклепами важные государственные преступники, или же за первоклассную Палестинскую крѣпость. Послѣ долгаго ожиданія и переговоровъ у толстой желѣзной калитки, мы впущены были во внутренній дворъ, съ верхней площадки котораго усмотрѣли, что монастырь устроенъ въ страшной котловинѣ, или ущельи, образуемомъ русломъ Кедрскаго потока. Узнавъ о нашемъ прибытіи, радушные отшельники проводили насъ въ пріемный прекрасный покой, уставленный кругомъ турецкими диванами и удачно защищенный отъ палящихъ солнечныхъ лучей арабскими циновками. Явился къ услугамъ нашимъ русскій самоваръ и обильная, хотя и простая, трапеза изъ произведеній Востока. Послѣ потребленія трапезы, мы, расслабленные утомительною духотою, поневолѣ, должны были отдыхать и нѣжиться до 4-хъ часовъ вечера.

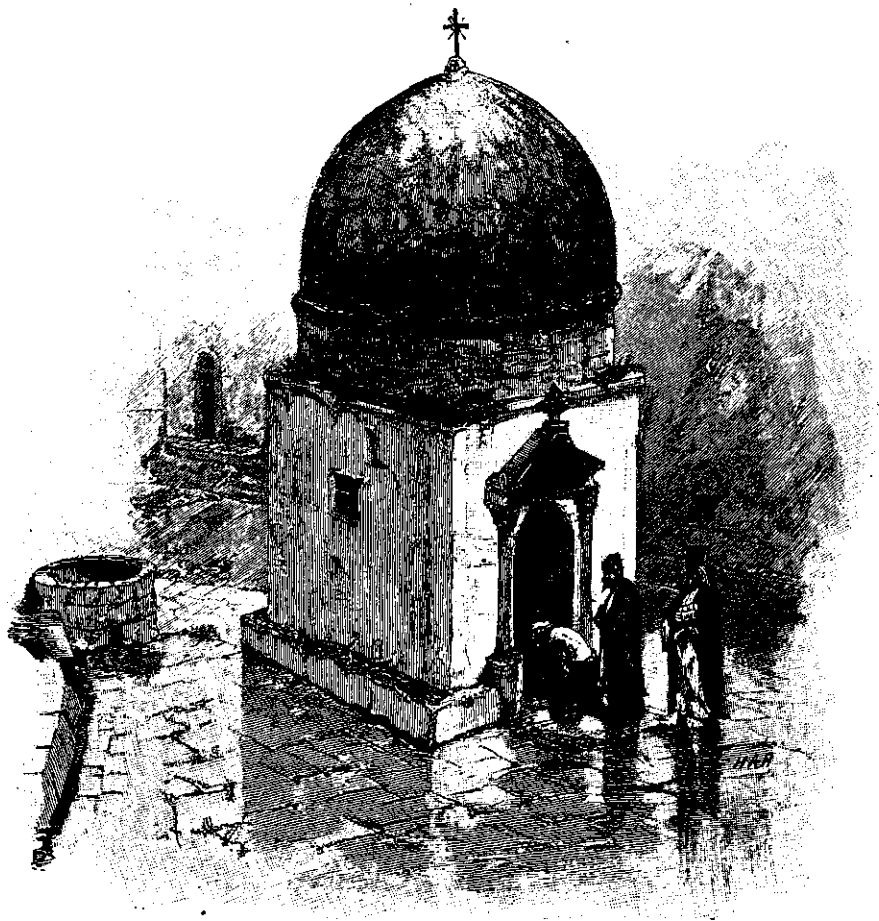
Въ 4 часа мы были звономъ небольшого колокола приглашены къ вечернѣ въ главную церковь, посвященную памяти св. основателя обители. Въ церкви

все благообразно и по чину. По окончаніи вечерняго богослуженія, о. игуменомъ Анфимомъ изнесенъ былъ изъ ризницы серебряный небольшой ковчегъ, въ которомъ покоятся свящ. останки св. Ксенофонта и дѣтей его Іоанна и Аркадія. Съ чувствомъ благоговѣнія приложились мы къ ихъ костямъ. За симъ мы посѣщали ту келлію, въ которой жилъ въ нищетѣ и денно-нощномъ трудѣ и скончался въ глубокой старости, въ санѣ пресвитера, извѣстный пѣснописецъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, послѣ чудеснаго исцѣленія Богоматерью отсѣченной его руки. Здѣсь онъ усердно занимался сочиненіемъ духовныхъ книгъ и церковныхъ пѣсней, изъ коихъ особенно замѣчательны составленный имъ октоихъ или осьмогласникъ и пасхальный канонъ, дышавшій такимъ пламеннымъ вдохновеніемъ и небесною поэзіею. Въ этой же келліи помѣщается миниатюрная церковь въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы, устроенная самимъ Дамаскинымъ. Келлія, изъ благоговѣнія къ ея замѣчательному ученому подвижнику, никѣмъ и ничѣмъ не занята. Потомъ подвели насъ къ отверстію той громадной пещеры, въ которой собраны кости 14-ти тысячъ св. отецъ, убитыхъ Хозроемъ, царемъ Персидскимъ въ нѣсколькихъ обителяхъ, устроенныхъ св. Саввою. Мы сами видѣли за желѣзною рѣшеткою цѣлыя груды костей и головныхъ череповъ убитыхъ отшельниковъ. Три головныхъ черепа выставлены наружу для благоговѣйнаго лобызанія и поклоненія, какъ чудотворные. Къ нимъ прикладывались и мы грѣшныя. Спускаясь съ площадки на площадку по уступамъ скалъ, и вдоль, и вверхъ, и внизъ, мы, наконецъ, пришли къ той катакомбѣ, въ которой жилъ и подвизался до конца своей жизни Савва освященный. Доступъ къ ней очень труденъ. Пещера эта, въ отвѣсистой скалѣ на значительной высотѣ, какъ видно, природная и раздѣляется на два отдѣленія; потолокъ ея почти плоскій. До прибытія сюда святаго, обитала тутъ львица, которая приняла новаго невиданнаго сожителя сначала съ ворчаніемъ, довольно холодно, а потомъ такъ подружилась, что раздѣляла съ нимъ нѣкоторые труды и не отходила отъ него до своего издыханія. Во второмъ отдѣленіи пещеры, вверху, показываютъ отверстіе и за нимъ логовище, гдѣ львица, безмятежно покоясь подъ опекою преподобнаго, была невольною свидѣтельницею его денно-нощныхъ подвиговъ и молитвенныхъ воздыханій.

Возвращаясь назадъ мимо прекраснаго, хотя и не-
большаго палисадника съ душистыми чудными цвѣ-
тами, защищаемыми отъ зноя роскошнымъ рожковымъ
деревомъ, мы были озадачены и внезапно остановле-
ны словами: «Ваше превосходительство»,—относивши-
мися къ моему спутнику. Оборотясь, увидѣли мы рус-
скаго крестьянина въ полумонашескомъ костюмѣ. Онъ,
стоя на колѣняхъ, со слезами умолялъ высвободить
его изъ этого монастыря. На вопросъ—кто онъ такой,
зачѣмъ и по какому случаю попалъ сюда—разсказать,
что онъ крестьянинъ Курской губерніи; пришелъ сюда
по убѣжденію одного своего односельчанина, который
издавна здѣсь подвизался между иноплемениками и,
скучая одиночествомъ между ними и незнаніемъ ихъ
языка, пригласилъ его для взаимнаго соревнованія и
обмѣна мыслей, чтобы совокупными силами спасти
свои души для лучшаго міра; что греки при посту-
пленіи въ монастырь взяли съ него вкладъ въ 600 чер-
вонцевъ; теперь же онъ остался одинокимъ (*) среди
чуждаго народа, ибо землякъ его за годъ предъ симъ
скончался. «Непонимая ихъ языка», продолжалъ онъ,
«я точно мертвецъ между ними; въ богослуженіи ни-
чего не понимаю, заговорить и отвлечь душу не съ-
мѣю; и вотъ съ тоски и кручины со дня на день таю,
какъ воскъ, и невѣсть, что со мной будетъ далѣе. Ка-
кое же тутъ спасеніе души? Ропщешь на свою злую
долю, да и только. А греки вклада не отдають, да еще
грозятъ выгнать. Куда же я пойду безъ копейки?» Да,
жалъ было смотрѣть на него бѣдняжку. А пособить
ничѣмъ мы не могли, кромѣ совѣтомъ возвергнуть
свою печаль на Бога, ибо судьбы Его бездна многа.
Проходя чрезъ небольшую площадку двора, намъ ука-
зали на изящную часовню, устроенную на томъ мѣ-
стѣ, гдѣ покоились мощи св. Саввы. Ихъ теперь нѣтъ
здѣсь. Послѣ краткой литіи, насъ провели по всѣмъ
почти зданіямъ монастырскимъ, устроеннымъ весьма
прочно, удобно и красиво въ нѣсколько этажей, почти
во всю высоту стѣнъ котловины, въ которой помѣ-
щается монастырь и примыкаетъ оными къ сѣверо-
западной сторонѣ ея. Особенно намъ понравились, по
чистотѣ, удобству и практичности, больничныя келліи
и келліи для затворниковъ. Когда мы взошли на самую
верхнюю, выше всѣхъ зданій, террасу, провожавшій

(*) Монаховъ въ обители Саввы всего около 50 человекъ—греки и арабы.

насъ зазвонилъ въ висѣвшій здѣсь, новенькій десятипудовый колоколь—даръ русскихъ богомольцевъ,—и лице его просіяло необыкновенною радостію. Въ восторгѣ отъ звуковъ колокола, онъ спрашивалъ насъ: «есть ли въ Россіи такіе большіе и громкіе колокола?» Здѣсь же, на башнѣ, устроены прекрасные часы, каковыхъ на востокѣ мы нигдѣ не видали, даже въ самыхъ богатыхъ и торговыхъ городахъ. Пустынники

Монастырскій дворикъ и могила св. Саввы.

пріятно насъ удивили этимъ. Къ одному изъ угловъ этой же террасы примыкаетъ своею вершиною одно старое-престарое пальмовое дерево, вышиною около 25 сажень, схваченное во многихъ мѣстахъ желѣзными скобками и прикованное нѣсколько разъ желѣзными крючьями къ скалѣ для того, чтобы предохранить его,

сколько можно болѣе, отъ бурь, непогодъ и всесокрушающей руки времени. Дерево это для обители весьма дорого по воспоминаніямъ, соединеннымъ съ нимъ о св. основателѣ ея—пр. Саввѣ. Онъ собственными руками посадилъ пальмовое дерево, отъ корня котораго и растетъ настоящее. Невдалекѣ отъ подножія

Монастырь св. Саввы.

этой пальмы виднѣется кладязь съ чудною водою, испрошенный молитвами того же преподобнаго у Богоматери, водою котораго поливаются разведенныя здѣсь же небольшія плантаціи разныхъ растений. На противоположной сторонѣ котловины, въ вертикальныхъ стѣнахъ ея, на значительной недоступной высотѣ отъ

глубокаго дна ея, во множествѣ виднѣются отверстія, на подобіе вертеповъ и пропастей земныхъ, въ которыхъ въ прошлыя времена подвизались скитающіеся, лишени, озлоблени, св. пустынники, ихже недостойнъ бѣ весь міръ. Видъ съ террасы на эти пещеры и на близъ-лежащія дикія, обожженные, громадныя горы страшно поражающій. Удивительные, право, были люди—эти отшельники! Какъ они удачно могли выбирать мѣста для богомыслія! Все здѣсь живо и внушительно говорить о Богѣ, о молитвѣ, о воздержаніи, о спасеніи души. Когда мы такимъ образомъ, въ страхѣ и благоговѣйномъ размышленіи, стояли на террасѣ, прилетѣли нѣсколько птичекъ, похожихъ на нашу ласточку, сѣли невдалекѣ отъ насъ, защебетали, быстро потряхивая крылышками. Монахъ, бывшій съ нами, тотчасъ ушелъ и принесъ на ладоняхъ корму, и птички, усѣвшись у него на рукахъ, безбоязненно и беззаботно клевали кормъ. Спустившись назадъ къ сѣверной сторонѣ монастыря, мы увидѣли въ каменныхъ высочайшихъ природныхъ стѣнахъ его попридѣланныя, какъ птичьи гнѣзда,—кельи подвижниковъ, кажущіяся какъ-бы висящими въ воздухѣ, такъ что ежеминутно опасаясь, не оторвется ли какая-либо изъ нихъ. Здѣсь-то, между небомъ и землею, многіе изъ подвижниковъ день и ночь творятъ молитвы за себя и за грѣшный міръ. Во все время пребыванія нашего здѣсь,—отъ 10 час. утра до 6 час. вечера—мы усердно были угощаемы вареньемъ, чаемъ, кофе и разными продуктами. Въ особенности замѣчательно здѣсь вино, выдѣлываемое самими пустынниками изъ своихъ лозъ: такого ни за какія деньги нельзя достать во всей Палестинѣ и Сиріи и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ; хорошо также ароматическое, безподобное, грушевое варенье. На разставаньи отшельники одѣлили насъ, на память, Палестинскими васильками, вѣточками и плодами рожкового дерева. А я взялъ еще и хлѣбецъ, которымъ они питаются.

Въ 6 часовъ вечера, выходя изъ дивной обители мимо часовни св. Саввы, я зашелъ въ часовню и съ глубокимъ чувствомъ прочиталъ тропарь преподобному основателю обители: «слезъ твоихъ теченьми пустыни безплодное воздѣлалъ еси: и яже изъ глубины воздыханьми, во сто трудовъ уплодоносилъ еси, и былъ еси свѣтильникъ вселеннѣй, сіяя чудесы, Савво отче нашъ; моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ!»

Распростившись съ игуменомъ—дивнымъ подвижникомъ и простымъ монахомъ, мы отправились далѣе къ Мертвому морю. Внѣ обители насъ поразила своею оригинальностію стоящая одиноко, въ нѣсколько этажей, значительной высоты башня. (*) По справкамъ оказалось, что башня устроена для пріюта приходящихъ сюда, — иногда по незнанію, а иногда въ числѣ прочихъ странниковъ - мужчинъ, — лицъ женскаго пола, такъ какъ входъ имъ въ обитель, по завѣщанію св. Саввы, навсегда воспрещенъ. Вотъ съ высоты башни они и могутъ, хотя издали, нѣсколько утѣшать себя созерцаніемъ этого, поистинѣ дивнаго, мѣста. Отсюда начинается самый трудный и опасный путь по такимъ горамъ, крутизнамъ и котловинамъ, по такимъ тѣснымъ ущеліямъ и тропинкамъ, по которымъ безопасно только и могутъ ходить одни пернатые. Много еще способствовала безопасности пути полная луна, яркій свѣтъ которой, освѣщая высокія скалы и глубокія котловины и оттѣняя первыя на отлогостяхъ и равнинахъ вмѣстѣ съ нами, рисовалъ поразительно-фантастическую пустынную картину; картина восторгала насъ и вмѣстѣ наводила на грустныя думы: зачѣмъ та страна, съ которой, начиная почти отъ сотворенія міра, соединено столько самыхъ дорогихъ, самыхъ завѣтныхъ для вѣрующаго сердца, воспоминаній, покрыта едва не сплошною массою камней, изображена по всѣмъ направленіямъ безчисленнымъ множествомъ ужасныхъ стремнинъ и высотъ вулканическаго свойства? Всѣ онѣ одна другой грознѣе, одна другой безжизненнѣе и печальнѣе; здѣсь витають, и то въ ограниченномъ количествѣ, однѣ зловѣщія птицы и неразборчивыя на пищу нѣкоторыя животныя. Зелени лѣсовъ и вообще растительности, водоемовъ и всего, къ чему попривыкъ глазъ русскаго человѣка, здѣсь не увидишь на цѣлыя десятки верстъ.

Въ это время внезапно послышался сзади меня отчаянный крикъ. Въ страшномъ испугѣ, я усмотрѣлъ, что мой сопутникъ, поручикъ К., лежитъ распластавшись на камнѣ; подбѣжавшіе же на помощь кавасы тянуть ему руки и ноги, силясь выправить ихъ отъ вывиха. Къ счастью, онъ успѣлъ вѣремя высвободить изъ стремянъ свои ноги и схватиться за выдавшійся

*) По преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ столпъ, на вершинѣ котораго подвизался св. Симеонъ Столпникъ.

камень; а то свалился бы вмѣстѣ съ лошадью въ пропасть, и тогда послѣдствія паденія, навѣрно, были бы смертельны. Этотъ случай породилъ въ насъ страхъ за благополучный исходъ нашего дальнѣйшаго странствованія къ Мертвому морю. Но, благодареніе Господу, далѣе ни съ кѣмъ ничего подобнаго не случилось,

Видъ Мертваго моря.

а только, подъѣзжая въ 12 час. ночи къ морю, мы были напуганы бедуинами, которые, въ ожиданіи богомольцевъ, засѣли въ трущобѣ при спускѣ съ горъ въ Иорданскую равнину. Завидя, что насъ было не мало, бедуины послѣ суеты удалились. Однако появленіе ихъ и невѣдомое исчезновеніе сильно насъ обез-

покоило. Прибывъ къ морю, я захотѣлъ, во что-бы то ни стало, покупаться въ немъ, такъ какъ воды его, будто-бы, особенно цѣлебны для одержимыхъ долго-временною лихорадкою,—а я-то и былъ одинъ изъ таковыхъ. Но боясь печальнаго нападенія разбойниковъ, я долго оставался въ нерѣшимости; но старикъ-монахъ успокоилъ меня, и я рѣшился купаться, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи незнакомъ съ свойствомъ воды этого моря, опасался за послѣдствія, тѣмъ болѣе, что былъ потный и сильно изнуренный отъ семи-часоваго сидѣнія и непрерывной ѣзды на лошади. Оказалось, что вода въ морѣ теплая, прозрачная и до того густая, что человѣкъ легко можетъ держаться на поверхности ея, не умѣя хорошо плавать; необходимо только держать себя такъ, чтобы не опрокинуться головой внизъ, не брызнуть водой въ глаза и не набрать ея въ ротъ; потому что отъ ней можетъ приключиться опасное воспаление глазъ, а отъ проглоченныхъ двухъ золотниковъ воды внутрь, будто-бы, и смерть. Вода на вкусъ препротивная, вонючая и на языкѣ жжетъ, какъ водка, настоянная на стручковатомъ перцѣ. Я долго не могъ отплеваться отъ ѣдкости ея, тѣло же мое мгновенно покрылось нестерпимой зудящей сыпью. Просидѣвъ и поплававъ въ морѣ около 8-ми минутъ, я вышелъ, захвативъ со дна, на память, нѣсколько камешковъ. Неподвижность водъ и безжизненность окружающей природы навѣваютъ уныніе. Сообщенія по морю на судахъ или корабляхъ не существуетъ; одни только англичане, какъ намъ рассказывали, изъ любопытства, разъ хотѣли промѣрить въ разныхъ мѣстахъ глубину страшнаго моря, но, пробывъ на немъ около двухъ сутокъ, всѣ почти перехворали, потому что газы, выделяющіеся изъ него, при спѣльной жарѣ убійственно дѣйствуютъ на самый здоровый и сильный организмъ человѣка.

Поотдохнувши около часу, и подкрѣпивши кое-чѣмъ припасеннымъ въ путь свои слабыя силы, мы отправились равниною, мѣстами занесенною пескомъ и солонцеватымъ иломъ, къ священному Іордану, и—то приближались къ обрывистымъ берегамъ его, частію обрамленнымъ толстымъ и высокимъ камышемъ, хвойными деревьями, певгами, кустарниками и розовыми олеандрами, то отдалялись, уязвляемые иглами высокой травы ковыль-колючки, которая мѣстами росла сплошной стѣной повыше лошадиного роста. Замѣчательно, что, находясь

у береговъ Мертваго моря, мы не чувствовали обычной водной прохлады, а какъ только потянулись вдоль береговъ Иордана, сей-часъ начали ощущать близость воды и живительное вѣяніе хлада тонка. Проѣхавъ около десяти, а можетъ быть и болѣе, верстъ, мы остановились на отлогомъ берегу Иордана, гдѣ обыкновенно купаются паломники. Берегъ окаймленъ прекрасною древесною растительностью. По наставленію людей опытныхъ въ духовной жизни, богомольцы—и мужчины, и женщины—запасаются изъ Іерусалима чистымъ и даже новымъ бѣльемъ, которое предъ погруженіемъ въ священную рѣку надѣваютъ, а потомъ, по высушкѣ, не употребляютъ уже, а берегутъ, паче зѣнцы ока, до смертнаго случая. Я тоже не преминулъ застаться таковымъ. Въ благоговѣйномъ настроеніи, при мысленномъ иѣннн Богоявленскаго тропаря, я погрузился въ священныя волны библейско-евангельской рѣки, какъ-бы въ купель крещенія каждаго христіанина, прося Возлюбленнаго Сына, чтобы вода сія и для меня послужила даромъ освященія, избавленіемъ отъ грѣховъ и во исцѣленіе души и тѣла. Теченіе воды въ Иорданѣ необыкновенно быстрое, сбивающее съ ногъ даже на такомъ мѣстѣ, гдѣ глубина всего въ аршинъ. Старикъ-монахъ, то-и-дѣло удерживалъ меня за руки, не давая идти далѣе, дабы быстрымъ теченіемъ незамѣтнымъ образомъ не свесло меня на глубину, такъ какъ примѣровъ потопленія каждый годъ бываетъ много. Недавно, говорилъ онъ мнѣ, келейникъ Тиверіадскаго митрополита, надѣясь на свое искусство, поплылъ на глубину и, не могши справиться съ бурнымъ теченіемъ, утонулъ. Вода въ рѣкѣ очень холодная, на вкусъ пріятная; кажется мутною, но когда отстоится, прозрачная, какъ кристаллъ. Пробывъ въ рѣкѣ около 15-ти минутъ, набравъ воды въ бутылку и около трехъ десятковъ камешковъ, на память себѣ и для раздачи добрымъ прихожанамъ, я вышелъ изъ святой рѣки. Въ это время начало уже свѣтать и было около 4 часовъ утра.

Вторникъ, 8-е іюля. На разсвѣтѣ отправились мы къ Іерихону—нынѣ деревнѣ Рихъ. На пути видны развалины монастыря св. Герасима, въ которомъ онъ подвизался въ сослуженіи льва. Впрочемъ, въ монастырѣ есть церковь, два монаха и игуменъ—простой монахъ. Онъ, одѣтый въ легкій китайчатый халатъ, подѣхалъ къ намъ на ослѣ и жаловался драгоману нашему, что

прошлую ночь турки ворвались въ церковь, забрали, что было можно, а его избили до полусмерти. Теперь онъ ѣдетъ жаловаться Іерусалимскому папѣ и просить вспомошествованія монастырю у Патріархіи, такъ какъ не осталось никакихъ средствъ къ жизни. Во все время пути отъ Іордана до Іерихона мы ѣхали прекрас-

Дорога къ Іерихону.

ною равниною, испещренною дикимъ тѣрномъ, — вышиною съ нашу рябину. Изъ породы такого-то терна сдѣланъ былъ вѣнецъ Спасителю. Ягоды на тернѣ свѣтло-коричневаго цвѣта, величиною въ наши калиновыя, и называются акридами.

Когда мы подъѣзжали къ Рихѣ, было около 8 часовъ утра и жаръ былъ чрезмѣрный. Такъ какъ здѣсь нѣтъ

официальнаго помѣщенія для отдыха и пристанища поклонникамъ, а дворъ шейха здѣшнихъ бедуиновъ занавоженъ, въ самой же башнѣ Иродовой, въ нижнемъ этажѣ помѣщаются овцы и коровы, а въ верхній доступъ труденъ по ветхости входной лѣстницы: то мы расположились въ сосѣднемъ тѣнистомъ саду, подъ огромнымъ и густымъ лимоннымъ деревомъ, на разложенныхъ здѣсь усердіемъ сторожа цыновкахъ. Садъ этотъ купленъ нашею русскою миссіею, и уже приготовленъ матеріаль для устройства въ немъ, для приходящихъ на Іорданъ православныхъ поклонниковъ, гостинницы. Это будетъ для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ, такъ какъ Риха расположена на такомъ пунктѣ, гдѣ непременно нужно останавливаться или для отдыха или для ночлега. Нѣтъ сомнѣнія, что по осуществленіи этой мысли, каждый паломникъ, встрѣтивъ здѣсь удобный пріютъ, помянетъ теплымъ благодарнымъ словомъ виновниковъ добраго дѣла. Здѣсь намъ предстояло отдыхать до 6 часовъ вечера, а потому мы, подкрѣпивши себя пищею и питіемъ, послѣ бессонно проведенной цѣлой ночи, предались сладкому сну. Но не надолго: полуденный жаръ до того былъ силенъ, что мы подъ деревомъ, на своей широкой земной постелѣ, метались какъ въ горячкѣ. Истаевая отъ страшной духоты, я пошелъ подъ навѣсъ къ небольшому бассейну и, со стаканомъ воды, сѣлъ для освѣженія себя на каменномъ углу его. Черезъ нѣсколько минутъ сюда же, для кейфа, собралось съ поселка около десятка бедуиновъ и бедуинокъ, каждый и каждая принеши съ собою жаровню, кофейникъ, кофе и ступку для толченія его. Во время процесса поджариванья кофе, толченія и варенія его, а потомъ и питья, всѣ преусердно курили трубки и занимались сплѣтнями; а я помачивалъ голову, шею и грудь водою. Маленькіе бедуинчики, бравшіе въ кувшины воду, подсмѣивались надо мною и надъ моимъ костюмомъ и, подбѣгая, дразнили по-своему. Замѣтивъ вынырнувшую со дна бассейна ослиную заднюю ногу съ мясомъ, я съ удивленіемъ и омерзѣніемъ указалъ на нее сидѣвшимъ тутъ; но они не обратили ни малѣйшаго вниманія на мое замѣчаніе. Не желая смотрѣть на такую мерзость и утолять жажду подобною эссенціею, я пошелъ въ находившейся тутъ же Иродовой башнѣ, чтобы лучше рассмотреть ее. Драгоманъ - монахъ разсказалъ мнѣ, что она Иродовою называется потому, что здѣсь, будто бы, во времена Спасителя проживалъ, возобновивши Іерихонъ, Иродъ

Великій; здѣсь же кончилъ онъ въ страшныхъ мукахъ и свою обремененную преступленіями жизнь. Это сказаніе вполне согласуется съ рассказомъ Іосифа Флавія, который въ своей Исторіи такъ говоритъ объ этомъ: «когда внутренній огонь медленно сожигалъ Ирода, и сильному желанію принять что-либо во внутрь онъ не могъ удовлетворить, по причинѣ нестерпимой боли во внутренностяхъ; когда въ ногахъ и груди накопилась вода и, стоя, онъ не могъ дышать; когда страшныя судороги ломили всѣ члены его тѣла, и воды каллипроевскія, которыми онъ пользовался, не могли пособить: тогда онъ отсюда обратно отвезенъ былъ въ Іерихонъ. Такъ какъ и здѣсь страданія его возрастали, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изнемогалъ отъ голода, то хотѣлъ окончить жизнь свою ножемъ; но ему помѣшали въ этомъ, и онъ умеръ на 70-мъ году отъ дня рожденія своего. Тѣло же его перенесено изъ Іерихона въ замокъ Иродіонъ, и подданные, провожая его, радовались и ликовали, говоря, что самый лютый звѣрь не могъ бы причинить имъ больше зла».

Съ разрушающейся башни я взялъ для памяти обломокъ камня, который теперь и хранится у меня. За симъ осмотрѣлъ самую Риху, состоящую изъ двухъ десятковъ самобѣднѣйшихъ куреней, худшихъ всякаго нашего свиннаго «хлѣва», сложенныхъ кое-какъ, въ безпорядкѣ, изъ дикихъ камней,—и, сравнивая настоящее, уничиженное до-нельзя, состояніе ея съ славнымъ прошедшимъ Іерихона, по неволѣ вспомнилъ І. Навина, который, взявши его, проклялъ того, кто возстановитъ Іерихонъ. И проклятіе его видимо тяготѣетъ надъ симъ мѣстомъ, ибо, не смотря на многія здѣсь для жизни удобства, охотниковъ поселяться и прочно строиться—почти нѣтъ.

Въ 6 часовъ вечера, послѣ того, какъ шейхъ угостилъ насъ свѣжими невкусными винными ягодами, недозрѣлымъ виноградомъ и кофе, мы оставили свою патриархальную и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма удобную квартиру, сорвавъ на память Іерихонскій лимонъ и смокву. Между рощами маслинъ и смоковницъ, осѣнявшихъ нашъ путь, мы пріятно были удивлены журчащимъ обильнымъ потокомъ воды, изливающимся изъ того чуднаго источника, горькія и вредныя воды котораго, по молитвѣ пророка Елисея, чрезъ горсть брошенной въ нихъ соли, сдѣлались свѣтлыми и пріятными. Соскочивъ съ лошадей, мы долго здѣсь освѣжались чудной водой и любовались

отсюда исполинскою каменною горою съ бѣловатою вершиною, называемою *сорокадневною*. Съ верхней точки этой горы діаволь показывалъ Господу царства міра, а въ ущеліяхъ ея Спаситель предуготовлялъ Себя на подвигъ искупленія нашего. Строитель сооружаемаго въ ней мужескаго монастыря, монахъ о. Аркадій (*), который, по рекомендаціи о. архимандрита, съ самаго Іерусалима былъ нашимъ толмачемъ и вожатаемъ къ Виллеему, къ обители св. Саввы, къ Мертвому морю и Іордану, усердно просилъ меня заѣхать и отслужить на сорокадневной горѣ, въ имѣющейсѣ тамъ, на мѣстѣ молитвенныхъ подвиговъ Спасителя, пещерной церкви, литургію. Но мой безбожный спутникъ К., и прежде, и особенно теперь, искушаемый сатаною, ни за что не соглашался удовлетворить св. желанію старца и моему; а отдѣлиться намъ, двоимъ, нельзя было никакимъ образомъ. Съ поникшей отъ скорби главой мы продолжали путь свой далѣе къ Іерусалиму. Томимые жаждою и разслабленные ѣздой, мы около 8½ часовъ ночи достигли развалинъ гостинницы благаго самарянина. Слѣзши съ коней, мы расположились на нѣсколько минутъ для отдыха влѣво отъ дороги на ровномъ камнѣ возлѣ большой пещеры; здѣсь нашъ кавасъ нашелъ въ ближайшей цистернѣ дождевую воду и утолилъ нашу томительную жажду. Поотдохнувъ около получаса, мы продолжали путь и чрезъ полтора часа прибыли къ прекрасному природному водоему, надъ которымъ устроено красивое каменное небольшое зданіе. Въ немъ сквозь небольшое, на подобіе крапа въ боковой стѣнѣ, отверстіе, на разстояніи полутора аршина отъ поверхности земли, съ журчаніемъ ниспадаютъ благодатныя струи живительной влаги, освѣжавшей нѣкогда засохшія отъ жары и усталости уста и гортань Самого Спасителя и Его учениковъ. Рассказываютъ, что въ этомъ источникѣ водится много самомельчайшихъ, особой породы, пиявицъ, которыхъ въ темнотѣ, при быстромъ порывѣ

(*) О. Аркадій родомъ грекъ, одинъ изъ числа греческихъ волонтеровъ, сражавшихся въ рядахъ русской арміи противъ ненавистныхъ угнетателей своихъ—мусульманъ въ прошлую крымскую войну. преусердный, предобрѣйшій наставитель старецъ, свободно говорящій на турецкомъ, арабскомъ и русскомъ языкахъ. Онъ-то посвятилъ останки своей жизни на разработку свящ. горы, устройства въ ней церкви, братскихъ келлій и пріюта для приходящихъ, чего до сихъ поръ никѣмъ не было предпринимаемо. Самый восходъ на гору былъ почти недоступенъ, по причинѣ скользкихъ и обрывистыхъ стѣнъ скалы; но о. Аркадій, гдѣ только нѣ достанетъ рубль, покупаетъ на него порохъ и взрываетъ непроходимыя мѣста; и теперь уже сдѣланъ нѣмъ удобный ходъ на гору и расчищены площадки для устройства церкви и монастыря.

утолить жажду, легко проглотить; а это можетъ причинить мучительную смерть. И были, будто бы, примѣры такой отравы. Это обстоятельство побудило насъ пить воду съ крайней осторожностію. Я забылъ еще упомянуть, что, не доѣзжая до источника, мы были нечаянно встревожены быстрымъ изъ-за пригорка появленіемъ людей, которые пристально въ насъ всматривались. Оказалось, что это арабы съ караваномъ верблюдовъ, нагруженныхъ пшеницею, отправляющіеся въ за-Иорданскія страны и остановившіеся здѣсь для ночлега. Подозрѣвая въ насъ бедуиновъ - грабителей, они хотѣли было стрѣлять въ насъ, но, благодаря одному арабу, православному христіанину и родственнику келейника о. архим—та, который сей-часъ узналъ насъ, не сдѣлали залпа. Черезъ два часа послѣ этого, при лунномъ сіяніи мы проѣзжали Виванію мимо развалинъ дома праведнаго Лазаря; въ пещеру же, въ которой онъ былъ погребенъ и воскрешенъ, не зашли по позднему времени. Затѣмъ, обогнувъ Іерусалимъ отъ юго-востока къ сѣверу, въ 11¹/₂ часовъ ночи, утомленные труднымъ, почти трехсуточнымъ путешествіемъ, мы прибыли на постройки въ свои квартиры.

Отправляясь изъ Іерусалима по различнымъ св. мѣстамъ Палестины, съ слишкомъ слабыми силами, при непрерывной почти лихорадкѣ, по едва проходимымъ скаламъ и при томъ верхомъ на лошади, я мнилъ, что, не сдѣлавъ и десяти верстъ, впаду въ окончательное разслабленіе; но божественная благодать, немощное врачующая и оскудѣваемое восполняющая, удивила и на мнѣ грѣшнѣмъ своя великія и богатая милости: и въ пути, и по возвращеніи въ Іерусалимъ, я чувствовалъ себя, какъ нельзя лучше. Поклоняюсь предъ неисповѣдимыми судьбами Твоими, сладчайшій Искупителю мой! Славу и благодарю безмѣрную Твою благодать, явленную на мнѣ!

Среда, 9-е іюля. Въ этотъ день мы было предположили выѣзжать изъ Іерусалима, чтобы попасть опять на тотъ же самый русскій пароходъ, на которомъ пріѣхали сюда, обратно теперь возвращавшійся изъ Египта. Но русскому консулу дано знать по телеграфу, что этотъ пароходъ, въ виду развивающейся въ приморскихъ городахъ холеры, не возьметъ ни одного изъ Іерусалимскихъ пассажировъ, и даже вовсе не зайдетъ въ Яфѣскій портъ. Это извѣстіе и опечалило и обрадовало

насъ. Опечалило, поставивъ насъ въ раздумье—не сдѣлаемся ли и мы, въ числѣ прочихъ, жертвами страшнаго и неумолимаго азіатскаго тирана и къ тому никто насъ не помянетъ; обрадовало,—давъ намъ возможность, до прихода чрезъ семь дней слѣдующаго парохода, болѣе насмотрѣться и налюбоваться Іерусалимомъ и его окрестностями и насытить душу молитвою и поклоненіемъ предъ живоносными святынями ихъ.

Четвергъ, 10-е іюля. Въ четыре часа по-полудни ходилъ я въ патриархію для принятія благословенія отъ патриарха, но не засталъ дома: онъ уѣхалъ на экзамень въ семинарію. Разсматривалъ въ галлерей портреты всѣхъ бывшихъ палестинскихъ патриарховъ, нарисованные масляными красками во весь ростъ. По просьбѣ нашей, намъ показали покои патриарха, отдѣланные въ европейскомъ вкусѣ, съ турецкими вокругъ стѣнокъ диванами; потомъ прохаживались мы въ патриаршемъ саду, гдѣ услужливый садовникъ составилъ для каждого изъ насъ роскошный букетъ изъ плѣнительныхъ для взора, благоухающихъ цвѣтовъ Востока. Съ благодарностію мы приняли букеты и желали довести ихъ въ Россію въ сухомъ видѣ,—какое желаніе наше и исполнилось. Садъ при городскомъ домѣ патриарха небольшой—десятокъ, другой небольшихъ деревьевъ; аллеи съ рѣшетчатыми деревянными стѣнками и сводами, которые покрыты частыми побѣгами и густыми листьями виноградныхъ лозъ, такъ что ходишь въ нихъ словно въ корридорѣ; громадныя же виноградныя кисти, спустившіяся со сводовъ внутрь ихъ, такъ и манять къ себѣ глаза и уста, а устроенныя здѣсь цистерны, изъ коихъ постоянно разливается вода по каналамъ всего сада, благотѣльно освѣжаютъ разслабленные дневною жарою члены гуляющихъ. Здѣсь же, въ саду, устроены комнаты для отдыха и ночлега именитаго хозяина. Послѣ угощенія кофе, вареньемъ и ракою, я отправился въ храмъ Воскресенія для слушанія вечерни, которая началась въ 5 часовъ. По окончаніи вечерни я остался въ храмѣ на всю ночь, такъ какъ заутреня и вслѣдъ за ней обѣдня совершаются ночью, и большія врата храма запираются турками съ вечера до солнечнаго восхода.

Въ этотъ день и я грѣшный сподобился служить на самомъ мѣстѣ распятія Господа—на Голгоѣ, вмѣстѣ съ седмичнымъ святогробскимъ іеромонахомъ. Служа

безъ діакона, эктеніи и возгласы мы говорили попере-
мѣнно, — я на славянскомъ, а сослужившій іеромо-
нахъ на греческомъ языкахъ. Въ служеніи замѣчены
особенности или разности противъ нашего чинопослѣ-
дованія или устава; такъ на примѣръ: проскомидія совер-
шается только на двухъ просфорахъ. Изъ первой, имѣющей
крестообразную печать съ словами: «Іис. Хр.» и «ні—ка»,
вынимается Агнецъ, а изъ второй, имѣющей форму кор-
жа толщиною въ полъ-вершка, а величиною — съ ста-
рую русскую мѣдную гривну, съ круглою печатью, на
которой оттиснуть образъ воскресшаго Спасителя, вы-
нимается частица въ честь Богородицы и девять частицъ
въ честь девяти чиновъ святыхъ людей, вокругъ верх-
ней стороны св. хлѣба, а всподи ея вынимаются двѣ
большія частицы — одна за живыхъ, главныхъ духов-
ныхъ и свѣтскихъ (по чину и власти) членовъ церкви, а
другая за умершихъ (*). А когда поминають по синодикамъ
поимянно всѣхъ, отъ кого и за кого принесены дары, то
священнодѣйствующій беретъ двѣ верхнія боковыя части
оставшіяся отъ Агничной просфоры, обращаемаыя у насъ
въ антидоръ, и при чтеніи именъ живыхъ и умершихъ,
попеременно, съ мякоти — то одной, то другой половинки
скоблитъ крупинки отъ св. хлѣба на дискось. Часы во
время совершенія проскомидіи не читають во храмѣ, а
священнослужащій вычитываетъ ихъ про себя дома, въ
келліи, при послѣдованіи ко святому Причащенію; а во
храмѣ во время совершенія проскомидіи или ничего
не читается и не поется, или же поется обыкновенно
молебный канонъ, по заказу чьему-либо изъ богомоль-

(*) Для наглядности мы представимъ это въ рисункѣ:

Въ Геесиманіи на этой просфорѣ изображается Успеніе Божіей Матери, а въ
Віелеемѣ—Рождество Іисуса Христа.

цевъ. Евангеліе читается всегда лицомъ къ народу, и когда служить діаконь, то для этого онъ всегда восходитъ на каеэдру, которая большею частію устраивается около лѣвой стѣны средней части храма на довольно большой возвышенности, въ видѣ балдахина съ золочеными колоннами, надъ которымъ паритъ Духъ Святый. По окончаніи Евангелія произносится только одна сугубая эктенія; затѣмъ непосредственно развертывается антиминсъ и поется Херувимская пѣснь. Если же бываютъ оглашенные, то читаются и эктеніи объ оглашенныхъ, и по возгласѣ: «Да и ти съ нами славятъ» — антиминсъ осѣняется крестообразно не губою, а Евангеліемъ. Во время чтенія священникомъ Херувимской пѣсни поднятія рукъ не бываетъ. Перенесеніе даровъ съ жертвенника на престолъ, а равно и самое возглагошеніе поминаемыхъ—совершается во время пѣнія Херувимской пѣсни, при медленномъ шествіи священной процессіи отъ перваго къ послѣднему безостановочно. Символъ вѣры и молитва Господня читаются. Во время принятія говѣющими Св. Даровъ прислужникъ держитъ зажженую свѣчу при устахъ причащающагося. На «Буди имя Господне»—всѣ предстоящіе подходятъ ко кресту, держимому первенствующимъ священнослужителемъ, и получаютъ изъ рукъ его антидоръ; и это неизмѣнно выполняется всегда. По потребленіи Св. Даровъ всѣ богослужебныя священныя принадлежности относятся для храненія подъ крѣпкими запорами въ ризницу, впредь до слѣдующаго богослуженія. Хожденія по церкви съ кошельками и тарелочками, для собиранія подацій въ пользу храма, не бываетъ, а желающіе жертвовать опускаютъ «лепты» или въ свѣчной ларчикъ, стоящій у алтаря, или же отдаютъ ихъ избранному для принятія ихъ особому лицу, во всякое время,—звона при этомъ въ колокольчики никогда не слышится. Не мѣшало бы такой порядокъ ввести и у насъ, тѣмъ болѣе, что у насъ въ Россіи большинство старостъ, особенно такъ называемыхъ «вліятельныхъ», злоупотребляютъ своимъ правомъ—особенно при малѣйшемъ неудовольствіи на священника,—ходятъ съ кошельками, кружками и блюдами при усердномъ и безпрестанномъ побрякиваніи колокольчикомъ и при томъ во время самыхъ священнѣйшихъ минутъ пресуществленія св. Даровъ,—когда всѣ должны стоять со страхомъ и благоговѣніемъ, и, съ сердцами и мыслями устремленными горѣ, при глубокой тишинѣ внимать совершающемуся. Неумѣстное,

просящими, бряцанье кимвалами и деньгами, раздвиганье ими толпы народной для очищенія себѣ прохода, толканье и шумъ, отсюда происходящій и даже крики... О, до чего все это оскорбляетъ и угашаетъ духъ молитвенный и въ приносящемъ Дары и въ слушающихъ его!..

Кстати еще замѣтимъ, что священническій фелонь у грековъ имѣетъ одинаковую длину и спереди и сзади, т. е. ниже колѣнъ,—что весьма неудобно при богослуженіи, и вынуждаетъ служащаго, особенно при совершеніи проскомидіи, переднія полы фелоня закидывать на плеча; а для того, чтобы фелонь ровно держался на нихъ и не совался бы при поднятіи руки для крестнаго знаменія, благословенія народа и пр., у груди его подъ сподомъ пришиты два шнурка вмѣстѣ, концы которыхъ завязываются сзади на поясницѣ подъ фелонью. Діаконскій орарь весьма длиненъ и перевивается чрезъ лѣвое плечо по-подъ мышками правой, но концы его, впрочемъ, правильно и ровно ниспадаютъ спереди и сзади. Ношеніе такимъ образомъ ораря весьма удобно и практично, такъ какъ при служеніи онъ никоимъ образомъ не можетъ сдвинуться съ плеча и упасть на землю, что часто случается при служеніи нашихъ діаконовъ. Илиторъ пришивается къ антиминову, а воздухъ во время чтенія символа вѣры не поднимается вверхъ и не опускается потомъ внизъ, какъ принято это въ нашей русской Церкви, а буквально трясется въ воздухѣ, на подобіе трепетанія листьевъ на деревьяхъ во время бурнаго дуновенія вѣтра или трясенія членовъ человѣческаго тѣла во время трясовицы;—что болѣе нагляднымъ образомъ изображаетъ трусъ, бывшій въ минуту смерти Богочеловѣка.

Обѣдня окончилась за два часа до свѣта. Предъ выходомъ изъ храма Голгофы я въ глубочайшихъ чувствахъ умиленія и благодарности повергся долгу и долго, долго лобызалъ мѣсто водруженія Крестнаго Древа, воздавая хвалу Искупителю, сподобившему меня не только зрѣть и касаться св. мѣстъ, «идѣже стоястѣ пречистыя нозѣ Его», но и приносить безкровную жертву и причащаться Тѣла и Крови Его на томъ самомъ страшномъ и святѣйшемъ мѣстѣ, гдѣ Онъ, безгрѣшный, благоволилъ пролить ее и за меня грѣшнаго и неблагодарнаго. Засимъ святогробская братія, идя на трапезу, пригласила на оную и меня, какъ служащаго; тутъ я, какъ литургисавшій, усаженъ былъ на первомъ мѣстѣ,

а вся меньшая братія передъ обѣдомъ подходила ко мнѣ для принятія благословенія. За трапезою предложено было первоначально по маленькому кусочку очищенного арбуза, потомъ по кружечкѣ кофе съ сухарикомъ, а въ заключеніе желающіе получали по небольшой рюмкѣ мастики или раки. Во все время сидѣнія за трапезою соблюдалось таинственное гробовое молчаніе. Въ 6 час. утра, по нашему времени, когда начало всходить солнце, были отворены турками входныя врата Воскресенскаго храма при необыкновенномъ грохотѣ, который они нарочито производятъ устроенными для этого молотами, чтобы разбудить всѣхъ, спящихъ внутри храма, богомольцевъ, оповѣстить ихъ о времени выхода и, вмѣстѣ, побудить къ скорѣйшему оставленію онаго; послѣ чего врата немедленно запираются до вечерняго часа. Облобызавши снова святыни храма, я удалился въ свою квартиру на постройки для отдыха, такъ какъ провелъ во бдѣніи цѣлую ночь.

Пятница, 11-е іюля. Послѣ двухчасового отдыха я посѣтилъ почтеннѣйшаго старца, іеромонаха Веніамина—члена русской Іерусалимской миссіи и моего духовника. Онъ принялъ меня отечески и, за обильнымъ восточнымъ угощеніемъ, разсказалъ свою біографію. Оказалось, что онъ родомъ изъ С.-Петербурга; служилъ въ дворцовой церкви в. к. Елены Павловны; былъ флотскимъ іеромонахомъ; подвизался, какъ служитель Божій, въ минувшую Крымскую кампанію, напутствуя раненыхъ въ загробную жизнь на бранномъ полѣ и въ госпиталяхъ; очень хорошо владѣетъ языками — греческимъ, арабскимъ и турецкимъ; имѣетъ два наперсныхъ креста кабинетныхъ и два снудальныхъ—одинъ на Георгіевской лентѣ, а другой на цѣпи, и бронзовый крестъ въ память минувшей войны; но ни одного изъ нихъ никогда не носитъ по причинамъ, указаннымъ мною выше, а хранить ихъ въ коробочкахъ только для памяти. При прощаньи старецъ подарилъ мнѣ свою карточку, небольшую частичку, бѣлую какъ снѣгъ, отъ того каменнаго ложа, на коемъ или въ коемъ покоилось пречистое Тѣло Жизнодавца,—онъ имѣлъ счастье достать ее при поправкѣ въ сороковыхъ годахъ кувукліи,—и часть камня, отъ той пещеры, въ которой на такъ-называемой «сорокадневной горѣ» молился и постился Спаситель. Шлю о. Веніамину искренній, братскій и сыновній привѣтъ за его добродушіе!

Въ 4 часа вечера мы отправились съ офиціальнымъ проводникомъ—русскимъ монахомъ Леонтіемъ—по-надъ городскими стѣнами на ту священную гору, съ именемъ которой связано такъ много библейско-евангельскихъ событій, которую Самъ Господь избралъ въ жилище себѣ и на которой, до самаго построенія постоянного храма, стояла скинія съ ковчегомъ завѣта; на гору, гдѣ въ горницѣ «веліей, посланной» Спаситель челоуѣчества, вліявъ воду во умывальницу, начать умывати ноги ученикамъ и отирати лентіемъ, и гдѣ, *пріимъ хлѣбъ, преломи, и даде ученикомъ и рече: «пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое».* И *пріимъ чашу, даде имъ и рече: «сія есть Кровь Моя новаго завѣта, за многи изливаема»,—гдѣ внезапно бысть съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну, и исполни весь домъ, идъже бяху съдяще, и исполнишася вси Духа Свята; на гору, пмя которой по этимъ даннымъ не трудно отгадать,—это чудный Сіонъ—мати церквей. Съ Сіона открывается прекрасный ландшафтъ на юго-западъ, гдѣ расположены дачи почти всѣхъ архіереевъ Іерусалимской патріархіи, осыенныя прекрасными оливковыми, миндальными и виноградными садами, — большая часть которыхъ, впрочемъ, принадлежитъ лично патріархату. Отсюда же видны развалины дома, въ которомъ проживалъ Сумеонъ Богопріимецъ, село Скудельниче и поля, на которыхъ паслись стада Іакова. Проходя чрезъ православное кладбище, мы на нѣкоторыхъ надгробныхъ плитахъ читали надписи, гласящія о погребенныхъ подъ ними русскихъ паломникахъ и паломницахъ. На этомъ же кладбищѣ погребаются и всѣ палестинскіе архіереи, умирающіе въ Іерусалимѣ. На дняхъ, до нашего прібытія въ Іерусалимъ, здѣсь погребенъ Нектарій, архіепископъ Тиверіадскій, скончавшійся немедленно по окончаніи выборовъ въ Патріархи всея Палестины, архимандрита г. Смирны, Іероея; онъ умеръ, говорятъ, отъ сильнаго душевнаго потрясенія, при забаллотировкѣ его на выборахъ на означенный постъ, тогда какъ, чувствуя свое черезчуръ-рѣзкое умственное превосходство передъ прочими кандидатами и особенно предъ избраннымъ, вполне увѣренъ былъ, что онъ выйдетъ изъ залы засѣданій съ титуломъ святѣйшества. Его отпѣвали завернутымъ въ архіерейскую мантию, монашескимъ погребеніемъ, а на кладбище сопровождали всѣ семь архіереевъ палестинскихъ въ преднесеніи крестовъ и хоругвей; тѣло лежало на диванчикѣ,—такъ и несли его*

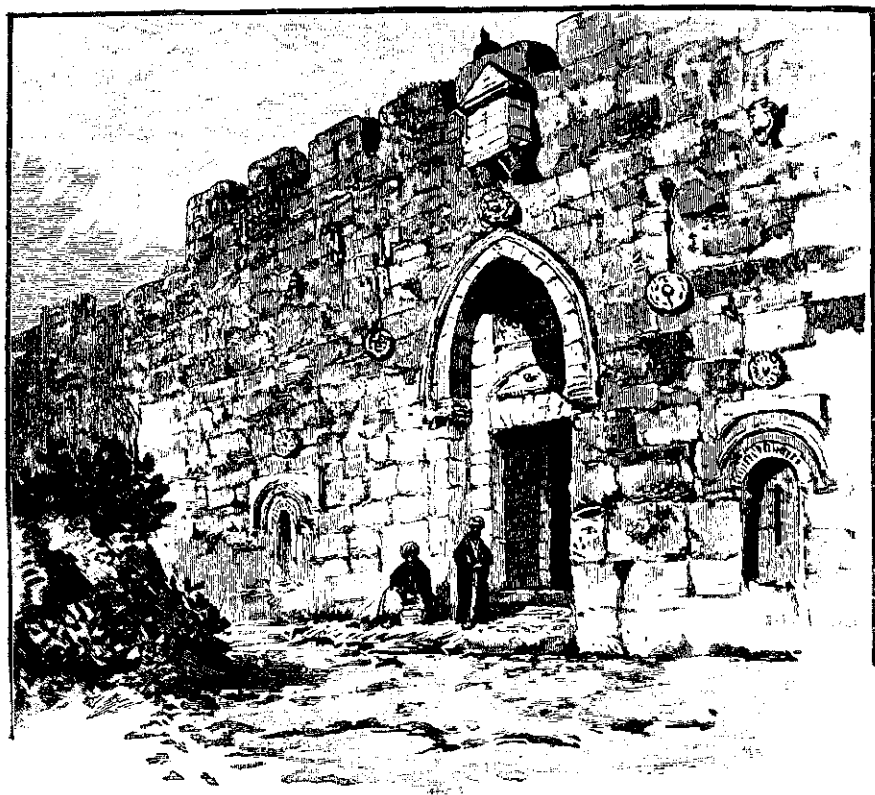
на кладбище. По опущеніи тѣла въ могилу, безъ всякаго гроба, обложивъ голову усопшаго большими камнями и положивъ на нихъ небольшую плитку, чтобы голова не могла быть раздробленною, завалили мѣсто упокоенія грудами мусора. Замѣчательно, что здѣсь чрезъ три года кости погребенныхъ вынимаются изъ могилы и складываются въ общую огромную подземную усыпальницу, находящуюся тутъ же, а въ могилы вынутыхъ покойниковъ кладутъ новыхъ мертвецовъ. Кресты на могилахъ ставить запрещено.

Продолжая путь далѣе, мы подошли къ калиткѣ одного дома — бѣднѣйшей мечети, какъ въ послѣдствіи оказалось. За впускъ сюда потребовали съ насъ три лева (20 коп.). Заплативъ бакшишъ, мы по лѣстницѣ, устроенной внутри зданія, взошли на второй этажъ, гдѣ ввели насъ въ горницу великую, только не послану и не украшену, а всю почти поисписану и поиспачкану углемъ и карандашемъ (вѣроятно, усердіемъ богомольцевъ на память о себѣ);—своды этой комнаты поддерживаются посредию двумя изящными колоннами. Горница устроена, по преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель умывалъ Своимъ ученикамъ ноги и установилъ святѣйшее таинство Евхаристіи, доселѣ питающее насъ духовно. По выходѣ нашемъ изъ горницы, намъ въ сосѣдствѣ указали другую,—засыпанную мусоромъ, находящуюся на мѣстѣ той храмины, «идѣже бяху сѣдѣюще» св. Апостолы и, нашедшу на нихъ Духу Святому, начаша глаголати странными глаголы (*); а за ней, чрезъ отверстіе, показали внизу, т. е. въ нижнемъ этажѣ, то мѣсто со сводами, гдѣ Спаситель, по

(*) Раньше, не доходя до этого мѣста, въ стѣнахъ ограды, отдѣляющей греческое кладбище, намъ указывали нѣсколько камней, несвязанныхъ извѣстью и нагнѣнными крестами, оставшихся и сохранившихся, будто бы отъ стѣнъ Сіонской горницы. Греческое духовенство въ день Сочествія Св. Духа приходитъ сюда для совершенія вечерни и чтенія коѣнопреклонныхъ молитвъ; такъ какъ въ комнатѣ, которая находится на томъ мѣстѣ, гдѣ была Евангельская Сіонская горница, мусульмане не позволяютъ совершать никакого Богослуженія. Что же касается до замѣчанія о Дюкова, который, на основаніи этого, предполагаетъ на этомъ мѣстѣ и первую Сіонскую священную горницу, то оно довольно шатко. Грекамъ отъ души желалось бы въ день Св. Духа совершать богослуженіе на самомъ мѣстѣ Его сошествія на Апостоловъ, но фанатичные мусульмане, какъ я замѣтилъ выше, ни за что не позволяютъ; вотъ греки, пользуясь тѣмъ, что ихъ Сіонское кладбище прилегасть къ сказанному священному мѣсту, и тѣмъ, что имъ позволено имѣть вокругъ его, хотя временную, кое-какъ сложенную ограду, вставили въ нее и заштыльные камни. Но мнѣ возражать: не лучше ли эти камни взять въ какую-либо Іерусалимскую греческую церковь, въ ней хранить ихъ и въ великій день Пятидесятницы, читать предъ ними коѣнопреклонныя вечернія молитвы? Такъ,—но, вѣдь, все же это не на священномъ и дорогомъ сердцу Сіонѣ, гдѣ самымъ дѣломъ происходило воспоминаемое.

воскресеніи Своемъ, дважды являлся ученикамъ, двѣремъ затвореннымъ, и сказалъ Ѳомѣ: «принеси персть твой сѣмо и вложи въ ребра мои и не буди невѣренъ, но вѣренъ». Тутъ же показываютъ мѣсто, гдѣ былъ домъ одного изъ сыновъ Зеведеевыхъ, въ которомъ жила и окончила свою жизнь Матерь Божія, по вознесеніи Ея божественнаго Сына. Далѣе, мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ, по преданію, былъ домъ жестоко-серднаго Каіафы. На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь небольшая армянская церковь, невдали отъ которой показываютъ мѣсто отреченія ап. Петра. Тутъ растетъ теперь старая - престарая и довольно толстая виноградная лоза. Передъ переднимъ навѣсомъ церкви указали намъ то мѣсто, гдѣ мужіе, держащіе Иисуса, ругахуся ему, и, закрывше Его, біяху Его по лицу, и вопрошаху Его, глаголюще: прорцы, кто есть ударей Тя (Лук. зач. 109; 62, 63 и 64 ст.). Мѣсто это обозначено небольшою колонною, какъ видно, не такъ давно поставленною, съ изваяннымъ на ней изображеніемъ Спасителя, привязаннаго къ столбу. Тутъ же, невдалекѣ, вдѣлана въ полъ плита, на которой мѣсто стоянія Богочеловѣка предъ незаконнымъ Каіафою запечатлѣно чернымъ крестомъ; — плита мраморная и взята, будто бы, изъ дома этого первосвященника. Внутри церкви, возлѣ алтаря, мы разсматривали небольшую, въ 1½ аршина, квадратную комнатку, устроенную на томъ мѣстѣ, гдѣ была темница, въ которую заключенъ былъ Искушитель падшаго человѣчества, послѣ допроса Каіафою, въ ожиданіи утра и оффиціального суда. А въ самомъ алтарѣ, въ мраморномъ необлаченномъ престолѣ, намъ указали три камня, величиною каждый немного болѣе четверти, вдѣланные въ трехъ мѣстахъ правой боковой стороны онаго, — обломки отъ того камня, который «бѣ велій зѣло» и отваленъ Ангеломъ отъ устья погребальной пещеры Жизнодавца въ моментъ Его воскресенія. За симъ насъ привели къ тому мѣсту, гдѣ былъ домъ тестя Каіафы, первосвященника Анны. На немъ стоитъ теперь небольшая армянская церковь; возлѣ задней, подъалтарной наружной стѣны этой церкви намъ указали пѣросли той масличины, къ которой, будто бы, привязанъ былъ Спаситель, пока докладывали Аннѣ, что вотъ приведенъ къ нему тотъ, давно искомый богохульникъ и возмутитель, котораго до сихъ минутъ никакъ не могли схватить и убить. Эти отпрыски съ трудомъ можно видѣть чрезъ глухую оградку.

Вошедши потомъ въ городъ чрезъ Сіонскія ворота, мы зашли въ богатый армянскій монастырь, раскинутый на большомъ пространствѣ, и устроенный въ честь и память ап. Іакова, перваго епископа Іерусалимскаго, — Брата Божія. Налѣво отъ входа во храмъ насъ подвели къ небольшому придѣлу, въ которомъ покоится глава отъ мощей св. Апостола; она сокрыта отъ глазъ, и только обозначено на полу мѣсто ея возлежанія,

Сіонскія ворота.

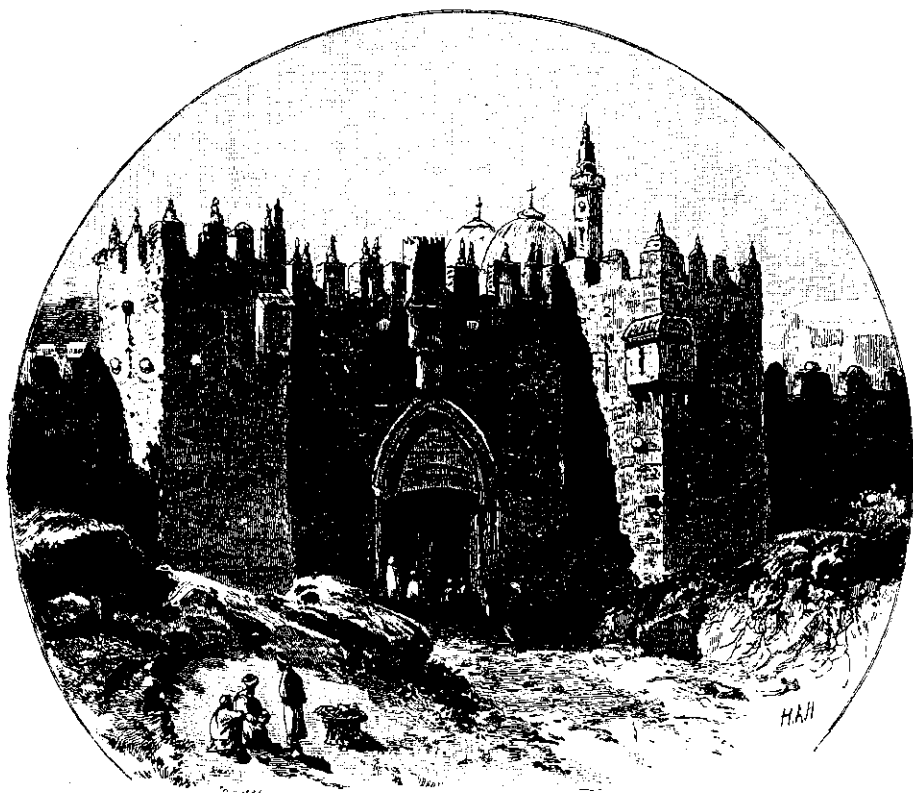
которое мы съ благоговѣніемъ и облобызали. Множество дорогихъ неугасимыхъ лампадъ горитъ надъ симъ священнымъ мѣстомъ. Противъ сѣверныхъ алтарныхъ дверей, за рѣшеткой, стоятъ рядомъ два архіерейскихъ кресла или каедръ, изъ коихъ одна устроена въ честь и память св. Іакова, какъ перваго новозавѣтнаго Іерусалимскаго епископа; надъ ней, почти при самомъ сѣдалищѣ, горитъ, усыпанная брилліантами неугасимая лампада; на этой каедрѣ никто никогда, не исключая

и самого армянскаго патріарха, не воссѣдаетъ, а садится изъ благоговѣнія къ любимцу Христову съ боку оной. Внутренность церкви необыкновенно плѣнительна: мозаическій полъ изъ разноцвѣтныхъ дорожныхъ камней удивительно изящной работы, въ особенности, по близости къ алтарю; двери, ведущія въ церковь и въ разныя отдѣленія ея, изъ масличнаго дерева съ замѣчательными фигурными перламутровыми узорами;—на всемъ печатлѣется богатство, роскошь, вкусъ, изящество и усердіе; мы въ Палестинѣ не видѣли ни одного подобнаго храма, и до того увлеклись обзоромъ его внутренности, пріятно поражающей и ослѣпляющей сразу каждого входящаго, что армяне безъ церемоніи выпроводили насъ отсюда насильно, съ разными злобными причитаніями. По выходѣ изъ церкви, мы долго любовались прекраснымъ садомъ, принадлежащимъ армянамъ, въ коемъ обращаютъ на себя вниманіе два вѣковѣчные кедра. Здѣсь же огромное зданіе армянской духовной семинаріи. Замѣчательны также постройки, въ коихъ помѣщается армянская типографія церковныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ, — почти всѣ комнаты отъ низу до верху завалены такими книгами; хороши и гостинницы для помѣщенія богомольцевъ,—своихъ единовѣрцевъ.

Суббота, 12-е іюля. Въ 6 часовъ утра мы пошли въ Геесиманію. На пути къ ней смотрѣли обширную дачу, усаженную масличными и кактусовыми деревьями, по преданію, принадлежавшую, будто бы, св. Никодиму, вмѣстѣ съ Іосифомъ погребавшему пречистое тѣло Іисусово. Здѣсь я сорвалъ, на память, поспѣвшій плодъ кактуса. Подвигаясь внизъ по-надъ сѣверными городскими стѣнами мимо Дамасскихъ воротъ (*), мы прошли на скатъ горы мимо мѣста побіенія св. архидіак. Стефана и чрезъ каменный мостикъ, перекинутый чрезъ русло Кедрона, гдѣ Спаситель даровалъ слѣпому зрѣніе, спустились, такъ сказать, на самое дно Іосафатовой долины. Потомъ, почти вдругъ, очутились

(*) У Дамасскихъ воротъ видѣлся открытый подземный ходъ подъ Іерусалимомъ. Сюда и намъ предлагали пройти въ Геесиманскую пещеру. Но я отказался, такъ какъ недавно былъ случай, что партія богомольцевъ, отправившись подземнымъ ходомъ, едва не умерла насильственною смертію. Это случилось такъ: партія богомольцевъ, человекъ болѣе двадцати, съ проводникомъ, зажегши свѣчи, пошла по темному и длинному подземному пути, и вдругъ въ одномъ мѣстѣ, при поворотѣ, отъ сквознаго вѣтра всѣ свѣчи потухли; спичекъ на этотъ разъ ни у кого не оказалось, и богомольцы въ страхѣ и страшномъ отчаяніи бродили тамъ около сутокъ.

предъ каменнымъ изящнымъ фронтономъ какого-то подземнаго зданія, покрытаго толстымъ слоемъ каменнаго земляного мусора, съ громадными заключенными дверьми, похожего, по наружному виду, на наши земляные подвалы или погреба. Оно-то и есть погребальный вертепъ Небесной Царицы. По открытіи вратъ, со словами священной пѣсни—«Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси, во успеніи міра не оставила еси, Бого-

Дамасскія ворота.

родице; преставилася еси къ Животу, Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши отъ смерти души наша», — мы начали медленно спускаться по массивной и широкой (*) мраморной лѣстницѣ, мимо погребальныхъ саркофаговъ, — вправо — Богоотцевъ

(*) На каждой ступенькѣ ея свободно можетъ стоять человекъ двадцать врьдъ.

Иоакима и Анны, а влѣво — Иосифа обручника, — къ самой гробницѣ Богоматери. Отъ конца лѣстницы повернувъ вправо, мы увидѣли подъ сводами громадиѣйшей, темной крестообразной залы, освѣщаемой однимъ небольшимъ окномъ съ востока, отдѣльную небольшую пещерку, съ построенной надъ ней изящной часовней. Сквозь отверстія часовни пробивался ослѣпительный, чудный свѣтъ отъ множества горящихъ въ ней лампадъ, — что при гробовой тишинѣ и сумракѣ производить въ душѣ необъяснимое чувство благоговѣйнаго трепета и чаянія чего-то неземнаго. Это и есть временный тридневный покой обрадованной и во успеніи своемъ насъ не оставляющей. Съ чувствомъ умиленія приложились мы нѣсколько разъ къ смертному ложу Матери безсмертнаго Источника жизни. Я взялъ двѣ большихъ свѣчи и, обмакнувъ въ елей неугасимыхъ лампадъ, зажегъ и поставилъ ихъ на время на гробѣ, затѣмъ попросилъ цѣлебнаго отъ лампадъ елей, херувимскаго ладона и ваты, съ тѣмъ, чтобы все это сохранить, какъ дорогую святыню, и привезти (и привезъ) домой къ душевному утѣшенію вѣрующихъ и на уврачеваніе недуговъ. Сами мусульмане притекаютъ въ Геосиманскую пещеру подъ покровъ *Маріамъ* (какъ они ее называютъ) съ теплою молитвой, и чрезъ помазаніе цѣльбоноснымъ елеемъ получаютъ исцѣленіе отъ разныхъ недуговъ. Для нихъ отведено здѣсь даже особое отдѣленіе. За симъ, пройдя по всей подземной залѣ, мы остановились на сторонѣ, противоположной гробницѣ Богоматери, предъ кладяземъ, къ которому примкнуть престолъ абиссинцевъ, и, освѣживъ себя прохладными водами колодца, преклонивъ еще разъ колѣна предъ погребальною пещерою Препоблагословенной, съ молитвою на устахъ— «О, Пречистая! молися прилежно Сыну Твоему и Богу нашему спастися намъ невредимымъ отъ всѣхъ навѣтовъ вражїихъ», — оставили святой Богородицынъ домъ.

По выходѣ отсюда, повернувъ отъ вратъ влѣво, мы пришли къ такъ-называемому вертепу Спасителя, въ которомъ почивали 8 Апостоловъ во время смертельной Его скорби и усердной молитвы въ Геосиманскомъ саду, когда Онъ, при входѣ въ оный, сказалъ имъ: «посидите тутъ, пока Я пойду, помолюсь тамъ», — а Самъ, взявши ап. Петра, Іакова и Иоанна, пошелъ далѣе. Здѣсь теперь небольшой католическій храмъ, весьма бѣдный; въ нишахъ стѣнъ его изобра-

жены, между прочимъ, снѣжіе ученики. Пройдя нѣсколько сажений отсюда къ югу почти по прямому направленію, мы остановились возлѣ глухой высокой каменной ограды, защищающей часть Геосиманскаго сада отъ попраіія безсловесными и отъ дерзкихъ рукъ

Геосиманія.

злѣкозненныхъ мусульманъ и талмудистовъ. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ въ небольшую калитку, намъ отперъ ее извнутри францисканецъ - монахъ и позволилъ пройти по всѣмъ аллеямъ садика. Усердною и опытною рукою аллеи усажены самыми рѣдкими и дорогими кустарниками и цвѣтами востока; между кустар-

никами, какъ глубокиѣ сѣдовласые старцы предѣ младенцами, стоятъ, склонившись, восемъ масличныхъ деревьевъ, бывшихъ, по преданію, или лично или въ лицѣ своихъ предковъ, свидѣтелями молитвенныхъ подвиговъ Геесиманскаго полунощнаго Молитвенника. Масличинъ, толщиною и дряхлостію подобныхъ этимъ восьмерымъ, нигдѣ въ Палестинѣ мы не видали. Подъ одной изъ нихъ намъ указали мѣсто, гдѣ Господень ученикъ, въ онъже вниде сатана, рече: „Равви, Равви“, и облобыза Его. Съ этого мѣста я сорвалъ, на память, три вѣтки ливана, а добродушный католикъ, кромѣ того, снабдилъ меня масличными вѣтками и роскошнымъ букетомъ цвѣтовъ съ разныхъ грядъ своего прелестнаго, чисто райскаго, палисадника; за что я, конечно, не остался въ долгу, и теперь блюду все это, какъ зѣницу ока. По выходѣ отсюда, намъ невдали указали на изсохшую масличину, огороженную стѣнками выше роста человѣческаго, отъ которой, впрочемъ, есть свѣжіе отростки. Возлѣ нея, будто бы, явился къ Спасителю съ небесе ангелъ, укрѣпляя Его въ подвижѣ. Отъ прикосновенія къ ней грѣшныхъ рукъ, дерзостно ломавшихъ ея вѣтви, она почернѣла, на подобіе угля, и засохла;—такъ объяснилъ намъ проводникъ! Потомъ онъ подвелъ насъ къ каменной стѣнѣ, къ которой ведетъ длинный дефилей, и, указывая на начертанный на блѣдно-розовомъ камнѣ крестъ, объяснилъ, что это тотъ камень, на которомъ остались слѣды отъ кроваваго молитвеннаго пота Богочеловѣка. Насколько это достовѣрно, не беремся судить. Скажемъ только, что на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ Искупитель рода человѣческаго такъ пламенно за онѣй молился, гдѣ Агнецъ Божій въ такой сердечной тугѣ и кровавомъ потѣ готовилъ Себя и взять на закланіе за насъ, нельзя идти безъ волненія сердечнаго, безъ... плача горючими слезами, которыя и струились въ изобиліи изъ моихъ сухихъ потухшихъ очей по впалымъ ланитамъ. На верженіе камешка отъ сего мѣста лежатъ три большихъ камня, неодинаковой величины, почти всею массою своею всунувшіеся въ землю; на нихъ спавшіе три любимые ученика Господа неоднократно были возбуждаемы Имъ къ бдѣнію и молитвѣ; на нихъ доселѣ видны углубленія или волнистыя впадины, какъ бы на подушкахъ отъ лежанія. Я, на память объ этомъ мѣстѣ, взялъ себѣ нѣсколько камешковъ отъ этихъ камней.

Окинувъ еще разъ унылымъ взоромъ эти любимыя небеснымъ Подвигоположникомъ мѣста, идѣже множицею Онъ собиравшеся для молитвы со ученики Своими, и я, со умиленіемъ, изъ глубины души взывалъ къ Нему: „Исусе, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами въ вертоградѣ моляйся, научи и мя молиться“! И оставить приснопамятный вертоградъ.

Въ 9 часовъ мы прошли обратно въ Іерусалимъ чрезъ Геесиманскія ворота; по пути вторично заходили смотрѣть Овчую купѣль. Но мусульманскія дѣти начали швырять въ насъ камнями и во все горло взывать гяурами; почему мы тотчасъ ушли далѣе къ латинскому храму „Се человекъ“. Полюбовавшись вдоволь внутренностью храма, взопли въ приѣмную Своенскихъ сестеръ-монахинь, находящуюся тутъ-же, только въ другомъ зданіи. Сестры занимаются плетеніемъ терновыхъ вѣнцовъ, изъ породы того колючаго терна, коимъ увѣнчана была глава Спасителя. Я выбралъ самый лучшій изъ множества вѣнцовъ, освященный на гробѣ Господнемъ, заплативъ за него двѣнадцать франковъ и, вложивъ въ жестяную коробку, въ такомъ видѣ, ни мало не сомнявъ, желалъ довести (и довезъ) до мѣста моего служенія, для передачи въ приходскую церковь на память и наглядное уразумѣніе и убѣжденіе каждаго изъ моихъ пасомыхъ въ томъ, какихъ мученій стоило Спасителю нашему въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ носить на головѣ Своей такой вѣнецъ, для того, чтобы уврачевать наши скорбныя главы.

За симъ, продолжая путь мимо храма Гроба Господня, ворота коего уже давно были заперты, мы зашли въ монастырь св. Іоанна Предтечи, принадлежащій грекамъ; здѣсь покоится часть главы пророка. По просьбѣ нашей, седмичный іеромонахъ вынесъ изъ алтаря эту дорогую святыню въ золотой урнѣ, похожей на св. чашу. Верхъ урны сдѣланъ шаромъ съ частыми микроскопическими отверстиями и погруженъ до половины въ особую глубокую чашку, прикрѣпленную къ высокому подножію. Въ эту чашку, по желанію молящихся, наливается вода, которая, проникая чрезъ скважины шара, соприкасается съ св. мощами и, так. обр., освящаясь благодатію Божіею, присуещу онымъ, подаетъ неоскудныя цѣлѣбы съ вѣрою черпющимъ и пьющимъ отъ воды. Іеромонахъ объяснилъ намъ чрезъ переводчика, что вода эта врачуетъ осо-

бенно отъ лихорадокъ; почему я съ полнымъ упованіемъ испилъ отъ нея, омочивъ голову, лицо и грудь, и взялъ цѣлый флаконъ воды въ свою квартиру. Церковь и монастырь бѣдны; въ немъ только одинъ іеромонахъ, да нѣсколько послушниковъ—мальчиковъ. Вышедши изъ монастыря, мы зашли въ фотографическій магазинъ, гдѣ купили нѣсколько видовъ Іерусалима и другихъ мѣстъ Палестины; потомъ, воротившись назадъ, вышли изъ города чрезъ Дамасскія ворота, не вдалекѣ отъ которыхъ, на противоположной сторонѣ, показывали намъ пещеру, въ которой 70 лѣтъ спалъ пророкъ Варухъ, и прибыли „на постройку“. За усиливающеюся жарою, трудно было продолжать хожденіе.

Вечеромъ, въ 4 часа, я слушалъ воскресную всенощную въ миссіонерской русской церкви, стоя на алтарномъ крыльцѣ оной, съ котораго видна почти вся юго-восточная заіерусалимская сторона. Послѣдніе стихи воскреснаго евангелія, читаннаго на заутрени, — „изведъ же ихъ вонъ до Виваніи: и воздвигъ руцѣ Свои и благослови ихъ. И бысть егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ и возношашеся на небо. И ти поклонишася Ему и возвратишася во Іерусалимъ съ радостію великою“, глубоко положились въ мое сердце, въ виду самаго мѣста священнаго событія—Елеонской горы, и часовни, въ которой хранится отпечатокъ божественной стопы Вознесшагося. Воображеніе мое такъ живо рисовало картину Вознесенія Господа, какъ будто я самъ былъ однимъ изъ личныхъ свидѣтелей и самовидцевъ онаго.

Въ 6^{1/2} часовъ, по окончаніи всенощной, ходилъ я прикладываться къ Гробу Господню и къ подножію креста Христова; затѣмъ, возвратившись въ келлію, читалъ правило ко св. причащенію, готовясь служить въ миссіи во храмѣ св. Троицы, вмѣстѣ съ настоятелемъ оной, о. архимандритомъ Антониномъ.

Воскресенье, 13-е іюля. Литургія въ миссіи началась въ 7 часовъ утра, по нашему времени; ее совершали о. архимандритъ Антонинъ, членъ миссіи іеромонахъ Веніаминъ и я. По совершеніи литургіи былъ утренній чай у хлѣбосольнаго настоятеля. За симъ вторично отправился я къ патріарху съ іеродіакономъ миссіи, о. Виссаріономъ, (уроженцемъ Старога Оскола, состоящимъ при миссіи около 12-ти лѣтъ уже и отлично говорящимъ поэллински), чтобы выпросить

у его святѣйшества фирманъ для безпрепятственнаго совершенія Богослуженія въ Виелеемѣ и во всѣхъ мѣстахъ Палестины, гдѣ бы мнѣ ни пожелалось. Когда мы пришли въ покои патріарха, онъ уже обѣдалъ, хотя было еще только 11 часовъ утра. Судя по тому, что у насъ, въ Россіи, у важныхъ особъ не принято принимать просителей въ такое время, я хотѣлъ было идти назадъ; но архидіаконъ его, онъ же и секретарь, областавъ меня, увѣрилъ, что, какъ только кончится обѣденный столъ, патріархъ тотъ-часъ приметъ меня. Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, насъ пригласили въ пріемный залъ патріарха; въ дверяхъ зала мы и увидѣли его святѣйшество стоящимъ и ожидающимъ насъ. По принятіи благословенія и по отрекомендованіи меня патріарху о іеродиаконѣ по гречески, (патріархъ Іерофей кромѣ греческаго не говоритъ ни на одномъ языкѣ), его святѣйшество пригласилъ насъ присѣсть, указавъ мнѣ мѣсто возлѣ себя и долго, долго, молча, смотрѣлъ на меня съ кроткою улыбкою и нѣжностію отца. Послѣ вопросовъ о томъ, съ какихъ мѣстъ Россіи я прибылъ въ Палестину, долго ли въ ней пробуду и зачѣмъ такъ скоро уѣзжаю, патріархъ наконецъ спросилъ: есть-ли у меня жена, дѣти? Когда я сообщилъ ему, что уже болѣе 15-ти лѣтъ, какъ я лишился семейства, то онъ началъ прижимать меня многократно къ своей старческой груди и цѣловать въ голову. Потомъ, спросивъ объ имени моемъ и покойной жены моей, далъ обѣщаніе молиться за насъ предъ престоломъ милосердія Божія. Я, недостойный нарецился послѣднимъ изъ іереевъ Бога Вышняго, такъ пораженъ былъ и растроганъ до глубины души этою неожиданною, любвеобильнѣйшею и, по истинѣ, патріархальною ласкою и утѣшеніемъ маститаго первосвященителя святой земли; моментально палъ предъ нимъ на землю и, обнявъ его ноги, оросилъ ихъ слезами благодарности, а потомъ и его старческія благословляющія руки, прильнувъ къ нимъ крѣпко, крѣпко своими устнами. А онъ, смиреннѣйшій, отвѣчалъ на это съ своей стороны лобызаніемъ моихъ ланитъ и просьбою не забывать его при моихъ литургійныхъ молитвахъ. Этотъ поучительнѣйшій примѣръ рѣдкаго смиренія такъ глубоко запалъ въ мою душу, что не изгладится и до послѣднихъ минутъ моей жизни.

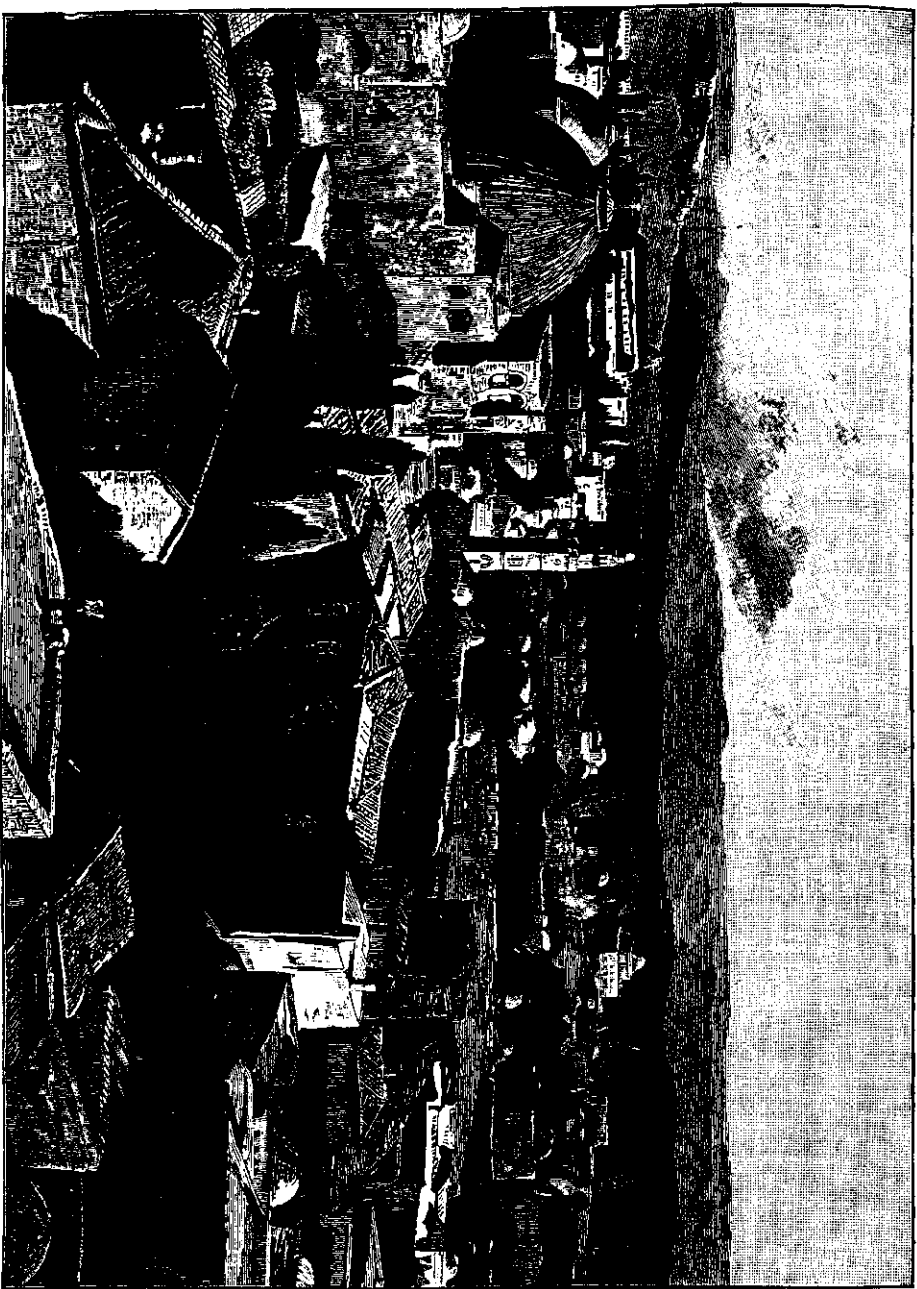
Послѣ этого я доложилъ блаженнѣйшему, что въ бытность мою въ Виелеемскомъ вертепѣ, меня не до-

пустилъ къ служенію въ немъ литургіи тамошній намѣстникъ, хотя я и имѣлъ при себѣ паспортъ, несомнѣнно свидѣтельствующій о моей личности; почему просилъ Его Святѣйшество снабдить меня такимъ документомъ, при которомъ бы я не подвергался болѣе, подобнаго рода, неприятнымъ и непредвидимымъ мною случайностямъ. На что Его Святѣйшество отвѣчалъ просьбою не обижаться за подобный поступокъ Виелемскаго игумена, такъ какъ онъ не есть личное произволеніе его, а официальное распоряженіе Іерусалимской патріархіи, и касается не одного только меня, а всѣхъ иностранныхъ православныхъ священнослужителей лицъ, въ виду того, что бывали неоднократные случаи совершенія литургіи лицами, вовсе неимѣющими правительственной санкціи и правоспособности на священнослуженіе; и велѣлъ своему архидiakону сейчасъ же изготавить для меня патріаршій фирманъ для безпрепятственнаго богослуженія во всѣхъ церквахъ Палестины. За симъ сановитый хозяинъ угощалъ насъ ракою, вареньемъ и кофе. Послѣ угощенія и по принятіи отъ блаженнаго благословенія, разошлись мы по квартирамъ.

Въ 4 часа вечера я началъ хлопотать о наймѣ осленка въ Виелемъ для служенія тамъ литургіи намѣстѣ Рождества Спасителя; но по случаю привода осленка предъ солнечнымъ заходомъ, я побоялся самѣхать въ такое позднее время и, къ прискорбію моему, остался въ квартирѣ.

Понедѣльникъ, 14-е іюля. Въ 7 часовъ утра, ходилъ я въ монастырь св. Іоанна Предтечи для служенія молебна великому пророку, болѣе котораго не было на землѣ изъ всѣхъ рожденныхъ женами. Служившій греческій іеромонахъ далъ мнѣ на домъ флаконъ воды изъ-подъ мощей Крестителя Господня, и розовыхъ цвѣтовъ, имѣющихъ цѣлебную силу отъ трясотины. Вышедши отсюда, я пошелъ по Іерусалимскимъ лавкамъ для покупки иконокъ, крестиковъ, четокъ, свѣчей и прочихъ священныхъ предметовъ, и, кромѣ того, прошелся по многимъ улицамъ Іерусалима, чтобы имѣть о немъ какое-нибудь наглядное понятіе.

Іерусалимъ есть горный городъ, не потому только, что занимаетъ возвышенное мѣсто, но и потому, что представляетъ собою замѣтную, довольно высокую, гору, окруженную съ трехъ сторонъ глубокими овра-

Іерусалимъ съ виднѣющимися вѣдами Моавскими горами.

гами, возвышающуюся, по сказаніямъ нѣкоторыхъ, надъ уровнемъ Средиземнаго моря до 2500 фтовъ, а Мертваго—до 4000 фтовъ. Вотъ секретъ, почему въ самомъ Іерусалимѣ не замѣчаешь той убійственной жары и духоты, которая такъ охватываетъ васъ въ другихъ мѣстахъ Палестины, въ особенности низменныхъ, напр. въ равнинѣ Іерихонской или около береговъ Мертваго моря. По ночамъ въ Іерусалимѣ бываетъ даже очень свѣжо, такъ что я иногда не могъ достаточно согрѣться въ драповомъ подрясникѣ; и, не забудьте,—это въ іюлѣ мѣсяцѣ. Физіономія Іерусалима напоминаетъ собою, вообще, всѣ восточные города: улицы очень узки—до пяти шаговъ въ ширину и мѣнѣе,—такъ что въ иныхъ приходилось проходить по-подъ навьюченными верблюдами, стоявшими поперекъ улицъ, кривы, извилисты и нѣкоторыя изъ нихъ очень людны, съ безчисленнымъ множествомъ разнаго рода лавочекъ, чѣмъ, въ особенности, отличаются христіанскій и мусульманскій кварталы. Вообще же, соръ, выкидываемый изъ домовъ на улицы, и помои, безцеремонно выливаемыя сюда же, и валяющіяся дохлыя животныя, служащія приманкою для мухъ, собакъ и шакаловъ; зловонный и вредный воздухъ отъ разлагающихся предметовъ; встрѣчающіяся на каждомъ почти шагу разрушенныя зданія—все это пробуждаетъ въ душѣ путника скорбныя чувства и, такъ сказать, поглощаетъ и сглаживаетъ тѣ святыя воспоминанія, которыя соединены съ дорогимъ именемъ Іерусалима, — и на глаза навертываются слезы.... Не смотря, впрочемъ, на полученное впечатлѣніе малости и ничтожности Іерусалима, если смотришь на него съ какой-либо террасы, то мѣстоположеніе его представляется очень красивымъ, и самъ онъ, опоясанный зубчатыми съ башнями стѣнами, съ высокими минаретами и куполами, съ громадными домами, построенными изъ хорошаго, рѣзаннаго плитами, дикаго камня,—очень живописенъ. Коренныхъ жителей въ Іерусалимѣ насчитываютъ до 50-ти тысячъ, изъ коихъ половина почти евреевъ; здѣшніе евреи отличаются отъ нашихъ своею образностію одежды, томностію взгляда и крайней непривѣтливостію. Одежда ихъ состоитъ преимущественно изъ рясокъ и изъ мелкихъ круглыхъ шапочекъ, отороченныхъ дорогимъ мѣхомъ. Замѣчательно, что мусульмане строго запрещаютъ евреямъ показываться на страстномъ пути Спасителя и у гроба Его. Нару-

шающихъ этотъ запретъ, по какому бы то ни было случаю, избиваютъ до смерти, приговаривая: «вы, презрѣнныя твари, недостойны попираеть своими нечистыми ногами тѣ мѣста, гдѣ вы мучили и распяли святаго и мудраго Ису» (т. е. Иисуса).

Вторникъ, 15-е іюля. Еще съ вечера я просилъ настоятеля Геесиманскаго вертепа Успенія Божіей Матери дозволить мнѣ совершить на Ея Гробѣ литургію. Изъявляя свое согласіе на это, о. настоятель просилъ меня, какъ можно раньше, прибыть на мѣсто служенія, если можно, — часа въ три ночи, иначе армяне не допустятъ исполниться моему сердечному желанію. Почему, вставъ въ 2 часа ночи, по прочтеніи правила, я, вслѣдствіе измѣны своего сопутника, поручика К., отправился съ «построекъ» русскихъ въ Геесиманію самъ, вдоль городскихъ стѣнъ, со страхомъ и трепетомъ. Темнота ночи, моя одинокость среди пустыря и иноплеменныхъ, жесткость, неровность и дальность (*) малоизвѣстнаго пути, появленіе по временамъ изъ-за скалъ пастуховъ, стерегущихъ стада, — все это часто заставляло меня то озираться по сторонамъ, то — на нѣсколько минутъ останавливаться, то — прятаться за камни и въ ущелья, то — черезчуръ ускорять шаги. Добравшись кое-какъ до спуска съ горы, я, за темнотою, сбился съ тропинки, ведущей въ Геесиманію, и почувствовалъ свою ошибку только тогда, когда былъ далеко въ сторонѣ отъ нея; это заставило меня почти бѣжать назадъ, чтобы не опоздать къ назначенному времени въ священное мѣсто, и потому я прибылъ сюда совершенно разслабленнымъ отъ малоспанія, усталости, бѣготни и желудочной боли. Около вертепа царила могильная тишина. Не слышно было ничьего голоса, не видно ни одного живаго существа; врата онаго были заперты; оставалось мнѣ со скорбію возвратиться вспять; но мнѣ блеснула мысль взять камень и постучаться въ ворота; послышались изнутри чьи-то, приближающіеся къ дверямъ, шаги. Отпершій оныя монахъ — грекъ сказалъ мнѣ, что я уже опоздалъ; но, видя мое сильное смущеніе и слезы, продолжалъ: «иди, да скорѣе одѣвайся; а то армяне тебя прогонятъ». Вѣрю, Она Пречистая и Преподобная въ женахъ, видя стenanіе моего

(*) Отъ русскихъ «построекъ» до Геесиманіи, тѣмъ пустыремъ, которымъ я шелъ, будетъ около 3-хъ верстъ.

сердца, сподобила меня, недостойнаго, служить на Ея Гробѣ и приобщиться св. Тайнъ. До гробовой доски будутъ памяты мнѣ минуты, проведенныя мною въ умиленной молитвѣ подъ Кровомъ временнаго Упокоенія Приснодѣвы. Отъ всего сердца благодарю Тебя, всеблагая и славлю всечестное Успеніе Твое! На память

Входъ въ часовню Гроба Богоматери.

я взялъ себѣ пророческую просфору и букетъ прекрасныхъ цвѣтовъ, стоявшихъ въ урнѣ на Гробѣ Богоматери во время совершенія на ономъ литургіи.

Кстати замѣчу, что едва пропѣли на клиросѣ молитву Господню, и я послѣ возгласа обратился къ народу, чтобы преподавать ему мѣръ, какъ увидѣлъ звѣрскія лица армянъ, ясно говорившихъ мнѣ своими взглядами и

минами, чтобы я поскорѣе убирался изъ вертепа; почему я, при помощи вбѣжавшаго ко мнѣ настоятеля—архимандрита, забравъ священные сосуды и другія служебныя принадлежности, поспѣшилъ удалиться къ жертвеннику; а армяне ту же минуту начали отправлять съ шумомъ и бряцаньемъ свою григоріанскую обѣдню.

По выходѣ изъ священнаго подземнаго храма Богоматери на разсвѣтъ, я, пользуясь утренней прохладой, безъ проводника и толмача отправился прямо на гору Елеонскую. Уже съ половины горы представляется вашему взору дивная картина окрестностей Іерусалима и его самого; и я нѣсколько разъ останавливался и сиделъ на камняхъ, чтобы досыта налюбоваться милыми сердцу чертами свящ. града и поглубже запечатлѣть въ своей памяти его присножеланный образъ и, такъ сказать, каждую складку верхней одежды его. Еще далеко не доходя вершины горы, я долго разсматривалъ прочно и красиво устроенный латинскій монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ изрекъ Своимъ ученикамъ молитву «Отче нашъ», которая и написана въ церкви этого монастыря на 36-ти языкахъ. Выше этого мѣста, вправо отъ вершины горы Елеонской, по направленію къ Виаѳаніи, я пришелъ къ русскому монастырю, устроенному здѣсь нашею православною Іерусалимскою миссіею для лицъ мужескаго пола, но, по недостатку средствъ и особъ, желающихъ посвятить себя созерцательной жизни, до сихъ поръ еще не открытому.

Къ великому сожалѣнію моему, я не могъ здѣсь отыскать ни одного человѣка: единственный, обитающій здѣсь сторожъ миссіи ушелъ, занесши съ собой и ключи отъ главнаго зданія; и меня привѣтствовалъ усерднымъ лаемъ и воемъ только его безсловесный намѣстникъ—цѣпная собака; на безчинный кличъ собаки явился ко мнѣ одинъ изъ молотившихъ по сосѣдству хлѣбъ—мусульманинъ арабъ, который и объяснилъ мнѣ все это, приговаривая: «скажи, да скажи жъ хамандру, т. е. архимандриту, что у него не хорошъ стража». За симъ мы прошлись по двору, по прекрасному палисаднику, въ которомъ, на память, я составилъ роскошный букетъ изъ благовонныхъ цвѣтовъ востока, при чемъ арабъ подвелъ меня къ запертой рѣшетчатой желѣзной двери, ведущей въ подземную галерею, примыкающую къ главному зданію, и указалъ на нѣсколько гробовъ,

изсѣченныхъ изъ камня и стоявшихъ рядомъ, въ которыхъ будто-бы собраны кости доблестныхъ мужей и женъ, погребенныхъ въ разныя, давно минувшія, времена, по протяженію горы Елеонской. Проходя мимо оконъ главнаго зданія, я долго любовался сквозь нихъ внутреннею отдѣлкою онаго, а въ особенности изящными мозаическими мраморными полами. Выпедши изъ двора, мы спустились нѣсколько ниже, при чемъ арабъ, указывая на расчищенную ровную площадку, покрытую мраморными плитами, примѣрно въ 20 квадратныхъ саженой, объяснилъ, что это мѣсто начала разрывать Московъ для постройки какихъ-то зданій, и, вотъ, на разстояніи трехъ аршинъ отъ поверхности горы напала на остатки какой-то древней, бывшей здѣсь, церкви; вотъ это сохранился и мраморный полъ отъ нея; а дальнѣйшія работы приостановлены пока, въ видахъ важности этого археологическаго мѣста. Взявъ на память кусокъ мрамора отъ этого зданія, мы пошли къ той точкѣ горы Елеонской, гдѣ Спаситель завѣнчалъ дѣло искупленія нашего Своимъ преславнымъ вознесеніемъ на небо. Я былъ весьма изумленъ, когда встрѣтилъ на самой вершинѣ горы небольшой поселокъ, состоящій изъ безобразныхъ, почернѣвшихъ каменныхъ избъ, обитатели коего — арабы мусульмане. Этого поселка я ни разу не примѣтилъ своими глазами отъ миссіи, хотя нѣсколько разъ и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ оттуда на Елеонскую гору, и она видна со двора миссіи, какъ на ладони. Какъ разъ возлѣ поселка, къ сѣверу, во дворѣ, обнесенномъ невысокою каменною оградой, стоитъ небольшая восьмигранная мусульманская часовня, устроенная изъ мрамора, и завѣнчанная круглымъ сводомъ. Арабъ, провожавшій меня, вызвалъ изъ сказанной деревни привратника часовни, который за три лева (20 к.) впустилъ меня туда. Посреди часовни указали мнѣ на лежащій на полу небольшой, примѣрно въ три четверти аршина, камень, окаймленный мраморными рамками; на немъ-то ясно печатлѣется святѣйшая стопа вознесшагося Искупителя. Прильнувъ крѣпко, крѣпко къ св. углубенію своими грѣшными устнами и челомъ, съ вѣрою и умиленіемъ, я молилъ жизнедавца Іисуса, чтобы Онъ Своєю благодатію укрѣпилъ мои душевныя силы ко зрѣнію спасенія, да, егда паки придетъ со славою судити живымъ и мертвымъ, не предастъ меня вѣчной смерти и не затворитъ предо мною славнаго Своего Царствія.

Стоя на зенитѣ этой, по истинѣ чудной и высочайшей изъ всѣхъ опоясывающихъ Іерусалимъ, горѣ, чувствуешь себя какъ бы окриленнымъ и отдѣленнымъ отъ земли, особенно, если возведешь очи свои окрестъ себя отъ востока, юга, запада и моря (Средиземнаго). Тутъ предъ тобою развертывается чуть не вся ветхоя и ново-завѣтная свящ. исторія; а зеленѣющіе всякою растительностію берега священнаго Іордана такъ и манятъ къ себѣ, чтобы освѣжиться въ нихъ. Ежели бы я раньше не былъ у Іордана и у Мертваго моря, то непременно, по невѣдѣнію, спустился бы къ нимъ съ горы: такъ они, при прозрачности палестинской атмосферы, кажутся близкими, находящимися почти у подошвы Елеонской горы; между тѣмъ какъ отстоятъ отсюда на 60 верстъ.

Долго я не могъ оторвать своихъ очей отъ восхитительныхъ видовъ, чарующихъ и приковывающихъ къ себѣ взоры христіанина. Вотъ, если гдѣ, то именно здѣсь, въ виду почти всѣхъ важнѣйшихъ святынь Палестины, добро быти; и, аще возможно было бы, сейчасъ бы устроилъ сѣнь, чтобы никогда не отлучаться отъ этого дивнаго мѣста, а здѣсь упокоиться до втораго пришествія Христа, имѣющаго явиться на этомъ же самомъ мѣстѣ съ силою и славою многою для неумытнаго суда надъ нами, окаянными грѣшниками. Недаромъ масличная гора была самымъ любимымъ мѣстомъ молитвы, уединенія, отдыха и проповѣди Господа нашего Іисуса Христа.

При спускѣ съ горы, провожавшій меня арабъ не позволялъ мнѣ ни отломить оливковой вѣточки, ни даже взять какой-либо камышекъ отъ нея. Чтобы расположить его къ себѣ и вознаградить за услугу при обзорѣ Елеона, я, не зная личныхъ свойствъ аравитянъ, имѣлъ неосторожность вынуть свой портмоне, въ которомъ было мелочи около 20 руб. сереб. Завидѣвъ блескъ множества монетъ, мой арабъ весь затрясся, какъ осиновый листъ, зрачки забѣгали, какъ молнія, глаза страшно выкатились изъ своихъ орбитъ; онъ судорожно, какъ хищный звѣрь, оглядывался по сторонамъ, чтобы кто нибудь не вырвалъ изъ рукъ его жертвы. Замѣтивъ это, я моментально сунулъ ему 10 левовъ, но онъ не принялъ, крича: «пять карбованъ, пять карбованъ (т. е. пять р. с.); твой не хорошъ!» Видя свою беззащитность, а его наступательное, угрожающее движеніе, я бросилъ ему тѣ же самыя 10 монетъ и пустился бѣжать,

заявивъ, что я буду жаловаться на него консулу; это возымѣло надлежащее дѣйствіе, и онъ остановился въ дальнѣйшемъ меня преслѣдованіи. Спустившись съ горы, я опять заходилъ въ пещеру, въ которой, во время предсмертной молитвы Геесиманскаго Подвигоположника, спали восемь апостоловъ, дѣловалъ камни,

Видъ селенія Силоама съ дороги въ Визанію.

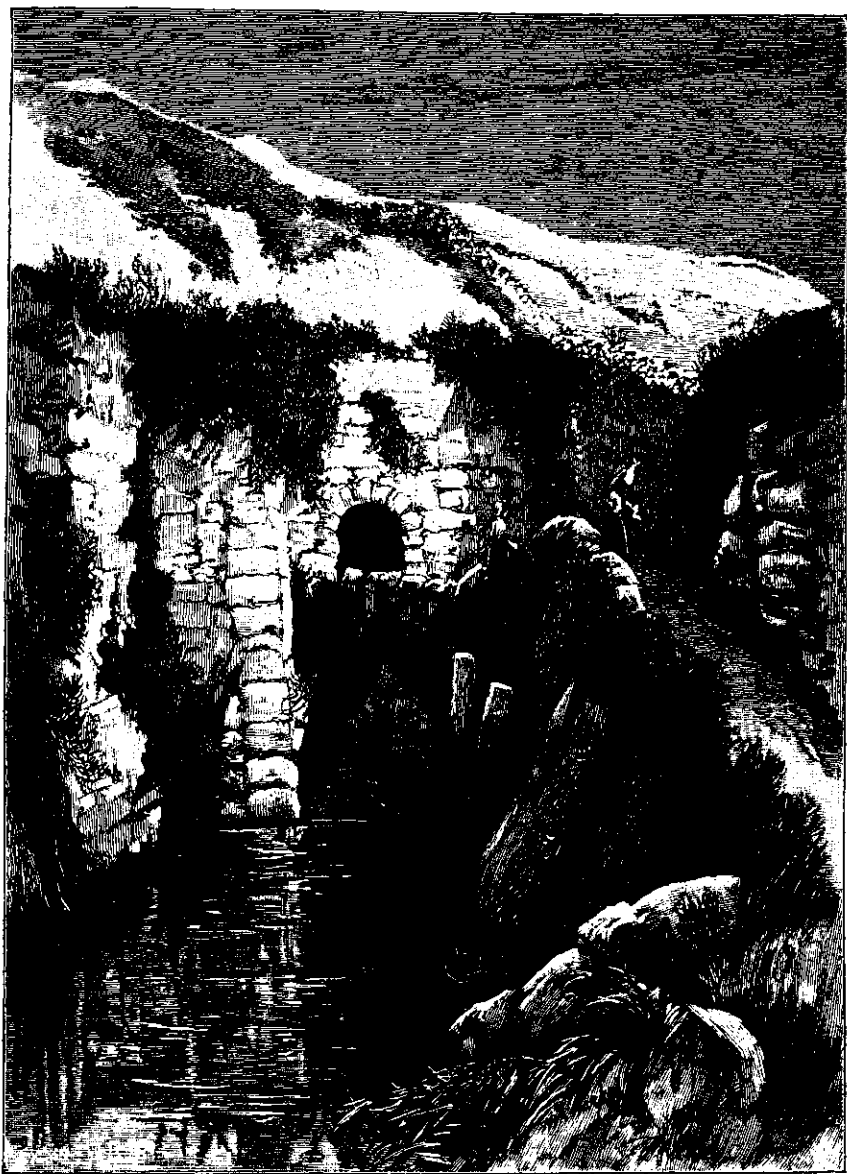
на коихъ въ это же время почивали налюбимѣйшіе ученики Христовы—Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, и лобызалъ то мѣсто, гдѣ, по сказанію, до кроваваго пота молился Спаситель и за меня грѣшника, и отправился мимо гробницъ Авессалома, прор. Захаріи и царя Іосафата (которыя въ подробности и осматривалъ) къ мостику, перекинутому чрезъ русло потока Кедрскаго, чрезъ

который, по преданію, Иисусъ, по совершеніи Тайной вечери, изшедъ иде по обычаю въ гору Елеонскую и по Немъ идоша ученицы Его, и потомъ обратно ведень былъ стражею изъ сада Геесиманскаго на судъ къ старѣйшинамъ и первосвященникамъ іудейскимъ, и съ него же въ насмѣшку и въ поруганіе былъ столкнутъ безчеловѣчною спирою въ потокъ Кедрскій, на береговой камень. Но отпечатка рукъ и колѣнъ нашего Искушителя на камнѣ я не могъ примѣтить, при самомъ тщательномъ изслѣдованіи (хотя другіе говорятъ о немъ), можетъ быть, потому что я былъ одинъ, безъ опытнаго руководителя.

Продолжая идти вдоль русла потока Кедрскаго, мимо подножія горы Моріа, по обрывистымъ склонамъ горы соблазна, я спустился противъ деревни Силоамъ въ ущелье, находящееся у подошвы горы Сиона, именуемаго въ Евангеліи купальнею Силоамскою.—Это было въ 7 часовъ утра, и солнце прожгло меня чуть не насквозь. Здѣсь я засталъ нѣсколько купающихся мальчиковъ и сидящихъ трехъ женщинъ — евреекъ, которыя, почему-то, усердно просили меня, чтобы я и самъ не ходить въ купальню и прочихъ склонилъ бы къ тому же, пока онѣ окунутся въ Силоамъ, такъ какъ онѣ давно больны и пришли сюда, чтобы попытать счастья — не получаютъ ли исцѣленія; но мушны не допускаютъ ихъ въ купальню; и вотъ онѣ въ десятый уже разъ должны уйти отсюда со скорбію. «Если ты намъ не посодѣйствуешь», продолжали онѣ, «то мы не знаемъ, когда суждено будетъ исполниться нашему непрехотливому желанію». Я имъ на это отвѣчалъ, что я самъ нуждаюсь въ подобномъ содѣйствіи и самъ нахожусь въ нерѣшимости, какъ мнѣ войти въ купальню, боясь здѣшнихъ фанатиковъ-мусульманъ. Но мысль о чудесности оной и безцеремонность нѣкоторыхъ, опрометью бросившихся въ купальню, превозмогли мою нерѣшимость и страхъ; долговременная же моя болѣзнь, не поддававшаяся никакимъ усиліямъ разныхъ врачей, и вѣра такъ и влекли меня погрузиться въ живительныхъ струяхъ; а слова слѣпорожденнаго: «шедъ же умыхся (въ купели Силоамстѣ) и прозрѣхъ», — такъ и раздавались въ моихъ ушахъ, такъ и вторили мнѣ: «омыйся и ты, и будешь здравъ!»

Не взирая ни на что, даже на то, что я былъ сильно вспотѣвши, вмгъ раздѣлся и, спускаясь по скользкимъ каменнымъ ступенькамъ къ источнику, мыслить въ себѣ:

«Господи! мимоходя путемъ, обрѣлъ еси чловѣка, слѣпа отъ рожденія, плюнувъ долу и брєніє сотвори, помазалъ еси очи его, рекъ ему: иди умыйся въ Силоамстѣй купѣли; онъ же умывся здравъ бысть и вошѣше

Прудъ Силоамъ.

въ Тебѣ: вѣрую Господи, и поклонися Тебѣ; тѣмъ же и азъ вопію Тебѣ: помилуй мя недугующа и тѣломъ и душою! (Изъ стиховъ въ недѣлю слѣпорожденнаго).

Потомъ, вшедши въ купальню, моментально погрузился нѣсколько разъ въ водахъ и вышелъ въ ту же минуту, изъ боязни, чтобы кто нибудь не унесъ моей одежды, и мнѣ не пришлось бы щеголять въ первобытномъ костюмѣ нашихъ прародителей. А въ такомъ безвыходномъ положеніи, среди иновѣрнаго дикаго населенія, безъ проводника, что бы я дѣлалъ, — страшно объ этомъ и подумать!

Внутренность купальни, входящей въ гору Сионъ, можетъ быть уподоблена нашимъ монастырскимъ пещерамъ, изрываемымъ, обыкновенно, въ крутизнахъ горъ; вода въ ней прозрачна, свѣжа, вкусна и очень холодна, а тамъ, гдѣ я погружался, глубина ея была до полутора аршина. Тайственное журчаніе водныхъ струй по-подъ длинными мрачными сводами Сионскихъ водохранилищъ такъ и направляетъ твои мысли къ источнику воды живой — къ І. Христу, Который ниспосылаетъ истинно вѣрующимъ благодать Святаго Духа, изображаемую въ священныхъ книгахъ подъ видомъ воды. Замѣчательно, что всѣ народы, безъ различія исповѣданій, живущіе въ Палестинѣ и приходящіе во Іерусалимъ, имѣютъ сильную вѣру въ цѣлебныя свойства этой воды и омываются въ ней, какою бы кто изъ нихъ не былъ одержимъ болѣзнію; только не всякому удается погрузиться въ нее, какъ это увидимъ ниже.

По выходѣ изъ купальни, мнѣ предстоялъ длинный, крутой и трудный восходъ на гору Сионскую; отъ жары и утомленія я нѣсколько разъ останавливался и садился на камняхъ и, устремляя взоры свои на чудный Силоамъ, со скорбію прощался съ нимъ на вѣки, прося небеснаго Цѣлителя, чтобы на будущее время, когда я буду дома, вмѣсто Силоама служили мнѣ слезы! Силоамъ, взывалъ я словами блаженнаго Андрея Критскаго, Силоамъ да будутъ ми слезы моя, Владыко Господи, да умыю и азъ зѣницы сердца и вижду Тя умно, Свѣта превѣчна! Потомъ, кое-какъ доплетшись до стѣнъ Іерусалимскихъ, въ изнеможеніи упалъ въ тѣни подъ стѣнами, — и только чрезъ два часа могъ продолжать путь къ постройкамъ.

Посѣтивъ въ теченіе пяти часовъ Геосиманію, Елеонскую гору, прошедши по-надъ русломъ Кедрона до купальни Силоамской и обогнувши, такимъ образомъ, весь Іерусалимъ съ предмѣстиями его, — что равняется почти 15 верстамъ, — я пришелъ домой очень усталымъ,

благодаря Бога за все, что видѣлъ и испыталъ при моей немощи.

Надзирательница дворянскаго помѣщенія, встрѣтившись со мною, спрашивала меня, гдѣ я проходилъ цѣлое утро; и когда я сообщилъ ей, между прочимъ, что былъ и у купальни Силоамской, и въ ней купался, то она пришла въ ужасъ и назвала меня необыкновеннымъ героемъ; такъ какъ тамъ быть одному, особенно гяуру, а тѣмъ болѣе купаться весьма опасно, потому что Арабы-мусульмане берутъ изъ Силоама воду для питья, а если кого изъ христіанъ застанутъ купающимся, то застрѣливаютъ, какъ кошку; „вотъ“—прибавила она—„я живу въ Іерусалимѣ болѣе 12-ти лѣтъ, и сколько ни ухитрялась погрузиться въ водахъ Силоамскихъ, никогда не удостоивалась такого счастья; вы счастливецъ; я вамъ завидую; вамъ видимо покровительствуетъ Самъ Богъ“. Слава-жъ Богу Спасителю, Благодателю моему, во вѣки вѣковъ! воскликнулъ я. Ежели бы вы раньше мнѣ сказали, какой злой участи подвергаются рискующіе освѣжиться струями Силоамскими, я, можетъ статься, никогда не отважился бы на такой рискъ.

Въ 4 часа пополудни мы отправились къ мало-доступной для христіанъ, знаменитой въ лѣтописяхъ, мечети Омара, устроенной на мѣстѣ разрушеннаго храма Соломонова. Еще за четыре дня до этого нашъ русскій консуль, Василій Федоровичъ Кожевниковъ, будучи въ веселомъ расположеніи духа, за чаемъ у него, между прочимъ сказалъ намъ: „хотите ли, гг., я вамъ доставлю возможность видѣть внутренность мечети Омара, что доставалось и достается въ удѣлъ не многимъ русскимъ? Мнѣ пріятно будетъ услужить вамъ“. Разумѣется, мы, обрадованные донельзя такимъ неожиданнымъ и лестнымъ для насъ предложеніемъ, не знали, въ какихъ словахъ выразить нашу благодарность и дали слово быть во всякое время готовыми къ созерцанію этого чуда арабскаго искусства. Паша Іерусалимскій назначилъ для обозрѣнія 15 Іюля, пятый часъ по полудни, о чемъ наканунѣ этого дня и дано намъ знать, чтобы мы къ указанному времени были наготовѣ.

Къ назначенному часу явились за нами три консульскихъ каваса, вооруженные съ ногъ до головы, и мы втроемъ, т. е. я, мой строптивый и неизбѣжный сопутникъ К. и отъ миссіи чичероне Л., пошли къ

Мечеть Омара.

тайнственной мечети. По дорогѣ мы зашли въ городское полицейское управленіе, изъ котораго, по сообщенію консула, дали для охраны насъ отъ мусульманскаго фанатизма еще пять конвойныхъ солдатъ турецкаго гарнизона. Окруженные такою воинственною стражею, мы уподоблялись плѣннымъ или арестантамъ и, среди обнаженныхъ дамасскихъ клинковъ или сабель, шли какъ будто жертвы, обреченныя на закланіе. Когда мы прошли со страхомъ чрезъ красныя ворота, ведущія на площадь Омаровой мечети, въ которыхъ меня нѣсколько дней назадъ чуть не закидали камышками и въ коихъ во время оно Ап. Петръ исцѣлилъ хромага; то мусульмане, увидѣвши здѣсь насъ-гяуровъ, чуть не скрежетали зубами отъ невозможности излить на насъ свою фанатическую месть; а дикіе и сверкающіе ихъ глаза такъ и искрились отъ давящей страстной и неудержимой злобы; почему мы, то и дѣло, оглядывались по сторонамъ, опасаясь не прорвется ли кто изъ нихъ силою къ намъ, чтобы нанести ударъ.

Въ прежнія времена даже самыхъ знатныхъ особъ заставляли проходить площадь босыми ногами, но теперь мы шли по ней въ обуви русскаго творчества. Площадь необыкновенно ровна, и показалась мнѣ довольно обширною, вмѣстимостію около 10 десятинъ, и вся почти устлана плитами. Виднѣющіяся въ разныхъ мѣстахъ небольшія рощи кипарисныхъ, лавровыхъ, померанцовыхъ и другихъ зеленѣющихъ деревьевъ, между которыми мелькали красивые портики, устроенные надъ журчащими фонтанами, придаютъ чрезвычайно живописный фантастическій видъ этой мѣстности; воображеніе и глазъ до того увлекаются картинностію ея, а равно и самою наружностію мечети, что, кажется, за цѣлый день вдоволь не насмотрѣлся бы на нихъ. По мѣрѣ приближенія къ ней, поверхность площади возвышается на нѣсколько ступеней, и тамъ, гдѣ онѣ есть, надъ ними устроены изящные кудреватые портики; не вдали отъ одного изъ нихъ намъ указали на каменный балдахинъ; такъ какъ части нѣкоторыхъ колоннъ балдахина наддѣланы, будто-бы, остатками отъ колоннъ трона Соломонова или Давидова, то балдахинъ и называется у магометанъ судилищемъ Давида. На особой, рельефно выдающейся, небольшой платформѣ высится восьмигранное зданіе чарующаго зодчества; — это и есть мусульманскій храмъ Омаровъ, съ торчащимъ надъ нимъ полумѣсяцемъ; при взглядѣ на этотъ храмъ такъ и над-

рывается сердце отъ тоски, такъ и хочется, чтобы на этотъ разъ моментально выросли крылья, чтобы при помощи ихъ мигомъ взлетѣть на оный и сбросить оттуда эмблему торжествующаго мусульманства, и водрузить крестъ Христовъ—знамя христіанства. Мечеть занимаетъ, по преданію, то мѣсто, гдѣ начиналось среднее отдѣленіе ветхозавѣтнаго храма, называвшееся Святое. По впускѣ насъ въ нее чрезъ сѣверную дверь, муллы настоятельно требовали, чтобы мы шли далѣе босыми ногами; но я передалъ чрезъ переводчика, что, по слабому состоянію своего здоровья, не могу этого сдѣлать, а кавась, обдувши пыль съ моихъ сапоговъ, доказывалъ имъ, что у меня обувь далеко чище и благовиднѣе, чѣмъ у иного голыя ноги, почему они и оставили меня въ покоѣ. Съ перваго же почти шагу насъ поразила внутренность этого храма, внутрь-уду почти круглаго: и необычная его обстановка и планировка, и это множество массивныхъ цѣльныхъ мраморныхъ и порфировыхъ колоннъ въ нѣсколько рядовъ съ золочеными базами, поддерживающихъ своды его, и чудная мазаика половъ и особенно верхнихъ стѣнъ, на которыхъ такъ искусно выдѣланы и переплетены между собою древесныя вѣтви и гирлянды цвѣтовъ и другихъ украшеній, что самая опытная рука альфрейщика, кажется, не начертала бы ихъ живѣе своею тонкою кистью; и смѣсь разноцвѣтныхъ лучей свѣта, пробивающихся изъ верхнихъ оконъ цвѣтнаго стекла въ царящій внизу полумракъ, обаяваетъ зрѣніе и отдаетъ чѣмъ-то волшебнымъ, сказочнымъ; словомъ, художникъ, составившій планъ этого зданія, какъ видно, всѣ усилія употреблялъ на то, чтобы совмѣстить здѣсь все... для возбужденія въ самой сильной степени самаго слабого воображенія; и дѣйствительно: такъ тебѣ здѣсь и чудится, что вотъ послышится таинственный голосъ и скажетъ: «успокойся немного, путникъ земли, а затѣмъ я поведу тебя въ царство духовъ». Посреди храма, противъ самаго купола, виднѣется узорчатая металлическая золоченая рѣшетка, вышесредняго роста человѣка, окруженная 15-ю порфировыми колоннами, поддерживающими этотъ куполь. Чтобы видѣть, что за драгоцѣнность такая блюдется за рѣшеткой, нужно было приблизиться къ самой рѣшеткѣ и стать на ножные пальцы. Хотя муллы и старались воспрепятствовать намъ въ этомъ, однако мы усмотрѣли за ней большой каменный холмъ темно-сѣраго цвѣта, возвышающійся поверхъ пола почти до верхнихъ краевъ

сказанной рѣшетки. Намъ объяснили мулла, что это великая святыня, такъ какъ основатель ихъ религіи, Магометъ, спустился на этотъ камень во время своего (несуществовавшего) путешествія въ рай. Но на немъ мы не видали лежащими ни щита Магомета, ни сѣдла его кобылицы, ни рукописи Корана, ни другихъ священныхъ для поклонниковъ его предметовъ, которые видѣли другіе паломники (вѣроятно они спрятаны были, такъ какъ въ это время внутренность мечети возобновлялась и во многихъ мѣстахъ стояли еще лѣса). Нашъ же чичероне объяснилъ, что это тотъ каменный холмъ, на который Авраамъ возложилъ сына своего Исаака для всесоженія. Кому вѣрить,—не знаемъ, такъ какъ нѣкоторые путешественники передаютъ намъ еще, что это тотъ камень, на которомъ опочилъ патріархъ Іаковъ, когда видѣлъ во снѣ небесную лѣствицу, и перенесенъ сюда изъ Вееила. Съ этимъ послѣднимъ преданіемъ трудно согласиться, такъ какъ тотъ камень, на которомъ лежалъ Іаковъ, былъ небольшой величины, ибо патріархъ, какъ видно изъ книги Бытія, взялъ его и поставилъ памятникомъ: а камень Омаровой мечети весьма великъ, и справедливо заслуживаетъ названія небольшого холма, такъ какъ въ немъ будетъ вѣсу нѣскольکو тысячъ пудовъ, и его, по моему взгляду, безъ особой подъемной машины не только невозможно перенести или перевезти съ мѣста на мѣсто, но даже сдвинуть съ мѣста.

Когда мы находились у рѣшетки, нашъ чичероне, забывшись, сморкнулся и плюнулъ на полъ мечети. Моментально четыре дюжіе мусульманина и мулла схватили его и такъ сдавили въ своихъ объятіяхъ, что онъ, бѣдный, едва не разстался съ душою, и хотѣли было вышвырнуть его за мечеть, но, благодаря только кавасамъ и обѣщанному бакшишу, дозволили ему сопровождать насъ. Вотъ урокъ—нелишній и для насъ христіанъ—какъ слѣдуетъ держать себя во святилищѣ Господнемъ и другихъ кощунствъ удерживать въ должныхъ границахъ уваженія къ нему!

За симъ имамъ повелъ насъ въ пещеру, находящуюся тутъ же, только немного вправо, въ которую мы спустились по 8 мраморнымъ ступенькамъ. Эта пещера ничто иное, какъ небольшая и невысокая комнатка, кажущаяся какъ бы высѣченною въ огромномъ камнѣ, довольно темная и невзрачная. Мусульмане, почему-то, называютъ ее сходомъ душъ въ подземное

царство. Тутъ же показывали нѣкоторые предметы, вѣданные въ камни, оставшіеся, будто-бы, отъ временъ Давида и Соломона, напр., сѣдалище, называемое тронъ Давида,—это налѣво отъ входа; а направо, показали намъ, сдѣланное въ камнѣ, сѣдалище или кресло Гаруна,—а по переводу на нашъ языкъ «Аарона, брата Моисеева»—съ засаленнымъ и загрязненнымъ надъ нимъ въ потолокъ углубленіемъ, въ объемъ чайной полоскательной чашки, которое, будто-бы, образовалъ Ааронъ своею головою, когда поднимался съ сѣдалища, такъ какъ вышина комнатки несоотвѣтствовала его высокому росту. Нашъ же чичероне объяснилъ, что въ этой комнатѣ обитала Пресвятая Дѣва Марія, которая къ тринадцатилѣтнему возрасту такъ поднялась ростомъ, что не могла свободно стоять на молитвѣ, и, отъ упиранія теменемъ головы въ потолокъ, образовала впадину. Но первое сказаніе совершенно противорѣчитъ св. исторіи, изъ которой мы знаемъ, что Ааронъ родился въ Египтѣ, а потомъ, по исходѣ изъ него, не достигнувъ Обѣтованной земли, умеръ на горѣ Оръ. Слѣдовательно онъ не могъ жить въ этой Іерусалимской пещерѣ, имѣть въ ней постоянное сѣдалище, тѣмъ болѣе теменемъ своей головы сдѣлать описанную впадину. Второе—тоже сомнительно, ибо мѣсто, гдѣ обитала Дѣва Марія, когда воспитывалась при храмѣ, указываютъ тамъ, гдѣ было главное отдѣленіе ветхозавѣтнаго храма—Святое Святыхъ;—что болѣе согласуется и съ церковнымъ преданіемъ. Болѣе достоверно то, что такъ какъ въ этой комнатѣ хранится священная для мусульманъ одежда дочери Магомета, Фатимы, то здѣсь вчастую муллы совершаютъ свое богослуженіе, и надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ они становятся для молитвы, отъ усердныхъ конвульсивныхъ движеній ихъ во время оной и образовалась въ потолокъ впадина. По выходѣ изъ пещеры, мы хотѣли еще остаться въ мечети, чтобы вдоволь насмотрѣться на разныя арабески ея; но фанатическіе муллы, безъ зазрѣнія совѣсти, выпроводили насъ изъ нея. Когда мы обходили послѣ этого вокругъ зданія, то намъ на сѣверо-восточной сторонѣ онаго указали мѣсто, гдѣ Пресвятая Дѣва ежедневно, въ урочное время, принимала для себя отъ Ангеланищу; оно осѣнено каменнымъ, довольно изящнымъ балдахинъ.

Отсюда мы, сдѣлавши по площади шаговъ около трехсотъ, достигли другой мечети, называемой маго-

метанами *эль-Акса*, что значить *отдаленная*, потому что она дѣйствительно находится на далекомъ разстояніи отъ прочихъ городскихъ зданій, примыкая къ городской крѣпостной стѣнѣ. Она мѣстными христіанами называется церковію *Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и—Святая Святыхъ*: такъ какъ мѣсто, на которомъ она стоитъ, по преданію, соотвѣтствуетъ, будто бы, тому мѣсту, которое прежде занимало главное отдѣленіе ветхо-завѣтнаго храма, именовавшееся—*Святая Святыхъ*, куда, какъ извѣстно, и была введена первосвященникомъ трехлѣтняя отроковица Марія; почему здѣсь и устроенъ былъ отъ древнихъ временъ храмъ въ честь Ея Введенія. Утверждаютъ, что нынѣшняя мечеть и есть оный древній храмъ христіанскій.

Это массивное зданіе, по наружному виду, болѣе походить на домъ, и только куполь, заканчивающійся полумѣсяцемъ, говорить о назначеніи его. Внутренность его имѣетъ видъ огромнаго крестообразнаго зала, ровный деревянный потолокъ котораго поддерживаютъ два ряда цѣльныхъ мраморныхъ колоннъ, отчего онъ кажется какъ бы раздѣленнымъ на три отдѣленія; середина зала выше боковъ; полъ мраморный; стѣны не имѣютъ никакихъ украшеній, такъ что глазу не на чемъ особенно остановиться. Налѣво отъ входа, почти къ срединѣ зала, у одного окна указали намъ на начертанный на камнѣ остріемъ крестъ, которымъ обозначено мѣсто убіенія Захаріи, погибшаго между церковію и алтаремъ. Тамъ, гдѣ былъ алтарь въ церкви Введенія, а во время оно Святая Святыхъ, въ боковой правой сторонѣ онаго, виднѣется фигурная золоченая рѣшетка или перегородка выше человѣческаго роста, называемая нѣкоторыми—мусульманскою каедрою, тогда какъ она, собственно, сдѣлана съ цѣлію оградить отъ попраінія священное и для мусульманъ мѣсто, гдѣ предавалась молитвѣ и богомыслию безгрѣшная Маріамъ, какъ они ее величаютъ; и здѣсь же они хранятъ, какъ зѣницу ока, камень, вдѣланный въ нишу стѣны, носящій отпечатокъ двухъ малыхъ стопъ Богоотроковицы Маріи; а въ другой ниши слѣдъ стопы Ея Божественнаго Сына, перенесенный сюда мусульманами съ горы Елеонской.

По выходѣ изъ храма, намъ отперли врата, ведущія въ подземную часть храма, куда мы и спустились. Тутъ представился нашимъ глазамъ громаднѣйшій, темный и довольно высокій залъ, своды котораго опираются на

массивныя гранитныя колонны, расположенныя двумя рядами; отъ базиса одной изъ нихъ мулла отбилъ нѣсколько камышковъ и за бакшишъ предложилъ намъ получить ихъ на память, увѣряя, что эти колонны—остатокъ храма Соломонова. Мы разобрали ихъ нарасхватъ. Тутъ же, въ правой угловой стѣнѣ, наше вниманіе обратили на себя нѣкоторые громадныя камни, величиною около трехъ сажень, подобные которымъ мы видѣли въ городской стѣнѣ, и которые Евреи считаютъ за камни, взятые отъ храма Соломонова. Въ этомъ подземномъ залѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, исключая его несомнѣнной древности; впрочемъ, страстному антикварію и археологу, пожалуй, было бы здѣсь не скучно. Залъ этотъ пусть, ничѣмъ не занять. Для чего же онъ былъ устроенъ, какое его назначеніе было въ древности? спросилъ я своего чичероне. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что здѣсь стоялъ народъ, не помѣщавшійся въ галлерейхъ храма въ великіе праздники, и хранились священныя принадлежности и разные дары, присылавшіеся съ разныхъ сторонъ въ пользу храма. Насколько это объясненіе вѣрно—не беремся судить (*).

Когда мы послѣ выхода отсюда проходили около наружной сѣверовосточной стороны храма, насъ остановили около побѣговъ рожкового дерева и объяснили, что подъ вѣтвистымъ и тѣнистымъ предкомъ его, будто бы, любила сидѣть и отдыхать послѣ обыденныхъ занятій Пресвятая Дѣва Марія; почему мы, на память, отломали себѣ по вѣточкѣ отъ побѣговъ дерева; моя—и теперь хранится у меня.

Послѣ этого насъ повели въ другое подземелье, ко входу въ которое отъ мечети эль-Акса будетъ около ста шаговъ. По открытіи запертыхъ вратъ его, мы съ трудомъ спустились въ него по крутому склону, такъ какъ ступеней не существуетъ уже. Внутренность этого подземелья представляетъ громаднѣйшую площадь, занимающую пространство если не большее, то никакъ не меньшее наружной площади Омаровой мечети, ибо за полумракомъ далеко проникнуть глазомъ нельзя; пойти по ней, чтобы изслѣдовать ея величину—тоже нельзя, такъ какъ изъ безчисленнаго множества ко-

(*) Норовъ, въ своемъ описаніи св. земли на стр. 126, считаетъ эти подземелья принадлежащими временамъ Соломона. Мы, говорить онъ, еще можемъ судить объ огромности храма Соломонова по тѣмъ мощнымъ сводамъ, которые намъ сохранили нѣдра земныя, послѣ столькихъ опустошеній. Самые эти своды могутъ еще, по особенностямъ своего построенія, быть названы цѣльнымъ зданіемъ.

лоннѣ, сдѣланныхъ изъ рѣзаннаго камня и поддерживающихъ своды и арки оной, многія уже до половины рассыпались, другія начинаютъ разваливаться, отчего самые своды во многихъ мѣстахъ пообсыпались, а въ другихъ угрожаютъ паденіемъ. Вездѣ виднѣются цѣлые холмы мусора, и сердце почему-то болѣзненно сжимается при видѣ этихъ руинъ, возстановленіе которыхъ почти невысказуемо. А жаль! Не одинъ миллионъ затраченъ здѣсь, не одна тысяча душъ здѣсь измозолила себя руки,—трудъ гигантскій! Еще болѣе жаль, что никто и ничего не могъ намъ повѣдать объ этомъ замѣчательномъ подземельи. Только невдалекѣ отъ входа въ оное наше вниманіе обратили мулла и чичероне на каменный, простой работы, балдахинъ, въ срединѣ катафалка котораго вдѣлана продолговатая—въ аршинъ длины—каменная ваза, съ углубленіемъ на подобіе нашихъ небольшихъ «ночвъ», уцѣлѣвшая, будто бы, еще отъ временъ ветхозавѣтнаго храма, въ которую священники клали младенцевъ - первенцевъ мужескаго пола, приносившихся въ храмъ въ сороковый день по ихъ рожденіи для представленія Господу. Полагаютъ, что праведнымъ Симеономъ положенъ былъ въ эту колыбель, въ числѣ прочихъ, и Богомладенецъ Иисусъ, почему надъ ней, какъ надъ святыней своего рода, виситъ лампада, конечно, повѣшенная мусульманами; а мусульмане только въ особенныхъ случаяхъ предпочтенія къ какому-либо предмету дѣлаютъ это. Повѣривъ этому сказанію, мы приложились къ сказанному ложу съ особеннымъ религіознымъ чувствомъ, а имамъ, стоявшій тутъ, просилъ монетъ на масло. Я ему отвѣтилъ: если онъ сейчасъ при мнѣ зажжетъ ее, то я первый дамъ бакшишъ,—что имъ ту же минуту и исполнено. По выходѣ изъ подземелья, мы направились къ заложеннымъ совнѣ, такъ называемымъ, *золотымъ или вѣчнымъ воротамъ*, которыя находятся въ городской стѣнѣ отъ Геесиманскаго сада, ими-то и вѣхалъ во св. градъ на жребяти ѳсли Искупитель міра при кликахъ: «Осанна сыну Давидову»! На пути къ нимъ намъ указали на пару вѣковыхъ деревьевъ, называемыхъ *Симсоновскими*, посаженныхъ будто бы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ праведный старецъ встрѣтилъ Богоматерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ въ сороковый день по Его рожденію.

Во внутренность самыхъ вратъ ввели насъ чрезъ небольшую калитку. Ворота со сводами,—поддерживае-

мыми посреди цѣльными мраморными колоннами, раздѣляющими ихъ на двѣ половины, изъ коихъ одною, вѣроятно, вѣзжали въ городъ, а другою изъ города, — составляютъ довольно красивое зданіе, аршинъ около двадцати въ вышину; въ стѣнахъ воротъ, на случай, можетъ помѣститься около полутора ста человѣкъ. Я взялъ себѣ на память нѣсколько камышковъ, упавшихъ изъ обсыпающихся по мѣстамъ сводовъ и карнизовъ; при чемъ благодарилъ Спасителя, сподобившаго меня пройти въ тѣ врата, которыми Онъ торжественно вступилъ въ земной Іерусалимъ для пріятія смерти, во спасеніе наше отъ вѣчныя тли, и, вмѣстѣ, — просилъ Его не затворить предо мною, по скончаніи моего жительства, и небесныхъ вратъ, ведущихъ въ горній Іерусалимъ.

Одаривъ бакшишами стражу, мы отсюда пошли чрезъ красныя ворота, — мимо Овчей купели и Геосиманскихъ воротъ, — къ дому свв. Богоотецъ Іоакима и Анны. Входъ во внутрь двора, а тѣмъ болѣе самаго дома, весьма затруднителенъ и не для всякаго доступенъ. Требуется, почему-то, предварительное разрѣшеніе французскаго консула, такъ какъ это мѣсто подарено султаномъ французскому императору послѣ Крымской компаніи, въ благодарность за поддержку, и принадлежитъ французамъ. Нашъ консулъ открылъ намъ и сюда входъ.

Впущенные стражемъ чрезъ калитку, мы увидѣли обширный дворъ, застроенный домиками и службами новѣйшей европейской архитектуры, и, въ концѣ онаго къ сѣверозападу, вновь созидаемую католическую церковь довольно изящной наружности. По дальнѣйшимъ нашимъ изслѣдованіямъ оказалось, что на этомъ мѣстѣ прежде существовала древняя православная христіанская церковь византійскаго зодчества, время Елены и Константина, впоследствии обращенная въ мечеть. Когда французы унаслѣдовали ее отъ турокъ, то первымъ долгомъ сочли древніе стѣны и своды храма разобрать; — и мы сами видѣли, сложенные въ разныхъ мѣстахъ двора, колонки, капители, карнизы и другіе предметы византійскаго искусства. Новая церковь, устроенная на мѣстѣ прежней, надъ домомъ свв. Богоотецъ, раздѣляется на два этажа и почти уже окончена; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не доштукатурена, и нѣтъ въ ней никакихъ священныхъ принадлежностей; почему и служеніе не открыто еще. Сначала насъ

ввели въ нижній этажъ и на срединѣ его указали на три небольшихъ комнатки, изсѣченныя въ природной скалѣ, не оштукатуренныя и даже не побѣленные, отчего онѣ кажутся мрачными нашими пещерами, безъ всякихъ украшеній. Это и есть, сказали намъ напѣ чичероне, домъ свв. родителей Божіей Матери, въ которомъ они и окончили свою жизнь; а здѣсь, — указывая на самую меньшую комнатку вправо, — родилась Пресвятая Дѣва Марія на радость земли и неба (*). Мы благоговѣнно облобызали мѣсто рожденія Преподобной, а напѣ проводникъ отбилъ нѣсколько осколковъ отъ шероховатаго свода, которые и теперь хранятся у меня для памяти. Сказанныя комнаты окружены множествомъ отдѣльныхъ, смежныхъ съ ними, придѣловъ и комнатъ новѣйшаго устройства. Засимъ, по лѣстницѣ, мы вошли въ церковь верхняго этажа. Она довольно просторна и походить внутренностію на другую католическую церковь — «Се человекъ», описанную мною раньше.

Изъ храма мы вышли на церковный дворъ. Чистота и опрятность, въ которой онъ содержится, заслуживаютъ полнѣйшей похвалы; по сторонамъ, вокругъ его, вездѣ разбиты прекрасные палисадники и насаждаются кипарисы, кедры, померанцы и другія деревья. Со временемъ, при усердіи Доминиканцевъ, здѣсь будетъ настоящій рай. Влѣво отъ входа во храмъ обратила на себя напе вниманіе узкая, на подобіе нашего колодезнаго сруба, оградка — выше человѣческаго роста. На вопросъ напѣ, что за ней такъ строго блюдется, — намъ объяснили, что на этомъ мѣстѣ, по преданію, посажено было Богоотцами въ день Введенія во храмъ Присноблаженной ихъ Дщери оливковое дерево, отрасли котораго теперь такъ усердно охраняются отъ дерзостныхъ рукъ поклонниковъ.

Вечеромъ, въ 6 часовъ, я посѣтилъ его Святѣйшество, патріарха Героея. Онъ принялъ меня весьма милостиво и ласково; посадилъ возлѣ себя и угощалъ вареньемъ и кофе. Подарилъ, на память, пару чотокъ,

(*) Мнѣ не приходилось читать сказаній другихъ паломниковъ объ этомъ. А потому я не могу сказать, насколько заслуживаетъ вѣроятія сказанное. Подлинное ли это жилище свв. Богоотцевъ, или же только мѣсто, на которомъ оно стояло, а имѣющіяся здѣсь комнаты — подражаніе прежде бывшимъ. Только простота ихъ, безыскусственность и самое изсѣченіе въ природномъ камнѣ несомнѣнно говорятъ объ ихъ древности, а то, что они не мало не тронуты католиками при ломкѣ и расчисткѣ стѣнъ прежняго древняго храма, говоритъ объ ихъ важности.

двадцать кусковъ греческаго мыла и обѣщалъ передать мнѣ въ Россію чрезъ начальника нашей миссіи въ Іерусалимѣ свою карточку, такъ какъ онъ теперь по новости не успѣлъ еще сняться, и просилъ меня обращаться къ нему письменно во всякое время, если я найду то нужнымъ. Я отъ души благодарилъ святителя Божія за такое, ничѣмъ незаслуженное мною, вниманіе и поклонился ему до земли; а онъ дружески меня обнялъ и три раза облобызавъ, и затѣмъ проводилъ въ галлерею, къ лѣстницѣ.

Отсюда я пошелъ ко Гробу Господню и остался тамъ на всю ночь для служенія на слѣдующій день литургіи.

Среда, 16-е іюля. Въ первомъ часу ночи я слушалъ въ алтарѣ Воскресенскаго храма заутреню. У грековъ строго вообще соблюдается церковный уставъ, безъ всякихъ упущеній въ какомъ бы ни было отношеніи; но это длинное, монотонное и безжизненное чтеніе и, особенно, визгливое пѣніе однимъ голосомъ и почти на одинъ гласъ, подобнаго которому у насъ никогда не услышишь (мелодичность котораго только и могла бы здѣсь дѣйствовать на душу русскаго чело-вѣка при непониманіи имъ греческаго языка), много способствуетъ охлажденію религіознаго порыва въ виду важнѣйшихъ христіанскихъ святыхъ. Ночной же полумракъ, царящій во храмѣ, въ особенности при будничномъ богослуженіи, (во время совершенія котораго горятъ по всей церкви только двѣ лампы, накрытыя темными колпаками, по одной на клиросѣ для чтеца, свѣтъ отъ которыхъ и ударяетъ преимущественно на лежащій предметъ,) располагаетъ, непривыкшихъ къ ночному бдѣнію, къ сонливости и дремотѣ, въ особенности во время канона, гугливое пѣніе котораго, отъ начала до конца попеременно на обоихъ клиросахъ, продолжается цѣлый часъ.

По окончаніи канона, предъ великимъ славословіемъ, подошелъ ко мнѣ намѣстникъ святогробскаго игумена іеродиаконъ Е. и приглашалъ идти къ очередному преосвященному (*) за благословеніемъ для чтенія входныхъ молитвъ предъ литургіею. Но я никакъ не могъ

(*) При патриархіи проживаютъ всѣ палестинскіе архіереи, на иждивеніи патриархіи, и держатъ, по очереди, свои седмицы, совершая литургіи по средамъ, пятницамъ и воскреснымъ днямъ,—то на гробѣ Господнемъ, то на Голгофѣ, то въ Воскресенскомъ храмѣ. Доходы за разрѣшительныя обѣды, па-

найти его своими глазами, пока мыѣ не указали на одного сѣдовласаго старичка, безъ камилавки, въ простой ряскѣ, читавшаго на клиросѣ. Онъ-то и оказался епископомъ іорданскимъ, Никифоромъ. Его преосвященство во все время утренняго богослуженія одиноко читалъ и пѣлъ на правомъ клиросѣ. Облачившись и забравши священные сосуды, мы вдвоемъ съ седмичнымъ греческимъ іеромонахомъ пошли въ кувуклію Гроба Господня для совершенія на немъ литургіи; въ это время стрѣлка на церковныхъ часахъ указывала на третій часъ ночи. Ставъ на колѣни на подложенную бархатную, шитую золотомъ, подушку, (въ стоячемъ положеніи нельзя совершать проскомидіи по низкости ложа Христова,) іеромонахъ начиналъ проскомисать, а я въ это время благоговѣйно углубился въ созерцаніе святынь; какъ вдругъ раздался голосъ: «архіерей идетъ; позвольте уступить мѣсто». Я думалъ, что идетъ какой либо архіерей для поклоненія Гробу Господню, но вошелъ въ полномъ облаченіи упомянутый выше епископъ для совмѣстнаго съ нами служенія;—что меня крайне удивило и вмѣстѣ порадовало, такъ какъ неожиданно я удостоился служить со владыкою. Удивило тѣмъ болѣе, что объ этомъ, т. е. о служеніи архіерейскомъ, ничто предварительно не давало знать, какъ это бываетъ у насъ въ Россіи. Не было никакихъ приготовленій, официальныхъ встрѣчъ, кажденій, облаченій среди храма и восторженныхъ пѣній; только противъ кувукліи, (какъ я постѣ увидѣлъ,) стояло сѣдалище или простое кресло для сидѣнія архіерею въ положенное время; и онъ смиренно, подобно намъ, по прочтеніи входныхъ молитвъ, облачался въ алтарѣ. Поклонившись Гробу Господню и ставши на колѣни на уступленной ему іеромонахомъ подушкѣ, онъ продолжалъ совершать проскомидію болѣе получаса, читая поминальные, принесенные имъ самимъ, листы; по окончаніи чтенія листовъ, я просилъ преосвященнаго помянуть моихъ родныхъ и гражданъ моего прихода живыхъ и усопшихъ. Кромѣ насъ—двухъ священниковъ, въ служеніи участвовали говѣвшій русскій діаконъ-паломникъ и иподіаконъ; жезлодержца, книгодержца не было и, нарочито, не существоеть: жезлъ подаетъ иподіаконъ, книгу держитъ самъ

нихиды и пр. требы отдають въ кассу патріархіи, а изъ нея получаютъ деньгами на грѣшки, носовые платки и пр. только по 15 р. сер. въ годъ, какъ передавать намъ одинъ іеродіаконъ.

архіерей, орлець не подстилается. Во время малаго входа святитель встрѣтилъ Евангеліе у дверей кувукліи, по входѣ не было пѣнія многолѣтія служащему архіерею; по прочтеніи Евангелія говорилась только одна сутубая эктенія. По совершеніи великаго входа вокругъ кувукліи съ Св. Дарами, мы остановились предъ дверьми оной на площадкѣ, гдѣ стоялъ колѣнопреклоненно архіерей въ ожиданіи св. процессіи, а предъ взятіемъ дискаса прочелъ на славянскомъ нарѣчій для говѣющихъ и готовящихся къ принятію Св. Таинъ разрѣшительную молитву, перечисляя имена говѣющихъ. Поставивъ на Гробъ Господнемъ дискосъ, онъ вышелъ опять на площадку и, по произнесеніи мною словъ: „архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ“, преклонивъ колѣна предъ держимою мною св. чашею, читалъ другую разрѣшительную молитву, которой въ нашемъ чинопослѣдованіи нѣтъ, да и у нихъ она писанная; въ ней, между прочимъ, архіерей молилъ Бога объ упокоеніи въ царствѣ праведныхъ, по скончаніи жителства, душъ и тѣлесъ, какъ предстоящихъ, готовящихся ко Св. Причащенію, такъ и сродниковъ ихъ, скончавшихся подъ запрещеніемъ и клятвою. Послѣ чего, принявъ чашу, поставилъ на Гробъ Господень.

У насъ возглашенія въ алтарѣ послѣ херувимской пѣсни исключительно произносятся архіереемъ, а у грековъ иначе: такъ напр. мнѣ пришлось возглашать: „побѣдную пѣснь поюще“ и проч. Далѣе, священнослужащій, принимая изъ рукъ архіерея частицу тѣла Христова, не отходитъ сейчасъ отъ антимиנסа, какъ у насъ, а наклонившись надъ нимъ, здѣсь же и потребляетъ, потомъ уже становится на свое мѣсто; потомъ подходитъ слѣдующій и поступаетъ также, и т. д.; затѣмъ приобщаются крови Христовой, какъ и у насъ. Послѣ литургіи совершалась архіереемъ панихида по усопшимъ сродникамъ говѣющихъ. За разрѣшительную литургію и панихиду уплачено ими владыкѣ 25 р. сереб.

Послѣ нашей православной литургіи началась армянская, которую совершалъ архіерей. При этомъ я замѣтилъ странность своего рода: священникъ, котораго я прежде нѣсколько разъ видѣлъ служившимъ литургію, теперь въ дверяхъ кувукліи стоялъ въ одеждѣ діакона, крестообразно препоясанный ораремъ, усердно потрясая въ воздухъ рипидами съ бубенчиками, въ теченіи цѣлой обѣдни, безъ митры. Архіерей же имѣлъ на себѣ свя-

щенническую фелонь, похожую на нашу, только съ стоячимъ шитымъ воротникомъ краснаго цвѣта. Пѣніе—самое безобразное, и всѣ поющіе—въ стихаряхъ. Особенно усердно возлогласовали они, когда, въ знакъ благоговѣнія къ совершаемому священнодѣйствію и усиленной молитвы, сажались на полъ, поджавъ подъ себя ноги.

По уходѣ армянъ, папистами принесена была въ кувуклію своя деревянная доска, по длинѣ и ширинѣ равняющаяся верхней мраморной плитѣ Гроба Господня, и положена надъ плитою на боковыхъ карнизахъ часовни; засимъ покрыта пеленами; по принесеніи патеромъ изъ ризницы священныхъ принадлежностей, на ней же, а не на самомъ Гробѣ, совершаема была мисса.

Въ ожиданіи окончанія латинской миссы, я пошелъ на Голгоѳу, чтобы облобызать мѣсто водруженія Креста Христова; но здѣсь засталъ служащимъ литургію другаго греческаго архіерея,—Назаретскаго.

Когда латины удалились изъ кувукліи, я взялъ съ Голгоѳы, стоявшую на ней нѣсколько лѣтъ, у подножія Креста Христова, икону страждущаго Спасителя—«Се человекъ», пріобрѣтенную мною, на память, въ пользу Изюмскаго собора, и поставилъ ее на нѣсколько времени на Гробъ Господень, причемъ монахъ окропилъ ее св. розовою водою. Въ 4 часа вечера я въ третій разъ собрался ѣхать въ Виелеемъ для служенія литургіи, и—опять неудача, опять остался дома. Великій я грѣшникъ отъ дней юности, а потому предвѣчный Младенецъ и не удостоилъ меня совершить ни одного богослуженія на мѣстѣ Его земнаго рожденія.

Четвергъ, 17-е іюля. Всталъ въ 7 часовъ и началъ понемногу укладываться въ обратный путь. Въ 10 часовъ ходилъ прощаться къ начальнику миссіи, который подарилъ мнѣ на память крестъ слоновой кости, а въ 12 дѣлалъ прощальный визитъ русскому консулу.

Въ 4 часа вечера слушалъ въ миссіи вечерню и утреню, послѣ которыхъ, въ 6 часовъ, отправился ко Гробу Господню. Русскіе богомольцы, узнавъ объ этомъ, почти всѣ собрались здѣсь на вечернее правило, послѣ котораго на Голгоѳѣ, у подножія Креста Христова, читанъ былъ мною акаеистъ страстямъ Господнимъ, а богомольцы и богомолки составили изъ себя экспромптомъ, (что меня пріятно удивило,) довольно сносный хоръ. Такъ какъ оставалась еще не мало времени до утренняго бого-

служенія, то мы всѣ, имѣя на этотъ разъ одну душу и одно сердце, сообща перешли къ животноному Гробу; я вошелъ въ кувуклію, а прочіе стали у входа въ оную и, павъ на колѣна, начали пѣть акаѳистъ св. Гробу и воскресенію. Такое ночное наше бдѣніе, при мракѣ ночномъ и никѣмъ не нарушаемой тишинѣ, до того умилило и воспламенило наши сердца любовію къ воскресшему Спасителю, что мы забыли все окружающее насъ, и готовы были продолжать такое молитвенное общеніе и настроеніе сколько возможно долѣе; какъ вдругъ паписты, а за ними и армяне прислали сказать, что пора уже намъ уняться и не нарушать ихъ ночного покоя своими воплями, въ противномъ случаѣ они разгонятъ насъ силою. Поневолѣ, во избѣжаніе вѣроисповѣдныхъ столкновѣній, мы должны были, по совѣту грековъ, подчиниться этому требованію; со скорбію разбрелись по разнымъ темнымъ уголкамъ храма и пригорюнившись сидѣли, какъ агнцы среди волковъ. Въ 2 часа ночи Господь удостоилъ меня, и, быть можетъ, въ послѣдній разъ, совершить божественную литургію на Голгоѣ и вкусить Безсмертнаго Источника жизни—тѣла и крови Христовой—тамъ, гдѣ Онъ преданъ за грѣхи міра. О, слава неизреченному Твоему милосердію, Спасителю мой и Боже! Послѣ обѣдни, отдохнувъ немного въ келліи и откушавъ, по приглашенію игумена, въ фондариѣ глико и кофе, я снова обошелъ весь Воскресенскій храмъ и зорко его осмотрѣлъ, чтобы глубже напечатлѣлась въ памяти каждая деталь его, еще и еще приложился ко всѣмъ безцѣннымъ святынямъ, и, съ чувствомъ глубокой скорби о предстоящей скорой разлукѣ съ ними, на разсвѣтѣ вышелъ изъ храма на „постройки“. Потомъ въ теченіи всего дня хлопоталъ о наймѣ кареты до Яффы, и едва въ 5 часовъ договорилъ мѣсто въ такомъ же экипажѣ, какъ и прежде изъ Яффы въ Іерусалимъ, за семь съ половиною франковъ.

Пятница, 18-е іюля. Цѣлый день почти прошелъ въ сборахъ. И то хочется взять, и другаго не забыть, и домой побольше привезть, чтобы было что удѣлить отъ святынь Іерусалимскихъ добрымъ прихожанамъ-молитвенникамъ; но, нѣтъ, многого за четыре тысячи верстъ не наберешь, тѣмъ болѣе, что и въ таможенныхъ нужно будетъ за многое расплачиваться. Размѣняли свои бумажныя деньги на французское и турецкое золото. За

французскіе червонцы уплачено по 6 р., а турецкая лира куплена по 6 р. 54 к. (*). Русскіе бумажные рубли принимались все время пребыванія нашего въ Іерусалимѣ по 1 р. 20 к., серебряные же—рубель—за рубль, а въ прочихъ мѣстностяхъ востока—по 75 к. Сидимъ наготовѣ и ожидаемъ своего лихорадочнаго экипажа, какъ приходитъ драгоманъ нашего посольства и докладываетъ намъ, что сейчасъ получена телеграмма, извѣщающая, что ни одинъ пароходъ не зайдетъ завтрашній срочный день въ Яффскую пристань для взятія пассажировъ, въ виду развивающейся холеры. Признаться, тяжелымъ камнемъ легла эта вѣсть на сердце. Оставаться въ Палестинѣ еще недѣлю безъ дѣла, хотя и на мѣстѣ заветной святыни, при ожидающемъ и скопившемся многодѣліи дома, и бесполезно и томительно для духа.

Суббота, 19-е іюля. Всталъ довольно рано и весь день провелъ въ страшной досадѣ и сердечной тугѣ. Для разогнанія ихъ я пошелъ въ городъ, чтобы посмотреть, гдѣ и какъ проживаютъ прокаженные, и провѣрить, такъ ли нынѣшніе наши священныя историки опредѣляютъ наружные признаки или свойства этой страшной болѣзни. Нужно замѣтить, что для прокаженныхъ въ городѣ, у югозападной стѣны его, примыкающей къ Сіону, устроены были между развалинами особые домики на счетъ казны, гдѣ они, не имѣя общенія съ прочими обитателями, проживали со своими семействами или одиноко. Когда я пришелъ къ упомянутому мѣсту, то увидѣлъ, что эти домики только что разрушены арестантами и сравнивались съ землею, по распоряженію Іерусалимскаго пашы, въ виду усиливающейся въ Сиріи холеры; а жильцы ихъ разогнаны, куда попало. Пожалѣвъ о своей неудачѣ, я пошелъ назадъ домой по-надъ городомъ къ Яффскимъ воротамъ, гдѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по дорогѣ, увидѣлъ прокаженныхъ сидящими и просящими милостыни, другихъ бѣгущими за мной съ тою же цѣлію. Одинъ изъ законоучителей, въ своемъ учебникѣ по священной исторіи, говоритъ, что проказа есть такая болѣзнь, въ которой тѣло покрывается бѣлыми прыщами. Прыщи эти, распространившись по всему тѣлу, сливаются въ

(*) Французскіе червонцы, при взятіи пароходныхъ билетовъ въ Яффу, сданы по 5 р., турецкая лира по 5 р. 71 к., русское золото по 5 р. 15 к.

одинъ струпь; все тѣло какъ бы распухаетъ и принимаетъ видъ безобразной вздутой, бѣлой какъ снѣгъ, массы, при чемъ чувствуется страшный зудъ; почему больной до изнеможенія чешетъ свое тѣло, чѣмъ попало. Такой проказы, при множествѣ прокаженныхъ, которыхъ мы разсматривали здѣсь около получаса, намъ не досталось видѣть. Видѣнные же нами, одержимые проказою, субъекты, всѣ покрыты были такими крупными волдырями и такого точно вида, какъ больные злокачественною оспою; у однихъ не было нижней или верхней губы, у другихъ половины носа, у третьихъ были нагноенные красные глаза; но ни у кого изъ нихъ не замѣчалось не только снѣжной, но и обыкновенной бѣлизны кожи и постоянного чесанья тѣла и вздутости его. Не споримъ, впрочемъ, быть можетъ, съ временемъ и самыя свойства проказы измѣнились противъ временъ библейскихъ; да притомъ, она, какъ увѣряютъ нѣкоторые, бываетъ разныхъ видовъ.

Недѣля, 20-е іюля. День св. пророка Іліи. У насъ въ Изюмѣ въ соборной церкви храмовой праздникъ. Слушалъ литургію въ миссіи и молился за родныхъ и гражданъ Изюмскихъ. Душа такъ и рвется восвояси. И дымъ дорогаго своего отечества, кажется, глоталъ бы здѣсь, какъ самый пріятный напитокъ. Вечеромъ гулялъ съ іеродиакономъ миссіи вокругъ населяющагося новаго Іерусалима, состоящаго изъ нѣсколькихъ десятковъ прекрасныхъ дачъ, застроенныхъ домами изящной европейской архитектуры, принадлежащихъ нѣмцамъ, французамъ, англичанамъ и, отчасти, грекамъ, съ превосходными парками, растянутыми на нѣсколько верстъ по Яфѣской дорогѣ. На память я взялъ себѣ нѣсколько комковъ палестинской земли рыже-краснаго цвѣта, на которой превосходно растетъ виноградъ и пшеница.

Понедѣльникъ, 21-е іюля. Незвѣстность возможности выѣзда изъ Іерусалима томительно дѣйствуетъ на душу. Консулъ совѣтуетъ намъ, для избѣжанія карантина по дорогѣ на Бейрутъ, Смирну и Константинополь, ѣхать на Египетъ, Италію, Францію, Австрію, Польшу и затѣмъ по домамъ. Хотя и не по душѣ, и не по силамъ нашимъ былъ настоящій совѣтъ, но мы рѣшились принять оный во избѣжаніе лютыхъ обсто-

яній и скорбей карантинныхъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ избѣжанія ихъ, намъ предстоятъ, желанный для каждаго, случай лицезрѣть замѣчательныя мѣстности и города этихъ земель. Но «чему быть, того не миновать»; на все воля Бога, Который что ни дѣлаетъ, то, конечно, къ лучшему. Лишь только мы собрались въ предположенный путь, какъ консулу пришла счастливая мысль спросить по телеграфу въ Александріи: «держатъ ли тамъ карантинъ пароходы, прибывающіе въ Египетъ изъ Яффы»? На что полученъ отвѣтъ крайне неблагопріятный для насъ. Почему мы и остались ждать, какъ говорится, «у моря погоды», т. е. парохода, забирающаго пассажировъ, держащихъ путь на Константинополь.

Въ 4 часа вечера нарочито ходилъ осматривать больницу, помѣщающуюся въ особомъ великолѣпномъ домѣ на миссіонерскомъ дворѣ, для заболѣвающихъ русскихъ богомольцевъ. Планировка комнатъ, необыкновенная чистота, опрятность, порядокъ, уходъ за больными, удобства, коими они пользуются, обиліе различныхъ аптекарскихъ средствъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго. И не одна теплая благодарственная молитва вознесется къ престолу Божію за виновниковъ устройства въ чужой землѣ этой, своего рода, Визиты, и за нынѣшнихъ ея распорядителей. Я первый изъ прочихъ недуговавшихъ воздаю за нее хвалу.

За симъ, побывавши на всеобщей въ миссіи, пошелъ приложиться ко Гробу Господню. Помня, какъ наши журналисты жестоко нападали на святогробскія нестроенія, особенно, за зловонный убійственный газъ, наполняющій храмъ даже въ священнѣйшія минуты совершенія Безкровной Жертвы, чему виною были сортиры, будто бы, устроенные тутъ же, въ стѣнахъ храма, я, не обоняя ничего подобнаго во всѣ разы моего пребыванія въ немъ, пожелалъ въ настоящій разъ лично удостовѣриться въ правдивости сказанныхъ нападокъ. Оказалось, что сортиры теперь отнесены въ особое открытое мѣсто, сбоку храма, по настоянію нашего консула; и религіозное чувство благочестиваго поклонника болѣе уже не возмутится ощущеніемъ мерзости на мѣстѣ святѣ.

Вторникъ, 22-е іюля. Память св. равноапостольной Маріи Магдалины и тезоименитство Русской Императрицы. Въ пять часовъ утра отправился я на Гол-

гоу, гдѣ будетъ служить новый патріархъ. Въ 6 часовъ звонъ колоколовъ возвѣстилъ о шествіи патріарха. Встрѣчи и пѣнія не было никакого. Онъ вошелъ во храмъ, предшествуемый шестью кавасами съ булавами, которые, гордо закинувъ свои головы, равномерно постукивали булавами по мраморному полу въ тактъ съ своими шагами. Постѣ входныхъ молитвъ, облачившись въ алтарѣ Воскресенскаго храма, патріархъ, въ сопровожденіи двухъ митрополитовъ, взошелъ на Голгоу, гдѣ сейчасъ же и началась обѣдня, которую совершалъ онъ самъ, два архіерея, два архимандрита и шесть священниковъ; пѣли больше наши русскіе пѣвчіе. Въ богослуженіи, кромѣ изложенныхъ выше особенностей, ничего не замѣчено. У грековъ и патріаршеское служеніе менѣе торжественно, чѣмъ наше архіерейское. По окончаніи обѣдни, я, вмѣстѣ съ прочими, участвовалъ въ молебнѣ, для пѣнія котораго всѣ служащіе, въ преднесеніи иконы св. Маріи Магдалины, пожертвованной нашей Государыней Императрицей, и ковчега съ частию мощей Равноапостольной, сошли съ Голгоу предъ часовню Гроба Господня, гдѣ заранѣе находились въ парадныхъ мундирахъ всѣ чины русскаго консульства. По возглашеніи русскимъ іеродіакономъ многолѣтія нашему Императору и Виновицѣ нынѣшняго торжества—Императрицѣ, русскіе, бывшіе тутъ, привѣтствовали другъ друга съ радостнымъ для каждаго изъ нихъ днемъ.

Кстати, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ этотъ день Голгоу, кувуклія и весь Воскресенскій храмъ имѣли видъ праздничный, торжественный: во всю ночь до окончанія обѣдни горѣло нѣсколько сотъ разноцвѣтныхъ, нарочито повѣшенныхъ во всѣхъ ярусахъ и нишахъ его стѣнъ, золотыхъ и серебряныхъ лампадъ; простые образа во многихъ мѣстахъ замѣнены серебropозлащенными; въ особенности же поражало взоръ хрустальное крестообразное паникадило на Голгоу, сіявшее во мракѣ яркими радужными цвѣтами, подобныхъ которому мнѣ не приходилось видывать въ нашихъ храмахъ; облаченія на всѣхъ священнослужащихъ были новѣйшія—серебрянаго глазета по голубому атласному полю; достаточное количество разноплеменнаго народа, наполнявшаго храмъ, довершало торжество дня.

По разоблаченіи патріарха, при звонѣ колоколовъ, началось церемоніальное его шествіе въ свои покои, отстоящіе отъ храма на полъ-версты. Шествіе было въ

такимъ порядкъ: впереди, по два въ рядъ, шесть кавасовъ въ турецкихъ военныхъ мундирахъ, съ огромными серебряными булавами, потомъ иподіаконы со свѣчами, за ними архидіаконъ патріарха съ длиннымъ мѣднымъ полутора-саженнымъ жезломъ, верхушка котораго заканчивается рожками въ видѣ буквы ижицы, затѣмъ самъ патріархъ; около него наше консульство; потомъ митрополиты, архіереи, архимандриты, игумены и пр., числомъ до 100 душъ. Греки, при прохожденіи патріарха, воздавали ему привѣтъ прикладываніемъ ладони ко лбу и къ сердцу. По прибытіи въ патріаршія палаты, совершена была краткая молебная литія, и гости, по принятіи благословенія отъ маститаго хозина, приглашены занять мѣста на диванахъ. Началось обычное угощеніе вареньемъ, въ прихлебку съ водой, потомъ кофе, и затѣмъ сладкою виноградною водкою за здоровье русской Императрицы—Имянинницы; послѣ чего прислужники, вооруженные серебряными кувшинами и полотенцами, начали безъ церемоніи прыскать на руки розовую воду, по очереди, всѣмъ гостямъ, что служило знакомъ того, что угощеніе кончилось и—пора по домамъ.

Въ 11 часовъ я былъ у консула на чаю, а въ два часа прибылъ къ нему съ визитомъ патріархъ съ митрополитомъ для поздравленія со Всероссійскимъ праздникомъ. По заведенному обычаю, отъ консульства уплачено патріарху за служеніе и молитву о Царствующемъ Домѣ Россійской Имперіи 300 р. Вечеромъ зданіе русскаго консульства было иллюминировано.

Среда, 23-е іюля. Еще за нѣсколько дней предположено было посѣтить горній градъ Іудовъ, но, все по разнымъ причинамъ, поѣздка въ оный откладывалась со дня на день. И если бы не настойчивость доброй надзирательницы страннопріимнаго дворянскаго отдѣленія, которая, при всякой встрѣчѣ со мной, одно вторила: „батюшка! да побывайте же въ горнемъ; послѣ, воротившись домой, до слезъ будете жалѣть, что не посѣтили этого мѣста; каждый разъ при чтеніи словъ Евангелія—„во дни оны, воставши Маріамъ, иде въ горняя со тщаніемъ, во градъ Іудовъ, и вниде въ домъ Захаріинъ и цѣлова Елисаветъ“,—у васъ будетъ повторяться эта скорбь, и до самой могилы“. Избравъ окончательное нынѣшнее число для посѣщенія горняго, мы еще съ вечера наняли ословъ и проводниковъ для этой цѣли. Но

утромъ мой неугомонный спутникъ К. заупрямился, и, только благодаря моему духовнику іеромонаху В., который обѣщался мнѣ сопутствовать, мы отправились въ дорогу въ 6 часовъ утра; между тѣмъ догналъ насъ упрямый К., который во все время ѣзды изливалъ свою злобу въ страшныхъ ругательствахъ: то на подъяремныхъ животныхъ, то на бездушные камни, на каждаго шагу тормозившіе нашъ путь, то на горные уступы. Проѣхавъ мимо монастыря св. Креста, о которомъ у насъ была уже рѣчь впереди, мы продолжали путь по трудно проходимымъ хребтамъ и склонамъ горъ Іудейскихъ, и въ 8 часовъ спустились въ „долину“, покрытую маслинами и виноградниками; въ началѣ ложбины расположено небольшое селеніе, именующееся нынѣ селеніемъ св. Іоанна;—это древній градъ іудовъ. Не успѣли мы подъѣхать къ латинской церкви, во имя св. Іоанна, какъ около насъ собралось множество арабскихъ мальчиковъ; изъ нихъ одни хватили изъ рукъ нашихъ поводья, другіе наши узелки, и каждый требовалъ бакшиша. Послѣ неоднократнаго ударенія въ монастырскую калитку, насъ впустили внутрь двора. По входѣ въ церковь, латинскій монахъ, наблюдавшій за работами, производившимися въ ней, посмотрѣлъ на насъ слишкомъ недружелюбно. Храмъ до половины заброшенъ мусоромъ; но мы пробрались въ боковой лѣвый придѣлъ онаго за позолоченую рѣшетку, и сошли по нѣсколькимъ мраморнымъ ступенькамъ къ тому мѣсту, гдѣ родился Тотъ, болѣе Котораго никто не возставалъ на землѣ изъ рожденныхъ женами;—мѣсто это на мраморномъ помостѣ обозначено серебрянымъ кругомъ. Желая помолиться здѣсь въ мирномъ духѣ, я протянулъ руку моему спутнику К., прося его оставить мнѣ, если онъ имѣетъ нѣчто на мя, на что онъ отвѣтилъ молчаніемъ и суровымъ взглядомъ. Приложившись къ святыни, мы осмотрѣли весь храмъ, на стѣнахъ котораго изображены превосходною живописью событія изъ жизни Іоанна Крестителя; храмъ вмѣщаетъ въ себѣ 8 престоловъ, и, сравнительно, небольшой. По выходѣ изъ храма и выѣздѣ изъ селенія, мы, для отдохновенія и освѣженія себя отъ сильной жары, посѣщно отправились мимо гремучаго источника на противоположную сторону поселка, къ тому мѣсту, гдѣ, по преданію, происходила, упоминаемая въ Евангеліи, трогательная встрѣча Богоматери съ праведною Елисаветою; оно находится во владѣніи папистовъ, и, сколько мы ни стучали

въ калитку высокой каменной его ограды, никто не давалъ намъ извнутри ни отвѣта, ни привѣта. Почему мы удалились въ находящуюся тутъ же русскую страннопріимницу.

Кстати, скажемъ и о ней нѣсколько словъ. Православные богомольцы, приходившіе въ горній градъ Іудовъ для поклоненія, претерпѣвали много невзгодъ отъ немѣня здѣсь какого-бы-то ни было пріюта, такъ какъ паписты, и арабы-мусульмане, мѣстные обитатели, недружелюбно расположены къ православнымъ христіанамъ и въ высшей степени негостепріимны, отчего съ каждымъ годомъ убывало число поклонниковъ. Наша миссія близко приняла къ сердцу этотъ вопіющій недостатокъ и прибѣгла къ благотворительности русскихъ. Посыпались десятки тысячъ отъ нашихъ московскихъ и петербургскихъ капиталистовъ, имена и фамиліи которыхъ съ цифрами жертвъ—до 200 тысячъ—и выбиты золотыми рельефными буквами на фронтонѣ страннопріимницы, какъ виновниковъ ея существованія и при ней прекрасной усадьбы, занимающей цѣлыя десятки десятинъ удобной земли, на которой теперь разводится обширный садъ, окружающій съ трехъ сторонъ мѣсто жилища праведныхъ Захаріи и Елисаветы, такъ что паписты, которымъ оно принадлежитъ, тѣснимые кругомъ, съ теченіемъ времени должны будутъ поневолѣ уступить его русскимъ.

Отдыхая, почти полдня, въ этомъ чистомъ, просторномъ, свѣтломъ, снабженномъ прекрасною мебелью, самоварами и даже русскими книгами пріютѣ, мы не разъ изрекли задумчивое спасибо виновникамъ его бытія. И когда нѣсколько поутихла дневная жара, мы продолжали далѣе свой путь, къ пещерѣ св. Іоанна Предтечи, въ которой онъ жилъ съ малолѣтства до юношескаго возраста, готовя себя постомъ и молитвою къ великому званію Предтечи Христа. Путь къ пещерѣ, на протяженіи пяти верстъ, крайне утомителенъ, такъ какъ идетъ по гористымъ оконечностямъ, ущельямъ и извилинамъ скалъ, и только живописныя рощи по временамъ улаждаютъ чувство. На полдорогѣ намъ указали то мѣсто, гдѣ, по преданію, лежалъ камень, на которомъ нерѣдко отдыхалъ юный пустынный и съ которато проповѣдывалъ покаяніе своимъ черствымъ современникамъ. Теперь на этомъ мѣстѣ набросана груда мелкихъ камней. Черезъ полтора часа, въ большой усталости, пѣшкомъ, ведя въ рукахъ, а потомъ и совсѣмъ оставивъ

ословъ, мы начали спускаться къ пустынному жилищу сына Захаріи, расположенному при началѣ страшнаго горнаго обрыва. Это жилище есть небольшая безъискусственная пещера въ известковой горѣ, пространствомъ не болѣе пяти аршинъ, никѣмъ и ничѣмъ не занятая и не имѣющая даже дверей. Каменное небольшое возвышеніе, въ родѣ престола, даетъ знать путникамъ о томъ, что здѣсь католики иногда совершаютъ богослуженіе. Послѣ краткой молитвы въ великому Пророку, мы, на память, отбили себѣ нѣсколько камешковъ отъ свода пещеры и, освѣживъ себя прохладными струями тутъ же журчащаго источника, — струями, которыми и онъ нѣкогда утолялъ свою жажду, прошли къ акриднему или рожковому роскошному дереву (*), и въ тѣни его нѣсколько времени отдыхали, дивясь необычайной жизни и подвигамъ друга Христова.

По кратковременномъ отдыхѣ, по предложенію нашего проводника и духовника, іеромонаха В., мы прошли пѣшкомъ около полуверсты къ мѣсту погребенія праведной Елисаветы; надъ прахомъ ея устроена каменная часовня, безъ всякихъ наружныхъ и внутреннихъ украшеній, и, какъ видно, никѣмъ не блюдетъ; внутреннія стѣны оной исписаны фамиліями посѣщавшихъ, къ которымъ я присоединилъ и свою. Мѣстность здѣсь весьма живописная; вездѣ глазъ останавливается на зеленѣющихъ рощахъ и историческихъ памятникахъ. Самая часовня окружена превосходными виноградниками, изъ-за роскошныхъ лозъ которыхъ выбѣжалъ къ намъ арабъ, неся въ рукахъ громадныя кисти крупнаго, бѣлаго, ароматическаго, едва начинавшаго поспѣвать, винограда, которыми и одѣлялъ cadaго изъ насъ, требуя бакшиша. Истаевая отъ жажды, мы съ удовольствіемъ приняли, какъ нельзя болѣе кстати, поднесенный презентъ.

Возсѣвъ на ословъ, мы направились отсюда тѣмъ же самымъ путѣмъ къ русскому пріюту. Послѣ утоленія въ немъ голода, забравшись на превысокую террасу, мы съ наслажденіемъ смотрѣли на обширную равнину, про-

(*) Акридное дерево, (плодами котораго будто бы питался Іоаннъ Предтеча), здѣсь встрѣчается часто; на немъ плоды похожи на наши сладкіе рожки; я нѣсколько ихъ сорвалъ для памяти надъ пещерою его. Другіе утверждаютъ, что это — Евангельскій дивій медъ, а акридами называютъ плоды терновника, о которыхъ я раньше говорилъ; наши же историки утверждаютъ, что акриды есть особый родъ саранчи, и подъ дивнымъ медомъ разумѣютъ сахарный тростникъ, котораго теперь здѣсь нигдѣ не увидишь. Мѣстные жители считаютъ за акриды ягоды терновника, похожія на наши рябиновыя или медовыя, которыя и въ Палестинѣ вездѣ называются акридами, а рожки сладкіе, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, за пищу св. Іоанна или дивній медъ.

стирающуюся отсюда до Яфѣской дороги, оѣненную безчисленнымъ множествомъ оливковыхъ деревьевъ и окаймленную почти со всѣхъ сторонъ невысокими горными хребтами, изъ коихъ на отлогости одного, прилегающаго къ горному, указали намъ мѣсто единоборства Давидова съ Голиафомъ, на которомъ виднѣлись древнія развалины какого-то столба или башни, а вправо отъ него высилось изящное и громадное зданіе, съ прекраснымъ садомъ, принадлежащее францисканамъ, въ которомъ воспитываются безвозмездно дѣти обращенныхъ въ католичество обитателей Палестины.

Сошедши съ террасы, мы снова постучались въ запертую калитку того двора, гдѣ происходило свиданіе богодохновенныхъ родственницъ, которую и открыть намъ францисканскій монахъ, введшій насъ прямо подъ своды древняго полуразрушеннаго громаднаго зданія, въ нижней части котораго помѣщается небольшая, но опрятная церковь, отдѣланная красивою кафелью. Вотъ тутъ то, — сказалъ намъ проводникъ, указывая на бассейнъ воды за престоломъ, — Маріамъ цѣлова Елисаветъ, вшедши въ домъ Захаріинъ. Долго мы здѣсь стояли въ мирномъ религіозномъ настроеніи духа, завидуя высокому жребію праведницы, и, испивъ нѣсколько разъ въ сладость отъ холодныхъ водъ чуднаго источника, оставили храмъ; а монахъ, провожая насъ по двору къ калиткѣ, сорвалъ намъ, на память, нѣсколько букетовъ плѣнительныхъ цвѣтовъ, насаженныхъ въ изобиліи вокругъ всего двора досужею его рукою, за что ею же получено отъ насъ нѣсколько бакшишей.

Отсюда мы продолжали путь обратно, сидя на ослахъ, по крутому, скользкому, каменистому скату по-надъ страшнымъ обрывомъ, со страхомъ и трепетомъ ежеминутно опасаясь паденія, и спустились къ водоему, называемому источникомъ Пр. Дѣвы Маріи, къ которому, по преданію, она приходила черпать воду для житейскаго обихода, во время пребыванія у престарѣлой своей южики, Елисаветы. Здѣсь мы остановились на нѣсколько минутъ для удовлетворенія своей любознательности. Надъ водоемомъ устроена двухъ-этажная мусульманская часовня, въ открытой верхней галлерей которой мы видѣли не одинъ десятокъ молящихся мусульманъ. Утверждаютъ, что жители горняго града Іудова питаютъ чрезвычайное уваженіе къ этому источнику. При запырительствѣ подозрѣваемаго въ совершеніи какого-либо тяжкаго преступленія приводятъ его надъ водоёмъ и здѣсь за-

ставляютъ поклѣстѣся именемъ св. Дѣвы Маріамъ въ томъ, что онъ не причастенъ извѣстному преступленію, и если онъ поклѣнется ложно, то мусульмане вполне увѣрены, что сама Маріамъ непременно покараетъ его должнымъ образомъ; и, будто бы, такъ это и бываетъ. Отъ часовни водные потоки струятся внизъ на небольшую ложбину, изборозжденную множествомъ грядъ, засѣянныхъ разнаго рода огородными растеніями. Благодаря симъ потокамъ, зелень на грядкахъ роскошна, овощи крупны, сочны и не переводятся круглый годъ; рынокъ Іерусалимскій исключительно только и снабжается столовыми огородными продуктами изъ горняго во всякое время; и семейства арабовъ, живущихъ въ немъ, только и имѣютъ отъ грядъ своихъ источникъ для пропитанія; считая виновницею этого Маріамъ, они не иначе называютъ ее, какъ „Маріамъ наша благодѣтельница, наша кормительница“. Испивъ отъ воды, мы проѣхали чрезъ селеніе мимо церкви св. Іоанна, поспѣшая домой въ Іерусалимъ, по крутой, длинной горѣ, устланной горами преогромныхъ камней, отчего путь крайне труденъ; мы видѣли вправо битую тропу на Виелеемъ, которою, быть можетъ, шествовалъ къ горнему и юный царь-избранникъ Давидъ, посланный отцемъ въ воинскій станъ для освѣдомленія о здоровьи своихъ трехъ старшихъ братьевъ и отнесенія имъ пищи, и возвратившійся отсюда, послѣ единоборства съ Голіафомъ, со славою побѣдителя. Солнце уже было на закатѣ, когда мы возвратились къ «постройкамъ»; однако-жъ я успѣлъ еще сходить ко Гробу Господню, излить свои благодарныя чувства за совершенный путь въ горняя.

Четвергъ, 24-е іюля. Утромъ ходилъ я прикладываться ко Гробу Господню, гдѣ засталъ латинскаго епископа, совершающимъ заупокойную миссу по усопшемъ дядѣ тогдашняго Австрійскаго императора, въ присутствіи чиновъ Австрійскаго консульства и множества юныхъ питомцевъ мѣстныхъ папистическихъ благотворительныхъ учебныхъ заведеній, стоявшихъ вокругъ кувукліи рядами, въ форменныхъ однообразныхъ костюмахъ, что пріятно удивило меня среди азіатской дикой пестроты. По окончаніи миссы, всѣ питомцы, подъ контролемъ надзирателя, благоговѣнно прикладывались на Голгоѣ къ мѣсту пригвожденія Іисуса ко кресту. Послѣ вечерни я остался на цѣлую ночь при храмѣ для служенія утромъ литургіи.

Пятница, 25-е іюля. Во всю ночь, какъ послѣднюю въ Іерусалимѣ, я не смыкалъ очей и не давалъ дреманія вѣждамъ своимъ, обтекаая многократно всѣ уголки Воскресенскаго храма, преклоняя колѣна предъ каждымъ священнымъ мѣстомъ и прощаясь съ сердечною скорбію со всѣми безцѣнными святынями его. О, Господи Боже, Спасителю мой! восклицалъ я; добро мнѣ здѣ быти, ибо сердце мое полно счастья; я теперь совершенно доволенъ и покоенъ,—и во вѣкъ приметался бы въ семь Твоемъ святѣйшемъ селеніи, освященномъ Твоею пречистою Плотію и безцѣнною Кровію, Твоею вольною смертію и погребеніемъ и Твоимъ живоноснымъ воскресеніемъ. Но Твой законъ, дражайшій паче тысящъ золота и серебра, но долгъ мой пастырскій зовутъ меня на мѣсто моего постоянного служенія Тебѣ. Прими же, въ послѣднія минуты моего здѣ пребыванія, мою недостойную сію молитву и не презри гласа раба Твоего. Благослови мое нынѣшнее исхожденіе отселѣ въ далекій путь, какъ благословилъ и вхожденіе; отпусти меня съ миромъ: ибо очи мои видѣли уже вся благая Іерусалима; помоги мнѣ, спаси меня... Яко Ты еси Богъ мой, яко у Тебе источникъ живота!

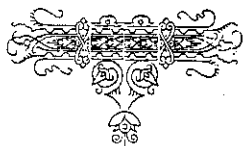
Во всякій разъ посѣщенія моего Гроба Господня и Голгофы, какъ и теперь, одна глубокая старушка, преклонившись долу, въ такомъ положеніи проводила цѣлыя ночи, почти непрерывно проливая горючія слезы и цѣлуя полъ; по временамъ вопіяла: «О, Спаситель мой! о Богъ мой...» далѣе слова ея терялись въ тяжеломъ всхлипываніи и обильномъ потокѣ слезъ. О, какъ я завидовалъ ея блаженному плачу о грѣхахъ своихъ... печали, яже по Бозѣ!.. Счастливица она, мыслилъ я въ себѣ, настанетъ годъ ея, и она утѣшится... а я?..

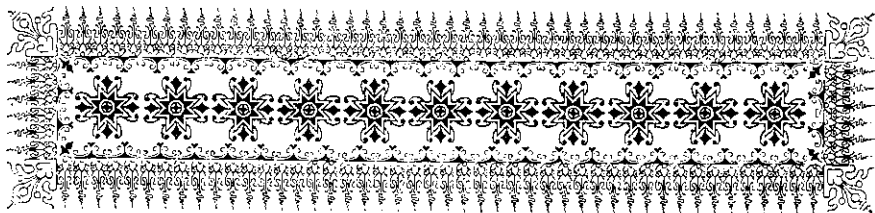
Отслуживъ литургію на Голгофѣ къ 2 часамъ ночи, я, послѣ обычной здѣсь трапезы, простился съ Святोगробскою братіею (*); взялъ отъ нихъ, на уврачеваніе недуговъ плоти, елей отъ лампадъ Голгофы и кувукліи, и, приложившись на выходѣ къ камню миропомазанія, свѣтающему дню, ушелъ съ скорбнымъ духомъ о вѣчной разлукѣ на «постройки».

Въ 6¹/₂ часовъ вечера, почти на закатѣ солнечномъ, мы выѣхали изъ св. града въ нѣмецкой повозкѣ, посто-

(*) Нѣкоторые изъ братій приглашали меня остаться у нихъ на полгода съ тѣмъ, чтобы я научилъ ихъ русскому языку, а они, взаменъ, обѣщали меня за это время усовершенствовать въ Греческомъ.

янно оглядываясь на отдаляющійся отъ насъ Іерусалимъ. Наконецъ, приблизясь къ горному спуску, я еще разъ оборотился назадъ къ св. граду, и, когда увидѣлъ его совершенно сглаживающимся съ глазъ, не могъ удержаться отъ напора скорбныхъ чувствъ: слезы брызнули изъ очей, и я, покачивая главою своею, въ знакъ вѣчнаго прощанья съ нимъ, подобно другимъ паломникамъ, мысленно произнесъ: о, Іерусалиме, Іерусалиме, граде Божій! Забвена буди десница моя, аще забуду тебе...

Добавленіе къ первому путешествію.

На обратномъ пути намъ пришлось вытерпѣть не мало и физическихъ и нравственныхъ бѣдъ, вѣроятно, въ наказаніе за то, что и на св. землѣ, освященной стопами Богочеловѣка, я не столько бесѣдовалъ съ Нимъ о душѣ своей, сколько съ своею алчною плотію и кровію; что я и здѣсь шелъ не по стопамъ Его божественнаго закона и, забывая высшія цѣли своего земнаго бытія, отдавалъ почасту предпочтеніе земному и тлѣнному.

И первѣе всего наказанъ тѣмъ же загадочнымъ и неутомнымъ спутникомъ К., который только при выѣздѣ изъ Іерусалима и былъ въ нормальномъ состояніи духа, а потому даже нѣсколько любезенъ; но не успѣли мы отъѣхать и 6-ти верстъ отъ св. града, какъ онъ, по спускѣ съ крутой горы, разразился на меня страшными ругательствами за то, что, по его же небрежности, оказался нѣсколько измятымъ его жестяной коробъ, въ которомъ хранился терновый вѣнецъ. И этими цвѣтами татарскаго краснорѣчія онъ не переставалъ осыпать меня во все время нашего плаванія до самаго Константинополя, слишкомъ 2000 верстъ; швырялъ по каютѣ - компаніи мои вещи, когда я уходилъ на палубу, билъ мою посуду, если она оказывалась съ запасомъ какого-либо питья, вооружалъ и натравлялъ на меня служащихъ на пароходѣ и пр.; за это, впрочемъ, и его Богъ не оставлялъ безъ вразумленія.

Но особенно тяжелымъ для меня испытаніемъ былъ семидневный карантинъ. Изъ Бейрута, въ которомъ про-

являлись спорадическіе случаи холеры, сѣло къ намъ на пароходъ болѣе полутораста пассажировъ. И хотя ни теперь между ними не было ни одного больного, ни въ продолженіе всего нашего плаванія до самой Смирны, однакожъ турецкая администрація распорядилась назначить намъ недѣльный карантинъ, не довѣжая Смирны, о чемъ, съ крайнимъ прискорбіемъ, мы каждый день трактовали промежду собою. Достойно замѣчанія, что на пароходъ, въ виду холеры, насъ, какъ бы умышленно, кормили такими продуктами, которые порождаютъ болѣзни или прививаютъ и развиваютъ уже существующія; кормили напр. арбузами, дынями, сливами, абрикосами, персиками, инжиремъ, зелеными грушами, виноградомъ, маслинами, кабачками и пр. Наконецъ, послѣ пятидневнаго плаванія, мы прибыли къ мѣсту нашего заточенія, къ небольшому островку, противъ турецкой деревни Бурлы,—это было 1 августа. На другой день къ намъ на пароходъ взошли власти блистательной порты и требовали безусловно высадки всѣхъ пассажировъ на безжизненный островъ, на которомъ виднѣлось около десятка каменныхъ домиковъ, нарочито устроенныхъ и расположенныхъ на окраинахъ онаго. Нѣкоторые изъ пассажировъ 2-го класса и почти всѣ изъ 1-го домогались дозволенія держать карантинъ на кораблѣ. По совѣщаніи пароходнаго начальства съ турецкимъ, намъ объявили, что первые могутъ остаться только подъ условіемъ уплаты въ кассу пароходства за каждые сутки съ продовольствіемъ по 4 р. сер., а вторые по 6 р., и въ пользу турецкихъ карантинныхъ зданій по 35 к. сер.; пассажиры же 3-го класса, всѣ, немедленно должны сейчасъ же переѣхать на островъ въ казармы. Для наблюденія за этимъ оставлены были турецкіе кавасы и докторъ. Начался плачъ и рыданіе многихъ, особенно русскихъ: шли они съ парохода, точно отплѣтые въ могилу, или жертвы, готовящіяся на закланіе, невѣдая, что съ ними станется въ туретчинѣ и зная, что мусульманинъ готовъ на всевозможное зло изъ ненависти къ гяуру.

Съ перваго же дня нашей стоянки возлѣ острова началась такая страшная буря, что нельзя было натянуть тента и даже стоять на палубѣ; а отъ рева волнъ не иначе можно было разговаривать другъ съ другомъ, какъ только на ухо, и то съ сильнымъ крикомъ. Читать нечего, говорить не о чемъ; да и душа, какъ говорится, не налегаетъ; а потому туга сердечная выше всякаго описанія. Корабельный капитанъ, видя насъ сумрач-

ныхъ, пригласилъ съ собою прокатиться на островъ, на что мы съ большою охотою согласились, желая вмѣстѣ съ развлеченіемъ удовлетворить и свое любопытство: посмотрѣть и разузнать, какъ проживаютъ въ казармахъ наши собратья.

Сердце наше болѣзненно сжалось, когда мы увидѣли ихъ въ безпорядкѣ, какъ попало, валяющихся по полу и набитыхъ въ каждой комнатѣ, какъ сельдей въ бочекѣ; не было ни кроватей, ни матрацовъ и ровно никакой мебели; даже—посуды для питья воды. Близъ входныхъ дверей стояли кавасы, перевязанные чрезъ плечо желтыми шарфами—эмблема холеры,—и не позволяли христіанамъ выходить изъ камеръ безъ нужды, напр. для прогулки, тогда какъ мусульмане свободно бѣгали по островку, играя въ жугута и проч. При этомъ намъ рассказывали, что докторъ турецкій, при посѣщеніи карантинныхъ домовъ, не входилъ въ комнаты, боясь заразиться воображаемою холерою, а подставлялъ что либо къ окну и смотрѣлъ такимъ образомъ, нѣтъ ли больныхъ.

Наружный видъ нашихъ заточенныхъ соплеменниковъ возбуждалъ необыкновенную жалость: такъ они исхудали и поблекли и отъ душевной тревоги и отъ того, что нѣкоторые изъ нихъ пробавлялись кислыми турецкими лепешками, въ величину нашей трехкопѣечной розанки, которыя продавались по неимовѣрной цѣнѣ (не менѣе рубля), съ такою церемоніею: продавецъ - турокъ, стоявшій въ зданіи надъ окномъ, по заявленіи желающаго, натыкалъ на рогачъ лепешку и подавалъ покупщику, а деньги бралъ особеннымъ приборомъ, который предварительно опускалъ въ уксусъ, чтобы не пристала къ нему мнимая зараза. Горячей пищи ни за какія деньги нельзя было достать; даже у кого былъ свой чай и сахаръ или кофе, и тѣ, за неимѣніемъ угля и невозможностію достать его, пробавлялись сухояденіемъ; арбузовъ же и дынь продавали вволю и, очевидно, съ заднею цѣлью. И за такія медвѣжьи берлоги и услуги несчастные плѣнники должны были платить каждый день по 35 к. сер.; тѣхъ же, которые не имѣли денегъ для уплаты, грабили: отнимали сумки, платье, бѣлье и проч.

Спрашивается, достигается ли при такихъ санитарныхъ условіяхъ та цѣль, съ которою учреждаются карантинны? Не только не достигается, но здѣсь напротивъ турками соединено все, что только можетъ уси-

лить болѣзнь, если она существуетъ, и привлечь, если ея нѣтъ. Для чего же существуютъ здѣсь карантинны, и зачѣмъ мусульмане умышленно заботятся о привлеченіи эпидемій?

Намъ объяснили, что блистательная порта, затративъ до 10 тысячъ лиръ на устройство карантинныхъ домовъ, чтобы не быть въ убыткахъ, пользуется каждый разъ черезчуръ широко предоставленнымъ ей правомъ учреждать карантинны, въ случаѣ эпидемическихъ болѣзней, по ея усмотрѣнію, и учреждаетъ ихъ, когда бы и не слѣдовало, какъ и въ настоящій разъ; назначаетъ длинные сроки и удваиваетъ и утраиваетъ ихъ по своей прихоти, даже при заболѣваніи другого обыкновенною болѣзнію, напр. лихорадкою. При насъ на французскомъ пароходѣ умерло дитя отъ эпилепсіи, и онъ остановленъ былъ, сверхъ семи, еще на двѣнадцать дней. И все это дѣлается съ цѣлью болѣе вырочки, болѣе наживы. Пора бы обратить особое вниманіе правительствамъ Европы на это вопіющее зло, на этотъ открытый безнаказанный грабежъ, низведеніе людей ни за-что, ни про-что.

Да и намъ на пароходѣ было не до радости. Въ смертельной скукѣ, въ страхѣ за свою будущность, мы рѣшительно истомились и, въ этомъ томленіи, дни казались недѣлями; не чаялось нашему заточенію конца. Впрочемъ, нѣтъ иногда и худа безъ добра; изъ настоящаго своего тяжелаго положенія я извлекалъ для себя нравственную пользу; когда тлѣлъ отъ скорби внѣшній человѣкъ, тогда внутренній понемногу обновлялся. Сидя одиноко по вечерамъ и по ночамъ на площадкѣ палубы, я многократно устремлялъ свои томные взоры къ небесамъ и молилъ Жизнодавца, чтобы Онъ не прогнѣвался на насъ до конца, не удалилъ Своихъ щедротъ отъ насъ и скоро избавилъ бы отъ сего лютаго карантиннаго обдержанія и отъ приставниковъ его, и въ то же время переносился мыслями къ тому скорбному часу, когда ночь смертная постигнетъ немощную мою душу, не приготовленную къ загробному долготу, страшному пути, и на немъ она узритъ стоящаго горькихъ мытарствъ (своего рода замогильный карантинъ) начальника, воздушнаго князя—насильника и мучителя, и останется безпомощною въ рукахъ враговъ своихъ долготѣ, пока чье-либо молитвенное ходатайство не очиститъ отъ тли грѣховныя и, такимъ образомъ, не извлечетъ отъ діавольскаго плѣненія.

Зато, когда приспѣлъ день освобожденія изъ каран-тина, какова была радость! Нужно было видѣть, какъ несчастные плѣнники, подѣвзжая на лодкахъ къ пароходу и взбираясь на него по трапу, усердно крестились, другіе отъ радости плакали, иные восклицали: «слава Богу, слава Богу, мы уже и не чаяли быть въ живыхъ! Такъ позаморила насъ окаянная туретчина». Не прошло и часу, какъ мы двинулись въ путь и, къ тому, не помнили печали за радостью; а оставшіеся на французскомъ пароходѣ завидовали намъ и чуть не рыдали.

Пріѣхавъ въ Константинополь, мы пересѣли на русскій пароходъ Владиміръ—это было 12 августа,—и въ 3 часа пополудни снялись съ якоря. Съ нами ѣхалъ въ Россію вице-адмиралъ Лисянскій и посланникъ Камгарскаго хана со свитою. Свита послѣдняго помѣстилась во 2 классѣ и ночью не давала намъ спать своимъ шумомъ, хохотомъ и картежною игрою въ дурачки, въ носка и проч. Принимая ее за простыхъ туркомановъ-халатниковъ, такъ какъ они были черезчуръ просто и грязно одѣты, засалены, чуть не по уши, и съ самыми грубыми манерами и пріемами, я принимался нѣсколько разъ усмирять ее; она при словѣ *те!* каждый разъ усмиралась до шопота. Каково жъ было мое удивленіе, когда я потомъ, черезъ день, увидѣлъ ее въ залитыхъ золотомъ халатахъ и другихъ національныхъ высшихъ отличіяхъ: вся она состояла чуть не изъ первыхъ сановниковъ ханства.

На слѣдующій день въ два часа пополудни загорѣлся на нашемъ пароходѣ складъ угля, и хотя матросы съ пожарными трубами усердно трудились надъ тушеніемъ онаго, но всѣ пассажиры были въ страхѣ и отчаяніи за свою жизнь: началась бѣготня, суета,—что если прійдется сторѣть заживо среди воды? Я предположилъ въ крайнемъ случаѣ броситься съ парохода въ воду, чтобы покончить съ жизнію при меньшихъ страданіяхъ. Поручикъ К. болѣе всѣхъ выходилъ изъ себя и поминутно бѣгалъ ко мнѣ въ каюту съ докладами о ходѣ пожара, и чрезвычайно сердился и ругался, когда я, повидимому, равнодушно принималъ ихъ, лежа на кровати; тогда какъ душою я, кажется, страдалъ болѣе всѣхъ. Вѣроятно, мы грѣшнѣе всѣхъ человѣкъ, мыслилъ я въ себѣ, когда Богъ не допускаетъ насъ увидѣть свое отечество и родныхъ! Наконецъ къ 8-ми часамъ вечера до насъ дошла вѣсть изъ преисподней парохода, что уголь потушенъ; у насъ немного отлегло

отъ сердца, хотя отъ мнительности цѣлую ночь не могли сомкнуть глазъ: намъ такъ и чудилось, что, когда всѣ уснутъ, уголь опять можетъ вспыхнуть, если гдѣ нибудь отъ недосмотра и небрежности затаилась искра.

Зато 13-е августа было для насъ днемъ особой радости, въ ожиданіи пріѣзда въ Одессу. Разсвѣтъ. Вотъ видѣнъ Одесскій маякъ; вотъ виднѣются уже и предмѣстья Одессы; вотъ, наконецъ, показалась и она—наша южная красавица!

Слава Богу Благодателю, сподобившему насъ увидѣть свою родную землю! Правду сказалъ кто-то: «И дымъ отечества намъ сладокъ и приятенъ». Подлинно такъ. Я самъ это испыталъ на себѣ послѣ двухмѣсячнаго труднаго и опаснаго путешествія по несносной Азіи. Въ 6 часовъ утра мы у Одесской пристани, и намъ выдаютъ наши паспорта. Въ таможенѣ обыскиваютъ наши чемоданы... мы наконецъ пропущены. О, сколько здѣсь русско-китайскихъ церемоній! О, скорѣ бы на твердую землю, въ номеръ, на отдыхъ! Сильно, до-нельзя, я усталъ отъ шестнадцатидневнаго пребыванія на водѣ, на морѣ.—Въ номерѣ! Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ! воскликнулъ я, павъ на колѣни предъ тою же самою иконою Спасителя, предъ которою молился за два съ половиною мѣсяца назадъ о благополучномъ плаваніи по водамъ во св. землю, и излилъ мою душу въ благодарныхъ слезахъ и мольбѣ, чтобы Онъ, всеблагій, неосужденно принялъ мой странническій подвигъ, какъ умиловительную жертву о моихъ грѣхахъ, въ Свой пренебесный жертвенникъ.

Оканчивая мои выписки, считаю нужнымъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы, неоднократно мнѣ предлагавшіеся отъ знакомыхъ и незнакомыхъ: 1) Въ какое время года лучше и удобнѣе путешествовать въ Палестину? 2) Какъ нужно поступать, чтобы путешествіе ко св. мѣстамъ принесло душевную пользу? и 3) Что такое морская болѣзнь, и существуютъ ли какія-либо мѣры противъ нея?

А) Предпринимать путешествіе во Іерусалимъ лучше всего и удобнѣе съ іюня мѣсяца, такъ чтобы къ октябрю быть и дома, по слѣдующимъ причинамъ: а) въ эти мѣсяцы не бываетъ частыхъ и опасныхъ морскихъ волненій и того пронзительнаго сыраго воздуха, особенно въ Черномъ морѣ, который такъ пагубно дѣйствуетъ на здоровье третьеклассныхъ пассажировъ; б) въ самой Палестинѣ въ этотъ періодъ времени—не-

возмутимая тишина, какъ какъ богомольцевъ въ эту пору бываетъ очень мало, и всякій свободно, сколько пожелаетъ, можетъ молиться и лобызать святыни, нестѣсняемый и неразвлекаемый другими. Я самъ почти каждый день по нѣскольку часовъ простаивалъ на молитвѣ у Святогробскихъ святынь, и меня никто не беспокоилъ; в) въ указанное мною время вовсе не бываетъ въ Палестинѣ дождей, часто тормозящихъ паломничество въ другіе мѣсяцы, и наконецъ, г) за отсутствіемъ богомольцевъ, имѣется вездѣ болѣе свободныхъ помѣщеній на всемъ пути отъ самой Одессы, особенно въ Іерусалимской страннопріимницѣ. Жара, которой нѣкоторые сильно опасаются, въ Палестинѣ въ это время года совсѣмъ не такъ страшна, какъ многіе, не бывавшіе тамъ, представляютъ себѣ, а ночи—даже холодны; ими-то и можно пользоваться для паломничества, особенно страдающимъ сильнымъ потѣніемъ. Въ остальные мѣсяцы посовѣтуемъ путешествовать только тѣмъ, которые, во что-бы-то ни стало, желаютъ провести время,—отъ Рождества Христова до втораго дня Пасхи,—въ постѣ, молитвѣ и говѣніи у святынь Палестинскихъ, такъ какъ въ эту пору бываетъ стеченіе народа разныхъ націй и исповѣданій громадное, именно около 20 тысячъ; вслѣдствіе чего цѣны на продукты и даже священные предметы значительно возвышаются; удобныхъ помѣщеній не достаетъ; за массою народа всего не размотришь, какъ слѣдуетъ или какъ желалось бы; мало-что разслышишь и разузнаешь отъ проводниковъ, а главное—не сможешь надлежащимъ образомъ воздать поклоненія святынямъ.

Б) Многіе имѣютъ похвальный обычай путешествовать по св. мѣстамъ. Такія путешествія спасительны для души и пріятны Богу; они укрѣпляютъ нашу вѣру и питаютъ душу спасительными истинами. Сама Царица небесная, по вознесеніи Господа на небо, любила посѣщать тѣ мѣста, въ которыхъ пребывалъ возлюбленный Сынъ Ея; и святые люди любили путешествія ко святымъ мѣстамъ. Всякое доброе дѣло тогда только и цѣнно предъ Богомъ, когда совершается во славу Божию и для спасенія души нашей, а не для славы людской. Совершали книжники и фариसेи-лицемѣры добрыя дѣла напоказъ людямъ, и что же объ нихъ сказалъ Спаситель? То, что они не получаютъ пользы отъ своей лицемерной добродѣтели, потому что получаютъ похвалу отъ людей. А потому, чтобы доброе дѣло было на пользу

душѣ, чтобы не напрасно терпѣть трудъ и разныя лишения, нужно совершать путешествіе къ святымъ мѣстамъ: 1) для Бога, для спасенія души, а не для приобрѣтенія славы людской; иначе потеряемъ награду у Бога; 2) совершивъ путешествіе, не слѣдуетъ надмеваться сердцемъ о совершенномъ подвигѣ, иначе можно дойти до самохвальства, которое отнимаетъ всю цѣну у подвига, и 3) если хочется сказать кому-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ о видѣнныхъ св. мѣстахъ, то нужно говорить со смиреніемъ, въ назиданіе имъ, собственно изъ христіанскаго доброжелательства.

В) О морской, загадочной во многихъ отношеніяхъ болѣзни, о причинахъ ея и о мѣрахъ противъ нея профессоръ Нагель въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ говоритъ слѣдующее: «Извѣстно, что по обѣимъ сторонамъ шей идетъ важный нервъ, который развѣтвляется въ тѣлѣ и легкихъ, потомъ идетъ къ желудку и образуетъ здѣсь сплетеніе. Задача этого нерва, называемаго блуждающимъ, троякая: 1) передавать головному мозгу чувствовать потребности дыханія; 2) регулировать ритмъ дыхательныхъ движеній; 3) содѣйствовать направленію, такъ называемаго, перистальтическаго движенія желудка и препятствовать этому движенію имѣть обратное направленіе. Если на дѣятельность этого нерва подѣйствуютъ ослабляющія его силы фѣнкции, напр., чувство отвращенія, одуряющій ядъ, рвотное, то наступаютъ отрывочныя, судорожныя движенія брюшины и брюшныхъ мускуловъ, оканчивающіяся рвотой,—обратнымъ движеніемъ желудка».

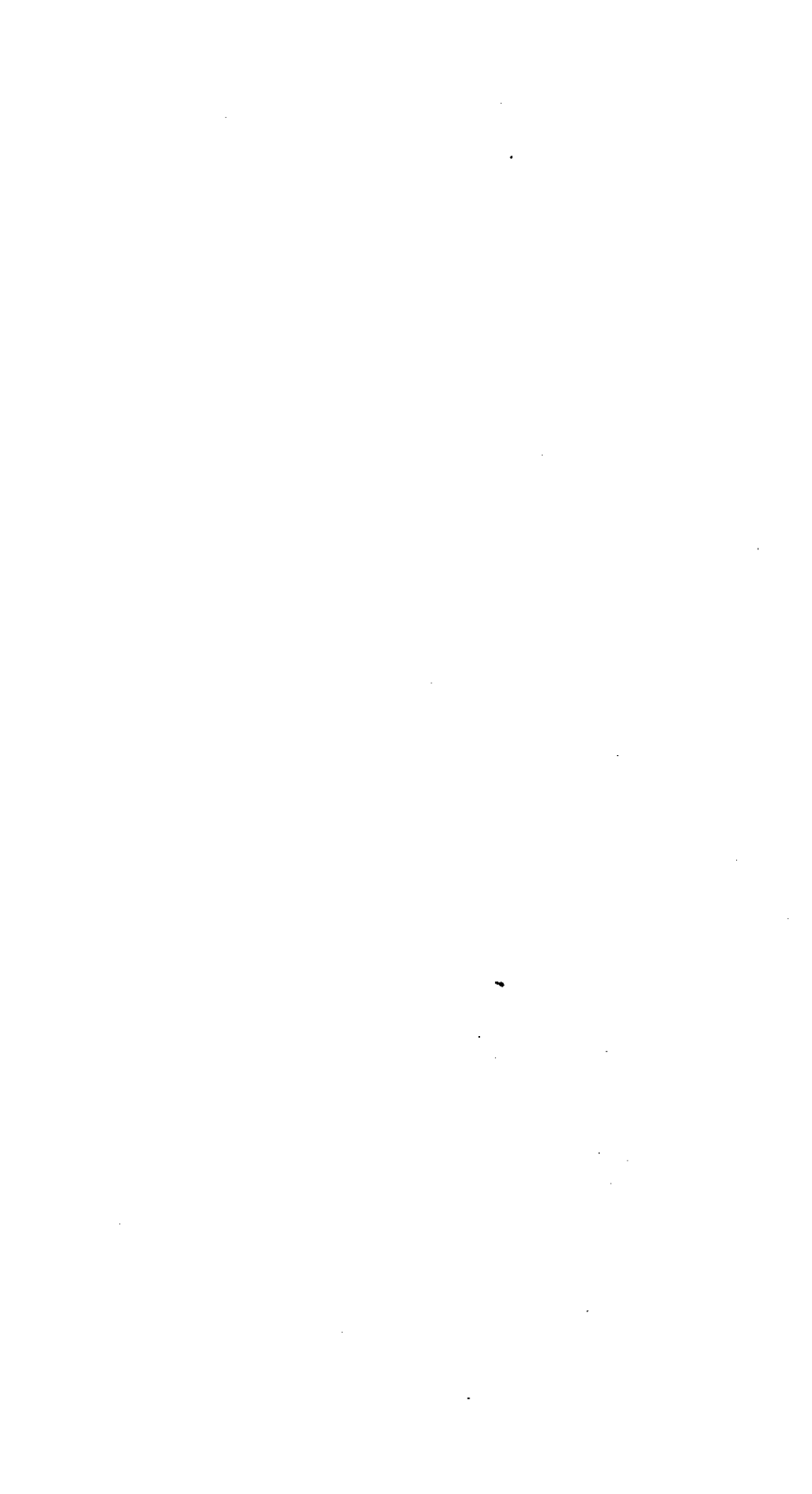
Точно такія же отрывочныя движенія, и притомъ произвольныя, наступаютъ у тѣхъ, кои чувствуютъ колебаніе пола подъ собою и находятся въ опасности потерять равновѣсіе. Такъ какъ центръ тяжести лежитъ обыкновенно въ желудочной области и дыханіе перемѣщается и вверхъ и внизъ, то, при неустойчивомъ положеніи на колеблющейся плоскости, необходимо крайнее напряженіе сказанныхъ мускуловъ, чтобы центръ тяжести сохранился на нормальной высотѣ отъ пола. Такъ какъ обморокъ, причиняя пассивное движеніе, порождаетъ сильное нездоровье, то этимъ самымъ обуславливаетъ неправильное сокращеніе желудка и брюшныхъ мускуловъ, къ чему еще присоединяются и другія обстоятельства, напр., видъ больныхъ, дурной запахъ и проч.

Для лицъ съ живымъ воображеніемъ не нужны эти

Фиктивные условія, чтобы захворать морскою болѣзнію. Имъ достаточно взглянуть на волны съ берега или съ моста, или наконецъ, смотрѣть внизъ съ значительной высоты, чтобы представить себѣ, будто они падаютъ.

Такъ какъ нельзя измѣнить искусствомъ вышеописанные условія относительно положенія и перемѣщенія центра тяжести, то рациональныя мѣры противъ морской болѣзни состоятъ въ томъ, чтобы посредствомъ гимнастическихъ упражненій на качающейся доскѣ и и т. под. приучить себя съ юности къ легкому уравниванію пассивныхъ движеній; во-вторыхъ, помѣщаться близъ мачты, такъ какъ здѣсь менѣе чувствительны движенія корабля; въ-третьихъ, сложить руки, продолжая дышать и смотря вдаль. Пребываніе на палубѣ, на открытомъ воздухѣ, слѣдуетъ предпочитать пребыванію въ каютахъ, гдѣ дурной запахъ, тяжелый воздухъ и больные путешественники производятъ нѣкоторое зараженіе; умеренное употребленіе содовой воды полезно въ большинствѣ случаевъ; равнымъ образомъ рекомендуется корень *коломбъ*, какъ весьма дѣйствительное средство противъ морской болѣзни. Крайнее и послѣднее средство есть горизонтальное положеніе и безусловное спокойствіе.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ РУССКАГО ПАСТЫРЯ О СВЯЩЕННОМЪ ВОСТОКѢ

ПАЛОМНИКА

Священника Александра Анисимова,

дѣйствительнаго члена императорскаго православнаго палестинскаго общества

—•••—
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

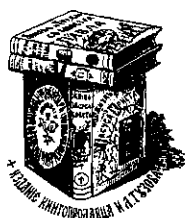
Часть 2

ПУТЕШЕСТВІЕ ВТОРОЕ

*Помяну дѣла Господня, и яже видѣхъ,
и поставлю во словесахъ Господнихъ дѣла Его.*
Сирах. 42, 15.

~~~~~  
Изданіе второе  
~~~~~

ВНЕСЕНА ВЪ ОПЫТЪ КАТАЛОГА УЧЕНИЧЕСКИХЪ БИБЛИОТЕКЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ
ЗАВЕДЕНІЙ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ (Стр. 11, 1896 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книгопродавца И. Д. ТУЗОВА

1899

Не умолкну ради Сіона и ради Іерусалима не успокоюсь
(Ис. 62, 1)

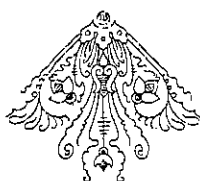
ПАЛЕСТИНСКІЙ ПАЛОМНИКЪ,
СВЯЩЕННИКЪ
Александръ Васильевичъ Анисимовъ.

Предисловіе ко второму путешествію.

Послѣ перваго моего путешествія въ Палестину, я, разбитый душею отъ житейскихъ невзгодъ, а еще болѣе страдавшій тѣломъ, искалъ, было, утѣшенія и помощи у сыновъ чело- вѣческихъ, хотя и помнилъ, что надежда на нихъ суетна, что въ нихъ нѣсть спасенія. Усугубившееся жизненное бремя, можетъ быть, въ наказаніе за двоедушіе, за двойственность упованія и на человѣка и на Бога, заставило меня всецѣло возвергнуть всю свою печаль на единого Господа, у Него только съ усердіемъ искать счастливаго выхода изъ глубины моихъ золъ и искать его у Живо- носнаго Гроба, у подножія Креста Его,—въ Іерусалимѣ. Но, при страшно болѣзненномъ моемъ состояніи, мнѣ нужно было превозмочь многія и многія препятствія, и болѣе всего не давала мнѣ покоя мысль: что если ты на пути, да еще на морѣ, умрешь, и тебя выбросятъ за бортъ на сѣденіе воднымъ обитателямъ; ну, а если и доѣдешь до Св. Земли, да воротиться еще болѣе физически и нрав- ственно разбитый, что тогда будетъ съ тобой?.. Чтобы современемъ не поддаться такому гнету этихъ мыслей, я рѣшился поскорѣе собраться въ далекій путь, и имѣлъ великое счастье и несказанное утѣшеніе достигнуть того, чего желалъ, и обрѣсти то, чего искалъ: я видѣлъ Св. Градъ Великаго Царя—Св. Іерусалимъ, я удостоился лобызать божественные слѣды Богочеловѣка, Спасителя міра, на тѣхъ Св. Мѣ- стахъ, гдѣ Онъ совершилъ тайну моего искупленія, и возвратился я во свояси успокоенный, утѣшенный, обновленный и душевно, и тѣлесно. Я тогда считалъ себя счастливѣйшимъ изъ всѣхъ счастливцевъ подъ солнцемъ и мнилъ, что такое блаженное состояніе продолжится до позд- няго заката дней моихъ, до гробовой доски. Мнилъ... но не такъ вышло, не такъ сбылось на самомъ дѣлѣ! Тутъ-то именно случилось и про- изошло со мной то, чего я никакъ не могъ предвидѣть, но что, какъ послѣ узналъ, случалось и прежде, и теперь испытывается многими изъ

посѣщавшихъ Св. Обѣтованную Землю. У меня оказался зародышъ *) другого недуга: тоски о покинутой Палестинѣ, по Іерусалимѣ. Только вдалекѣ отъ нихъ начинаешь испытывать всю тяжесть разлуки съ ними, которая съ каждымъ днемъ все сильнѣе и чаще давить и не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью.

Шесть лѣтъ такого страданія стали, наконецъ, мнѣ не подъ силу. Въ послѣдніе два года только и было у меня мысли и желанія, во что-бы то ни стало, опять ѣхать туда, гдѣ привилась мнѣ эта непонятная болѣзнь. Желаніе еще взглянуть и досыта налюбоваться милымъ сердцу, дорогимъ Іерусалимомъ, еще разъ прильнуть устами къ подножію Голго夫скаго Креста, еще и еще поклониться Живоносному Гробу Господню, облобызать кивотъ, въ которомъ покоилось пречистое тѣло Обрадованной и во успеніи насъ не оставляющей, пролить горячую молитву въ Геесиманскомъ саду къ полному Молитвеннику,—и, въ добавокъ, посѣтить тѣ святыя мѣста Востока, которыхъ я прежде не удостоился видѣть и посѣтить ихъ, какъ-то: Сихемъ, Севастію, Назаретъ, Тиверіадское море, Өаворъ, Сорокадневную гору, Хевронъ, Мамврійскій дубъ и Аѳонъ.—Это святое, задушевное желаніе мнѣ пришлось привести въ исполненіе въ настоящій разъ.

*) Какъ я и раньше объ этомъ говорилъ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ
РУССКАГО ПАСТЫРЯ
О СВЯЩЕННОМЪ ВОСТОКѢ.

*Укажи мнѣ, Господи, пути Твои, и научи мѣ
стезамъ Твоимъ. Направь меня на истину Твою,
и научи меня; ибо Ты Богъ спасенія моего; на Тебя
найдется всякій день (Пс. XXIV, ст. 4 и 5).*

бъ искреннемъ моемъ желаніи вновь посѣтить Востокъ, я неоднократно сообщалъ въ своихъ дружескихъ письмахъ глубокочтимому мною архипастырю, преосвященному Неофиту, епископу Елисаветградскому, викарію Херсонской епархіи *). Въ нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ писемъ его ко мнѣ на эту тему, онъ, между прочимъ, писалъ такъ: «А что Ваше вторичное путешествіе на Востокъ состоится ли скоро, или отлагается до поры, до времени? Не смущайтесь ни дороговизною, ни другими затрудненіями паломничества. Аще что можеша въровати, говорить Спаситель посредствомъ Евангелія, — вся возможна върующему. Слышите: вся, но кому? — Лишь върующему. Спросите себя самого: есть ли у Васъ въра живая, сердечная? Если да, — собирайтесь въ дорогу, — Господь Самъ управитъ Вашъ путь въ Іерусалимъ. Господь Самъ укрѣпитъ и Вашу душу, и Ваше тѣло. Но помните: на первыхъ шагахъ Вы должны не-

*) Нынѣ живущему на покой.

уклонно держаться словъ псаломскихъ: «потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа». И еще, съ новаго года Вы предполагаете хлопотать объ отпускѣ на Востокъ, который у васъ не выходитъ изъ ума ни на одну минуту? Въ добрый часъ! Только и въ такихъ хлопотахъ не забывайте о волѣ Божіей и предавайтесь ей, сколько можете, сердечнѣе, какъ доброе, невинное дитя отдается родительской волѣ. Объ успѣхѣ хлопотъ, имѣющихъ по пути въ Іерусалимъ привести васъ въ Одессу на личное свиданіе со мною недостойнымъ, заранѣе извѣстите меня. То будетъ хорошій день, когда мы съ вами свидимся и поговоримъ, выражаясь апостольскимъ языкомъ,—«лицемъ къ лицу». Но затѣмъ, когда я, получивъ полугодовой отпускъ въ Палестину, сообщилъ объ этомъ и вышеупомянутому святителю и просилъ его помолиться обо мнѣ первосвященническою молитвою и благословить, какъ хотящаго идти въ далекій и опасный путь, то онъ, сверхъ всякаго чаянія, отвѣтилъ такъ: «и не просите,—и не помолюсь и не благословляю». Признаться,—это до крайности меня обезкуражило, тѣмъ болѣе, что и поворота назадъ нельзя было сдѣлать: поздно! И вотъ я въ страшной тугѣ о томъ, не своевольничаю ли я въ предпріятіи мною святомъ намѣреніи—идти въ Св. Землю, повергся предъ образомъ страждущаго Спасителя, воздохнулъ и сказалъ: Господи! Если на мое паломничество есть святая Твоя воля, то да скажется она при раскрытіи священныхъ книгъ. Взявши псалтирь, я раскрылъ его, и очамъ моимъ представился XXII-й псаломъ Давида: «Господь—Пастырь мой; я ни въ чемъ не буду нуждаться. Онъ покоитъ меня на злачныхъ пажитяхъ, и водить меня къ водамъ тихимъ. Подкрѣпляетъ душу мою; направляетъ меня на стези правды, ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тѣни, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезлъ и Твой посохъ—они успокаиваютъ меня». И изъ XC (90) псалма: «Не приключится тебѣ зло, и язва не приблизится къ тѣлеси твоему. Ибо Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о тебѣ—охранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. На рукахъ понесутъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. На аспида и василиска наступишь; попрать будешь льва и дракона». А открывъ святое Евангеліе, я прочелъ изъ II-й главы Евангелиста Марка повѣствованіе его о торжественномъ входѣ Господа въ Іерусалимъ, заканчивающееся, какъ извѣстно, воскли-

цаніемъ народной усердствовавшей массы: «Благословенъ грядущій во имя Господне!»! Принявъ эти строки за голосъ самого Промысла Божія, тако возглаволавшаго ко мнѣ святыми письменами, я въ веселіи сердца сказалъ: иду, иду творити волю Твою, Боже!

I.

Изюмъ—Харьковъ—Одесса.

Долго томилось мое сердце, снѣдаемое скорбію о томъ, что продолжительный заграничный отпускъ не мыслимъ безъ увольненія меня отъ занимаемаго мѣста. И сколько я ни дѣлалъ математическихъ выкладокъ относительно времени, которымъ бы могъ располагать, чтобы достаточно ознакомиться какъ съ святынями Востока, такъ на сколько возможно удовлетворить и пылкости ума и потребности религіозныхъ чувствъ, но въ концѣ концовъ все-таки выходило въ итогѣ, что для этого необходимо не менѣе полугода. Скрѣпя сердце и возвергнувъ печаль свою о будущемъ на Бога, въ полномъ упованіи, что для всякаго ищущаго прежде царствія и правды Его все остальное, нужное для поддержанія физической жизни человѣка, Имъ приложится, я въ началѣ 1881 года подалъ прошеніе мѣстному архипастырю о разрѣшеніи мнѣ полугодового заграничнаго отпуска, съ увольненіемъ, на основаніи свода законовъ Россійской Имперіи, и отъ занимаемаго мною священническаго мѣста при Изюмскомъ соборѣ. Желаемымъ и просимымъ отпускомъ меня не задержали. Чтобы не терять дорогаго времени и, въ виду имѣющаго наступить чрезъ три недѣли Великаго Поста, въ началѣ котораго мною предположено говѣть на мѣстѣ въ Іерусалимѣ, я въ первый же воскресный день, напутствовавшись святыми таинствами Покаянія и Причащенія, послѣ литургіи, обратился къ оставляемой мною паствѣ съ слѣдующею прощальною рѣчью:

«Возлюбленные! въ послѣдній разъ я предстоялъ нынѣ предъ симъ престоломъ Божиимъ, въ семъ святомъ, древнемъ храмѣ. Въ послѣдній разъ воздѣлалъ на служеніи свои недостойныя руки къ небу и открывалъ свои уста для молитвы о всѣхъ и за вся. Въ послѣдній разъ, какъ священно-служитель, преклонялъ я здѣсь мою грѣшную главу, совершая таинственную безкровную жертву

въ той церкви, которой я, немощный душею и разслабленный тѣломъ, послужилъ по милости Божіей пятнадцать лѣтъ, и которой оставлять такъ скоро не предполагалъ, и съ которой, какъ и съ вами, мои возлюбленные, расстаюсь, поистинѣ, съ глубокою скорбію. Въ послѣдній разъ говорю вамъ мое слабое слово,—вамъ, для которыхъ служить и съ которыми бесѣдовать о Богѣ, о душѣ и о спасеніи нашемъ я старался по мѣрѣ моихъ благодатныхъ дарованій и естественныхъ силъ. Пробылъ, наконецъ, послѣдній часъ моего свиданія съ вами въ семъ дорогомъ святилищѣ; настали послѣднія минуты моей разлуки, тайна которой скрывается въ рукахъ Промысла! Жаль мнѣ васъ. О, если бы вы знали, какой тяжелый камень теперь лежитъ у меня на сердцѣ; какая скорбь наполняетъ мою душу въ эти минуты; какъ тяжело для меня это разлученіе съ вами!!...

Чѣмъ же заключить мнѣ теперь мое служеніе у васъ и мое къ вамъ послѣднее слово въ этотъ необычный день, съ обычнаго мѣста моего благовѣствованія?

Былъ и доселѣ есть похвальный и священный обычай, разлуку съ близкими сердцу сопровождать благословеніемъ. За примѣрами не ходить далеко. Такъ въ священныхъ книгахъ мы читаемъ, что патріархъ и родоначальникъ израильтянъ Іаковъ, почувствовавъ приближеніе смерти, призвалъ всѣхъ сыновей своихъ и изрекъ имъ свое благословеніе. Даже Пастыреначальникъ нашъ, Христосъ Спаситель, разставаясь видимо, тѣлеснѣ, съ избранными учениками Своими, при Своемъ вознесеніи на небо въ 40-й день послѣ воскресенія,—разстался съ ними не прежде, какъ преподавъ имъ Свое благословеніе. «И поднявъ руки Свои, — повѣствуетъ Св. Евангеліе,—благословилъ ихъ. И когда благословлялъ ихъ, сталъ отдаляться отъ нихъ и возноситься на небо. А они поклонились Ему» (Лук. 24: 50, 51 и 52). Руководясь конечно сими примѣрами, и теперь добрые пастыри напутствуютъ благословеніемъ своихъ пасомыхъ, любящіе отцы и матери—своихъ дѣтей, искренніе родные—своихъ присныхъ, когда разлучаются другъ съ другомъ на время или навѣки.

И я, недостойный пастырь вашъ, водясь симъ св. обычаемъ праотцевъ, отцевъ, братій моихъ и Самого Первопастыря нашего Іисуса Христа, оставляя сей храмъ и разлучаясь съ вами, приѣмлю дерзновение, симъ послѣднимъ моимъ словомъ, по силѣ данной мнѣ благодати

священства, преподавать всѣмъ вамъ предстоящимъ здѣ и по благословной винѣ отсутствующимъ братіямъ и чадамъ моимъ о Господѣ небесное благословеніе. Благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и человѣколюбіемъ, да пребудетъ на васъ всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ! Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона, и да узрите вы благая Іерусалима во вся дни живота вашего! Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами! Именемъ Господнимъ, именемъ Святой Троицы благословляю тебя, оставляемая мною паства: да будешь ты—скажу словами Боговидца Моисея—*благословенна въ городѣ и благословенна въ полѣ*. Да будетъ благословенъ плодъ чрева твоихъ женъ и плодъ земли твоей, и плодъ скота твоего, и плодъ твоихъ овецъ. Да будутъ благословенны житницы твои и кладовыя твои. Да будешь ты благословенна при входѣ твоёмъ и благословенна ты при выходѣ твоёмъ. Да откроетъ тебѣ Господь добрую сокровищницу Свою—небо, чтобы оно давало землѣ твоей дождь и ранній и поздній, и чтобы были счастливы всѣ дѣла рукъ твоихъ. Да сдѣлаетъ тебя Господь хвалою, а не безчестіемъ въ сонмѣ другихъ паствъ; да не будешь ты лежать внизу—въ ровѣ погибели, а станешь и утвердишься на высотѣ нравственной, на высотѣ доброй жизни, чтобы и сосѣдніе приходы, видя, что на тебѣ имя Божіе, благословеніе Господне—подражали тебѣ, уважали тебя, прославляя Благословляющаго тебя. Вотъ благословеніе, которымъ я недостойнѣйшій благословляю тебя, разставаясь съ тобою!

Что еще сказать вамъ, возлюбленные мои, при разлукѣ съ вами?

Благодарю, отъ всей души благодарю тѣхъ, которые по любви евангельской поминали меня грѣшнаго въ своихъ домашнихъ молитвахъ и въ семъ храмѣ на проскомидіяхъ и молебныхъ литіяхъ и при богомолби въ разныхъ св. обителяхъ. Благодарю, отъ всего сердца благодарю тѣхъ, которые во дни частыхъ моихъ тѣлесныхъ недуговъ не оставляли меня, сочувствовали мнѣ въ болѣзняхъ своимъ участіемъ и по возможности облегчали тяжкое бремя ихъ, возливая елей любви и вино утѣшенія, подобно евангельскому самарянину. Благодарю и тѣхъ, которые во дни духовнаго веселія моего радовались со мною, а въ день печали вмѣстѣ сътовали, и тѣхъ, которые въ моемъ трудномъ пастырскомъ служеніи помогали своимъ добрымъ совѣтомъ и ободряли меня.

Благодарность моя догробная и тѣмъ, которые за мое посильное служеніе спасенію ихъ душъ воздавали мнѣ даяніями отъ своего имущества и отъ своихъ трудовъ праведныхъ. Приношу мою пастырскую благодарность и тѣмъ изъ васъ, которые и полунощи, и заутра, и полудне, съ усердіемъ постѣпали въ сей св. храмъ, чтобы исповѣдать имя Божіе и съ услажденіемъ внимали моему благовѣствованію слова Божія и прилагали его къ своему сердцу. Равно благодарю и тѣхъ, которые тяготились продолжительностію совершаемаго мною богослуженія и скучали онымъ, а вслѣдствіе этого и роптали на меня, и—тѣхъ, которые укоряли меня за неопустительное проповѣдываніе и наставленіе на доброе. И тѣ и другіе научили меня: сосредоточенности въ молитвѣ, великодушію, терпѣнію, самоосужденію и осмотрительности. Благодарю и паки благодарю всѣхъ, и о всѣхъ и за вся, и никогда не забуду васъ и любви вашей ко мнѣ, мои возлюбленные. Не забывайте въ своихъ молитвахъ и меня грѣшнаго; а я, гдѣ бы я ни былъ, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, буду молиться о вашемъ спасеніи до гроба: ибо какъ намъ не молиться другъ за друга? Вѣдь намъ прійдется еще встрѣтиться на страшномъ и нелицепріятномъ судѣ Христовомъ, на которомъ мы должны будемъ дать строгій отчетъ: я за васъ, въ моемъ служеніи спасенію вашему,—не погубилъ ли кого-либо изъ васъ по моей оплошности, по моему нерадѣнію, а вы—въ вашемъ послушаніи св. церкви и вашему пастырю. Какъ намъ не молиться взаимно, когда въ вашемъ спасеніи заключается и мое собственное? О, молитесь же за меня грѣшнаго: да исцѣлитъ меня Господь отъ моего расслабленія тѣлеснаго и душевнаго и да не лишитъ меня Своей божественной благодати! Сей образъ страждущаго Спасителя, принесенный мною изъ Іерусалима въ даръ сему храму и вамъ, да напоминаетъ вашей любви о моемъ недостойнствѣ. Молитесь предъ Нимъ усердно за себя, молитесь охотно и съ дерзновеніемъ и за меня, окаяннѣйшаго паче всѣхъ человѣкъ. Не забывайте и мои вздохи, которые я испускалъ и мои слезы, которыя нерѣдко я проливалъ, читая страстный акаѳистъ предъ упомянутымъ ликомъ Искупителя нашего, умоляя Его, помянуть всѣхъ насъ съ благоразумнымъ разбойникомъ въ Своемъ небесномъ царствѣ.

Что наконецъ еще скажу любви вашей, чѣмъ заключу сіе послѣднее служеніе у васъ и мое не хитро сплетенное слово?

Простите меня, мои собратія по служенію; простите меня, братія и сестры о Господѣ, если я въ чемъ либо согрѣшилъ предъ вами, или сказалъ кому обидное слово, или не сдѣлалъ что по прошенію. Ибо чего, чего не могло случиться по должности моей въ теченіи пятнадцати лѣтъ? Быть можетъ когда полѣнился отслужить литургію, торопливо, невнимательно и безъ благоговѣнія совершилъ какое таинство, или разсѣянно прочиталъ церковную молитву, или небрежно исполнилъ какую потребу, съ замедленіемъ и несвоевременно. Было—можетъ быть—и то, что при множествѣ говѣющихъ, спѣшно, торопливо кого исповѣдалъ; по лѣности невразумлялъ, какъ слѣдовало, убитаго нуждою и горемъ, не обуздывалъ своевременно и со властію порочныхъ, не каралъ мечемъ слова обидчиковъ вдовъ и сиротъ, допускалъ къ Св. Причастію неискренно кающихся грѣшниковъ. Простите мнѣ, счастливыцы міра сего, которыхъ иногда я укорялъ по ревности къ славѣ Божіей и изъ желанія вамъ вѣчнаго спасенія; простите мнѣ, несчастные, на которыхъ иногда возлагалъ тяжкое бремя поста и молитвы; простите, бѣдные, нищіе—слѣпые, глухіе и хромые, сироты и вдовы, которымъ хотя и подавалъ милостыню, но—рѣдко и—малую. Простите меня, старцы, старицы и юноши, малые и большіе, жены и дѣвицы, воины и земледѣльцы, учащіе и учащіяся, начальствующие и подчиненные,—можетъ быть кому либо изъ васъ не оказалъ я должнаго вниманія, благоснисхожденія и всепрощающей пастырской любви. Простите меня вси, ради Самого Бога, и не поминайте зломъ. Прости меня, мой сладчайшій Іисусе, имени Котораго посвященъ сей храмъ, если я, по немощи своей, не всегда служилъ Тебѣ усердно, какъ подобаешь истинному пастырю, а не наемнику. Прости меня—о всепѣтая Мати, Царица Небесная: ибо я, немощный умомъ, за все время моего служенія не могъ восхвалить Тебя по достоинству. Простите меня и вы, св. угодники—покровители наши, Св. славный Пророче Іліе, Св. Пророчице Анно и Св. великомуч. Димитріе, что я многогрѣшный не вполне подражалъ вашей святой ревности по Бозѣ и вашей равноангельной жизни, и—спасите мою окаянную душу вашими молитвами и предстательствомъ вашимъ ко Господу. Простите меня и вси святіи; молитесь Бога о мнѣ грѣшномъ и благословите мое исхожденіе изъ сего дома Божія!

Заключу мое служеніе и мое слово къ вамъ, возлюбл., тою молитвою, которую я возносилъ предъ симъ

образомъ страждущаго Искупителя, въ день принесенія его изъ Іерусалима въ сей храмъ: О Іисусе мой сладчайшій! Сотвори съ нами великія и богатія Твоя милости; да отъ пречистаго Твоего образа низойдетъ и будетъ нисходитъ Твое небесное благословеніе до скончанія вѣка на градъ и на храмъ сей, на предстоящія люди сія и на всѣхъ благочестно призывающихъ имя Твое святое и благоговѣйно покланяющихся сему божественному Твоему лику,—да будутъ они всегда воспѣвать Тебя и превозносить предъ всѣми препѣтое имя Твое. Услыши, Боже, Спасителю мой, сію молитву мою, внуши моленіе мое и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь!»

Такъ-какъ выѣздъ мой въ Палестину и особенно оставленіе мною навсегда мѣста при соборѣ было для всѣхъ прихожанъ неожиданностію, то произнесенная рѣчь произвела на предстоящихъ во храмѣ сильное впечатлѣніе, разразившееся у многихъ обильными слезами, что въ свою очередь сильно взволновало и меня; я не могъ удержать натиска чувствъ, и у меня хлынули слезы... Но то были рѣдкія, сладостныя слезы, слезы умиленія, великой отрады и апостольскаго утѣшенія, что оставляемый приходъ есть паства, сердечно преданная своему пастырю, любящая его не за человекоугодничество, но за слово благовѣстія о царствіи Божіемъ, возвѣщавшемся ей въ теченіи пятнадцати лѣтъ моего пастырствованія. Но не скрою вмѣстѣ съ симъ и того, что послѣ мною овладѣла и сильная тоска, тоска о томъ, что такая дорогая паства уже не моя и чужда будетъ для меня до великаго дня суднаго.

Въ особенности эта любовь соборной приходской общины, любовь, крѣпкая аки смерть, вполне выразилась въ послѣдующіе дни моего приготовленія къ отъѣзду на Востокъ. Съ ранняго утра и до солнечнаго заката, лица разныхъ званій и состояній, пола и возраста, то и дѣло, прибывали въ мою квартиру: кто за благословеніемъ, кто за жизненнымъ совѣтомъ, кто за милостынею, а кто и съ своею жертвою на свѣчку ко гробу Господню,—всѣ же, чтобы заявить свою скорбь о вѣчной разлукѣ, оплакать меня, какъ уже мертваго для нихъ, получить что-либо на память изъ священныхъ и другихъ предметовъ и просить помолиться за нихъ у Палестинской святыни. Такой непредвидѣнный, и, если можно такъ выразиться, трагически-умильтельный приливъ симпатій соборянъ произвелъ потрясеніе въ моемъ слабомъ организмѣ, вызвалъ лихорадочный пароксизмъ

и я, слабѣя тѣломъ, началъ, было, падать и духомъ, и задался даже мыслію: не остановиться ли мнѣ своимъ паломничествомъ, не отложить ли его на нѣсколько лѣтъ впередъ, чтобы еще и еще послужить дѣлу спасенія любезной и признательной Изюмской паствы? Но, помня слово псалмопѣвца, что и самый крѣпкій здоровьемъ человѣкъ есть ничто иное, какъ трава, какъ полевой цвѣтокъ,—пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его,—а тѣмъ болѣе я, такой немощный, прямо подобенъ дохнувшему и мгновенно пробѣжавшему вѣтру, почему и молилъ Господа укрѣпить меня въ моемъ намѣреніи, чтобы неотложно, пока хоть кое-какъ текутъ дни жизни моей, идти въ Іерусалимъ, и еще узрѣть ненаглядное лице его,—молился у Распятія Искупителя такъ: приклони, Господи, ухо Твое, услышь мою молитву, внимли моленію моему по истинѣ Твоей, услышь меня по правдѣ Твоей. Скоро услышь меня, Господи; ибо я бѣденъ и нищъ, ибо изнемогаетъ духъ мой. Даруй мнѣ рано услышать милость Твою, ибо я на Тебя уповаю. Укажи мнѣ, Господи, путь, по которому мнѣ идти, возвесели душу раба Твоего. Въ день смятенія моего взываю къ Тебѣ: научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты—Богъ мой, Духъ Твой благій да ведетъ меня въ землю правды. Ради имени Твоего, Господи, призри на меня, помилуй меня, даруй крѣпость рабу Твоему, ради правды Твоей выведи изъ тьмы унынія душу мою, да прославлю имя Твое святое въ великомъ Твоемъ градѣ, гдѣ устроено наше спасеніе. И когда за симъ сталъ я прикладываться къ стоявшему на угольникѣ Распятію, съ воздѣтымъ на немъ терновымъ вѣнцемъ, вывезеннымъ мною изъ Святой Земли отъ Гроба Господня, въ бытность мою тамъ въ первый разъ, то этотъ вѣнецъ палъ на мою голову и самъ собою вдѣлся на нее. Бывшіе тутъ со мною, видя это, смутились, помышляя въ сердцахъ своихъ, что путь, въ который я собираюсь, будетъ для меня путемъ тернистымъ, колючимъ, скорбнымъ, но я принялъ это за знаменіе благое; что Господь, образно висящій на крестѣ, благословляетъ меня въ путь Своимъ вѣнцемъ, вѣнчаетъ меня въ лицѣ его Своею милостію и щедротами, указываетъ мнѣ, что путь мой къ св. мѣстамъ, хотя будетъ не безъ невзгодъ, тернистый, но чтобы я проходилъ его съ терпѣніемъ, поучаясь ему у Него, невинно страдавшаго и на пречистой главѣ Своей терпѣливо, безъ стenanія, въ продолженіи нѣсколь-

кихъ часовъ, носившаго терновый вѣнецъ, которымъ вѣнчалъ Его беззаконный народъ Еврейскій. Утѣшенный и подкрѣпленный такимъ образомъ и неожиданно выше, я, осѣнивши себя и присныхъ моихъ крестнымъ знаменіемъ, съ сердечнымъ волненіемъ произнесъ: нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей, свѣтъ во откровеніе языковъ и славу людей Твоихъ Израиля. И напутствованный всякими благожеланіями любящихъ сердце, я пустился въ дальній и трудный путь. — Это было 21 января, въ 3 часа по-полудни.

Снѣгъ лежалъ глубокій, и было холодно. Въ Харьковѣ необходимо было остановиться для полученія изъ канцеляріи губернатора свидѣтельства, для взятія по нему въ свою очередь заграничнаго паспорта въ Одессѣ. Туда я уѣхалъ вечеромъ 22 января.

Всю ночь въ вагонахъ никто не смыкалъ глазъ, вслѣдствіе паники, наведенной ворами;—мы не видали ни Полтавы, ни Кременчуга, и за весь день едва дотащились до Елисаветграда, гдѣ къ великой досадѣ и скукѣ и боязни за цѣлость ручнаго багажа, (такъ-какъ здѣсь замаскированные жулики то и дѣло, что сновали взадъ и впередъ,) просидѣли въ холодномъ и грязномъ вокзалѣ четыре часа. И потомъ съ новымъ поѣздомъ двинулись на Одессу, при страшномъ приливѣ новыхъ пассажировъ. Сюда прибыли въ 9 часовъ утра, и, благодаря любезности Аeonскихъ монаховъ, встрѣтившихъ насъ на вокзалѣ, по ихъ радушному приглашенію, пріютились на покой въ Свято-Андреевскомъ подворьѣ, съ большимъ удобствомъ.

Въ Одессѣ опять начались хлопоты по предъявленію стараго и полученію новаго паспортовъ. Поставили намъ въ необходимость сдѣлать визиты нѣсколькимъ отдѣленіямъ тамошняго казначейства, канцеляріямъ — полиціймейстера, градоначальника, турецкаго консула и участковаго пристава, на что потребовалось нѣсколько дней. Чтобы не терять понапрасну дорогаго времени, я, въ свободное отъ указанныхъ визитовъ время, сѣвъ въ желѣзно-конный вагонъ, раскатывалъ по Одессѣ въ разныхъ направленіяхъ, изучая ея фیزیономію; иной же день преимущественно посвящаемъ былъ обхожденію церковей. Такъ, въ первый день я былъ на всенощной въ Архангельскомъ женскомъ монастырѣ, единственная церковъ котораго есть вмѣстѣ и приходская; она же прі-

урочена и для воспитанницъ Херсонскаго женскаго епархіальнаго духовнаго училища, прекрасное зданіе котораго высится тутъ же на монастырской усадьбѣ. Всѣхъ монахинь не свыше 30-ти. Болѣе всего мнѣ понравилось осмысленное, отчетливое и звонкое церковное чтеніе клирошанокъ. Будь такое и въ каждой нашей приходской церкви, — надѣюсь, — прихожане съ любовію посѣщали-бы даже и самыя великопостныя службы. Бросилось съ непривычки въ глаза и то, что священникъ, совершавшій всенощную, не имѣя еще наперснаго креста, имѣлъ уже орденъ св. Анны 3-й степени.

На другой день, по пріѣздѣ своемъ въ Одессу; я былъ на обѣднѣ въ кафедральномъ Преображенскомъ соборѣ. Онъ великолѣпенъ и довольно обширенъ. Много въ немъ напоминаетъ инициатора постройки онаго; покойнаго преосвященнѣйшаго Иннокентія, прахъ котораго покоится здѣсь-же у алтарной рѣшетки праваго придѣла; противъ чудотворной иконы Касперовской Божіей матери. У лѣваго-же придѣла—возвышается гробница преосвященнаго Іоаннікія. Тутъ-же подъ сводами храма, за раззолоченными вычурными рѣшетками, подъ дорогими мраморными плитами сокрыты останки князей Воронцовыхъ. Признаюсь, воспоминаніе о ранней, по видимому, кончинѣ русскаго Златоуста и бывшаго Харьковскаго архипастыря, лично мнѣ извѣстнаго, навѣяло на меня много самыхъ грустныхъ и тяжкихъ думъ. Почему-бы, казалось, смерти не пощадить до поздней жизненной поры такого генія, который силою своего слова укрощалъ людскія страсти и самыхъ строптивыхъ людей, обаяніе проповѣди котораго влекло въ храмъ и такихъ обезумѣвшихъ умниковъ, которые въ сердцахъ своихъ давно уже твердили одно: «нѣсть Бога!» При этомъ такъ живо, какъ бы наяву, предносился предо мною наружный обликъ покойнаго: небольшой ростъ, короткая шея, выразительные, умные глаза, пронизательный взглядъ, окладистая борода, косная поступь и своеобразное произношеніе... Вотъ онъ, точно живой, опершись на свой жезлъ, говоритъ чудную проповѣдь въ Недѣлю Православія, и слышится его вопросъ: «Скажи намъ, всевластная повелительница—мода, что сдѣлали тебѣ св. иконы, что ты такъ враждуешь противъ нихъ?» и пр. Или, представляю я себѣ, какъ онъ, бывало, сидитъ на экзаменѣ и привѣтливо вызываетъ по списку учениковъ... Или, разставаясь съ нами, твердитъ наставникамъ: «не оби-

жайте дѣтей, особенно—сиротокъ, обращайтесь на нихъ побольше вниманія, а на праздникъ пришлите ихъ ко мнѣ, я имъ дамъ на орѣхи»... Святитель Божій, мы помнимъ твою о насъ «малыхъ» отеческую заботу и не забудемъ ее никогда!

По окончаніи обѣдни, я отправился къ епископу Неофиту. И вотъ, на самомъ дѣлѣ, сбылось то, о чемъ онъ писалъ ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ и о чемъ я уже раньше упоминалъ: «То будетъ хорошій день, когда мы съ вами свидимся въ Одессѣ и поговоримъ—выражаясь апостольскимъ языкомъ—«лицемъ къ лицу». Дѣйствительно, владыка принялъ меня, какъ роднаго, самъ варилъ кофе и, какъ Авраамъ, хлопоталъ о хлѣбѣ, маслѣ и о молокѣ, чтобы посытитъ и напитать и лучше приютить меня, недостойнаго странника, ничѣмъ не заслужившаго такого вниманія. Въ пріятной бесѣдѣ время шло незамѣтно. Мы просидѣли съ утра до 2-хъ ч. по полудни; потомъ съ 5 ч. вечера по полудни бесѣдовали и читали журналы.

На другой день, по окончаніи литургіи въ домовой архіерейской церкви, я отправился въ квартиру Одесскаго архіепископа Платона. Онъ не замедлилъ принять меня, да еще какъ принять! Какъ принимаетъ нашъ братъ—священникъ своего-же собрата—іерея, дорогаго сосѣда, съ которымъ давно не видѣлся и не бесѣдовалъ. Да, онъ, именитый нашъ Русскій іерархъ, глубокій, маститый старецъ, исполненный великой мудрости и опыта, не возгордился предъ невѣдомымъ странникомъ; онъ взялъ меня подъ руку, повелъ въ гостинную, и, усадивъ въ креслахъ возлѣ себя, отечески бесѣдовалъ со мной, при чемъ предлагалъ, между прочимъ, быть его намѣстникомъ въ Херсонскомъ Бизюковскомъ монастырѣ. Такъ-какъ это предложеніе для меня было неожиданностію въ моей преполовившейся жизни, и я къ принятію когда-либо подобнаго предложенія не былъ предрасположенъ, а слѣдовательно и подготовленъ ни мыслями, ни намѣреніями, а тѣмъ паче всею пройденною жизненною порой, то не обинуясь отвѣтилъ на это такъ: «искренняго призванія къ воспріятію ангельскаго образа я до сихъ поръ не ощущалъ въ сердцѣ своемъ, а по приглашенію быть истиннымъ монахомъ не умѣю; простите меня за это, святой владыко». Прощаясь и приглашая меня къ себѣ на обѣдъ, вмѣстѣ съ бывшимъ здѣсь Болгарскимъ архимандритомъ, онъ ошибкой назвалъ меня о. Аеанасіемъ.

«Вѣроятно, вамъ быть когда-нибудь Аеанасіемъ», замѣтилъ онъ.

Предъ вечеромъ того-же дня я отправился съ пр. Неофитомъ въ открытыя простыя русскія сани въ управляемый имъ Успенскій монастырь, (онъ-же и загородная дача Одесскихъ архіереевъ,) отстоящій отъ города въ 12-ти верстахъ. Обитель стоитъ надъ моремъ, имѣетъ двѣ небогатыя каменные церкви; братства 32 души, изъ коихъ 12 іеромонаховъ и 7 діаконовъ; остальные—послушники, которые лѣтомъ въ большинствѣ оставляютъ пригрѣвшій ихъ пріютъ и отправляются на заработки. Выдающихся особенностей или рѣдкостей въ обители нѣтъ. Выслушавъ вечерню, я отправился на высокую башню Одесскаго Черноморскаго маяка, устроеннаго на монастырской усадьбѣ, громадная хрустальная вершина котораго въ формѣ колпака освѣщается электрическимъ свѣтомъ, сила котораго равняется свѣту отъ семи тысячъ свѣчей. Вслѣдствіе этого огонь маячный видѣнъ бываетъ съ моря плывущимъ за 40 и болѣе верстъ. Содержаніе маяка со служащими обходится нашему правительству въ годъ до шести тысячъ рублей. Сюда-же проведенъ и телеграфъ.

Такъ-какъ преосвящ. Неофитъ намѣревался служить и меня пригласилъ быть сослужащимъ, то мы, прочитавъ положенные правиломъ церковные каноны и немного уснувъ, въ 3 часа ночи отправились къ заутренѣ, послѣ которой соборно читался акаѣистъ Успенію Пресвятой Богородицы. Затѣмъ въ 8½ часовъ началась архіерейская обѣдня, за которой мнѣ, неопытному, пришлось первенствовать, и потому обошлось не безъ промаховъ и ошибокъ. Послѣ обѣдни всѣ служащіе пили чай у владыки. По сигналу трапезнаго колокольчика, всѣ мы отправились на общій обѣдъ въ монастырскую столовую. Обѣдъ состоялъ изъ простыхъ постныхъ щей и каши. Къ вечеру мы возвратились въ Одессу.

На праздникъ Трехъ Святителей, 29 января, я ходилъ ко всенощной и потомъ на раннюю обѣдню въ Успенскую церковь. Пѣніе здѣсь вообще стройное, но въ особенности мнѣ понравилась Херувимская пѣснь, на мотивъ «Благообразный Іосифъ». Была и проповѣдь, довольно дѣльная, хотя для простаго народа, стоявшаго массаами, нужно бы попроще. Не утерпѣлъ я, идя домой мимо греческой церкви, чтобы не зайти и въ нее. Здѣсь совершалъ позднюю обѣдню Эллинскій архиман-

дрить съ двумя священниками; пѣвчіе пѣли безукоризненно хорошо, лучше епархіальныхъ, по партитурѣ Бортнянскаго, переложенной на греческій языкъ. Это великая рѣдкость въ эллинскомъ мірѣ, пропитанномъ сильною антипатіею ко всему русскому. Наконецъ, настало время выѣзда за границу. Собираясь 31 января выѣзжать изъ Одессы въ дальнѣйшій путь, я поднялся съ постели довольно рано, читалъ въ молельной Андреевскаго подворья акаѣистъ иконѣ Богоматери «Утоли моя печали» и служилъ напутственный молебенъ всѣмъ Іерусалимскимъ богомольцамъ, отправлявшимся со мною въ путь. Потомъ, зайдя въ соборъ, я молился предъ чудотворнымъ образомъ Касперовской Божіей Матери, чтобы Она Всеблагая удивила и на мнѣ грѣшникѣ Свои великія и богатая милости, не оставила Своимъ ходатайствомъ и помощію, управила бы мой путь во благо. Обѣдню совершалъ пр. Неофитъ, по окончаніи которой я простился съ нимъ. При этомъ онъ благословилъ меня просфорою и просилъ писать съ дороги. Прощаніе мое съ арх. Платономъ было прощаніе сына съ отцомъ... Владыка подарилъ мнѣ на память двѣ книги своихъ духовныхъ твореній. Никогда не забыть мнѣ этихъ блаженныхъ и поучительно-трогательныхъ минутъ.

Такъ-какъ архіерейскій домъ стоитъ невдалекѣ отъ моря, то я отсюда прямо пошелъ въ контору пароходства, гдѣ берутся пассажирскіе билеты на Константинополь и узналъ, что самый лучшій и новѣйшій пароходъ «Россія», на которомъ я думалъ ѣхать, пойдетъ не тѣмъ круговымъ рейсомъ, которымъ обыкновенно слѣдуютъ богомольцы въ Іерусалимъ, а прямымъ—мимо Смирны и прямо въ Египетъ, почему я отложилъ поѣздку до того дня, въ который отойдетъ пароходъ, держащій курсъ на Яффу. «Нахимовъ-Одесса» и былъ тотъ морской экипажъ, на которомъ мнѣ предстояло чрезъ три дня нелегкое плаваніе на дальній Востокъ. Я узналъ, что классныя цѣны на мѣста въ каютахъ противъ прежняго почти удвоились, чему виной плохой заграничный курсъ на наши бумажныя деньги и дороговизна жизненныхъ припасовъ. Хотя и скучновато было, какъ говорится, ждать у моря погоды, а нужно было ждать три дня, но я провелъ это время съ пользою для души. Но вотъ пора собираться въ путь, ибо для срочныхъ рейсовъ день и часъ отхода пароходовъ неизмѣнимы и обязательны. Настало 3-е февраля; я пораньше

всталъ, отслужилъ съ помощію монаховъ подворья заутреню, за которой прочелъ акаѣистъ Иверской Божіей Матери и, простившись съ ними, уѣхалъ на поименованный выше пароходъ. Заплативъ за билетъ 2-го класса 97 руб. 95 к., я занялъ въ каютѣ указанное мнѣ весьма уютное мѣсто, въ которомъ особенно я нуждался при лихорадкѣ, напавшей, было, на меня.

II.

Одесса—Смирна *).

Долго еще на пароходѣ раздавался шумъ отъ желѣзныхъ цѣпей паровой машины, поднимавшей изъ подъѣхавшей съ грузомъ баржи и взваливавшей моментально стопудовыя тяжести; по временамъ слышалось ржаніе лошадей, блеяніе овецъ и крикъ воловъ, отправляемыхъ обитателямъ Стамбула; то доносился до уха крикъ и гамъ палубныхъ пассажировъ, ссорившихся за мѣста. При этомъ обратилъ на себя общее вниманіе еврей, опрометью вбѣжавшій на палубу и прилегшій за грудами пассажирскаго багажа. За нимъ чрезъ нѣсколько минутъ появился городской извозчикъ, заявившій жандарму, что онъ возилъ одного еврея, побѣжавшаго сюда, по городу цѣлыхъ три часа и не получилъ съ него ни копѣйки... и вотъ нашли его... Минами показывалъ онъ, что не знаетъ по русски, а потому и не понимаетъ, что ему говорятъ. Отыскали переводчика, и пароходнымъ судомъ постановлено: немедленно уплатить подлежащую сумму требователю, и удовлетвореніе послѣдовало. Кстати замѣчу, что этотъ еврей былъ мнѣ спутникомъ до самаго Іерусалима,—ѣхалъ такъ же, какъ и я, поклониться ветхозавѣтнымъ святынямъ обѣтованной земли и праздновать тамъ пасху въ знаменитой «все-свѣтной» синагогѣ древней столицы тьмочисленныхъ чадъ Авраама. Встрѣтившись потомъ со мною на узкихъ улицахъ града Божія въ праздничномъ костюмѣ, онъ привѣтливо раскланялся со мною и приглашалъ меня, какъ знакомаго и земляка, пожаловать въ ихнюю синагогу посмотреть, какъ евреи будутъ поутру праздновать свою пасху.

*) Всѣ рубрики обозначены именами только тѣхъ городовъ, въ которыхъ я высаживался на берегъ и лично имѣлъ въ нихъ пребываніе.

Наконецъ, въ 4 часа вечера зазвенѣлъ пароходный звонокъ—сигналъ къ отплытію. Всѣ пассажиры вышли изъ каютъ на палубу, чтобы взглянуть, и можетъ быть, въ послѣдній разъ, на св. Русь, полюбоваться на родныя избы, поглядѣть на храмы Божіи. Я же, устремивъ пристально взоръ въ Преображенскій соборъ, молитвенно взывалъ къ чудотворному Касперовскому образу Божіей Матери: «Пресвятая Богородице, помогай намъ». Раздались свистки, заколыхалась ледяная кора, покрывшая море сплошною массою версты на пять, разбиваемая впереди особою дробильною машиною, и мы, при страшномъ холодѣ и порывистомъ вѣтрѣ, двинулись со страхомъ и трепетомъ въ открытое море.

Сорокачасовое плаваніе наше по Черному морю къ столицѣ исламизма,—Стамбулу, было прескучное. Свинцовое небо съ морсящимъ снѣгомъ не давало солнцу ни малѣйшей возможности пробиться на палубу и хотя однимъ лучемъ повеселить насъ. Крайне непривѣтливая морская даль во всѣ стороны невольно пробуждала скорбныя мысли о суетѣ всего земнаго. Холодъ, безцеремонно врывавшійся съ палубы даже въ закрытыя каюты, несмотря на защиту постоянно топившагося камина, насильно укладывалъ въ постель, чтобы на ней сколько-нибудь отогрѣть застывающіе члены. Но вотъ слышится сильный толчекъ въ ребра корабля съ той стороны, гдѣ была моя каюта съ койкой; корабль сильно накренивается на бокъ. Думая, что настали послѣднія минуты, я схватилъ горѣвшую свѣчу въ привинченномъ под-свѣчникѣ, выбѣжалъ въ залъ, снялъ стоявшую тамъ на столѣ громадную чернильницу, спасая ее отъ крушенія, и направился, было, къ дверямъ, выходящимъ на палубу, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и все ли благополучно, какъ опять толчекъ за толчкомъ... и я весь облился чернилами, еще толчекъ сильнѣй прочихъ, и я моментально какъ снопъ брошенъ подъ столъ. Едва опомнившись, я уже добрался до своего мѣста ползкомъ. На слѣдующій день пошелъ я въ буфетъ, чтобы подкрѣпить пищею упавшія силы чѣмъ нибудь горячимъ, какъ опять сверхъ ожиданія покачнуло пароходъ; я приутихъ, нахмурился, а привычные и бодрые капитаны-моряки начали посмѣиваться надо мною.

Послѣ передраги въ первый день, я почти не спалъ въ слѣдующую ночь. При входѣ въ Константинопольскій проливъ начало свѣтать, и съ 7¹/₂ часовъ утра мы уже мчались на всѣхъ порахъ вдоль этого пролива, на-

слаждаясь прекрасными видами предмѣстій Цареграда. Вотъ на правомъ берегу показались виллы посольствъ: Русскаго, Англійскаго, Италіанскаго, съ фантастическими отдѣлками и роскошными садами; вотъ завиднѣлись и причудливые дворцы турецкихъ султановъ, тянущіеся по набережной на цѣлую версту, съ волшебными воздушными кіосками и неприступными гаремами, огражденные съ моря высокими чугунными рѣшетками, а съ суши восьмисаженными въ вышину каменными глухими стѣнами; вотъ, наконецъ, закрасовалась Св. Софія.— При видѣ ея, всѣ поклонники сняли шапки и набожно крестились, приговаривая: «да когда жъ то она, сердешная, будетъ наша, съ крестами и Русскими колоколами»; а въ упоръ почти намъ стала и европейская Галата съ своею многовѣковою башнею, высящеюся до небесъ, бывшая невольною зрительницею въ разное время кровавыхъ приключеній и въ раззолоченныхъ палатахъ Калифовъ, и на грязныхъ стогнахъ Стамбула и на тихихъ водахъ Босфора... А на всесвѣтномъ рейдѣ—кораблей и парусныхъ, и паровыхъ, и военныхъ броненосцевъ... видимо-невидимо, а суднамъ и счета нѣтъ! Кажется, они собрались сюда съ полвселенной, чтобы пощеголять искусствомъ своихъ инженеровъ. Турки въ красныхъ фескахъ, точно рой пчелъ или мухъ, снуютъ вдоль и поперекъ залива Золотого Рога на своихъ красивыхъ быстроходныхъ колесныхъ пароходахъ, перевозя въ разные концы тысячи пассажировъ пятидесятиверстнаго Цареграда.

Я предпочелъ въ продолженіе двухсуточной стоянки нашего парохода, для выгрузки и нагрузки товаровъ и посадки новыхъ путешественниковъ, оставаться въ своей каютѣ, хотя монахи Аеонскихъ подворьевъ и приглашали высадиться къ нимъ на берегъ. Въ ночь подъ пятницу всѣ мечети съ ихъ стройными минаретами ярко и изящно были иллюминированы разноцвѣтными огнями.

Седмихолменный Стамбулъ въ такомъ ночномъ нарядѣ казался съ палубы корабля поистинѣ чуднымъ, волшебнымъ, сказочнымъ! На слѣдующій же день, т. е. въ пятницу—день священный для исламитовъ, казенныя зданія и многіе частные дома усердныхъ поклонниковъ Магомета разукрасились въ честь его красивыми флагами.

Въ день отплытія нашего, на пароходъ прибыло весьма много пассажировъ, особенно турецкихъ рекрутъ

разныхъ племенъ и нарѣчій, оборванныхъ, на половину больныхъ и голодныхъ. Эта шайка разбойниковъ въ 200 душъ, безъ церемоніи, нахально нахлынувъ въ трюмъ, гдѣ были размѣщены весьма удобно русскіе богомольцы еще съ Одессы, едва не подавила ихъ своею массою; поднялись крики и толкотня неописуемые, въ нѣкоторыхъ же углахъ произошла и потасовка изъ-за удобства мѣстъ для людей и для ихъ «калабалыка», т. е. багажа. Но въ моемъ второклассномъ отдѣленіи царила тишина, ибо въappaртаментaxъ онаго прибавилось только два грека, одинъ сербъ, французенка и гречанка съ дитемъ. Въ 5 часовъ вечера нашъ пароходъ отправился въ дальній путь къ Дарданеламъ, при довольно свѣжемъ вѣтрѣ; скоро насъ пригласили за общій столъ обѣдать, (столъ, какъ извѣстно, для перво-и-второклассныхъ пассажировъ обязательнъ). Въ чемъ-же заключается морской обѣдъ, спросить изъ любопытства обитатель и путникъ суши, не бывшій никогда и вблизи моря? Въ родѣ прелюдіи къ обѣду, подается пьющимъ по рюмкѣ водки, а для всѣхъ—кусокъ голандскаго сыра, нѣсколько ломтиковъ колбасы или икры, нѣсколько паръ килекъ. Самый же обѣдъ въ настоящій разъ состоялъ изъ говяжьего холоднаго, супа, жареной индѣйки, пирожнаго. Десертъ состоялъ изъ апельсинъ и фигъ, и при этомъ вдоволь было подано вина бѣлаго и краснаго. Послѣ обѣда подали кофе. На завтракъ, который обыкновенно бываетъ въ 11½ часовъ, подаютъ сначала рѣдису, масло, сыръ, колбасу, маслины, затѣмъ рыбное или мясное холодное и жаркое, десертъ—яблоки, орѣхи, финики или винныя ягоды и въ заключеніе—кофе. Обѣды и завтраки, смотря по времени года и обстоятельствамъ, разнообразятся.

Выѣзжая изъ Константинополя, я задался мыслію хорошенько разсмотрѣть историческое Санъ-Стефано и Калиполи, но наступившая ночная темнота сокрыла ихъ отъ меня. Въ 8½ час. утра слѣдующаго дня мы подъѣхали къ Дарданельскому проливу, въ началѣ котораго стоитъ турецкій городъ *Чинаколь* или *Чинаклизъ*. Противъ прежняго времени, т. е. 1875 г., здѣсь возведены, въ послѣднюю Русско-Турецкую компанію, новыя, сильныя укрѣпленія, и сооружены новыя крѣпостныя постройки, довольно массивныя и красивыя. Небо было сѣрое, холодно и вѣтренно; но это, однакожъ, не помѣшало перевозить упомянутыхъ выше рекрутъ въ городъ, для пополненія крѣпостнаго Дарданельскаго гарнизона;

поклонники же наши и поклонницы, избавившись отъ нихъ, на радостяхъ, и крестились и молились... Намѣстѣ теперешняго Чинакиса въ древности стоялъ знаменитый и славный городъ Троя, воспѣтый Гомеромъ въ его чудной Илиадѣ; а съ разрушеніемъ его въ первыя вѣка христіанства, основался на развалинахъ городъ Кизикъ, извѣстный въ церковно-патрологическомъ мірѣ тѣмъ, что въ немъ въ 3-мъ вѣкѣ пострадали за вѣру Христову 9 мучениковъ, славныя имена которыхъ Церковь сохранила и до нашихъ дней, подъ 29-мъ числомъ мѣсяца Апрѣля; имена ихъ слѣдующія: Георгій, Руеъ, Антипатръ, Геостихъ, Артемъ, Магнъ, Геодотъ, Евмасій и Филимонъ. Я выписать эти имена не безъ цѣли, ибо по преданію, распространенному на Востокѣ, этимъ мученикамъ присуща особая Божья благодать врачевать лихорадки. И наши Русскіе старцы-подвижники, опытные въ духовной жизни, совѣтуютъ прибѣгать съ молитвою къ нимъ о помощи въ названной болѣзни, и молитва вѣры и упованія многихъ, какъ и мнѣ лично извѣстно, не оставалась тщетною. Въ Чинаколѣ находятся конторы почти всѣхъ пароходныхъ обществъ, и богомольцы, желающіе отсюда слѣдовать на Аѳонъ, могутъ здѣсь брать билеты и пересаживаться на корабли, идущіе прямо къ этой Святой Горѣ, что, впрочемъ, гораздо удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ дѣлать въ Константинополѣ. Простоявъ съ часъ, безъ погруженія якоря, нашъ водяной экипажъ потянулся далѣе. Со входомъ въ Архипелагъ, подулъ сильный вѣтеръ, заколыхалось море, застонали волны; а я, скрѣпя сердце, долго лежалъ на койкѣ, для успокоенія себя; наконецъ стало не подъ силу. Для освѣженія я вышелъ на палубу, но ее то и дѣло, что обдавало волнами, а поклонники отъ страха спустившись въ трюмъ, читали акаѳистъ Покрову Богоматери, стройно припѣвая: «радуйся» и «аллилуія». Жиды же, турки и татары, привычныя къ капризамъ стихій, были равнодушны: кто смотрѣлъ на молящуюся и поющую «Московъ», кто свисталъ, а кто курилъ и игралъ на любимомъ инструментѣ.

Смирна—Бейрутъ.

9 февраля въ 7^{1/2} часовъ показалась съ палубы очаровательная Смирна. Я назвалъ ее очаровательною по мѣстоположенію, по нагорнымъ кипариснымъ рощамъ, и потому, что она издали не похожа на азіатскій городъ, а выглядываетъ настоящей чистоплотной и цивилизованной европейкой, по красотѣ зданій, хотя она внутри не вся такова. Если что мнѣ въ ней особенно понравилось, такъ это ея глубокая, тихая и уютная пристань, съ прекрасной гранитной широкой набережной, къ которой пристають пароходы почти вплотную, чѣмъ не можетъ похвалиться ни Константинополь, ни Александрия, ни Хіосъ, ни Бейрутъ, ни Яффа;—словомъ, ни одна морская станція отъ Одессы, (гдѣ тоже пароходы пристають къ самой сушѣ, хотя и искусственнымъ образомъ), до самой выгрузки на почву Палестины. Смирнской пристани придають еще болѣе важности двѣ проходящія по ней линіи дорогъ желѣзно-паровой и желѣзнодорожной, съ многочисленными кофейнями и массою гуляющей разноплеменной публики, въ большинствѣ разодѣтой по послѣдней европейской модѣ. Сосѣдями намъ по морской стоянкѣ оказались одинъ англійскій пароходъ и Русскій землякъ—Корниловъ. Но надосугъ разсмотримъ попристальнѣе самую Смирну, насколько это возможно, въ нынѣшнемъ ея видѣ. Смирна—важнѣйшій портъ Малой Азіи и образчикъ современной азіатчины. Она имѣетъ 150.000 жителей, изъ коихъ около 40,000 мусульманъ,—лежитъ на восточномъ берегу прекраснаго залива; надъ ней возвышается старыи Генуэзскій замокъ. Городъ раздѣляется на два квартала—нижній франкскій и верхній турецкій; послѣдній поднимается около крутой и голой горы Палосъ къ названному выше замку. Собственно портъ и набережная принадлежатъ къ франкскому кварталу, главную часть котораго составляетъ длинная, узкая и кривая улица, темная и грязная, неправильно застроенная двухъ и трехъ-этажными домами. Отъ этой главной улицы идетъ множество боковыхъ, большею частію новыхъ и вслѣдствіе этого болѣе широкихъ, прямыхъ, чистыхъ улицъ, съ лучше построенными домами, внутренность которыхъ удобна, а иногда и изящна. Франкскій кварталъ—самая богатая и дѣловая часть города; здѣсь живутъ

греки, евреи, французы и итальянцы, вообще западные народы, и находятся ихъ конторы и магазины. Дальше отъ берега и выше находится базаръ, съ лавками въ тѣсныхъ улицахъ, гдѣ въ дѣловое время дня трудно пробраться между толпами покупателей, между навьюченныхъ верблюдовъ, лошадей, ословъ и носильщиковъ, и гдѣ находится центральный пунктъ торговли европейскихъ купцовъ съ азіатскими. Къ базару примыкаетъ турецкій кварталъ, гдѣ, впрочемъ, также живутъ греки и евреи, и гдѣ все бѣдно, грязно и некрасиво. Улицы здѣсь такъ узки, что если гдѣ встрѣтишь верблюда съ сѣдокомъ или ношей, то надо плотно прижиматься къ стѣнѣ, чтобы не быть раздавленнымъ. Здѣсь встрѣчаются также туземцы въ своихъ истинно восточныхъ костюмахъ. Отличительную черту фیزیоміи города составляютъ горцы, т. наз. *Узбеки*, которые въ своей живописной одеждѣ и вооруженные съ ногъ до головы гордо расхаживаютъ по улицамъ города. Узбеки — дикій, фанатическій народъ; изъ нихъ набираются разбойничьи шайки, дѣлающія дороги Малой Азіи опасными, и отчасти изъ хитрыхъ грековъ, составляющихъ подонки городской черни. Другая характеристическая черта города — это полудикія собаки, которыя тысячами рыскаютъ по городу и пожираютъ брошенные на улицахъ остатки пищи; мусульмане отличаются такою терпимостію въ отношеніи этихъ животныхъ, что ихъ дракамъ и воровству рѣдко оказываютъ сопротивленіе. Отъ развалинъ древней Смирны, бывшей такимъ значительнымъ городомъ, нигдѣ не видно и слѣда, развѣ лишь кое-гдѣ вдѣланные въ стѣны домовъ обломки колоннъ, статуй, карнизовъ, капителей и пр. Такъ какъ въ Смирнѣ до 7 греческихъ православныхъ церквей, изъ коихъ самая замѣчательная посвящена имени св. Фотиніи, той самой женѣ Самарянской, съ которой Спаситель міра бесѣдовалъ у Сихемскаго Іаковлева колодезя и которой, по вѣрованію Восточныхъ Христіанъ, тоже дарована благодать исцѣленія преимущественно лихорадочныхъ болѣзней, то нѣкоторые изъ поклонниковъ и поклонницъ высадились на берегъ, чтобы помолиться въ Смирнскихъ святилищахъ, походить по городу, познакомиться съ нимъ, записаться въдобавокъ провизіей и въ особенности смирной, лучше и дешевле которой будто бы нигдѣ не найдешь, кромѣ базаровъ Смирны. Но лавочники, зассорившись между собою изъ-за выгодныхъ покупателей-

Московитовъ, накиннулись и на ихъ вожака — араба и избили его до полусмерти. Это навело такую панику на нашихъ земляковъ, что они блѣдные, какъ смерть, съ крикомъ убѣжали къ намъ на пароходъ, чтобы не подвергнуться такой же непріятности отъ запальчивыхъ азіатскихъ комерсантовъ. Пароходъ нашъ здѣсь простоялъ цѣлые сутки. Каково жъ было мое удивленіе, когда, проѣхавъ до 1500 в. моремъ и все болѣе и болѣе близясь къ востоку, я дрожалъ на палубѣ отъ холода, даже въ ваточномъ подрясникѣ! Настало утро, пробило 7 часовъ, завертѣлся паровой валъ съ якорною цѣпью, — якорь вытасченъ, засвистали свистки, запыхтѣли пары и нашъ старикъ «Нахимовъ», крехтя двинулся въ дальнѣйшій путь-дороженьку, по направленію къ Хіосу. Я въ это время вышелъ на верхнюю палубную площадку парохода, чтобы еще разъ окинуть взоромъ эту мало-азіатскую красавицу и, устремивъ свой взоръ на ту гору, на плинѣ которой сожжено было тѣло священномученика Поликарпа, епископа Смирнскаго, и гдѣ совершались въ первые вѣка Христіанства почти каждодневно мученія и казни сонма Христіанъ, и гдѣ слѣдовательно почти каждая пядь этой нагорной высоты обогрета и увлажена кровію св. мучениковъ, въ глубинѣ сердца своего воспѣлъ: «И нравомъ причастникъ, и престоломъ намѣстникъ Апостоломъ бывъ, дѣяніе обрѣлъ еси, богодухновенне, въ видѣнія восходъ; сего ради слово истины исправляя, и вѣры ради пострадалъ еси даже до крове, священномучениче Поликарпе, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ. Святіи мученицы, добръ страдавшіи и вѣнчавшіися, молитесь ко Господу помиловаться душамъ нашимъ!»

Во второмъ часу того же дня мы приблизились къ острову Хіосъ, но по причинѣ сильнаго вѣтра и страшнаго волненія никакъ не могли пристать къ нему для выгрузки товаровъ и высадки пассажировъ, изъ коихъ одинъ ѣхалъ изъ Одессы, къ условленному съ тысячною неустойкою сроку для принятія пяти тысячъ ящиковъ апельсинъ, и постоянно вздыхалъ, но помочь ему никто и никакимъ образомъ не могъ. И пароходъ, покругившись почти на одномъ мѣстѣ около двухъ часовъ, долженъ былъ Хіоскихъ пассажировъ и кладъ везти непроизводительно для себя и для нихъ къ слѣдующему порту Мерсинѣ, чтобы оттуда опять, на встрѣчномъ кораблѣ имъ ѣхать назадъ. Убито, значитъ, без-

цѣльно семь дней времени со вредомъ для дѣла и не-вознаградимыми потерями для кармана. Не дай Богъ, это случится съ нами въ Яфѣ, гдѣ вообще плохой портъ съ опасными порогами! Хіо—городъ, насколько видно съ палубы, довольно большой; виднѣется множество крупныхъ богатыхъ домовъ и фермъ, по между коими проглядываютъ пять-шесть мечетей, и по пригоркамъ до десяти круглыхъ, своеобразныхъ каменныхъ мельницъ. Въ торговлѣ онъ особенно славится выдѣлкою мастики, до которой необыкновенно охочи греки;—апельсиннымъ и оливковымъ роцамъ нѣтъ и числа; зеленѣютъ также во множествѣ разбитыя плантаціи винограда и разныхъ огородныхъ овощей.

Отъ Хіоса ѣдемъ уже другой день среди группы разныхъ необитаемыхъ острововъ, близость ихъ только и сдерживаетъ горы волнъ и тѣмъ спасаетъ насъ отъ закачиванія при сѣверномъ русскомъ вѣтрѣ, неутомонно преслѣдующемъ насъ отъ самой Одессы. Но вотъ Архипелагъ все болѣе и болѣе началъ раздвигаться и мы въ концѣ его увидѣли Родосъ, съ лежащимъ на песчаной ровной низменности небольшимъ городомъ того же названія, окруженный лимонными и апельсиновыми рощами. Отъ прежнихъ причудливыхъ дворцовъ и башенъ, устроенныхъ въ давно минувшія времена могучими вассалами, рыцарями и всякаго рода героями, сложившими здѣсь и свои кости, остались только воспоминаніемъ одни грустныя развалины, весьма кстати преподающія намъ путникамъ назидательный урокъ о суетности всего земнаго и въ особенности о непрочности величія и славы человѣческихъ, приходящихъ и уходящихъ отъ насъ какъ тѣнь. Здѣсь мнѣ невольно пришли на память нѣкоторыя изъ прекрасныхъ стихиръ Св. Іоанна Дамаскина, и я не утерпѣлъ, чтобы ихъ не продиктовать поклонникамъ, въ виду осунувшагося и опустѣвшаго города. «Кая житейская сладость пребываетъ печали непричастна? кая ли слава стоитъ на земли непреложна? вся сѣни немощнѣйша, вся соній прелестнѣйша: единѣмъ мгновеніемъ, и сія вся смерть прие-летъ... Вся суета человѣческая, елика не пребываютъ по смерти: не пребываетъ богатство, ни сшествуетъ слава: прешедшей бо смерти, сія вся потребишася... Гдѣ есть мірское пристрастіе? гдѣ есть привременныхъ мечтаніе? гдѣ есть золото и серебро? гдѣ есть рабовъ множество и молва? вся персть, вся пепель, вся сѣнь... Помянухъ пророка вопіюща: азъ есмь земля и пепель,

и паки разсмотрѣхъ во гробѣхъ, и видѣхъ кости обнажены, и рѣхъ: убо кто есть царь, или воинъ, или богатъ, или убогъ, или праведникъ, или грѣшникъ»... Какъ бы въ гармонію съ грустнымъ настроеніемъ, навѣяннымъ и подлежащими руинами и горькою истинною, высказанною въ настоящихъ строкахъ святымъ мужемъ, мгновенно гдѣ и взялись свинцовыя тучи и нависли всей тяжестью чуть не вплотную до поверхности воды, полился сначала дождь, потомъ пошелъ густой градъ, продолжавшійся около часу. Послѣ этого представилось глазамъ нашимъ чудное и поразительное зрѣлище заходящаго солнца; мы, богомольцы, любовались природою; вдругъ... пронесся морской вихорь, забушевало море, отъ чего сильно покачнулся нашъ корабль; затрепали на немъ мачты, заволновался народъ—моментъ, не поддающійся описанію! Намъ казалось въ страхъ и великомъ смущеніи, что настала послѣдняя минута міра, что вотъ-вотъ за симъ сразу загорятся всѣ стихіи и сжигаемы разорятся, явится на облакахъ небесныхъ Сынъ человѣческій и грозно скажетъ намъ: «пріидите, истяжемся!» Въ Родосѣ мы въ настоящій разъ не останавливались, такъ какъ наше Русское пароходное общество теперь не имѣетъ тамъ своей агентуры. Отъ капитана корабля я узналъ, что наименованіе города—Родосъ произошло отъ слова *родыиъ*, которымъ именуются гранаты, особой вкусной породы, въ великомъ изобиліи здѣсь растущія.

Отъ Родоса начинаются владѣнія Средиземнаго моря—этого самаго крупнаго и богатаго водовладѣльца въ средѣ другихъ морей. Послѣ двухсуточного плаванія, мы во второмъ часу ночи подѣхали къ острову Мерсинѣ и здѣсь стали на якорь. Мерсина—довольно большой поселокъ съ раскинувшимися версты на три небольшими домиками; жители его болѣе занимаются хлѣбопашествомъ и воздѣлываніемъ на болотистыхъ мѣстахъ хлопка, отъ чего здѣсь свирѣпствуютъ почти постоянно повальныя и трудно излѣчиваемыя лихорадки. Я выпросилъ у случайно попавшагося на палубѣ Мерсянина нѣсколько десятковъ сѣмечекъ хлопка, съ цѣлію засѣять ими гряду у себя дома и посмотреть, что съ нихъ выйдетъ на нашей малороссійской почвѣ! Въ Мерсинѣ мы простояли почти цѣлый день, любуясь окружающимъ насъ пейзажемъ; къ вечеру прибавилось нѣсколько новыхъ пассажировъ, въ числѣ коихъ рѣзко выдѣлялись одинъ молодой, довольно пріятной наруж-

ности священникъ—дервишъ, въ громадно-высокой (не менѣе аршина) войлочной верблюжьяго цвѣта шапкѣ, похожей на наши камилавки,—сопровождаемый младшими членами причта, въ меньшихъ такого же вида и цвѣта наглавникахъ,—и съ нимъ семья.

Когда бросили якорь предъ Александретой, на морѣ водворилась такая тишина, что поверхность его стала совершенно неподвижна, и, что, какъ говорили моряки, бываетъ весьма рѣдко. Когда показалось солнце изъ-за высокихъ горъ, вершины которыхъ завалены толстыми глыбами снѣга, то всѣ пассажиры точно Божьи коровки повылазили изъ своихъ конуръ погрѣться на солнышкѣ; на всѣхъ лицахъ виднѣлась улыбка, со всѣхъ концовъ парохода доносился неумолкаемый веселый говоръ, словомъ отъ пріятной благодатной погоды сразу перемѣнилось печальное настроеніе духа; всѣ любовались при этомъ очаровательнымъ мѣстоположеніемъ и окрестностями Александреты, на которыхъ виднѣлись роскошные зеленѣющіе злаки посѣянныхъ хлѣбовъ и доносился ароматъ отъ мириадъ распустившихся садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ; и къ намъ на корабль много принесено было туземцами цвѣтовъ, особенно розъ. Даже корабельный капитанъ, всегда угрюмый, но теперь привѣтливый и веселый, появился между группами палубныхъ пассажировъ—богомольцевъ и совѣтовалъ имъ отслужить молебенъ въ благодарность Господу Богу за счастливый исходъ плаванія между Родосомъ и Александретой—самыми опасными мѣстами, особенно въ такое бурливое время года. Когда мнѣ передали это, я гласомъ радованія воскликнулъ: благословенъ Богъ, благоволивый тако! Слава Тебѣ, Богу, благодателю нашему во вѣки вѣковъ! И положилъ въ умѣ отслужить вечеромъ всенощную и молебенъ, если то возможно будетъ. Невдалекѣ отъ насъ стояли два военныхъ громадныхъ великолѣпныхъ англійскихъ броненосца съ четырьмя сотнями команды, въ виду возмущенія арабовъ противъ Христіанъ въ Александретѣ и Бейрутѣ, и это насъ нѣсколько обезкуражило. Съ этихъ броненосцевъ явились на нашъ пароходъ два мальчика въ матросскихъ костюмахъ—ученики англійскаго морскаго училища, лѣтъ по 14-и отъ роду, съ своими памятными книжками, бойко спрашивая нашихъ матросовъ о погодѣ, стоявшей въ извѣстное время плаванія, о направленіи и силѣ вѣтра, о стоянкахъ въ разныхъ портахъ и пр. Все это они

заносили въ книжки. Этотъ ничего не оставляющій безъ вниманія англицизмъ мнѣ очень понравился.

Въ 5½ часовъ вечера, наканунѣ воскреснаго дня, предъ выходомъ парохода въ море, попросивъ позволеніе капитана, я спустился въ трюмъ къ нашимъ поклонникамъ и, возложивъ на себя бывшій со мною эпитрахиль, пригласилъ ихъ міромъ помолиться Господу, чему они необычайно обрадовались. Началась всеобщая—можетъ быть на этотъ разъ единственная на всей поверхности водъ Средиземнаго моря, подъ мелодическіе звуки мягкихъ и плавныхъ голосовъ двухъ монаховъ, трехъ монахинь и нѣсколькихъ поклонницъ. Я читалъ акаеистъ Воскресенію Христову. И что за чудная была та святая служба на морѣ! Въ первый разъ въ жизни я ее совершалъ на водахъ и, вѣроятно, въ послѣдній; не повторится, кажется, ей уже никогда въ моей жизни, по тѣмъ одушевлявшимъ и меня, какъ служащаго, и предстоявшій народъ чувствамъ? То была служба великаго умиленія, неземной радости, святой грусти, покаянныхъ слезъ, плача и громкаго рыданія о грѣхахъ, то была такая служба, что самые безбожники,—а ихъ немало было на кораблѣ,—замолкли и, обнаживъ головы, пристально всматривались въ нее, алчно вслушиваясь въ молитвенный вопль молящихся и жадно ловя каждый мелодическій звукъ отъ пѣсней церковныхъ.... Когда же запѣли трехголосное потрясающее—«Хвалите имя Господне», и всѣ Хрістіане съ біеніемъ въ перси пали на колѣни—воцарилась такая тишина, что кажется и самыя стихіи—вода и вѣтръ, притаивъ, если можно такъ выразиться, дыханіе—внимали ему, хваля словами св. Давида, псалмопѣвца, своего Создателя... Мнѣ чудилось, что между нами невидимо стоялъ и молился нашъ божественный пророкъ Іона, по повелѣнію Божию выброшенный здѣсь на берегъ великою рыбою; ибо мнѣ то-и-дѣло, что хотѣлось воспѣть покаянную пѣснь: «Молитву проію ко Господу и Тому возвѣщу печали моя, яко золь душа моя исполнися и животъ мой аду приближися, и молюся яко Іона: отъ тли, Боже, мя возведи». Я попросилъ пѣвцовъ, чтобы они на утреннемъ канонѣ пропѣли тѣ ирмосы, въ числѣ которыхъ помѣщена и сейчасъ изложенная пѣснь. По окончаніи заутрени никто не хотѣлъ расходиться, а всѣ ждали еще чего-то... молиться и молиться, пѣть и пѣть. Да, Александретская всеобщая на кораблѣ не изгладится въ душѣ и до могилы; и конечно, въ

такомъ видѣ никогда, никогда уже въ жизни не повторится. Эта служба—была предсмертная пѣснь одного изъ русскихъ священниковъ на водахъ Средиземнаго моря, какъ лебединая на водахъ Меандра...

Послѣ выѣзда изъ Александреты въ 7 часовъ вечера, мы утромъ слѣдующаго дня пристали къ острову Лотокии, т. е. древней Лаодикии, которая еще раньше называлась Диосполисомъ или городомъ Юпитера, но потомъ царь Сирскій Антиохъ II распространилъ и украсилъ городъ и далъ ему названіе Лаодикии въ честь своей жены. Въ первыя времена Христіанства, которое здѣсь насаждено св. ап. Павломъ, Лаодикиа была однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Фригіи. Она славилась особеннымъ плодородіемъ своихъ окрестностей и скотоводствомъ; безчисленныя стада различнаго рода паслись на окрестныхъ тучныхъ лугахъ ея. Жители Лаодикии производили значительную торговлю шерстью. Здѣсь, какъ извѣстно, въ 367 г. по Р. Х. былъ помѣстный Соборъ, замѣчательный по установленію 60 каноновъ, относящихся до благочинія церковнаго и жизни духовенства. При взглядѣ на нынѣшнюю Лаодикию, намъ невольно вспомнились апокалипсическія слова, касающіяся настоящаго и будущаго этой страны, города и его обитателей. Прочтемъ ихъ для своего назиданія: «Вѣмъ твоя дѣла, яко ни студенъ еси, ни теплъ... изbleвати тя отъ устъ Моихъ имамъ. Зане глаголеши, яко ты еси окаянень, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ. Совѣщаю тебѣ купити отъ Мене злато, разжженное огнемъ, да обогатишия, и одѣяло бѣло, да облечешися, и да не явится срамота наготы твоея и коллуріемъ помажи очи твои, да видиши. Азъ, ихже еще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся». Но Лаодикиане не вняли симъ грознымъ и вмѣстѣ наставительнымъ словамъ Господа, не покаались, не оставили порочной жизни, не покрыли своей срамоты бѣлою одеждою чистоты и невинности; ослѣпленные своимъ богатствомъ, они продолжали жить по прежнему, и приговоръ небеснаго Судіи со всею строгостью исполнился надъ ними. Теперь не Лаодикиа, а уже Лотокиа, небольшой бѣдный поселокъ, состоящій не болѣе, какъ изъ 20-и бѣдныхъ приземистыхъ домиковъ съ виднѣющимися вездѣ развалинами прежнихъ великолѣпныхъ зданій. Христіанская вѣра поправа, забыта, и здѣсь нѣтъ въ настоящее время ни одного Христіанина; фанатическій же исламизмъ глубоко пустилъ свои

корни, чему фактомъ служатъ пять мечетей. Лотокія изобилуетъ табачными плантаціями, ячменемъ, курами и дешевыми яйцами. Здѣсь мы стояли на рейдѣ не болѣе часу. Отъ Мерсины и до сихъ поръ я былъ единственный пассажиръ во 2-мъ классѣ, но теперь при выѣздѣ прибылъ грекъ съ арабкой, а когда пріѣхали къ Триполи, то тамъ прибавилось еще 8 душъ. Между трюмными пассажирами, русскими поклонниками, оказались два изъ Оренбургской губерніи—мужъ и жена, которые предприняли путешествіе въ Палестину еще въ августѣ мѣсяцѣ и шли цѣпкомъ до Одессы пять мѣсяцевъ, претерпѣвая всѣ осеннія и зимнія безчисленныя невзгоды. Вотъ истинное Христіанское примѣрное самоотверженіе и любовь къ Искупителю, вся терпящая и неотпадающая! Трипольскіе жители принесли на пароходъ для продажи много свѣжихъ—прямо на вѣткахъ—апельсинъ по 15 коп. за десятокъ, редиски и маслинъ; но апельсины здѣсь не вкусны, мясо въ нихъ губчатое, малосочное, что зависитъ отъ климата и отъ почвы. Реомюръ показывалъ теперь, 15 февраля, 16° тепла при большомъ дождѣ. По прочтеніи въ трюмѣ акафиста Покрову Божіей Матери, мы, истощенные почти двухнедѣльнымъ плаваньемъ, предались сладкому покою, а пароходъ, отдохнувъ на якорѣ раньше насъ и заласшись новой энергіей въ лицѣ молодыхъ матросовъ, въ 12 часовъ ночи направился на Бейрутъ.

IV.

Бейрутъ—Яффа—Іерусалимъ.

При тихой прекрасной погодѣ, въ семь часовъ утра, мы пристали къ столицѣ Сиріи, Бейруту, — мѣсту, освященному стопами Спасителя. Многіе изъ поклонниковъ горѣли нетерпѣніемъ скорѣе побывать на этой святой землѣ. На нашемъ пароходѣ, съ самаго Константинополя и до Бейрута, развѣвался на палубѣ Турецкій флагъ съ луною, что означало присутствіе на пароходѣ Турецкаго генерала.—Отдавать такую честь превосходительствамъ Турціи обязательно для всѣхъ иностранныхъ кораблей, когда они везутъ по водамъ Блистательной Порты Турецкихъ генераловъ. Представители города Бейрута, вѣроятно, заранѣе извѣщенные по телеграфу о времени прибытія начальника ихъ области

къ мѣсту его назначенія, лишь только завидѣли съ берега подходящій къ пристани нашъ пароходъ, мгновенно пустились на встрѣчу ему въ своихъ длинныхъ остроносыхъ кайкахъ, покрытыхъ великолѣпными бархатными коврами, и съ роскошными сверху зонтами, для защиты отъ палящихъ солнечныхъ лучей Сиріи. Когда представители г. Бейрута взошли на палубу и представлялись намъ, онъ однимъ подавалъ руку, другіе же сами, протянувъ горизонтально правую руку въ воздухъ и раскрывъ длань ея, ожидали, пока онъ не коснется ея своею ладонью; остальные же свою правую руку прикладывали то къ сердцу, то къ челу. На это онъ отвѣчалъ такимъ же привѣтомъ. Потомъ сошелъ въ кайку, и, въ сопровожденіи многочисленной лодочной флотиліи, направился къ берегу, и лишь только ступилъ на площадку набережной, какъ послѣдовалъ салютъ съ пушекъ въ честь его... Погода стояла прекрасная, тихая, теплая; море волновалось только такъ называемою моряками — «мертвою зыбью»; къ пароходу причалило множество лодочниковъ, съ предложеніемъ свезти насъ въ городъ и показать его, но никто изъ насъ не рѣшался принять ихъ навойливыхъ предложеній. Въ это время показался на пароходѣ одинъ молодой человѣкъ въ фескѣ, въ скюртукѣ и съ бумагой въ рукахъ, которую подносилъ подъ носъ почти каждому для прочтенія. Бумага оказалась написанною по-русски, съ рекомендаціей, что податель оной есть честный и богобоязненный экклисиархъ Бейрутскій соборной Святаго Георгія Великомученика церкви, понимающій и Русскій языкъ и говорящій на немъ, — что всякій, желающій посѣтить Бейрутъ и святыни его, можетъ безъ всякаго сомнѣнія довѣриться ему и подъ опытнымъ его руководствомъ, за ничтожную плату, исполнить всякое благое свое желаніе. Я первый согласился ѣхать, тѣмъ болѣе, что теперь я имѣлъ возможность посѣтить мѣсто обитанія чудовищнаго змѣя, пожиравшаго людей, и особенно — мѣсто пораженія его Св. Великом. Георгіемъ. Если вы, батюшка, рѣшаетесь ѣхать, сказали всѣ богомольцы, то и мы съ вами! Съ вами мы никого и ничего не боимся; съ вами мы не будемъ обижены, не погибнемъ; ради васъ, ради вашего священства Господь защититъ, помилуетъ, спасетъ и насъ. Охотниковъ и охотницъ ѣхать набралось душъ до 60. Но вотъ и набережная. Мы съ веселіемъ сердца взошли въ столицу Сиріи, гдѣ, при

появленіи нашемъ на узкихъ и извилистыхъ улицахъ, биткомъ набитыхъ народомъ и разнымъ еще лавочнымъ хламомъ, то-и-дѣло слышались возгласы и старыхъ и малыхъ Бейрутянъ: Московъ, Московъ! Сопровождаемые толпою и дикимъ визгомъ уличныхъ мальчишекъ, требовавшихъ «бакшиша», мы пришли къ ближайшей отъ пристани православной церкви во имя Святаго Великомученика Георгія. Храмъ массивный, величественный, изящной архитектуры и, какъ видно, недавно устроенный, съ прекрасною внутреннею орнаментацией, хорами и тремя престолами. Лишь только расположились мы помолиться, какъ явился сонмъ духовенства съ предложеніемъ купить свѣчей, масла, записаться на проскомидіи, на молебны, пожертвовать что-либо на храмъ и пр. Когда записка именъ была окончена, я сказалъ, что мы всѣ желали бы слушать молебенъ на мѣстѣ пораженія Св. Георгіемъ—змія. Узнавъ, что я священникъ, предложили мнѣ взять эпитрахиль, крестъ, евангеліе, икону Великомуч. Георгія, свѣчей, и самому тамъ отслужить молебенъ, при пособіи ихъ псаломщика.

Обрадованные и утѣшенные такою братскою любовію и услужливостію, мы со тѣченіемъ пошли къ давно желанному мѣсту, (отстоящему отсюда до двухъ верстъ), по тѣснымъ, а иногда и крытымъ городскимъ улицамъ, пока не вышли, наконецъ, на просторъ, въ предмѣстіе города. Тутъ, точно въ сказкахъ, перемѣнилась панорама видовъ... По временамъ мы проходили чрезъ просторныя площади, установленныя длинными рядами красивыхъ каретъ—извозчиковъ, съ роскошными водоемами арабскаго пошиба,—то шли широкими улицами, застроенными изящными виллами западной причудливой европейской архитектуры, съ плѣнительными при нихъ полисадниками, усаженными различной зеленью цвѣточныхъ растений: миртовъ, лилій, туберозъ, ранункуловъ и пр., и усаженными пушистыми кустарниками благоухающихъ розановъ и благовонныхъ жасминовъ, и очаровательными рощами и садами—тутовыхъ, фіговыхъ, миндальныхъ, гранатныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ въ полномъ цвѣтеніи. Какъ бы нарочно, эти деревья простирали свои вѣтки на улицы, чтобы доставить тѣмъ благодѣтельную тѣнь, защищая въ числѣ прочихъ и насъ, усталыхъ дальнихъ путниковъ съвера, отъ палящихъ полуденныхъ лучей Сирійскаго солнца. Вдругъ разостлалась предъ нами прелестная ширь окрестныхъ полей, съ зелеными,

какъ рута, высокими хлѣбными злаками, огражденными, какъ стѣной, толстыми колючими кактусами. Мы останавливались, чтобы вдоволь налюбоваться прелестями, разнообразіемъ и пышностію весенней Сирійской флоры и насытиться ея здоровымъ благовоннымъ воздухомъ; наконецъ, дошли мы до того мѣста, гдѣ Святой Георгій поразилъ чудовище—змѣя, неожиданно явившійся царской дочери, выведенной по дошедшей до нея очереди на сѣдѣніе ему. На этомъ мѣстѣ прежде стоялъ большой храмъ, воздвигнутый обрадованнымъ царемъ—отцемъ избавленной отъ смерти дѣвицы, во имя Святаго Георгія. Подъ алтаремъ этого храма впоследствии явился чудесный источникъ воды, подающій вѣрующимъ, черпющимъ, причащающимся и мажущимся ею, освященіе, здравіе и благословеніе, который поэтому и теперь привлекаетъ къ себѣ многихъ поклонниковъ; но теперь стоитъ здѣсь небольшая бѣдная турецкая молельня, такъ какъ это мѣсто у мусульманъ въ великомъ почетѣ. Чрезъ узкую калитку насъ впустила арабка въ небольшой чистенькій дворикъ, усаженный лимонными деревьями и розовыми кустарниками, и потомъ, когда мы приблизились къ дверямъ турецкой молельни, арабка предлагала каждому и каждой изъ входящихъ прежде сбросить обувь и положить за входъ бакшишъ на блюдо: все это мы сдѣлали. Меня, какъ священника, ввели въ самое священное отдѣленіе этой молельни, соответствующее нашему алтарю, гдѣ муллы творятъ свои молитвы. Оно завѣшено во всю ширину зеленой шелковой драпировкой, за которой стояли двое турецкихъ знаменъ.—Мнѣ позволили поставить на вбитыхъ здѣсь колушкахъ принесенную икону Великомученика и зажечь передъ ней припасенныя нами свѣчи. Въ большомъ восторгѣ отъ устроившагося такъ благопріятно нашего богомолья на чужой варварской сторонѣ, въ иновѣрной молельнѣ, и на такомъ знаменательномъ мѣстѣ, я, возложивъ эпитрахиль, съ крестомъ въ рукахъ, возгласилъ глаголомъ радованія: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!» Трудно передать словами все то, что говорили намъ въ это время чувства! О, съ какимъ умиленіемъ всѣ мы сообща зацѣли, павъ на колѣна и воздѣвъ руки къ образу Побѣдоносца: «Яко плѣнныхъ свободитеъ и нищихъ защититель, немощствующихъ врачъ, царей поборниче, побѣдоносче Великомучениче Георгіе, моли Христа Бога спастися

душамъ нашимъ.—Святѣй Великомучениче и побѣдоносче Георгіе, моли Бога о насъ! Моли Бога о насъ, святѣй Великомучениче и побѣдоносче Георгіе, яко мы усердно къ тебѣ прибѣгаемъ, скорому помощнику и молитвеннику о душахъ нашихъ».—Выходя изъ молельни, я усмотрѣлъ на занавѣси двѣ арабскія вышитыя золотомъ надписи: «Во имя Бога всемилостиваго и всемилосерднаго», другая пониже: «Занавѣсь сія въ воспоминаніе пророка Георгія, да будетъ надъ нимъ миръ»! Мнѣ указали на лежащій на почетномъ мѣстѣ овальный камень, въ діаметрѣ въ полторы четверти, а въ длину въ поларшина, и передавали, что онъ служилъ будто бы возглавіемъ Великомученику при его жизни; говорили о чудотворности этого камня и прикладывали его къ намъ, для укрѣпленія физическихъ силъ. Отсюда насъ повели къ упомянутому выше источнику. Надъ нимъ сооруженъ изящный каменный балдахинъ, подъ которымъ стоялъ особый, дорогой приборъ для черпанья воды. Воспѣвъ и здѣсь тропарь Великомученику, мы въ сладость испили холодной и прозрачной какъ кристаллъ воды, омочили ею свои очи, головы и грудь. Ниже, къ востоку, намъ показали равнину—мѣсто бывшаго здѣсь болота или озера, въ которомъ нѣкогда при св. Георгіѣ поселилось чудовище—змій; теперь оно высохло, поросло травой и отчасти кустарниками. На обратномъ потомъ отсюда пути, въ Христіанскомъ кварталѣ, насъ вездѣ встрѣчали и провожали съ улыбкою и привѣтствіемъ: «хорошъ, хорошъ Христіанъ!» Дѣвицы, видя прижатый къ моей груди эпитрахиль съ крестомъ, — то-и-дѣло подбѣгали и цѣловали его и мою руку. Въ центрѣ города мы проходили мимо длиннаго ряда мастерскихъ, въ которыхъ туземцы-Сирійцы сидѣли за ткацкими станками и ткали руками разнообразныя шелковыя матеріи на заказъ по извѣстному рисунку. Въ соборѣ насъ встрѣтилъ на порогѣ митрополитъ Бейрутскій Гавріиль и просилъ къ себѣ на кофе; но мы, боясь опоздать на пароходъ, отказались отъ угощенія, и, получивъ архипастырское благословеніе на дальнѣйшій путь, прибыли къ своему экипажу, довольные всѣмъ видѣннымъ.

Въ 7 часовъ вечера, при такой же прекрасной погодѣ, снялись мы съ якоря и поплыли на Яффу, — т. е. къ послѣдней грани нашего морскаго, скучнаго путешествія; это, очевидно, насъ всѣхъ весьма радовало, хотя по временамъ и сжималось болѣзненно наше сердце,

когда мы вспоминали о плохой съ опасными порогами Яффской пристани... На слѣдующее утро мы подъѣхали къ Яффѣ... Море было неподвижно, погода стояла отличная. Слава и благодареніе Всевышнему! Мы боялись, что Арабы будутъ хватать и таскать багажъ, а людей какъ попало пихать и швырять въ лодки; но къ удивленію, порядокъ былъ образцовый! Это случилось именно потому, что Русскій консулъ Марабути прислалъ и лодки и кавасовъ за поклонниками; и мы спокойно высадились на берегъ, заплативъ по 20 коп. за мѣсто въ лодкѣ и по 10 коп. носильщику; пріютились-же на время въ Греческомъ подворьи.

Отдохнувъ часъ-другой въ нечистомъ и негостепріимномъ эллинскомъ пріютѣ, мы, горя нетерпѣніемъ скорѣе узрѣть желанный Іерусалимъ, торопились нанять, — кто муловъ, кто оловъ, а кто лошадей. Мнѣ опять суждено было, какъ и въ 1875 году, вѣроятно, за мои грѣхи, расположиться съ своимъ багажемъ и ѣхать въ Яффско-Іерусалимской каретѣ — величаемой такъ туземцами, въ насмѣшку надъ грубо устроеннымъ мучительнымъ экипажемъ. Такъ какъ Яффскими, до нельзя узкими и вплотную набитыми народомъ, улицами можно только ходить, а не ѣздить, то мы, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, въ 3 часа дня направили стопы свои за городъ, по направленію къ Іерусалиму, въ условленное мѣсто, гдѣ ожидалъ насъ экипажъ. Здѣсь — на площади, мы увидѣли громадныя кучи продающихся апельсинъ. Разумѣется, мы не преминули вдоволь запасться ими, и для дороги, и для предстоящаго сухояденія въ продолжительный сорокадневный Великій Постъ, тѣмъ болѣе, что и цѣна имъ въ это время была чуть не баснословно дешевая: левъ, т. е. 6 к. за два десятка, на выборъ. За городомъ, по пути, въ садахъ, на апельсиновыхъ деревьяхъ виднѣлось такое обиліе плодовъ, что вѣтви наклонялись долу, и мы думали, не миражъ ли все видимое? Слѣдуя далѣе, мы скоро помчались по прелестной равнинѣ Саронской, покрытой сплошь бархатною зеленью. Впереди насъ рисовался очаровательный ландшафтъ Рамли (древней Аримаеи), съ ея стройными, высокими пальмами, минаретами и бѣлокаменными подворьями разныхъ исповѣданій, для пріюта единовѣрцевъ-поклонниковъ, отгнѣненными роскошными рощами инжирныхъ, лимонныхъ и кипарисныхъ роцъ.

Въ Рамлѣ-же, пока подкармливались и отдыхали

лошади, мы, заслышавъ заунывный голосъ муэдзина, сзывавшаго правовѣрныхъ на вечерній намазъ, въ турецкую молельню, порѣшили во что бы то ни стало проникнуть туда, посмотрѣть ихъ моленье, и достигли желаемого: видѣли, какъ турки, сидя на колѣнкахъ въ своихъ эпанчахъ и потомъ приподымаясь, дѣлали безпрерывные поклоны; затѣмъ, сложивъ крестообразно руки и сдѣлавъ при этомъ пресмѣшную гримасу, медленно обходили вокругъ зала три раза, перескакивая всякій разъ съ низкимъ поклономъ коверъ, на которомъ сидѣли ихъ шейхъ, т. е. начальникъ города. Послѣ этого дервиши, т. е. мусульманскіе монахи, сбросивъ свои эпанчи, выходили на средину молельни, поднимали руки къ небу, и, закинувъ голову и закрывъ глаза, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, вертѣлись, вертѣлись по всей залѣ, и, по данному знаку, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія кланялись своему настоящему; это повторялось такъ-же три раза, что означаетъ у нихъ кругообразное теченіе луны и прочихъ свѣтилъ около солнца, и погружаетъ дервишей въ созерцаніе Аллаха. Грустно было смотрѣть на эти дикіе обряды; мы пожалѣли объ этихъ фанатикахъ, напоминавшихъ намъ нашихъ русскихъ жалкихъ отщепенцевъ-хлыстовъ, и поторопились къ своему экипажу, — злодѣйскъ-каретѣ, которая ту жъ минуту и двинулась въ дальнѣйшій путь.

Настала темная ночь, перемѣнилась и дорога. То мы ѣхали прежде по равнинѣ, а теперь перебирались съ камня на камень по крутымъ, обрывистымъ горамъ. Кругомъ насъ тоже возвышались одни голыя исполинскія горы, съ своими каменными уступами отъ верху до низу; изрѣдка только, какъ привидѣнія, попадались на встрѣчу то стручковые, то инжирныя деревья; но они болѣе пугали насъ, чѣмъ разнообразили и оживляли дорогу. Наши четыре поклонническія колесницы ѣхали одна за другой тихо, торжественно тѣсной тропой, уныло переваливаясь съ бока на бокъ отъ глубокихъ рытвинъ; пассажиры-же и пассажирки, измученные тягостной ѣздой и ночной бессоницей, хранили глубокое молчаніе, погруженные въ таинственныя религіозныя думы... Тѣсная тропа! Ахъ, какъ она невольно и живо напоминала намъ, въблизи земнаго Іерусалима, трудный и скорбный путь, ведущій въ горній Іерусалимъ—въ царство небесное, и заставляла повторять евангельскія слова Спасителя и воодушевляться ими: «входите тѣсными вратами; потому что широкія врата и пространный путь

ведутъ въ погибель, и многіе идутъ ими. А вотъ тѣсныя врата и узкій путь ведутъ въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ». (Матѣ. 7, 13 и 14 ст.). Да, именно, сколько есть на Руси богатыхъ и знатныхъ людей, и какъ мало между ними желающихъ поклониться Гробу Господню и смѣющихся даже съ тѣхъ, бѣдныхъ и незнатныхъ, которые стремятся къ Нему отдохнуть душею отъ суеты и невзгодъ мірскихъ,—которые несутъ послѣднія лепты свои положить въ сокровищницы храмовъ Христовыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Онъ благоволилъ такъ дорого оцѣнить и двѣ лепты убогой вдовицы! Да, эти пилигримы и пилиgrimки, изъ которыхъ многіе были уже преклонныхъ лѣтъ, и наружнымъ видомъ и горячимъ сердцемъ показывали, что они были души искренно любящія своего Господа. Ихъ влекли во Св. Землю не корыстные расчеты, а любовь къ Богу, да великая и приснопомятная Палестинская Святыня!

Но вотъ и разсвѣло. Послѣ часового труднаго восхожденія по каменистымъ извилинамъ превысокой горы, изъ-за масличныхъ и тутовыхъ и другихъ деревьевъ, наконецъ, показался и тотъ желанный градъ Великаго Царя, о которомъ одинъ изъ путешественниковъ вопрошаетъ своихъ единомыслителей такъ: «скажите мнѣ, есть-ли другіе города, столько уважаемые, чтобы на ихъ развалины ходили плакать и молиться въ теченіе девятнадцати столѣтій? Какія развалины посѣщаемы были съ большимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ! Всѣ живущіе подъ сѣнію Креста обращаютъ къ нему свой взоръ изъ всѣхъ концовъ Христіанскаго міра. Государи, монахи, архіереи, священники, ученые, знаменитыя жены, согбенныя подъ тяжестью лѣтъ и юныя дѣвы, императрицы, принцы и принцессы и бѣдные странники идутъ поклониться святынямъ его»... Да, это точно былъ уже воочію священный градъ Іерусалимъ!...

Когда мы дошли до небольшого холма, я попросилъ сопутниковъ своихъ на время остановиться, чтобы обнаружить предъ ними осилившія меня, какъ Христіанина и какъ пастыря—чувства и мысли, въ виду Іерусалима и его окрестностей, и взволнованнымъ голосомъ сказалъ слѣдующую рѣчь.

«Дорогіе мои сопутники и благочестивые поклонники Святой Земли! Остановимся на нѣсколько минутъ! Радуйтесь, и паки реку—радуйтесь!—Тяжелый и долговременный путь нашъ, полный всякихъ огорченій и невзгодъ—наконецъ, оканчивается. Вотъ мы не-

далеко уже отъ милаго и дорогаго сердцу нашему Св. Мѣста,—предмета столькихъ трепетныхъ думъ, тревожныхъ заботъ и сладкихъ завѣтныхъ—можетъ быть для иного и полувѣковыхъ—мечтаній! Вотъ уже завиднѣлись забрава и вершины давно желаннаго нами Богоизбраннаго священнаго града Іерусалима, града Царя Великаго, и его окрестностей! Еще нѣсколько минутъ, и мы, какъ и многіе другіе языцы, будемъ прославлять въ немъ имя Господне! Поклонимся же издали Св. граду, падемъ на лица своя, облобызаемъ съ любовію драгоцѣнный прахъ Святой Земли, прольемъ радостныя слезы, помолимся въ глубинѣ сердца каждый, кто какъ сумѣетъ,—и, проникнутые неизреченнымъ благодареніемъ ко Господу, что сподобились узрѣть самое мѣсто искупленія нашего, завѣтную святыню Христіанъ—Св. Іерусалимъ, воскликнемъ вси гласомъ радованія: Слава Тебѣ Богу, благодателю нашему во вѣки вѣковъ!

Да,—благодареніе Господу, что за все время нашего плаванія ни одинъ изъ нашихъ сопутниковъ не утонулъ и не умеръ. Но, други мои! Если мы не умерли доселѣ тѣломъ, то залегли душею въ грѣховной берлогѣ, погрязли въ болотѣ страстей, несомнѣнно умерли духовно. Ибо кто можетъ быть безъ грѣха, хотя бы и одинъ день прожилъ на свѣтѣ? спрашиваетъ праведный Іовъ. *Вси согрѣшишиа и лишени суть славы Божіей.* Что день, то у насъ и новыя беззаконія, что ночь, то особенныя грѣхи; что часъ, то опять и опять новыя порочныя желанія, стремленія, и новыя мерзкіе и неправедныя помыслы приливаютъ какъ волны съ каждой минутой. Такъ: кто ихъ насъ не разгнѣвался на кого-нибудь? Кто не солгалъ? Кто не осудилъ ближняго? Кто не оскорбилъ другаго дѣломъ или словомъ? Рѣдкій изъ насъ непричастенъ и другимъ гораздо большимъ грѣхамъ. А вѣдь всѣ эти грѣхи ведутъ къ смерти духовной, за нихъ нужно отвѣчать. Осуждающій ближнихъ и самъ подлежитъ суду; гнѣвающійся на брата человекоубійца есть, по словамъ Апостола. Кто лжетъ, тотъ есть врагъ Божій, другъ и поклонникъ діавола, исконнаго человекоубійцы и отца всякой лжи. Мы кругомъ виновны: стало быть и мы съ вами мертвецы духовные, умерли душею для добра, ибо отъ грѣха душа умираетъ, хотя и пребываетъ въ тѣлѣ, т. е. теряетъ свѣтъ благодати Божіей, лишается внутренней жизни и всѣхъ духовныхъ даровъ какъ-то: мира, люб-

ви, терпѣнія, вѣры, кротости, воздержанія и пр. Въ священномъ писаніи эта духовная смерть называется еще сномъ. Но что дѣлають съ соннымъ, съ спящимъ, когда ему угрожаетъ неминуемая гибель отъ пожара, отъ наводненія или отъ ночныхъ грабителей и убійцъ? Родные, друзья, знакомые, сосѣди спѣшатъ предупредить его объ опасности—разбудить, и если глаза его слишкомъ отяжелѣли отъ сна и онъ упрямится, то употребляютъ разныя средства, чтобы привести его въ сознаніе опасности своего положенія. Душа наша тоже спитъ, и спитъ крѣпко, смертельно, спитъ и не чувствуетъ, что надъ ней собирается угліе огненно. Ее будятъ голосомъ Евангелія родные—Св. Церковь; благи-ми внушеніями друзья—Ангелы-хранители; своими поученіями и добрыми совѣтами знакомые и сосѣди—Пастыри и Учители,—и если она не внимаетъ имъ, то они угрожаютъ ей вѣчною гибелью. Мы съ вами, плывя въ Іерусалимъ болѣе заботились о сохраненіи тѣла, нежели о спасеніи души, и, по милости Божіей, избѣжали болѣзней, бурь и подводныхъ камней. Позаботимся же хотя теперь о нашей бѣдной, больной и замирающей душѣ,—и со слезами и горькимъ плачемъ скажемъ ей такъ: Душе моя, душе моя! что ты спишь? Встань, пробудись, посмотри, чѣмъ ты была, и что стала? Вышла ты изъ купели крещенія чистою бѣлою голубицею, а теперь стала плотояднымъ чернымъ враномъ. Что ты спишь? Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ година для твоего дѣланія, для твоего спасенія,—година такова, каковой, быть можетъ, уже и не будетъ послѣ. У тебя теперь столько побужденій и столько счастливыхъ случаевъ для твоего возрожденія, для полученія новой благодатной жизни, какъ ни у кого изъ твоихъ присныхъ. Встань же, пересиль себя, приободришь, разглядишь, гдѣ ты находишься. Вѣдь это уже Обѣтованная Святая Земля—жилище Божіе. Вотъ вправо—Вилеємъ, мѣсто, идѣже Сынъ Божій насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія спелъ съ небесъ, воплотился отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы и вочеловѣчился;—вотъ прямо св. градъ Іерусалимъ, въ которомъ Онъ, безгрѣшный, распятъ за насъ при Понтійскомъ Пилатѣ, страдалъ, погребенъ и воскресъ въ третій день, совершивъ наше спасеніе, а за нимъ св. гора Елеонская, съ которой нашъ Спаситель вознесся отъ земли на небо и сѣлъ одесную Бога Отца, чтобы и насъ, если мы не оставимъ Его, спосадить съ Собою

въ царствѣ вѣчной славы Своей, а внизу оной—Геесиманская усыпальница Обрадованной и во успеніи своемъ насъ не оставляющей своею молитвою и всегдашнимъ предстательствомъ у престола Сына Своего, за грѣшниковъ! Мѣста въ высшей степени священные! Не дремли же, душе моя, освятись и сама! Умертви земныя похоти и страсти: блудъ, зависть, любостыжаніе, пьянство; прекрати: непотребство, вражду, ссоры, гнѣвъ, распри, ненависть, соблазны и тому подобное. Сбрось съ себя эту грѣховную одежду. На сихъ святыхъ мѣстахъ не прилично, срамно ходить въ ней. Ты теперь будешь гостить у Христа, Бога твоего: облекись же и сама въ одежду Христову, чтобы быть Ему угодной и пріятной,—одѣнься въ праведность и святость добрыхъ дѣлъ, старайся быть такою же кроткою—какимъ былъ Христосъ, столь же милостивою, смиренною, доброю, терпѣливою, любвеобильною; иди такимъ же прискорбнымъ путемъ и узкимъ, какимъ Онъ шелъ; во всемъ теперь подражай Христу, а не міру, а не плоти, а не діаволу. Ты и такъ долго и усердно работала врагу-губителю,—пора, пора начать отъ всей души служить Господу-Спасителю! Ибо, если здѣсь—на мѣстѣ твоего искупленія, во Святая-Святыхъ, не проснешься, не очуствуешься, то когда и гдѣ ты, окаянная, это сдѣлаешь?

Други мои! Не унывайте! Ободритесь! Оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, съ дерзновеніемъ, веселыми ногами пойдемъ во св. градъ: ибо нѣтъ на свѣтѣ грѣха, котораго Господь не простилъ бы. Дадимъ только обѣтъ предъ лицемъ Іерусалима, все грѣшное оставить за вратами его, а когда милосердный Господь сподобитъ насъ посѣщать святія мѣста искупленія нашего, будемъ проливать побольше покаянныхъ слезъ, очистимъ себя исповѣдію, искреннимъ сокрушеніемъ о всѣхъ грѣхахъ, содѣянныхъ нами до сего дня. Попрошимъ у сладчайшаго Спасителя помощи преодолѣть намъ душевный нашъ сонъ, чтобы оный не смежалъ на будущее время нашихъ духовныхъ очей. Крѣпко, до конца возлюбилъ насъ Христосъ, такъ что предалъ въ Іерусалимъ Самого Себя за насъ на смерть; не будемъ же и мы оставаться безчувственными, но возлюбимъ Его всею душею; будемъ вѣрить въ Его искупительную жертву,—и преискреннѣ и не разъ пріобщимся Его пречистаго Тѣла и честныя Крови, и на Голгоѣѣ и на Живоносномъ Гробѣ Его, во оставленіе грѣховъ

Дальний видъ Иерусалима съ сѣверо-запада.

и въ залогъ жизни вѣчной. Тогда бѣдная душа наша, подкрѣпляемая этою небесною пищею оживетъ, окрѣпнетъ и не узритъ смерти во вѣкъ.

Іерусалиме, Іерусалиме, Граде Святый! Пріими насъ дальнихъ пришельцевъ Сѣвера, пришедшихъ на поклоненіе нашему и твоему Господу, пріими подъ свой теплый и благодатный кровъ и покой насъ въ мирѣ въ священныхъ нѣдрахъ твоихъ, доколѣ мы воздадимъ Господеву обѣты своя! Ты же, Боже, Спасителю, не даждь намъ въ Твоей Святой Землѣ уснути во грѣховной смерти, и лежащихъ насъ въ душевной лѣнности, ускоривъ, возстави и по снѣ грѣховнѣмъ возсіай для насъ дни безгрѣшныя и спаси насъ! На спасенія стези настави насъ, Богородице, студными бо окаляхомъ души наша грѣхами, и въ лѣнности все житіе иждихомъ, но Твоими молитвами избави насъ отъ всякія нечистоты! Аминь».

Рѣчь эта произвела на моихъ сопутниковъ потрясающее впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было удержаться отъ слезъ святой радости и умилительной скорби тамъ, гдѣ все ознаменовано и освящено великими дѣяніями нашего Господа-Спасителя! Гдѣ Господь свѣтомъ святѣйшей жизни Своей и спасительными заповѣдями свѣтилъ просвѣщеніемъ нашей жизни! Гдѣ онъ совершилъ за насъ всякую правду, не щадя Своихъ силъ и трудовъ! Гдѣ Онъ пролилъ Пречистую Кровь Свою, во очищеніе грѣховъ нашихъ и совоскресилъ и насъ съ Собою—мертвыхъ отъ вѣка, и гдѣ ниспослалъ Утѣшителя, Духа Святаго для вѣчнаго сопребыванія съ вѣрующими въ Церкви Христовой къ Ея освященію! Словомъ, тамъ гдѣ нельзя сдѣлать ни одного шага, не почувствовавъ сильнаго біенія въ сердцѣ!

Предмѣстья Іерусалима противъ 1875 г., когда я былъ въ первый разъ въ немъ, значительно расширились и благоукрасились изящными европейскими зданіями и красиво разбитыми скверами почти на цѣлую версту, и поэтический ландшафтъ этой предъ-Іерусалимской мѣстности съ длинной улицей пріятно поражаетъ и ласкаетъ глаза, послѣ всего того, что Европейскій путникъ видѣлъ и испыталъ печальнаго и непріятнаго на Азіатскихъ моряхъ въ продолженіи десятидневнаго плаванія и остановки въ нѣкоторыхъ портахъ.

Но вотъ зданія нашей Русской Іерусалимской духовной миссіи и самый Іерусалимъ. Нѣтъ чувства въ свѣтѣ, которое могло бы сравниться съ тѣмъ, какое

послѣ труднаго пути ощущаетъ путешественникъ, привѣтствуя Іерусалимъ. Дивны дѣла Твоя, Господи! Я опять въ Іерусалимѣ. Не вѣрится, что все это наяву со мною происходитъ. Мнѣ теперь такъ легко и хорошо! О, сладчайшій мой Спаситель! Благодарю Тебя за новое утѣшеніе въ моей жизни. Я вѣрилъ, я надѣялся, что Ты пошлешь мнѣ утѣшеніе, и Ты успокоилъ меня, Ты утѣшилъ меня, какъ отецъ родное, любимое дитя. Величаю Твое великое милосердіе, благодарю и паки благодарю Твою безмѣрную милость, преклоняюсь предъ Твоими неисповѣдимыми судьбами и въ избыткѣ умиленія покланяюсь, повергаюсь долу душею и тѣломъ предъ всѣми святыми мѣстами Св. Града, гдѣ стояли пречистыя нозѣ Твои!

Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились у калитки нашего миссіонерскаго двора и консульства, и когда мы слезили съ своей пресловутой Яфѣской кареты, слышались привѣтствія привратника: здравствуй, Московъ? здравствуй, знакомъ? Здѣсь мы, у ограды застали нѣсколько десятковъ богомольцевъ и богомолковъ, раньше насъ пришедшихъ и ожидавшихъ расквартированія. Отъ нихъ мы узнали, что въ постройкахъ Миссіи нѣтъ уже ни одного свободнаго мѣста для новыхъ пришельцевъ, такъ какъ всѣ номера заняты болѣе, нежели 2000 душъ. Это нѣсколько насъ опечалило, ибо въ такомъ разѣ пришлось бы искать квартиры тамъ, гдѣ и душа не желаетъ не только жить, но и вблизи ходить. Кста-ти замѣтимъ здѣсь, что наши богомольцы нерѣдко приходятъ на поклоненіе святынямъ Палестины, для говѣнія и для встрѣчи и празднованія свѣтлыхъ дней Пасхи, въ Январѣ, въ Февралѣ, и даже въ Мартѣ мѣсяцахъ, и этимъ позднимъ приходомъ во Св. Землю сами причиняютъ себѣ множество непріятныхъ хлопотъ и невзгодъ. Лучше всего распредѣлять свое путешествіе изъ Россіи въ Палестину такъ, чтобы праздновать на мѣстѣ особенно и высокаторжественно цѣлую почти недѣлю здѣсь чествуемые всѣми вѣроисповѣданіями и даже Турками праздникъ успенія Богоматери, съ перенесеніемъ крестнымъ ходомъ Ея богатой плащаницы изъ города въ Геосиманію, и съ пѣніемъ въ честь Ея погребальнаго канона, подобнаго тому, какой у насъ вычитывается въ Великую Субботу предъ изображеніемъ Спасителя, лежащаго во гробѣ, — такъ-же праздновать день Воздвиженія Животворящаго Креста, на мѣстѣ его обрѣтенія, и затѣмъ провести

въ духовной радости и веселіи Рождественскія Святки въ Вифлеемѣ и на Іорданѣ. Раскаиваться въ этомъ ни въ какомъ случаѣ не придется; напротивъ, у каждаго, за такой маршрутъ будетъ удобная квартира и—время это самое удобное, совершенно достаточное и для безпрепятственнаго и усерднаго выполненія подвиговъ молитвы и поста, и для многократнаго поклоненія святынямъ и ознакомленія съ ними.

Но возвратимся къ прерваннымъ строкамъ. Поименованный привратникъ съ моимъ калабалыкомъ, провелъ меня въ отдѣленіе Миссіи „для богомольцевъ изъ духовныхъ“, и я былъ такъ необыкновенно счастливъ, что въ постройкѣ оказался здѣсь незанятымъ только одинъ изъ сотни номеровъ, какъ бы нарочито къмъ-то для меня заказанный и приготовленный. Мало этого, когда я пошелъ къ начальнику нашей Миссіи представиться, то онъ пожелалъ видѣть мое помѣщеніе, и, нашедши его несомнѣнно удобнымъ, перевелъ въ квартиру выбывшаго члена Миссіи, изъ двухъ комнатъ,—обставленную всѣми удобствами нашихъ помѣщеній, каковой въ эту пору не имѣлъ ни одинъ изъ наличныхъ богомольцевъ. Въ этомъ, равно какъ и во всемъ благополучномъ путешествіи по водамъ въ такое бурное время года, я призналъ благодѣющую мнѣ руку Верховнаго Промыслителя, и мысленно въ благодарныхъ чувствахъ облобызалъ ее, повергшись долу. Это было на масляницѣ, 18-го фѣвраля, въ среду.

Въ тотъ же день я былъ однимъ изъ приглашенныхъ къ обѣденному столу о. Настоятеля упомянутой Іерусалимской Миссіи. Было обращено вниманіе на то, что между посѣтителеми Святой Земли нерѣдко встрѣчаются личности неблагонамѣренныя, съ предвзятыми цѣлями, далеко не религіознаго свойства. Подъ личиною благочестія и подъ покровомъ агнчаго незлобія, владѣя разными языками, они въ качествѣ корреспондентовъ рыскаютъ по подворьямъ разныхъ вѣроисповѣданій и консульствъ, для собиранія разныхъ матеріаловъ для своихъ мемуаровъ, въ которые безъ всякаго разбора, безъ всякой провѣрки, вносятъ все, что только ни сплетутъ ненавистники всего Русскаго. Они выносятъ на свѣтъ Божій изъ избы, ихъ пріютившей, обогрѣвшей и накормившей, такой соръ, такой золь глаголь—лжуце, что совѣстно и читать и слушать, къ посрамленію своего же роднаго русскаго имени и ничѣмъ не заслуженному безчестію неповинныхъ здѣш-

нихъ дѣятелей и духовныхъ и свѣтскихъ. Благодаря навѣстамъ подобныхъ туристовъ, въ недавнее время консульство наше, было, лишилось самаго доступнаго и благонамѣреннаго консула К., духовная Миссія чуть не была предположена къ закрытію, а авторитетный ея настоятель предназначенъ къ немедленному перемѣщенію, чего давно алчутъ и жаждутъ враги православія, которое здѣсь только и поддерживается русскимъ вліяніемъ. Только случайное прибытіе изъ Россіи одного высокопоставленнаго лица въ Іерусалимъ измѣнило ходъ дѣла, къ великой радости всѣхъ благомыслящихъ.

На слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, я пошелъ ко Гробу Господню, и засталъ на Голгоѣ литургію, которую совершалъ одинъ изъ Греческихъ архіереевъ.—По окончаніи обѣдни, я приложился къ страшному мѣсту водруженія Креста Христова; прочиталъ два раза акаеистъ Страстямъ Господнимъ; затѣмъ спустился въ кувуклію. Многократно лобызалъ я божественное ложе Искупителя, читая тамъ акаеистъ Воскресенію Христову. Я со слезами обошелъ всѣ Святोगробскія святыни. Любовался я украшеніями храма, сдѣланными по случаю празднованія восшествія на престолъ Всероссійскаго Императора Александра II-го. вмѣстѣ со мною вошли въ кувуклію, размахивая руками, пять англичанъ-туристовъ, и, какъ видно, изъ высшаго круга. И здѣсь, какъ и при другихъ святыняхъ храма, сколько я замѣтилъ, они ни взоромъ, ни движеніемъ, ни устами не высказали благоговѣнія, ни умиленія, ни страха, и вели себя точно во время гулянья на бульварѣ; хотя вожатай видимо силился заинтересовать ихъ и расположить къ молитвѣ, но они все-таки быстро переходили отъ одного священнаго предмета къ другому, изъ чего можно было заключить, что ихъ вкусъ и сердце испорчено другими неподобными видѣніями. Затѣмъ, выскочивъ изъ храма, они, какъ вихрь, помчались на арабскихъ скакунахъ, къ разбитымъ своимъ палаткамъ, близъ Іерусалимскихъ стѣнъ...

По выходѣ изъ Святोगробскаго Святилища, по пути къ Миссіи нашей, я встрѣтилъ вновь идущихъ и ѣдущихъ богомольцевъ изъ разныхъ странъ Востока. Здѣсь были Греки, Армяне, Абиссинцы, Сирійцы, Копты, Сербы, Черногорцы, Молдаване, Болгары и даже Евреи и Турки. Арабы и Евреи шли праздновать свою пасху, а мусульмане—къ своимъ празднествамъ, обык-

новенно приурочиваемымъ къ Христіанской пасхальной недѣлѣ. Восточные пилигримы обыкновенно приходятъ большими партіями, и идутъ иногда цѣлыми семьями, со множествомъ домашнихъ и дорожныхъ принадлежностей и припасовъ, какъ то: съ посудой, съ подушками, одѣялами, коврами и пр. Иной трудится десять-двадцать лѣтъ, чтобы имѣть возможность совершить хотя одно благочестивое странствованіе къ святѣйшему мѣсту Искупленія, и израсходуетъ иногда на дѣла благочестія все прибрѣтенное долговременнымъ трудомъ. Богомольцы, смотря потому, изъ какого они народа и вѣры, идутъ сначала въ свой монастырь или подворье, а потомъ приискиваютъ квартиры на все время пребыванія своего здѣсь,—или у своихъ единовѣрцевъ, наймомъ которыхъ (квартиръ) промышляютъ и поддерживаютъ свое существованіе большинство разныхъ учреждений, или—у туземцевъ-горожанъ.

Посѣщая затѣмъ неоднократно Голгоу, я у Креста Господня однажды выслушалъ проповѣдь о Крестѣ, содержаніе которой мнѣ очень понравилось, а потому считаю не лишнимъ сдѣлать изъ нея краткую выдержку. «Посмотрите, говорилъ проповѣдникъ, указывая на стоящій Голгоескій Крестъ, посмотрите, какъ этотъ Крестъ—поносное наказаніе, опредѣленное для рабовъ, торжествуетъ надъ людскимъ къ нему презрѣніемъ; съ помощью проповѣди апостольской растетъ болѣе и болѣе, утверждается на верху храмовъ, украшаетъ вѣнцы царей, дѣлается прекраснѣйшимъ убранствомъ для женщинъ, предносится во всѣхъ торжествахъ Церкви, воздвигается на алтаряхъ, на гробницахъ, на распутияхъ дорогъ, въ рукѣ священника утѣшаетъ умирающаго, предшествуетъ народу, когда онъ идетъ молить Всевышняго о плодородіи полей, стоитъ у изголовья твоего ложа, и равно—честенъ, сдѣланъ ли изъ золота или изъ дерева, осыпанъ ли алмазами или составленъ изъ оливковыхъ косточекъ; на большихъ дорогахъ, на краю пропастей, построенный грубо изъ сосновыхъ отрубковъ, крестъ обозначаетъ скоропостижную смерть путника и напоминаетъ прохожему, чтобы помолился объ упокоеніи души несчастнаго. Крестъ служить границею земледѣльческихъ полей; крестъ, обсаженный деревьями, обросшій травой, принимаетъ простыя, но теплыя молитвы матери семейства, вдовы и дѣтей ея, слышитъ ихъ вздохи, видитъ

кающіяся слезы... Крестъ есть великая книга, въ которой искуснѣйшіе проповѣдники почерпають красно-рѣчіе свое; плачущій страдалецъ обращаетъ къ нему взоръ свой; мореходецъ, гонимый бурей, ждетъ на дальнемъ берегу спасительнаго Древа—Знаменія Иску-пленія человѣческаго. Съ Евангеліемъ въ одной рукѣ и съ Крестомъ въ другой, Апостолы озарили міръ свѣтомъ Божественнымъ, покорили его закону любви, при-звали къ наслѣдію вѣчной славы».

Въ февралѣ мѣсяцѣ въ Палестинѣ весна, а потому Іерусалимъ въ эту пору прелестенъ. Вездѣ почти, какъ бархатный коверъ, разостлалась зелень травы, хлѣбныхъ злаковъ и цвѣтовъ. Въ Геесиманіи и въ долинѣ Силоамской на смоковницахъ развер-нулись листы, раскидались зеленые вѣтви царетоніи, мирта и теревинѣа; на скатѣ горы Сіонской зацвѣли абрикосы, между камнями виднѣются фіалки; иссопъ пробивается изъ трещинъ утесовъ; листъ на маслинѣ сдѣлался зеленѣе, а въ нашей Миссіи миндальные де-ревья были въ полномъ цвѣту. Весна силится повсюду оживить мертвую природу Іерусалима, но все-таки здѣш-няя весна далеко не ровня нашей украинской: здѣсь нѣтъ нашихъ луговъ, нашихъ ручейковъ, журчащихъ по свѣжему дерну, не слышно, чтобы соловьи и дру-гія пѣвчія птички пѣли гармоническій гимнъ весенней красѣ, лишь нѣсколько горлицъ печально воркують на высокихъ деревьяхъ Сіонскаго армянскаго монастыря, вблизи развалинъ домовъ Анны и Каіафы, да изрѣдка пролетитъ воробей съ ношей въ клювѣ, т. е. со строи-тельнымъ матеріаломъ для жилища будущей семьи.

19 числа, въ 8 часовъ вечера, поился сильный дождь, съ страшнымъ грохотаньемъ и ударами грома и градомъ, и продолжался почти до разсвѣта. Чрезъ сква-жины оконъ, въ мою квартиру налилось много дожде-вой воды, и я могъ дѣлать переходъ изъ одной ком-наты въ другую не иначе, какъ по стульямъ и диванамъ. На слѣдующій день утромъ выпалъ чисто русскій снѣгъ въ $\frac{1}{4}$ аршина и пролежалъ до обѣда. Я думалъ, что онъ причинитъ много вреда цвѣтушимъ нѣжнымъ деревьямъ, миндальнымъ и др., а равно и красующимся цвѣт-никамъ, но они казались еще привлекательнѣй послѣ та-кой неожиданности.

Подъ недѣлю Сыропустную я пошелъ на всю ночь ко Гробу Господню, и предъ онымъ опять читалъ ака-еистъ Воскресенію Христову, а потомъ къ великому

духовному утѣшенію моему, въ 12^{1/2} часовъ ночи, слушаль литургію въ самой кувукліи. О, если бы вы знали, какъ сладостно для души проводить ночь въ этомъ таинственномъ всемірномъ храмѣ, гдѣ всякій часъ и даже минуты оглашаются молитвенными воплями и духовными пѣснями служащихъ или поклонниковъ! Пѣніе греческаго инока, органы католическихъ монаховъ, молитва армянскаго отшельника, цымбалы абиссинскаго священника, плачь коптскихъ монаховъ и мелодическое пѣніе русскихъ богомольцевъ и богомолковъ—попеременно или всѣ вдругъ поражаютъ вашъ слухъ. При обширности храма и при множествѣ придѣловъ не знаешь, откуда слышится этотъ концертъ, обоняешь благовонный запахъ еиміама, не видя руки, которая сожигаетъ его; только и увидишь, какъ промелькнетъ и исчезнетъ въ ночномъ полумракѣ служитель Божій, который идетъ воспоминать страшныя Таинства или событія на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они совершились...

Стоя въ кувукліи, я въ первый разъ усмотрѣлъ въ придѣлѣ Ангела, вытѣсненныя по бокамъ входной двери цифры 1808—1810. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что это первую группою цифръ обозначенъ годъ страшнаго пожара, бывшаго во храмѣ Воскресенія и часовни Гроба Господня, а вторую—годъ возобновленія ихъ. Въ Святोगробскихъ лѣтописяхъ объ этомъ такъ говорится: «Утро 12 Октября 1808 года было самое ужасное; при одномъ воспоминаніи о немъ, вопль горести исторгается изъ сердецъ самыхъ холодныхъ, самыхъ нечувствительныхъ. Православные, паписты и люди всѣхъ исповѣданій чувствуютъ горестъ; плачутъ и житель Востока и житель Запада...»!

Въ ночь съ 11 на 12 Октября, около трехъ часовъ утра, огонь сперва показался въ часовнѣ Армянъ, находящейся на террасѣ большой церкви Святаго Гроба. Помощникъ ризничаго у латинскихъ монаховъ, ходившій по обыкновенію осматривать лампы въ кувукліи и на Голгоѣ, первый увидѣлъ пламя и побѣжалъ искать помощи. Но быстрое распространеніе огня дѣлало всякую помощь бесполезною, и когда спавшій при храмѣ народъ сбѣжался, то пламя охватило даже Армянскій придѣлъ, кельи Армянъ и Грековъ, коихъ часть построена была изъ сухаго дерева, выкрашеннаго масляною краскою. Монахи, послѣ совершенія полуночной службы, пошли на покой. Пробужденные страш-

нымъ крикомъ въ храмъ, они, не смотря на тысячи опасностей, бѣгутъ на пожаръ... Дверь заперта. Къ довершенію ихъ отчаянія, пламя, выходявшее изъ галлерей Грековъ, Армянъ, Сиріанъ и Коптовъ, начало угрожать и куполу большой церкви, устроенному на огромныхъ балкахъ, покрытыхъ свинцомъ и поставленныхъ отвѣсно подъ часовней, въ которой находится Святой Гробъ. Эти балки были привезены съ большими издержками съ горъ Ливана въ началѣ прошлаго столѣтія, когда государи Христіанскіе воздвигали этотъ куполь, — истинно мастерское произведеніе зодчества, по своей высотѣ и смѣлой постройкѣ. Всѣ бѣжали... одни монахи оставались, и, не имѣя у себя необходимыхъ инструментовъ для разбитія двери, старались проникнуть въ небольшое окно, чтобы дать знать о пожарѣ живущимъ въ монастырѣ Св. Спаса и чиновникамъ турецкаго правительства. Молодые Арабы-Христіане бросаются во внутренность и борются съ пламенемъ, чтобы спасти хоть что-нибудь, но въ эту минуту огонь достигаетъ купола алтарей Пресвятой Богородицы, и... церковь походить на огромную плавильную печь... Вскорѣ столбы рушатся съ трескомъ; а за ними своды и колонны, окружающіе Св. Гробъ,—и все заливаема свинцовымъ дождемъ; огонь былъ такъ силенъ, что самыя толстыя мраморныя колонны раскалывались на нѣсколько частей. Тоже случилось съ поломъ и мраморомъ, которымъ обложена была часовня Святаго Гроба. Наконецъ, часовъ въ пять или шесть, съ ужаснымъ трескомъ рушится большой куполь и увлекаетъ за собою всѣ большія колонны и пилястры, которыя еще поддерживали галерею Грековъ и жилище Турокъ, находившіяся возлѣ купола. Св. Гробъ остается погребеннымъ подъ огненною горою, которая, казалось, уничтожила его навсегда, церковь представляетъ ужасное зрѣлище... Но кувуклія Святаго Гроба, находившаяся подъ самымъ куполомъ, слѣдовательно въ центрѣ огня, чудесно сохранилась, хотя верхъ и бока оной значительно повреждены отъ паденія купола, а часовня, принадлежащая Коптамъ и прилегающая вплотную къ самой кувукліи, обращена въ пепель. Сохранилась въ часовнѣ Гроба Господня даже шелковая и бархатная драпировка и превосходная картина Воскресенія, писанная на полотнѣ, даже—и лампы.

Въ шесть часовъ ярость пламени начала утихать. На слѣдующій день, когда можно было разобрать обго-

рѣлые камни, всѣ поражены были удивленіемъ: святой камень Помазанія, который почитали сгорѣвшимъ, не потерпѣлъ ни малѣйшаго вреда; не погибло ни одного человѣка. Немногіе только монахи были ранены и ушиблены.

Это несчастіе не поколебало вѣры Христіанъ; напротивъ, усилило ее... На другой день монахи совершили Божественную службу на Голгоѣ, но служба шла медленно... Всеобщія рыданія заглушали слова молитвъ, и, не смотря на развалины, которыми они были окружены, служба прошла въ совершенномъ порядкѣ; монахи ходили по обгорѣвшимъ камнямъ и усерднѣе и пламеннѣе прежняго славословили Всевышняго!..

Все поврежденное въ храмѣ и въ кувукліи возобновлено на прежнемъ основаніи и по старому плану стараніемъ Грековъ, и отчасти Армянъ, а къ 1810 г. храмъ былъ совершенно готовъ.

Продолжаю, однако, свои записки.

Масляница Іерусалимская прошла тихо, безъ обычныхъ блиновъ и варениковъ, которыхъ здѣсь негдѣ и готовить. Невидно было и той мірской суеты и того домашняго и уличнаго безобразничанья, которое отъ времени вошло у насъ въ обычай. Если гдѣ, то именно здѣсь Сыропустная недѣля есть не номинально, а на самомъ дѣлѣ—канонически приготовительная седмица къ святой душеполезной Четыредесятницѣ.

Первую недѣлю великаго поста мы всѣ Русскіе богомольцы предположили говѣть въ церкви нашей Миссіи, и, когда возможно и удобно будетъ, проводить ночное время въ Греческомъ храмѣ Воскресенія—на Голгоѣ, у подножія Креста Христова и въ кувукліи—у Живоноснаго Гроба Господня.

Въ нашемъ Троицкомъ соборѣ въ теченіи первой Великопостной недѣли время службъ церковныхъ такъ было распредѣлено: въ 6 часовъ утра—заутреня; въ 10 час.—часы; въ 4 часа—позднее. Утромъ, пользуясь двухчасовымъ промежуткомъ между богослуженіями, я каждый день ходилъ въ Іерусалимъ, для поклоненія Святогробскимъ святынямъ, а равно и вечеромъ для того, чтобы сильнѣе возбудить въ себѣ покаянные чувства, на страшномъ мѣстѣ принесенія за насъ грѣшныхъ искупительной Жертвы.

Въ день, назначенный церковію для очищенія грѣховъ, т. е. для Таинства Покаянія—въ Пятницу,—я,

пригласивъ русскаго духовника, о. Веніамина, пошелъ съ нимъ ко Гробу Господню, и здѣсь у подножія Креста, водруженнаго на Голгоѣ, принесъ покаяніе.

На слѣдующій день, я, въ сослуженіи трехъ іеромонаховъ, удостоился вкусить Безсмертнаго Источника Жизни, что слишкомъ благотворно повліяло на мою душу, изсохшую отъ духовнаго глада; а въ полдень ходилъ я въ церковь Воскресенія смотрѣть на торжественный обрядъ освященія хлѣбовъ Греческимъ духовенствомъ, наканунѣ недѣли Православія. На площади предъ храмомъ стояло уже множество народа, въ томъ числѣ и турецкая стража съ ружьями, человекъ до 200. Когда ударили во всѣ колокола, то сначала началъ свое шествіе въ церковь латинскій патріархъ. На немъ поверхъ была коротенькая шинель и черная шляпа, обложенная по краямъ серебрянымъ позументомъ: восемь кавасовъ съ огромными булавами по два въ рядъ шли впереди, раздвигая толпу. По приближеніи его ко храму, турецкое войско отдало ему честь ружьемъ. При входѣ въ церковь, съ него сняли шинель, сапоги и шляпу, а взамѣнъ надѣли вышитые золотомъ туфли и бѣлую рубашку, въ родѣ нашего подризника, мантию фіолетоваго бархата съ длиннѣйшимъ хвостомъ и съ горностаевымъ воротникомъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина, который ниспадалъ по плечамъ. Поверхъ былъ возложенъ золотой крестъ на длинной цѣпи, голова же покрылась небольшою шапочкою. Недалеко отъ порога выстроился служебный папистическій персоналъ въ такомъ порядкѣ: 8 бискуповъ, предъ ними два мальчика: одинъ держалъ блюдо съ крестомъ, а другой—съ водою. Предъ лицомъ самаго патріарха три церковника держали большой крестъ съ утвержденною вверху его хоругвью и два свѣтильника; за ними стояли по-парно до 40 паторовъ,—затѣмъ 20 юношей въ бѣлыхъ рубашкахъ съ зажженными свѣчами, опять крестъ, потомъ 20 мальчиковъ въ такихъ же рубашкахъ и со свѣчами и, наконецъ, кавасы. Окропивъ себя водою при цѣлованіи креста, католическій патріархъ подошелъ къ камню Помазанія и, поклавъ его, сталъ предъ нимъ на колѣни и молился; затѣмъ, въ предшествіи означенныхъ лицъ и священныхъ предметовъ, направился къ кувукліи, а мальчики и юноши, развернувъ нотныя книжки, пѣли на пути разные гимны. Громадный же оркестріонъ немилосердно ревѣлъ все время пока патріархъ, взойдя въ кувуклію, изливалъ тамъ свои молитвенныя

чувства. Наконецъ, онъ пошелъ въ свой латинскій придѣлъ, и тамъ началась вечерня.

По окончаніи этого богослуженія, данъ былъ сигналъ, что идетъ—Греческій Патріархъ. Вышли и къ нему на встрѣчу греческіе архимандриты и священники,—всѣ съ евангеліями въ рукахъ, одинъ церковникъ съ крестомъ, десять мальчиковъ въ стихаряхъ, препоясанныхъ по иподіаконски орарями и съ рипидами въ рукахъ, діаконы со свѣчами и кадильницами, а архидіаконъ съ жезломъ. Патріархъ явился въ храмъ при колокольномъ звонѣ, въ сопровожденіи 6 кавасовъ, украшенный двумя панагіями и Русскимъ орденомъ со звѣздою. Приложившись къ камню Миропомазанія и помолившись въ кувукліи, онъ, въ сопровожденіи означенныхъ лицъ и свящ. предметовъ, пошелъ въ храмъ Воскресенія, причемъ постоянно во всѣ стороны благословлялъ народъ напрестольнымъ ручнымъ крестомъ. Народу-же разныхъ націй во храмъ была масса,—отъ пола церковнаго до самого купола во всѣхъ галлереяхъ какъ биткомъ набитые стояли и жались: Болгары, Сербы, Армяне, Французы, Англичане, Греки, Арабы, Турки, но болѣе всего было Русскихъ. Остановившись у царскихъ дверей, Патріархъ послѣ краткой молитвы пошелъ подъ настоятельскій балдахинъ и тамъ сѣлъ. Чрезъ нѣсколько минутъ явились къ нему намѣстникъ Святаго Гроба и чередные служащіе. Дѣлая метанія въ землю, они получили благословеніе. Предъ началомъ вечерни въ теченіи получаса церковники усердно били въ разныя била, доски, тарелки и звонили колокольчиками, привѣшенными въ среднемъ ярусѣ иконостаса; били они по нотамъ и какъ видно по особой программѣ, что производило довольно пріятные звуки. Въ это же самое время католики, какъ нарочно, неутомимо играли на своемъ органѣ... По окончаніи клепанія въ била, священникъ возгласилъ начало вечерни, а Патріархъ, стоя подъ балдахиномъ среди церкви въ мантии, самъ началъ читать девятый часъ—по гречески, наизусть. При этомъ діаконы, облеченные въ стихари, кадили церковь, имѣя на плечахъ богатые ладоницы, поставленные на нарочито устроенные роскошные бархатные нарамники съ вышитымъ на нихъ золотомъ изображеніемъ Воскресенія Господня. Ключарь шелъ впереди ихъ и изъ драгоцѣннаго сосуда окроплялъ народъ ароматами; турецкая же стража стояла для порядка отъ алтаря до самой кувукліи. Предъ ве-

чернымъ входомъ всѣ священники, а ихъ было не меньше ста, подходили попарно къ Патріарху, и падая къ нему въ ноги, получали благословеніе отъ него для облаченія на входъ и литію. Въ числѣ ихъ былъ и я. По входѣ служащіе остались среди церкви и пѣли пѣснь «Свѣте тихій», по окончаніи чего, всѣ поклонились Патріарху и возвратились въ алтарь. По эктеніяхъ розданы были зажженные свѣчи діаконамъ и священникамъ, и мы всѣ вышли въ прежнемъ порядкѣ на средину церкви для благословенія хлѣбовъ. Предъ царскими вратами поставленъ былъ столъ, и на немъ прямо положены пять большихъ хлѣбовъ, похожихъ на нашу двадцатикопѣчную булку, а надъ ними подсвѣчникъ съ семью свѣчами. Эктенія читалась частію по гречески, частію по русски, а священники пѣли то—«*Kyrie-элейсонъ*», то—«Господи помилуй». Патріархъ же въ клобукѣ, имѣя поверхъ мантии епитрахиль и омофоръ, стоялъ сбоку насъ въ своей формѣ, и тамъ же читалъ молитву и оттуда же благословлялъ хлѣбы. Елея и вина при этомъ не было. По окончаніи литіи и разоблаченіи, ризничій разносилъ и давалъ служащимъ по кусочку благословеннаго хлѣба, и затѣмъ мы всѣ разошлись по домамъ; Армянскій же Патріархъ пришелъ и началъ совершать свою всенощную въ своемъ придѣлѣ.

Кстати замѣтить, что у Грековъ всенощной въ такомъ видѣ и порядкѣ, какъ у насъ, никогда не бываетъ. У нихъ только первая часть всенощной, т. е. вечерня и благословеніе хлѣбовъ, совершаемыя всегда свечера, въ 3 часа, бываетъ высокаторжественна, а затѣмъ утромъ, отдѣльно продолжается вторая часть всенощной совершенно по буднему,—однимъ священникомъ; читается только утреннее Евангеліе въ алтарѣ, а выноса иконы, кажденія и помазанія елеемъ не бываетъ, да и помазывать нечѣмъ, такъ какъ елей у нихъ при благословеніи хлѣбовъ не освящается, какъ я замѣтилъ выше. Замѣчу также и то, что носящій фіолетовую камилавку, считается у нихъ почему-то за пѣвчаго. Благозвучное пѣніе наше называютъ они театральнымъ, а свое—гнусливое козлогласованіе—лучшимъ въ мірѣ. О вкусахъ, конечно, не спорять, но все-же пріятное можно, кажется, отличить отъ непріятнаго.

Отъ сильной бури и дождя, а также и въ виду завтрашняго ранняго служенія съ Патріархомъ, я почти пѣлую ночь не спалъ, и съ окна своей комнаты восхищался видомъ креста надъ куполомъ Гроба Господ-

ня,—креста, украшеннаго разными огнями, который издали въ ночной темнотѣ казался составленнымъ какъ-бы изъ звѣздъ и распростертымъ въ воздухѣ на далекое пространство. Въ 4 часа я уже былъ на ногахъ и, немедля, при страшной бурѣ, дождѣ и темнотѣ, одинъ одиухонекъ пошелъ ко Гробу Господню; но обѣдни на Голгоѣ уже не засталъ. Народъ послѣ ночного бодрствованія во многихъ мѣстахъ сидѣлъ и спалъ. Пользуясь этимъ и ночью тишиной, я безъ помѣхи съ чьей-либо стороны и въ спокойномъ духѣ молился, сколько жаждала моя душа. Начало свѣтать, прибывали массы народа и занимали мѣста во всѣхъ ярусахъ храма, отъ низу до купола и даже на галлерейхъ иконостаса; а внизу, когда я шелъ отъ мѣста обрѣтенія Животворящаго Креста, было уже такъ много людей, что, какъ говорится, не только яблоку негдѣ было упасть, но даже—и горошинкѣ. Такъ какъ во храмъ очень мало проникаетъ солнце, то онъ весь отъ купола до основанія былъ залитъ разноцвѣтными огнями, въ особенности дивно разцвѣчена была огнями кувуклія. Признаться, Греки мастера устраивать церковныя иллюминаціи. О, если-бы они были такъ искусны и въ пѣніи!!

Когда я пришелъ въ алтарь, тамъ собралось уже великое множество духовенства Греческаго, Арабскаго, Сербскаго и Русскаго, къ которому примкнулъ и я. Въ 6 часовъ утра, а по Восточному въ первый часъ дня, начался звонъ къ литургіи. Патріархъ, встрѣченный при входѣ во храмъ только одною Святогробскою братією, приложившись къ камню Миропомазанія, прошелъ боковымъ скрытымъ ходомъ прямо въ алтарь. Поздоровавшись здѣсь съ архіереями, которыхъ было четыре, поцѣловавши потомъ Св. Престолъ и поклонившись всему духовенству, онъ сѣлъ съ архіереями на диванчикѣ, возлѣ царскихъ вратъ. Мнѣ душевно желалось въ нынѣшній разъ служить съ Патріархомъ, но я, по краткости времени, не успѣлъ взять у него разрѣшительнаго фирмана, о чемъ и сообщилъ архидіакону-драгоману, а этотъ русскому духовнику—пресвященному Епифанію, который прямо сказалъ мнѣ, что безъ билета вамъ служить нельзя; впрочемъ, я доложу Патріарху, а вы будьте недалеко отъ меня. Черезъ нѣсколько минутъ меня пригласили къ нему, и онъ благословилъ меня служить. Во время клепанія по вчерашнему въ била, Патріархъ, облачившись въ мантию,

вышелъ изъ алтаря и сѣлъ подѣ настоятельскимъ балахиномъ, а четыре архіерея, ставши предѣ царскими вратами, читали входныя молитвы, послѣ чего начали облачаться въ алтарѣ. Въ это время всѣ, готовившіеся служить литургію, подходя попарно къ Патріарху, получали благословеніе на служеніе и облаченіе, и, не читая входныхъ молитвъ, шли прямо въ ризницу. Здѣсь каждый по списку получалъ на руки священныя одежды своего сана, отъ самаго Святогробскаго намѣстника. За симъ Патріархъ подошелъ къ открытымъ царскимъ вратамъ и ему начали читать входныя предлиторгійныя молитвы, по окончаніи которыхъ, осѣнивъ народъ свѣчами, онъ возшелъ на средину церкви на уготованный амвонъ. Началось облаченіе его; архимандриты, игумены и священники изъ старшихъ по заслугамъ несли: одинъ изъ нихъ подризникъ, другой—поручи, третій—епитрахиль, четвертый—палицу, пятый—поясъ, шестой—саккосъ, седьмой—омофоръ, восьмой—одну панагію, девятый—другую, десятый—наперсный крестъ, одиннадцатый—орденъ Св. Анны, двѣнадцатый—гребенку, тринадцатый—это былъ нашъ о. Архимандритъ Антонинъ—митру. Во время облаченія пѣли обычное «Да возрадуется». Часовъ не читали; они у грековъ вычитываются въ келліи. Предѣ началомъ литургіи вышли на средину церкви къ Патріарху четыре архіерея и шесть архимандритовъ; священники же,—до ста душъ, оставались въ алтарѣ и только на маломъ входѣ всѣ явились на средину. По входѣ въ алтарь, съ Патріархомъ рядомъ стало два митрополита, два епископа, 6 же архимандритовъ заняли мѣста съ боковъ престола, а остальные служащіе размѣстились въ безпорядкѣ, какъ попало, толпой, по алтарю, и тутъ же тѣснился народъ разныхъ націй, такъ что насъ служащихъ то и дѣло, что толкали. Апостолъ и Евангеліе читались на четырехъ языкахъ: Греческомъ, Арабскомъ, Славянскомъ и Турецкомъ почти цѣлый часъ на особо устроенной каедрѣ, въ среднемъ ярусѣ иконостаса, лицомъ къ народу. Патріархъ во время чтенія апостола возсѣдалъ на горнемъ мѣстѣ, на высокомъ амвонѣ, а на ступенькахъ его, на поданныхъ бархатныхъ подушкахъ сѣли архіереи; остальное все, за неимѣніемъ возможности сѣсть, стояло. Послѣ сугубой эктениі, сейчасъ же началась Херувимская пѣснь, во время которой кадилъ престолъ, служащихъ и весь народъ самъ Патріархъ, имѣя въ пра-

вой рукѣ кадильницу, а въ лѣвой жезлъ. По окончаніи молитвы, положенной для чтенія во время пѣнія Херувимской, Святогробскій намѣстникъ началъ раздавать священникамъ священные предметы, для несенія на великомъ входѣ: одни—получали напрестольные кресты, другіе ковчеги съ св. мощами, третьи иконы; мнѣ пришлось нести ковчегъ съ мощами. Когда выдавались изъ ризницы эти святыни, я упросилъ ризничаго позволить приложиться къ Кресту, въ которомъ заключена частица отъ подлиннаго Животворящаго Древа, и приложился,—отъ чего душа моя исполнилась необычайной радости и утѣшенія. Этого Креста никому не давали для выноса, вѣроятно, изъ опасенія всякихъ случайностей. Дискось и Св. Чаша, во время несенія, вмѣсто воздушковъ, были накрыты золотыми крышками, съ крестиками вверху, вѣроятно изъ боязни, чтобы во время хода, отъ тѣсноты и волненія народа, а вслѣдствіе этого и могущаго произойти невольнаго, но опаснаго толчка, не ссунулась и не упала бы на полъ подъ ноги какая чистица и не пролилось бы вино; а быть можетъ это были прямо металлическіе покровы вмѣсто сдѣланныхъ изъ матерій. Я въ первый разъ въ жизни видѣлъ это въ православныхъ храмахъ. Священники всѣ вышли изъ алтаря, а Патріархъ и архіереи остались на своихъ мѣстахъ. Затѣмъ, вышедши изъ алтаря и, взявши искось у архидіакона, Патріархъ помянулъ по чину; потомъ, по принятіи Св. Чаши, прочитавши положенное по типикону, онъ поочередно передавалъ архіереямъ Потиръ и, когда каждый архіерей поминалъ его имя, онъ повергался на землю и лежалъ нѣсколько минутъ, смиряя свое достоинство. Поднятый въ четвертый разъ діаконами, онъ принялъ Чашу отъ послѣдняго архіерея и помянулъ весь духовный и мірскій чинъ. На «Вѣрую» архіереи, облобызавъ Дары и престолъ, подходили къ Патріарху и цѣловали его въ плечо и въ руку, а онъ ихъ—въ голову; архіереи другъ съ другомъ цѣловались въ уста, а священники—Патріарха и архіереевъ цѣловали въ руку. По окончаніи лобызанія, Патріархъ положилъ голову на престолъ, а архіереи вѣяли надъ нимъ воздухомъ. Символь вѣры читался въ царскихъ дверяхъ лицомъ къ народу, по окончаніи чего, завѣса была опущена и оставалась такъ до пѣнія «Достойно есть яко воистину». Остальное Богослуженіе совершалось обычнымъ порядкомъ. Когда Патріархъ приобщился,

тогда архіереи поочередно подходили и каждый самъ приобщался; священникамъ же Св. Тѣло раздавалъ архіерей, одною рукою подавая частицу, которую принявшій сейчасъ же и потреблялъ, а въ другой—держалъ губу, для отиранія ладони; другой же архіерей подавалъ Св. Чашу съ Кровію, и такимъ образомъ мы скоро приобщились. Во все время служенія литургіи никто изъ Грековъ не имѣлъ у себя отдѣльнаго молитвенника, исключая Патріарха, который громогласно для всѣхъ служащихъ читалъ положенныя молитвы; только мы, Русскіе, имѣли каждый въ рукахъ свои служебники. Кстати замѣчу, когда пѣлась «Херувимская», началась встрѣча Латинскаго Патріарха, доносился оглушительный стукъ въ доски, звонъ въ колокольчики, трепанье въ била, ревъ органа и театральные трели итальянскихъ заоблачныхъ теноровъ; затѣмъ, когда пѣли «Святъ, святъ, святъ Господь Савоаеъ», послѣдовала встрѣча Армянскаго Патріарха и опять клепанье въ доски и била и звонъ въ колокола при невыносимомъ визгѣ состоявшихъ въ процессіи мальчиковъ, что много мѣшало внимательной молитвѣ и развлекало собравшихъ во едино чувства. Такимъ образомъ почти разомъ шли три обѣдни, совершаемыя Патріархами трехъ вѣроисповѣданій: православнымъ—посреди зданія, въ Воскресенскомъ храмѣ, латинскимъ—сбоку, налѣво, а армянскимъ—на правой сторонѣ, въ своихъ отдѣленіяхъ, визави другъ другу, и каждое силилось предъ другимъ чѣмъ-либо себя показать и превзойти,—то пѣніемъ, то особенностію звона, то богатствомъ и блескомъ священныхъ облаченій и церковныхъ принадлежностей, то количествомъ служащихъ и прислужниковъ, и какъ бы этимъ говорило—особенно латины—поклонникамъ другихъ исповѣданій: что вы-де смотрите тамъ у грековъ и армянъ, у насъ лучше всѣхъ—идите къ намъ! Но все это—и звонъ въ колокола и серебряные колокольчики, и бряданье въ тарелки, и стучанье въ доски, и гулъ органовъ, и чтеніе и пѣніе на разныхъ языкахъ и разными народами и племенами, но подъ однимъ сводомъ, не смотря на хаосъ, на смѣшеніе, на дикій диссонансъ, производило на душу впечатлѣніе потрясающее,—то, чего нигдѣ въ другомъ мѣстѣ вселенной не услышишь, не испытаешь и не увидишь... и это схватить и описать, какъ слѣдуетъ, перомъ не сможешь.

По окончаніи Литургіи начали готовиться къ крестному ходу, къ которому прибыло много священниковъ

и діаконовъ, не участвовавшихъ въ Богослуженіи, — всѣ они облачены были въ одинаковыя съ нами бѣлыя шелковыя съ малиновыми разводами ризы и стихари, каждому священнику была дана изъ ризницы свѣча и икона, съ которыми онъ и долженъ былъ шествовать въ священной процессіи въ честную память возстановленія иконопочитанія; у нѣкоторыхъ же священниковъ къ этому присоединены были и букеты цвѣтовъ; такъ было и у меня. Намъ подарили цвѣтами добрыя Іерусалимлянки во время крестнаго хода. По окончаніи обѣдни священная процессія вышла по направленію къ кувукліи въ такомъ порядкѣ: 150 священниковъ по два въ рядъ; съ хоругвями шли впередъ, для несенія которыхъ были наряжены наши малороссы-хохлы, и для этого облачены въ стихари и препоясаны крестообразно ораями. На блѣдныхъ лицахъ ихъ печатлѣлся и страхъ и удивленіе, и радость и благоговѣніе; они не могли себѣ и представить и понять: какимъ это родомъ они очутились, неподготовленные, въ священныхъ облаченіяхъ, и сдѣлались участниками св. процессіи на такомъ святѣйшемъ и единственномъ мѣстѣ во всей вселенной, какъ Гробъ Господень, и въ иновѣрной чужеземной странѣ? Разумѣется, они до конца своей жизни не забудутъ этихъ дорогихъ исключительныхъ для нихъ минутъ и всегда будутъ съ услажденіемъ хвалиться ими на родинѣ предъ своими присными и всѣми земляками.

За двадцатью пятью рядами священниковъ шелъ настоятель церкви Св. Маріи Египетской, Арабскій священникъ, неся большой сребропозлащенный Крестъ; нѣсколько діаконовъ постоянно кадили на него, а Греческіе монахи то и дѣло, что бѣгали по-между рядами процессіи и изъ серебряныхъ кувшиновъ окропляли священниковъ и народъ разными ароматами. Шествіе замыкалъ Патріархъ съ чуднымъ жезломъ въ рукѣ, въ богатой митрѣ съ большимъ брилліантовымъ орломъ на передней сторонѣ ея. Предъ нимъ несли изящный и дорогой металлическій Крестъ, а сзади надъ головой — благолѣпную Воскресенскую хоругвь. Онъ благословлялъ народъ. Богомольцы одинъ наперерывъ другаго стремились у cadaго священника облобызать Св. Икону и руку, но турецкіе солдаты, стоявшіе вездѣ шпалерами, сдерживали ихъ стремленіе и усердіе; да иначе и быть не могло; ибо, если бы допустить свободу, то волна народная смяла всѣхъ священно-служащихъ своею массою. Священная процессія обошла три раза кругомъ Часовню Гро-

ба Господня, а потомъ одинъ разъ храмъ Воскресенія, что продолжалось болѣе часа; затѣмъ при страшной давлѣ народа, напоръ котораго кавасы вынуждены были сдерживать палками, мы вошли въ алтарь, а Патріархъ съ Греческими архимандритами остановился у кувукліи для окончанія начатой молебной литіи. По совершеніи оной, разоблачившись, отправился, въ сопровожденіи архіереевъ и духовенства и въ преднесеніи большой горящей свѣчи въ подсвѣчникъ, въ свои покои, при звонѣ колоколовъ и привѣтствіяхъ стоявшихъ на площади храма турецкихъ солдатъ. Желаящіе пошли къ Патріарху для поздравленія со вселенскимъ праздникомъ, на чашку кофе и рюмку раки. Всѣ лавки Христіанъ въ этотъ день до самаго вечера были заперты, не смотря на кипучій торгъ въ магазинахъ мусульманъ. Это не лишній урокъ для насъ, Русскихъ! Наше купечество, не смотря на благочестивое желаніе многихъ служащихъ у нихъ, и желаніе самыхъ обществъ, никакъ не можетъ, ради славы Божіей и своихъ нравственныхъ выгодъ, отказаться отъ корыстныхъ расчетовъ съ мірской суетой и на нѣсколько дней въ году,—не можетъ цѣлый праздничный день не торговать.

Къ этому описанію еще нужно прибавить и то, что анаематствованія, которое у насъ совершается по особенному чину въ недѣлю Православія при архіерейскомъ служеніи, здѣсь, при Святомъ Гробѣ, не бываетъ, во избѣжаніе проявленія вѣроисповѣднаго фанатизма, при которомъ, очевидно, дѣло дошло бы и до рукопашной схватки и уничтоженія святыни.

Но я еще не все покончилъ: едва вышелъ изъ храма Греческій Патріархъ, какъ Армяне начали устраивать свой крестный ходъ, тоже вокругъ кувукліи. Я интересовался видѣть Армянскаго Патріарха въ его полномъ облаченіи еще и потому, что онъ, какъ мнѣ раньше передали, очень похожъ лицомъ на меня, и вмѣстѣ съѣтимъ желалъ посмотрѣть и на ихній крестный ходъ. Вотъ на лѣстницѣ показались двѣ хоругви, за ними діаконъ въ митрѣ несъ большой металлическій крестъ, а по бокамъ два мальчика съ свѣтильниками, далѣе около пятидесяти юношей въ стихаряхъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ и развернутыми служебными книжками, по которымъ они своеобразно и дико пѣли церковные гимны во все горло, не щадя своихъ силъ, живота и чужихъ ушей; потомъ шелъ діаконъ, окроплавшій народъ розовою водой, за нимъ—около 30 свя-

щенниковъ попарно, но въ разстояніи одинъ отъ другаго на два аршина, въ остроконечныхъ клобукахъ съ покрывалами и съ небольшими, но цѣнными крестиками въ рукахъ, подножіе которыхъ они держали въ маленькихъ изящныхъ кружевныхъ салфеткахъ; ризы на нихъ были шелковые съ малиновыми разводами, похожія на наши, только застегивающіяся у подбородка, на подобіе нашихъ бурокъ. Ближе къ Патріарху шли четыре архіерея, тоже въ клобукахъ и въ такихъ же священническихъ облаченіяхъ, какъ и священники, только поверхъ омофоры; возлѣ самаго Патріарха шли шесть священниковъ въ митрахъ на головѣ и съ большими богато украшенными Евангеліями на рукахъ; процессію замыкалъ Патріархъ въ роскошной ризѣ съ длинными воскриліями, которыя поддерживали по сторонамъ два діакона, риза съ стоячимъ, шитымъ золотомъ воротникомъ, какъ у нашихъ генераловъ, ниже котораго возложенъ омофоръ съ золотыми, красиво расположенными кистями, задній конецъ котораго волочился по землѣ; на головѣ богатая остроконечная тіара, какъ и у латинскаго Патріарха, (называемая здѣсь почему-то наглавникомъ или украшеніемъ головы, по чину Мелхиседекову), украшенная на передней сторонѣ брилліантовымъ крестомъ, а на задней—изображеніемъ Воскресенія Христова, а выше въ остроконечной верхушкѣ—Духа Святаго; на груди двѣ панагіи и Русскій орденъ. Затѣмъ въ одной рукѣ онъ держалъ длинный золоченый жезлъ, на подобіе тѣхъ, которые имѣютъ наши пастухи при стадѣ для ловли за ноги овецъ, только нижній конецъ здѣсь обращенъ вверхъ и сдѣланъ рукояткой, а въ лѣвой, мизинецъ которой былъ украшенъ широкимъ съ крупными брилліантами перстнемъ—небольшой крестъ съ рукояткой, обвернутой въ салфеточку, которымъ онъ съ достоинствомъ осѣнялъ стоявшій народъ. Процессія тоже обошла Часовню Гроба Господня три раза. Что затѣмъ было, я не видѣлъ, такъ какъ спѣшилъ на кофе къ православному гостепріимному Патріарху, гдѣ засталъ болѣе 200 посѣтителей.

Еще не обо всемъ я сказалъ изъ того, что въ нынѣшній день видѣлъ и осязалъ въ Святогробскомъ храмѣ: напр., не говоритъ о престолѣ его, имѣющемъ вѣрше шесть аршинъ и съ широкою ступенью спереди; отрубнищъ на немъ, высѣченной изъ малахита въ формѣ церкви, о громадномъ мраморномъ надѣ нимъ балдахинѣ

или сѣни, которая во время причащенія священнослужащихъ закрывается кругомъ завѣсами отъ посторонней публики, которой въ алтарѣ въ торжественные дни всегда много. При этомъ я примѣтилъ, что въ среднемъ ярусѣ иконостаса прикрѣплены деревянная доска, въ которую бьютъ къ заутрени, три большихъ металлическихъ тарелки, на подобіе крышекъ съ кострюль, нѣсколько висящихъ желѣзныхъ полосъ разной величины и четыре колокола; въ верхнемъ же ярусѣ—хоры лицомъ въ алтарь, на которыхъ во время служенія было биткомъ набито женщинъ, которыя во все время безпрепятственно смотрѣли на всѣхъ и на все, что совершается въ алтарѣ.

Такъ-какъ вторникъ каждой недѣли посвященъ церковію памяти Св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня, то я и отправился въ монастырь его имени—недалеко отъ храма Гроба Господня, въ которомъ монастырь въ Великій постъ всегда по вторникамъ совершается Преждеосвященная обѣдня. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самой обители и о церкви оной. Монастырскія зданія устроены прочно и красиво и содержатся въ чистотѣ, но игумены его, какъ бы кто изъ нихъ ни былъ хорошъ нравственно, мѣняются каждое трехлѣтіе въ матеріальныхъ расчетахъ Патріархіи. Каждый поставляемый въ настоятели долженъ непременно заплатить ей опредѣленную субсидію, которую онъ и старается въ теченіи трехлѣтія возвратить сугубо, почему въ церкви, кромѣ приличнаго иконостаса, бѣдность поразительная. Настоящій игуменъ-архимандритъ—молодой человѣкъ, лѣтъ 22-хъ, и у него братіи всего четыре души,—конечно, такъ мало изъ своихъ же экономическихъ расчетовъ, такъ что въ теченіи всего поста у него служили нарочито приговоренные на это горячее время изъ другихъ монастырей іеромонахи. Когда я вошелъ въ алтарь, началась и Преждеосвященная Литургія. Здѣсь мнѣ бросился въ глаза престолъ со всѣхъ трехъ сторонъ огражденный желѣзною въ $\frac{1}{2}$ арш. рѣшеткою въ верхней части своей, а для какой цѣли—не могъ понять. При богослуженіи замѣтилъ нѣкоторыя обрядовыя особенности, какъ напр.: во время вынутія Агнца изъ ковчега, перенесенія его на жертвенникъ и покрытія Св. Даровъ покровцами, царскія врата закрыты были завѣсой и дискосъ покрывался на престолѣ; первый стихъ—«да исправится молитва моя» пѣлъ въ алтарѣ служащій священникъ,

остальные стихи до конечнаго «да исправится» — на клиросѣ, послѣдній стихъ пѣлъ опять священникъ; на колѣна при этомъ никто не становился ни изъ служащихъ, ни изъ предстоящихъ во храмѣ; кромѣ этого, за каждымъ стихомъ священнодѣйствующій мѣнялъ свое мѣсто у престола, сначала онъ стоялъ и кадилъ переднюю сторону престола, потомъ во время пѣнія втораго стиха на правой сторонѣ его, затѣмъ на лѣвой, подъ конецъ на задней и, наконецъ, опять на передней. Во время пѣнія «да исправится» царскія врата были отверсты, тогда какъ у насъ въ Россіи во многихъ храмахъ въ это время заключены. Послѣ сугубой эктениі читаны были и эктениі объ оглашенныхъ, которыя у Грековъ, кромѣ Великаго Поста, никогда не говорятся; въ концѣ обѣдни архимандритъ-настоятель внесъ въ алтарь золотой ковчегъ въ видѣ чаши, съ частию главы Святаго Іоанна Предтечи, наливъ въ него сквозь скважины воды, подносилъ всѣмъ намъ для лобызанія его и испитія воды, освященной прикосновеніемъ къ честнымъ останкамъ великаго Пророка, которая съ вѣрою причащающимся ей и мажущимся ею подаетъ исцѣленіе въ трясовицахъ. Получивши антидоръ, я зашелъ къ Гробу Господню и, поклонившись тамъ всѣмъ святынямъ, отправился прямо къ Палестинскому Патріарху для полученія разрѣшительнаго фирмана на безпрепятственное совершеніе богослуженій по всей Св. Землѣ, гдѣ только мнѣ пожелается, и получилъ. По полученіи акта Его Святѣйшество усадилъ меня возлѣ себя на диванчикѣ и распрашивалъ: съ какихъ я мѣстъ Россіи; давно ли пріѣхалъ; сколько лѣтъ состою священникомъ; холодно или тепло у насъ; большіе ли бываютъ у насъ морозы и снѣга; сильныя ли дуютъ у насъ вѣтры, и есть ли теперь ледъ; родится ли у насъ въ Россіи пшеница; почему это у меня такая цвѣтная камилавка? На послѣднее я отвѣчалъ, что у насъ только черное духовенство или монахи носятъ черныя камилавки и притомъ, какъ необходимую принадлежность своего чина, а бѣлое духовенство или мірскіе священники не имѣютъ никакихъ, — и обѣдни служатъ и требы исправляютъ нерѣдко на открытомъ воздухѣ при страшной стужѣ и мятели съ непокрытыми главами до тѣхъ поръ, пока за полезную и долговременную службу не наградить ихъ правительствомъ фіалетовою — въ отличіе отъ монаховъ — скуфьею или камилавкою, которыхъ иные удостоиваются только на закатѣ дней своихъ,

а бываютъ и такіе, которые и во гробъ нисходятъ со скорбію, непокровенными. А за камилавкою, какую награду даютъ? Я отвѣчалъ: наперсный крестъ.—А вы имѣете его? Ожидаю въ настоящемъ году, было моимъ отвѣтомъ. Затѣмъ Блаженнѣйшій позвонилъ въ большой колокольчикъ и велѣлъ подать кофе, прежде котораго принесено было глико и рака. Покончивъ съ кофе, я перекрестился, поцѣловалъ руку сановитому хлѣбосолу, а онъ при этомъ меня—въ правую ланиту, и хотѣлъ было идти, какъ въ эту минуту я вспомнилъ и передалъ переводчику, что Его Святѣйшество въ бытность мою въ Палестинѣ въ 1875 году, по моей усердной просьбѣ, обѣщалъ мнѣ выслать свою карточку въ Россію, такъ какъ тогда въ наличности таковыхъ не оказалось, но я и до сихъ поръ не получалъ таковой, почему я осмѣливаюсь просить, осчастливить меня теперь ею. Патріархъ ту-жъ минуту пошелъ въ кабинетъ и вынесъ оттуда свою прекраснѣйшую большую фотографическую карточку и, сдѣлавши собственноручно на ней надпись, вручилъ мнѣ въ изящномъ футлярѣ, за что я три раза облобызалъ его десницу. Дорогой, архидіаконъ-переводчикъ замѣтилъ, что Святѣйшій никому еще не давалъ такой большой и хорошей карточки.

На пути къ Русскимъ постройкамъ мнѣ что-то взгрустнулось, я почему-то невольно вспомнилъ о нашемъ добромъ Царѣ и задалъ себѣ вопросъ: спокойно и благополучно ли теперь у насъ, въ Россіи? И не успѣлъ еще дойти до своей квартиры, какъ мнѣ объявили, что получена телеграмма о томъ, что Русскій Царь, возвращаясь въ коляскѣ съ парада домой, брошенной бомбой съ динамитомъ разорванъ на части и, поживъ послѣ этого нѣсколько минутъ въ тяжкихъ страданіяхъ, скончался 1-го марта; телеграмма же объ этой катастрофѣ получена въ Іерусалимѣ на другой день въ 10^{1/2} часовъ утра, и вѣсть о ней вмигъ, съ быстротой электрической искры облетѣла всѣ номера Русскихъ поклонниковъ, поднялась суматоха:—плачъ, вой, ревъ огласили своды комнатъ и корридоровъ; кто проклиналъ убійцъ и желалъ, чтобы ихъ повѣсили за ноги или прямо искрошили, какъ капусту, на кусочки, кто ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ, иные бѣжали въ Русскую церковь, становились на колѣни и усердно молились объ упокоеніи души добрѣйшаго и благодѣтельнѣйшаго изъ Государей въ царствѣ неповинныхъ мучениковъ; а другіе, прислонившись къ дереву или

опершись на рѣшетки цистернъ, съ поникшей головой, рыдали горючими слезами, причитывая: только и свѣта повидѣли, что при этомъ Царѣ; солнышко ты наше ясное, зачѣмъ ты такъ рано закатилось? Чтобы этимъ прокл.. убійцамъ ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ не было добра! До этого печальнаго извѣстія поклонники то и дѣло суетились и сновали по двору и на улицахъ города, кто за покупкой, а кто для поклоненія разнымъ святынямъ, а то не стало видно никого: всѣ позабывались въ свои углы и скорбѣли скорбію непритворною, позабывъ даже о пищѣ; нѣкоторые же стали укладывать въ мѣшки свой багажъ и готовиться въ обратный путь, говоря: теперь намъ не сдобровать здѣсь между нехристями; турки, какъ узнаютъ, что нашъ Царь убитъ, прійдутъ и насъ всѣхъ тутъ побьютъ: некому теперь насъ защищать; Защитникъ и Покровитель нашъ былъ Батюшка-Царь Александръ Николаевичъ.

Въ три часа того же дня въ нашей Миссіи начался звонъ на панихиду по Государѣ, съ перезвономъ во всѣ колокола, на которую явились для молитвы всѣ наши поклонники, даже и больные и все Русское консульство съ консуломъ во главѣ. По пропѣтіи пѣвчими «Святыи Боже», когда іеродіаконъ возгласилъ на эктении дрожащимъ отъ слезъ голосомъ: о приснопамятномъ рабѣ Божиѣмъ Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ всея Россіи Александрѣ II-мъ, вся церковь плакася громкимъ и великимъ плачемъ до одной души. О, какъ умиротельна, какъ трогательна была эта слезная молитва Русскаго человѣка на иноземчинѣ, гдѣ для него все почти чужое, кромѣ всемірной святыни и Русскаго дорогаго имени! Но тутъ-то, въ этомъ одиночествѣ, тѣмъ сердечнѣе лилась теплая молитва къ Царю всѣхъ царей и народовъ объ упокоеніи души благодѣлательнѣйшаго и челолюбивѣйшаго изъ владыкъ земныхъ.

4-го Марта назначена была Іерусалимскимъ Патріархомъ панихида по Русскомъ Царѣ при Живоносномъ Гробѣ Господнемъ. Къ назначенному времени мы съ членами Миссіи прибыли въ храмъ Воскресенія. Народу разныхъ вѣръ и націй собралось неимоверное множество, такъ что давка была страшная; заняты были всѣ галлерей отъ пола церковнаго до купола, даже запружены были народомъ всѣ яруса Воскресенскаго иконостаса. Панихиду совершалъ Греческій Патріархъ съ четырьмя архіереями въ полныхъ траурныхъ архіерейскихъ облаченіяхъ, расшитыхъ серебряными узо-

рами съ картиннымъ изображеніемъ на нихъ страстей Господнихъ, 12 архимандритами, въ числѣ коихъ первенствовалъ нашъ достопочтенный о. Антоній, 10 Русскихъ и Афонскихъ іеромонаховъ, трое нашихъ мірскихъ священниковъ, въ числѣ коихъ былъ и я, и 40 священниковъ Греческихъ и Арабскихъ. Присутствовали въ числѣ богомольцевъ: Армянскій Патріархъ, Коптскій епископъ и Іерусалимскій паша, Латинскій же Патріархъ не благоизволилъ; а въ массѣ народной виднѣлись: Французы, Нѣмцы, Англичане, Турки, Арабы, Персіане, Копты, Абиссинцы и др. народности. Всѣмъ присутствовавшимъ, безъ различія вѣроисповѣданій, раздаваемы были свѣчи, такъ что ихъ, судя по величинѣ свѣчей и по массѣ народа, вышло не менѣе 100 пудовъ,—даже Турки и Персіане не отказывались отъ полученія свѣчей, только не зажигали ихъ, и всѣ онѣ остались по окончаніи панихиды въ собственность каждого: понесли ихъ домой для памяти генеральныя консулы, и вѣрные, и невѣрные. Жаль только, что гулъ толпы, крикъ распорядителей, церемоніальные входы и провожанія на опредѣленные мѣста представителей разныхъ государствъ съ ихъ штатами, постоянныя шнырянья кавасовъ и прислужниковъ церковныхъ, перезвонъ колоколовъ во все время совершенія литіи,—все это нѣсколько вліяло на сосредоточенность чувствъ въ священные минуты молитвы. По окончаніи панихиды всѣ участвовавшіе въ ней и въ парадѣ приглашены были къ Патріарху—помянуть царственнаго Покойника; здѣсь сначала разносили гостямъ коливо, уложенное всевозможными сладостями изъ засахаренныхъ плодовъ и съ неизбѣжнымъ у Грековъ анисомъ и другими сѣменами, потомъ варенье и раку, затѣмъ кофе и, наконецъ, за упокой Государя, наливали изъ раззолоченныхъ бутылокъ въ особенныя рюмки какую-то жидкость, которая оказалась благовоннымъ, сладкимъ и вкуснымъ нектаромъ, и за симъ къ каждому выпившему подходилъ прислужникъ съ серебрянымъ кувшиномъ и вливалъ на руки нѣсколько капель розовой воды, что было знакомъ окончанія угощенія и намекомъ къ выходу. Но прежде нежели выдти намъ, получена была телеграмма, извѣщающая о восшествіи на Русскій Престолъ Императора Александра III, съ чѣмъ сейчасъ же и начались поздравленія Русскаго консула и Русскихъ.

Странно было, по выходѣ на улицу, смотрѣть непривычному нашему глазу, какъ къ парадному ходу

квартиры Патріарха поднесенъ былъ 6 дюжими арабами не то ящикъ, не то сундукъ, привинченный къ древамъ, расположеннымъ на подобіе нашихъ погребальныхъ носилокъ и поставленъ на землю. Оказалось, что это поданъ былъ экипажъ для Русскаго консула.—И онъ, громаднѣйшій ростомъ, вооруженный папирской, покрытый трехъ-уголкой и испещренный разными загадочными регаліями, открывъ отверстіе въ боку этой колесницы, всунулся въ нее и потомъ въ предшествіи пяти кавасовъ несенъ былъ до своей квартиры такъ, какъ у насъ несутся мертвецъ на кладбище, только съ тѣмъ различіемъ, что онъ сидѣлъ, а не лежалъ. Этотъ экипажъ извѣстенъ намъ по книгамъ подъ названіемъ паланкина.

Вечеромъ я ходилъ ночевать ко Гробу Господню,—и когда собрались во едино всѣ наши богомольцы на акаѳистъ, я имъ сказалъ по поводу неожиданной кончины нашего Государя нижеслѣдующую рѣчь.

«Любезные мои соотечественники и благочестивые поклонники св. мѣстъ Палестины! Не стало нашего Батюшки Русскаго Царя! Онъ сраженъ вражескою рукою! Не узрѣть болѣе Россія Его свѣтлаго лица, не увидитъ Его привѣтливаго взгляда, не услышитъ Его кроткаго, ласковаго слова, не ощутитъ Его отеческаго попеченія. О Россіяне, о друзья мои! До чего мы дожили! Какое несчастіе обрушилось на нашу голову! Лишиться Царя, и такого, каковъ былъ нашъ Русскій! Царь—Александръ Николаевичъ—подлинно для насъ великое бѣдствіе есть грозное и тяжелое посѣщеніе Божіе! Отъ чего эта потеря такъ тяжела для насъ? Оттого, что добрый, сердобольный и заботливый Отецъ дорогъ для семьи, и потеря Его есть тяжелое горе, неисцѣлимая рана! А нашъ Царь-Отецъ, развѣ менѣе любимаго отца заботился о насъ, узнавая наши нужды? Какое сословіе оставлено безъ Его царственнаго вниманія, безъ тщательнаго ухода за нимъ? Изъ многого довольно вспомнить то, что при жизни народъ называлъ Его Царемъ-Освободителемъ. Предъ однимъ этимъ именемъ благоговѣютъ не только русскіе православные и единокровные и единовѣрные намъ Славяне, имъ освобожденные, но и чужеземные и иновѣрные народы. Вы сами были очевидцами, какъ сегоднѣ утромъ, безъ всякаго зова, подъ своды этого храма стеклись тьмы темъ народа, разныхъ вѣръ, народностей и концовъ вселенной, чтобы излить свою скорбь

о безвременной кончинѣ отъ рукъ злодѣевъ Царя, и вознести свои молитвы ко Господу о вѣчномъ упокоеніи души благодѣтельныйшаго изъ всѣхъ Царей земныхъ. А сейчасъ на пути ко Гробу Господню я видѣлъ, какъ наши старики богомольцы плакали навзрыдъ, приговаривая: «Кормилецъ Ты нашъ, краса Ты наша! Солнышко Ты наше ясное! При Тебѣ только мы и увидали свѣтъ Божій! И вотъ Ты, ненаглядное, закатилось!»!

Да, повторяю еще, лишиться такого Царя—есть великое несчастье, ниспосланное на насъ Самимъ Богомъ, ниспосланное за грѣхи наши. Чтобы намъ болѣе убѣдиться въ этомъ, я сошлюсь на священные книги, повѣствующія о царяхъ и народѣ той земли, на которой мы теперь съ вами стоимъ,—земли Обѣтованной. Пока избранный народъ Божій—Евреи не забыли Бога и исполняли данныя имъ чрезъ Моисея заповѣди, Господь благоволилъ къ нему и любилъ его, и правители у него были мудрые и благочестивые, заботившіеся о благѣ народномъ. А когда они оставили Бога и забывали Его святой законъ, предавались нечестию и разврату, Богъ отнималъ у нихъ добрыхъ царей и мудрыхъ правителей; а съ утратой ихъ, вмѣсто мира и благоденствія, водворилось всякаго рода нестроение и неурядицы, они лишились помощи Божіей, враги опустошали ихъ страну, разоряли города, уводили въ плѣнъ, гдѣ они стонали и плакали, вспоминая свой священный Сіонъ. А когда они обращались къ Богу, калялись въ грѣхахъ, Онъ спасалъ ихъ и посылалъ миръ и благоденствіе.

Какая же причина того, что Богъ такъ неожиданно и негаданно лишилъ насъ такого добраго Царя, по сердцу Божію, по сердцу народа? За что Господь послалъ нашему дорогому отечеству такое великое бѣдствіе, такое тяжкое горе? Почему Господь попустилъ благому Царю пасть отъ руки злодѣя, и кто этотъ злодѣй? Злодѣя народъ будетъ знать, и навсегда будетъ тяготѣть надъ его именемъ народное проклятіе; а мы всѣ будемъ считать себя неповинными въ крови Царя—праведника.

Но такъ ли это? Можемъ ли мы считать себя совершенно непричастными къ этому дѣлу?

Нѣтъ. Не можемъ, не имѣемъ права такъ сказать! Кровь Его пролита, жизнь Его прекращена чрезъ насъ, за насъ, грѣхъ ради нашихъ, за беззаконія наши! Вдумаемся поглубже, всмотримся попристальнѣе въ себя,

заглянемъ каждый въ свою душу: какова была наша жизнь досель?

Любили-ли мы Бога больше всего, свято ли мы хранили и исполняли Его законъ? Мы скажемъ, что исполняли: мы ходили въ храмы Божіи, мы постились, мы подавали милостыню. Но если бы здѣсь, среди насъ, явился Самъ Господь, то Онъ, грозный обличитель фарисейскаго лицемерія, быть можетъ назвалъ бы насъ гробами повапленными за то, что мы исполняемъ обряды закона, а не исправляемъ, не очищаемъ своего сердца отъ сквернъ грѣховныхъ. Если бы и теперь Онъ благоволилъ учить насъ лично, какъ училъ нѣкогда Еврейскій народъ, то Онъ сказалъ бы намъ то, что говорилъ тогдашнимъ фарисеямъ: «Горе вамъ, горе! Отраднѣе будетъ въ день суда Содому и Гоморрѣ, нежели вамъ. Вы христіане только по имени, и хотя по видимому не имѣете идоловъ и не кланяетесь имъ, но вы подобны идолопоклонникамъ, ибо не столько угождаете Мнѣ, сколько своему чреву; вы болѣе служите и скорѣе преклоняетесь предъ мамоною, нежели предо Мною. Ибо, ради выгодъ и благъ земныхъ, вы часто попираете законъ Мой, готовые ради корысти покривить душой предъ Крестомъ и Евангеліемъ, служите плотскимъ похотямъ. Чего только ни пожелаетъ плоть, чего только ни потребуетъ, вы, какъ крѣпостные рабы, исполняете безпрекословно ея волю. Вы всѣ уклонились отъ Меня, и беззаконія ваши вопіють ко Мнѣ день и ночь. Я вразумлялъ васъ добромъ, посылая вамъ блага, но вы не вразумились. Я наказывалъ васъ бѣдствіями, моромъ скота и дѣтей вашихъ (чума, дифтеритъ), засухою, песьими мухами, саранчею, вѣтромъ тлетворнымъ, скудостію хлѣба и злаковъ; но ваше сердце такъ окаменѣло, что васъ не вразумили ни Моя любовь, ни гнѣвъ Мой, и вы не обратились ко Мнѣ, не исправились. Вотъ еще наказую васъ: отнимаю у васъ Царя по сердцу Моему и вашему. Если вы и послѣ этого не покаетесь и не исправите своей жизни, то несчастіямъ и бѣдамъ вашимъ не будетъ конца. *«Имѣйи уши слышати, да слышати»!*

Да, грозны прежнія посѣщенія Божіи, наказавшія насъ скудостію и болѣзнями; но потеря Царя-Отца, Освободителя, смерть его отъ руки убійцы, есть такое бѣдствіе, какое не посѣщало еще нашего народа никогда, никогда! Но приидите, падемъ на землю предъ симъ Живоноснымъ Гробомъ нашего Испытателя и

прольемъ предъ Нимъ слезы покаянія во грѣхахъ нашихъ, да помилуетъ Онъ насъ и весь народъ нашъ, и даруетъ намъ силу быть иными, лучшими. Онъ, Милосердый, помилуетъ насъ, избавить насъ отъ бѣдъ и скорбей, пошлетъ намъ благораствореніе воздуха, плодородіе земли, времена мирныя, укрѣпитъ насъ въ любви и преданности Царю.

Теперь, повѣдая Богу печаль и скорбь всего русскаго народа о горькой потерѣ нашего Народолюбца-Царя, столько лѣтъ болѣвшаго сердцемъ изъ-за дерзкихъ покушеній обезумѣвшихъ умниковъ, посягнувшихъ на Царя и посягающихъ на вѣру Христову, на ниспроверженіе государственнаго порядка,—сокрушаясь о семъ, прольемъ усердную молитву ко Господу, чтобы Онъ, пострадавшій и умершій за насъ, погребенный и воскресшій изъ сего Живоноснаго Гроба, и почившаго нашего Царя-мученика, упокоивъ въ нѣдрахъ Авраама, гдѣ нѣтъ болѣзней, печали и воздыханій, въ день всеобщаго воскресенія вселилъ Его въ горнемъ Іерусалимѣ для вѣчной и блаженной жизни, въ царствѣ праведныхъ. Рцемъ вси, отъ всея души и отъ всего помышленія нашего рцемъ: со святыми упокой, Христе, душу усопшаго раба твоего Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича и сотвори Ему вѣчную память! Аминь».

Когда я утромъ слѣдующаго дня возвратился домой, то увидѣлъ недалеко отъ воротъ Миссіи шесть палатокъ, разбитыхъ ночью пріѣхавшими наканунѣ англичанами. Практичныя, право, и своеобразныя эти альбіоны. У нихъ все по своему. Палатки въ видѣ восьмигранныхъ съ куполами часовень и золочеными шарами сверху, стѣнки которыхъ увѣшаны красивыми ландшафтными коврами, уставлены комфортабельно, какъ дома, столами, креслами, табуретами, желѣзными кроватями съ матрадами, подушками и туалетными и кухонными принадлежностями; виднѣлись даже картины и цвѣты въ вазахъ, а повара пристраивали на колушкахъ дорожный очагъ для варки кушаньевъ. На другой день весь этотъ скарбъ моментально уже былъ уложенъ въ сундуки, которыми навьючили восемь верблюдовъ, а туристы, закупорившись съ ногъ до головы въ кожаные бурнусы, возсѣли верхомъ на арабскихъ скакуновъ и, не смотря на ливень, быстро помчались далѣе обозрѣвать Палестину, а мы, Русь неопытная, остались дома, покаивая головами въ ожи-

даніи лучшей погоды, хотя сильно порывались ѣхать въ Хевронъ.

Въ воскресенье 8 марта я готовился служить въ Геесиманіи на Гробѣ Божіей Матери литургію въ четыре часа ночи, но къ этому времени при сильномъ вѣтрѣ и дождѣ началъ падать густой снѣгъ, какъ у насъ въ Россіи; это меня сильно обезкуражило, такъ какъ до Геесиманіи путь далекій, съ большими и частыми рытвинами; и при томъ въ ночную пору, при непогодѣ и одному, идти было не безопасно, даже рискованно. Но при добромъ дѣлѣ рѣдко обходится безъ испытанія, которое могло послѣдовать въ настоящій разъ уже и потому, что я многократно, многообразно и тяжело оскорблялъ своими грѣхами Пресвятую Владычицу. Чтобы прогнать смущеніе и пріободрить себя, я сталъ предъ ликомъ Богоматери и воззвалъ къ ней изъ глубины души: «Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице! Отъ многихъ грѣховъ немоществуетъ тѣло, немоществуетъ и душа моя: къ Тебѣ прибѣгаю Благодатнѣй, Надеждо ненадежныхъ, Ты ми помози, Мати Бога Вышняго! Пріими моленіе раба Твоего, скорбь бо обдержитъ мя, разрѣши ту яко волиши, терпѣти не могу демонскаго стрѣліянія, покрова не имамъ, ниже гдѣ прибѣгну окаянный, обремененный грѣхми многими и утѣшенія не имамъ, развѣ Тебе, Владычице міра, упованіе и предстательство вѣрныхъ, не презри моленіе мое и полезно сотвори: елика бо хоцещи, можещи. Все упованіе мое на Тя возлагаю, Мати Божія, сохрани мя подъ кровомъ Твоимъ». Чтобы не промокнуть отъ продолжавшагося сильного ливня, я взялъ у одного изъ Миссійскихъ пѣвчихъ толстую бурку или плащъ и подъ тяжестію ея, удвоивавшеюся отъ мокроты, едва дошелъ до Геесиманіи, но дошелъ благополучно и своевременно. Обѣдня прошла прекрасно, но изъ нашихъ богомольцевъ не было почти никого, по причинѣ дурной погоды, и на клиросѣ пѣли Греки. Я помянулъ у Живопріемнаго Гроба Обрадованной и во успеніи насъ неоставляющей своихъ родныхъ, Изюмчанъ и всѣхъ когда либо бывшихъ моихъ прихожанъ, какъ живыхъ, такъ и отшедшихъ. Послѣ дождя и снѣга воздухъ сдѣлался до того пріятнымъ, освѣжительнымъ и отъ множества цвѣтущихъ деревъ и злаковъ—благовоннымъ, что не хотѣлось далѣе и идти изъ Геесиманіи,—душой овладѣвали самыя возвышенныя святыя чувства, мысли... одна другой

благочестивѣе и утѣшительнѣе... а дорогой сосѣдъ—Елеонъ своею весеннею зеленью, пышностію и прелестнымъ видомъ такъ и манить на свое величественное чело. О, гора, гора Божія! Какъ я люблю тебя! И до смерти бы не разстался съ тобою, вѣкъ бы приметался на твоихъ дивныхъ высотахъ: такъ облисталъ тебя Своею красотою и Своимъ присутствіемъ Вышній! Но ты, присуща мнѣ и издали: я зрю тебя ежеминутно и изъ нѣдръ моего Іерусалимскаго жилища и, вспоминая Вознесшагося на небо, съ твоего чела, и самъ поучаюсь стремиться мыслями и всею душою въ гору... При прощаніи съ достойнѣйшимъ настоятелемъ Геесиманскаго вертепа, о. архимандритомъ Поликарпомъ, онъ объяснилъ мнѣ, что въ бытность мою въ 1875 г. въ Палестинѣ онъ былъ профессоромъ патріаршей семинаріи, которая во время послѣдней Турецкой войны по неимѣнію средствъ закрыта, хотя въ ней, говорилъ о. Поликарпъ, настоитъ великая нужда, въ виду сильной папистической пропаганды, и, Греки надѣются, что Россія пособитъ имъ на этотъ разъ. Проходя мимо храма Гроба Господня, я увидѣлъ стоящихъ на площадкѣ его Турецкихъ солдатъ и двери его отворенными, почему счелъ долгомъ зайти и помолиться у Святиногробскихъ Святыхъ. Здѣсь я засталъ Латинскаго Патріарха, слушающаго обѣдню.

Онъ сидѣлъ подъ балдахиномъ въ мантии, руки вытянуты были въ черныя лайковыя перчатки и на одномъ изъ пальцевъ блисталъ дорогой перстень; по бокамъ его сидѣли два бискупа, обѣдню же совершали соборне три патера при богатой и изящной обстановкѣ и толпѣ прислужниковъ; пѣвчіе, душъ около 30-ти, пѣли прекрасно, а всѣ учащіеся изъ Іерусалимскихъ католическихъ учебныхъ заведеній, всю обѣдню стояли на колѣнахъ. Порядокъ во всемъ образцовый! Не даромъ же, подумалъ я, они и успѣваютъ болѣе другихъ въ своей пропагандѣ. По окончаніи литургіи, Патріархъ вышелъ изъ латинскаго придѣла, въ преднесеніи креста и свѣтильниковъ, при колокольномъ звонѣ, одѣтый въ распахнутый кафтанъ, подъ которымъ виднѣлась длинная, фіалетоваго цвѣта, жилетка, поверхъ кафтана накинута была шинель коричневаго цвѣта съ большимъ воротникомъ, обшитымъ золотымъ позументомъ; макушка головы прикрыта была красной ермолкой; по выходѣ же изъ дверей храма, онъ надѣлъ большую крылатую шляпу съ серебряными и золотыми

перьями, и такъ пошелъ въ свою квартиру, благословляя народъ въ перчаткѣ.

Теперь удосужившись и осмотрѣвшись, мнѣ хочется сказать что-либо о нашихъ Русскихъ постройкахъ,—этомъ временномъ и уютномъ пристанищѣ утомленнаго Палестинскаго путника дальняго Сѣвера, подъ благодатнымъ кровомъ котораго пріютился и я. Оно расположено не менѣе, какъ на десяти десятинахъ почти ровной площади къ западу отъ Іерусалима и обнесено крутомъ высокой, толстой и прочной каменной стѣной; напротивъ его, по лѣвую сторону, по Гитонской долинѣ, идетъ длинная и большая усадьба Сиріанъ. Мѣстность, занимаемая имъ, прекрасная, здоровая, окруженная съ трехъ сторонъ великолѣпными виллами новѣйшихъ насельниковъ, красивыми скверами и виноградными и масличными садами, такъ что видъ съ оконъ верхнихъ этажей его на южную и особенно на западную сторону весьма живописенъ. А если еще прибавить, что по разнымъ направленіямъ отсюда вдали виднѣются въ оливковыхъ рощахъ небольшія домики причудливыхъ формъ, по между которыми змѣйкой вьется одна тропа на священный Виледемъ, а другая на Крестный монастырь и Горній Градъ Іудовъ, спрятавшійся за высотами, то описанный ландшафтъ представится еще красивѣе. Войдя въ обширный дворъ, вы теряетесь глазами между множествомъ построекъ и не рѣшаетесь идти далѣе безъ проводника, который тутъ-же у калитки къ вашимъ услугамъ. На первомъ планѣ стоитъ примыкающая къ оградѣ сторожевая изба для дворника и ночныхъ сторожей, за симъ влѣво большой трехъ-этажный домъ съ зелеными ставнями,—это больница для захворавшихъ богомольцевъ, больница, которая по внутреннему устройству, чистотѣ и уходу за больными могла бы поспорить съ самыми лучшими лечебницами Россіи. Въ ней, между прочимъ, кромѣ доктора и фельдшера, состоятъ на службѣ еще три сестры милосердія изъ С.-Петербурга, а число больныхъ въ зимнее время колеблется между 30—40 душами. Противъ больницы длинное квадратное двухъ-этажное зданіе изъ тесаннаго камня съ двумя парадными ходами съ сѣверо-востока и юго-запада; въ немъ помѣщается домовая церковь довольно обширная, съ изящною отдѣлкою внутри—во имя Равноапостольской Маріи-Магдалины, духовные члены Миссіи, пѣвчіе, пріѣзжее духовенство

Русское и дворянство;—напротивъ, съ сѣверо-восточной стороны прекрасный скверъ и за нимъ цистерна для мытья бѣлья, и ниже—корпусъ въ одинъ этажъ для поклонницъ изъ сословія купческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго. Далѣе къ сѣверо-западу, среди двора почти, высится красивый пятиглавый Троицкій Соборъ съ дюжиною русскихъ пѣвучихъ колоколовъ, гармоническій звонъ которыхъ въ большіе праздники приходятъ слушать массаи разные иновѣрцы и даже латинскіе и армянскіе монахи. За соборомъ къ сѣверо-западу—длинный одно-этажный корпусъ для поклонниковъ изъ низшихъ сословій; наконецъ, въ южной сторонѣ двора пріютились возлѣ великолѣпнаго сквера роскошные домики для Русскаго консула съ канцеляріей и всѣхъ служащихъ при консульствѣ. Между больницей и сторожевымъ домомъ помѣщаются временно торговцы хлѣбомъ, чаемъ, сахаромъ, изюмомъ, инжиромъ, апельсинами, лукомъ, за портой—торговки разными травами: регалемъ, шалфеемъ, редиской, углемъ, дровами; тутъ же сидятъ мѣновщики денегъ, нанимающіе ословъ и муловъ для поѣздки въ разныя мѣста Палестины, башмачники, торгующіе восточною обувью, весьма удобною для здѣшнихъ дорогъ и починяющіе тутъ же, кому угодно, избитую. Въ корридорахъ же, особенно женскаго корпуса, тѣсняются, выбирая поудобнѣе мѣста тоже временные продавцы всевозможныхъ священныхъ предметовъ, благовонныхъ смоль и ароматовъ, каждый выхваляя свой товаръ и навязываясь съ своимъ добромъ, и всякій, конечно, по азіатски, наровить надуть Московъ-матушку или обсчитать въ деньгахъ. На консульскомъ домѣ высится башня, верхъ которой заканчивается длиннымъ шестомъ съ Русской короной, на которомъ въ высокаторжественные, праздничные и воскресные дни нашей Церкви и отечества вывѣшивается Русскій трехцвѣтный флагъ, а въ день событий печальныхъ, какъ напр. въ день кончины нашего Царя—особый флагъ, выражающій скорбь-трауръ. Такимъ образомъ «Русскія постройки» возлѣ Іерусалима есть своего рода небольшой Русскій городокъ, въ которомъ помѣщается до 2000 душъ обоюго пола, разнаго возраста, званія и состоянія, съ духовнымъ и свѣтскимъ начальниками во главѣ, съ двумя храмами, тремя священниками и псаломщиками, съ штатомъ природныхъ Русскихъ пѣвчихъ, больницею, аптекою съ безмезднымъ лѣченіемъ и отпускомъ врачейныхъ

пособій, базаромъ, лавкою и своею полиціею—кавасами и даже почтою.

Не лишнимъ также считаю познакомить моихъ читателей съ главнымъ путемъ, ведущимъ отъ постро-екъ къ предмету всѣхъ чаяній далекаго пилигрима—Св. Гробу Господню, и объ обыденной суетѣ на немъ въ теченіи полугодового поклонническаго періода. Сначала до городскихъ стѣнъ тянется не то площадь, не то широкая улица; на ней всегда достаточно народа идущаго и ѣдущаго на ослахъ, и здѣсь же въ разныхъ углахъ и сторонахъ приючиваются на время азіатскіе караваны съ пшеницею и другими продуктами Востока, слѣдующими въ Іерусалимъ и далѣе въ за-Іорданскія области, на верблюдахъ; по сторонамъ на видныхъ мѣстахъ сидятъ туземные нищіе, большею частію изъ мусульманъ, индѣ совершенно голые или только для приличія прикрытые дырявою тряпкою, притворно дрожа всѣмъ тѣломъ и стуча зубами точно отъ стужи, чтобы этимъ скорѣе вымолить у Московитовъ лепту; индѣ—прокаженные безъ носа и безъ ручныхъ кистей; тамъ шустрые мальчишки и дѣвочки съ испещренными синею краской личиками не даютъ покоя проходящимъ, то цѣпляясь за фалды, то цѣлуя руки ихъ и вскрикивая хоромъ: дай ховата (хлѣбъ)! въ другомъ мѣстѣ такая же стая оборвышей, тутъ же, на выпрошенные деньги ведетъ азартную игру—въ интересъ, сопровождаемую забавными потасовками,—и тамъ и сямъ раздаются жалобные голоса: дай Христа... дай Христа... спасибо Христа ради... прощай... здравствуй... я злебой... (слѣпой)... мой Христинъ (христианинъ, при чемъ дѣлаетъ подобіе крестнаго знаменія)... дай хлѣбъ... и пр.; въ другомъ мѣстѣ Бедуины въ своихъ широкихъ и безыскусственныхъ плащахъ, сшитыхъ изъ разныхъ сортовъ и цвѣтовъ грубаго сукна домашняго пригото-вленія, или въ одной длинной рубашкѣ, съ тюрбанами на головахъ, а чаще, покрытые чернымъ или пестрымъ платкомъ, схваченнымъ вокругъ головы особымъ шну-ромъ и почти всегда босые, тащатъ за поводъ послуш-ныхъ верблюдовъ, снабжающихъ Св. Градъ продуктами Яффы, Бейрута, Смирны и Константинополя; вотъ снуютъ взадъ и впередъ въ бѣлыхъ саванахъ женщины съ открытыми лицами, бѣлыми какъ мраморъ, и при-вѣтливо заглядывая въ фізіономіи проходящимъ по-клонникамъ, окликають ихъ, прижимая руку къ сердцу: Русь хорошъ; будь здоровъ; какъ поживаешь знакомъ;

спасибо! И какъ рады и счастливы онѣ бываютъ, когда имъ также ласково и охотно отвѣтитъ угрюмый поклонникъ: хорошѣ-таибѣ, здравствуй! Это дѣти природы—простодушныя Арабки-Христіанки, такъ расположены душею къ хорошей Московь... А вотъ еще съ навьюченными донельзя зеленью, дровами и углемъ корзинами на головахъ—обитательницы Горняго Града Іудова, въ синихъ, широкихъ и длинныхъ рубашкахъ съ широчайшими, книзу разрѣзными рукавами и длиннымъ напередъ кускомъ не-то холста, не-то шерсти, исправляющихъ должность фартуха; иногда онѣ съ открытою грудью и мѣшками на плечахъ, изъ отверстій которыхъ преспокойно выглядываютъ крошечные потомки Ханаана, подергивая своихъ питательницъ за привѣски, навѣшанные на лбу, ушахъ, подбородкѣ и шеѣ изъ разнаго рода, достоинства и величины—монетъ. Далѣе—тянутся домики съ разными вывѣсками и на разныхъ языкахъ, и даже на двухъ-трехъ изъ нихъ увидите намалеванные Русскіе чайники и надъ ними надпись: «Чайная для Русскихъ»; тутъ же и жидовскія харчевни и турецкія и арабскія кофейни; ихъ не трудно отгадать по пестрой толпѣ въ фескахъ и чалмахъ, безъ разбору сидящей и внутри и снаружи—на улицахъ возлѣ кофейнъ или прямо на землѣ съ поджатыми подъ себя ногами, или же на низенькихъ плетенныхъ табуреткахъ, похожихъ на наши подножныя скамейки, съ самоуслажденіемъ потягивающихъ наргиле въ прихлебку съ кофе.—Здѣсь картина жизни или суеты Восточной самая оживленная, но ближе къ городскимъ воротамъ она разнообразится рядомъ разнаго рода мастерскихъ, столярныхъ и кузнечныхъ, а въ промежуткахъ по между ними и-кухни съ вареною пищею, а вправо по дорогѣ на Сіонъ виднѣется шалапъ, подъ наметомъ котораго цыгане что-то усердно отбиваютъ молотами, а куча курчавыхъ и замазанныхъ ребятишекъ беззаботно валяется какъ попало подлѣ нихъ въ сору. У самыхъ воротъ, особенно въ вечернюю пору, вы увидите, что то-и-дѣло изъ нихъ выползаютъ за городъ подышать чистымъ воздухомъ и большинство-монаховъ и монахинъ разныхъ вѣроисповѣданій и орденовъ, въ числѣ коихъ заурядъ и архіереи и архимандриты до послѣдняго служки; духовенство Греческое въ особенности почему-то щетинится противъ другихъ, вѣроятно отъ чувства превосходства своего костюма предъ латинскимъ и

армянскимъ,—и все это кишить, какъ муравьи, по между ослами, лошадьми, мулами и верблюдами. Но вотъ вы вошли и въ самыя ворота съ гауптвахтой, оберегаемыя сидящимъ съ ружьемъ туркомъ; вы въ городъ... картина таже, только менѣе оживленная, только менѣе простору для глазъ отъ узкихъ улицъ, которыя правильнѣе можно назвать корридорами, съ безпрерывными маленькими неряшливыми номерами лавокъ со всевозможными галантерейными и красными товарами и съѣдомыми продуктами. Для дыханія вредны испаренія отъ нихъ, и вонь отъ всякихъ кухонныхъ выбросковъ, безперемонно валяющихся по улицамъ. Прощедши около полуверсты по прямому направленію, вы затѣмъ поворачиваете влѣво въ такъ называемую Христіанскую улицу, болѣе широкую и болѣе опрятную, населенную греками.—Ее не трудно отгадать по многочисленнымъ лавкамъ, на дверяхъ и внутри которыхъ красуются въ огромномъ выборѣ четки, восковые свѣчи всѣхъ сортовъ, отъ самаго простаго до самаго вычурнаго издѣлія, о которомъ у насъ, въ Россіи не имѣютъ и понятія. Чѣмъ ближе къ Гробу, тѣмъ проходъ по улицѣ становится затруднительнѣе, то отъ массы разноплеменныхъ поклонниковъ, сходящихся вмѣстѣ съ разныхъ сторонъ въ этой точкѣ, то туда, то обратно идущихъ, то отъ сидящихъ на улицѣ и тутъ же работающихъ и продающихъ свои издѣлія, начиная отъ жестяного сундучка и флакона для масла и воды, и продавцевъ вонючей смолы, называемой смирной, для благообразія и возвышенія цѣнности облѣпленной золотомъ, и отъ массы нищихъ. Но вотъ вы спустились по ступенькамъ и, взявъ опять влѣво по-за-угломъ, мгновенно очутились на площадкѣ предъ храмомъ Гроба Господня;—здѣсь уже настоящій торгъ, только, впрочемъ, священными предметами: и армяне, и греки, и паписты, и пустынники обитатели св. Саввы, и пришельцы Аеона и даже Кіева усердно спѣшатъ сбыть здѣсь, въ Великопостное время, свои издѣлія. Даже Хевронцы находятъ тутъ удобный случай сбыть свои стеклянныя бездѣлушки, какъ-то: браслеты, кольца, палки и пр. Вы сняли съ себя шляпу и, благоговѣно взирая на двери храма, осѣняете себя крестнымъ знаменіемъ, всматриваясь при этомъ пристально и въ наружность его, но вашъ взоръ развлекается, разсѣвается; вонъ тамъ въ прорѣхѣ верхняго окна пріютился мальчуганъ, греческій залѣвало-крикунъ,—патріаршій

пѣвчій, и выкрикиваетъ разныя фигуры изъ будущаго богослуженія; а еще выше, на окраинѣ кровли храма приладилось нѣсколько монаховъ и слѣдятъ съ любопытствомъ за проходящими вблизи ихъ, а другіе преспокойно гуляютъ тамъ же съ такимъ удовольствіемъ, какъ бы въ лучшемъ скверѣ; около дверей же церковныхъ, не спуская глазъ, со сверткомъ въ рукѣ и карандашемъ аэонедъ-художникъ снимаетъ копіи съ нихъ и съ мраморной колонны, въ которую, по преданію, наканунѣ Пасхи ударилъ громъ и расщепилъ ее—и изъ этой расщепины изошелъ пламень, и греки, выгнанные изъ храма и тутъ стоявшіе и рыдавшіе, удостоились зажечь отъ него свои свѣчи, а армяне, ихъ изгнавшіе изъ храма и ожидавшіе внутри благодатнаго огня отъ Гроба, не удостоились получить его за свой коварный поступокъ... Но васъ тянетъ скорѣе во храмъ... и вы едва переступили священный порогъ его, какъ повергаетесь въ прахъ въ чувствахъ благодарности за благополучное достиженіе завѣтной цѣли, и долго, долго и пламенно молитесь, и неоднократно лобызаете первую предъ вашими глазами святыню—*Камень Миропомазанія*, и затѣмъ трепетными ногами идете далѣе къ тому Гробу, который только одинъ не дастъ мертвеца въ послѣдній день міра.

V.

Наблусъ или Сихемъ, Севаста или Самарія, Дженинъ, Назаретъ, Кана, Тиверіада, Баворъ.

Въ бытность мою въ Палестинѣ въ 1875 г. моя душа сильно рвалась въ Назаретъ, но такъ какъ это было лѣтомъ, когда здѣсь бываетъ нестерпимый зной, и кромѣ того въ Сиріи тогда свирѣпствовала сильная холера, наведшая паническій страхъ и на сосѣднія страны, и въ виду ограниченнаго числа богомольцевъ (насъ было трое), заявившихъ желаніе путешествовать въ Галилею, при опасномъ и дальнемъ туда пути, нашъ консулъ не рѣшился пустить насъ въ такое рискованное и тягостное путешествіе. Теперь же все благопріятствовало нашей поѣздкѣ, а потому я предположилъ при первой возможности направить стопы свои въ тотъ городокъ, который въ древнія времена всѣ презирали, а потому и публично о немъ говорили:

отъ Назарета можетъ ли быть что доброе, но который потомъ сдѣлался столь священнымъ, близкимъ и милымъ сердцу каждаго вѣрующаго, что всякій изъ нихъ считаетъ за долгъ поклониться ему и воздать дань чести, уваженія и благоговѣнія святынямъ его, наравнѣ съ Иерусалимомъ и Вифлеемомъ. На Востокъ даже образовалась поговорка: кто былъ въ Иерусалимѣ, а не посѣщалъ Назарета, тотъ не видалъ Палестины.

Обыкновенно богомольцы, сколько ихъ бываетъ въ наличности въ Великій постъ, всѣ разомъ, оффиціально, при посредствѣ и контролѣ нашего Иерусалимскаго консульства, отправляются въ Галилею,—и при томъ за все указанное время однажды—ко дню Благовѣщенія. Но мнѣ, да и нѣкоторымъ другимъ особамъ, желалось совершить это путешествіе въ небольшомъ избранномъ обществѣ, льготнѣй, не стѣсняясь рамками оффиции, потому что ѣхать въ двухтысячной массѣ поклонниковъ по указанному маршруту консульства, въ которомъ на все указаны самые короткіе сроки и своеобразные приказы, значить обречь себя въ жертву всѣхъ невзгодъ, начиная отъ голода и холода и квартированья подъ открытымъ небомъ, до невозможности помолиться на св. мѣстахъ, какъ бы и когда бы хотѣлось, и досыта насладиться лицебрѣніемъ святынь; значить—только пройти, какъ по этапу, отъ одной станціи до другой. Благопріятный случай скоро помогъ перейти отъ св. желанія къ самому осуществленію его. Одна Костромичка, проживавшая въ греческомъ Михайловскомъ монастырѣ, подобравъ себѣ, по своему выбору, небольшую компанію изъ проживающихъ въ другихъ Иерусалимскихъ обителяхъ Русскихъ богомольцевъ и богомолкъ, пожелала имѣть въ своемъ сообществѣ Русскаго священника съ псаломщикомъ, для совершенія во время путешествія въ Галилею молебныхъ литій и литургій, и хотя въ это время много было Афонскихъ и Русскихъ іеромонаховъ, но выборъ палъ на меня и, смѣю думать, не случайно, но по Божественному Промысленію и обо мнѣ грѣшникѣ, день и ночь только и думавшемъ о благословенномъ Назаретѣ.

Къ счастью нашему наступалъ конецъ и періодическимъ дождямъ Палестины. 10-го марта въ 2 часа по полудни, при благопріятной погодѣ и благопожеланіяхъ Греческаго духовенства, мы уже ѣхали по Дамаской дорогѣ по направленію къ Галилеѣ. Сначала какая-то непонятная грусть тѣснила сердце, при

взглядѣ на попадающіяся по дорогѣ развалины разныхъ исчезнувшихъ съ лица земли древнихъ поселковъ; но проходя живописными пустынями, по мѣстамъ, усаженнымъ пшеницею и роскошною чечевицею, и деревушками, обсаженными масличными и инжирными деревьями, ваша скорбь понемногу разсѣвается и, хотя васъ объемлетъ таинственный страхъ отъ того, что здѣсь каждое названіе холма заключаетъ въ себѣ тайну, каждая пещера говоритъ о какомъ либо церковно-политическомъ событіи, каждая вершина горъ была свидѣтелемъ хожденія по землѣ Самого Бога во плоти, но этотъ страхъ не тяготитъ души, а напротивъ ободряетъ ее.

Черезъ четыре съ половиною часа, при живительной вечерней прохладѣ, мы подъѣзжали къ деревнѣ Рама—нынѣ небольшой хуторокъ, состоящій изъ двухъ-трехъ десятковъ бѣдныхъ домиковъ, жители коего, завидѣвши насъ еще издали—одни послазили на кровли, другіе бѣжали намъ на встрѣчу, и особенно дѣти, крича во все горло: хорошъ, хорошъ! И вся эта толпа, съ прибавкой съ повылѣзшей изъ шалашей, торчавшихъ по надъ деревнею—душъ до ста, валила за нами около полуверсты до монастыря св. Авраама, гдѣ мы остановились на ночлегъ, куда затѣмъ сбѣжались и всѣ остальные селяне и не давали намъ, какъ говорится, никуда свободнаго прохода, кто пристально всматривался въ наши странные для нихъ Московскія фізіономіи, и особенно женскія, и дѣлалъ о нихъ замѣчанія, кто смѣло подходилъ къ каждому изъ насъ и, любуясь костюмомъ или головнымъ уборомъ, безъ церемоніи разворачивалъ его или прямо снималъ съ головы,—всѣ же настоятельно требовали бакшиша. Немного поотдохнувъ, мы отправились къ колодезю, который въ полуверстѣ отъ монастыря. По преданію, изъ этого колодезя пить воду Отецъ вѣрующихъ—Авраамъ, и пастухи его поили изъ него пасомый скотъ Праотца. Здѣсь мы отслужили молебную литію Богородицѣ и св. Аврааму съ освященіемъ воды. Колодезь—просторный, выложенъ прекраснымъ шлифованнымъ камнемъ, вода недалеко и—родниковая, холодная,—мы испили ее въ сладость. Затѣмъ долго любовались живописными окрестностями и замѣтили на западѣ, не смотря на шестидесяти-верстное разстояніе, Яффу съ Средиземнымъ моремъ: такъ прозраченъ воздухъ Палестины! Возвратившись назадъ, служили въ церкви

повечеріе и заутреню—я, съ нарочитымъ псаломщикомъ, Афонскимъ клирошаниномъ, для чего взяты были нами нарочито необходимыя свящ. принадлежности Русскія. Греческая Церковь, по преданію, стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Авраамъ раскинулъ свой шатеръ, ночуя въ этой мѣстности съ своими стадами. Поэтому одинъ придѣлъ и посвященъ его имени, главный же престолъ—во имя Преображенія Господня, а боковой лѣвый—во имя Св. Вч. Георгія Побѣдоносца. Церковь громадная, и какъ видно, новая, иконостасъ выстѣченъ изъ мрамора съ превосходной рѣзбой, раздѣланной разными цвѣтами. Жители околodka почти всѣ Православные, хотя, въ видахъ религіозной пропаганды, Протестанты устроили невдали отъ деревни пріютъ, куда принимаютъ бѣдныхъ дѣтей для призрѣнія и обученія, съ цѣлю присоединенія ихъ потомъ къ послѣдователямъ Лютера. Рама, какъ извѣстно изъ Библии, есть отечество Пророка Самуила, здѣсь погребены были и его кости; но потомъ христіане перенесли ихъ въ Сило. Въ Рамѣ и теперь еще показываютъ мѣсто, гдѣ стоялъ домъ этого знаменитаго безкорыстнаго судіи, первосвященника и пророка Израильскаго народа.

Въ монастырѣ всего только три души братіи: игумень-іеромонахъ и два послушника.

На слѣдующій день въ 3 часа ночи игумень служилъ Преждеосвященную Обѣдню, послѣ которой мы сейчасъ же и выѣхали въ дальнѣйшій путь, то пробираясь съ великою осторожностію между громадныхъ глыбъ по крутизнамъ горъ, то въ иныхъ мѣстахъ спускаясь въ нихъ въ пропасти буквально на четверенькахъ, отъ чего мы такъ изнемогли, что принуждены были въ 11½ часовъ сдѣлать привалъ среди пустыни подъ открытымъ небомъ, возлѣ развалинъ какого-то древняго огромнаго зданія, съ журчащимъ изъ подъ него источникомъ здоровой воды. Говорили, будто-бы это руины отъ церкви, устроенной здѣсь царцею Еленою на томъ мѣстѣ, гдѣ Патріархъ Іаковъ, утомившись отъ пути, въ ночную пору отдыхалъ и видѣлъ въ видѣніи лѣстницу, достигающую до небесъ. Но это свѣдѣніе послѣ оказалось невѣрнымъ,—и я такъ и остался въ совершенномъ невѣдѣніи относительно значенія этого таинственнаго мѣста и зданія, послужившаго намъ и чайною, и столовою, и спальнею, и водоразборною будкой.

Чрезъ часъ, мы опять ѣхали по такимъ же горнымъ стремнинамъ и сугробамъ песчанника и известняка, и только изрѣдка дорога оживлялась и разнообразилась масличными рощами, да засѣянными зеленѣющими клочками пшеницы или ячменя, пока, наконецъ, къ пяти часамъ вечера не приблизились къ окрестностямъ Библейскаго и Евангельскаго Сихема или Сихаря, а нынѣшняго Неаполиса или Наблуса, какъ называютъ его Арабы. Здѣсь мы около часу ѣхали не безъ страха по изрытой весенними водами, священной для Самарянъ, горѣ Гаризинъ, по правую сторону которой высилась гора Геваль, а между рамками этихъ двухъ горъ—благословеній и проклятій, до самаго города и далѣе тянулась прелестнѣйшая долина Сихемская, служащая уединеннымъ мѣстопребываніемъ небольшой Самаритянской общины; на ней, т. е. долинь, во всей красѣ раскинулись оливковыя, лимонныя и кипарисныя рощи и обширные сады съ разными нѣжными плодовыми деревьями, и вездѣ виднѣлась пышная растительность хлѣбныхъ и другихъ злаковъ. Затѣмъ въ разстояніи получаса пути отъ города спустились къ самой подошвѣ горы Гаризинъ, и здѣсь намъ указали тотъ священный колодезь св. Патріарха Іакова, изъ котораго пилъ воду онъ, сыновья и стада его. Ступая по пробитымъ вѣками тропинкамъ этого священнаго мѣста, можно ли было не вспомнить Библейскихъ разсказовъ о томъ, какъ еще раньше Патріархъ Авраамъ кочевалъ въ окрестностяхъ Сихема, проходя со стадами изъ Харрана въ Хевронъ,—какъ здѣсь явился ему Богъ и обѣщалъ потомству его дать сію землю, и тутъ же Авраамъ создалъ Богу жертвенникъ (Быт. 12, 6, 7); какъ Патріархъ Іаковъ проходилъ тутъ въ Месопотамію къ дядѣ своему Лавану и потомъ проходилъ сюда съ шатрами и стадами, и купилъ здѣсь въ собственность поле у Эммора, Сихемова сына, какъ въ окрестностяхъ Сихема сыновья Іакова продали брата своего Іосифа за 20 серебренниковъ Измаилитскимъ купцамъ, ѣхавшимъ въ Египетъ, какъ возлѣ Сихема въ полѣ, которое онъ отдалъ въ собственность любимому сыну своему Іосифу, погребены бранные останки его, вынесенные сюда Израильтянами изъ Египта, при выходѣ ихъ изъ онаго, по его же завѣщанію; какъ около этого города вспыхнуло возмущеніе десяти колѣнъ Израильскихъ противъ сына Соломонова Ровоама, и какъ возлѣ него же у того колодезя Іакова, о которомъ я выше упомянулъ, Спаситель міра встрѣ-

тился и бесѣдовалъ съ Самарянкой или, по выраженію блаженнаго Іеронима, Господь, жаждущій и терпящій голодъ, насытился вѣрою Самарянки, которая, увѣровавъ въ Него, проповѣдывала потомъ св. Евангеліе и сподобилась за имя Христово мученическаго вѣнца съ именемъ Фотиніи. Когда я сѣлъ возлѣ колодца на камнѣ, чтобы немного отдохнуть, мнѣ грѣшному такъ и чудилось, что я сижу именно на томъ самомъ мѣстѣ и камнѣ, на которомъ, утрудившись отъ пути, воссѣдалъ, отдыхалъ и поучалъ Самарянку путямъ царствія Божія Самъ Господь, или же на томъ мѣстѣ покоился и трапезовалъ кто либо изъ Его св. Учениковъ. Надъ колодеземъ, какъ видно по развалинамъ, стояло громадное зданіе,—говорятъ, что это была церковь, устроенная царицею Еленою крестообразно такъ, что колодезь приходился посрединѣ церкви. Преданіе говоритъ, что здѣсь былъ въ первые вѣка христіанства женскій монастырь, но теперь даже самый колодезь въ страшномъ запустѣніи и мы не могли никакъ добыть изъ него воды даже при пособіи туземцевъ, которые-то, какъ потомки древнихъ строптивыхъ Самарянъ, и воспрещаютъ Христіанамъ возобновить и обстроить его, какъ слѣдуетъ; и хотя еще въ 1875 году мнѣ говорили, что Іерусалимская Патріархія приобрѣла его въ собственность, но и до сихъ поръ ничто не доказываетъ принадлежности его Христіанамъ. По общемъ совѣщаніи, мы здѣсь отслужили молебень Спасителю, а на возвратномъ пути предположили помолиться здѣсь мудрой Самарянкѣ, мученицѣ Фотиніи. О, добрые мои читатели, если бы видѣли вы, въ какомъ я былъ возбужденномъ состояніи, когда читалъ простой, неземной мудрости Евангельскій рассказъ о бесѣдѣ Господа съ Самарянкой на мѣстѣ самаго событія! Когда я началъ читать: Во время оно прииде Іисусъ во градъ Самарійскій, глаголемый Сихарь, близъ веси, юже даде Іаковъ Іосифу, сыну своему. Бѣ же ту источникъ Іаковль. Іисусъ же, утруждаея отъ пути, сѣдѣше тако на источницѣ: бѣ же яко часъ шестый. Прииде жена почерпнати воду. Глагола ей Іисусъ: даждь ми пити..., у меня голосъ дрожалъ; а когда продолжалъ далѣе: глагола къ Нему жена: Господи, даждь ми сію воду.. Господи, вижу я, пророкъ еси Ты.. вѣмъ, яко Мессія приидеть, глаголемый Христосъ: егда Той приидеть, возвѣститъ намъ вся... Отъ града же того мнози вѣроваша въ Онъ отъ Самарянъ, за слово жены, свидѣтельствующія, яко рече ми вся, елика сотворихъ...—у меня на рѣсницахъ

повисли слезныя капли, я въ это время мысленно самъ себѣ такъ разсуждалъ: Сихемская женщина, какъ Самарянка, была раскольникъ Иудейской Ветхозавѣтной церкви, по примѣси языческихъ заблужденій—полуязычница, а по образу жизни, какъ имѣвшая пять названныхъ мужей, уподоблявшаяся нынѣшнимъ послѣдователямъ Магомета и, конечно, подобно, своимъ единоплеменникамъ, питавшая глубокую ненависть не только къ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ, но и къ ихъ религіи и ученію, вдругъ охотно вступаетъ съ чуждымъ для ней по всему лицемъ въ откровенный, задушевный разговоръ, не боясь никого, коль скоро дѣло коснулось вѣроисповѣдныхъ вопросовъ и убѣжденій. И сердце ея, не смотря на коснѣніе въ невѣжествѣ и грубыхъ чувственныхъ порокахъ, оказалось весьма чуткимъ къ таинственнымъ глаголамъ Вѣчной Жизни и удивительно воспріимчивымъ къ токамъ Божественной благодати, изливающимся въ нескончаемый животъ. Въ первый разъ въ своей жизни она увидала необычайнаго Незнакомца; немного Онъ бесѣдовалъ съ нею, и притомъ не въ синагогѣ, не въ храмѣ, не въ священной одеждѣ священника или архіерея, что много придаетъ авторитета и силы слову говорящаго, а подъ открытымъ небомъ, въ простой и, можетъ быть, запыленной епанчѣ, которую носятъ простые бѣдняки, сидя какъ прохожій на обломкѣ камня, и, однакомъ, чудная Самарянка не обратила вниманія на простоту и неприманчивость внѣшности, а увлеклась внутренними достоинствами говорящаго и въ нѣсколько минутъ изъ грубой, замкнутой въ себя, чувственной и ненавистной Сихемлянки сдѣлалась истинно вѣрующею, любящею Великаго Пророка болѣе всего на свѣтѣ, готовою положить за него свою молодую жизнь, ибо не убоялась сейчасъ же проповѣдывать своимъ строптивымъ согражданамъ-фанатикамъ о Христѣ, сидящемъ у источника. А мы, называющіеся вѣрующими, Христіанами, бѣгаемъ часто и тѣхъ обществъ, въ которыхъ заводятъ рѣчь о Богѣ и о спасеніи души, и ненавидимъ и гонимъ тѣхъ людей, которые проповѣдуютъ намъ религіозныя истины... А я, окаянный, родился отъ вѣрующихъ родителей, крестился въ истинную Православную вѣру, имѣлъ религіозныхъ наставниковъ, подъ руками у меня всегда было и есть столько Богодарованныхъ средствъ и естественныхъ и благодатныхъ для моего возрожденія, но однакомъ вѣра моя слаба, упованіе суетно, любовь къ

Богу... да есть ли она еще въ моемъ порочномъ и міролюбивомъ сердцѣ?! Если бы у тебя была любовь къ Богу, ты возненавидѣлъ бы міръ и вся, яже въ немъ; если бы ты любилъ Бога, то исполнялъ бы охотно и Его заповѣди, и за славу Его Имени шелъ бы на всѣ жизненные невзгоды, не озираясь вспять. О, молись же, шепталъ мнѣ голосъ совѣсти, молись къ Источнику жизни, научившему здѣ грѣшную Сихемлянку тайнамъ Царствія Божія, чтобы Онъ содѣлалъ и твою душу способною къ воспріятію высшихъ небесныхъ даровъ—Вѣры, Надежды и Любви, и къ плодоношенію духовному, а Св. Самаряныню Фотинію проси, чтобы она призрѣла на тебя и особенно теперь, когда ты витаешь на ея родинѣ, призрѣла съ небесной райской высоты, и научила тебя, крѣпкой Вѣрѣ, непоколебимой Надеждѣ и пламенной, никогда и ни при какихъ бѣдахъ не остывающей и не отпадающей Любви къ человѣколюбцу—Богу.

Когда мы уже приближались къ самому Сихему, вправо къ востоку, намъ указали на виднѣющуюся у подошвы горы пещеру, задѣланную спереди каменною стѣной, въ которой погребены кости Прекраснаго Иосифа. Но туда Самаряне никого изъ богомольцевъ не допускають даже и приблизиться.

При въѣздѣ въ городъ стоитъ прекрасное и огромное зданіе, въ которомъ помѣщается цѣлый баталіонъ турецкой пѣхоты для охраны проходящихъ богомольцевъ отъ насилія фанатическихъ Самарянъ, которые въ прежнее время не пропускали ни одного случая ограбить, избить или же вовсе лишить жизни кого-либо изъ путешествующихъ иноплеменниковъ и особенно изъ поклонниковъ. Но теперь, благодаря добрымъ отношеніямъ, установившимся между Портою и Россією со времени послѣдней войны, мѣстное начальство по инициативѣ свыше, кромѣ указанной мѣры, издало еще фирманъ, гласящій: что, если кто либо изъ обитателей Самаріи нападетъ на проходящихъ чрезъ нее пилигримовъ и лишить кого-либо изъ нихъ жизни, то за каждаго убитаго повѣшено будетъ пять душъ туземцевъ, хотя-бы виновный и не былъ открытъ. Благодаря такимъ мѣрамъ, мы, когда проходили по тѣснымъ улицамъ города, запруженнымъ сотнями лавченоекъ и массою народа, то хотя многіе и посматривали на насъ недружелюбно изподлобья, а иные вслѣдъ намъ плевали или же поворачивались къ намъ задомъ, но никто изъ нихъ не рѣшился оскорбить насъ другимъ, болѣе воз-

мутительнымъ поступкомъ, и мы почти при свѣчахъ вѣхали въ тѣсный дворъ греческаго монастырскаго подворья, въ которомъ едва могли помѣститься наши подъяремныя животныя. Самая обитель состоитъ изъ бѣдной церкви во имя св. вмч. Георгія, помѣщающей въ одной изъ келлій ея, — четырехъ монаховъ и двухъ-трехъ номеровъ для поклонниковъ. Такъ какъ къ игумену оной было изъ Іерусалима рекомендательное письмо, то насъ приняли ласково, со всѣми обрядами восточнаго гостепріимства.

Прежде нежели сказать что-либо о Сихемѣ, какъ объ одномъ изъ городовъ Самаріи, намъ слѣдовало-бы, подражая другимъ путешественникамъ, говорить вообще о Самаріи, какъ странѣ или одной изъ четырехъ Палестинскихъ провинцій, а потомъ о ея городахъ и пр.; но такъ какъ мы только находимся въ началѣ предѣловъ оной, въ первомъ попутномъ мѣстечкѣ, то о Самаріи вообще скажемъ свое слово, когда пройдемъ ее вдоль до Галилеи, а теперь, находясь въ Сихемѣ, будемъ о немъ вести и рѣчь.

Сихемъ (Наблусъ) въ переводѣ значитъ *одинъ участокъ*. Одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Ханаанской страны лежитъ въ долинѣ между горами Геваломъ и Гаризиномъ, точнѣе—у подошвы послѣдней, въ 8-ми верстахъ отъ главнаго города этой провинціи, Самаріи или Севасты. Сихемъ принадлежалъ Ханаанскому князю Еммору. Этотъ князь имѣлъ сына Сихема и, вѣроятно, онъ основалъ городъ, которому и далъ имя своего сына (Быт. XXXIV). Послѣ завоеванія Евреями, Сихемъ, принадлежа колѣну Ефремову, причисленъ былъ къ сорока восьми городамъ Левитовъ. Іисусъ Навинъ, предъ своею смертію, созвалъ въ этомъ городѣ великое народное собраніе и преподалъ здѣсь старѣйшинамъ и начальникамъ колѣнъ Израильскихъ свои послѣдніе завѣты. Городъ этотъ разоренъ былъ судьей Авимелехомъ, противъ котораго возмутились Сихемляне (Суд. IX). Іеровоамъ, первый царь Израильскій, улучшилъ городъ и сдѣлалъ его столицею своего царства. Во время Персидскаго владычества, Сихемъ сдѣлался главнымъ мѣстомъ богослуженія Самарянъ, которые выстроили храмъ на горѣ Гаризинъ. Храмъ этотъ, послѣ двухсотлѣтняго почти существованія, былъ разрушенъ Іоанномъ Гирканомъ. Этотъ городъ рано имѣлъ въ себѣ Христіанскую общину. Императоръ Зенонъ прогналъ Самарянъ съ горы Гаризинъ и построилъ

тамъ церковь; а Іустинъ выстроилъ въ Сихемѣ пять церквей, которыя были сожжены Самарянами.

Теперь Сихемъ имѣетъ внѣшность восточнаго мусульманскаго города. Повсюду почти тѣже мрачные дома, сложенные изъ необтесаннаго камня, покрытаго въковою пылью и копотью. Войдя въ узкія и кривыя улицы его, вы будете поражены беспорядочностію построекъ и обиліемъ темныхъ аркадъ и проулковъ, такъ что каждый домъ имѣетъ видъ тюрьмы или крѣпости. Но все-таки этотъ городъ замѣчателенъ и теперь по своей торговлѣ и промышленности. Тамъ и сямъ встрѣчаются лавочки, большею частію самыя жалкія по внѣшности, такъ какъ помѣщаются въ небольшихъ углубленіяхъ. Внутри ихъ сдѣланы полки, на которыхъ разложены товары, а самъ хозяинъ помѣщается или тутъ, между товарами на прилавкѣ, или въ нишѣ—въ таксмъ тѣсномъ пространствѣ, что съ трудомъ можетъ двигаться или встать на ноги, чтобы достать что нибудь съ верхней полки. Такія жалкія лавчонки разбросаны повсюду, вмѣстѣ съ многочисленными кофейнями. Послѣднія здѣсь тоже нероскошны; каждая кофейня состоитъ изъ темной комнаты съ плохимъ поломъ, на которомъ разставлены скамьи, покрытыя цыновками. Здѣсь-то собираются правовѣрные Сихемляне коротать скучное время, глотая кофе изъ маленькихъ чашекъ, куря наргиле и слушая рассказы и остроты какого-нибудь восточнаго Ваньки-красной рубахи. Въ общемъ Сихемъ городъ людной, торговый, въ немъ предположительно будетъ не менѣе 12 тысячъ жителей, между коими насчитываютъ до 20 или 30 семействъ Православнаго исповѣданія и весьма малое количество Самарянъ-сектантовъ. Дома ихъ смежны одинъ съ другимъ, и въ одномъ изъ нихъ, въ первомъ этажѣ, помѣщается ихняя синагога. Нарядъ, отличающій ихъ отъ всѣхъ другихъ сектъ и націй, состоитъ изъ чалмы, которую они носятъ на головѣ только въ субботы и праздничные дни; когда же идутъ въ синагогу, то надѣваютъ бѣлыя одежды и, въ буквальномъ смыслѣ, исполняютъ законъ Моисеевъ. Этотъ законъ, какъ и у Евреевъ, заключаетъ въ себѣ шестьсотъ тринадцать правилъ, но есть нѣкоторая разность въ исполненіи сихъ правилъ, обрядовъ и употребленіи пищи. Эти сектанты Сихемскіе живутъ исключительно торговлею и размѣномъ денегъ. Вообще же жители Сихема отличаются, какъ я и раньше упоминалъ, буйствомъ и воинственнымъ духомъ, и хо-

лодны къ исповѣдуемой религіи, чему служить доказательствомъ небольшое количество малыхъ и невзрачныхъ на видъ мечетей. Но, если Сихемъ не слишкомъ представительнъ въ архитектурномъ отношеніи, зато немного городовъ, которые могли бы спорить съ нимъ въ поэтической красотѣ его мѣстоположенія. Онъ какъ будто сидитъ среди рощицъ, въ видѣ амфитеатра возвышающихся одна надъ другою, разливающихихъ повсюду ароматъ, а гармоническое пѣніе множества пернатыхъ, приютившихся въ сплошныхъ садахъ, тянувшихся на нѣсколько верстъ кругомъ города, съ разнотоннымъ журчаніемъ сотенъ ручейковъ, искусственно проведенныхъ изъ большихъ бассейновъ по вставленнымъ ложбинамъ на разныя плантаціи, дѣйствуетъ на нервы благотворнымъ, освѣжающимъ образомъ. По очаровательной картинности и роскоши здѣшней природы, нѣтъ во всей Палестинѣ подобнаго мѣста; его безошибочно можно назвать земнымъ раемъ Св. Земли. Жаль только, что оно въ рукахъ дикихъ и невѣрныхъ насельниковъ. Вообще, сколько я ни примѣчалъ за все время путешествія по Востоку, самыя красивыя и удобныя мѣста заселены невѣрующими варварами,—и грѣшный, не разъ задавалъ самъ себѣ вопросъ: зачѣмъ это Божественный Промыслъ допускаетъ это въ ущербъ и скорбь вѣрующимъ? И объяснилъ это тѣмъ, что Господь, въ виду ихъ прошедшаго, настоящаго и будущаго коснѣнія въ невѣріи и порокахъ, за которые они по закону небеснаго правосудія въ будущей жизни должны воспріять вѣчная злая, надѣляетъ за лишеніе благъ райскихъ—благами міра сего, и улаживаетъ чудными красотами его за лишеніе лицезрѣнія вѣчной не созданной красоты—Творца-Бога въ небесныхъ обителяхъ Его; а истинно вѣрующимъ, праведникамъ, хотя многія скорби предлежатъ въ этой юдоли плача, но отъ всѣхъ ихъ избавитъ Господь и отыметъ всякую слезу отъ очю ихъ въ будущемъ животѣ вѣчномъ.

За дневное безпокойство и крайнее утомленіе отъ долгой ѣзды, мы ночью приплатились еще безсонницей. Монастырскій церберъ, поощренный вечернею подачкою, черезчуръ уже усердствовалъ въ охраненіи насъ отъ фанатизма Сихемлянъ и своимъ визгомъ, лаемъ и бѣготней совершенно разстроилъ наши нервы, почему мы вынуждены были подняться на ноги въ три часа,—и послѣ совершенія мною заутрени и часовъ, когда еще горожане покоились въ своихъ гаремахъ, мы вы-

ѣхали съ мѣста почлега по направленію къ городу Самаріи. На разсвѣтѣ изъ-за горъ показались тучи, небо сразу сильно нахмурилось и началъ накрапывать дождь, чего мы такъ сильно боялись въ пути, ибо палестинскіе дожди не чета нашимъ; я принужденъ былъ достать припасенную изъ Іерусалима непромокаемую шинель (ибо зонтики здѣсь отъ ливня не спасаютъ) и ѣхалъ какъ латинскій патеръ, а всѣ другіе поникли головами и не знали, что дѣлать съ собой. Впрочемъ, небо скоро сжалилось надъ нами, и начало смотрѣть на землю привѣтливо глазами солнца, упрощенное чьей-то праведною молитвой.

До Самаріи или Севасты мы ѣхали два или три часа почти безпрерывными рощами и садами, что необыкновенно благотворно вліяло на наши чувства, даже многіе отъ избытка ихъ начали пѣть хвалебныя пѣсни Творцу всего видимаго и испытуемаго нами. Но вотъ, обогнувъ уголь сада, мы увидѣли на острой макушкѣ превысокой, почти вертикальной горы, нѣсколько лачужекъ,—то были жалкіе остатки отъ древней Израильской столицы—Самаріи.

Самарію основалъ нечестивый царь Амврій, и съ седьмого года своего царствованія сдѣлалъ ее резиденціею царей Израильскихъ. Потомъ Амврію наслѣдовалъ сынъ его, еще болѣе нечестивый царь Ахавъ, который съ своею женою, Іезавелью-язычницею, окончательно развратилъ народъ, выстроилъ даже идольское капище въ честь божка—Ваала, при которомъ служило до 500 жрецовъ. Св. Пророкъ Ілія, ревнуя по Господѣ, сильно обличалъ Ахава и злую жену его Іезавель, но они не слушали его, и постигъ ихъ праведный судъ Божій: Ахавъ вскорѣ умеръ, раненный на войнѣ, и псы, по предреченію Пророка, лизали кровь его, а погубившая невиннаго Навуея—Іезавель выброшена была по повелѣнію Іиуя изъ окна и разбилась; въ добавокъ самъ онъ проѣхалъ по ней, а послѣ собаки совсѣмъ съѣли ее. Самарія разрушена была Ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ и возобновлена Габиніемъ, Римскимъ правителемъ Сиріи, и сдѣлалась весьма цвѣтущимъ городомъ при Иродѣ Антипѣ, который выстроилъ въ немъ храмъ въ честь императора Августа, и самое названіе города—Самаріею, замѣнилъ именемъ Севастиі—Греческое слово, по латыни означающее Августа.

У подошвы Севастійской горы мы вынуждены были встать съ муловъ и карабкаться на нее, кто какъ

сѣумѣль. Самарійцы, завидѣвши насъ, то и дѣло подсакивали къ намъ изъ лѣсовъ съ предложеніемъ купить древнихъ монетъ. При входѣ въ самый городъ насъ окружили и малые и большіе, и мужчины и женщины, душъ до ста; мы ожидали, что они станутъ насъ колотить, но нѣтъ; они стали торговаться за входной бакшишъ, во дворъ ихней мечети, гдѣ усѣчена глава Іоанна Крестителя, при чемъ никакъ не хотѣли брать бумажками, а серебромъ. Во дворъ сходятъ по четыремъ ступенькамъ, которыя ведутъ въ сѣни,—это былъ притворъ древняго Христіанскаго храма. Въ самомъ дворѣ, довольно обширномъ, нашимъ глазамъ представились развалины церкви, устроенной Св. Еленою, нѣсколько стѣнъ которой церкви сохранилось довольно хорошо, и особенно половина свода надъ алтаремъ;—судя по остаткамъ, церковь была громадна и архитектурна, и середина ея какъ разъ приходилась надъ той темницей, во мракъ которой и втайнѣ совершилось страшное событіе, и изъ которой оруженосецъ дерзко вышелъ на свѣтъ, неся за волосы честную главу великаго Пророка, и помѣстилъ на блюдѣ съ царскаго стола.

Теперь надъ этимъ мѣстомъ стоитъ небольшая часовня, низъ которой глубоко вдался въ землю, такъ что въ нее, какъ въ погребъ, нужно спускаться по двадцати ступенькамъ, устроеннымъ въ такомъ тѣсномъ проходѣ, что съ трудомъ можно двигаться въ немъ человѣку и не иначе, какъ со свѣчами, которыми для этого случая мы запаслись еще въ Іерусалимѣ. Войдя въ часовню, мы сначала осмотрѣли ее,—она освѣщается двумя небольшими отверстиями, сдѣланными въ боковыхъ дверяхъ, а потомъ прошли въ темницу Предтечи,—она довольно тѣсна, не болѣе пяти аршинъ въ длину и полтора аршина въ ширину; мѣсто усѣкновенія главы обозначено мозаическимъ кругомъ, къ которому мы и прильнули устами. Здѣсь видны гробовые своды, задѣланные снаружи, съ оставленными нарочито углубленіями внутри. Въ одной изъ боковыхъ стѣнъ, вправо отъ мѣста усѣченія главы, двѣ квадратныя ниши въ ростъ и объемъ человѣка; преданіе говоритъ, что здѣсь погребены были пророки: Елисей и Авдій. Отъ прикосновенія къ костямъ перваго, какъ извѣстно, воскресъ мертвый. Здѣсь я отслужилъ молебенъ великому Проповѣднику истины, а поклонники и поклонницы съ особымъ умиленіемъ и слезами пѣли ему:

«Память праведнаго съ похвалами, тебѣ же довлѣть свидѣтельство Господне, Предтече: показалъ бо ся еси воистину и пророковъ честнѣйшій, яко и въ струяхъ крестити сподобился еси Проповѣданнаго; тѣмже за истину пострадавъ радуяся, благоувѣстилъ еси и сущимъ во адѣ Бога, являшагося плотію, вземлющаго грѣхъ міра, и подающаго намъ велию милость».

Нужно при этомъ замѣтить, что бывали такіе случаи съ вошедшими въ часовню: при обратномъ выходѣ, двери оной оказывались запертыми, и за выпускъ на свѣтъ Божій вторично требовался бакшишъ, и притомъ довольно крупный, при чемъ нерѣдко доходило до кровопролитія и даже убійства. Съ нами, впрочемъ, ничего подобнаго не случилось.

По выходѣ во дворъ, предъ часовней я сказалъ своимъ спутникамъ краткое поученіе.

Теперь отъ древней столицы остались лишь жалкія развалины, съ пріютившимися возлѣ нихъ кой-гдѣ небольшими закопченными мазанками, въ коихъ копошится не болѣе 300 душъ жителей; а гдѣ былъ величественный дворецъ Ирода, въ которомъ онъ такъ варварски закончилъ праздничный день своего рожденія, тамъ виднѣется около двадцати громадныхъ мраморныхъ колоннъ, кажущихся какъ бы воткнутыми въ распаханную землю, въ видѣobeliskовъ, на память будущимъ вѣкамъ о нечестіи, жившемъ въ этомъ мѣстѣ. Кромѣ ихъ нигдѣ не видно никакихъ остатковъ отъ огромнаго Иродова жилья.

Черезъ двадцать минутъ мы спускались уже по тѣнистой горѣ, по пути къ пограничному Самарійскому городу Дженину; дорога къ нему сначала, въ продолженіи двухъ часовъ, шла трудною, горною, каменистою тропой, по которой попадалось множество масличныхъ садовъ и журчащихъ ручейковъ, направляемыхъ по прихоти обитателей въ разныя мѣста своихъ усадьбъ. А далѣе, за источникомъ, называемымъ *источникомъ воровъ*, гдѣ обыкновенно бываетъ отдыхъ, на пять часовъ ѣзды идетъ дорога довольно хорошая, къ концу со множествомъ болотъ, что вообще въ Палестинѣ необыкновенная рѣдкость. Около самаго Дженина паслось на жирныхъ пажитяхъ около сотни развѣченныхъ ословъ и муловъ съ навѣшенными большими колокольчиками, которые разнотоннымъ бряцаніемъ и услаждали нашъ слухъ, и будили нервы, ослабѣвшіе отъ цѣлодневной тяжелой ѣзды. Наконецъ, за роскош-

ными садами, тянувшимися по равнинѣ, выглянулъ и Дженинъ, жители котораго лишь только завидѣли насъ—всполошились.

Въ Дженинѣ паломникамъ приходится ночевать на открытомъ воздухѣ, ибо тамошніе жители всѣ безъ исключенія магометане и негостепріимны. Но какъ не хотѣлось этого, при томъ могъ пойти и дождь, что и случилось къ слѣдующему утру. Съ нами, я забылъ раньше сказать, для всякаго случая и большого удобства въ сношеніяхъ съ туземцами, взята была изъ Іерусалима въ качествѣ толмача, простая Екатеринославская хохлушка-кухарка, которая за 12 лѣтъ совершенно изучила всѣ мѣстныя нарѣчія: Турецкое, Арабское, Греческое и Еврейское,—вотъ ее-то мы и командировали парламентаремъ къ суровымъ Дженинцамъ. Скоро она явилась съ вѣстію, что никто не пускаетъ, да и нѣтъ такихъ помѣщеній, гдѣ бы можно было спокойно и вольно приклонить главу, исключая одной вдовы-турчанки, которая съ радостію пускаетъ за 20 к. съ души. У ней-то мы и пріютились, вспоминая изъ Библіи, какъ часто вдовы давали покой у себя и святымъ людямъ въ то время, когда всѣ отказывали имъ въ немъ.

Скоро мы познакомились съ большою семьею этой вдовы, и долго бесѣдовали съ ней чрезъ нашу толмачку; къ намъ потомъ приходило много сосѣдей ея, поглазѣть на Московъ, посмотрѣть на кипящій самоваръ, какъ на диво, и отвѣдать, что это она наливаетъ изъ него въ стаканы и горячимъ пьеть. (На востокѣ ничего горячаго не пьютъ и не ѣдятъ). Мы ихъ угощали, кого сахаромъ, кого сухариками и проч., и они въ восторгѣ отъ насъ расходились. Затѣмъ мы пошли посмотрѣть городъ.

Дженинъ—это въ настоящее время небольшой турецкій городъ съ сотнею бѣдныхъ лачугъ, грязный, скученный и скучный; на площадкѣ его торчитъ пятьдесятъ лавчонокъ съ необходимыми житейскими потребностями, исключая хлѣба. Кстати нужно замѣтить, что харчами и особенно хлѣбомъ для дороги въ Галилею нужно запасаться изъ Іерусалима до Назарета, а потомъ для обратнаго пути—въ Назаретъ; у мусульманъ вы ни за какія деньги не купите его, да и не будете кушать, если бы и пришлось достать. Въ концѣ города большая, открытая цистерна воды и довольно приличное зданіе для турецкой военной стражи. Мы

ожидали за свою смѣлость и любопытство непріятныхъ выходовъ со стороны невѣжественныхъ и дикихъ горожанъ, о чемъ упоминали не разъ прошедшіе паломники, но они сверхъ чаянія даже оказались привѣтливыми. Такъ время и обстоятельства измѣняютъ иногда нравы людей!

Близко Дженина—древняго Дафаима, или Дотеи, Іосифъ былъ брошенъ въ глубокій ровъ или сухой колодезь своими братьями... Въ Дженинѣ или Дофаимѣ Спаситель исцѣлилъ десять прокаженныхъ, которые оказались неблагодарными, кромѣ одного Самарянина. Припоминая это событіе, мы сердечно вопіяли къ Спасителю: «Царю Предвѣчный, Утѣшителю, Христе истинный, очисти ны отъ всякія скверны, якоже очистилъ еси десять прокаженныхъ! Іисусе Боже, воздвигни насъ падшихъ; Іисусе, Сыне Божій, помилуй насъ!»

Теперь, когда мы проѣхали всю Самарійскую провинцію, скажемъ нѣсколько общихъ словъ о ней. Самарія, самая меньшая изъ четырехъ Палестинскихъ провинцій, получила свое названіе отъ города Самаріи, бывшей резиденціею царей Израильскихъ. Къ сѣверу она граничитъ съ Галилеею, къ востоку—съ Іорданомъ, къ югу—съ Іудеею, къ западу—съ Средиземнымъ моремъ. Почва даже и на горахъ весьма плодородна и теперь довольно успѣшно обрабатывается. Она производитъ хлѣбъ, хлопчатую бумагу, маслины, разнаго рода овощи и отчасти шелкъ. Прекрасная растительность, горы, расположенныя живописно, виноградъ, оливковыя рощи, луга и поля, орошаемыя источниками, выходящими изъ-подъ высотъ дѣлаютъ Самарію одною изъ прекрасныхъ провинцій Палестины. Нынѣ, какъ и въ древнія времена, жители, заключенные въ своихъ горахъ, почти неприступныхъ, остаются тамъ въ совершенной безопасности отъ тираніи своихъ повелителей и отъ нападѣній, которыя могутъ приходить отъвне. Никакой большой путь не пролегаетъ по провинціи; путешественники вообще обходятъ ее, привлекаемые на сѣверъ по дорогѣ, ведущей отъ Дамаска къ морю, и на югъ, къ достопамятнымъ высотамъ Іерусалима. Жители, однакожъ, ничего не теряютъ отъ такого уединенія, многіе достаточные люди перешли къ нимъ, найдя у нихъ безопасное убѣжище отъ преслѣдованій; насельники Самарійскіе слывуть теперь за народъ самый богатый въ Палестинѣ.

Но въ священной исторіи Евреевъ Самаряне играютъ второстепенную роль въ сравненіи съ жителями

Иудеи; мы видимъ даже вражду, которая никогда не переставала раздѣлять объ эти провинціи—Самарію и Іудею; видимъ образованіе секты Самарянской, слабые остатки которой существуютъ еще и теперь, какъ я раньше сказалъ; въ г. Сихемѣ, гдѣ послѣдователи секты признаютъ только законъ Моисеевъ или Самаритянское Пятокнижіе, ненавидятъ Іерусалимъ и обращаются въ своихъ молитвахъ къ горѣ Гаризинъ, мѣсту ихъ древней святыни; видимъ, наконецъ, презрѣніе, которое жители Іудеи всегда питали къ Самарянамъ за раздѣленіе царства Израильскаго, за оставленіе Іерусалимскаго храма, за допущеніе язычниковъ открыто совершать свое богослуженіе въ Самаріи и общеніе съ ними. Самое названіе—*Самарянинъ* у Іудеевъ было ругательное (Іоан. VIII, 48); Іудеи избѣгали всякаго сообщенія съ Самарянами, какъ преступленія, влекущаго наказаніе (Іоан. IV, 9), уклонялись отъ проѣзда чрезъ ихъ провинцію, а если это было неизбежно, то брали съ собою столько запасовъ, сколько нужно было для пути, чтобы не брать ихъ у Самарянъ. Самаряне иногда платили имъ тѣмъ же (Лук. IX, 52 и далѣе). Потому-то Спаситель, огорченный ихъ упорствомъ, запретилъ ученикамъ Своимъ при первой проповѣди входить въ города Самарянскіе.

Впрочемъ, Сынъ Божій не гнушался и Самарянъ, которые сначала оказали большое сопротивленіе ученію Его, и только обращеніе жены-грѣшницы истребило въ нихъ нѣкоторыя предубѣжденія къ проповѣди Спасителя. По сошествіи Святаго Духа на Апостоловъ, когда Іудеи, по убіеніи Св. Архидіакона Стефана, воздвигли на нихъ гоненіе, Архидіаконъ Филиппъ пошелъ проповѣдывать Евангеліе Самарянскому народу. Его примѣру послѣдовали Св. Апостолы Петръ и Іоаннъ, которые отправились въ Самарію, чтобы возложить руки на новообращенныхъ, и тѣмъ извести на нихъ Святаго Духа; при этомъ случаѣ волхвъ Симонъ хотѣлъ получить за деньги даръ творить чудеса. Этотъ безбожникъ своими обманами соблазнялъ первыхъ Христіанъ. Но Самаряне, оставивши свою древнюю религію, не были чистосердечно преданы новой: въ послѣдствіи они были даже жестокими гонителями Христіанъ, сожигали ихъ церкви, проливали кровь ихъ епископовъ, священниковъ и всѣхъ преданныхъ Христіанской Церкви, не взирая на полъ и на возрастъ.

На слѣдующій день въ 6½ часовъ утра мы распрощались съ Джениномъ, но едва только проѣхали

одну улицу его, какъ полилъ такой сильный дождь, что мы принуждены были воротиться назадъ въ свою прежнюю квартиру и, къ великой скорби, провели цѣлый день въ скучной, безъ оконъ, турецкой саклѣ. Впрочемъ, вечеромъ, когда небо прояснилось, мы гуляли вокругъ Дженина, любуясь его окрестностями, причемъ особенное вниманіе привлекла къ себѣ гора Ермонъ; бродили по турецкому кладбищу, рвали цвѣты и вели религіозныя бесѣды. При этомъ наша толмачка-хохлушка рассказала намъ одинъ современный эпизодъ изъ религіозно-нравственной жизни восточныхъ Христіанъ. Въ Бейрутѣ проживало осѣдло одно семейство, состоявшее изъ шести братьевъ Православныхъ Христіанъ, которыхъ мусульмане начали склонять и склонили, кого деньгами, кого угрозами въ исламъ; но одинъ изъ нихъ, слѣпой, лѣтъ 30-ти, покрытый съ ногъ до головы язвами, ни за что не соглашался измѣнить исповѣдуемой имъ вѣры. Однажды было ему такое видѣніе: явился Архистратигъ Михаилъ и сказалъ: «пойди ты за часовню великомучен. Георгія, прокопай тамъ землю, и когда покажется вода, то ты ею омойся, напейся и будешь здоровымъ и зрячимъ». Онъ это исполнилъ и исцѣлѣлъ. Въ благодарность Господу, пославшему Своего Ангела для избавленія его отъ слѣпоты и недуговъ тѣла, онъ недавно приходилъ въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню, и здѣсь землею, принесенною имъ съ того мѣста, гдѣ приказалъ ему копать Архангелъ, исцѣлилъ многихъ недужныхъ, всыпая въ воду и давая потомъ ее пить. Этотъ Бейрутянинъ принялъ теперь монашество.

Когда мы улеглись спать, вмѣсто кроватей на холодномъ полу, вмѣсто тюфяковъ на порванныхъ и жесткихъ циновкахъ, вмѣсто головныхъ подушекъ на кучахъ моркови, то крысы своими набѣгами на нашъ дорожный багажъ и съѣстное не давали намъ почти покоя, а разныя кровожадныя насѣкомыя, особенно дружно нападающія на свѣжаго человѣка въ дорожныхъ пристанищахъ, которыхъ насѣкомыхъ собственныя имена каждому извѣстны и всегда памяты, не давали намъ спать сномъ благотворнымъ, освѣжительнымъ, необходимымъ для поддержанія силъ къ дальнѣйшему путешествію. Чтобы не скучать отъ бессонницы, я зажегъ лампу и началъ писать дорожныя замѣтки, поглядывая по временамъ на несмазанный потолокъ изъ древесныхъ вѣтвей, и чего, чего только между ними не увидѣлъ! Ми-

ряды разнаго рода гадовъ кишѣли тамъ, испуганные непривычнымъ для нихъ ночнымъ свѣтомъ, и каждый изъ нихъ силился занять поудобнѣе позицію, чтобы лучше разсмотрѣть, что тамъ внизу нарушаетъ ихъ полнотный покой. Это меня сильно напугало; я особенно боялся, нѣтъ ли между ними скорпионовъ, въ виду свѣжаго разсказа объ одной женщинѣ, укушенной этимъ паукомъ, у которой, для избѣжанія пораженія всего тѣла автоновымъ огнемъ, принуждены были отнять руку.

На разсвѣтъ я первый всталъ, чтобы посмотреть на погоду, и едва полуоткрылъ дверь, какъ увидѣлъ пробивающимся въ дверь что-то на подобіе нашего рака, я вскричалъ и прибѣжавшіе ко мнѣ арабы и турки, а потомъ и наша толмачка объяснили мнѣ, что это скорпионъ, водившій въ это время огромнымъ своимъ жаломъ во всѣ стороны, и что, если ужалить этой иглой, которую они при этомъ и оторвали щипцами, то на человѣка ту же минуту нападаетъ лихорадка со рвотой, потомъ дѣлается страшный жаръ во всемъ тѣлѣ, оно сильно распухаетъ, и укушенный, въ страшныхъ мученіяхъ, оканчиваетъ жизнь; у другихъ же приключается автоновъ огонь, и если не будетъ отнять пораженный членъ, то непременно наступаетъ конецъ жизни. Ужасъ овладѣлъ мною, и вмѣстѣ съ тѣмъ я возслалъ глубокую благодарность къ Богу за то, что Онъ, Всеблагій, натолкнулъ меня на этого страшнаго врага, предалъ его въ наши руки прежде, нежели онъ успѣлъ поразить насъ. И теперь не могу вспомнить безъ содроганія этого дня и ночи: что, если бы онъ ночью какъ нибудь заползъ къ намъ на ночлегъ и пожалилъ насъ? Мы бы не знали, откуда и взялось такое великое несчастье. Но, видно, между нами былъ кто-нибудь, угодившій Богу, ради коего Онъ сохранилъ и всѣхъ насъ.

Въ 5½ часовъ утра мы снялись съ полуторасуточного кочевья, заплативъ за него по 30 к. съ души, и направились по равнинѣ Эздрелонской къ Назарету. Небо смотрѣло на насъ сумрачно, и мы поминутно ожидали опять дождя; дорога грязная, тяжелая, но ровная и безъ камней, такъ что здѣсь можно бы ѣздить и экипажами. Чрезъ часъ, а можетъ быть и болѣе, мы доѣхали до небольшого холма, на которомъ торчало два три десятка жалкихъ лачугъ; я спросилъ: что это за хуторъ? Мнѣ отвѣтили арабы—Зараиль, или древній Израиль, бывшій столичный городъ Израильскаго царства, по раздѣленіи его, гдѣ жилъ нѣкто Навуеей, имѣв-

шій здѣсь столь плѣнительный, роскошный виноградникъ, что самъ царь Ахавъ очаровался имъ, и хотѣлъ приобрести въ собственность и, за неуступку, велѣлъ побить обладателя его камнями, по коварству Іезавели. — Здѣсь, по предреченію пророка, полизали кровь самого Ахава, смертельно раненнаго, а Іезавель съѣдена собаками. Теперь вмѣсто виноградниковъ предъ каждой лачугой стоитъ громадная куча навоза, отъ зловонія котораго съ трудомъ дышется, а это даетъ знать, что Израильцы нынѣшніе занимаются скотоводствомъ. Когда мы проѣзжали мимо этого поселка, всѣ жильцы его и старые и малые послазили на кровли и съ крикомъ и гамомъ провожали насъ, какъ дикихъ звѣрей. Отсюда по узкой нагорной тропинкѣ мы спустились къ колодцу, который, какъ сказали намъ Арабы, называется Аинъ-Джалудъ. Къ нему и отъ него, то и дѣло, что шли съ кувшинами дѣти, дѣвушки и женщины, неся ихъ, по обычаю, на головахъ. Оговорюсь здѣсь: замѣчательно, что съ границы Галилеи женщины ходятъ съ открытымъ лицомъ и всѣ въ синихъ рубашкахъ и такого же или другаго цвѣта штанахъ, а мужчины безъ оныхъ, въ однихъ только длинныхъ рубашкахъ. По близости этого колодезя было два сраженія: Гедеона съ Мадіанитянами и Амаликитянами и Саула съ Филистимлянами. Чрезъ часъ мы доѣхали до Сулима, Библейскаго города Сонама, въ которомъ одна богатая, замужняя, но бездѣтная женщина приняла на жительство въ свой домъ пророка Елисея, и даже выстроила для него особую горницу. Елисей въ благодарность испросилъ ей у Бога сына. Ребенокъ подросъ и умеръ. Мать тотчасъ отправилась къ Елисею и высказала ему свое горе. Елисей пришелъ въ домъ ея и молитвою воскресилъ мальчика. Сонамъ теперь большая деревня, утопающая въ зелени. Чѣмъ далѣе мы двигались по обширной долинѣ Эздрелонской, тѣмъ дорога становилась ровнѣе, а растительность роскошнѣе; по рыжеватой почвѣ вездѣ, куда ни глянешь глазомъ, колыхнется море пшеницы, ровной, густой, чистой, ростомъ болѣе аршина, съ широкими сочными листьями, какъ на нашей мелкой осоцѣ. Проѣхавъ вдоль гору Ермонъ, видимую еще съ Дженина, мы съ нетерпѣніемъ желали скорѣе узрѣть и Ѡаворъ. И вотъ, чрезъ полчаса, она представилась нашимъ глазамъ по ту-же правую сторону, гдѣ и Ермонъ. О, что это за чудная гора, среди равнины, чудная даже издали!! Именно — гора Божія!

Видъ съ горы Саворъ.

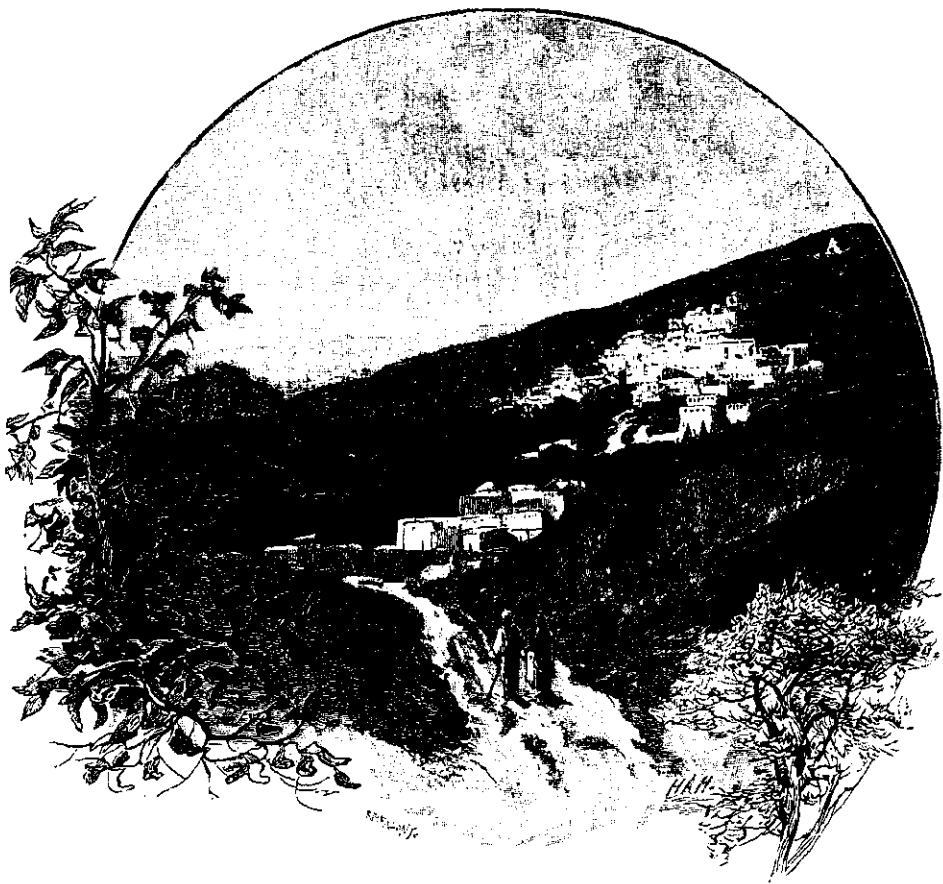
Смотришь на нее и не насмотришься, любишься ею — и не налюбишься. Она намъ казалась не въ далекомъ разстояніи отъ насъ, а когда мы спросили, то намъ отвѣтили, что къ ней отсюда не менѣе 16-ти верстъ. Ближе къ Назарету, переѣхавши потокъ Киссонъ, при устьѣ котораго Пророкъ Ілія закололъ всѣхъ ложныхъ пророковъ Вааловыхъ, пажити становятся еще тучнѣе, а хлѣба роскошнѣе, такъ что, сравнивая Іудею съ Галилеею, невольно согласишься, что первая несетъ на себѣ явные слѣды гнѣва Божія и до сего дне за Кровь, пролитую несправедно. А послѣдняя, какъ мирная родина Преподобной, пользуется и по Ея успеніи Ея же вышнимъ покровительствомъ и небеснымъ благоволеніемъ. Мѣстами земная поверхность буквально усѣяна была разнаго рода чудными цвѣтами такъ, что она казалась самымъ дорогимъ ковромъ, сотканнымъ щедрою и всемогущею рукою Всесвятой Обитательницы Назарета и разостланнымъ для увеселенія взоровъ утомленныхъ поклонниковъ, стремящихся посѣтить земную родину Ея. Мы то и дѣло, что поворачивались въ разныя стороны по дорогѣ и восторженно восклицали: а посмотрите вотъ здѣсь, что это за прелесть! Какая игра природы! Ничего подобнаго мы не видѣли ни въ Іудеѣ, ни въ Самаріи; не даромъ же и та мѣстность, на которой сидитъ Назаретъ, носить такое названіе, ибо оно на арабскомъ языкѣ означаетъ *цвѣтъ*.

Но вотъ равнина окончилась; мы приблизились къ довольно высокому гребню горы, правый конецъ которой выдѣлился изъ общей поверхности въ видѣ конуса, съ обваломъ и углубленіемъ сбоку. Это, по преданію, то мѣсто горы, къ которой злобные Назаряне привели Спасителя и хотѣли Его свергнуть съ нея. По крутизнѣ ея мы не могли ѣхать верхомъ на мулахъ, и по труднымъ, извилистымъ тропинкамъ ея шли и карабкались болѣе часу и страшно истомились.

Но Назаретъ!.. Это имя всегда возбуждало во мнѣ чистую радость, неизъяснимый восторгъ; и отъ другихъ выслушивалъ, и самъ произносилъ его я всякій разъ съ какимъ-то радостнымъ движеніемъ сердца. Послѣ этого вы поймете, насколько, по мѣрѣ приближенія моего къ Назарету, ощущенія души моей становились все живѣе и усладительнѣе; и они-то подкрѣпляли меня въ моемъ изнеможеніи.

Черезъ нѣсколько минутъ глаза мои увидятъ Назаретъ, одно имя котораго такъ священно для всѣхъ чту-

щихъ истинно Присноблаженную и Пренепорочную Матерь Бога нашего—Приснодѣву Марію. Да, увидать ту хижину, въ которой обитала Она по выходѣ изъ храма съ своимъ Обручникомъ! Увидать ту храмину, въ которой возвѣщено Ей свыше небеснымъ Вѣстникомъ непостижимое и великое таинство милосердія и спасенія—Божественное таинство воплощенія отъ Нея Сына Божія. Узрять то мѣсто, гдѣ Честнѣйшая Херувимовъ

Видъ Назарета издали.

и Славнѣйшая Серафимовъ питала и согрѣвала въ своихъ объятіяхъ Богомладенца, и гдѣ Онъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости до 30-ти лѣтняго возраста. Узрять ту тропу, по которой ежедневно ходила, и тотъ источникъ, изъ котораго пила и черпала воду для домашней потребы—Дщерь Царева, Матерь Бога Вышняго. Такъ говорилъ я самъ съ со-

бою, какъ вотъ въ обширной впадинѣ горы показался наконецъ и самый предметъ улады—смиренный Назаретъ, изъ котораго излилось на грѣшное человечество столько благъ, чрезъ посредство благодатной Дщери Іоакима и Анны, отъ Воплотившагося отъ Нея.

Назаретъ.

Вмигъ всѣ мы пали на колѣна и отъ наплыва радостныхъ выспренныхъ чувствъ стройно воспѣли: «Днесъ спасенія нашего главизна, и еже отъ вѣкатаинства явленіе: Сынъ Божій Сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріиль благодать благовѣствуетъ; тѣмже и мы съ нимъ Богородицѣ возопіимъ: радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!

«Съ небесныхъ круговъ слетѣвъ, Гавріиль въ Назаретъ прииде къ Дѣвѣ Маріи, вопія Ей: радуйся! Зачнеши Сына, Адама древнѣйшаго, Творца вѣковъ и Избавителя вопіющихъ Тебѣ: радуйся, Чистая!

«Достойно есть величати Тя, Честнѣйшую Херувимъ и Славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ.

«Архангельскій гласъ вопіетъ Ти, Чистая: Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!»

Съ горы панорама Назарета и окружности онаго очаровательна. Недаромъ названіе Назаретъ — по Еврейски Эн-Назирахъ, означаетъ цвѣтъ; и подлинно, это цвѣтъ не только Галилеи, но и всей Палестины. — Огромныя горы, раскинутыя кругомъ, образуютъ здѣсь прекрасную, защищенную со всѣхъ сторонъ, долину, покрытую смоквами и маслинами. По горамъ, огибающимъ городъ, также растутъ высокія, раскидистыя деревья, и ихъ свѣжая, яркая зелень рѣзко выдѣляется на фонѣ бѣлаго, известковаго грунта. Изъ городскихъ зданій издали бросается въ глаза высокая, красивая башня или колокольня, устроенная при католической церкви Благовѣщенія; а въ самомъ городѣ — домъ пріюта для Русскихъ поклонниковъ, въ который мы прямо и направили свои усталыя стопы, для отдыха, послѣ трехсуточного утомительнаго вояжа.

Хотя часто и много пишется о Св. Землѣ, и въ частности объ Іерусалимѣ и Вифлеемѣ, но о Галилеѣ и Назаретѣ, сравнительно мало. Причиной этому то, что Назаретъ, по своей отдаленности, уединенности, трудному и не безопасному пути, менѣе посѣщается поклонниками, и самое пребываніе ихъ ограничивается обыкновенно весьма короткимъ срокомъ — днемъ, много — двумя. А такъ какъ Спаситель и Его Пречистая Матерь дали мнѣ силы и возможность тамъ побывать, послужить, походить, поразглядѣть и поразузнать многое, то я долгомъ считаю сообщить нѣчто болѣе другихъ о Назаретѣ и его святилищахъ.

Назаретъ, бывшій во времена Христовы незначительнымъ мѣстечкомъ, и въ Ветхомъ Завѣтѣ совсѣмъ неупоминаемый, получилъ свое религіозное историческое значеніе только со времени воплощенія Христа Спасителя и долговременнаго пребыванія Св. Семейства. Здѣсь присноблаженная Дѣва послѣ Архангельскаго благовѣстія зачала отъ Духа Свята; здѣсь Слово плоть бысть; здѣсь Онъ далъ примѣръ смиренія и послушанія Своей земной Матери и воспитателю Іосифу;

здѣсь хотѣли свергнуть Его съ горы и здѣсь случилось то, что Онъ чудесно избѣгъ отъ рукъ Своихъ гонителей; здѣсь начало нашего искупленія, ибо именно здѣсь Спаситель принялъ нашу человѣческую природу.

Ради всего этого равноапостольная царица Елена надъ домомъ Святаго Семейства построила первую Христіанскую церковь. Съ теченіемъ времени, она часто разоряема была отъ Сарацынъ, и особенно пострадала отъ нихъ въ 1104 г., потомъ въ 14-мъ столѣтіи франки въ лицѣ ордена францисканцевъ хотя и успѣли занять это святое мѣсто, но скоро были изгнаны. Затѣмъ снова они соорудили церковь для Божественной службы, но лишь только началось въ ней священнодѣйствіе, какъ фанатизмомъ исламитовъ она была опять разрушена, и только дано было право мѣстнымъ Христіанамъ содержать въ развалинахъ этого святилища одну лампаду. Наконецъ, какъ говорить мѣстное преданіе, это благословенное мѣсто, по неотступнымъ и особеннымъ ходатайствамъ Православныхъ Грековъ, отдано было имъ во владѣніе однимъ изъ Сарацинскихъ калифовъ. Но въ прошломъ столѣтіи Эллины, будто бы сильно нуждаясь въ деньгахъ для уплаты положенной дани за святыя палестинскія мѣста Турецкому султану, а на самомъ дѣлѣ—прельстившись, по врожденному и присущему имъ влательству, громадными суммами, предложенными имъ отъ папистовъ, къ великому оскорбленію Православія и горести истинно вѣрующихъ сердець, святотатственно уступили франкамъ, которые, вскорѣ устроивъ здѣсь малую церковь, крѣпко пристроились при ней и до сего дня. Мало по малу приобрѣли они по купкою и мастерскую Св. Іосифа, и священное мѣсто, гдѣ лежитъ большой камень, называемый латинами «*менса Христа*»—трапеза Христа. Надъ первою и вторымъ выстроены ими же малыя церкви. Синагога, въ которой Іисусъ Христосъ часто училъ и творилъ чудеса, перешла въ руки франковъ еще въ минувшее столѣтіе.

Послѣ краткаго изложенія прежнихъ обстоятельствъ, справедливо будетъ нѣсколько подробнѣе поговорить и о нынѣшнемъ Назаретѣ. Ни многочисленный рядъ вѣковъ, ни сила историческихъ событій не могли измѣнить тѣхъ патріархальныхъ чертъ, той простоты построекъ и домашняго быта, которыми отличалась Палестина во время земной жизни Спасителя. Та-же обстановка, тѣ-же типы, тотъ же костюмъ, на каждомъ ша-

гу поражаетъ насъ сходствомъ бытовыхъ картинъ изъ жизни бедуина или феллаха съ библейскими или евангельскими рассказами; на каждомъ шагу люди, изучающіе востокъ, встрѣчаютъ несомнѣнныя свидѣтельства, что здѣсь почти ничего не измѣнилось и что все осталось въ нетронутой дѣлоти: особенно такую неизмѣнностію какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ постройкахъ, отличаются небольшія поселенія, напр. Назаретъ—родной городъ Спасителя, Котораго при жизни именovali Назореємъ.

Назаретъ состоитъ теперь болѣею частью изъ безпорядочной кучи мазанокъ, раздѣленныхъ лишь узкими кривыми улицами-коридорами и кое-гдѣ небольшими площадками; впрочемъ, при довольно разбросанномъ поселеніи по окраинамъ городка, здѣсь попадаются глазамъ очень красивые двухъ-этажные домики, сложенные по Сирійскому образцу изъ камня. Назаретъ нынѣ считается главнымъ торговымъ пунктомъ Галилеи и занимается преимущественно ссыпкой и отправкой пшеницы въ каменистую Іудею и за-Иорданскія области и имѣетъ до 8000 жителей, больше Арабовъ-напистовъ, которыхъ латинскій приходъ считаетъ до 2000, маронитскій 350, Греко-уніатскій 500 д.; кромѣ того въ Назаретѣ есть 2250 д. православныхъ Грековъ съ митрополитомъ во главѣ, до 100 д. протестантовъ и до двухъ съ половиною тысячъ Турокъ. Протестанты, по заслугамъ своимъ, весьма малаго и даже ничего не могутъ добиться въ Назаретѣ, гдѣ всеблаженная Дѣва, которую они дерзко кривотолкомъ низвели на степень обыкновенной простой женщины, возвышена въ достоинство Богоматери. Не смотря на княжескіе вклады, получаемые протестантскими миссіонерами, не смотря на ихъ прекрасную церковь, сиротскій пріютъ и госпиталь, они все-таки остаются, какъ мы видѣли, при незначительномъ числѣ. Въ центрѣ города главная улица вымощена камнемъ и содержится довольно опрятно; на протяженіи ея выглядываетъ десятокъ, а пожалуй и два, лавочекъ съ различными житейскими потребамн, немало магазиновъ для ссыпки хлѣба, такъ какъ Галилея есть житница Палестины,—довольное количество садиковъ, освѣжающихъ и насыщающихъ воздухъ благоуханнымъ запахомъ, и, въ добавокъ, четыре училища: Турецкое, Греческое, Латинское и Протестантское; а въ концѣ восточной части города Греческая церковь, съ вытекающимъ изъ подъ нея единственнымъ для всего

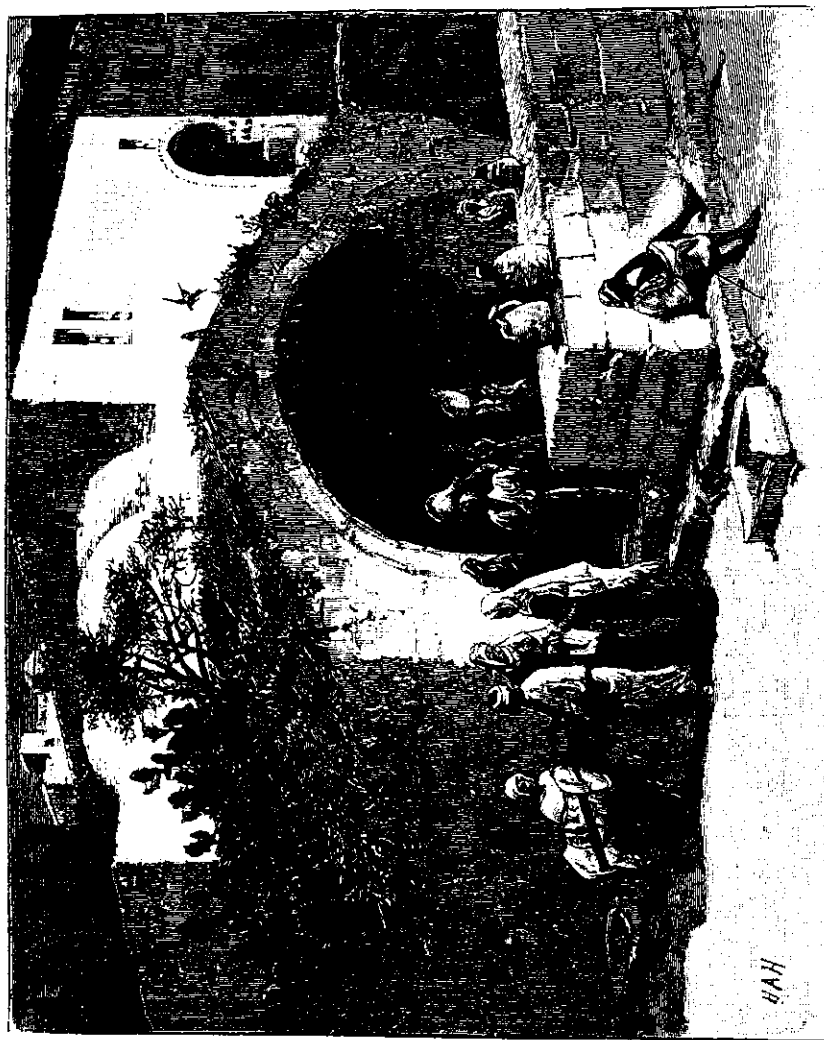
населенія источникомъ, прорѣзывающимъ вдоль весь Назаретъ, и довольно красивымъ митрополичьимъ домомъ,—вотъ и все достояніе городка! Но какъ приятно въ немъ уединиться отъ мірской суеты, для отрезвленія души, для сладкой молитвы предъ Благословенною въ женахъ, которая молитва въ этомъ временномъ пристанищѣ Ея, при благодатной природѣ, невозмутимой тиши и въ виду святынь Назаретскихъ, такъ и льется изъ глубины сердечной къ Честнѣйшей Херувимовъ, чтобы Она, всеблагая, не оставляла насъ во вся дни живота нашего, не вѣряла бы насъ человѣческому предстательству, но Сама сохраняла бы отъ золь и, имиже вѣсть судьбами, спасла насъ отъ ада преисподняго.

Русскій пріютъ или страннопріимная, въ которой мы расположились для отдыха, устроена въ Русскомъ вкусѣ, съ отдѣльными номерами и общими залами, въ которыхъ можетъ расположиться до 1000 душъ. При оной надзирателемъ—молодой, довольно симпатичный, образованный и вѣжливый арабъ—Христіанинъ, бывшій потомъ и нашимъ коннымъ кавасомъ—тѣлохранителемъ по всей Галилеѣ. Честь и хвала Акрскому консулу за удачный выборъ добросовѣстнаго служаки! Номеръ, отведенный мнѣ, оказался превосходнымъ, такимъ, какого не сыщешь у Грековъ во всей Палестинѣ и за большія деньги, съ комфортомъ лучшихъ Русскихъ гостинницъ: желѣзною кроватью съ роскошнымъ надъ ней пологомъ и всѣми спальными принадлежностями безукоризненной чистоты и бѣлизны, комодомъ для дорожныхъ вещей, столомъ, стульями, умывальницей и даже зеркаломъ, чего у туземцевъ не встрѣтишь ни въ одномъ домѣ. Мало этого: къ услугамъ сѣверныхъ поклонниковъ здѣсь жена виду, въ общей залѣ красовался и любимецъ Руси—десятиведерный самоваръ-великанъ, который для утѣшенія нашего и подкрѣпленія силъ и сослужилъ намъ не разъ свою службу. Догробная сердечная благодарность за все это каждому паломнику Русскому правительству! Отдохнувши часъ-другой и приведши свой жалкій дорожный туалетъ въ возможный порядокъ, я отправился съ нареченнымъ псаломщикомъ и вмѣстѣ и переводчикомъ къ митрополиту Назаретскому Нифонтѣ, который сверхъ всякаго нашего чаянія ожидалъ уже насъ въ пріемномъ залѣ, вѣроятно, заранѣе предувѣдомленный о нашемъ прибытіи. По заявленіи о себѣ, кто мы такіе, и взятіи благосло-

венія, приглашены были съѣсть, при чемъ сейчасъ же подано было и неизбежное обычное восточное угощеніе—рака, варенье и кофе, за которымъ мы объяснили и цѣль нашего посѣщенія его преосвященства,—попросить у него архиепископскаго разрѣшенія на выполненіе нашего заветнаго сердечнаго желанія—отслужить въ Назаретѣ Русскую всенощную и обѣдню въ одной изъ православныхъ церквей. (Въ Назаретѣ ихъ три). Митрополитъ сначала долго не соглашался на это, настойчиво приглашая служить съ нимъ вмѣстѣ; но потомъ, когда я объяснилъ ему, что наши поклонники мало понимаютъ Греческое богослуженіе, вслѣдствіе чего и безучастно относятся къ нему,—и я, какъ священникъ Русскій, нарочито путешествую съ ними, чтобы на Святыхъ мѣстахъ нарочито совершать для нихъ службы на родномъ языкѣ, для чего у насъ имѣются и свои книги и пѣвцы, тогда онъ благословилъ насъ служить на томъ мѣстѣ, гдѣ находится источникъ, изъ котораго приходила ежедневно черпать воду Преподобная въ женахъ, во время Своего долговременнаго житія въ Назаретѣ съ возлюбленнымъ Сыномъ, и надъ которымъ устроенъ придѣлъ во имя Архангела Гавріила, при главной церкви во имя благовѣщенія Пресвятой Богородицы.

Въ 4 часа по-полудни, а по восточному въ одинадцатомъ, начался благовѣстъ къ вечернѣ. Едва мы вошли въ церковь, какъ за нами послѣдовалъ входъ и митрополита, котораго священники встрѣтили на порогѣ ея, облачивъ его въ обѣдную бумажную мантию, на которой на мѣстахъ, гдѣ должны быть скрижали, виднѣлись четыре парчевыхъ лоскута; съ жезломъ въ рукахъ онъ потомъ прошелъ къ настоятельскому мѣсту на амвонѣ подъ балдахиномъ и сталъ на немъ. По возгласеніи священникомъ начала вечерни, митрополитъ самъ началъ читать девятый часъ, затѣмъ вечерню пѣли на два клироса, на правомъ по Гречески, а на лѣвомъ по-Арабски, а каеизмы въ положенное время читались малютками, учениками Православной Назаретской митрополитской школы, которые тутъ же стояли рядами подъ надзоромъ учителя, и одинъ за другимъ подходили къ псалтирю для чтенія каждаго слѣдующаго новаго псалма,—то на Греческомъ, то на Арабскомъ, то на Турецкомъ языкахъ. Дикція ихъ громкая, четкая, осмысленная, чрезвычайно мнѣ понравилась. «Свѣте тихій» возгласилъ самъ митрополитъ, стоя на своемъ

мѣстѣ, онъ же дѣлалъ и отпускъ. По окончаніи Греческой вечерни, я подошелъ къ нему за благословеніемъ на служеніе русской всенощной. Ограждая меня крестнымъ знаменіемъ, онъ сказалъ: «извольте», при чемъ вручилъ мнѣ и Св. Евангеліе на славянскомъ языкѣ. И вотъ мы, на указанномъ мѣстѣ, у источника Богоматери *), и совершили предположенное Богослу-

Источникъ Пресвятой Дѣвы.

женіе, къ великому духовному нашему утѣшенію. Оно тѣмъ болѣе было для насъ отрадно, что на ономъ из-

*) Къ этому источнику, истекающему изъ длинной пещеры, спускаются по шести ступенямъ; площадка предъ нимъ выложена мраморомъ. У самого начала источника сдѣлано отверстіе въ полу храма, въ величину обыкновенной тарелки, обложенное серебромъ, съ серебряной же крышкой и съ рельефнымъ изображеніемъ на ней Благовѣщенія; надъ этимъ отверстіемъ устро-

носился Животворящій Крестъ—сила, крѣпость, избавитель, щитъ, хранитель, побѣда и утвержденіе Христіанъ, — такъ какъ это была крестопоклонная недѣля. Греки, въ томъ числѣ священники и архимандритъ, съ особымъ вниманіемъ слѣдили за нашимъ священнодѣйствіемъ. Богослуженіе наше окончилось въ восемь часовъ, а по восточному—во второмъ часу, начавшись въ половинѣ пятого по-полудни. На дворѣ, когда мы вышли изъ храма, царила необыкновенная темнота, которая давала возможность Палестинскому небу выказаться предъ нами во всей прелести своей красы, блиставшей поразительною густотою малыхъ, но особенно крупныхъ яркихъ звѣздъ, точно брилліантовъ, усаженныхъ на извѣстномъ предметѣ одинъ возлѣ другаго, и такъ близко къ намъ, что небесный сводъ казался какъ бы опустившимся надъ самый Назаретъ, чего у насъ на сѣверѣ никогда не увидишь. Но не смотря на такую яркость неба, мы съ трудомъ могли добраться по закоулкамъ Назарета до своей квартиры даже съ фонаремъ въ рукѣ и при посредствѣ вожатаго.

На слѣдующій день въ пять часовъ утра я началъ совершать раннюю Литургію, на томъ же самомъ мѣстѣ, у источника, за которой помянулъ, между прочимъ, и всѣхъ живыхъ и отшедшихъ гражданъ города Изюма и сказалъ слушателямъ рѣчь *).

Лишь только окончилась наша обѣдня, какъ греки начали свою утреню, на которой пѣлъ весь канонъ самъ митрополитъ, паракклисіархъ въ это время уготовлялъ въ алтарѣ блюдо для изнесенія креста; на этомъ блюдѣ уложено было горой въ видѣ копны множество наципанныхъ злаковъ, начиная отъ полыни и разныхъ цвѣтовъ съ кустарниковъ и съ деревьевъ лимонныхъ и апельсинныхъ; но лежало и нѣсколько отдѣльных связанныхъ небольшихъ букетиковъ тоже съ вѣтками полыни въ каждомъ, поверхъ которыхъ положенъ былъ и крестъ. Послѣ великаго славословія, какъ обычно и у насъ, послѣдовалъ выносъ креста, при пѣніи «Святый

енъ открытый со всѣхъ сторонъ мраморный престолъ, на которомъ и совершается Богослуженіе, а подъ престоломъ теплится множество лампадъ. Иконостаса и алтаря нѣтъ. Послѣ обѣдни, по раздаваніи антидора и при молебствіяхъ, открывается крышка у источника и изъ него серебрянымъ ведромъ, опускаемымъ на серебряной цѣпи, черпаютъ воду для питья и крошенія, отъ которой по вѣрѣ подаются и исцѣленія. Поклонники кромѣ того набираютъ ее и въ свои жестянки и бережливо разносятъ по домамъ—во свояси для всякаго случая.

*) Всѣ рѣчи, сказанныя мною во Св. Землѣ, отпечатаны отдѣльною книгою.

Боже» на средину церкви, при слѣдующей обрядности. Старшій изъ священниковъ поставивъ блюдо съ крестомъ на голову, обошелъ съ нимъ вокругъ престола три раза самъ, потомъ, когда направился къ выходу изъ алтаря, къ нему присоединилось еще нѣсколько священниковъ, а за ними митрополитъ въ мантии и митрѣ, въ преднесеніи за престольнаго креста и трикирія и дикирія, и остановились среди церкви предъ уготованнымъ столомъ. По трикратномъ обхожденіи тѣмъ же священникомъ, блюдо со крестомъ было поставлено на мѣстѣ. Когда началось поклоненіе кресту, митрополитъ сѣлъ возлѣ стола на креслѣ и каждому, облобызавшему крестъ, давалъ изъ подъ него по цвѣточку или по травкѣ или же по букету; мнѣ достался букетикъ съ полынемъ, — причемъ я замѣтилъ, что всякій, получившій вѣточку полыни, тужъ минуту клалъ ее въ ротъ и потреблялъ, что побудило меня обратиться съ вопросомъ: зачѣмъ это дѣлается? Мнѣ отвѣтили, что греки считаютъ полынь за священную траву и особенно вѣрятъ въ цѣлебныя свойства ея, а тѣмъ болѣе взятой изъ подъ креста; въ настоящій же разъ этотъ знакъ имѣетъ для нихъ и аллегорическое иносказательное значеніе: оный означаетъ горестъ или трудность подвиговъ поста и покаянія; а такъ какъ въ преполовленіе Великаго поста, крестъ, по мысли св. Церкви, износится предъ очи для лобызанія вѣрующимъ въ утѣшеніе этой горечи и для подкрѣпленія физическихъ и душевныхъ силъ благодатною крестною силою къ дальнѣйшему должному прохожденію этихъ подвиговъ, то вкушающіе полынь, изъ подъ креста, этимъ самымъ видимо матеріально выражаютъ духовный или таинственный смыслъ этого святаго обряда *).

Такъ какъ митрополитъ еще свечера выразилъ желаніе, чтобы я по литургіи участвовалъ съ нимъ въ совершеніи панихиды, по случаю полученнаго имъ извѣстія отъ Акрскаго консула о кончинѣ Всероссійскаго Императора Александра II-го, то я и остался въ церкви въ ожиданіи оной.

Между тѣмъ скоро началась и литургія. Какъ только окончилось поклоненіе кресту, митрополитъ всталъ

*) У меня и досихъ поръ блюдетсѣ этотъ Назаретскій крестовый букетикъ, состоящій изъ полыни, пегва и цвѣтковъ апельсиновыхъ и лимонныхъ. Замѣчательно, что полынь есть рѣдкій и дорогой знакъ въ Палестинѣ и цѣнится чуть не на вѣсь золота. Галилеяне усердно просили меня прислать имъ изъ Руси сѣмянъ этого дива.

съ своего сѣдалища, облачился въ мантию, и съ жезломъ въ рукѣ, въ сопровожденіи четырехъ священниковъ, державшихъ въ рукахъ дикиріи и трикиріи, направился къ Царскимъ вратамъ, предъ которыми старшій изъ священниковъ началъ читать входныя молитвы; затѣмъ, прошедши въ алтарь, іерархъ Назаретскій облачался предъ престоломъ, причемъ облаченія подавалъ и помогалъ одѣваться архимандритъ, при участіи двухъ мальчиковъ въ ситцевыхъ стихаряхъ, крестообразно препоясанныхъ ораями; эти послѣдніе замѣняли потомъ на литургіи совершенно во всемъ нашихъ иподіаконовъ и даже за діаконѣ кадрили на великомъ входѣ предъ Святыми Дарами и входили при этомъ въ Царскія Двери; при служеніи не было ни рипидъ, ни орлецовъ, ни діакона, за котораго священники попеременно произносили эктеніи и выполняли другія діаконскія обязанности. Во время чтенія Евангелія на кааедрѣ однимъ изъ священниковъ, митрополитъ стоялъ предъ престоломъ, обратившись лицомъ къ читающему. Предъ «Херувимскою пѣснію» царскія врата были сняты съ петель, вѣроятно, для большаго удобства священнодѣйствующихъ и поставлены въ одномъ изъ угловъ алтаря, а предъ освященіемъ Даровъ закрыты завѣсой до задостойника, какъ это обычно на Востокѣ; далѣе литургія шла при такой обрядности, какъ и у насъ.

По окончаніи литургіи, при огромномъ стеченіи народа, совершена была соборне, подъ предводительствомъ митрополита, предположенная панихида, за которой и мнѣ пришлось два раза проговорить заупокойную эктенію и, въ заключеніе, произнести на родномъ языкѣ вѣчную память Царю-Освободителю, на земной родинѣ Богоматери и въ храмѣ, посвященномъ Ея Имени.

Послѣ Греческой литургіи и панихиды мы, желая поклониться и приложиться къ главной святынѣ городка—*мѣсту Благовѣщенія*, натошакъ, не заходя въ свою квартиру, прямо отправились отсюда по прекрасной мостовой, сдѣланной французами къ католическому храму, устроенному надъ этимъ мѣстомъ, находящимся среди Назарета и принадлежащимъ, какъ я раньше упомянулъ, франкамъ. Здѣсь выстроены ими довольно обширный монастырь, расположенный вокругъ развалинъ древней громадной церкви, воздвигнутой въ IV столѣтіи Царицей Еленой, на мѣстѣ которой кра-

суется нынѣшняя, какъ видно, недавно реставрированная изъ прежней бѣдной и непригожей, и возросшей теперь въ значительно большую и, даже по наружному виду, довольно изящную. Надъ ней-то и возвышается та высокая, единственная во всей Палестинѣ, колокольня, которая, какъ я раньше упомянулъ, еще издали указываетъ боголюбивому путнику мѣсто всемірной Назаретской святыни. Когда мы взошли во храмъ, то мисса уже оканчивалась, пять сѣдовласыхъ патеровъ, служившихъ соборне, приобщались, а громадный органъ немилосердно ревѣлъ, мотивируя причастный стихъ, при мелодическомъ подпѣваніи малютокъ; завербованныхъ папизмомъ *). Внутренность храма произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе; громадная его площадь, красиво-мозаически выложенная дорогимъ мраморомъ и освѣщаемая сильнымъ свѣтомъ отъ множества оконъ, превосходная планировка разныхъ храмовыхъ отдѣленій, изящные стѣнные орнаменты, чудная живопись вездѣ установленныхъ иконъ и религіозныхъ картинъ восторгаютъ ваши чувства, а величественный, внушающій видъ главнаго алтаря, стоящаго на высокой скалѣ—къ нему восходятъ по 12-ти мраморнымъ ступенямъ двухъ боковыхъ широкихъ и роскошныхъ лѣстницъ съ бронзовыми золочеными рѣшетками,—съ виднѣющейся въ глубѣ подошвы ея темной, предѣльной и преукрашенной сѣнью или пещерой, освѣщаемой множествомъ лампадъ, сразу приковываютъ ваше зрѣніе, сосредоточиваютъ на себѣ все ваше вниманіе и громко говорятъ сердцу, что вотъ это-то непременно должно быть то благословенное мѣсто, гдѣ совершилось великое, непостижимое таинство милосердія Божія—Божественное таинство воплощенія. И лишь только окончилось Богослуженіе, мы прямо и направились въ эту подъ-алтарную блистающую храмину и, спускаясь въ нее съ благоговѣйнымъ трепетомъ по мраморнымъ сходамъ, мысленно, а потомъ, достигши предпещерной площадки и преклонивши колѣна, и громко, и шепотомъ читали, какія кто умѣетъ церковныя пѣсни и молитвы Препоблагословенной, согласуясь съ движеніемъ чувствъ и потребностями души. То

*) Латинны-Францискане такъ восхваляютъ свой храмъ: «какъ спокойно, уединенно молиться въ семъ святилищѣ! Не возмущаетъ тутъ дисгармоническое пѣніе схизматиковъ. Здѣсь не слышенъ звукъ оружія, какъ въ вертепѣ Вилеемскомъ, здѣсь только миръ, благоговѣніе и святая радость, какъ и приличествуетъ такому мѣсту».

слышалось: «Днесъ спасенія нашего главизна и еже отъ вѣка таинства явленіе» и «Богородице Дѣво, радуйся,» то—«Многая множества моихъ, Богородице, прегрѣшеній, къ Тебѣ прибѣгохъ, Чистая» и «Все-святая Богородице, во время живота моего не остави мене,» то—«Царице моя Преблагая, Надеждо моя, Богородице» и «Пресвятая Богородице, спаси насъ»; я же, окаянный, паче всѣхъ въ мірѣ виновный предъ Честнѣйшею Херувимовъ и Славнѣйшею Серафимовъ, горько рыдая, со стенаніемъ сердца вопіялъ Благодатнѣй: «къ Тебѣ Пречистѣй Божіей Матери, азъ окаянный припадая молюся: вѣси, Царице, яко безпрестанно согрѣшаю и прогнѣвляю Сына Твоего и Бога моего, и многажды, аще каюся, ложь предъ Богомъ обрѣтаюся, и каюся трепеща: неужели Господь поразить мя, и по часѣ паки таяжде творю. Вѣдуще сія, Владычице, моя Госпоже, Богородице, молю, да помилуеши, да укрѣпиши и благая творити да подаси ми: вѣси бо, Владычице моя, Богородице, яко отнюдъ имамъ въ ненависти злая моя дѣла, и всею мыслию люблю законъ Бога моего; но не вѣмъ, Госпоже Пречистая, откуда, яже ненавижду, та и люблю, а благая преступаю. Не попускай, Пречистая, воли моей совершатися, не угодна бо есть; но да будетъ воля Сына Твоего и Бога моего, да мя спасетъ и вразумить, и подастъ благодать Святаго Духа, да быхъ азъ отселѣ престалъ сквернодѣйства, и прочее пожилъ быхъ въ повелѣніи Сына Твоего. Все упованіе мое на Тя возлагаю, Мати Божія, сохрани мя подъ кровомъ Твоимъ!» И потомъ, съ чувствами духовной радости и глубокаго умиленія приложился къ половому мраморному кругу съ крестомъ въ срединѣ и съ латинскою надписью на серебряномъ широкомъ ободкѣ: «Слово плоть бысть.» На этомъ-то мѣстѣ, по преданію, молилась Пресвятая Дѣва во время явленія ей Архангела Гавріила, и здѣсь же приняла отъ него благовѣстіе о зачатіи и рожденіи отъ Нея Сына Божія; надъ нимъ устроенъ изящный мраморный кивотъ, служащій вмѣстѣ и престоломъ во время совершенія литургіи, который въ свою очередь осянуетъ прекрасный балдахинъ на четырехъ колоннахъ, изъ превосходнаго бѣлаго мрамора, съ художественнымъ изображеніемъ на задней стѣнкѣ его—Благовѣщенія. Влѣво отсюда, шагахъ въ шести, мнѣ показался привѣшенный къ своду пещеры толстый и длинный, аршина въ три, мѣшокъ; недоумѣвая, что это и для

чего сдѣлано, я думалъ было попросить у кого либо объясненія, какъ вспомнилъ, что это, должно быть, какъ и на самомъ дѣлѣ оказалась, та колонна, которая означаетъ то мѣсто, гдѣ предсталъ Пресвятой Дѣвѣ небесный вѣстникъ—Архангелъ Гавріиль съ благою и радостною вѣстію; къ низу часть ея, болѣе аршина, выпиlena въ давнія времена мусульманами, полагавшими, что въ ней сокрыты денежныя и другія сокровища, за что и поражены были слѣпотою, отъ чего верхняя и кажется какъ бы висящею, остальная же нижняя часть колонны въ полтора аршина стоитъ неподвижно на полу. Самая хранина Благовѣщенія въ длину будетъ около 9-ти, а въ поперечникѣ около 15-ти аршинъ и раздѣлана и освѣщена католиками необыкновенно прелестно. Любуясь ею, всей обстановкой, и наслаждаясь лицеизрѣніемъ заветной святыни, я мысленно говорилъ: «вотъ и на землѣ рай! Дивны дѣла Твои, Господи, и милость Твоя, о Богомати! Неужели я въ желанномъ Назаретѣ, неужели я лицемъ къ лицу предстою той святѣйшей хранинѣ, въ которой Богоизбранная обитала? Я такъ забить своею скорбною грѣховною жизнію, такъ подавленъ тяжелыми думами, что мнѣ не вѣрится, что мнѣ все кажется, будто это не наяву со мною просходить; но нѣтъ.... это не миражъ, не призракъ, а сущее, дѣйствительное: ибо на душѣ у меня въ настоящій мигъ такъ свѣтло, такъ легко, такъ хорошо... что на радостяхъ готовъ хотѣть и отъ тѣла разрѣшиться. О премилосердная, пречистая Дѣво, Богородице! Благодарю Тебя за утѣшеніе! Такъ,—я этого ожидалъ, надѣялся, вѣрилъ, что Ты всегда скорбящимъ, труждающимся и обремененнымъ посылаешь великую отраду; я вѣрилъ, и за вѣру получилъ такъ много духовныхъ благъ! О какъ Ты, Благодатная, утѣшила меня, возвеселила меня, успокоила меня! Какъ мать свое родное дитя. Еще и еще благодарю Тебя, поклоняюсь, славлю, пою, величаю и отъ всего сердца молю: да не отыду отъ святѣйшаго сего жилища Твоего тощъ и не услышанъ, да избавлюся Тобою въ будущемъ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, а наипаче отъ хульных помышлений, озлобляющихъ меня, и въ часъ моей кончины, о Всеблагая, не оставь меня и избави огненнаго мученія за мои тяжкіе грѣхи: да взываю Тебѣ нынѣ, всегда и въ безконечныя вѣки: Радуйся, Благодатная Марія, Господь съ Тобою!» Признаюсь, какъ мнѣ хотѣлось отслужить тамъ свой русскій православ-

ный молебень и громогласно—на распѣвъ прочитать Благовѣщенское Евангеліе на томъ мѣстѣ, которое болѣе всѣхъ мѣстъ вселенной внушаетъ глубочайшее и живѣйшее благоговѣніе къ Пресвятой Дѣвѣ,—тамъ, гдѣ повсюду встрѣчаемъ Ея Божественный ликъ, гдѣ вездѣ видимъ надписи, благословляющія Благословенную въ женахъ—и на стѣнахъ, и на дверяхъ читаешь слова Ангельскія: «*Радуйся, Благодатная Марія!*» Но Латины не позволяютъ здѣсь схизматикамъ (какъ они величаютъ здѣсь и вездѣ насъ, Православныхъ) имѣть свою волю и сужденіе.

Отсюда мы пошли въ другую смежную комнату, отдѣляющуюся отъ первой только стѣной, но оставленную въ своемъ естественномъ видѣ и устроенную немного выше первой, почему въ нее восходятъ по тремъ ступенямъ. Она гораздо менѣе первой и служила дѣтской или спальней для Богомладенца, какъ говоритъ преданіе; въ ней указуютъ стѣнную нишу съ углубленіемъ внизу для лежанія, служившую Ему колыбелькой. Предъ этимъ мѣстомъ сооруженъ престолъ, а надъ нимъ виситъ картина, изображающая Христа, возлежащимъ въ колыбели. Поклонившись этому святому мѣсту, мы пошли далѣе вверхъ по 18-ти сходамъ узкой, пробитой къ скалѣ, лѣстницы и взшли въ третью комнату Святѣйшаго Семейства, довольно неправильной формы, тоже оставленную въ первобытномъ видѣ и изсѣченную въ известковомъ, а не въ гранитномъ грунтѣ, какъ пишутъ нѣкоторые; длиною она 15 аршинъ, а шириною 9 и безъ всякихъ украшеній. Здѣсь жилъ праведный Іосифъ, хранитель Богоматери и Ея Божественнаго Сына, и здѣсь же помѣщалась, по преданію, кухня и прочее насущное хозяйство Святаго Семейства. Выходная дверь ея къ сѣверо-востоку, чрезъ которую ежедневно ходила Пресвятая за водой къ источнику, носящему и теперь Ея Божественное имя, заложена глухо, но очертанія ея не трудно замѣтить. Простое, убогое это жилище даетъ весьма назидательный урокъ поклонникамъ, да и всѣмъ и каждому, ограничивать свои желанія до самаго необходимаго, довольствоваться самымъ малымъ, не полагать счастья въ этой жизни въ тлѣнныхъ и скоропреходящихъ благахъ, въ роскошныхъ хорамахъ и въ суетныхъ ихъ убранствахъ и украшеніяхъ, въ покоѣ и нѣгѣ, во множествѣ слугъ и всякой домашней рухляди, и еще сыты, одѣты и обуты и имѣемъ хоть какой-нибудь уголокъ, чтобы пріютить свою грѣхлюбивую

плоть, довольны будемъ, помня всегда, что лучше жить въ бѣдной хижинѣ съ добродѣтелью, нежели въ раззолоченныхъ палатахъ съ гнусными пороками. Такъ какъ эта послѣдняя комната изсѣчена далеко въ глубь скалы, и отдѣляется толстыми стѣнами и длиннымъ переходомъ отъ самаго храма, то мы и рѣшились во чтобы то ни стало воспользоваться симъ уютнымъ и глухимъ мѣстомъ для служенія молебна Преподобноблагословенной, хотя вполголоса,—кстати со мной были и всѣ служебныя принадлежности. Темная пещера—комната Богоблагодатной, уставленная нами множествомъ пылавшихъ свѣчей, представляла на этотъ разъ катакомбу древнихъ Христіанъ, скрывшихся въ ней для служенія Богу. И что за крѣпкая была молитва наша здѣсь! Это была мольба агнцевъ, окруженныхъ волками *),—и не повторится ей уже никогда, никогда! Намъ казалось, что самыя стѣны этой святѣйшей храмины, бывшія безмолвными, но дѣйствительными свидѣтелями молитвенныхъ подвиговъ Богоблагодатной, Ея воздержанія и трудовъ, Ея смиренія, любви и всецѣлой преданности Господу—вторили нашимъ воплямъ. Намъ чудилось, что даже прахъ пещернаго известковаго пола, котораго касались пречистыя и дѣвственныя стопы Честнѣйшей Херувимовъ и Славнѣйшей Серафимовъ, шевелился подъ нашими ногами, чтобы отпрыгнуть вмѣстѣ съ нами слово хвалы и благодаренія Всецарицѣ. Выходя отсюда, мы имѣли возможность отдѣлать нѣсколько кусочковъ отъ столпостѣнъ Св. убожища для всегдашней памяти о немъ, и когда проходили обратно мимо алтаря Благовѣщенскаго храма и любовались первымъ, намъ подсказали, что за перегородками его блюдется образъ Спаса Нерукотвореннаго,—точный снимокъ съ образа, посланнаго Спасителемъ царю Здесскому Авгарю, чрезъ Апостола Фаддея. Желая душевно видѣть оный и какъ великую и рѣдкую святыню, и какъ драгоцѣнную древность, я обратился къ Францисканскому монаху съ просьбою, доставить мнѣ возможность и счастье лицезрѣть ее. Послѣ нѣсколькихъ кислыхъ гримасъ и непріятныхъ ужимокъ, выражавшихъ отрицательное—нельзя, онъ однакожъ, подумавъ немного, хотя и неохотно, но повелъ меня по ступенямъ алтаря за ширмы его и

*) Латины или западники называютъ всегда Православныхъ изъ ненависти къ нимъ—схизматиками, т. е. раскольниками, а Греки—обыкновенно величаютъ ихъ латинами, но при релігіозныхъ столкновѣніяхъ—К а т о и к а м и, что по переводу съ греческаго означаетъ—прокъ, волки.

указалъ на восточной стѣнѣ этой капеллы висящій на кольцахъ, величиной въ поларшина, Божественный Ликъ Краснѣйшаго паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Пораженный и умиленный чудными чертами лица Его и особенно очей, взглядъ которыхъ выражалъ и кротость, и милосердіе, и божественность,—моментально паль я предъ нимъ на колѣна и долго, долго молился, не спуская глазъ съ милѣйшаго и неоцѣненнаго подобія Сына Божія, и при этомъ размышлялъ такъ: если и неодушевленный, воспроизведенный рукотворенною кистію несовершеннаго человѣка снимокъ съ Нерукотвореннаго образа нашего Творца и Бога такъ прекрасенъ, такъ плѣнителенъ, что никогда бы не отошелъ отъ него, но вѣкъ любовался-бы имъ: то что произойдетъ съ нами, какую неизреченную сладость ощутимъ мы въ сердцѣ, въ душѣ, во всѣхъ чувствахъ, когда увидимъ Его сущаго, якоже есть наяву—лицемъ къ лицу на небѣ, во всей славѣ, во всемъ потомъ свѣтѣ и великолѣпнѣи Его Божества! О Боже, Боже! Возьми меня скорѣе къ Себѣ въ небесныя селенія, чтобы Тебя—несозданную и вѣчную Красоту—зрѣть всегда и во вѣки предъ собою. Зрѣть... Но достоинъ ли еще я этого великаго, чрезвычайнаго, небеснаго дара? Чтобы свѣтъ отъ красоты лица Божія проникалъ тамъ въ мою душу, нужно еще имѣть здѣсь чистое сердце: такъ лучи солнца проникаютъ только сквозь чистыя и прозрачныя тѣла; сквозь тѣла темныя они не проходятъ. Поэтому блескъ и сіяніе Красоты Христовой будутъ осіявать, облистывать и улаживать только чистыя, праведныя души. И если я не въ состояніи прямо смотрѣть на свѣтъ, на красоту земнаго солнца, въ состояніи ли буду взирать на немерцающее свѣтомъ, краснѣйшее лицо Единороднаго Сына Божія *и очи Его, тьмами темъ кратъ свѣтлѣйшій солнца?* Тьма страстей и мгла грѣховъ наполняютъ мою душу; сердце мое полно мерзостей и всякой нечистоты. Кто разгонитъ эту тьму, разсвѣтъ этотъ мракъ? Кто очиститъ эту мерзость, нечистоту? Какъ я, какъ мы, Христіане, воззримъ на это Божественное Лице, сіяющее кротостію и милосердіемъ и вмѣстѣ грозное, когда въ день Страшнаго Суда услышимъ громовой гласъ Сына Божія: «прійдите, истязимся со Мною; вѣдь это Я, Который велѣлъ вамъ слушать и исполнять Мои повелѣнія,—почему вы Меня не послушали? Почему вы не вняли гласу Моего Евангелія? Почему не тронулись тяжкими Моими страданіями? Почему не вѣровали

Моему искупленію и не воспользовались спасительными плодами его?—Теперь Я вамъ Судія и Каратель. Мнѣ дана всякая власть на небеси и на земли... Отвѣчайте! Вы возлюбили болѣе тьму грѣховную, нежели свѣтъ добродѣтелей,—идите же во адъ, въ вѣчную тьму кромѣшную; вы служили болѣе діаволу-губителю, нежели Мнѣ—вашему Спасителю,—за то вы навсегда лишаетесь созерцанія неизреченныхъ красотъ Моего Божества и осуждаетесь на вѣчное сожительство съ бѣсами и на лицеизрѣніе безчестнаго, смраднаго и мрачнаго образа ихъ... О, Господи, Господи! жестоко есть слово сіе, и кто можетъ выслушать его безъ трепета, безъ стенанія, безъ горькаго плача! Не дай же мнѣ, Многомилостивый, услышать его и—пошли теперь же благодать Твою, да творю благое предъ Тобою! И долго, быть можетъ, я пробылъ бы въ такомъ выпрѣннемъ настроеніи, если бы одинъ изъ моихъ спутниковъ не вывелъ меня изъ него неожиданнымъ появленіемъ и съ напоминаніемъ, что время не терпитъ и нужно отправляться далѣе по Св. мѣстамъ. Направляясь къ выходу изъ храма, мы еще разъ окинули его взоромъ и мысленно похвалили образцовую чистоту, опрятность и благообразность во всемъ, соблюдаемая здѣсь Францисканами. Предъ порталомъ монастырскаго двора, примыкающаго къ самому храму, высится гранитная колонна, вышиною въ 6 сажень, найденная при прежнихъ раскопкахъ подъ храмомъ, верхъ которой вѣнчается величественной бронзовой статуей или фигурой Богоматери во весь ростъ, съ распростертыми въ воздухъ дланями; изваянная необыкновенно живо и искусно статуя эта сооружена, какъ мнѣ передавали, Лондонскимъ банкиромъ Ротшильдомъ и стоитъ съ позолотою до 60 т. руб.

Въ недалекомъ разстояніи, на западъ отъ святой пещеры или убѣжища Святѣйшаго Семейства, существуетъ церковь Маронитовъ, т. е. Греко-Уніатовъ. Когда мы подходили къ ней, народъ выходилъ оттуда массами, и особенно множество женщинъ, между которыми молодыя дѣвицы рѣзко выдѣлялись своимъ чрезвычайно живописнымъ восточнымъ костюмомъ. Церковь эта небольшая, но довольно чисто и даже изящно отдѣлана и, какъ объяснилъ намъ совершавшій обѣдню священникъ, основаніемъ ей послужили развалины стѣнъ той знаменитой Назаретской Еврейской Синагоги *),

*) Развалныя или остатки отъ стѣнъ этой школы, вышиной до двухъ аршинъ отъ уровня земной поверхности, сохранились доселѣ въ первобытной

въ которую, по обыкновенію, въ одну изъ Субботъ, вошелъ Іисусъ Христосъ и, желая просвѣтить Своихъ соотечественниковъ, началъ изъяснять имъ пророчества Исаи, къ лицу Его относящіяся; но Евреи, изумленные Его премудростію, подавляемые завистію и озлобленные Его обличеніями, схватили и повели Его отсюда на вершину горы, чтобы убить Его чрезъ сверженіе съ нея. Во храмъ мы недолго оставались и пошли къ мѣсту, на которомъ, по преданію, нѣкогда стояла мастерская Св. Іосифа-древодѣла, обрученнаго мужа Маріи, по восточному обычаю, всегда отдѣльная отъ постоянно занимаемаго жилого помѣщенія, въ которой Св. обручникъ и воспитатель Святѣйшаго Семейства вмѣстѣ съ своимъ Божественнымъ Питальцемъ занимался своимъ ремесломъ, сколько по нуждѣ, столько и по обычаю Евреевъ, чтобы каждый, даже и ученый, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленникомъ. До сихъ поръ ремесла на Востокѣ въ большомъ почетѣ, и каждый ремесленникъ имѣетъ свою отдѣльную мастерскую, съ выходомъ прямо на улицу; тамъ онъ работаетъ днемъ и продаетъ свою работу, и лишь на ночь возвращается домой. Мастерская Іосифа-плотника, во времена Іисуса Христа, вѣроятно, состояла изъ такой же небольшой, бѣдной комнаты, освѣщенной одной дверью и служившей въ одно и тоже время и столовой, и уютнымъ мѣстомъ для отдыха послѣ трудовъ. Что это такъ было и на самомъ дѣлѣ, мы убѣдились въ этомъ, когда вошли въ нынѣшнее зданіе, стоящее на мѣстѣ прежняго древняго, которое сооружено на основахъ и размѣрахъ прежняго. Комната, служившая Св. Іосифу мастерской, величиной не болѣе десяти квадратныхъ аршинъ; въ ней нынѣ помѣщается францисканская церковь, безъ всякихъ украшеній, съ однимъ только престоломъ и съ висящимъ надъ нимъ изображеніемъ Бого-Отрока Іисуса, помогающаго Своему питателю и хранителю въ трудахъ древодѣлія; къ ней примыкаетъ другая, тоже небольшая комната, въ которую ведетъ дверь изъ первой. Она, по объясненію монаха, водившаго насъ, стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была лавка Св. древодѣла, въ которой складывались и продавались готовыя издѣлія; теперь здѣсь помѣщается ризница.

ихъ прочности и чистотѣ отдѣлки. Матеріаль ихъ видѣнъ, такъ какъ онъ не заштукатуренъ, и состоитъ изъ большихъ рѣзанныхъ плитъ гранита, что даетъ возможность заключать, что и все зданіе помянутой исторической Синагоги было сооружено изъ такого же матеріала.

Описываемое мѣсто мастерской Іосифа отстоять отъ его жилого дома или латинской церкви Благовѣщенія не болѣе, какъ на сто сажень.

Не смотря на усталость, жажду и алчбу, и дневной полуденный зной, мы потянулись далѣе чрезъ весь Назаретъ въ сѣверную оконечность его, гдѣ намъ показали небольшую, но довольно красивую по наружности церковь съ францисканскимъ монастыремъ при ней, выглядывающимъ довольно привѣтливо. Внутренность церкви не включаетъ въ себѣ ничего выдающагося,—это ничто иное, какъ средней величины комната, оштукатуренная и чисто выбѣленная безъ всякихъ украшеній. Но зато она имѣетъ въ стѣнахъ своихъ дорогую священную достопримѣчательность,—это камень, называемый папистами Менса Христа—*трапезою или столомъ Христа*, на которомъ Онъ, по преданію, неоднократно трапезовалъ или вкушалъ пищу вмѣстѣ съ апостолами, и въ особенности незадолго до Своихъ страданій и по воскресеніи изъ мертвыхъ. Этотъ камень лежитъ среди церкви и весь закупоренъ наглухо въ бѣлый саванъ. Любопытствуя видѣть его, какъ онъ есть, мы просили монаха развязать пелены и показать намъ блюдомую подъ нимъ своего рода религіозную историческую святыню. Когда его сняли, глазамъ нашимъ представился большой, природный, овальный камень,—на подобіе яйца, въ длину около 6 сажень, въ ширину около трехъ сажень, а въ вышину полтора аршина, поверхность коего почти ровна, немного поката къ южной сторонѣ, по краямъ окружности камня нѣсколько круглыхъ впадинъ въ величину небольшой тарелки. Мѣстное Назаретское преданіе говоритъ, что Спаситель во время трапезы возсѣдалъ на срединѣ камня, а ученики присѣдѣли по надъ камнемъ. Этотъ камень служить теперь францисканамъ вмѣсто престола во время совершенія ими миссы, а противъ него на стѣнѣ виситъ картина, изображающая Іисуса Христа и учениковъ вкушающими пищу. Отсюда и мы, алчущіе и жаждущіе, пошли удовлетворять свои тѣлесныя потребности прямо на свое русское подворье.

Послѣ подкрѣпленія физическихъ силъ и по маломъ отдыхѣ, пользуясь прекрасной, тихой и ясной погодой, мы предприняли новую экскурсію, чтобы поразсмотрѣть и налюбоваться поистинѣ очаровательными ландшафтными окрестностями Назарета. При этомъ у насъ явилось непреодолимое желаніе видѣть и ту скалистую

стремнину, съ которой Назаретяне хотѣли сбросить Иисуса Христа. Она отстоятъ отъ синагоги, въ которой предъ этимъ Онъ проповѣдывалъ, около четырехъ верстъ. Сначала мы, до половины пути, ѣхали къ ней на ослахъ, но далѣе узкая тропа, идущая надъ глубокимъ оврагомъ и усѣянная безчисленнымъ множествомъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, до того затруднила наше движеніе впередъ, что мы вынуждены были отказаться отъ подъяремныхъ животныхъ и идти далѣе пѣшкомъ, при этомъ то и дѣло что приходилось то перескакивать или перелезать съ камня на камень, гдѣ ползти буквально на четверенькахъ, а индѣ проводники, взявши насъ за руки или подъ руки переводили или перетягивали насъ съ мѣста на мѣсто; а тутъ по бокамъ зіяющія, страшныя пропасти, только станъ на камень нетвердо ногою или хотя поскользнись, прощайся съ жизнію. Такимъ необычнымъ способомъ мы дѣлали вояжъ цѣлыхъ двѣ версты; наконецъ, послѣ трехчасоваго ползанья, добрались на полгорѣ до небольшой площадки, какъ видно, искусственно здѣсь сооруженной, ибо она отъ низу поддерживается каменными стѣнками, нарочито для этой цѣли возведенными; противъ этой площади въ вертикальной стѣнѣ громадной и длинной скалы находится природное углубленіе въ видѣ грота или пещеры, на половину спереди обрушившейся, сводъ которой, какъ видно, былъ когда-то расписанъ радужными полосами, но отъ времени краски сильно повывѣтрились. Въ задней стѣнѣ этой пещеры ниша съ вырѣзаннымъ на ней крестомъ. Надъ этой же пещерой какъ разъ приходится конусообразный конецъ помянутой скалы, сажень около двадцати въ высоту. Сюда-то, на эту высочайшую точку надъ стремниной приведенъ былъ Иисусъ Христосъ Назарянами для низверженія; но Онъ, какъ сказано въ Евангеліи, *прошедши посреди ихъ, удалился*. И удалился, какъ говоритъ мѣстное преданіе, въ сказанную пещеру, гдѣ ученики нашли Его молящимся. Вотъ почему она впослѣдствіи была раздѣлана и обращена въ церковь, и къ ней для удобства предложена площадка; ниша же, сдѣланная въ стѣнѣ пещеры, служила престоломъ, и здѣсь часто сходились древніе Христіане для молитвы и слушанія Божественной литургіи, особенно во время гоненій на нихъ. Положивъ на этомъ неподвижномъ и вѣковомъ престолѣ принесенные мною Крестъ и Евангеліе, я съ особеннымъ чувствомъ умиленія отслужилъ здѣсь молебень Спасите-

лю, прося Его о милости, жизни, мирѣ, здоровіи, спасеніи и посѣщеніи насъ, здѣсь стоящихъ и усердно молящихся. Читанное на немъ Евангеліе, повѣствовавшее о причинахъ, вызвавшихъ у Назарянъ сильное озлобленіе противъ Іисуса Христа и разразившееся тѣмъ, что они порѣшили избавиться отъ Него чрезъ сверженіе Его съ стремнины скалы, находящейся предъ нашими глазами, вызвало у моихъ сопутниковъ и сопутницъ сильное негодование противъ тогдашнихъ виновниковъ такихъ недружелюбныхъ отношеній къ Тому, Кого они должны были бы только благодарить за желаніе просвѣтить ихъ и научить добру, ведущему въ животъ вѣчный, и просить Его и на будущее время не лишать ихъ этого счастія. На это я имъ замѣтилъ: не судите ихъ, да не будете и сами судимы. Пока міръ будетъ стоять, и подобная аномалія въ людскихъ взаимныхъ отношеніяхъ будетъ существовать. Мы не Галилеяне, но развѣ мы лучше ихъ на этотъ разъ? Мы Христіане, и гораздо болѣе просвѣщенные Назарянъ, но любимъ ли мы тѣхъ проповѣдниковъ-священниковъ, которые благовременно и безвременно обличаютъ насъ за наши грѣхи,—и всѣ ли изъ насъ благодушно пріемлютъ и переносятъ ихъ обличенія? Всегда ли пользуются и у насъ въ обществѣ должнымъ вниманіемъ и благосклонностію люди, говорящіе и стоящіе за правду въ словѣ и въ дѣлѣ? Нѣтъ! Ихъ большинство не терпитъ, считаетъ ихъ за людей опасныхъ и вредныхъ для частныхъ и для общественныхъ интересовъ, за враговъ міра и спокойствія всѣхъ и cadaго, и рады, рады, если придется имъ какимъ бы то ни было образомъ сбыть ихъ съ рукъ. Лучше же замолчимъ и пожалѣемъ и о нашемъ жестокосердіи и обо всѣхъ, похожихъ въ этомъ разѣ на соотечественниковъ Спасителя нашего. Помянутая пещера—теперь въ заустѣніи, но глубокая цистерна, находящаяся недалеко отъ нея, сооруженная, вѣроятно, для удовлетворенія жажды приходившихъ сюда молиться, и въ настоящее время содержитъ въ себѣ воду.

Налюбовавшись съ площадки видомъ горы Фавора, которая отсюда отстоитъ на 14 верстъ, набравши по нѣсколько кусочковъ мозаики отъ бывшаго пещернаго мозаическаго пола и, затѣмъ, составивъ изящные букеты изъ пышныхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, растущихъ здѣсь, къ великому удивленію нашему, въ чрезвычайномъ обиліи не только на известковой почвѣ, но и привѣтливо выглядывающихъ изъ трещинъ громаднхъ

камней,—мы, чрезъ ручей, текущій изъ Назаретскаго Источника Богоматери перешли на другую гору, идущую параллельно съ горою Низверженія и называемою сестрою ея, вѣроятно, по сходству ея съ первою по высотѣ и вертикальнымъ уступамъ. На одной изъ самыхъ высшихъ точекъ ея, противъ Назарета, къ вос-

Видъ Гавора съ Назаретской дороги.

току, недавно устроена небольшая, но красивая церковь въ Русскомъ стилѣ, Русской купчихой Киселевой, въ честь Богоблагодатной Дѣвы. Когда мы подходили къ ней, насъ встрѣтила толпа Назарянъ, а митрополитъ провелъ въ церковь. Здѣсь я попросилъ у него благословенія—отслужить вечерню, которую и онъ

остался слушать и всё встрѣтившіе насъ. Совершая Богослуженіе въ этой церкви, я совершенно забылся, что нахожусь въ иноплеменной странѣ; мнѣ казалось, что я священнодѣйствую въ одномъ изъ храмовъ своего роднаго отечества, такъ какъ и вся внутренняя обстановка и особливо иконостасъ ея, сдѣланный въ Россіи, сильно напоминали мнѣ одну изъ видѣнныхъ мною отечественныхъ церквей. По окончаніи вечерни, я пропѣлъ по-гречески, обратившись къ митрополиту—«исъ полла эти, деспота», — на что онъ отвѣчалъ: «на многа лѣта и вашему священству».

Вышедши изъ церкви на прилегающую къ ней галерею, святитель указалъ намъ на разные, видѣющіяся отсюда священно-историческія мѣстности—на горы Фаворъ, Ермонъ, Кармилъ, на городъ Наинъ, на Галилейское море, и пр., и пригласилъ въ комнату подъ церковію, гдѣ мы немного поотдохнули и освѣжились изъ находящагося здѣсь источника весьма здоровою и холодною водою. Мѣсто, купленное подъ Русскую церковь, довольно обширно и занимаетъ около десяти нашихъ десятинъ; изъ нихъ нѣкоторыя засѣяны были хлѣбомъ, другія огородными овощами, а на иныхъ заведены рощи и сады. Засимъ митрополитъ Нифонтъ сѣлъ верхомъ на свою бѣлую, арабскую лошадь, а мы на своихъ муликовъ, и поплелись прямо въ Назаретъ, такъ какъ день былъ уже на исходѣ. За нами хлынула вся толпа—и мужчины и женщины, старики и дѣти, и одни изъ нихъ то и дѣло, что заглядывали намъ въ глаза, другіе, и особенно удалая и веселая молодежь, бѣжали взапуски впереди насъ, дѣлая въ честь нашу и утѣшеніе разные эволюціи. Въѣхавши въ городъ, мы направились прямо къ квартирѣ преосвященнаго митрополита, чтобы поблагодарить его за доставленное имъ духовное утѣшеніе намъ въ его священной резиденціи. Въ своихъ покояхъ высокопочтенный хозяинъ встрѣтилъ насъ весьма привѣтливо, презентуя каждого бутонъ распустившейся розы и горстью душистыхъ цвѣтковъ лимонныхъ и апельсинныхъ, и провелъ далѣе въ гостинную. Усадивъ всѣхъ на диванахъ, онъ повелъ разговоръ о разныхъ предметахъ и между прочимъ сообщилъ намъ о себѣ, что онъ состоитъ на службѣ въ Назаретѣ двадцать семь лѣтъ и много, много терпитъ отъ неправдъ сильныхъ земли, но уповаетъ, что въ небесномъ Іерусалимѣ получить за правду возмездіе,—совѣтывалъ и мнѣ запастись терпѣніемъ. Между разго-

воромъ подано было кофе, которое было какъ нельзя болѣе кстати послѣ такого труднаго вояжа, какой мы совершили. Митрополитъ одарилъ насъ еще картинками, изображающими Богородицу, черпающую воду изъ Назаретскаго источника. Потомъ провелъ по всѣмъ комнатамъ своей картиры съ чисто европейской обстановкой, украшеннымъ множествомъ дорогихъ портретовъ царственныхъ особъ и духовныхъ лицъ, между которыми есть и русскіе, и уставленнымъ разными рѣдкостями Галилеи, какъ то: камнями, черепахами и пр. и священно-историческими предметами, добытыми посредствомъ раскопокъ развалинъ Св. мѣстъ. Въ кабинетъ мы вошли только вдвоемъ съ митрополитомъ. Здѣсь стоитъ около десятка шкаповъ, набитыхъ книгами разнаго содержанія, между которыми немало и на иностранныхъ языкахъ; при разсмотрѣніи ихъ, онъ спросилъ меня: таковыя ли помѣщенія и обстановка у вашихъ архіереевъ? Я ему отвѣчалъ, что у насъ въ большинствѣ для преосвященныхъ устроены приличные квартиры, но есть въ бѣдныхъ епархіяхъ и тѣсныя и неудобныя, и съ простой обычной обстановкой. И у меня, продолжалъ онъ, прежде была плохая квартира, а нынѣшней, я обязанъ самому себѣ, своимъ трудамъ и умѣнью. На прощаньи приглашалъ меня, если мнѣ угодно, служить литургію, для которой я могу взять запасной Агнецъ, приготовленный для среды, на что мною изъявлено сердечное желаніе и глубокая благодарность за такое душеполезное предложеніе.

На другой день—въ понедѣльникъ, въ 5 часовъ утра, мы отправились въ знакомую уже намъ Греческую Православную церковь Благовѣщенія, что надъ источникомъ Богоматери, и здѣсь я безъ перерыва совершилъ Полунощницу, Утреню, Часы и Преждеосвященную Литургію, закончивъ богослуженіе молебнымъ канономъ Пресвятой Богородицѣ.

Нѣкоторые изъ поклонниковъ, а въ числѣ ихъ и я, желаніемъ возжелѣли еще поклониться святѣйшему мѣсту Благовѣщенія, еще обозрѣть жилище Преподобной, чтобы глубже врѣзалась въ память каждая деталь его, еще насладиться лицезрѣніемъ Божественнаго лика—Спаса Нерукотвореннаго, который я удостоился видѣть даже въ ночномъ видѣніи, почему мы послѣ Литургіи пошли прямо въ католическую церковь. Латины невозбранно допустили насъ помолиться, обозрѣть и проститься на вѣки съ драгоцѣннѣйшими святынями. Съ

чувствомъ глубокой тоски мы оставили Святую пещеру и въ 10 часовъ утра потянулись изъ Назарета съ поникшими главами по узкой горной тропѣ къ сѣверо-востоку на Кану Галилейскую. Взираясь около часу на гребень горы, имѣвшій закрыть отъ взора моего священное мѣсто Благовѣщенія, я ѣхалъ все время съ непокрытой головой, то и дѣло оглядываясь на приснопамятный Назаретъ и творя молитвы Богоизбранной Дѣвѣ Богородицѣ, чтобы Она многое множество моихъ беззаконій покрыла Своимъ покровомъ, при чемъ мысленно лобызала земную, святую родину Главизны нашего спасенія, изливаясь въ чувствахъ глубокой благодарности за то, что Она, Всеблагая, не лишила меня счастья узрѣть, поклониться и литургисать въ ней. Наконецъ, еще два шага... муликъ перевалился за хребетъ Назаретскихъ окрестныхъ высотъ и—Святой городъ сокрылся на вѣки съ моихъ глазъ, а я, заплакалъ такъ горько, какъ плачутъ, потерявши все на свѣтъ...

Да, если въ міръ есть мѣста, одаренныя печальнымъ могуществомъ пробуждать все грустное и скорбное въ сердцахъ человѣческомъ, заставлятъ плакать и молиться, молиться и плакать, такъ это святые мѣста въ Палестинѣ!

Дорога въ Кану Галилейскую довольно живописна и идетъ больше по склонамъ горъ. Ъзда къ ней изъ Назарета нетрудная и недолгая—всего около двухъ часовъ. Когда мы спускались съ горы, въ виду Каны, послышался звонъ небольшого колокола.—Что бы это значило, подумали мы? Объяснилось послѣ: это Православные жители города, увидавъ издали насъ, ѣдущихъ къ нимъ, какъ богомольцевъ, выражали звономъ радость, вниманіе, почетъ и привѣтъ намъ. При въѣздѣ въ самое мѣстечко у бывшихъ, какъ видно по развалинамъ, городскихъ воротъ находится прекрасный и обильный водоу источникъ, текущій вдоль деревни и орошающій сады ея. Къ этому водоему, обложенному тесанымъ камнемъ, сходятъ по двумъ, довольно длиннымъ лѣстницамъ. Изъ него, по преданію, черпалась та вода, которою, по повелѣнію Спасителя, наполнены были шесть сосудовъ и которая по волѣ Его превратилась въ превосходное вино. Здѣсь постоянно собирается толпа мѣстныхъ и окрестныхъ женщинъ, (какъ и мы застали), которыя черплютъ воду высокими глиняными кувшинами и, наполнивъ ихъ, ставятъ на голову и такъ возвращаются домой.

Эти красивыя женщины въ длинныхъ синихъ античныхъ туникахъ съ сосудами на головѣ представляютъ собою чисто библейскіе типы и живо напоминаютъ то патриархальное время, когда у источниковъ было мѣсто выбора невѣстъ и мѣсто сборищъ счастливой, веселой молодежи.

Но вотъ и самая Кана. Въ настоящее время это небольшой поселокъ, состоящій не болѣе, какъ изъ

Современная Кана.

60-ти жалкихъ мазанокъ. Будучи построена на скатѣ холма, склоняющагося на сѣверъ, она защищена горами съ юга и запада, между тѣмъ какъ съ сѣвера разстилается предъ нею замѣчательно прекрасная плодородная равнина. На ней растутъ миндальныя, гранатныя, масличныя и другія деревья, виноградъ, маисъ и табакъ. Но болѣе всего она знаменательна и памятна

для насъ, Христіанъ, тѣмъ, что здѣсь Господь совершилъ первое чудо, по выступленіи Своемъ на дѣло общественнаго служенія падшему роду человѣческому. Разскажемъ о немъ. Въ одномъ изъ домовъ названнаго городка былъ бракъ или свадебный вечеръ по случаю женитьбы, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, Апостола Симона, прозваннаго Кананитъ или Зилотъ, т. е. ревнитель. Этотъ Симонъ былъ сынъ Клеопы, брата св. Іосифа Обручника, и слѣдовательно былъ племянникъ Богоматери и двоюродный братъ Іисуса Христа. Вотъ почему здѣсь была Мать Іисусова и приглашенъ былъ и Іисусъ съ учениками Его. Пиръ еще не былъ оконченъ, а уже оказался недостатокъ въ винѣ. Кто знаетъ, какъ уважается на Востокѣ гостепріимство, какую священною обязанностию считается угостить не только званнаго, но даже неожиданнаго гостя, тотъ пойметъ, какой непредвидѣнный ударъ для новобрачныхъ представлялъ этотъ оказавшійся внезапно недостатокъ. Никто такъ, какъ Марія, не зналъ, кто былъ Ея Сынъ. Она чувствовала, что близокъ часъ Его великаго ученія и проявленія свойствъ Его Божественнаго посольства—всемогущества, благодати, всевѣдѣнія и проч., а потому, первая, замѣтивъ смущеніе въ хозяевахъ и, по своему любвеобильному сердцу, желая помочь горю новобрачныхъ, сказала Іисусу: «вина у нихъ нѣтъ», на что Онъ отвѣчалъ: «что Мнѣ и Тебѣ, жено? Еще не пришелъ часъ Мой». Но Богоматерь тотчасъ послѣ этого отвѣта сказала служителямъ: что скажетъ Онъ вамъ, то сдѣлайте. На Востокѣ первѣйшею необходимостію считается послѣ путешествія омыть ноги, предъ ѣдою омыть руки, а для исполненія этихъ потребностей тамъ обыкновенно стояло, какъ это въ обычаѣ и теперь, возлѣ входа въ домъ шесть огромныхъ каменныхъ водоносовъ, наполненныхъ водою. Каждый изъ этихъ водоносовъ содержалъ отъ 2¹/₂ до 3-хъ ведръ (или 82 бутылки, или 164 фунта) воды, и Іисусъ велѣлъ наполнить ихъ до-верха. Когда, согласно Его велѣнію, слуги, разливши воду изъ водоносовъ по небольшимъ сосудамъ, отнесли ее къ распорядителю пира, то этотъ послѣдній, *отвѣдавъ воды, сдѣлавшейся виномъ* (онъ не зналъ откуда оно, знали только служители, черпавшіе воду), позвалъ жениха и сказалъ ему: *всякій человекъ сперва подаетъ хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберегъ досель*. Такъ положилъ Іисусъ начало

чудесамъ въ Канѣ Галилейскѣй, и явилъ славу Свою, и увѣровали въ Него ученицы Его.

Кстати приведемъ здѣсь замѣчаніе одного ученаго о характерныхъ чертахъ этого перваго чуда Спасителя.

Незначительная деревушка, простая свадьба, скромный домъ, нѣсколько человѣкъ гостей изъ простаго званія были свидѣтелями перваго чуда, какъ нѣсколько пастуховъ были свидѣтелями сверхъестественныхъ событій, совершившихся при первомъ появленіи на свѣтъ Іисуса. И далѣе: Кто, для удовлетворенія Своего собственнаго голода, не хотѣлъ обратить въ хлѣбъ камни въ пустынѣ, Тотъ съ удовольствіемъ, для устраненія огорченія и заботъ скромнаго свадебнаго пира, обращаетъ воду въ вино. Первымъ чудомъ Моисея было обращеніе рѣки въ кровь для суроваго наказанія преступнаго народа; первымъ чудомъ Іисуса Христа было обращеніе воды въ вино для успокоенія заботъ и для восстановленія невинной радости невиннаго семейства. Сверхъ того, подобно всѣмъ чудесамъ Христовымъ, это первое чудо соединяетъ въ себѣ характеръ дѣла милосердія, эмблемы и пророчества. Миръ сначала даетъ то, что у него есть лучшаго, а потомъ подонки и горечь. Христосъ пришелъ обратить униженное въ великое и прекрасное: законъ Моисеевъ—въ законъ свободы; крещеніе Іоанново—въ крещеніе Духомъ Святымъ и огнемъ; самоотреченіе грустнаго уединенія—въ самоотреченіе счастливаго домашняго крова; заботу и вздохи—въ надежду и благословеніе, воду—въ вино. Священное таинство брака, почтенное и украшенное Его святымъ присутствіемъ и удостоенное перваго чуда, предрекало таинственный союзъ между Нимъ и Церковію, а простая вода, измѣненная чудеснымъ образомъ въ вино, была прообразованіемъ нашей земной жизни, измѣненной и облагороженной предвкушеніемъ небесныхъ радостей, прообразованіемъ того вина, которое мы вкушаемъ въ таинствѣ Причащенія, и того, которое Онъ будетъ пить съ нами въ царствѣ Божіемъ на брачной трапезѣ Агнца.

Въ 12 часовъ дня мы подъѣхали прямо къ имѣющейся здѣсь Арабской Православной церкви, устроенной будто бы *) на мѣстѣ дома блаженной четы, освя-

(*) Я сказалъ *будто бы* потому, что относительно мѣста претворенія Спасителемъ воды въ вино путешественниками въ своихъ замѣткахъ говорится различно. Такъ напр. одинъ французскій туристъ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, описывая Кану Галилейскую, между прочимъ замѣчаетъ: домъ

щennaго посѣщеніемъ Спасителя. Вмигъ собралась сюда вся деревня, а корпорація учениковъ мѣстной церковно-приходской школы, челоуѣкъ около двадцати, построившись въ ряды возлѣ входныхъ церковныхъ дверей, встрѣтила насъ пѣніемъ привѣтственныхъ кантовъ,—и иные изъ нихъ до того старались выказать предъ нами свое усердіе и искусство, что, надрываясь ради ихъ, то присѣдали на землю, то подпирали подбородокъ руками,—и за этотъ неожиданный, но дружелюбный и умѣстный привѣтъ арабскіе юнцы получили отъ Московъ приличный бакшишъ. Когда мы вошли въ церковь, мѣстный священникъ провелъ меня чрезъ открытыя нарочито царскія врата въ алтарь, гдѣ, по облобызаніи мною престола, привѣтствовалъ меня въ краткихъ словахъ и затѣмъ поцѣловалъ мою руку. По возложеніи на себя епитрахили и ризы я вышелъ на средину церкви и отслужилъ молебенъ Спасителю и Богоматери, съ прочтеніемъ евангелія о совершившемся здѣсь священномъ событіи, и лишь только окончилъ чтеніе, какъ тотъ же священникъ сталъ разносить

счастливой брачной четы, въ которомъ Спаситель чудесно претворилъ воду въ вино, Св. Елена обратила въ прекрасную церковь, которая и теперь еще цѣла; изъ нея Турки сдѣлали себѣ мечеть. Церковь эта довольно велика и состоитъ изъ залы, длиною около сорока, шириною въ двадцать футовъ. Срединѣ свода лежатъ на столбахъ, которые дѣлятъ ее на двѣ части; на верху стояли глиняные сосуды, и тамъ совершенно чудо. На паперти видны еще фигуры маленькихъ урнъ, въ которыхъ была вода превращенная въ вино. Этихъ урнъ три; онѣ высѣчены рельефно, форма ихъ походитъ на наши цвѣточныя вазы, только вмѣсто круглой выдѣлки она у нихъ четырехугольная. Другой путешественникъ пишетъ: домъ, на мѣстѣ котораго еще во времена оны устроена была церковь, пришелъ потомъ въ совершенный упадокъ, но съ прошлаго года находится въ рукахъ папистовъ, и уже на этомъ мѣстѣ стоитъ ихъ церковь. Какъ примприть эти противорѣчія? Кто жилъ на «Востокѣ» или и такъ хорошо знакомъ съ нѣмъ, нѣсколько разъ путешествуя по нему, тотъ вѣроятно усмотрѣтъ, что гдѣ сталкиваются и чисто духовные и церковно-матеріальныя интересы корпорацій разныхъ исповѣданій, питающихъ всегда взаимную затаенную ненависть и дѣйствующихъ во вредъ другому, тамъ не обходится безъ фальши не только въ вѣроисповѣдныхъ видахъ, но и прямо корыстныхъ, спекулятивныхъ. Такъ, мусульмане, зная, какими мѣстами и предметамъ Христіане воздаютъ чествованіе, дорожатъ ими, и за доступъ къ нимъ платятъ деньги, вымышленно пріурочиваятъ ихъ къ своимъ мечетямъ, выдаютъ обыкновенныя вещи, часто ими самими устроенныя, за священныя для Христіанъ. Такимъ образомъ исламискіе муллы могли во время оно ввести въ обманъ и легковѣрнаго Французскаго путешественника, показывая ему въ своей мечети и мѣсто, гдѣ было сотворено чудо, и сосуды, очевидно, поддѣльные, чтобы взять и приличный бакшишъ за осмотръ ихъ, и чтобы славила и самая мечеть ихъ. Патны же изъ неприязни къ схизматикамъ, (православнымъ, и для привлеченія богомольцевъ) тоже часто сочиняютъ цѣлыя легенды о своихъ храмахъ и святыняхъ, а о принадлежащемъ православному дѣлаютъ бѣдныя отзывы, относятся съ презрѣніемъ, или же вовсе умалчиваютъ. Что касается до меня, то я склоненъ думать, что то мѣсто, на которомъ стоитъ Арабская церковь, и есть подлинное мѣсто, на которомъ стоялъ домъ брака. Иначе бы нашъ опытный путеводитель Назаретскій не преминулъ напомнить намъ или даже пригласить насъ посѣтить мечеть или католич. церковь, въ которыхъ есть своего рода святыня для всѣхъ Христіанъ.

намъ стаканы, до половины наполненные водою, доливая ихъ потомъ виномъ, въ память претворенія Иисусомъ воды въ вино. Я долго не соглашался пить по случаю великопостнаго времени и будничнаго дня—понедѣльника, но священникъ настаивалъ, что ради такого исключительнаго случая незасорно сдѣлать отступление отъ церковнаго устава. О самомъ храмѣ нужно замѣтить, что оный ничѣмъ не отличается по наружному виду отъ прочихъ мазанокъ, развѣ только своею величиною, и находится въ очень скудномъ положеніи. Внутренность его можно уподобить нашей хлѣбной клунѣ; земляной полъ, черныя запыленные стѣны, нищенская утварь, какъ напримѣръ—каменная купель для крещенія младенцевъ, вмазанная глиною въ боковую стѣнку, недостатокъ въ самомъ необходимомъ снѣдаютъ жалостію сердце молящагося. Здѣсь же на виду, въ стѣнной нишѣ, стояли два-три большихъ каменныхъ водоноса, что подало поводъ многимъ путешественникамъ писать и доказывать, что сосуды, въ которыхъ Господь претворилъ воду въ вино, и до сихъ поръ цѣлы. Но эти сосуды сдѣланы и стоятъ только въ воспоминаніе о прежнихъ, а подлинныя сохранились ли и гдѣ они,—Богъ вѣсть. Въ Палестинѣ еще и теперь въ обычномъ употребленіи глиняныя вазы или кувшины для воды, значительные по объему и сдѣланные по образцу древнихъ. Означенный храмъ посвященъ имени Святаго Іоанна Предтечи, который здѣсь, какъ и вообще на «Востокѣ», изображенъ съ крыльями, вѣроятно потому, что онъ вездѣ въ священныхъ книгахъ называется Ангеломъ земнымъ. Но почему именно храмъ на этомъ мѣстѣ посвященъ Его имени, я не могъ забрать надлежащихъ справокъ.

По выходѣ изъ церкви, священнику сильно желалось, чтобы мы посѣтили его домъ, при чемъ проговорилъ, что для пріема насъ нарочито даже приготовлялся; и мнѣ желательно было посмотреть на его квартиру, домашнюю обстановку и семью, но спутники мои ни за что не соглашались на этотъ визитъ, боясь опоздать на ночлегъ въ Тиверіаду, отставать же отъ нихъ мнѣ ни въ какомъ разѣ не приходилось.

Отѣхавши отъ Каны двѣ версты, мы проходили пѣшкомъ то поле, гдѣ ученики Иисуса Христа ѣли въ день Субботный хлѣбные колосья. — Оно образуетъ прекрасную равнину, и теперь еще называемую полемъ жатвы; но теперь она покрыта бѣльшею частію кустар-

никами. Фарисеи укоряли Апостоловъ не за то, что они ѣли хлѣбныя зерна (самый законъ дозволялъ путешественникамъ прибѣгать къ такому способу насыщенія въ томъ случаѣ, когда ихъ томилъ голодъ), а за то, что они ѣли въ день Субботный. Поэтому-то Спаситель и говорилъ фарисеямъ: «Аще ли бысте вѣдали, что есть: милости хочу, а не жертвы, николи же убо бысте осуждали неповинныхъ. Господь бо есть и Субботы Сынъ человѣческій».

Чрезъ часъ пути отъ сказаннаго поля открывается гора блаженствъ; она невысока и невелика, стоитъ на равнинѣ и издали имѣетъ видъ сѣдла или головы животнаго съ двумя рогами, изъ коихъ одинъ выше и массивнѣе, вблизи ея виднѣется нѣсколько кустарниковъ. На ней-то изречено Спасителемъ то высокое и спасительное ученіе о девяти блаженствахъ, чтеніемъ которыхъ Св. Церковь оглашаетъ слухъ молящихся каждую Божественную литургію, и здѣсь же произнесена вся та, такъ называемая, нагорная проповѣдь Его, изложенная Евангелистомъ Матѣемъ въ 5, 6 и 7 главахъ, о которой сдѣлано имъ такое заключеніе: «И дивляхуся народи о учении Его, бо бо уча ихъ, яко власть имѣя и не яко книжницы и фарисеи» *). На эту природную священную кафедру Всемирнаго Святѣйшаго Проповѣдника намъ не пришлось взойти.

Не смотря на то, что былъ полдень и атмосфера сильно нагрѣта лучами весенняго солнца, мы подвигались впередъ бодро, безъ устали, освѣжаемые близостию водъ Тиверіадскаго моря, хотя нельзя сказать того же о нашихъ подъяремныхъ скакунахъ. На одномъ мѣ-

*) Объ этомъ ученіи скажемъ не лишнимъ привести здѣсь отзывъ одного ученаго. Какъ изящна, какъ свѣжа эта простая рѣчь Спасителя сравнительно съ другими ученіями, которыя когда либо доходили до слуха народа! Въ ней нѣтъ ничего научнаго, ничего искусственнаго; нѣтъ торжественныхъ воззваній; нѣтъ заботливой выработки; нѣтъ историческихъ приемовъ; нѣтъ школьной мудрости. Прямой, какъ стрѣла, этотъ языкъ проникаетъ въ глубины души и духа, что-бы тамъ начертать свои правила. Все коротко, ясно, точно, полно святости, полно обыкновенныхъ обыденныхъ образовъ. Тамъ указаны событія и предметы, съ которыми сроднились жители Галилеи. Въ немъ говорится о зелени полей, о вѣтвяхъ цвѣтахъ, о распускающихся весной деревьяхъ, о свѣтломъ или пасмурномъ небѣ, о восходѣ и закатѣ солнца, о вѣтрѣ и дождѣ, о ночи и бурѣ, о пасмурной погодѣ и ведрѣ, объ источникахъ и рѣкахъ, о медѣ и соли, о добромъ сѣмени и плевелахъ, о разорванной одеждѣ и разорванныхъ мѣхахъ съ виномъ, о яйцахъ и змѣяхъ, о жемчужинахъ и монетахъ, о сѣтяхъ и рыбѣ. Въ рѣчахъ Иисуса постоянно встрѣчаются вино и пшеница, ячмень и масло, управители и садовники, работники и хозяева, цари и пастухи, путешественники и отцы семействъ, придворные въ роскошныхъ одеждахъ и невѣсты въ подвѣчныхъ платьяхъ. Онъ знаетъ всю жизнь и глядѣлъ на нее столько же милостивымъ, насколько и царственнымъ окомъ. Онъ радовался народною радостію, не меньше, какъ печаловалъ объ ихъ заботахъ.

стѣ мой мулъ, вѣроятно отъ утомленія, такъ покачнулся, что я моментально полетѣлъ чрезъ его голову на тропу, но, благодаря Бога, безъ всякихъ послѣдствій, потому что это паденіе совершилось на мягкой землѣ и ровномъ мѣстѣ; а если бы оно случилось на скалистой почвѣ и еще при спускѣ съ горы, то пожалуй поплатился бы пожизненнымъ увѣчьемъ. Вообще дорога отъ Назарета по направленію къ Тиверіадѣ весьма удобна для путешествія: нѣтъ опасныхъ горныхъ уступовъ, ужасныхъ стремнинъ, громадныхъ, высунувшихся на поверхность камней, и куда ни глянешь, вездѣ пріятно ласкающая зрѣніе зелень, роскошные, колосащіяся хлѣбные злаки, и всюду разостланы природою такіе богатые и причудливо узорчатые ковры изъ обилія и смѣшенія разнаго колера цвѣтовъ, что и самъ Соломонъ, полагаю, при всемъ своемъ богатствѣ и славѣ не могъ имѣть ни одного подобнаго, сотканнаго искусствомъ.

Около 5 часовъ, невдалекѣ отъ дороги, мы сошли съ муловъ и по указанію проводника пошли пѣшкомъ къ небольшому холму, усеянному однимъ-другимъ десяткомъ камней, между которыми выдвигался одинъ, солидныхъ размѣровъ, и на немъ виднѣлся, начертанный чьею-то рукою, крестъ. Къ юго-востоку отъ этого холма лежитъ покато къ морю прелестная равнина, покрытая травою въ лошадиный ростъ, между которою нестрѣли и хлѣбные колосы. Это-то мѣсто—та равнина, замѣтили намъ, гдѣ Господь, призвавъ учениковъ Своихъ, сказалъ имъ: жалъ Мнѣ народа, что уже три дня находятся при Мнѣ, и нечего имъ ѣсть; отпустить же ихъ, неѣвшихъ—не хочу, чтобы не ослабѣли въ дорогѣ. И говорятъ Ему ученики Его: откуда намъ взять въ пустынѣ столько хлѣбовъ, чтобы накормить столько народа. Но Онъ спросилъ ихъ: сколько у васъ хлѣбовъ? Пойдите, посмотрите. Они, узнавъ, сказали: пять хлѣбовъ и двѣ рыбы. Тогда повелѣлъ имъ разсадить всѣхъ отдѣленіями на зеленой травѣ. И сѣли рядами по сту и пятидесяти. Онъ взялъ пять хлѣбовъ и двѣ рыбы, воззрѣвъ на небо, благословилъ и преломилъ хлѣбы, и далъ ученикамъ Своимъ, чтобы они раздали ихъ, и двѣ рыбы раздѣлилъ на всѣхъ. И ѣли всѣ, и насытились. И набрали кусковъ хлѣба и остатковъ отъ рыбъ двѣнадцать полныхъ коробовъ. Было же ѣвшихъ хлѣбы около пяти тысячъ мужей. Въ память этого чуда мы положили на означенномъ камнѣ пять просфоръ, наро-

чито припасенныхъ изъ Іерусалима, и, по возженіи трехъ свѣчей надъ ними, я совершилъ среди пустыни литію благословенія хлѣбовъ, послѣ чего, въ подражаніе Спасителю, разсадилъ богомольцевъ возлѣ камней и, помая хлѣбы, раздавалъ каждому по укруху. О, какимъ я счастливецомъ считалъ себя въ эти минуты! А когда я священнодѣйствовалъ, мусульмане—мужчины и женщины, бывшіе въ полѣ, завидя насъ—Московитовъ, побросали свои работы, мигомъ собрались вокругъ насъ и, сѣвши возлѣ камней, съ любопытствомъ смотрѣли на насъ, что мы дѣлаемъ.

По вкушеніи пищи, пользуясь назидательностію мѣста, я счелъ долгомъ подѣлиться съ своими спутниками и духовнымъ хлѣбомъ, который здѣсь такъ обильно сѣялъ для всѣхъ небесный Святель,—хлѣбъ этотъ была моя рѣчь.

Замѣчательно, что на этой евангельской исторической равнинѣ, какъ бы во увѣреніе и въ напоминаніе будущимъ вѣкамъ о сотворенномъ здѣсь чудѣ и проявленіи чрезъ него великой любви и милосердія Божія къ людямъ—каждый годъ неизмѣнно растетъ роскошная и глубокая трава, какъ ни въ одномъ мѣстѣ, и сами собой—безъ посѣва вырастаютъ хлѣбные колосья, которыхъ и мы сорвали довольно количество для памяти, прибавивъ къ нимъ и нѣсколько осколковъ отъ громаднаго камня, на которомъ совершено нами благословеніе и вкушеніе хлѣбовъ.

Отсюда видъ на окрестности очаровательный: позади красуется гора блаженствъ, сбоку, влѣво—Ѡаворъ; а впереди открывается уже и сѣверовосточная оконечность Тиверіадскаго моря. Къ этому послѣднему мы и ускорили поѣздку, такъ какъ день началъ уже склоняться къ вечеру.

Болѣе часу мы тянулись по крутой отлогости длинной и широкой горы, съ половины которой открывается почти половина всего пространства Галилейскаго озера, а другая—закрыта высокимъ, вдавшимся въ него гребнемъ той же самой горы, но видъ на него, особенно при закатавшемся солнцѣ, до того плѣнителенъ, что трудно описать его моимъ тупымъ перомъ. У подошвы-то этой горы и по протяженію ея, при самыхъ берегахъ моря, и стоитъ бывшая, столица Галилеи—Тиверіада; о ней и поведемъ свою рѣчь.

Тиверіада или Тиверія—одинъ изъ главныхъ городовъ Галилеи и довольно замѣчательный даже въ но-

вѣйшія времена. Его построилъ тетрархъ Иродъ Антипа съ удивительною быстротою, сдѣлалъ столицею Галилеи и назвалъ его Тиверіадою, желая этимъ выразить свои вѣрнопопданническія чувства Римскому императору Тиверію,—но вновь созданному городу и Галилейское озеро получило названіе Тиверіадскаго. Иродъ населилъ этотъ новый городъ частию иностранцами, частию Галилеянами, бѣдными Іудеями и даже язычниками. Онъ далъ имъ большія преимущества и льготы, надѣливши ихъ землею, а многихъ и домами,

Тиверіада.

чтобы захотить селиться въ Тиверіадѣ, ибо многіе изъ нихъ, и особенно Евреи, имѣли великое отвращеніе къ этому городу, для основанія котораго потребовалось разрыть много древнихъ гробницъ. Тиверіада при цвѣтущемъ своемъ состояніи имѣла до 50 т. жителей, и тянулась по берегу моря узкою полосою почти на семь верстъ, въ чемъ и теперь можно наглядно убѣдиться по развалинамъ ея; окружена была громадными стѣнами со множествомъ красивыхъ укрѣпленныхъ башней и блистала мраморными дворцами и роскош-

ными кіосками, между которыми, какъ солнце между прочими свѣтилами, выдѣлялся золотой домъ Антипы, отражавшій далеко въ озерѣ мраморныхъ львовъ и скульптурныя лѣпки. Европа, Азія и Африка платили контрибуцію этому городу; люди всѣхъ національностей встрѣчались на его рынкахъ. Впослѣдствіи Тиверіада прославилась сосредоточеніемъ въ ней еврейской учености. По разрушеніи Іерусалима въ 70 г. послѣ Рождества Христова знаменитѣйшіе Іудейскіе ученые, которые не захотѣли оставить Святую Землю, поселились въ Тиверіадѣ. Изъ Тиверіадской академіи вышла Мишна или извѣстный пресловутый еврейскій Талмудъ, изданный раввиномъ Іудюю,—книга, считаемая іудеями высшею и совершеннѣйшею Моисеева Пятикнижія. При Константинѣ Великомъ основана была въ этомъ городѣ первая Христіанская церковь, которая сдѣлалась одною изъ епископскихъ кафедръ Палестины. Іудеи и Христіане были выгнаны изъ Тиверіады въ 636 году, когда Сирія завоевана была Арабами.

Но славное Тиверіады давно уже прошло; только оставшіяся развалины напоминаютъ о древнемъ ея великолѣпіи. Бывшая столица Галилеи, а нынѣшній новѣйшій городъ—Табарія, принадлежащій къ Акрскому пашалыку, и окруженный съ сѣверо-западной стороны (отъ суши) высокою базальтовою съ нѣсколькими полуразрушенными башнями стѣною, съ которыми легко управилась бы одна европейская пушка, составляетъ укрѣпленіе этого города, вмѣщающаго въ себѣ, по словамъ турокъ, до 15 т. жителей. Но это неправда,—ихъ не болѣе, какъ около 5 т., изъ коихъ мусульманъ—Турокъ и Арабовъ—700 душъ, Христіанъ около 150 душъ, остальные Евреи, которыхъ вонючій кварталъ отдѣляется отъ остальной части города небольшою низкою стѣною, которая имѣетъ одни только ворота, обращенные къ западу. Ихъ синагога, помѣщающаяся въ бывшемъ и сохранившемся до настоящаго времени дворцѣ Соломона *), за теплыми ключами, считается первою на Востокѣ, а равнины ея—весьма учеными людьми. Иноземные единовѣрцы Евреевъ стекаются и до настоящихъ дней въ Тиверіаду, по

*) По случаю наплыва сюда богомольцевъ-талмудистовъ этотъ дворецъ теперь распиряется пристройками по бокамъ, и надстройками двухъ этажей сверху, чтобы приходящіе для молитвы могли здѣсь же въ номерахъ и помѣщаться въ квартирѣ. Зданіе выйдетъ громадное, прекрасное и роскошное, такъ какъ на сооруженіе его собирались пожертвованія въ разныхъ концахъ міра съ сыновъ израиля.

тому же благочестію *), какое влечетъ насъ въ Іерусалимъ; сюда они приходятъ съ разныхъ концовъ міра, а многіе съ намѣреніемъ провести здѣсь остатокъ дней своихъ. Ибо, по преданію, мѣстными Іудеями весьма уважаемому, Мессія долженъ придти изъ Капернаума въ Тиверіаду, почему болѣе ревностные изъ нихъ по вѣрѣ и благочестію, часто восходятъ и становятся на возвышенныхъ мѣстахъ и съ нихъ неподвижно устремляютъ взоры на развалины того города, откуда долженъ придти такъ долго ожидаемый Избавитель. Болѣе состоятельные содержатъ даже особый караулъ для того, чтобы быть первыми провозвѣстниками Его воцѣлѣннаго пришествія. Чтобы покончить съ Тиверіадой, нужно въ заключеніе сказать, что она, разрушенная въ 1837 году землетрясеніемъ, мало поправилась, полуразрушенныя ея мазанки, узкія зловонныя улицы, заваленныя мусоромъ и всякою нечистотою, суровость и дикость (дѣти ходятъ здѣсь вообще нагими) ея обитателей производятъ на путника тягостное, подавляющее впечатлѣніе. И если бы всталъ теперь изъ могилы Иродъ Антиппа и посмотрѣлъ на свое родное любимое дѣтище, то, покивая главою своею, призналъ бы его незаконнорожденнымъ.

Но зато Тиверіадское море не могли измѣнить ни время, ни различные физическіе и политическіе перевороты. Оно въ сущности осталось такимъ же, какимъ было и за 1892 года назадъ. Правда, нѣтъ на немъ той дѣятельности и кипучести, какъ во времена Христовы; воды его не разсѣкаются тысячами судовъ разнаго вида, начиная отъ военныхъ кораблей Римлянъ до грубыхъ лодокъ рыбаковъ Виесаиды и позолоченныхъ шлюпокъ Иродова дворца,—и жалкая, исковерканная лодка, не всегда способная къ плаванію, замѣнила веселый многочисленный флотъ. Но красоты природы остались до сего времени тѣ же. Такъ же неизмѣнно лежитъ озеро у склона горъ на днѣ большой котловины на 500 ф. ниже Средиземнаго моря, отражая перемѣнные цвѣта атмосферы, какъ опалъ, оправленный въ изумрудъ; такой же оно имѣетъ наружный видъ арфы, и такую же длину въ 25, а ширину 9 верстъ;

*) Одинъ здѣшній Еврей говорилъ намъ, что Тиверіада для нихъ священна еще и потому, что здѣсь погребены, какъ выразился онъ, мощи Святаго Іуды Искаріота, котораго мы считаемъ великимъ угодникомъ Божиимъ, такъ какъ онъ выдалъ намъ на смерть того Богоульника, Который называлъ Себя Сыномъ Божиимъ, Мессією, и Котораго безъ его пособія мы при всѣхъ стараніяхъ никакъ не могли схватить и уничтожить.

такъ же чисты и прозрачны воды его, такое же обиліе рыбъ, дающихъ знать о себѣ постояннымъ хлестаньемъ тихой и гладкой поверхности его; такъ же какъ и прежде вокругъ него зеленѣютъ поля, и струятся въ него источники. Да и не удивительна эта неизмѣнность. Вѣдь Галилейское озеро и его окрестности были особыми любимцами Творца ихъ и Бога во время Его тридцатитрехлѣтней жизни на землѣ. Оно есть по преимуществу евангельское море по совершившимся на немъ новозавѣтнымъ событіямъ; воды его и берегъ священны для всѣхъ Христіанъ. Здѣсь избраны были Спасителемъ міра Апостолы: Симонъ, названный Петромъ, и братъ его Андрей, Іаковъ и братъ его Іоаннъ. Здѣсь Господь поучалъ тѣснившійся къ Нему народъ, взошедши въ лодку Симона-Петра. Здѣсь тотъ же Петръ, цѣлую ночь напрасно трудившійся съ соучастниками своими въ ловлѣ рыбы, закинувъ сѣти въ море по повелѣнію Господа, поймалъ такое множество рыбъ, что ужасъ объялъ его и всѣхъ, бывшихъ съ нимъ, отъ такого лова рыбъ. По водамъ этого озера ходилъ Спаситель, какъ по сушѣ, укрощалъ его волны и спасъ утопавшаго въ нихъ Петра. На берегу его,—въ Капернаумѣ жилъ Самъ Господь, переселившись въ него изъ Назарета съ Пречистою Своею Матерію и учениками. Здѣсь же Господь началъ первую Свою проповѣдь словами: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное; призвалъ къ апостольскому служенію Матвея—мытаря, сидѣвшаго у сбора пошлинъ, исцѣлилъ дочь Іаира, даровалъ исцѣленіе кровоточивой женщинѣ, истратившей безъ пользы на лѣченіе себя все свое имѣніе, и многое множество другихъ чудесныхъ знаменій милосердія явилъ страждущему человечеству.

На берегу этого же моря и мы, уставшіе путники, имѣли пріютъ и ночлегъ подъ кровомъ одного полуразрушеннаго Тиверіадскаго дома. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что это помѣщеніе принадлежитъ Назаретской митрополіи, которая прикупивъ къ нему небольшой участокъ земли, покрытый развалинами, предположила здѣсь построить монастырь. Лишь только мы успѣли расположиться, какъ набѣжали къ намъ Евреи съ предложеніемъ своихъ услугъ: кто предлагалъ купить хлѣбовъ, кто изловить свѣжей рыбы, а другіе—прокатить насъ по морю, и многіе изъ нихъ, къ удивленію нашему, говорили чистымъ русскимъ нарѣчіемъ. Впослѣдствіи они сознались, что они выходцы изъ

Россіи, бѣжавшіе отъ воинской повинности. Но вотъ принесена по желанію нѣкоторыхъ богомольцевъ и рыба. На вопросъ мой, какъ она называется,—мнѣ отвѣтили, что вся рыба въ этомъ морѣ носитъ общее названіе—*святая* *), такъ какъ ее вкушалъ Святый. Часть моихъ спутниковъ, болѣе ревностныхъ къ подвигамъ поста, не хотѣла вкушать этой рыбы, не смотря на великое искушеніе за недостаткомъ другой пищи, но другая половина, обратившись ко мнѣ, крѣпко настаивала, чтобы я, какъ священникъ, разрѣшилъ имъ рыбное; на что я имъ отвѣтилъ: священникъ не выше каноновъ Церкви и есть одинъ изъ младшихъ служителей ея; что Церковь учредила и освятила, то онъ неволенъ самъ по себѣ измѣнить; у cadaго изъ васъ есть своя воля, свой разумъ, свой голосъ совѣсти: спроситесь ихъ, что они вамъ скажутъ? Вѣдь вы пришли въ Святую Землю для того, чтобы здѣсь всецѣло посвятить себя подвигамъ поста и покаянія во искупленіе содѣянныхъ лютыхъ грѣховъ бѣснующеюся плотію, и здѣсь же вмѣсто того, чтобы распять губительницу вашу со страстями и похотями, вы еще хотите пространно ее питать и поблжать ей во всемъ: кстати ли это? Впослѣдствіи я узналъ, что отправляющіеся въ Галилею богомольцы берутъ у Іерусалимскаго патріарха разрѣшеніе на яденіе рыбы изъ Галилейскаго моря. Теперь же мои спутники удовольствовались тѣмъ, что купленную рыбу замариновали въ жестянкахъ съ тѣмъ, чтобы разрѣшить на нее въ день Благовѣщенія, въ Іерусалимѣ.

На другой день въ крѣпостной башнѣ, обращенной временно въ церковь и составляющей нераздѣльную часть того же упомянутого выше достоянія Назаретской митрополіи, я отслужилъ Утреню и Часы. Потомъ осматривалъ весь участокъ, на которомъ будетъ предположенная обитель. Намъ указали дверь, и мы вошли чрезъ нее въ громадный залъ, въ видѣ подвала, на стѣнахъ коего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились начертанные кресты и виднѣлись затертые и испаранные священныя изображенія; ближе къ восточной сторонѣ зала стоялъ довольно большой каменный квадратный столъ. Это, сказалъ намъ монахъ, остатки

*) Англійскій каноникъ Тристрамъ въ своей книгѣ между прочихъ замѣчаетъ, что въ Генисаретскомъ озерѣ водится до 37-ми видовъ рыбы, изъ коихъ по меньшей мѣрѣ 16-ть свойственны только ему и Іордану.

отъ древней православной церкви, устроенной на томъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель призвалъ отъ рыболовныхъ сѣтей въ апостольство сыновъ Зеведеевыхъ: Симона-Петра и Андрея, брата его, сказавъ имъ: идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами челоуѣковъ. Но турецкая конница обратила ее въ конюшни, подѣлавъ въ ней стояла изъ иконостаса, уничтоживъ святыя изображенія на стѣнахъ и обративъ (указывая при этомъ на каменный столъ) этотъ престолъ въ предметъ для гимнастическихъ упражненій. И вотъ не болѣе 15-ти лѣтъ, какъ они оставили это мѣсто, а мы приобрѣли и заняли его. Здѣсь, продолжалъ онъ, давно былъ монастырь, находившійся въ цвѣтущемъ состояніи съ епископскою каеедрою при немъ, но турки, опустошивъ Тиверіаду, разгромили и эту святыню;—найденные потомъ при раскопкахъ развалинъ этого монастыря письменные документы и мраморная плита съ надписями, изъ которыхъ можно бы лучше и подробнѣе познакомиться съ исторіею этого священнаго мѣста—отправлены въ Іерусалимскую патриархію для храненія. Что тамъ въ нихъ написано, не знаю, а самъ по себѣ ничего болѣе не могу сообщить. Что церковь монастырская была изящна и архитектурна, можно судить по тѣмъ массивнымъ колоннамъ и разнаго рода арабескамъ, которыя во множествѣ безпорядочно разбросаны въ морѣ и на берегахъ его.

Зеркальная поверхность моря, освященная хожденіемъ по ней Господа и плаваньемъ Его съ учениками, такъ и манить къ себѣ, а таинственный голосъ нашептываетъ: прокатись и ты, далекій и усталый путникъ, по тихой и зеркальной глади его и освѣжись въ свѣтоносныхъ водахъ его, во отраду души и укрѣпленіе тѣла. Почему мы, нанявъ лодку за три рубля, всѣ вмѣстѣ и проѣхали по морю до вышеупомянутаго дворца Соломонова и находящихся возлѣ него купалень, устроенныхъ при горячихъ ключахъ, что туда и обратно составило не менѣе 12-ти верстѣ. По высадкѣ на берегъ я выкупался два раза въ поразительно-прозрачныхъ и священныхъ водахъ достопамятнаго озера, въ воспоминаніе двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, и выбравши нѣсколько хорошихъ черепашекъ въ прибрежномъ пескѣ, отправился далѣе, чтобы погрузиться въ горячихъ цѣлебныхъ ключахъ. Здѣсь я, будучи одинокимъ, едва не сдѣлался жертвою гребезжа, а быть можетъ и убійства: ибо лишь только сталъ одѣваться,

какъ моментально отворилась дверь купальни и въ нее влетѣлъ громаднаго роста и звѣрскаго вида Арабъ и прямо направился ко мнѣ (я, очевидно, при этомъ вострепеталъ и призвалъ на помощь имя Бога-Избавителя), но едва только протянулъ руки ко мнѣ, какъ откуда-то взялся нашъ Назаретскій проводникъ съ револьверомъ, и тѣмъ предотвратилъ катастрофу. Такъ Господь невидимо послалъ Ангела Своего въ лицѣ человѣка, для охраны и защиты бѣднаго и немощнаго созданія Своего!

За Тиверіадой есть еще и другая церковь,—латинская, довольно красивая и, какъ видно по наружности, недавно реставрированная,—составляющая лучшее украшеніе города. Она, по увѣренію католиковъ, сооружена на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ по воскресеніи передалъ власть ключей и Свое видимое представительство и главенство на землѣ надъ Церковью, какъ выражаются они, св. ап. Петру, сказавъ ему: «паси агнцы Моя».

Къ сѣверовостоку отъ Тиверіады, на три часа ходу, намъ указывали пространство, гдѣ стоялъ Капернаумъ, которому Господь предрекъ его печальное будущее: «И ты, Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада низведешися». Теперь отъ его величія виднѣются одни жалкія, едва примѣтныя руины. Такъ гордость противна Богу, и такъ Имъ она уничтожается и посямляется!

Восхитительный видъ отсюда представляли вершины Ливанскихъ горъ, почти до половины покрытыхъ вѣчными снѣгами. Намъ здѣсь говорили, что къ нимъ разстояніе отъ Галилейскаго моря небольшое,—не болѣе 6-ти часовъ. Эти же самыя вершины мы видѣли и за 250 верстъ съ Средиземнаго моря и съ горы Елеонской въ Іерусалимѣ.

Не лишнимъ считаю сказать и то, что здѣсь замѣчается противъ другихъ мѣстностей болѣе сильный, палящій и изнурительный жаръ, а отъ этого и разнообразіе растеній, плодородіе почвы, роскошь цвѣтовъ и изобиліе жатвъ, которыя поспѣваютъ мѣсяцемъ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Послѣ легкаго завтрака въ первомъ часу дня, мы, сопровождаемые игуменомъ монастыря Тиверіады, который одинъ и составляетъ всю братію его, съ великою скорбію начали отдаляться отъ священныхъ водъ и очаровательныхъ окрестностей ихъ, по направленію

къ Оавору, который лежитъ отсюда на разстояніи семи часовъ ѣзды, а отъ Назарета—трехъ.

Недалеко отъ моря, путешественнику, пробирающемуся по между роскошною растительностію и міриадами цвѣтовъ, наполняющихъ воздухъ чуднымъ ароматомъ, указываютъ на разрушенную крѣпость и одиноко стоящую пальму,—служащихъ признакомъ арабской деревушки Эль-Меджелъ или Магдалы. Старинное преданіе нашей восточной Церкви говоритъ, что это родина той Маріи, *изъ которой Господь изиналъ семь бѣсовъ* и которая, будучи великою грѣшницею, съ глубокимъ смиреніемъ и сокрушеннымъ сердцемъ вошла въ домъ фарисея Симона, куда приглашенъ былъ Иисусъ вкусить пищи, приблизилась къ Нему и, упавъ сзади Его на колѣна, плача, начала обливать ноги Его слезами, и отирать волосами головы своей, и покрывать ихъ поцѣлуями, и наконецъ, открывши сосудъ—мазала ноги Его драгоценнымъ и благовоннымъ нардомъ. Св. Григорій Великій объясняетъ, что обладаніе семи бѣсовъ означаетъ множество накопившихся у Магдалины грѣховъ. Но Св. Писаніе, передавая послѣдующую жизнь Маріи, говоритъ намъ только о ея восторженной преданности и благодарности, съ которыми она привязалась душою и сердцемъ въ служеніи своему Спасителю. Въ слѣдующей за этою главѣ евангелія св. Луки она поставлена первою между женщинами, сопутствовавшими Иисусу въ Его странствованіяхъ и служившими Ему своимъ имѣніемъ. Отъ чего имя Магдалины между всѣми образованными народами обратилось въ присловіе и въ синонимъ принятаго раскаянія и прощеннаго грѣха. И каждый паломникъ, взирая на Магдалу,—невольнымъ образомъ приведетъ себѣ на память и преданіе о грѣшной красавицѣ и сказаніе Св. Писанія о ея глубокомъ раскаяніи, которыя прославили имя Магдалины. Правда, нѣсколько лачугъ Магдалы глядятъ запустѣніемъ и развалинами, обитатели ея живутъ въ невѣжествѣ и уничиженіи, но съ любовію и трепетнымъ сердцемъ взглянетъ всякій на то мѣсто, которое служить видимымъ доказательствомъ того, что никто, даже глубоко падшій и презираемый всѣми челоуѣкъ, не будетъ отвергнутъ Тѣмъ, Кто въ числѣ первыхъ дѣлъ Своихъ считалъ сыскать и спасти погибшаго.

Не разъ и мы, поглядывая на развалины, гдѣ жила столь чистосердечно раскаявшаяся грѣшница, украшенная свѣжестью и прелестью пурпуровыхъ цвѣтовъ,

и припоминая свои грѣхи юности и беззаконія лѣтъ мужества, взывали къ ней: Святая равноапостольная Маріе Магдалино, моли Бога о насъ!

День близился къ полудню, а мы, прожигаемые лучами Галилейскаго солнца, все еще шагъ за шагомъ тянулись по крутому и длинному скату дикой и высокой горы, съ трудомъ взбираясь на щетинистый гребень ея, утыканный громадными камнями, едва виднѣющимися изъ за густой и превысокой травы. Индѣ попадались на встрѣчу кустарники, съ засѣвшими въ нихъ отъ дневной жары «Божьими птичками», для услады нашей чиликавшими свои восточныя пѣсни. А тамъ и сямъ по обѣ стороны тропинки, на самыхъ удобныхъ мѣстахъ для пастбищъ и для хищническихъ цѣлей, виднѣлись разбросанныя стратегически странными рядами палатки кочующихъ римскихъ дворянъ (какъ ихъ здѣсь почему-то называютъ), Бедуиновъ.

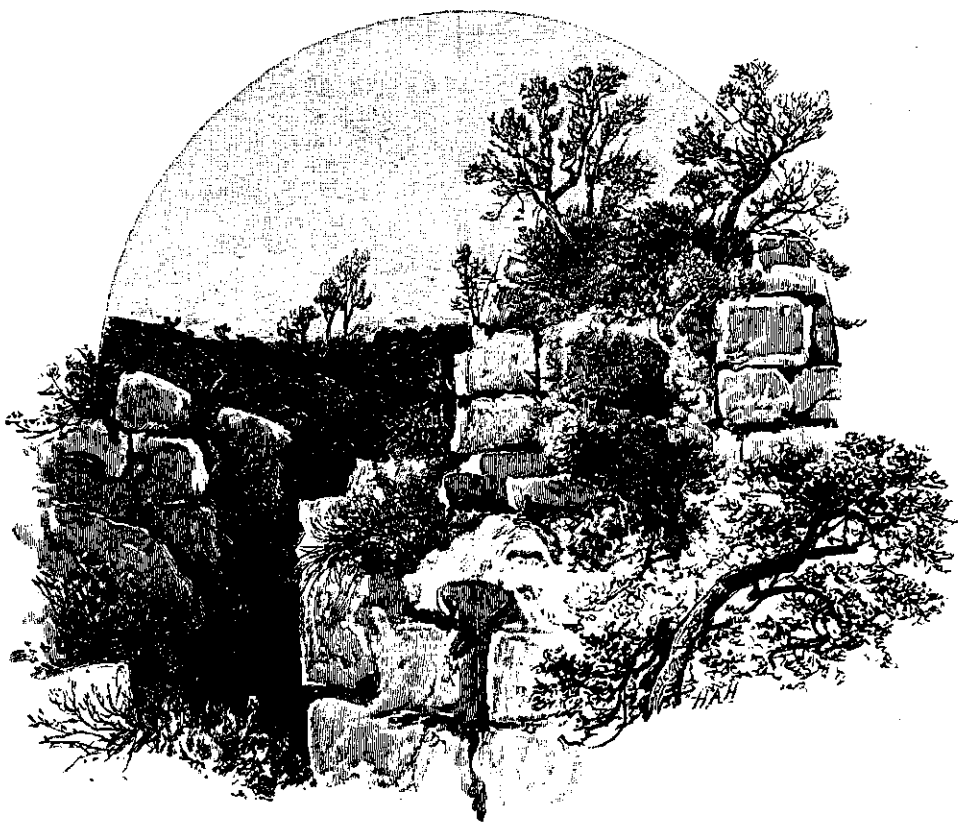
Всѣ ихъ кочевья похожи одно на другое; они большею частію состоятъ изъ двадцати пяти шатровъ; мебель и всѣ украшенія шатра составляютъ войлокъ изъ верблюжьей шерсти, нѣсколько одѣялъ, двѣ-три подушки, трубки, ружья, ятаганы, которые разбросаны, гдѣ попало. Бедуинъ не любитъ жить въ каменныхъ домахъ; любимое его жилище—шатеръ, который можно уложить на мула, осла или верблюда и раскинуть, гдѣ угодно.—Первое его благо—свобода и независимость... Бедуины недовѣрчивы, склонны къ грабежу и ненавидятъ европейцевъ. Костюмъ ихъ чрезвычайно живописенъ. Самая существенная часть этой живописной одежды имѣетъ форму широкихъ шальваръ, поясъ которыхъ перехватываетъ талію посредствомъ глухой петли. Эта одежда дѣлается изъ сукна, полотна или шелковой матеріи, сообразно съ прихотью того, кто ее носить... Потомъ надѣваютъ тунику съ длинными рукавами, доходящую почти до икръ. Эту тунику опоясываютъ богатою лентою или кушакомъ и къ нему привѣшиваютъ оружіе. Но самую граціозную одежду составляетъ бурнусъ—длинное бѣлое, легкое платье изъ шелка или верблюжьего волоса, окаймленное шелковою бахромою, доходящею почти до икръ. Ничто не можетъ сравниться съ легкостію и изяществомъ этого платья, котораго покрій похожъ на древній палліумъ, и для большаго сходства съ нимъ одинъ конецъ бурнуса перекидываютъ чрезъ лѣвое плечо.

Наши проводники и нѣкоторые изъ моихъ сопут-

никовъ пускали по временамъ выстрѣлы въ воздухъ, чтобы дать острастку буйнымъ сынамъ пустыни Галилейской и показать имъ, что и у насъ есть достаточно средствъ для охраны и самозащиты себя отъ ихнихъ притязаній и навязчивости. И когда мы проѣзжали мимо ихъ кочевьевъ, они выходили изъ своихъ палатокъ и дико и презрительно посматривали на насъ, травя собаками.

Едва мы взобрались на чело проѣзжаемой горы, какъ сейчасъ же предсталъ предъ нашими глазами и Оаворъ во всемъ своемъ величїи и такъ близко, что вотъ-вотъ такъ кажется рукой досталь бы его, а между тѣмъ къ нему не менѣе двадцати верстъ. Боже мой! что это за краса, за чудо природы?! Это прекрасный Иосифъ между своими братьями. Виднѣющимися издали въ разныхъ направленїяхъ горными высотами и наружнымъ своимъ видомъ онъ походить на полушарїе или громадное яблоко, разрѣзанное въ поперечникъ пополамъ, верхняя часть коего, по разрѣзѣ, положена на блюдо. Оаворъ имѣетъ круглую форму, широкую при подошвѣ и узкую къ верху; всесторонняя ровность всѣхъ его ребръ, отдѣльное положеніе отъ цѣли другихъ горъ, богатая растительность радуютъ взоръ путника и издали и вблизи. Но для того, чтобы прибыть къ подошвѣ Святой горы, намъ предстояло перейти еще множество холмовъ и долинъ. Не доѣзжая четырехъ верстъ до ней, при спускѣ въ послѣднюю долину, окаймленную съ двухъ сторонъ нагорными высотами, стоятъ громадныя крѣпостныя постройки, обнесенныя претолстыми, высокими, каменными валами, съ брешами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, образовавшимися въ нихъ отъ времени и обстоятельствъ. Эти крѣпости устроены по обѣимъ сторонамъ дороги, выходящей изъ тѣснины на просторную равнину и ведущей къ Оавору, — и сооружены, по всей вѣроятности, во времена крестоносцевъ для противодѣйствія внезапнымъ непріятельскимъ нападенїямъ и для охраны священной горы отъ всякихъ случайностей. Ближе къ подножію Оавора, на протяженіи трехъ верстъ, тянутся прекрасныя дубовыя рощи и роскошныя лѣса, которые издали казались намъ кустарниками. Эти единственные лѣса во всей Палестинѣ, отдавая прохладой, такъ и манили насъ къ себѣ подъ свои пушистыя и раскидистыя вѣтви, — лучшій, нерукотворенный шатеръ на всемъ Востокѣ; а тысячи прїютившихся на нихъ морскихъ Тиверїадскихъ пели-

кановъ, черногузокъ и цапль—на ночлегъ, придавали какой-то фантастическій, сказочный видъ; проводники наши не утерпѣли и начали изливать свою фантазію въ выстрѣлахъ по нимъ для потѣхи надъ ихъ испугомъ, суетливостію и неповоротливостію. Мириады дремавшихъ стай, взвившись съ своихъ наръ въ воздушное пространство, совершенно заслонили отъ насъ заходившее солнце, горько жалуясь своимъ неистовымъ и неу-

Развалины крѣпости на горѣ Фаворѣ.

гомоннымъ карканьемъ небу на дерзость и непростительную шалость дикихъ нарушителей ихъ безмятежнаго, вечерняго покоя.

Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ по за рощами, я, отставшій отъ прочихъ моихъ спутниковъ, видѣлъ, какъ одинъ изъ договоренныхъ нами проводниковъ поднялъ возлѣ одного дерева богатый персидскій коверъ и торопливо спряталъ подъ свой халатъ, обвивъ имъ свое тѣло, для болѣе удобнаго сокрытія найденнаго. Сначала я предполагалъ, что эта утеря принадлежитъ

кому-либо изъ проѣхавшихъ мимо насъ въ Тиверіаду. Но когда, спустя немного времени, нашъ Назаретскій кавасъ заявилъ объ исчезновеніи у него изъ подъ сѣдла дорогаго ковра, я прямо указалъ на поднявшаго. Но онъ клялся Аллахомъ, что это собственный его коверъ, взятый имъ изъ дому для подстилки на ночлегахъ, и только я, случайный свидѣтель недобросовѣстности клявшагося, могъ повліять на надлежащій исходъ этого пассажа.

Означенный случай изъ нашего вояжа я привелъ здѣсь съ цѣлю. Поклонники, не зная духа и характера своихъ проводниковъ—Арабовъ или Турковъ, въ дорогѣ и на мѣстахъ отдыха и поклоненія совершенно довѣряются имъ во всемъ: этого никакъ нельзя допускать въ видахъ охраны и сбереженія своихъ собственныхъ интересовъ и даже жизни. И для поѣздокъ по Палестинѣ всегда слѣдуетъ группироваться въ поклонническіе караваны такъ, чтобы число богомольцевъ всегда превышало число проводниковъ, иначе—лучше не трогаться съ мѣста. Почему такъ, для наглядности приведемъ изъ множества одинъ примѣръ. Неизвѣстный, англійскій милордъ, желая путешествовать самъ, договорилъ пять арабовъ-проводниковъ и поѣхалъ съ ними изъ Назарета къ Өавору. Другая партія поклонниковъ выѣхала нѣсколько позднеѣ по тому же направленію. Едва проѣхали они десять верстъ, какъ услышали залпъ, одѣланный изъ нѣсколькихъ ружей. Полагая, что кто-нибудь напалъ на путешественниковъ, они взялись за оружіе и устремились въ ту сторону, откуда слышались отчаянные крики. Судите же объ ихъ удивленіи и ужасѣ, когда они увидѣли этого англичанина въ схваткѣ со своими проводниками. Единственный его слуга былъ уже не въ состояніи драться и нападавшіе уже готовились бѣжать со всѣми пожитками несчастнаго путешественника. При появленіи же партіи поклонниковъ, проводники-Арабы, покинувъ часть добычи, поспѣшно скрылись въ ближайшемъ лѣсу.

Но вотъ мы уже приблизились почти къ подошвѣ Өавора; влѣво отсюда виднѣлось небольшое селеніе Деввора, откуда Варакъ, третій судья Израильскій, по голосу пророчицы Девворы, изшелъ съ десятью тысячами челоувѣкъ, чтобы освободить Евреевъ отъ рабства, въ которомъ находились они у Хананейскаго царя; войско непріятельское, по предсказанію Девворы, пришло въ безпорядокъ и предводитель его, Сисара, былъ

умерщвленъ Іоилью, женою Хеввора, у которой онъ просилъ себѣ убѣжища. Послѣ побѣды пророчица воспѣла знаменитую пѣснь, которая называется ея именемъ и находится въ Библии въ книгѣ Судей Израильскихъ. Почти въ продолженіи сорока лѣтъ Деввора вмѣстѣ съ Варакомъ управляла народомъ Израильскимъ.

Настоящій, вечерѣющій день въ особенности памятенъ для насъ по тѣмъ чувствамъ, которыя мы испытывали, восхищаясь на каждомъ шагу своеобразными красотами дивной горы Преображенія и, вдыхая прохладныя и благовонныя струи изъ ея роскошныхъ лѣсныхъ чащъ. На бѣду нашу мы запоздали, и едва проѣхали полверсты по нагорной тропѣ, какъ совсѣмъ стемнѣло. Трудно было намъ двигаться впередъ при безлунной ночи и почти совершенномъ лѣсномъ мракѣ, но все еще было ничего, пока мы могли ѣхать широкой дорогой, не стѣсняя другъ друга; но вотъ выше и выше пошла почти одна узкая извилистая тропа, такъ что мы вынуждены ѣхать гуськомъ, напирая нерѣдко одинъ на другаго. Въ нашей партіи была своя Деввора,—одна смѣлая и своенравная поклонница; она ѣхала первою, за ней я, немного отставши. Вдругъ въ сторонѣ слышу паденіе чего-то тяжелаго, но затѣмъ крикъ, плачь, брань и даже потасовку... Оказалось, что поименованная смѣлячка, взбираясь на одинъ уступъ, вмѣстѣ съ муломъ оборвалась съ него; вещи, самовары, стаканы и пр. разлетѣлись при паденіи въ разныя стороны, и она сама порядкомъ избилась и за это отъ злости была проводника. Нужно замѣтить, что если бы и я сейчасъ въ тылъ ей слѣдовалъ, то она своимъ паденіемъ увлекла бы и меня съ осломъ, и я, вслѣдствіе сильнаго толчка и повалившейся на меня тяжести, быть можетъ, поплатился бы жизнью. Но Господь мой и Богъ мой спасъ меня и здѣсь отъ злаго обстоянія... Мой подъяремникъ (оселъ) предъ этимъ почему-то поворотилъ въ сторону и, прошедши шаговъ двадцать, сталъ; въ эту-то минуту и случилась помянутая бѣда...

Послѣ этого я, во избѣжаніе подобныхъ катастрофъ впереди, вынужденъ былъ продолжать путешествіе по горѣ пѣшкомъ, ведя въ одной рукѣ осла, а другой неся свой багажъ, причемъ то и дѣло, что цѣплялся то за деревья, то за кустарники, спотыкаясь на каждомъ шагу. У многихъ отъ острыхъ камней пропали башмаки, а у меня оборвалась вся ряса отъ шиповниковъ. И такое донельзя трудное восхожденіе на чело священной горы

продолжалось около трехъ часовъ, протяженіемъ до четырехъ верстъ; я смертельно усталъ и до того пропотѣлъ отъ напряженія, что на мнѣ не было ни одной сухой нитки. Далѣе, отъ изнеможенія мнѣ приходилось неоднократно садиться на камни и отдыхать и, въ это время, услаждаться сердцемъ, что вотъ еще сдѣлаю нѣсколько шаговъ по трудному восходу, еще пройдетъ только нѣсколько минутъ и я найду у страннолюбивыхъ иноковъ укромный уголъ для отдыха и упокоенія тѣла, и великую отраду и вождельнное утѣшеніе для души на священномъ мѣстѣ Преображенія, при чемъ мысленно уподоблялъ свой тяжкій трудъ восхожденія на высоты Өаворскія трудному шествію христіанина въ горній Өаворъ—на небо. При восхожденіи на Өаворъ то крутизна горы одолеваетъ путника, то колючіе кустарники задерживаютъ его шествіе, то громадные камни служатъ причиною частыхъ преткновеній, а горные уступы нерѣдко—и паденій. Такъ и при шествіи христіанина въ небесный Өаворъ своего рода крутизна—гордость, киченіе ума, взимающагося на разумъ Божій, печалить и волнуетъ духъ его; тернія страстей и похотей замедляютъ его путь; искушенія отъ міра, плоти и діавола служатъ камнемъ преткновенія и соблазна, а неожиданные, жизненные уступы—скорби, бѣды и напасти колеблютъ стопы его на пути добродѣланія и часто доводятъ до паденія духомъ, до паденія нравственнаго. Но онъ, вдохновляемый и утѣшаемый сладостною надеждою, что этотъ трудный путь восхожденія по стропотной стезѣ на превысокую гору добродѣтельной жизни прямо приведетъ его къ небесному Өавору—Царствію Божію, гдѣ за подвиги его ожидаетъ вѣчный покой и нескончаемое блаженство, все съ каждымъ днемъ и часомъ поднимается выше и выше по пути нравственнаго самоусовершенствованія — хожденія въ законъ Господнемъ.

Когда мы размѣстились по прекраснымъ и безупречно чистымъ нумерамъ, игумень пришелъ поздравить насъ съ благополучнымъ приѣздомъ и удивлялся, и ужасался, что мы рискнули такъ поздно ѣхать по трудно проходимымъ и опаснымъ лѣсистымъ Өаворскимъ исходамъ, прибавивъ, что тутъ, въ стѣнахъ монастыря—ничего, а тамъ, за оградой, могли насъ обогреть, обидѣть и убить пастухи-Бедуины. Тутъ только я понялъ всю опасность, всю безпомощность своего положенія, когда усталый, одинокій лѣзъ я какъ черепаха по не-

вѣдомому пути, при ночномъ мракѣ,—и въ благоговѣйныхъ, благодарныхъ чувствахъ палъ предъ келейною иконою Спасителя, и въ настоящій разъ спасаго меня отъ всякаго врага и супостата.

Первою заботою моею было добиться у игумена разрѣшенія на завтрашній день служить литургію, на что онъ съ великою радостію изъявилъ полное свое согласіе.

Въ три часа ночи, я слышалъ стукъ въ окно, будившій меня къ заутрени, и затѣмъ съ церковной башни раздался своеобразный, нигдѣ въ Палестинѣ не практикуемый звонъ или переборъ въ колокола, впрочемъ, довольно пріятный, даже увлекательный для слуха. Чрезъ полчаса насъ ввели въ новую просторную и прекрасную церковь Преображенія Господня съ превосходнымъ иконостасомъ, устроеннымъ на жертвы Русскихъ поклонниковъ. Въ немъ, какъ рѣдкость въ Палестинѣ, три мѣстныхъ большихъ иконы, и въ числѣ ихъ икона Преображенія, въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ. Заутреня, Часы и Преждеосвященная обѣдня, которыя я совершалъ въ особенномъ восторженномъ состояніи духа, сопровождались усердною и пламенною молитвою всѣхъ моихъ сопутниковъ. По окончаніи обѣдни я отслужилъ молебень Преобразившемуся Господу, потомъ игуменъ вывелъ насъ на самое открытое мѣсто нагорной вершины, чтобы мы могли видѣть во всемъ царственномъ величій священную гору и ея окрестности. Круглая вершина этой живописной и покрытой лѣсомъ горы представляетъ дивный ландшафтъ. Вотъ на эти-то мѣста *) сказалъ намъ любезный и добрый путеводитель, Господь привелъ съ Собою трехъ наиболѣе преданныхъ и наиболѣе просвѣщенныхъ свѣтомъ евангелія учениковъ—Петра, Іакова и Іоанна,

*) Предположеніе, что эта гора былъ Ѡаворъ, утвердилось въ Христіанской Церкви вѣковыми преданіями. Три церкви и монастырь, воздвигнутые тамъ въ концѣ шестого вѣка, удостовѣряютъ непоколебимое принятіе этого вѣрованія. Но многіе думаютъ, что Ѡаворъ не былъ мѣстомъ великаго Преображенія. Вершина этой горы съ незапамятныхъ временъ была укрѣпленнымъ и обитаемымъ мѣстомъ (Ис. Нав. 19, 12. Судей 4, 6). Меньше, чѣмъ чрезъ тридцать послѣ этого событія лѣтъ, на Ѡаворѣ Іосифъ Флавій возобновилъ существовавшую уже тамъ крѣпость Іфавурионъ. Не въ это мѣсто Іисусъ могъ взять трехъ апостоловъ, «особо ихъ однихъ». Скорѣе, говорятъ другіе, мѣстомъ Преображенія была гора Ермонъ, покрытая снѣгомъ. Ермонъ означаетъ «гора» (какъ названо мѣсто происшествія у св. евангелиста Луки), а событіе предоставило эпитетъ «святая» только ей одной, присвоенный во всемъ Новомъ Завѣтѣ (2 Петр. 1, 18). Ея покрытая росой, прохладныя и свѣжія отъ дыханія снѣговой вершины луговины могли предоставить то высшее уединеніе, котораго желалъ Іисусъ, какъ душевнаго успокоенія, предъ

и здѣсь, павъ на колѣна, началъ молиться, а когда молился, преобразился предъ ними, такъ что лице Его блистало, какъ солнце, а одежды Его стали бѣлыми, какъ снѣгъ; вся личность Его запечатилась Божественнымъ блескомъ. Такое небесное сіяніе апостолы могли сравнить только съ свѣтомъ, снѣгомъ и молніею. И вотъ около Него явились два человѣка. Когда въ пустынѣ Онъ приготовлялъ Себя къ великому дѣлу жизни, приходили и служили Ему ангелы, теперь же, когда Онъ приготовлялъ Себя къ смерти (ибо Преображеніе было за 40 дней до оной), явились къ Нему Моисей и Илія и говорили о Его кончинѣ, о которой апостолы только что предварены были Христомъ. Когда же блестящее видѣніе стало меркнуть и величественные посѣтители готовы были удалиться, изумленный, пораженный и восхищенный Петръ, опасаясь скорого ихъ удаленія, не зная, что сказать, воскликнулъ: «Наставникъ! хорошо намъ здѣсь быть; сдѣлаемъ три кущи,—одну Тебѣ, одну Моисею и одну Иліи». На эти рѣчи Петра не послѣдовало никакого отвѣта; но когда онъ говорилъ, облако, не темное, какъ на Синаѣ, но свѣтлое, осынило ихъ, и голосъ изъ него высказалъ: «Сей есть Сынъ мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе, Его слушайте». Всѣ три апостола пали и скрыли въ травѣ лица свои. Когда-же, опаматовавшись отъ поразившаго ихъ величественнаго звука голоса и объявшаго ихъ свѣта, они подняли глаза свои и осмотрѣлись кругомъ, то все уже вмигъ прешло: не стало ни пророковъ, ни свѣтлаго облака, ни яснаго, какъ свѣтъ солнца или молніи, Спасителя лица, ни бѣлой, какъ снѣгъ, Его одежды. Они остались опять одни съ Іисусомъ, и только звѣзды своимъ спокойнымъ свѣтомъ освѣщали высокіе горные скаты. Имъ страшно было встать и даже пошевелиться, но Іисусъ,—Учитель ихъ,—подошелъ, прикоснулся къ нимъ и сказалъ: «встаньте и не бойтесь». Когда же стали сходить съ горы, Іисусъ запретилъ имъ кому-либо рассказывать о событіи, пока Онъ не воскреснетъ изъ мертвыхъ.

наступающей сильной борьбою: здѣсь могъ Онъ найти мѣсто, гдѣ бы преклонить колѣна съ Своими учениками, погружаясь въ молчаливую молитву. Не будемъ вдаваться въ критическій разборъ, чье мнѣніе вѣроятнѣе. Скажемъ только на основаніи вѣдѣннаго, что Ѣаворъ и теперь по своей солидности, удобству для уединенія, красотамъ природы и обилію тѣнистыхъ мѣстъ, покрытыхъ лѣсомъ, можетъ служить лучшимъ мѣстомъ въ Галилеѣ для подвиговъ молитвы и отдыха, и для таинственныхъ видѣній,—а Ермонъ съ Ѣаворомъ могутъ равняться только по высотѣ, но первый лишенъ всѣхъ благодѣтельныхъ даровъ природы, присущихъ первому.

На той самой точкѣ горы, гдѣ послѣдовало пре-
славное Преображеніе Господне, продолжалъ нашъ
собесѣдникъ, святая царица Елена устроила церковь,
на остаткахъ которой сооружена и нынѣшняя, гдѣ сей
часъ совершалось Богослуженіе, и всѣ мы молились.
Помолимся еще, и еще здѣсь, подъ открытымъ небомъ
Ѧавора въ тишинѣ и въ уединеніи, и затѣмъ единымъ
сердцемъ и устами мы воспѣли сладкую пѣснь: «Преобра-
зился еси на горѣ, Христе Боже, показавый ученикомъ
Твоимъ славу Твою, якоже можаху: да возсіяетъ и
намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный, молитвами
Богородицы, Свѣтодавче, слава Тебѣ». «На горѣ пре-
образился еси и якоже вмѣщашу ученицы Твои, славу
Твою, Христе Боже, видѣша, да егда Тя узрять распи-
наема, страданіе убо уразумѣють вольное, мірови же
проповѣдять, яко Ты воистину Отчее сіяніе». И здѣсь
же подъ вліяніемъ дивныхъ видѣній, вызванныхъ вос-
поминаніями событій, совершившихся на этомъ свя-
щенномъ мѣстѣ, я произнесъ рѣчь.

Потомъ, послѣ чаю и легкаго завтрака, мы обошли
всю вершину священной горы, и вездѣ она, исключая
двухъ небольшихъ площадокъ, покрыта деревьями,
кустарниками, обильною травою и роскошными цвѣ-
тами и даже виноградниками. Писатели, утверждаю-
щіе, что вершина Ѧавора оканчивается остріемъ, похо-
жимъ на сахарную голову, весьма ошибаются. Площадь
ея здѣсь равняется почти половинѣ квадратной версты,
а круглая подошва ея имѣетъ въ діаметрѣ не менѣе
60 верстъ. Видъ съ горы на всѣ стороны самый оча-
ровательный. Съ восточной стороны виднѣются вдали
горы Аравіи и Галилейское море, которое пересѣкаетъ
Іорданъ, текущій съ сѣвера на юго-западъ, и который
на его протяженіи до Мертваго моря отсюда предста-
вляется глазамъ два раза. Отсюда же видна та самая
равнина, простирающаяся на нѣсколько верстъ, на
которой совершилось знаменитое чудо насыщенія
пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ человекъ.

Съ западной стороны открывается взору рядъ горъ,
и между ними высится гора Кармилъ, ознаменованная
мѣстожителемъ на ней и подвигами пророка Іліи,
которая издали кажется высокою, и чрезъ промежутки
горъ рябитъ въ глаза синева и блескъ волнъ Среди-
земнаго моря.

На сѣверѣ видны горы Дамаска и Ветулы; первыя
сливаются съ горизонтомъ, послѣднія же лежатъ бли-

же. Онѣ знамениты подвигомъ Іудеянки Іудией, которая, отрубивъ голову Олоферна—военачальника Навуходоносорова, поразила ужасомъ многочисленное его войско. Отсюда можно также разсмотрѣть долину, на которой, по преданію, Спаситель проповѣдывалъ ученикамъ Своимъ и народу ученіе о блаженствахъ и о царствіи Божіемъ.

Наконецъ, на югѣ взоръ вашъ останавливается на множествѣ предметовъ не менѣ живописныхъ; первый изъ нихъ—гора Ермонъ, отстоящая отъ Өавора на 16-ть верстъ.

Пришедши опять на западную сторону горы, я съ трудомъ, хватаясь за кустарники, взлѣзъ на шпиль какого-то полуразрушеннаго каменнаго зданія, вѣроятно, бывшей когда-то сторожевой крѣпостной башни и, вслѣдствіе обвала подъ ногою, едва не покатылся въ вертикальный нагорный уступъ, отчего могли произойти для меня послѣдствія самыя плачевныя. Но и здѣсь Господь послалъ Своего Ангела сохранять меня, чтобы я не рухнулъ внизъ и не преткнулся о камень. Окинувъ отсюда еще разъ взорами прелестныя Өаворскія окрестности и налюбовавшись великолѣпными деталями самой горы, я съ прочими пошелъ къ здѣ же лежащему францисканскому монастырю, и первѣе всего на мѣсто его раскопокъ. Эти раскопки производятся самими монахами, на пространствѣ ста квадратныхъ сажень, и трудами ихъ, между прочимъ, открыто основаніе древняго Христіанскаго храма, повидимому Православнаго, совершенно почти очищеннаго отъ мусора, почему можно было видѣть точное его расположеніе въ длину и широту въ видѣ креста, и величину алтаря, въ которомъ до половины сохранился каменный гранитный престолъ; раскопки еще не окончены и продолжаются и теперь. Здѣсь я занялся отыскиваніемъ мозаики и къ утѣшенію своему нашель нѣсколько кусочковъ для дорогой догробной памяти о дивной горѣ и самыхъ пріятныхъ минутахъ, проведенныхъ въ созерцаніи ея красоть, присоединивъ къ нимъ и роскошный букетъ Өаворскихъ ароматическихъ цвѣтовъ.

Отсюда мы собрались было идти къ своей келліи для отдыха, но вышедшій намъ на встрѣчу францисканскій монахъ пригласилъ насъ посмотрѣть католическую капеллу,—она небольшая, и имѣетъ видъ часовни; особенно замѣчательнаго въ ней мы ничего не замѣ-

тили, исключая чудной иконы Преображенія Господня, составленной изъ подобранныхъ по цвѣту красокъ иконы разноцвѣтныхъ камней. При чемъ объяснили намъ, что эта капелла устроена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ послѣдовало дивное событіе Преображенія Господа. Это подало мнѣ поводъ къ вопросу: кому болѣе вѣрить—православнымъ или латинамъ въ опредѣленіи подлиннаго мѣста совершившагося здѣсь чуднаго священнаго событія?

Въ отвѣтъ на это, путеводившій насъ Православный игуменъ рассказалъ слѣдующее. Въ 1836 г., одинъ Молдаванскій житель, путешествуя по святымъ мѣстамъ Востока, посѣтилъ между прочимъ и достославную вершину Өаворскую, но въ это время здѣсь не было ни жилья человѣческаго, ни живой души, которая указала бы ему подлинное мѣсто Преображенія Господня. Въ сильной тоскѣ отъ этого, онъ возвращался домой и въ душѣ своей далъ Богу обѣтъ, что если Господь по молитвѣ его откроетъ ему когда-либо въ видѣніи знаки подлиннаго мѣста на Өаворѣ Его славнаго Преображенія, то онъ вторично отправится въ Палестину на богомолье и поклонится св. мѣсту Преображенія. И вотъ, когда онъ, находясь уже дома, однажды, послѣ долгой и горячей молитвы, крѣпко уснулъ, ему въ сонномъ видѣніи представилась вершина Өаворская съ растущимъ на одной площадкѣ ея старымъ - престарымъ, развѣсистымъ, дупластымъ дубомъ, и невѣдомый голосъ говорилъ: «смотри, хорошо замѣть признаки видимой тобою мѣстности и въ особенности обрати вниманіе на большое дерево: по нему ты обрящешь подлинное мѣсто Преображенія Господня на Өаворѣ». По данному обѣту, отправившись вновь чрезъ десять лѣтъ въ Палестину, и именно въ 1846 году, онъ при первомъ же возможномъ случаѣ желаніемъ возжелалъ поскорѣй дойти до Өавора. Добравшись до вершины его и, вступивъ на одну изъ площадокъ его, онъ узналъ въ ней мѣстность, видѣнную во снѣ, а когда и роспій здѣсь дубъ оказался съ такими-же указанными ему тогда-же признаками, то онъ, ничтоже сумняся, со страхомъ и благоговѣніемъ палъ лицомъ на святое мѣсто и оросилъ его слезами радости и благодаренія, воздавая хвалу Богу Спасителю за исполненіе его сердечнаго желанія и мольбы. И живымъ и разумнымъ указателемъ этого св. мѣста будущимъ поклонникамъ оставилъ самого себя, т. е. въ благодарность за таковую милость

Божію, излитую на него, онъ остался здѣсь до смерти для подвиговъ покаянія и молитвы. Но такъ какъ и теперь негдѣ было ему пріютиться при безлюдіи и опустѣлости Фавора, то онъ поселился въ дуплѣ сказаннаго дуба, и жилъ въ немъ одинъ-одинехонекъ цѣлыхъ семь лѣтъ, въ теченіи которыхъ на жертвы поклонниковъ построилъ три келліи и собралъ матеріаль и средства на содержаніе и самаго храма; но въ 1859 году въ декабрѣ мѣсяцѣ скончался, завѣщавъ построить храмъ на мѣстѣ природной нерукотворной его келліи—дупластаго дуба. Когда впоследствии стали рыть рвы для закладки церкви, то оказались стѣны или основанія древней церкви, устроенной царицею св. Еленою, на которыхъ, какъ я уже сказалъ, воздвигнуть и нынѣшній храмъ. Игуменъ, говорившій это, указалъ намъ на остатки стѣнъ въ алтарѣ временъ Елены, оставленныхъ для памяти и увѣренія всѣхъ въ подлинности мѣста Преображенія Господня, въ своемъ первобытномъ видѣ.

Помянутый Молдаванскій старецъ—Фаворскій тайнозритель—принялъ здѣсь монашество съ именемъ Иринарха и за свою подвижническую жизнь удостоенъ былъ сана архимандрита. Такъ какъ онъ считается основателемъ сказаннаго храма, то тѣло его погребено подъ спудомъ онаго, а самый портретъ его хранится въ ризницѣ. Мы сочли долгомъ поклониться праху славнаго паломника и труженика св. горы и облобызать мѣсто его упокоенія.

Православный Греческій Фаворскій монастырь Преображенія состоитъ въ вѣдѣніи митрополита и есть мѣсто его постоянного жительства, почему и митрополія его называется Фаворскою, а самъ митрополитъ именуется Фаворскимъ, хотя въ монастырѣ подъ вѣдѣніемъ его состоитъ одинъ іеромонахъ, одинъ іеродіаконъ и три послушника, а во всей паствѣ лишь одинъ-другой десятокъ душъ. Нынѣшній митрополитъ Фаворскій Атапитъ почти круглый годъ живетъ въ приморскомъ городѣ Акрѣ, и только пріѣзжаетъ сюда ко дню Преображенія и ко времени посѣщенія поклонниками св. горы.

Многимъ изъ насъ хотѣлось пожить на Фаворѣ хоть денъка два, чтобы досыта налюбоваться имъ, но по разнымъ причинамъ, никакъ нельзя было оставаться долѣе. Благодарю отъ всей души Господа и Спасителя моего и за краткое время моего пребыванія здѣсь,

а въ особенности за то, что Онъ, Всеблагій, сподобилъ меня отслужить литургію на мѣстѣ проявленія Его Божественной славы и помолиться, между прочимъ, и о томъ, чтобы Онъ, преобразившійся здѣ, преобразилъ, имиже вѣсть судьбами, и мое нечистое и мрачное житіе.

Послѣ краткаго за симъ отдыха въ своихъ келліяхъ, въ 12 часовъ дня мы, уславъ впередъ муловъ и ословъ, со слезами распростились съ мирными и вождельными высотами Ѡавора и начали пѣшкомъ спускаться все ниже и ниже по ребрамъ его, подбирая по дорогѣ то камешки, то срывая цвѣточки и древесные листики на память о дорогѣ сердцу священномъ мѣстѣ,—и останавливаясь почти на каждомъ поворотѣ тропинки, чтобы всмотрѣться пристальнѣе въ дивныя красоты его. Спустившись совершенно съ горы и собравшись вмѣстѣ подъ однимъ роскошнымъ деревомъ при созерцаніи отсюда всего чуднаго облика священнаго мѣста Преображенія Господня, единодушно воспѣли въ честь его трогательную церковную пѣснь: «Преобразился еси на горѣ, Христе Боже, показавый ученикомъ Твоимъ славу Твою, якоже можаху: да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный, молитвами Богородицы, Свѣтодавче, слава Тебѣ». И черезъ-чуръ утомленные длиннымъ и тяжелымъ спускомъ съ нагорныхъ крутизнъ подъ полуденными палящими лучами Галилейскаго солнца, мы сдѣлали здѣсь же привалъ, прилегли, кто какъ могъ, на мягкой травѣ и подложивъ подъ головы камни. Но нашимъ проводникамъ-Арабамъ не понравилось такое наше путевое сибаритство, въ ихъ матеріальныхъ расчетахъ, а потому они то и дѣло подходили къ намъ, а нѣкоторыхъ тянули и за руки, понуждая силою идти далѣе, такъ что дѣло чуть не дошло до рукопашной драки.

Не сладивъ съ своими неговорчивыми дикими жожаками, мы противъ желанія и неблагоприятно направили путь невдали отъ Назарета по равнинѣ Эздрелонской къ Дженину. И здѣсь не обошлось безъ приключеній. Между Ѡаворомъ и Ермономъ, по Эздрелонской долині, какъ и изъ географіи извѣстно, протекаетъ небольшой библейскій потокъ Киссонъ, ручьи котораго были свидѣтелями пламенной ревности св. пророка Іліи по славі истиннаго Бога.—Этотъ потокъ, впадающій въ Галилейское море, въ сущности небольшой, но въ дождливое весеннее время бываетъ довольно

значителенъ и, выступая изъ береговыхъ рамокъ, дѣлаетъ близъ лежащія мѣста топкими на нѣсколько недѣль. Въ такой именно критическій періодъ и намъ пришлось проѣзжать чрезъ территоріи Киссона. И вотъ одинъ изъ моихъ сопутниковъ, при всемъ желаніи объѣхать подозрительныя мѣста, засѣлъ въ одномъ изъ нихъ вмѣстѣ съ муломъ; другой—въ видахъ избѣжанія подобнаго непріятнаго случая, какъ ни мудрилъ выборомъ лучшей тропинки, все-таки унаслѣдовалъ участь перваго; третій попалъ еще въ худшую топъ со своимъ муликомъ, такъ что восемь душъ арабовъ, провозившись съ нимъ около часу, едва могли высвободить его изъ тины. Мой-же оселъ перемудрилъ всѣхъ—и муловъ и ословъ и богослововъ: лишь только дошелъ до трясовины, моментально палъ на колѣна, я полетѣлъ чрезъ его голову, а онъ благодушно, бережно и легко переправился по топямъ, я же вынужденъ былъ пробираться по слѣдамъ его, какъ за проводникомъ, къ общему удивленію и вмѣстѣ смѣху моихъ сопутниковъ. И дѣйствительно, неразумное, безсловесное животное поступило на этотъ разъ такъ умно и практично, какъ нельзя лучше: будь на немъ сѣдокъ, оселъ подъ тяжестью его, давящею внизъ, не могъ бы идти такъ легко и свободно и, пожалуй, погрязъ бы, подобно прочимъ, въ трясинѣ, а главное—безъ его посредства, я не могъ-бы самъ такъ удачно пройти даже по болѣе твердымъ точкамъ ея *).

*) Кстати, этотъ случай, даетъ намъ поводъ сдѣлать замѣтку о мулахъ и ослахъ, этихъ подозрительныхъ животныхъ Св. Земли, для урока будущимъ поклонникамъ ея. Эти туземные возницы здѣсь никакъ и ничѣмъ другимъ не могутъ быть замѣнены,—и въ трудныхъ горныхъ спускахъ по каменистымъ глыбамъ, и при переходахъ чрезъ опасныя стремнины, ущелія и уступы, вполне можно положиться на нихъ: на ихъ природную смелость и искусную тактику, выработанную постоянною практикою. Нужно только на этотъ разъ предоставить имъ полную свободу въ маневрированіи: не понукивать, не сдерживать, не дергать, и они благополучно пронесутъ васъ по самымъ стропотнымъ и острымъ путямъ. Интересно видѣть, какъ они, крошки, умудряются на данномъ пространствѣ выбирать тропы для болѣе удобнаго прохода и безопаснаго спуска въ подозрительныхъ и опасныхъ мѣстахъ: то обходятъ ихъ, то испытываютъ ногами прочность почвы подъ ними, на уступахъ бережно пробуютъ спускаться то одну, то другую переднія ноги, и если въ одномъ мѣстѣ не найдутъ удобства для прохода или спуска, то непремѣнно переберутъ ихъ нѣсколько, а всегда изъ множества—выберутъ лучший и болѣе безопасный. Но насколько они смѣливы, настолько и упрямы и самолюбивы, и потому вполне приложима къ нимъ поговорка: упрямъ (но не глупъ, какъ иные говорятъ), какъ оселъ, и не лишне было бы еще прибавить: и себялюбивъ. Если оселъ, а также и мулъ не захотятъ куда идти, или далѣе вась на себѣ везти, то чрезвычайно трудно бываетъ сдвинуть съ ними. И горе вамъ, если вы будете такъ нетерпѣливы и не деликатны и прибѣгнете въ этомъ случаѣ къ грубымъ мѣрамъ посредствомъ извѣстнаго прибора! Они сумѣютъ въ свою очередь, взаимно, нанести и вамъ оскорбленіе, наказать васъ

Направившись къ Дженину, мы имѣли на глазахъ вправо—къ сѣверу часть Назарета и гору «Низверженія», а влѣво—къ югу гору Ермонъ,—а Өаворъ, не смотря на то, что съ каждымъ шагомъ мы отдалялись отъ него, какъ бы шелъ вслѣдъ за нами, и мы то и дѣло, что поворачивались къ нему лицомъ и, устремивъ пытливый взоръ на плѣнительныя красоты онаго, посылали неоднократно прощальный привѣтъ и мысленное сладкое лобызаніе дивному мѣсту Преображенія Сына человѣческаго и Сына Божія. Чрезъ полтора часа ѣзды показался и евангельскій городокъ Наинъ, а за нимъ и библейскій Аэндоръ, извѣстный тѣмъ, что Израильскій царь Саулъ, въ минуты страшной туги и отчаянія, переодѣвшись, отправился къ жившей въ немъ знаменитой волшебницѣ, съ просьбою вывести ему умершаго пророка Самуила, чтобы онъ научилъ его, какъ ему поступить съ врагами—Филистимлянами, воюющими съ нимъ. Насъ болѣе занялъ Наинъ, такъ какъ мы проѣзжали невдалекѣ отъ него. Наинъ,—во времена Спасителя, значительный и многолюдный городокъ, окруженный каменными стѣнами,—въ настоящее время грязная, жалкая деревушка, не болѣе какъ съ 20-ю невзрачными и непривѣтливыми приземистыми лачужками, раз-

по своему, и всегда найдутъ для этого удобный моментъ, когда вы сидите на нихъ разсѣянно, какъ говорится, спустя рукава. Мнѣ, да и многимъ моимъ сопутникамъ, не разъ приходилось съ горечью переносить ихнія дерзкія, нахальныя выходки. Изъ многихъ случаевъ, для наглядности, приведу два. Разъ, задавшись мыслию и желаніемъ непременно доѣхать до заката солнечнаго въ предположенное мѣсто для ночлега, я то и дѣло, что пощипывалъ своего подъяремника, а по временамъ и постукивалъ по ребрамъ его—и онъ за это разновременно, неоднократно сбрасывалъ меня съ себя, моментально павъ для этого на колѣни. Мало этого: наказавъ паденіемъ, онъ не удовлетворился этимъ, а еще заставилъ меня, утомленнаго ѣздой, по жарѣ и каменнымъ глыбамъ пройти не одну версту, пока не поймали его, такъ что послѣ, при всей необходимости обойтись съ нимъ сурово, я былъ поневоѣ сдержанъ. А одинъ изъ вѣчныхъ ословъ поступилъ съ своимъ сѣдокомъ еще жесточе: нѣсколько разъ этотъ себялюбивый упрямецъ порывался сбросить свою ношу въ отщепеніе за десятидневныя личные оскорбленія и палочные выговоры, но никакъ не могъ достигнуть своей злобной цѣли и, уже на 12-й день, когда сѣдокъ, разбитый ѣздой, всталъ, чтобы пройти и поразмѣять члены, оселъ неожиданно, вмѣгъ, выдернулъ поводъ изъ рукъ своего обидчика и вмѣсто того, чтобы бѣжать гладкой и удобной тропинкой, онъ забрался умышленно между тѣсныхъ нѣсколькихъ рядовъ громадныхъ, высунувшихся изъ почвы, камней и до тѣхъ поръ лавилъ по между ними, пока обратилъ въ ничто весь навьюченный багажъ: самовары, стаканы, тарелки, кружки и всю дорожную провизію, и затѣмъ до самаго Іерусалима, около 10 вер., не позволилъ никому сѣсть на себя. Какія-жъ средства, спросятъ меня читатели, нужно употребить для предупрежденія подобныхъ выходокъ со стороны этихъ неуклюжихъ пегасовъ и для смягченія и унятія ихъ несноснаго порова? Лучшее средство, какъ показалъ опытъ, это ласка, деликатное, добродушное обращеніе съ ними. Одна богомолка-дама, помѣнявшись со мною на мула, сдѣлала изъ моего осла самое послушное животное, совершенно незнаемое,—тѣмъ, что частенько гладила его по шеѣ, трепала нѣжно по щечкамъ и во время вояжа рвала цвѣты, траву и пр. и собственноручно кормила его.

стояніемъ отъ Тиверіады около 30 верстъ, отъ Фавора около 12-ти, расположенъ на сѣверо-западномъ склонѣ горы Ермона, или по-арабски—Джебель-эль Дюги. Наинъ—значить красивый. «Это лестное значеніе своего имени, оставшееся за нимъ и доселѣ,—онъ оправдывалъ въ свое время своимъ положеніемъ близъ цвѣтущаго Аэндора, гнѣздясь и теперь довольно живописно на отлогостяхъ красивой горы, въ виду Фавора и горъ Завулоновыхъ. Наинъ, какъ передаетъ намъ евангеліе, удостоился посѣщенія Самого Господа. Въ свѣтлый періодъ ученія Его по Галилеѣ, когда Онъ, какъ Небесный Посланникъ, по долгу Своей земной миссіи, проходилъ съ благовѣстіемъ грады и веси сей области Иродовой и направилъ однажды Свой пречистыя стопы на скалистый восходъ, который велъ прямо къ Наинскимъ воротамъ, здѣсь попалась Ему на встрѣчу печальная процессія, — выносъ изъ городскихъ стѣнъ умершаго юноши для погребенія. Ничѣмъ не сдерживаемый вопль родныхъ и близкихъ несомато мертвеца раздавался болѣе и болѣе и громче, чѣмъ обыкновенный плачь, тѣмъ болѣе, что юноша былъ единственнымъ сыномъ матери—вдовы. Это обстоятельство сильнѣе всего трогало сердце еврея и было тягостнѣе для его слуха, чѣмъ для нашего; отчасти потому, что умереть бездѣтнымъ считалось позоромъ, а съ другой стороны оттого, что на лишеніе потомства во многихъ случаяхъ глядѣли, какъ на прямое наказаніе за грѣхи. Зрѣлище страшной печали сильно поразило любящее, кроткое сердце Іисуса. Приостановившись на мгновеніе, чтобы сказать несчастной горюющей матери: не плачь, Онъ приблизился и, не заботясь уже болѣе о сохраненіи обрядной чистоты, прикоснулся къ одру или къ открытому ящику, въ которомъ лежалъ умершій. Безъ всякаго приказанія, исполненные непонятнаго благоговѣнія носильцы остановились и поставили одръ. И среди всеобщаго молчанія, среди замершаго на время вопля, раздался кроткій голосъ Божественной любви и милосердія: *юноша, тебѣ говорю, встань!* И этотъ голосъ Побѣдителя смерти проникъ въ загробный міръ и потрясъ державу смерти. Мертвецъ мгновенно пробудился, всталъ и началъ говорить, и отдалъ его Іисусъ матери его. Чудо это, какъ замѣчаетъ евангелистъ Лука, навело на всѣхъ неописанный ужасъ. Почему? Развѣ до этого времени не было подобныхъ примѣровъ чудеснаго проявленія Божественной силы въ землѣ обѣтованной? Вѣдь и Ілія, и Ели-

сей, эти величайшіе изъ пророковъ—одинъ для Сарептской вдовы, а другой для знатной Сонамской женщины, воскресили ихъ умершихъ сыновей! Воскресли, —но достигли этого усиленными прошеніями, молитвами и не своею властію и силою. Иисусъ же сотворилъ чудо спокойно, внезапно, мгновенно, во имя Свое, собственнымъ могуществомъ, единымъ словомъ. Потому и поражены были всѣ Наиняне симъ чудомъ, и обрадованные толковали по между собою: *Богъ посылъ народъ Свой*, и не могли разсуждать иначе.

Въ это же время и сюда же Іоаннъ Предтеча, томившійся въ заключеніи въ Самарійской темницѣ за слово истины, прислалъ къ Иисусу своихъ учениковъ съ короткимъ вопросомъ: *«Ты ли Тотъ, Который долженъ прійти, или ожидать намъ другаго?»*

Наинъ, какъ мы замѣтили раньше, былъ во время оно окруженъ стѣнами; но теперь незамѣтно даже мусора отъ развалинъ ихъ, а равно и отъ прочихъ древнихъ городскихъ зданій. На томъ же мѣстѣ, гдѣ Господь изрекъ Свое всемогущее: «юноша, встань», латины-франки успѣли недавно соорудить небольшую каменную часовню, которая своими наружными формами и бѣлизною обращаетъ на себя вниманіе путника еще издали. Поравнявшись съ ней и осиливъ волновавшія меня чувства при видѣ явнаго знака посѣщенія воплотившимся Богомъ народа Своего, я снялъ шляпу и, окаева я себя, какъ перваго въ мірѣ грѣшника, вопилъ: «Видя вдовицу зелнѣ плачущую, Господи, якоже бо «тогда умилисердився сына ея на погребеніе несомъ «воскресилъ еси, сице и о мнѣ умилисердися, Человѣколюбче, и грѣхами умерщвленную мою душу воскреси, зовущую: аллилуіа. Вдовица града Наина плакаше о умершемъ сынѣ своемъ. Хотѣлъ быхъ и азъ «оплакати погибшую душу мою: беззаконія же моя тако «изсушиша мя, яко и слезамъ не обрѣстися во мнѣ. «Но Ты, Христе, воскресивый сына оныя вдовицы, «избави и мя отъ вѣчныя смерти, яже за беззаконія «моя имать мною обладати».

Смотря на двѣ горы-сосѣдки—Ѡаворъ и Ермонъ, лежація почти визави одна другой, не въ далекомъ разстояніи, и не уступающія другъ другу и по высотѣ, я невольно привелъ себя на память пророческія о нихъ слова пс. Давида: «Ѡаворъ и Ермонъ о имени Твоемъ возрадуется зѣло». И дѣйствительно возрадовались о Богѣ, Творцѣ своемъ! Одна удостоилась послужить зѣло

радостному для колеблющихся въ вѣрѣ сердецъ дивному событію Преображенія Спасителя падшаго человѣчества и увидѣть Его Божественную славу и величіе,—а другая—быть свидѣтельницею великой милости, любви и милосердія Владыки къ Своимъ рабамъ—воскрешенія Имъ умершаго единственнаго сына бѣдной Наинской вдовицы, и ея свѣтлаго ликованья по этому случаю, и всѣхъ ея единоплеменнѣйшихъ.

Въ послѣдній разъ, обернувшись назадъ, бросаеми мы грустный взглядъ на величественную и поразительную донельзя картинность горы Фаворъ, чтобы на вѣки проститься съ ней,—проститься съ той горой, на которой и ап. Петръ, восхищенный чуднымъ видѣніемъ и прелестью окружавшей природы, возжелѣлъ остаться здѣсь на вѣки, а для всегдашняго удобнаго пребыванія на ней, предлагалъ Господу, отъ лица апостоловъ, устроить палатки въ защиту отъ жгучихъ лучей Палестинскаго солнца и отъ стихійныхъ невзгодъ. И Господь, избравшій сію св. гору въ мѣсто преславнаго Своего Преображенія, сообщилъ ей на всѣ грядущіе вѣка такую неувядаемую, неземную прелесть сіяніемъ и красотою Своего Божества, чарующаго путника со всѣхъ сторонъ—и вблизи, и вдали, и во всякое время года, что и поклонникъ давно минувшихъ вѣковъ, какъ и богомолецъ настоящихъ временъ, одинаково восторгались и восторгаются отъ нея во время вояжа, съ восхищеніемъ воспоминали и вспоминаютъ о красотахъ ея дома, говорили и говорятъ и не наговоряются въ кругу друзей и знакомыхъ о неотразимомъ благостномъ вліяніи ея на умиротвореніе и настроеніе душевныхъ чувствъ. Затѣмъ, когда она постепенно начала закрываться отъ нашихъ глазъ, возрастающими съ каждымъ шагомъ, за нашей спиной, ребрами Ермона, у меня на рѣсницахъ повисли двѣ слезинки, и я уронилъ ихъ на землю какъ разъ въ моментъ исчезновенія чела горы Преображенія.

Солнце стояло высоко, когда мы ѣхали по полямъ Эздрелонской равнины, день прекрасный, сіяющій всею прелестью Палестинской весны, торжественная тишина царствовала въ долинѣ, и только изрѣдка долеталъ до нашего уха крикъ погонщиковъ муловъ, обрабатывающихъ данные участки подъ огородные овощи,—участки, отдававшіе разными колерами и походившими на обширную шахматную доску; птицы пролетали надъ нами цѣлыми стадами, спѣша на прохладу къ госте-

пріимнымъ берегамъ Тиверіадскихъ водъ, а протянувшемуся зеленому ковру колосащихся чудныхъ злаковъ Галилейской пшеницы не видѣлось и конца. Но эта плодоносная равнина, самородная роскошь произведеній которой плѣняетъ вапъ взоръ, замѣчательна не въ этомъ только отношеніи. Цивилизованный путешественникъ, самый равнодушный, имѣя при себѣ Библию и раскрывъ ее здѣсь, не можетъ прочитать безъ особаго движенія и прилива возвышенныхъ чувствъ сказаній богодухновенныхъ мужей о тѣхъ событіяхъ, которыя совершились на гладкихъ полянахъ оной. Эта мѣстность искони была полемъ народной битвы; цари, судьи и консулы производили войны на этомъ улыбающемся намъ пути. На немъ сверкали копья амаликитянъ и филистимлянъ, онъ стоналъ подъ колесницами Сезостриса; утоптанъ македонскими фалангами; на немъ бряцали мечи римлянъ; онъ оглашаемъ былъ въ послѣдствіи и криками крестоносцевъ. Въ этой Эздрелонской долинѣ, какъ замѣчаетъ одинъ ученый, казалось, встрѣтились другъ съ другомъ Европа и Азія, Іудейство и идолопоклонство, варварство и цивилизація, Ветхій и Новый завѣтъ, исторія прошедшаго и надежды настоящаго. Ни одна Палестинская мѣстность не имѣла такого глубокаго значенія для судьбы человечества. Сожалѣю о тѣхъ, которые безъ вниманія и особеннаго чувства проходятъ по Эздрелонской тропѣ; нигдѣ любовь къ отчизнѣ и своей вѣрѣ не произвела столько героевъ, какъ здѣсь; черствѣе ржанаго сухаря сердце того паломника, у котораго искра вѣры не разгарается въ пламень при осязаніи собственными чувствами подлинныхъ памятниковъ, совершившихся на поляхъ Эздрелона библейскихъ и евангельскихъ событій.

Но вотъ при ясности тамошнихъ небесъ къ намъ придвинулось нѣсколько мазанокъ, прилѣпившихся къ темени не то холма, не то большого кургана, кругомъ ихъ масса пурпуровыхъ цвѣтовъ; насъ окружаетъ море пажитей; отъ площадки, на которой мы стоимъ, идутъ двѣ дороги, одна на Акру и къ берегамъ Средиземнаго моря, а другая къ Галилейскому озеру. Подъ живымъ впечатлѣніемъ совершенныхъ въ этихъ мѣстахъ Богочеловѣкомъ многихъ чудесъ, мое воображеніе до того разыгралось, что я принялъ нѣкоторыхъ жителей за слѣпыхъ, другихъ за сухихъ, за хромыхъ, ждущихъ Великаго Пророка-чудотворца съ минуты на минуту. Они

не знаютъ, нынче ли Онъ прійдетъ въ ихъ околodокъ и прикоснется къ нимъ Своимъ милостивымъ перстомъ,—нынче ли услышатъ отъ Него слово испѣленія,—нынче ли одно прикосновеніе къ одеждѣ Его измѣнитъ и исполнитъ радостью всю остальную ихъ жизнь... А тамъ, въ глубѣ колосистой пшеницы, стоитъ нѣсколько фигуръ, покрытыхъ безобразнымъ рубищемъ и кричащихъ... Мнѣ причудилось, что это прокаженные, и что они предостерегаютъ насъ отъ приближенія къ нимъ крикомъ: тамъ! тамъ!—(я нечистый).

Въ 6 $\frac{1}{2}$ часовъ вечера мы благополучно прибыли въ знакомый уже намъ городъ Дженинъ или Дофаимъ, лежащій на рубежѣ Галилеи и Самаріи, и остановились на ночлегъ у той же самой вдовы-турчанки, которая дала намъ пріютъ въ первый нашъ переѣздъ, и теперь дружелюбно встрѣтила насъ, усталыхъ и угрюмыхъ путниковъ, въ надеждѣ получить съ «Московъ» приличный бакшишъ.—Нашъ пилигримскій вояжъ по Галилеѣ оконченъ;—мы болѣе или менѣе познакомились съ нею и, слѣдуя принятому нами вначалѣ нашихъ записокъ порядку, скажемъ нѣсколько словъ вообще объ этой Палестинской провинціи.

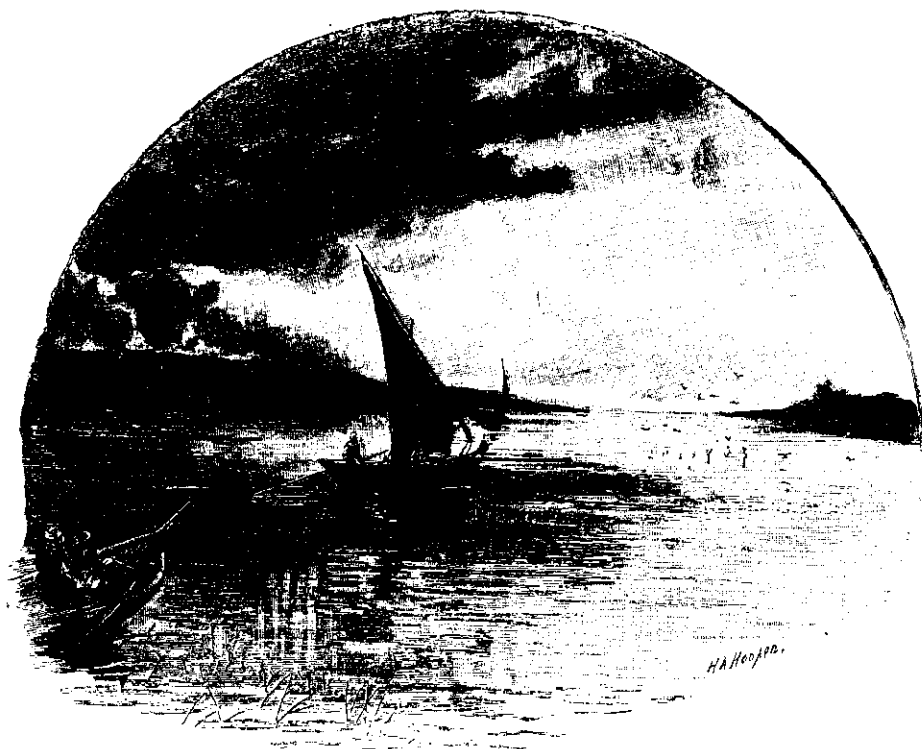
Названіе Галилеи происходитъ отъ еврейскаго слова: *Галиль*, что значитъ кругъ, окружность. Это слово уже встрѣчается въ книгѣ Иисуса Навина, какъ географическое названіе сѣверной части Палестины, въ особенности округа или колѣна Нефеалимова. Галилея нѣсколько больше Самаріи: ея длина отъ сѣвера къ югу около 80 верстъ, а ширина отъ запада къ востоку до 40 верстъ. Она граничитъ къ востоку Иорданомъ и Тиверіадскимъ моремъ, къ западу—Средиземнымъ моремъ отъ Тира до Кармила, съ сѣвера—горами Ливаномъ и Антиливаномъ, съ юга—Самарією, отдѣляясь отъ нея Эздрелонскою долиною. Нынѣшнее народонаселеніе Галилеи сравнительно съ Іудеею довольно густо, но далеко не то, что было во времена Иисуса Христа, когда, по свидѣтельству Флавія, она заключала въ себѣ до 200 городовъ и разныхъ мѣстечекъ, изъ коихъ самыя малые имѣли иногда до 15,000 жителей, а воды Тиверіадскаго моря разсѣкались болѣе чѣмъ 4,000 судовъ. Эта область очень плодородная, и съ избыткомъ вознаграждаетъ труды своихъ обитателей. На почвѣ ея легко растутъ деревья всякаго рода: оливковыя, инжирныя, миндальныя, лимонныя, финиковыя пальмы, виноградныя лозы, смоквы, груши, арбузы, дыни.

Почва, за малыми исключеніями, покрыта сочною, мягкою, густою и высокою травой, доставляющею тучныя пастбища для травоядныхъ, отъ чего здѣшнія четвероногія рѣзко отличаются ростомъ, силою и красотою противъ животныхъ прочихъ Палестинскихъ провинцій, въ особенности же лошади, коровы, козы и овцы, такъ что Іудейская корова сравнительно съ Галилейскою—теленокъ. Разнообразіе полевыхъ злаковъ, масса роскошныхъ цвѣтовъ, начиная отъ бѣлыхъ благоуханныхъ Назаретскихъ лилій, подобныхъ которымъ не производитъ ни одинъ уголокъ міра, и до роскошныхъ бутоновъ махроваго мака, которыхъ у насъ даже самая искусная и заботливая рука недюжиннаго садовника не можетъ вырастить на грядкахъ любого полисадника, изобиліе пшеничныхъ и ячменныхъ жатвъ, посѣваемыхъ мѣсяцемъ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и множество протоковъ, орошающихъ долины, поражаютъ вашъ взоръ и пріятно ласкаютъ ваши утомленные чувства и воскрешаютъ духъ. Почему Галилея и въ настоящія времена для Палестины есть своего рода египетская житница, а Назаретъ—кладочный или запасный хлѣбный магазинъ, куда пріѣзжаютъ за покупкою насущнаго нынѣшніе Іудейскіе Рувимы, Сүмеоны и пр., и караваны съ которыми ѣдутъ въ за-Иорданскія страны и къ Акрской пристани Средиземнаго моря.

Конечно, такимъ благоденствіемъ и процвѣтаніемъ страны въ матеріальномъ отношеніи туземцы обязаны не своимъ усиліямъ и заботамъ, ибо они по природѣ своей лѣнны и апатичны ко всему, а милосердію, щедротамъ и покровительству Той Святѣйшей Дѣвы, которая во дни оны обитала подъ кровлей одной изъ Назаретскихъ хижинъ, и провела лучшую пору и большую половину своей трудовой жизни подъ Галилейскимъ солнцемъ, всецѣло испытавъ на Себѣ людскія скорби и нужды.

Но для истаго поклонника богатство и изящество здѣшней природы на второмъ планѣ. Для него важнѣе то, что здѣсь обильно питается внутренній его чловѣкъ,—душа. Сердце и умъ его тутъ постоянно заняты и наполнены евангельскими образами. Почти каждая гора, каждый поселокъ, холмы и равнины, озера и источники, пути и исходища говорятъ его религіозному чувству объ утѣшительныхъ проявленіяхъ на нихъ—въ словѣ, ученіи, жизни и чудныхъ дѣлахъ просвѣти-

тельной и искупительной миссии Богочеловѣка. Изъ священныхъ книгъ мы знаемъ, что Галилея была особенной любимицей Господа Иисуса. Здѣсь благоволилъ Онъ воплотиться отъ пречистыхъ кровей Приснодѣвы; здѣсь изволилъ Онъ поселиться и жить съ людьми, какъ человѣкъ, слишкомъ тридцать лѣтъ, и имѣлъ тутъ родныхъ и друзей по плоти; въ этой странѣ сказалось великое и святое дѣло открытаго Его служенія спасенію рода человѣческаго; отсюда изъ 12-ти главныхъ учениковъ Христовыхъ 11-ть были Галилеяне; отсюда

На Галилейскомъ озерѣ.

раздалась первая проповѣдь Иисуса Христа о покаяніи и приближеніи царства Божія, и Галилейскій народъ, сидящій во тмѣ, первый увидѣлъ свѣтъ великій, (о возсіяніи коего въ землѣ Завулоновой и Нефеалимовой пророкъ Исаія предсказалъ еще за 700 лѣтъ); въ этой области Спаситель совершилъ первое чудо на бракѣ и чрезъ него явилъ въ первый разъ предъ людьми Свою Божественную славу, и исцѣлилъ сына царедворца, слугу сотника, сухорукаго, тещу Симонову со многими другими, разслабленнаго, кровоточивую жен-

щину, двухъ слѣпцовъ, изгналъ легионъ бѣсовъ изъ бѣсноватаго; словомъ,—здѣсь, въ Галилеѣ, по преимуществу, какъ замѣчаетъ евангелистъ Маттеей въ 5-й главѣ, исходила сила изъ Него (Христа) и исцѣляла всѣхъ. Въ пустыняхъ этой страны чудесно кормилъ Онъ малымъ количествомъ хлѣбовъ и рыбы цѣлыя тысячи народа; ходилъ по водамъ ея, какъ по сушѣ, однимъ словомъ укрощалъ бурю и волны морскія, помогаль апостоламъ въ ловлѣ рыбы Своимъ всесильнымъ «закиньте сѣти въ ловитву»; воскресилъ дочь Іаира и сына Наинской вдовы. На одной изъ горъ Галилейскихъ Онъ произнесъ замѣчательную бесѣду, въ которой высказалъ главнѣйшія и существенныя истины Своего ученія: о путяхъ блаженства, о милостынѣ, постѣ и молитвѣ, о нестяжательности, о неосужденіи другихъ и пр. На поляхъ Галилейскихъ много поучалъ сопутствовавшій Ему народъ увлекательными притчами и подобіями: о сѣятелѣ, о добромъ сѣмени и плеведахъ, о растущей пшеницѣ, зернѣ горчичномъ, сокровищѣ на полѣ и пр. Въ Галилеѣ, новымъ и яснѣйшимъ образомъ показалъ и доказалъ ученикамъ Свою Божественность, преобразившись чудесно на Ѡаворѣ. Галилейская луна, горы, холмы и ущелія многократно были свидѣтелями уединенной полунощной молитвы за грѣшный родъ человѣческій мнимаго сына земнаго Назаретскаго тектона, истиннаго же Сына Архитектонна небеснаго. Наконецъ, и по воскресеніи Своемъ Господь не оставилъ Галилеи Своимъ посѣщеніемъ,—вкусалъ здѣсь, при морѣ, хлѣбъ и рыбу съ учениками и въ словахъ, обращенныхъ къ апост. Петру, основалъ вѣчную іерархію Своей Церкви на землѣ и, въ заключеніе, здѣсь же передалъ всѣмъ апостоламъ право и власть—идти учить всѣ народы, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и утѣшилъ Своихъ возлюбленныхъ общаніемъ быть съ ними до скончанія вѣка. Словомъ, эта страна избрана была Спасителемъ для совершенія великихъ Таинствъ,—страна, въ которой Онъ, Сынъ Божій, открылъ и приблизилъ къ людямъ всю полноту Своего Божества и явилъ міру истинное Свое человѣчество, во всемъ подобное намъ, кромѣ грѣха.

Послѣ всего сказаннаго сейчасъ, ничуть не покажется удивительнымъ то, ежели богомолецъ при твердой вѣрѣ своей и полной увѣренности, что онъ здѣсь ходитъ вездѣ по слѣдамъ Іисуса Христа,—забываетъ

въ это время всё тягости, всё неудобства многотруднаго пути, не думаетъ о родныхъ и своей странѣ, имъ покинутой, и весь входитъ внутрь себя, весь отдается благочестивому влеченію чувствъ.

На другой день, прежде нежели сѣсть на ослика, для обратнаго слѣдованія въ Іерусалимъ, я пристально осмотрѣлъ всё виднѣвшіяся детали на вѣки оставляемой мною, милой сердцу Христіанина, Галилеи, чтобы навсегда запечатлѣть въ памяти дорогой ихъ обликъ, при чемъ мои возбужденныя чувства заговорили во мнѣ такъ: припади здѣсь къ землѣ, освященной маніемъ Божества твоего Искупителя, и на прощанье съ ней помолись Ему, Человѣколюбцу, сие: вотъ я, недостойный, поклонялся Тебѣ, воплощенному Богу, въ той рукотворенной хижинѣ, гдѣ Ты жилъ и вкушалъ пищу съ Пречистою Твоею Матерью: сотвори и уготови и въ нерукотворенной бѣдной храминѣ души моей обитель Себѣ, приди, Всеблагій, вселись въ ней со Отцемъ и Святымъ Духомъ, свечеряй въ ней съ Ними и украси тайники ея свѣтлѣйшимъ ликомъ Рождшей тя—образомъ Ея чистоты и цѣломудрія. Я воздавалъ Тебѣ дань хвалы и благодаренія на тѣхъ берегахъ, гдѣ Ты часто пребывалъ,—на холмахъ, гдѣ Ты возсѣдалъ,—на камняхъ, гдѣ преклонялъ Ты святое чело Твое: огради, Всесильный, мѣриломъ Твоей святой воли и мою безграничную свободу въ ежеминутномъ нарушеніи Твоихъ повелѣній, смири холмы вознесенной моей гордыни и умягчи паче воска мое огрубѣвшее въ порокахъ, окамененное сердце, распали его ревностію по славѣ Твоей, созижди въ немъ Владычній престолъ Себѣ, возсѣдай на немъ и царствуй надъ всѣми хогніями его (сердца), а поникшую долу отъ суетныхъ мыслей главу мою возведи къ горнимъ; отъ всякаго пути лукаваго возбрани нечистымъ ногамъ моимъ, и прахъ беззаконій, прилѣпшій къ нимъ на путяхъ нечестія, отряси отъ нихъ Твоею благодатію. Я плавалъ по волнамъ того моря, гдѣ Ты подавалъ Свою всемогущую руку утопающему апостолу, такому же маловѣрному, какъ и я; но сей спасень, онъ теперь въ тихомъ пристанищѣ царства Божія, а я, недостойный, еще плаваю по яростно клокочущей пучинѣ житейскаго моря, обуреваюсь множествомъ лютыхъ страстей, смертныхъ грѣховъ и злыхъ обстояній: о, какъ мнѣ нужна мощная десница Твоя, мой Спаситель! О, Господь мой и Богъ мой—поспѣши же ко мнѣ на по-

мощь! О, безцѣнный мой Искупитель, спаси же и меня, погрязшаго выше главы въ безднѣ золь!...

VI.

Обратный путь въ Іерусалимъ.

Поездка на Іорданъ, Мертвое море, Сорокадневную гору. Визанія.

Оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, мы въ 4 часа утра выѣхали изъ Дженина,—рубежа Галилеи и Самаріи, и продолжали путь свой благополучно нѣсколько верстъ до какого-то неизвѣстнаго по имени поселка. Здѣсь у одной изъ поклонницъ подъ сидѣньемъ лопнула веревка, и она моментально полетѣла назадъ съ мула, упала навзничь на высунувшійся громадный камень съ такою силою, что сразу лишилась чувствъ и лежала безъ признаковъ жизни. Прочія спутницы отъ испуга и незнанія, что съ ней дѣлать, рыдали; въ это время два турка выбѣжали къ намъ изъ своихъ мазанокъ, подняли на воздухъ лежащую и она открыла глаза; но изъ подъ головного платка полилась фонтаномъ кровь, при видѣ которой монахъ-аеонецъ упалъ въ обморокъ, и его едва отлили холодной водой. Къ счастью потерпѣвшей, въ поселкѣ нашелся знахарь, который принесенными таинственными листьями изъ ближайшей рощи покрылъ зияющую на головѣ пробоину, и теченіе крови унялось. Напуганные случившимся, мы взбираемся на верхъ каменной горы со страхомъ и трепетомъ, потомъ спускаемся внизъ съ террасы на террасу, какъ будто по огромной лѣстницѣ. Едва оставляемъ мы за собою ряды горныхъ уступовъ, какъ предъ нами возвышаются другіе; по временамъ слѣзаемъ съ капризныхъ скакуновъ и ведемъ ихъ подъ уздцы, опасаясь за цѣлость своихъ боковъ; всѣ идутъ молча, нахмурившись и съ потупленными взорами; чрезъ нѣсколько часовъ я спросилъ обронившуюся: какъ она чувствуетъ себя,—и, получивъ утѣшительный отвѣтъ, замѣтилъ ей, что случившееся съ ней она должна признать за наказаніе и вразумленіе свыше за то, что въ пути по св. мѣстамъ не сдерживаетъ своего гнѣва, постоянно обижаетъ изъ за пустяковъ своихъ спутницъ, ссорится и не мирится съ ними. Такъ вести себя намъ, богомольцамъ, не приходится, неумѣстно здѣсь и очень грѣшно, продолжалъ я; Богъ намъ не вмѣ-

нить этого труднаго пути въ подвигъ, и молитва наша при святыняхъ Палестинскихъ не будетъ услышана Имъ.

Цѣлый почти день мы ѣдемъ длинною цѣпью горъ; часовая стрѣлка указываетъ на цифру V; въ это время мы, миновавъ Севастію, спускаемся узкой тропой съ страшнаго обрыва въ равнину, на которой расположенъ Сихемъ. О, до чего очарователенъ ландшафтъ его съ этой западной стороны, при скатывающемся съ каждой минутой ниже и ниже дневномъ свѣтилѣ! Въ прелестныхъ окрестностяхъ городка, подъ оливковыми деревьями гуляютъ разодѣтыя самарянки, еврейки, арабки и турчанки и, завидѣвъ насъ, опрометью бѣжать смотрѣть на Московитовъ; другіе во все горло кричатъ, требуя лева (6 к.), а иные сопровождаютъ насъ пѣніемъ непонятныхъ пѣсень.

На юго-восточной сторонѣ Сихема, въ концѣ его, предсталъ предъ наши очи бассейнъ чистой и прозрачной какъ кристаллъ воды, который мы приняли, какъ даръ Неба за понесенные дневный варъ и тяготу жажды. Вода его намъ казалась дорогимъ нектаромъ, который пили въ сладость всѣ—и мы, и подъяремные; а нѣкоторые быстроногіе ослики, пользуясь случаемъ, пожелавъ освѣжиться, моментально погрузились въ прохладныя струи оной вмѣстѣ съ сѣдоками, къ великому ихъ ужасу и огорченію, такъ какъ всѣ дорожные костюмы и сѣстные припасы ихъ приняли видъ греческой губки, пропитанной влагою.

Отсюда, оставивъ по правой рукѣ библейско-евангельскую гору Гаризинъ, по отлогостямъ которой намъ слѣдовало ѣхать, мы направились по превосходной и плодоносной долинѣ къ колодцу Іакова, дабы выполнить прежнее свое предположеніе отслужить здѣсь молебень св. мученицъ Фотиніи-Самарянинѣ, но это доброе желаніе наше такъ и осталось однимъ желаніемъ, не перешло въ дѣло по независѣвшимъ отъ насъ обстоятельствамъ. Наши проводники и хозяева муловъ и осликовъ, да и нѣкоторые изъ нашихъ поклонниковъ, заупрямились сверхъ всякаго чаянія, увидавъ показавшійся нежданно изъ за края горы караванъ богомольцевъ, шедшихъ изъ Іерусалима въ Назаретъ на молитву къ радостному дню Благовѣщенія, и, оставя прежній путь къ колодцу, мигомъ, по горней тропѣ, направились на встрѣчу имъ. Меньшинство изъ насъ поневолѣ должно было слѣдовать за ними. У всѣхъ насъ, между прочимъ, тайлось сильное желаніе узнать

отъ этого каравана что-либо новое о событіяхъ въ Россіи; такъ какъ со времени извѣстія о кончинѣ Царя-Освободителя мы находились въ невѣдѣніи относительно новаго Государя. Картина каравана представилась нашимъ глазамъ въ поразительно-величественной перспективѣ: въ пустынныхъ мѣстахъ, на протяженіи 10 верстъ, шла и ѣхала масса народа, до двухъ тысячъ, изъ разныхъ странъ, племенъ, нарѣчій, званій, состояній, пола и возраста, гонимая не какими-либо корыстными житейскими расчетами или заманчивыми надеждами, а движимая единственно любовію ко Господу и Пречистой Его Матери. О, какъ сильна была любовь этого почти сплошь простаго народа за малыми исключеніями! Усталые отъ цѣлодневнаго труднаго пути, обремененные тяжелой дорожной ношей, съ избитыми и измозоленными ногами, испытывая отъ жары смертельную жажду, они шли безропотно, одни—напѣвая священные гимны, другіе—творя молитвы, а иные—занимаясь душеспасительными бесѣдами или выслушивая ихъ. Нѣкоторыхъ мы встрѣтили совершенно ослабѣвшими отъ пути, сидящихъ на каменныхъ глыбахъ или лежащихъ на земномъ одрѣ отъ боли ногъ и другихъ крушеній въ разныхъ частяхъ бременнаго тѣла. На вопросъ нашъ: зачѣмъ они шли, не имѣя силъ, потребныхъ для долгаго и труднаго странствованія,—отвѣтъ былъ назамысловатый и краткій: мы вѣримъ, что Господь и Богоматерь намъ помогутъ! О, святая вѣра! Лучезарный живительный свѣтъ твой еще не угасъ на землѣ,—въ простыхъ сердцахъ ты еще обитаешь и творишь чудная и славная! И ради сихъ малыхъ, ради сихъ простецовъ и насть, мнящихся быти мудрыми, Господь держитъ на свѣтѣ, щадитъ и милуетъ до поры, до времени. И вотъ находятся же нѣкіи журнальные буи, которые во всѣхъ паломникахъ не видятъ ничего болѣе, какъ праздный и сбившійся съ прямой колеи жизни людъ, слоняющійся по св. мѣстамъ съ глубоко намѣченною въ душѣ корыстною, но ничуть не религіозною цѣлью, чтобы запасшись тамъ камешками, водицею, оливой, вѣточками и др. баластомъ палестинскимъ, потомъ зашибить за нихъ съ своихъ единоземцевъ деньгу и провести на раздольной Руси прочее время живота, припѣваячи, корча изъ себя святошь и благовѣствуя разную дребедень... Такимъ субъектамъ не мѣшало бы самимъ лично принять на себя трудъ—испытать до дна прелесть «слонянья», особенно безъ необходимой ко-

пѣйки, по негостепріимнымъ мѣстамъ Св. земли и трудно проходимымъ каменистымъ горнымъ тропамъ и замусореннымъ ущеліямъ, при дикомъ фанатизмѣ туземцевъ и частыхъ разбояхъ бедуиновъ, подъ знойнымъ небомъ, въ проливные періодическіе дожди, въ грязь, не имѣя гдѣ подъ кровлей и главы приклонити, за многолюдіемъ или по непріязни измаилитовъ; постоянно быть впроголодь или жаждущимъ въ безлюдныхъ и безводныхъ пустыняхъ, имѣя постелью—груды камней, покрываломъ—сводъ небесный, а пищею—окаменѣвшій отъ времени житный сухарь, взятый на потребу изъ родной деревни, которому дивятся и сами турки. И такъ иногда цѣлыя недѣли и мѣсяцы... Развѣ можно предпринять и снести такой вояжъ безъ сильной вѣры и крѣпкой любви ко Господу? Радуюсь душою, восторгаюсь духомъ, что я обрѣлъ въ наши времена эти перлы христіанства и въ моихъ соотечественникахъ. О, дорогая моя родина! О, святая Русь! На твоемъ широкомъ лицѣ есть еще много вѣрующихъ сердецъ, не влающихъ вѣтромъ всякаго ученія. Онѣ—твоя крѣпость, твое благоденствіе, твоя и слава! Дорожи ихъ нравственною силою, поддерживай слабыхъ и колеблющихся, поднимай хромающихъ на оба колѣна, а всѣхъ вообще побольше питай здоровымъ духовнымъ хлѣбомъ. Иначе ты забвена будешь Богомъ, попрана, унижена, какъ избранный нѣкогда народъ земли обѣтованной.

По закатѣ солнечномъ, верстахъ въ 7-ми отъ Сихема, мы остановились въ крохотной турецкой деревнѣ—Губара. Когда мы вѣзжали въ нее, всполошилось все населеніе отъ мала до велика; наша толмачка и парламентарша (извѣстная уже читателямъ), хохлушка, отправилась осматривать лачужки для ночлега, но и самая, повидимому, лучшая изъ нихъ оказалась настоящимъ свинухникомъ: законченная, безъ оконъ, съ дырявымъ, неопредѣленного матеріала потолкомъ и съ валяющимися на глинистомъ полу разными нечистотами. Уплативъ по 20 к. съ души и столько же за каждую цыновку, мы кое-какъ прибрали свою квартиру, настлали рогожекъ, полстей, ковровъ и затѣмъ кто усѣлся, кто улегся на полу, въ ожиданіи живительной силы отъ русскаго самовара—неразлучнаго нашего спутника. Туземные мужчины всѣ до одного были въ полѣ, а турчанки со всѣхъ дворовъ понахлынули къ намъ и безъ церемоніи заглядывали въ лицо, гладили по головѣ, трогали бороду, дергали за платье, распахивали

его, иныя усаживались около насъ и лѣзли на колѣни. Что видѣли въ нашихъ рукахъ—лимонъ ли, апельсинъ, кусочекъ ли сахару или булки, назойливо просили удѣлить и имъ; нѣсколько разъ мы выпроваживали ихъ силою, но онѣ опять врывались къ намъ и не давали спать. Это побудило одного изъ моихъ спутниковъ рискнуть употребить серьезное и довольно опасное средство, могшее имѣть весьма плачевныя послѣдствія для насъ. Возбравшись на террасу сосѣдняго домика, онъ сдѣлалъ три залпа изъ револьвера: незванные гости ахнули и мигомъ всѣ разбѣжались по домамъ, и только чрезъ полчаса опомнившись отъ перенуга, прислали отъ себя депутацію съ просьбою больше не стрѣлять, а то всѣ дрожатъ и рыдаютъ отъ страха; и, затѣмъ, болѣе никто изъ нихъ не беспокоилъ насъ всю ночь, кромѣ общественныхъ всегдашнихъ недруговъ человѣка, всесвѣтныхъ паразитовъ, любящихъ ютиться, грѣться и питаться около грѣшного его тѣла.

Опасаясь мщенія за содѣянное со стороны мужчинъ, возвращеніе которыхъ ожидали къ утру, мы поднялись съ своего жесткаго ложа въ 3½ часа и начали собираться въ дорогу на Іерусалимъ. Ночь холодная и темная, мы ѣдемъ почти ощупью, изъ страха попасть въ пропасть и свернуть голову; но вотъ между ущеліями горъ блеснулъ огонекъ, поклонницы встрепнулись, замечались при мысли: не притонъ ли это разбойничій,—и притихли, чтобы говоромъ не выдать себя. Разсвѣтъ. Мы выѣхали на довольно сносную дорогу. Тихо; листъ не колыхнеть и облачно. Облака дотога низко и густо стоятъ между тѣсинами горъ, что мы съ трудомъ двигаемся сквозъ ихъ впередъ. Къ 10 часамъ зажглось солнце, и стало довольно жарко; мулы и ослики то и дѣло спотыкаются,—признакъ усталости. Около 12 часовъ мы начали огибать цѣпь живописныхъ холмовъ, составляющихъ по величественной красотѣ своей вѣнецъ гордости Самаріи, и лежащихъ по лѣвую сторону протянувшейся длинной и широкой лентой прелестной долины, посреди которой протекаетъ свѣтлый ручей прѣсной воды, обильно напаяющій роскошную растительность. У подошвы горы Геваль, въ отвѣсистыхъ скалахъ, множество природныхъ пещеръ.

Мало по малу мы доплелись до стоящей при дорогѣ небольшой деревушки, называемой *Сейлумъ*, библейскій *Силомъ*, въ которомъ находился *Кивотъ Завета*, по завоеваніи земли Ханаанской, и гдѣ былъ произведенъ раздѣлъ страны между 12 колѣнами Израильскими.

Кивоть Завѣта оставался здѣсь до конца правленія судей... Теперь еще виднѣются небольшіе остатки древнихъ зданій. Далѣе тянутся знаменитыя Еффраимовы горы, на вершинахъ которыхъ трудолюбивые насельники ихъ, пользуясь всякимъ клочкомъ удобной земли, сумѣли развести множество масличныхъ и фиговыхъ деревьевъ и винограда.

Во второмъ часу мы вѣхали въ длинный и глубокій дефілей, покатыя ребра котораго искусственно разработаны широкими—саженей въ 30 и длинными—на нѣсколько верстъ—уступами, въ пятьдесятъ рядовъ, одинъ надъ другимъ (въ видѣ амфитеатра), на которыхъ заботливой рукою насажены деревья и кустарники различныхъ породъ. Видъ на ту и другую стороны его—необыкновенно живописный, и ждетъ и не дождется искуснаго контуриста, за снимокъ котораго не одинъ любитель прекраснаго скажетъ задушевное спасибо.

Продолжая далѣе путь по сказанному проходу, мы достигли, наконецъ, чуднаго и по виду своему *), и по вкусу воды источника: *Аинъ-эль-Араміеъ*,—это арабское названіе, а по русски—*колодезь воровъ*, и здѣсь на открытой площадкѣ противъ него рѣшились сдѣлать первый привалъ, пробитые насквозь лучами весенняго Самарійскаго солнца, истомленные семичасовымъ сидѣніемъ на сѣдлахъ, ѣздою и смертельной жаждою. Я первый утопилъ свою жажду, и затѣмъ всѣ, разсѣвшись на мягкомъ травяномъ коврѣ—кто завтракалъ, кто подкрѣплялся китайскимъ зельемъ, а были и такіе, которые, не теряя дорогой минуты, бросились въ объятія морфея, не разъ въ пути назойливо смыкавшаго наши вѣки въ наказаніе за пренебреженіе къ нему—раннее пробужденіе наше въ Губарѣ

Кстати, нужно замѣтить, что описанный нами сейчасъ источникъ воровъ потому называется такъ, что у расположившихся при немъ каравановъ для отдыха или водопоя, ночью ли то будетъ или среди бѣла дня, а непременно окажется пропажа, и виновника ея никто и никогда не могъ видѣть и изловить,—точно совершается она по мановенію волшебнаго магическаго

*) Я называю источникъ чуднымъ по виду своему: представьте себѣ природную высокую, саж. до 40 вышины, вертикальную, гранитную стѣну, въ которой незримой таинственной рукою въ разныхъ направленіяхъ просверлены десятки дыръ, величиною въ пятакъ, и изъ нихъ, какъ бы изъ искусственныхъ водопроводныхъ крановъ, съ высоты внизъ бьютъ фонтаномъ струи холодной воды: зрѣлище, никогда невиданное мною и достойное удивленія каждаго!

жезла, или злѣдемъ, обладающимъ сказочной шапкой-невидимкой. Осязательный фактъ правдоподобности этого объясненія случился и подтвердился во очію нашу: одинъ изъ проводниковъ нашихъ—арабъ, подходя къ источнику, сбросилъ башмаки и, положивъ ихъ на камень, сталъ завтракать; когда мы отдохнули и сѣли на осликовъ, ѣхать дальше, оставившій сандалии побѣждалъ за ними, но ихъ какъ не бывало,—поклонницы едва могли его утѣшить, снабдивъ своею обувью.

Возлѣ мѣста нашего привала сохранились остатки какого-то громаднаго зданія широкихъ размѣровъ, основаніе котораго сложено изъ массивныхъ гранитныхъ плитъ, длиною болѣе сажня, а шириною полтора аршина. Постройку его относятъ ко временамъ Соломона. Плѣненный мѣстоположеніемъ, поистинѣ очаровательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ, по преданію, устроилъ здѣсь загородный дворецъ, и въ него по временамъ уединялся для отдохновенія отъ царственныхъ заботъ и городской суеты. Съ этимъ нельзя не согласиться, такъ какъ камни подобнаго размѣра и конструкціи встрѣчаются только въ зданіяхъ, устроенныхъ въ эпоху царствованія первыхъ царей Іудейскихъ.

Мы опять въ дорогѣ, но путь до того затруднителенъ, что мы не разъ встаемъ съ своихъ подъяремныхъ,—и гдѣ идемъ, а индѣ пролазимъ, буквально на четверенькахъ, по образу звѣринаго Навуходоносоровскаго хожденія. Черезъ часъ такого мучительнаго вояжа мы достигли вершины горы, усѣянной, какъ бы струсьями оспы, громадными глыбами известняка, на которой виднѣется небольшой поселокъ, именуемый арабами—Бейтинъ или Бетенъ, древній библейскій *Вевиль*. Это самое древнее изъ мѣстечекъ, окружающихъ Іерусалимъ. Здѣсь праотецъ Авраамъ, переселяясь изъ Месопотаміи въ землю Ханаанскую, поставилъ жертвенникъ Богу. Отсюда Авраамъ пошелъ со стадами своими къ полудню, отсюда по случаю голода отправился въ Египетъ, гдѣ выдавалъ жену свою Сарру за сестру. Изъ Египта онъ опять пошелъ къ Вевилю (Быт. 11, 10—32. 12, 13, 1—4). Въ Вевилѣ отдыхалъ патріархъ Іаковъ; объ этомъ въ Библии говорится такъ. Избѣгая гнѣва и мести брата Исава, Іаковъ пошелъ къ дядѣ своему Лавану въ Месопотамію, въ Харранъ, и, когда зашло солнце, онъ остановился въ одномъ мѣстѣ ночевать, положилъ себѣ камень въ головы, легъ и уснулъ. И

видить во снѣ: на землѣ стоитъ лѣстница до небесъ; Ангелы Божіи восходятъ и нисходятъ по ней; на лѣстницѣ стоитъ Господь и говоритъ ему: «Я Богъ Авраама и Исаака. Землю эту Я далъ тебѣ и потомству твоему. Потомство твое будетъ, какъ песокъ земной. Въ Сѣмени твоемъ (чрезъ Спасителя) благословятся всѣ племена земныя. Я всегда съ тобою, и сохранию тебя вездѣ». Пробудившись отъ сна, Іаковъ сказалъ: «страшно мѣсто это! Это—домъ Божій и врата небесныя». Вставъ, онъ взялъ камень, на которомъ лежалъ, поставилъ его памятникомъ, возлилъ на него елей и назвалъ это мѣсто—Веилъ (домъ Божій). Когда народомъ Еврейскимъ правили судьи, то они здѣсь часто имѣли свои собранія. Въ Веилѣ Іероваамъ, царь Израильскій, поставилъ золотого тельца, соорудилъ предъ нимъ жертвенникъ и сказалъ народу: «не нужно вамъ ходить въ Іерусалимъ! Вотъ Богъ твой, Который вывелъ тебя изъ земли Египетской» и сдѣлалъ Іероваамъ праздникъ въ Веилѣ для принесенія жертвъ тельцу. И вотъ когда онъ стоялъ предъ жертвенникомъ, принося куренія, пришелъ изъ Іудеи пророкъ Божій, обратился къ жертвеннику и сказалъ: «жертвенникъ, жертвенникъ! Такъ говоритъ Господь: вотъ родился въ домѣ Давидовомъ сынъ Іосія, и принесетъ на тебѣ въ жертву жрецовъ высотъ (идольскихъ), совершающихъ на тебѣ куреніе, и сожжетъ на тебѣ кости чловѣческія. И вотъ знаменіе того, что это сказалъ Господь: этотъ жертвенникъ распадется, и пепелъ, который на немъ, разсыплется». Царь протянулъ руку свою и сказалъ: «возьмите его». Но рука его одеревѣла, а жертвенникъ распался, и пепелъ разсыпался на него; тогда царь сталъ просить пророка исцѣлить руку, и рука исцѣлилась.

Здѣсь же—тому же пророку Іудейскому Господь повелѣлъ не ѣсть хлѣба, не пить воды, и не возвращаться тою дорогою, по которой онъ сюда пришелъ. Въ Веилѣ же тогда былъ и другой пророкъ—старецъ. Когда Іудейскій пророкъ отправился изъ Веиля, Веилъскій пророкъ настигъ его и сказалъ: «я также пророкъ, и Ангель, по повелѣнію Господа, сказалъ мнѣ: возврати его къ себѣ въ домъ, пусть онъ поѣстъ хлѣба и напѣется воды». (Онъ обманулъ его). Пророкъ Іудейскій возвратился съ нимъ. Но когда они сѣли за столомъ, Веилъскій пророкъ дѣйствительно получилъ откровеніе отъ Бога и сказалъ гостю: «такъ говоритъ

Господь: за то, что ты презрѣлъ повелѣніе Господне, ты не будешь погребенъ съ отцами твоими». Когда Іудейскій пророкъ отправился домой, левъ умертвилъ его на пути, и стоялъ съ осломъ надъ тѣломъ его до тѣхъ поръ, пока Вееильскій пророкъ пришелъ и похоронилъ его. Десятокъ-другой самобѣднѣйшихъ турецкихъ жилищъ составляютъ теперь весь Вееиль.

Въ 4 часа по полудни мы проѣзжали мимо мѣстечка, которое населяютъ въ настоящее время арабы, называемое ими—*Эль-Бирегъ* или *Эмбиръ*, или еще иначе—*Михмасъ*, ошастливленное пребываніемъ въ немъ Богоматери, возвращавшейся изъ Іерусалима, послѣ праздника Пасхи въ свою родину—Назаретъ. Священная исторія объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Св. Семейства передаетъ намъ слѣдующее. Каждый Іудей по достиженіи 12 лѣтняго возраста обязанъ былъ на праздникъ Пасхи приходить для поклоненія Богу въ Іерусалимъ. Іосифъ и Марія, по Своему благочестію, строго исполняли эту обязанность. Когда Іисусу Христу исполнилось двѣнадцать лѣтъ, они взяли также и Его съ собою. По окончаніи праздника, продолжавшагося обыкновенно цѣлую недѣлю, они всѣ вмѣстѣ, въ сопровожденіи многихъ родныхъ и знакомыхъ, возвращались домой. Отрокъ Іисусъ остался въ Іерусалимѣ. Родители сначала не замѣтили Его отсутствія, полагая, что Онъ идетъ впереди или позади въ кругу знакомыхъ. Но вотъ день склонился къ вечеру. Іосифъ и Марія начинаютъ искать Іисуса, и нигдѣ не находятъ. Въ сильномъ безпокойствѣ провели они ночь въ Михмасѣ (по преданію), и, съ наступленіемъ утра, поспѣшили обратно въ Іерусалимъ. Прибывши сюда уже на третій день, они входятъ въ храмъ—и каково ихъ изумленіе! Тамъ, во храмѣ, они видятъ Іисуса среди законниковъ и учителей. Увидя Его, Марія сказала: «Сынъ, что ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ отецъ Твой и я съ великою скорбію искали Тебя». «Зачѣмъ было вамъ искать Меня, отвѣчалъ Іисусъ, или вы не знали, должно быть, того, что принадлежитъ Отцу моему». Іосифъ и Марія взяли отрока Іисуса изъ Іерусалимскаго храма и привели въ Назаретъ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Св. Семейство имѣло ночлегъ, была, какъ видно, довольно архитектурная, хотя и небольшая церковь, устроенная, по преданію, царицею Еленою. Отъ нея остались теперь только однѣ развалины; впрочемъ, надъ алтаремъ сохранилась часть свода, который мы внимательно

осматривали. Въ деревенькѣ теперь не болѣе 300 душъ населенія, и жители большею частію занимаются пряжею и тканьемъ простыхъ суконъ, изъ которыхъ весь простой народъ дѣлаетъ себѣ верхніе бурнусы. Здѣсь есть нѣсколько ключей, и надъ однимъ изъ нихъ устроена магометанская часовня, по наружному виду довольно сходная съ часовнею надъ гробомъ Рахили, около Вилелеема.

Отъ Михмаса недалеко уже и до Іерусалима; чѣмъ ближе мы подвигались къ нему, тѣмъ болѣе представлялись намъ, не смотря на весеннее время, голыя скалистыя возвышенности, тѣмъ тощѣ казалась почва, тѣмъ менѣе виднѣлось жизненности въ природѣ. Вотъ перебрали мы какой-то ручей, а за нимъ, по правую сторону, на значительное пространство тянулись развалины когда-то жилыхъ построекъ, по между которыми выдѣлялось зданіе со сводами и съ четырьмя отдѣленіями или перегородами внутри, безъ передней стѣны. По разъясненіи оказалось, что это одинъ изъ уцѣлѣвшихъ самодревнѣйшихъ караванъ-сераевъ Св. Земли *). Во время Давида на этомъ мѣстѣ стоялъ городъ Номва—нынѣ Нобъ;—сюда, какъ извѣстно изъ библейской исторіи, бѣжалъ Давидъ, спасаясь, по совѣту друга своего Іонафана, отъ мести и гоненія Саула, и, взявъ у первосвященника Ахимелеха на дорогу хлѣбъ предложенія и копье Голіаѳа, бѣжалъ изъ отечества своего. Саулъ узналъ, что Давидъ былъ у первосвященника Ахимелеха, велѣлъ убить Ахимелеха и съ нимъ 85 священниковъ и истребить Номву.

Перевалившись чрезъ небольшую гору, мы увидѣли Іерусалимъ, въ первый разъ съ сѣверо-восточной стороны. Отсюда онъ имѣетъ довольно красивый видъ, и изъ-за зубчатыхъ высокихъ стѣнъ его первѣе всего бросается въ глаза, во всемъ блескѣ Арабской архитектуры, Омарова мечеть съ близъ стоящими минаре-

*) Караванъ-сераи—это постоянные дворы на Востокѣ, и представляютъ собою по большей части рядъ небольшихъ, невысокихъ и не сообщающихся между собою комнатъ, безъ передней стѣны, такъ что путники безпрепятственно могутъ видѣть другъ друга. Мебели нѣтъ. Путникъ, желающій удобства, долженъ запастись своимъ ковромъ, на которомъ можетъ располагаться по своему усмотрѣнію, т. е. сидѣть, поджавши ноги во время ѣды, или лечь, если хочетъ спать. Въ караванахъ принято за правило, что всякій заботится самъ о себѣ; самъ запасается пищею, самъ хлопочетъ о своемъ скотѣ, самъ приноситъ воду изъ сосѣдняго источника. Никто не ожидаетъ и не ищетъ посторонняго вниманія и предупредительности. Тоже самое испытывали и мы. Зато и оплачивается это убѣжище, его безопасность и та часть пола, на которой кто лежалъ, самою ничтожною суммою—паричкой (1 к.).

тами, еврейская синагога, въ наружной формѣ нашихъ церквей, съ зеленою желѣзною крышей (что рѣдкость въ Іерусалимѣ) и Храмъ Гроба Господня. Елеонская гора и Иосафатова долина видны, какъ на ладони. Но особенно красивый и привлекательный видъ имѣютъ наши «Русскія постройки», съ своими громадными въ европейскомъ вкусѣ отстроенными корпусами, пятиглавымъ Византійскимъ соборомъ и разными прилегающими къ нему зданіями и скверами.

Близъ стѣнъ Іерусалимскихъ наше малое духовное стадо раздѣлилось: я направилъ стопы свои прямо къ «Русскимъ постройкамъ» въ свою келлію, а мои спутницы—къ Дамасскимъ воротамъ, въ Греческій монастырь св. Екатерины, гдѣ они имѣютъ наемные номера. Мой неугомонный нукеръ, по мѣрѣ приближенія къ «постройкамъ» сильнѣе и чаще дергалъ за рукава рясы, требуя назойливо прощальнаго бакшиша. Когда я вошелъ въ свою келлію, солнце уже зашло, а часовая стрѣлка стояла на цифрѣ VI. Павъ предъ иконой Богоматери, я отъ всего сердца благодарилъ Ее—Благодатную, что единственно по милости Ея я удостоился благополучно совершить трудный и опасный путь на Ея святую родину, какъ мнѣ желалось. Прими, Всеблагословенная, Пречистая Госпоже Владычице Богородительнице, говорилъ я, сія честныя дары поклоненія и благодаренія, Тебѣ единѣй прикладныя, отъ мене недостойнаго раба Твоего: отъ всѣхъ родовъ избранная, всѣхъ тварей небесныхъ и земныхъ высшая являющаяся, понеже бо Тебе ради бысть Господь силъ со мною, и Тобою Сына Божія азъ познахъ, и сподобихся литургисати, и Святаго Тѣла Его и Пречистыя Крове Его причаститися на мѣстѣ Его воплощенія. Тѣмже блаженна еси въ родѣхъ родовъ, Богоблаженная, Херувимовъ свѣтлѣйши и Серафимовъ честнѣйши сущая; и нынѣ, Всепѣтая Пресвятая Богородице, не престай молящися о мнѣ недостойнѣмъ рабѣ Твоемъ, еже избавитися ми отъ всякаго совѣта лукаваго и отъ всякаго обстоянія, и сохранитися мнѣ неврежденнымъ отъ всякаго ядовитаго прилога діавольскаго, но даже до конца молитвами Твоими неосужденнаго мя соблюди: яко да Твоимъ заступленіемъ и помощію спасаемый, славу, хвалу, благодареніе и поклоненіе, за вся, въ Троицѣ единому, Богу и всѣхъ Создателю возсылаю, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Всѣ мои знакомые завидовали мнѣ, что я такъ

удачно, съ небольшимъ караваномъ, совершилъ такое необычное путешествіе, и могъ безпрепятственно молиться на всѣхъ мѣстахъ, все видѣть и рассмотреть до мельчайшихъ подробностей. Но до чего всѣ мы устали, и въ особенности я, отъ 12-ти дневной верховой ѣзды! Если бы еще намъ нужно было далѣе сейчасъ путешествовать, я оказался бы несостоятельнымъ. Отъ боли ногъ я не могъ согнуть ихъ: руки были точно искалѣченные, а пальцы, особенно на правой рукѣ, какъ бы повыкрученные: это отъ постоянного напряженія поводьевъ. Подкрѣпившись немного сухояденіемъ, я со словами—Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ—паль на жестокое и холодное ложе свое и мгновенно уснулъ до радостнаго Іерусалимскаго утра.

На другой день, утру глубоку, я поспѣшилъ ко Гробу Господню, чтобы приложиться къ тридневному Его ложу, но нашелъ двери его заключенными: паписты справляли свой какой-то праздникъ и затворились отъ схизматиковъ (Православныхъ), чтобы присутствіе ихъ не омрачало свѣтлаго торжества ихъ. Почему я зашелъ въ патриаршую кафедральную церковь св. ап. Іакова, брата Господня, устроенную на томъ честномъ мѣстѣ, гдѣ воскресшій Господь, явившись женамъ мироносицамъ, изрекъ имъ утѣшительное—«Радуйтесь», а онѣ, приступивъ, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Это мѣсто приходится какъ разъ посреди храма и осѣнено изящнымъ мраморнымъ балдахиномъ, на одной изъ горизонтальныхъ таковыхъ же досокъ котораго рельефно изображенъ сказанный священный эпизодъ. Въ этой же церкви, въ нишѣ иконостаса, вдѣлана часть каменнаго столпа, къ которому привязанъ былъ Искупитель въ дворѣ Пилата, во время бичеванія, и устроенъ придѣлъ въ честь сорока Севастійскихъ мучениковъ.

За симъ со тщаніемъ пошелъ я въ Геесиманію поклониться гробу Обрадованной и во усупеніи Своемъ насъ не оставляющей и принести дань благодаренія за Ея благодатный покровъ во время моего странствованія въ святую Ея родину. Я засталъ здѣсь обѣдню, которую совершалъ Молдаванскій монахъ, а предстоящими были большею частію Греки. Такъ какъ въ этотъ день—23 Марта—было назначено въ нашей Русской православной миссіи празднованіе Восшествія на прародительскій престолъ новаго Государя, Александра Александровича, то я поспѣшилъ сюда. Церковь наполовину

только была наполнена народомъ, по случаю ухода нашихъ поклонниковъ въ Назаретъ. Во время чтенія манифеста и эктений, многіе, и особенно отставные солдаты, плакали навзрыдъ; а всѣ вообще горячо молились къ Царю царей, чтобы Онъ, Всеблагій, послалъ нашему новому Русскому Царю все, испрашиваемое ему Св. Церковію въ молебной литіи. Послѣ многолѣтія всѣ мужчины, русско-подданные, приведены были къ присягѣ, а ихъ оказалось на лицо—двадцать душъ въ тысячной массѣ женщинъ. Въ заключеніе консулъ нашъ, поздравивъ всѣхъ присутствовавшихъ съ Всероссійскимъ праздникомъ, пригласилъ участвовавшее въ служеніи духовенство на чашку чаю и заздравный бокаль.

Въ этотъ день, когда мы стояли за вечернимъ Богослуженіемъ въ миссійской домово́й церкви св. Александры царицы, неожиданно вошелъ въ нее патріархъ Іерусалимскій Героеей и долго разсматривалъ, дѣйствительно заслуживающія вниманія, св. иконы, написанныя русскими художниками; но между множествомъ иконъ рѣзко выдѣлялся запрестольный образъ Успенія Богоматери, замѣчательно натурально сдѣланный, такъ что, стоя вблизи онаго, теряешься, не знаешь, что и дѣлать съ своими грѣшными чувствами: радоваться или плакать, молиться ли или, вперивъ взоръ свой въ Божественный ликъ Покоящейся и прильнувъ потомъ крѣпко, крѣпко къ пречистой Ея длани, лежащей у сердца, забыть всѣхъ и вся на свѣтѣ, остаться здѣсь — у ногъ Ея—до звука Архангельской трубы. Каждый день пребыванія моего въ Іерусалимѣ я по нѣсколько разъ заходилъ сюда, по цѣлымъ часамъ простаивалъ предъ ненагляднымъ образомъ и не могъ оторвать глазъ отъ него, и все-таки выходилъ неудовлетвореннымъ, съ тихою грустью, что оставляю онный: такъ велико обаяніе его на чувства зрителя!

Въ день Благовѣщенія—онный же былъ и днемъ, назначеннымъ патріархіею для празднованія Восшествія на престолъ Императора Александра Александровича,—была обѣдня въ Воскресенскомъ храмѣ при Гробѣ Господнемъ, и совершалъ ее патріархъ Героеей, съ четырьмя митрополитами, двадцатью архимандритами и многочисленнымъ сонмомъ священно-монаховъ и іереевъ, въ числѣ которыхъ былъ и азъ недостойный. На великомъ входѣ мнѣ данъ былъ для несенія ковчегъ съ частью мощей св. муч. Іуліанія. Народу разныхъ націй и вѣроисповѣданій тьмы темъ, и въ

челѣ его стоять ихъ представители въ блестящихъ мундирахъ. По окончаніи молебна, для всѣхъ служащихъ, въ палатахъ патріарха, сервированъ былъ восточный завтракъ.

Подъ похвальную субботу я пошелъ на всю ночь ко гробу Господню, для чтенія акаѳиста Богородицѣ, избавившей въ этотъ день Цареградъ отъ враговъ. Во второмъ часу ночи, на ономъ же гробѣ, я сподобился быть сослужащимъ преосвященному Григорію, при совершеніи имъ литургіи. На сей разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ посвященія во діакона одного раба, простаго поселянина. Передняя часть его головы буквально догола была выбрита,—и это для того, какъ мнѣ передавали, чтобы ничто не препятствовало проходить до раздѣленія мозговъ благодати Святаго Духа на главу посвящаемого. Предъ обѣдней, по постриженіи въ чюдіакона, архіерей раздавалъ служащимъ по пасму волосъ отъ главы ставленника, а по омовеніи рукъ своихъ и отертіи ихъ полотенцемъ, покрыть симъ послѣднимъ все его тѣло, и въ такомъ видѣ онъ стоялъ у дверей кувукліи, въ наклоненномъ положеніи, до самой минуты посвященія во діакона. Во время великаго входа съ Святыми Дарами, когда по обычаю, принятому съ древнихъ временъ у Св. Гроба, служащій іерархъ читалъ сначала разрѣшительную отъ грѣховъ молитву говѣющимъ, а потомъ и усопшимъ*), съ пере-

*) По мѣстному преданію, послѣ Вознесенія Господня, во время разрушенія Іерусалима, когда огонь охватилъ Святая Святыхъ, изъ клубовъ пламени, раздуваемыхъ и разносимыхъ вѣтромъ, слышенъ былъ голосъ Св. Ап. Іакова, брата Господня, который повелѣвалъ, чтобы съ этихъ поръ разрѣшительныя литургіи по усопшимъ на гробѣ Господнемъ совершаемы были непременно подъ предстоіищемъ Архіерея и въ теченіи всего года, съ чтеніемъ въ время перенесенія Св. Даровъ на великомъ входѣ ниже приводимой молитвы, а въ Геесиманіи и Вилеємѣ только однажды въ годъ, въ день храмовыхъ праздниковъ. Молитву эту мы съ великимъ трудомъ могли добыть, и считаемъ нравственнымъ долгомъ привести ее буквально, какъ она записана въ Греческомъ служебникѣ, ибо таковой въ нашихъ церковныхъ книгахъ не обрѣтается.

МОЛИТВА РАЗРѢШИТЕЛЬНАЯ ОБЪ УСОПШИХЪ, ЧТОМАЯ АРХІЕРЕЕМЪ НА ЛИТУРГІИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКАГО ВХОДА СЪ СВ. ДАРАМИ.

Господи Боже нашъ, Иже неизреченною Твоею мудростію создавый чело-
вѣка и отъ персти его возобразивъ въ видѣ и доброту, украсивъ яко чест-
ное и небесное стѣжаніе въ славословіи и благолѣпіи Твоея славы и царства,
за еже по образу и по подобію его привести; но понеже заповѣдь преступи
Твоего повелѣнія, приѣмъ образъ и не сохранявъ, и сего ради да не зло бу-
детъ безсмертное, челоуѣколюбно повелѣвый разрѣшенію сему и нерушимѣй
сей юзѣ, яко Богъ Отцевъ, Твоимъ Божественнымъ хотѣніемъ отсѣяиши и
разытися, души же тамъ переселитися, идѣже и еже быти приіаа есть даже до
общаго воскресенія: сего ради молимся Тебѣ безначальному Отцу и едиnorod-
ному Твоему Сыну и Пресвятому Духу, да не презриши созданія Твоего: да
не будетъ пожерто погибелю, но тѣло да разсыплется въ землю, отъ кото-
рая и сочинено есть, душа же да причтется лику избранныхъ. Ей, Господи,

численіемъ ихъ именъ, что продолжалось около часу, ставленникъ два раза чуть не упалъ отъ давившей его дремоты, что смутило и мірянъ и служащихъ. Послѣ «Тебе поемъ», когда посвящаемый, по уставу, обошедши три раза вокругъ престола, становится на колѣна на одномъ изъ переднихъ угловъ онаго и, сложивъ крестообразно руки на немъ, склоняетъ и голову для таинственнаго священнодѣйствія, ставленникъ никакъ не могъ понять этой обрядности, и своими неуключими и смѣшными ужимками привелъ въ такой соблазнъ всѣхъ, что архіерей вынужденъ былъ употребить при этомъ физическое давленіе. У насъ новопоставленный діаконъ, на той обѣднѣ, за которой онъ принималъ посвященіе, читаетъ только одну заключительную эктению, а здѣсь, кромѣ этого, онъ выноситъ къ народу Св. Чашу, послѣ приобщенія священнослужащихъ, возгласилъ: «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите» и пр. Послѣ обѣдни, которая окончилась въ три часа, за братской трапезой, названный архіерей, вспоминая о выходкахъ ставленника, смѣялся до истерики, а за нимъ и вся братія, особенно уподіаконы, присутствовавшіе при посвященіи. Солнце зашло въ этотъ день въ 6 часовъ и 15 минутъ. Вообще же въ Палестинѣ самый большій день продолжается 14 часовъ, а самый меньшій 10-ть. (Эту замѣтку я дѣлаю для лицъ, заинтересованныхъ и минутами своего пребывания во Святой Землѣ).

Поотдохнувъ въ теченіи недѣли отъ Назаретскаго вояжа, мы 30-го Марта предприняли путешествіе къ Іордану и Мертвому морю. По дорогѣ вездѣ попадались пѣшіе и конные поклонники, изъ коихъ многіе то и дѣло, что валились на землю съ осять, — и тамъ и сямъ слышались крики и взвизгиванья отъ паденія, барах-

Боже нашъ, да побѣдитъ милость Твоя безмѣрная и человеколюбіе неизсѣдованное: и аще падоша рабы Твоя сіи подъ клятву отца своего или матери своея или подъ клятву свою, или единого отъ священникъ преосторчили и отъ него пріяли клятву неразрѣшительну или въ тяжкое проклятiе или отлученіе архіерейское падоша, или за небреженіе и лѣность не сподобившася прощенія, прости имъ многгрѣшнымъ и недостойнымъ рабомъ Твоимъ и тѣлеса ихъ разрѣши въ землю, отъ нея же и взяты быша, души же ихъ вчини въ селеніяхъ Святыхъ. Ей, Господи, Боже нашъ, Иже давый власть сію Ученикомъ и Апостоламъ Твоимъ рѣшити согрѣшенія и рекъ еси: елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены и на небеси, и елика аще свяжете на земли, будутъ связаны и на небеси, явиже и намъ грѣшнымъ даровалъ сію власть, разрѣши усопшія рабы сія (имя рекъ) отъ грѣховъ ихъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и да будутъ прощени въ нынѣшній и будущій вѣкъ молитвами Пречистыя Приснодѣвы Маріи, Матере Твоея, и всѣхъ Святыхъ Твоихъ. Аминь.

танье и возня съ подъяремными и калабалыкомъ (багажемъ): картина трагико-комичная. Доѣхавъ до разрушенной гостинницы «Милосерднаго Самарянина», мы по случаю сильной жары изнемогли, почему и расположились на развалинахъ ея для отдыха. Потомъ чрезъ три часа пути приблизились къ страшной котловинѣ, на днѣ которой сильно клокотала вода. Насъ пригласили сойти съ пегасовъ и бережно спускаться по узкой разработанной тропинкѣ въ стоящій, по ту сторону названной пропасти, монастырь препод. Георгія Хозевита, память котораго празднуется церковію—8 Января. Спускъ и по проложенной искусственно тропѣ до *pes plus ultra* затруднителенъ: какъ же пробирались въ эту обитель за сотни лѣтъ назадъ? Когда завидѣлъ насъ игумень, то началъ съ усердіемъ бить въ пятифунтовый колоколъ, повѣшенный на хворостинѣ. Но намъ предстояла трудная и опасная переправа чрезъ стремительный потокъ, въ которомъ, по преданію, Іоаннъ Предтеча крестилъ многихъ: (во Енонѣ близъ Салима) *яко воды мнози бяху ту*—и *прихождаху и крещахуся* (Іоан. 3, 23 и 24). Много потовыхъ капель пало съ чела нашего въ эти воды, пока мы, ползкомъ, въ теченіи цѣлаго часа, переправлялись по перекинутой перекладинѣ на обонполь оныхъ. Здѣсь, подъ отвѣсистой скалой необычайной высоты—саженъ во сто, мы увидѣли мизерный домикъ, оказавшійся церковью, у порога которой встрѣтилъ насъ настоятель монастыря, о. Каллиникъ, и ввелъ въ оную. Боже мой, что мы узрѣли въ одной изъ процвѣтавшихъ нѣкогда, яко кринъ, лавръ св. Саввы! Совершенную мерзость запустѣнія, послѣ агарянскаго, турецкаго разоренія: замѣчательная древняя стѣнная иконопись вся истыкана копьями, въ особенности глаза, уста и ланиты у св. ликовъ; богатая половая мозаика повывырена; впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ правый клиросъ, сохранилась довольно хорошо, и о. игумень промывши его водой, далъ намъ возможность полюбоваться искусно составленнымъ изъ разноцвѣтныхъ камней деревомъ, съ сидящими на немъ, точно живыми, птичками. Церковь пребѣдная, и открыта для служенія только въ 1879 году; потолокъ въ ней камышевый и свѣтится насквозь; иконостасъ,—это ширма, обтянутая коленкоромъ, по которой и развѣшены иконы, изъ коихъ только двѣ намѣстныя—препод. Георгія Хозевита и Благовѣщенія,—написанныя на деревѣ, а прочія—бумажныя, самой низкой пробы; обязанность подсвѣчни-

ковъ выполняють два кола, воткнутыхъ въ разсѣлины камней, и къ нимъ усердствующіе лѣпять свѣчи. За симъ повели насъ къ тому пустынному мѣсту, гдѣ родитель Приснодѣвы, Св. и Праведный Іоакимъ, оплакивалъ свое безчадіе и о безчадіи поношеніе отъ ближнихъ и пламенно молился, присоединивъ къ молитвѣ и 40-дневный постъ, сказавъ въ себѣ: не возвращусь въ домъ свой, и слезы мои будутъ мнѣ вмѣсто хлѣба до тѣхъ поръ, пока Господь не услышитъ молитвы моей и не посѣтитъ меня радостію Богъ Израилевъ, разрѣшивъ мое неплодство, и гдѣ ангелъ Господень обрадовалъ его же словами: «Се жена твоя зачнетъ и родить тебѣ дочь, отъ Которой радость будетъ всему міру. И вотъ тебѣ знаменіе истины моего благовѣстія: иди въ Іерусалимъ къ церкви Господней; тамъ найдешь у златыхъ вратъ жену твою Анну». На этомъ мѣстѣ была церковь во имя Св. Богоотца, но она подверглась еще большому разоренію отъ безбожниковъ; на остаткахъ стѣнъ виднѣются священные изображенія съ выткнутыми глазами, а на полу—жалкіе послѣдкіи мозаики, мѣсто церкви наскоро ограждено грудой уцѣлѣвшихъ камней. Въ Хозевѣ теперь идутъ работы: игумень устраиваетъ для удобства богомольцевъ мостикъ чрезъ сказанный потокъ, и, гдѣ можно, келліи для братіи, которой въ настоящее время на лицо—4 души. Есть здѣсь, въ отвѣсистыхъ скалахъ, и природныя келліи-пещеры, но онѣ болѣе удобны для жилья птицамъ небеснымъ, которыя и пріютились въ нихъ въ великомъ множествѣ, въ особенности скворцы и щуры, привлекаемые сюда даровымъ обильнымъ кормомъ, подаваемымъ щедрою рукою пустынной братіи отъ крупицъ своей трапезы; впрочемъ, въ одной изъ нихъ поселился одинъ монахъ, по имени Антоній, но проникнуть въ его келлію можно не иначе, какъ только спустясь по веревкѣ. По осмотрѣ крошечной обители, игумень предложилъ намъ восточное угощеніе изъ хлѣба, раки, винныхъ ягодъ, присовокупивъ къ нему и русское—чай, который всѣ мы, сильно уставшіе и особенно изнемогшіе отъ жажды, пили съ необычайнымъ усердіемъ. Поблагодаривъ за радушіе и ласки и пожертвовавъ на бѣдную пустынь, кто что могъ, мы уже хотѣли было идти къ своимъ муликамъ, но насъ пригласили зайти въ виднѣвшуюся вдали пещеру, входъ въ которую загражденъ желѣзными дверьми и замкомъ. Пещера эта круглая, небольшая, довольно низкая и была во время оно

монастырской усыпальницей; въ нее снесены кости 4,000 отшельниковъ, избѣнныхъ въ обителяхъ св. Саввы Хозроемъ, царемъ Персидскимъ; вокругъ пещеры, на полкахъ, расположены головные черепа, числомъ до 300, а въ половыя ямы, сдѣланныя на подобіе нашихъ могильныхъ, ссыпаны остальные кости; къ нѣкоторымъ черепамъ мы прикладывались какъ къ чудотворнымъ съ молитвою: св. отцы, избѣнни въ обителяхъ св. Саввы, молитвѣ Бога о насъ!

Въ 3 часа по полудни мы спустились въ Иорданскую равнину; здѣсь сразу обдало насъ полуденнымъ варомъ, точно кипяткомъ, чего въ Иерусалимѣ въ это время года мы не испытывали. Когда мы подѣхали поближе къ деревнѣ Риххъ—библейскому Иерихону, насъ пріятно удивили двѣ группы бѣлѣвшихъ большихъ каменныхъ, довольно красивыхъ, построекъ, которыхъ здѣсь, въ прежнее мое путешествіе, не было. Оказалось, что первая, это—страннопріимные покои греческой патріархіи, а вторая—русскій, превосходный, удобный и весьма кстати устроенный пріютъ для уставшихъ путниковъ, отправляющихся на Иорданъ, съ живою ключевою водою протекающаго здѣсь Елисеева источника, роскошнымъ тѣнистымъ садомъ, содержимымъ въ великомъ порядкѣ и чистотѣ. Здѣсь мы застали такихъ же, какъ мы, пріютившимися—кого въ саду возлѣ огромнаго 10-ведернаго самовара; иныхъ отъ утомленія и боли ногъ растянувшимися всѣмъ тѣломъ на пушистой травѣ; а нѣкоторыхъ, какъ напр. московскихъ и костромскихъ комерсантовъ, въ номерахъ гостинницы, услаждающими гортань ароматическими Яфѣскими апельсинами; здѣсь же, между прочимъ людомъ, снова и турецкіе кавасы съ пиками, ангажированные русскимъ консульствомъ для сопровожденія и охраны «Московитовъ» отъ буйныхъ сыновъ Измаила въ пути къ Иордану и Мертвому морю. Греки, раньше насъ расположившіеся здѣсь для отдыха, моментально все исполнили, чтобы идти дальше для занятія впереди—въ монастырѣ Св. Іоанна Предтечи, болѣе удобнаго пріюта для ночнаго покоя, видя въ насъ, Русскихъ, какую-то помѣху для себя: такъ сильно въ нихъ чувство ненависти къ русскому имени!! Но мы еще при выѣздѣ изъ Иерусалима предположили имѣть ночлегъ въ монастырѣ преподобнаго Герасима на Иорданѣ.

Въ Иерихонѣ, этомъ когда-то знаменитомъ городѣ,—городѣ благоуханій, пальмъ, розъ и миртовъ, намъ

Въ долину́ Йордана.

пришлось отдыхать черезчуръ мало, ибо день преклонялся уже къ вечеру. Но мы все-таки успѣли рассмотреть кое-что. Въ настоящее время нѣтъ Іерихона, населеннаго, красиваго, зеленаго, цвѣтущаго, богатаго медомъ, миртой; на мѣстѣ его находится ничтожная и жалкая Арабская деревушка—Рихха, изъ нѣсколькихъ убогихъ мазанокъ, съ однимъ-другимъ десяткомъ пребѣднѣйшихъ насельниковъ; долина, на которой она расположена, глядитъ дикостію и запустѣніемъ, только изрѣдка, по надъ берегами Елисеева источника, встрѣчаются особаго рода деревья, которыя нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не попадаются на глаза,—одно изъ нихъ называется *Цаккумъ* и походитъ на наше сливное дерево, только съ иглами; изъ плода его добывается цѣлительное масло для ранъ, а изъ косточекъ дѣлаются четки, которыя и продаются богомольцамъ; другое дерево называется *Домъ*, которое приноситъ небольшіе красные плоды, употребляемые въ пищу,—это любимое лакомство Іерусалимскихъ женщинъ; третье дерево—*Ходахъ* или акриды, вѣтви его усыяны множествомъ длинныхъ иглъ, листья мелки, плоды круглые, желтаго цвѣта, формой похожи на наши малороссійскія мелкія вишневые ягоды, вкусъ въ нихъ яблочный или ананасный *); у нѣкоторыхъ Христіанъ существуетъ преданіе, что вѣнецъ Богочеловѣка былъ сплетенъ изъ этого послѣдняго дерева, и что плоды его служили пищею Іоанну Крестителю, во время покаянной его проповѣди въ Іорданской пустынѣ; другіе же утверждаютъ, что терновый вѣнецъ, возложенный воинами на Спасителя, былъ свитъ изъ перваго—*Цаккума*. Іерихонъ былъ первый городъ, чудесно завоеванный Іудеями по сую сторону Іордана. Когда Ковчегъ Завѣта, въ теченіи семи дней, каждодневно обносимъ былъ вокругъ города, стѣны и башни Іерихона, бывшія до того неприступными, съ ужаснымъ трескомъ пали сами собой, при звукѣ трубъ и восклицаній народа. Во времена Маккавеевъ въ Іерихонѣ была построена цитадель. Іерихонъ великолѣпно былъ украшенъ и обогащенъ послѣдними царями Іудейскими; они выстроили въ немъ многія прекрасныя зданія. Иродъ Великій жилъ здѣсь въ пышномъ дворцѣ (остатки

*) Я собралъ нѣсколько косточекъ изъ ягодъ этого дерева и посадилъ ихъ дома въ цвѣточныхъ вазахъ: онѣ дали прекрасныя побѣги, вышиною болѣе аршина, совершенно сходные по наружности съ Іерихонскими,—и я теперь ежечасно люблюсь ими.

котораго и теперь еще указываютъ), когда были у него волхвы, шедшіе въ Вифлеемъ на поклоненіе поворожденному младенцу Іисусу; богачи увеселялись здѣсь конскими скачками на великолѣпно устроенныхъ ристалищахъ. И хотя во время войнъ Римлянъ противъ Іудеевъ оный былъ разрушенъ, но все-таки былъ еще значительнымъ городомъ во время жизни блаженного Іеронима. Впослѣдствіи времени Іерихонъ былъ доведенъ до совершеннаго истощанія, въ которомъ находится и до дне сего.

Нѣкоторые изъ историковъ упоминаютъ объ Іерихонскихъ славныхъ розахъ, отличающихся отъ прочихъ цвѣтовъ своею неувядаемостію. Намъ не пришлось ихъ видѣть, но, по рассказамъ нашихъ проводниковъ, розы эти не походятъ на наши, а скорѣе—на бузинный цвѣтъ. Онѣ растутъ прекрасными букетами, около пяти дюймовъ вышиною отъ земли, и вначалѣ бываютъ алыми, потомъ бѣловатыми; когда вы поставите ихъ въ воду, то чрезъ пять-шесть минутъ онѣ распускаются, какъ бы не были сухи, потомъ по выпутіи изъ воды опять сжимаются и засыхаютъ *). Іерихонская роза не имѣетъ ни красоты, ни благоуханія, но отличается отъ другихъ цвѣтовъ, какъ я уже упомянулъ, своею неувядаемостію, поэтому-то св. Церковь и сравниваетъ глубокое смиреніе Пресвятой Дѣвы съ неувядаемостію Іерихонской розы.

Но вотъ виднѣется на противоположной сторонѣ Риххи не то—масличина, не то—смоковничное дерево съ сидящимъ на немъ орломъ; а въ сорока шагахъ отъ него руины какого-то зданія. Подъ живымъ впечатлѣніемъ священноисторическихъ событій, совершившихся здѣсь, мнѣ такъ и чудилось, что это—тотъ самый сикоморъ или по крайней мѣрѣ потомокъ того евангельскаго сикомора или смоковницы, которая росла близъ дороги,

*) Предъ выѣздомъ изъ Іерусалима на Аеонъ, намъ посчастливилось получить Іерихонскую розу отъ одного Арабенка, какъ презентъ за ласки. По наружному виду она походитъ на нашу Крымскій релейникъ или пч.-Малороссійскій—будякъ. На верху главнаго его ствола посажены крестообразно четыре стебли, по бокамъ которыхъ идутъ еще десятки меньшихъ стеблей, а на нихъ красуются цѣлыя сотни крошечныхъ изящныхъ бутоновъ. Каждый отдѣльный стебелекъ съ своими побѣгами образуетъ видъ кисти руки, сложеной щепотью,—почему Іерихонская роза носитъ еще и другое названіе—ручка Божіей Матери. Эта роза-ручка пользуется большимъ авторитетомъ въ кругу женщинъ. Когда родильница страдаетъ трудными родами, нужно опустить сказанную розу въ чашку съ водой, и она въ нѣсколько минутъ оживаетъ, развертывая свои сухіе дотолѣ лепестки. Воды изъ подъ розы даютъ пить страждущей,—и, о дивное дѣло! какъ она облегчаетъ и даже вовсе унижаетъ болѣзненные родильные спазмы! Факты—на моихъ глазахъ.

по коей надлежало проходить Иисусу въ городъ Иерихонъ, и на низкія сучья которой взобрался Закхей, чтобы, при своемъ маломъ ростѣ, отсюда имѣть полную возможность своими собственными глазами разглядѣть Великаго Пророка, и не только увидѣлъ Его, но и удостоился чести имѣть гостемъ славнаго Мессію, быть можетъ, въ этомъ же домѣ *), развалины котораго рябили въ моихъ глазахъ, разрѣшить съ Нимъ вечернюю трапезу, высказать свои покаянные чувства словами: *Господи! половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ и, если кою чѣмъ обидѣлъ, воздамъ четверго*—и выслушать отъ Него всерадостное для грѣшника: *нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авраама.*

Въ то же время возбужденныя чувства подсказывали мнѣ, что на томъ самомъ мѣстѣ, которое мы избрали для часоваго отдыха, сидѣлъ евангельскій слѣпецъ Вартимей, просившій при входѣ въ городъ милостыни и, вмѣстѣ съ товарищемъ по несчастію, взывавшій ко Господу, здѣ проходившему, о помилованіи и прозрѣніи и утѣшенный всемилостивымъ глаголомъ—*иди! Вѣра твоя спасла тебя*—и тутъ же, съ возвращеннымъ зрѣніемъ, началъ среди радостной толпы славить Бога.

Послѣ малаго отдыха, мы, взявъ здѣсь двухъ кавасовъ, вооруженныхъ пиками, саблями и пистолетами, направились по долинѣ Иорданской къ монастырю св. Герасима; было пять часовъ по полудни; утомленные наши мулы и ослики едва передвигали ноги, на пути нашемъ мы изрѣдка встрѣчали изсохшій тростникъ и кусты безплоднаго вереска, покрытые пылью;—аисты длинными ногами своими рыли песокъ, добывая себѣ воду; орлы и ястребы расхаживали стаями; голая, неудобная къ воздѣлыванію земля, кажется угрюмою; койгдѣ видны пески съ прокрадывающимися, едва примѣтно, въ розсыпяхъ ихъ источниками; мѣстами почва земли кажется изрытою и на ней пробивается то тамъ, то сямъ зелень посѣянныхъ злаковъ, и индѣ бѣлѣются груды песку, наносимаго вѣтромъ.

Чрезъ полтора часа, когда уже солнце сокрыло свои вечерніе лучи, мы благополучно прибыли къ древнѣйшей славной обители преп. Герасима, созданной имъ

*) И дѣйствительно, какъ я послѣ узналъ, эти развалины, носящія на себѣ характеръ Сарацинской архитектуры XII столѣтія, жителями Риххи считаются и называются домомъ Закхея. Здѣсь же разсказывается легенда, будто въ послѣдствіи Закхей былъ епископомъ Кесаріи, но она не имѣетъ подъ собою твердой почвы.

въ 5-мъ вѣкѣ по Р. Х. близъ Иордана. Повѣствуютъ, что онъ установилъ въ ней самый строгій образъ жизни. Пять дней въ недѣлю братія проводила въ совершенномъ уединеніи, каждый въ своей кельѣ, занимаясь рукодѣліемъ и не вкушая ничего, кромѣ небольшого количества хлѣба, финиковъ и воды. Въ субботу всѣ собирались въ церковь для слушанія Божественной Литургіи и для приобщенія Св. Таинъ; потомъ обѣдали за общей трапезой, и въ Воскресеніе, послѣ обѣдни, каждый возвращался въ свою келью, взявъ съ собою пищи на цѣлую недѣлю и финиковыхъ вѣтвей для плетенія корзинокъ; продажею этихъ корзинокъ содержался монастырь; но сама братія не имѣла никакой собственности, кромѣ одной одежды, рогожи, на которой спали, и каменнаго сосуда для воды. На Св. Четыредесятницу преп. Герасимъ оставлялъ ежегодно монастырь, чтобы въ уединеніи вполне предаться духовной жизни; онъ удалялся въ пустыню съ однимъ только ученикомъ и проводилъ все это время въ пламенной молитвѣ. Рассказываютъ, что св. Герасимъ кротостію своею привлекалъ къ себѣ въ пустынѣ дикихъ звѣрей. Однажды встрѣтился ему раненый левъ; онъ перевязалъ ему рану, и съ тѣхъ поръ левъ всюду слѣдовалъ за нимъ и служилъ ему, какъ домашнее животное. Когда же преподобный скончался, левъ долго скучалъ и, наконецъ, умеръ на его могилѣ. Преподобный Герасимъ дожилъ до глубокой старости и скончался, горько оплакиваемый братією, въ царствованіе Льва Великаго.

Въ настоящее время монастырь св. Герасима, за малымъ исключеніемъ, одна груда развалинъ, отъ постоянныхъ набѣговъ Бедуиновъ, ищущихъ въ обителяхъ даровой и легкой добычи; впрочемъ, она, какъ видно, недавно обнесена оградой, чрезъ узкую калитку которой, открытую собственно для насъ, выбѣжала на встрѣчу намъ стая презлѣйшихъ собакъ и съ лаемъ бросилась на насъ, что побудило самого игумена выйти и проводить насъ. О. игуменъ человекъ довольно молодой, но смиренный, добрый и чрезвычайно симпатичный. За нами ухаживали, какъ за родными. Намъ отведены были новыя, едва только отдѣланныя, келліи, принесены рогожи, финики, винныя ягоды, галеты, и вмигъ исполняемо было малѣйшее наше желаніе. За обычнымъ восточнымъ кофе о. игуменъ рассказалъ намъ, что управляемый имъ монастырь устроенъ по слѣдующему случаю. Богоматерь, послѣ бѣгства въ Египетъ съ Пред-

вѣчнымъ младенцемъ, возвращаясь назадъ въ свой родной городъ Назаретъ, остановилась для отдыха на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нашъ монастырь; но узнавъ, что въ Иудеѣ царствуетъ Архелай, убоялась идти чрезъ нее далѣе; въ этотъ-то моментъ явился Ангелъ и сказалъ, что вси *ищущи души Отрочате изомроша*. Богоматерь въпослѣдствіи заповѣдала Апостоламъ, чтобы это мѣсто обозначено было какимъ-либо памятникомъ. Было-ли что устроено здѣсь во времена Апостольскія, неизвѣстно, но подвизавшійся на берегахъ Иордана пр. Герасимъ соорудилъ тутъ обитель съ храмомъ. Судя по развалинамъ, перковь была громадная; отъ ней уцѣлѣла только одна алтарная стѣна съ частию расписнаго свода. Всѣ древнія постройки обители—одна груда мусора; впрочемъ, кой-какія службы начали приводиться въ порядокъ: такъ въ нижнемъ этажѣ одного изъ разрушенныхъ зданій, которыя, какъ видно, были или кладовой или подваломъ, устроена церковь во имя основателя обители, пр. Герасима. Въ ней царитъ ужасающая сердце бѣдность: 16-ть бумажныхъ образовъ нашей Суздальской работы, повѣшенныхъ на вбитыхъ въ землю колышкахъ, составляютъ иконостасъ; царскія врата сколочены изъ Иорданскаго хвороста, а завѣса къ нимъ надѣта на камышинку; ковчегъ для храненія запасныхъ Св. Даровъ и Агнца—деревянный, въ родѣ нашихъ точеныхъ солонокъ съ крышкой; полъ—земляной; насъ только и утѣшали здѣсь неожиданно и негаданно попавшіеся на глаза русскій слѣдованный псалмецъ и служебникъ, почему мы просили игумена позволить намъ совершить великопостныя службы. Въ часъ ночи начали немилосердно бить въ кусокъ листового желѣза къ Богослуженію, и я, къ утѣшенію своихъ сопутниковъ и братіи, отслужилъ Заутреню, Часы и молебенъ святому Герасиму.

На разсвѣтѣ, пользуясь прохладой, мы начали собираться въ путь къ Мертвому морю, до котораго отсюда 6-ть верстъ; при чемъ разсмотрѣли, что монастырь стоитъ на открытомъ мѣстѣ среди песчаныхъ бугровъ, и растительности ни внутри, ни около его—никакой.

Распростившись съ радушной братіей въ 5½ час. утра, мы скорымъ шагомъ направились къ видѣвшемуся Асфальтовому озеру, называемому Арабами *Биркетъ Луфъ*, т. е. Лотово море. На пути къ нему, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, представлялись нашимъ

глазамъ цѣлые города съ изящными зданіями, но когда мы подъѣзжали къ нимъ, то они оказывались большими курганами песку, похожими на разбитые шатры лагерь, на пирамиды изъ ружей, знаменъ и проч. Послѣ полуторачасоваго пути мы приближались уже къ берегамъ сказаннаго моря или озера. О, если бы кто посмотрѣлъ на насъ, когда мы въ глубокомъ молчаніи, съ поникшими головами, подъѣзжали къ тому мѣсту, гдѣ стояли нечестивые города, въ наказаніе за нечестіе сожженные небеснымъ огнемъ и потомъ провалившіеся, всякій подумалъ бы, что тянется погребальная процессія, ѣдущая въ долину смерти.

Вотъ и самое море; часовая стрѣлка указываетъ на цифру IX-ть. Въ прежнее мое путешествіе по Св. Землѣ, я хотя былъ здѣсь, но ничего не видѣлъ, кромѣ зеркальной поверхности водъ, такъ какъ это было въ темный полуночный часъ. Теперь же нашимъ глазамъ представилась такая картина: берега моря отъ пустыни Иорданской отлогисты, на восточную же и западную стороны его надвинулись высокія, широкія, громадныя, почти вертикальныя голыя скалы; кругомъ царитъ мертвая тишина, воздухъ какъ будто заснулъ; вездѣ чахлая, скудная растительность, свойственная дикой каменисто-песчаной пустынѣ, отсутствіе всего, носящаго на себѣ признакъ близкаго жилища человека, что дѣйствительно производитъ мертвую картину,—и море, какъ нельзя болѣе, оправдываетъ свое названіе; тамъ, гдѣ мы сдѣлали привалъ, валялось много выброшеннаго сухаго дерева. Быстрый Иорданъ, подмывая въ теченіи своемъ лѣсистые берега, уноситъ, и особенно въ полую воду, много растеній въ море, которое выбрасываетъ ихъ снова на землю.

У меня явилось сильное желаніе выкупаться, но никто изъ сопутниковъ не рѣшался послѣдовать мнѣ. Одни говорили, что въ такомъ проклятомъ морѣ грѣшно купаться, другіе же боялись за непріятныя послѣдствія отъ купанья; третьи, не умѣя плавать, страшились даже ступить ногою въ воду, чтобы не попасть въ водоворотъ. Я же моментально раздѣлся и началъ купаться;—за мной послѣдовали два молдаванина. Вода чистая, прозрачная, какъ кристаллъ, теплая, а потому располагающая подолѣе посидѣть и поныжиться въ ней; дно песчаное, но твердое, усыянное множествомъ овальныхъ разноцвѣтныхъ камешковъ, вносимыхъ сюда быстро катящимися Иорданскими струями. У меня еще

при выѣздѣ изъ дому было предположеніе, во что бы то ни стало испытать упругость или плотность водъ Мертваго моря, провѣрить: насколько справедливы сказанія ученыхъ туристовъ относительно плотности ихъ, будто бы на поверхности ихъ человѣкъ можетъ держаться или лежать, какъ дерево. Долго я не рѣшался произвести надъ собой опытъ изъ боязни, что если оный будетъ неудаченъ, я дорого заплачусь болѣзнію глазъ, ушей, головы и проч., но вотъ я бережно положилъ на воду руки, протянулъ исподоволь ноги, и къ великому моему удивленію ни голова, ни руки, ни ноги не опускались въ воду; я лежалъ на поверхности ея, безъ всякихъ искусственныхъ усилій, точно на плитѣ или на койкѣ; поднималъ вверхъ и долго держалъ въ воздухѣ оконечности рукъ и ногъ, повторялъ это нѣсколько разъ, до сорока минутъ, и чѣмъ покойнѣе я лежалъ, тѣмъ удобнѣе было для меня такое положеніе, такъ что я шутя предлагалъ стоявшимъ на берегу, подать мнѣ дорожную подушку, чтобы часикъ-другой поотдохнуть на морѣ.

Морская вода, ѣдкаго горько-соленого вкуса, чрезвычайно раздражительно дѣйствуетъ на слизистыя оболочки и царапины, но я этого послѣдняго не ощущалъ, только все тѣло оказалось покрытымъ густымъ жиромъ; въ самомъ морѣ не замѣтно никакого живаго существа. Отъ купанья я испыталъ только одно удовольствіе, тогда какъ другіе жаловались на щекотаніе всей кожи, похожее на уколы булавкою, а нѣкоторые впослѣдствіи проклинали тотъ часъ, въ который они рѣшились погрузиться въ морскія воды, отъ которыхъ чрезъ нѣсколько дней у нихъ появились на тѣлѣ жестокіе накожные нарывы *).

Полагая что каждому небезынтересно знать вѣсь и составныя части водъ Мертваго моря, я приведу

*) Одинъ изъ Палестинскихъ архіереевъ въ дружеской бесѣдѣ со мной, между прочимъ, спросилъ меня, гдѣ я на дняхъ бывалъ въ Святой Землѣ, и когда я сказалъ, что былъ на Иорданѣ, купался въ Мертвомъ морѣ, то онъ, всплеснувъ руками, проговорить: «ну, батко, жаль тебе: на что ты такъ подѣлавъ; отъ, и я тамъ купался и такихъ болячекъ (чирьевъ) набравса, що и за чотыри мѣсяцъ ихъ поганыхъ не обобрава, а у одного хамандра (архимандрита) язвыны потворились, якъ у прокажанныка; булы и такы, що все тѣло довго пухло, то тута, то тамо, коготки (ногти) посбѣгали зъ рукъ, зъ ногъ, очи гноємъ взылися и бѣда, бѣда... не добре те море, и ты чого въ не забравса?» Дѣйствительно, если кто выкупается въ этомъ морѣ, и потомъ, спустя немного, не омоется въ прѣсныхъ водахъ Иордана, то дорого заплатится за асфальтовую ванну; часто и медицина становится въ тупикъ предъ послѣдствіями оной. И я только потому избѣжалъ вреднаго дѣйствія оной, что чрезъ часъ и около часу времени купался въ священной рѣкѣ.

здѣсь данныя, добытыя учеными изслѣдователями, специалистами-химиками. Всѣ воды этого единственнаго на всемъ земномъ шарѣ озера оказались равнымъ 121,742. По разложеніи найдено въ водѣ составныхъ частей: хлористаго магнія—145,8971; кальція—31,0746; натра—78,5537; калия—6,5860; бромистаго калия—1,3741; сѣрнокислой извести—0,7012; воды—735,8133. Прибавимъ къ этому, что одна Американская морская компанія собрала и другія самыя подробныя и интересныя свѣдѣнія о Мертвомъ морѣ. Обѣхавъ Галилейское озеро, она вошла въ Иорданъ на двухъ лодкахъ, мѣдной и желѣзной, нарочно сдѣланныхъ для этой цѣли въ самой Америкѣ. По мѣрѣ приближенія къ морю, *говоритъ одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи* вѣтеръ сталъ наносить сильный вонючій запахъ. Лодки вышли въ море при довольно свѣжемъ вѣтрѣ; оно волновалось и, казалось, было покрыто бѣлымъ слоемъ соли. Наши лица и платья быстро покрылись соляными кристаллами, производившими раздражительное дѣйствіе на кожу и на глаза. Тяжело нагруженные лодки сначала не чувствовали особеннаго сопротивленія воды, но когда вѣтеръ усилился, то, казалось, не волны, а молоты били въ ихъ стѣны, и лодка мѣдная сильно пострадала отъ ѣдкой морской воды. Впродолженіи первыхъ двѣнадцати дней плаванія, мы всѣ чувствовали себя довольно сносно, за исключеніемъ лишь одного изъ насъ, но, наконецъ, явились признаки, внушившіе намъ безпокойство; всѣ мы стали походить на страдающихъ водянкою: тощіе пополнѣли, а полные стали необыкновенно толстыми; блѣдныя лица приобрѣли свѣжій цвѣтъ, а бывшія прежде свѣжими стали багровыми; малѣйшая царапинагноилась, и все тѣло многихъ изъ насъ покрылось бѣлыми прыщами, всѣ жаловались на боль отъ воды, когда она попадала на обнаженные части. Не смотря на это, мы имѣли хорошій аппетитъ и не теряли надежды на достиженіе цѣли экспедиціи. Вонючій запахъ, который мы слышали, происходилъ не отъ испареній моря, а вѣроятно, отъ теплыхъ сѣрныхъ источниковъ, бывшихъ по берегамъ его. Вокругъ насъ, продолжаетъ тотъ же морякъ, были черныя бездны и острия скалы, подернутыя прозрачнымъ туманомъ; а на 300 футахъ подъ нами лотъ касался погребенной Сиддимской долины, покрытой въ настоящее время грязью и солью. Мои товарищи не могли осилить напавшую на нихъ дремоту, заснули во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ тяжелымъ безпо-

койнымъ сномъ; я одинъ только бодрствовалъ среди товарищей моихъ, погруженныхъ въ оцѣпенѣніе; страхъ овладѣлъ мною; волосы мои встали дыбомъ и моему воображенію представлялось нѣчто ужасное въ разгорѣвшихся и вздутыхъ лицахъ моихъ спутниковъ: казалось, страшный ангелъ смерти носился надъ ними; ихъ жаркій лихорадочный сонъ былъ, въ моихъ глазахъ, его предтечею. Одни спали согнувшись, глубокимъ сномъ, и руки ихъ, лишенные по кисть кожи отъ вреднаго дѣйствія воды, безжизненно висѣли на покинутыхъ веслахъ; другіе, закинувъ голову назадъ, съ растрескавшимися въ кровь губами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, казались даже и во снѣ страдающими отъ жара и истощенія; время отъ времени они вскакивали, жадно припадали къ боченку съ водою и снова впадали въ оцѣпенѣніе... Болѣзнь постоянно мучила матросовъ, а три мѣсяца спустя, одинъ изъ моихъ товарищей скончался; всѣ другіе поправились и возвратились на родину. Самая большая глубина моря достигаетъ 200 сажень; поверхность его выше поверхности Средиземнаго моря на 400 футовъ. Замѣчательно, что Мертвое море не имѣетъ ни одного истока, между тѣмъ какъ Іорданъ вливаетъ въ него огромныя массы воды. Много придумано гипотезъ для объясненія происхожденія моря; ближе къ истинѣ тѣ изъ нихъ, которыя построены на фактахъ, взятыхъ изъ книги Бытія. Изъ нея видно, что вся почва Сиддимской долины была обильно пропитана нефтью, подземныя пещеры и резервуары были, конечно, наполнены ею; самый камень, изъ котораго воздвигнуты города, былъ проникнутъ этимъ горючимъ веществомъ. Когда гнѣвъ Божій разразился надъ отверженными городами, когда эта пропитанная горючимъ матеріаломъ почва заколебалась, грянулъ громъ, и молнія, озарившая мѣстность, ударила въ землю и воспламенила ее, судьбы нечестиваго Пентаполя совершились: всколебавшаяся почва, съ сокрушившимися городами, провалилась въ пустоты, наполненные до того времени нефтью и газами, и на мѣстѣ ея выступило море, ставшее символомъ смерти. Гумбольдтъ говоритъ, что «страшный переворотъ страны составляетъ феноменъ», неимѣющий себѣ подобнаго на земномъ шарѣ. Согласно библейскимъ сказаніямъ, во время этой катастрофы погибли пять городовъ: Содомъ, Гоморра, Адама, Севоимъ и Сигоръ. Помянутый американецъ такъ заключаетъ свой рассказъ: мы прибыли къ Мертвому морю

съ мнѣніями весьма разнообразными: кто сомнѣвался, кто прямо говорилъ, что не вѣрить разсказу Моисея. Послѣ двадцати двухъ дней тщательныхъ изслѣдованій, мы единодушно убѣдились въ истинѣ библейскаго разсказа: мы думаемъ, что все сказанное въ Библии относительно этого моря совершенно подтверждено нашими наблюденіями.

Мнѣ хотѣлось подольше понѣжиться въ пріятно ласкавшихъ тѣло водахъ ядовитаго моря, но мои спутники то и дѣло, что понуждали меня одѣваться. Набравъ въ припасенную нарочито бутылку морской воды для домашнихъ опытовъ надъ ней *), мы воспріали отсюда путь къ Іордану, — до мѣста, гдѣ, по преданію, крестился Искупитель міра.

Невеселыя думы засѣли въ мою голову при отъѣздѣ отъ мѣста осязательнаго гнѣва и проклятія Божія за крайне развратную, любодѣйную жизнь древнихъ ея насельниковъ... Но они были полуязычники, а мы, называемся христіанами, да еще православными, а что творится у насъ — срамно есть и глаголати... Распутство время отъ времени все болѣе и болѣе распространяется; жизнь любострастная, къ несчастію, составляетъ для многихъ заурядное удовольствіе; большинство теперь смотритъ на блудъ не какъ на порокъ, возбуждающій омерзѣніе, а какъ на дѣло терпимое, почти обыкновенное, естественное. Отцы часто сквозь пальцы смотрятъ за поведеніемъ своихъ сыновей, — не удерживаютъ ихъ всѣми мѣрами отъ порочной жизни; много есть и матерей, мало заботящихся объ ограниченіи свободной жизни дочерей своихъ. Сходки въ ночное время юношей и дѣвъ что иное представляютъ, какъ не мѣсто нравственнаго растлѣнія, потери совѣсти, стыда, а часто и самаго дѣвства. Слѣдствіемъ такой, никѣмъ и ничѣмъ не ограничиваемой, свободной жизни бываетъ то, что многіе изъ юношей надолго пренебрегаютъ законнымъ бракомъ и женятся уже тогда, когда всѣ чувства, потребныя для тихой супружеской жизни, ими притуплены, когда здоровье и силы тѣлесныя излиты съ любодѣйцами; иные же и вовсе не вступаютъ въ бракъ, находя въ жизни безпутной болѣе наслажденія и удо-

*) И теперь еще, почти въ цѣлости, хранится у меня вода Мертваго моря; я опускалъ въ нее маленькихъ рыбъ и онѣ моментально умирали. Хотѣлъ было въ какой-нибудь лабораторіи сдѣлать анализъ ихъ, но не удалось; предлагалъ знакомымъ взять хоть каплю на языкъ, чтобы опробовать ея вкусъ, но всѣ откешиваются отъ нея, какъ отъ дьяволицыны.

вольствія... И это люди, это христіане дѣлаютъ то, что и скоты безсловесные не творятъ! И эти люди не чувствуютъ обличеній совѣсти, не боятся и прещеній Церкви... Несчастные! Привести бы васъ сюда! Быть можетъ, гибельныя послѣдствія любодѣйной жизни вашихъ предковъ, представляющіяся здѣсь во всей ужасающей наготѣ, заставили бы васъ содрогнуться... попризадуматься и надъ своей крайней развращенностію; быть можетъ, вы хоть отсюда вынесли бы спасительный урокъ для будущности; быть можетъ, видѣнные на яву грозныя слѣды страшнаго гнѣва Божія побудили бы васъ хранить чистоту тѣлесную и удерживаться отъ любострастія!

Такъ я говорилъ самъ съ собой, не замѣчая, что мы уже тянемся вдоль береговъ Іордана, который при впаденіи въ Мертвое море расширяетъ свое русло и дѣлается немного шире; извилистые берега рѣки по мѣстамъ топки и покрыты тростникомъ, а индѣ песчаны. По мѣрѣ удаленія нашего отъ соленыхъ водъ, ландшафтъ береговъ священной рѣки прогрессивно возрасталъ и невольно влекъ къ себѣ нашъ взоръ и волновалъ душу. Роскошная весенняя флора поражала не столько разнообразіемъ, сколько свѣжестью вида и запаха прибрежныхъ растений и цвѣтовъ, разбросанныхъ по зеленой канѣ луговины; пѣніе засѣвшаго въ нихъ миллионнаго хора разнаго рода пѣвчихъ птичекъ, котораго, признаться, мы не слыхали за все время нашего странствованія по Самаріи, Галилеѣ и Іудеѣ, до того обаевало наши уснувшія было чувства, что мы не знали, что съ собой дѣлать: любоваться ли прелестною зеленью, вдыхать ли въ себя благовонный, освѣжительный ароматъ плѣнительныхъ цвѣтовъ; смотрѣть ли на быстро катящіяся Іорданскія струи, съ которыхъ никогда бы не отводилъ глазъ, при благоговѣйномъ воспоминаніи о Крестившемся въ нихъ; слушать ли хвалебный гимнъ Божьихъ птичекъ Верховному Освятителю сихъ водъ и самому присоединиться къ дружному хору ихъ, или припасть грѣшнымъ челомъ къ пустынной тропѣ, по которой, быть можетъ, шествовалъ и Искушитель міра къ Іордану, для омытія грѣховъ всего міра, и шептать покайныя молитвы?!...

Но вотъ мы дошли до того мѣста, гдѣ обыкновенно останавливаются караваны богомольцевъ и гдѣ, по преданію, принялъ крещеніе Іисусъ Христосъ; здѣсь же и мы сошли съ своихъ муловъ; съ полною вѣрою

и смиреніемъ я палъ на землю и, воображая бывшее здѣсь нѣкогда явленіе Пресвятой, Преславной и Пресущной Троицы, сдѣлалъ три земныхъ поклона; спутники мои такъ же молились. На утомленныхъ лицахъ ихъ, и сквозь пыль и потъ, видѣнъ былъ отблескъ неподдѣльной радости, что столь желательное путешествіе окончилось, и дѣль его, не смотря на пайки рыщущихъ разбойниковъ-бедуиновъ, достигнута благополучно.

Географическое положеніе занятаго нами мѣста было замѣчательно, и имѣло особенность вовсе не случайную. Береговая гряда плотно сдѣланныхъ всякаго рода кустарниковъ и крупныхъ многовѣтвистыхъ деревьевъ—здѣсь прерывалась, образуя береговую прогалину саженъ на десять. Причина этого интервала заключалась частію въ положеніи берега, который за нѣсколько саженъ до рѣки понижался и образовалъ родъ небольшой балки или рытвины, постепенно расширявшейся и углублявшейся, такъ что при самой водѣ она доходила почти до уровня рѣки,—а частію въ каменисто-глинистомъ грунтѣ его. Такая постепенная пологость довольно узкой и сухой рытвины дѣлаетъ спускъ въ этомъ мѣстѣ или сходъ къ рѣкѣ очень удобнымъ, а самое мѣсто почти единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, наилучшимъ для купанья на всемъ пространствѣ рѣки, отсель до самого моря. На противоположной сторонѣ берегъ такъ же низокъ, но тамъ онъ покрытъ былъ деревьями безъ прогалинъ и зеленью до самой воды. На нашемъ берегу, по ту и другую сторону прогалины, насъ до чрезвычайности плѣняло богатство всякой растительности и изящная ея пестрота; но меня болѣе всего занимали олеандры: красномаковые, съ алымъ отливомъ и бѣловатыми струйками, цвѣты, коими они такъ густо покрыты были и которые я въ первый разъ видѣлъ въ такомъ множествѣ на природной почвѣ и подъ открытымъ небомъ, казались ни съ чѣмъ несравнимыми. Безцвѣтные тамарины и громадныя ивы, съ плющевою повивкою, выступали передъ ними, какъ великаны, на самую окраину рѣки, какъ бы въ видахъ заслонить ихъ своими косматыми вѣтвями, спускавшимися до самой воды. Это сочетаніе, это соревнованіе высокаго съ изящнымъ, перемѣшиваясь, на значительномъ пространствѣ берега, со множествомъ другихъ деревьевъ разныхъ высотъ, объемовъ и названій, съ проглядывавшимъ изъ-за нихъ махровымъ пурпу-

ромъ олеандровъ, напоминало что-то допотопное и вмѣстѣ умиляло высокое настроеніе духа.

Находясь на мѣстѣ крещенія Спасителя, мы видѣли предъ собою на востокъ гору Нававъ или Нево, съ которой Богъ показалъ Моисею Обѣтованную землю, со всѣми плодоносными полями, рѣками и высокими горами ея; она же была свидѣтельница послѣднихъ минутъ жизни Богодухновеннаго писателя и законодателя.

Поотдохнувши немного отъ томившей жары, я предложилъ моимъ спутникамъ помолиться вмѣстѣ со мной въ знаменательномъ мѣстѣ;—въ это же время подъѣхали къ намъ англичане-туристы. Мигомъ всѣ собрались: кто захватилъ новыя, нарочито приготовленные рубахи, кто свѣчи, кто посуду для воды. Возложивъ на себя эпитрахиль, я началъ подъ тѣнью развѣсистыхъ и густыхъ цакумовъ, ивъ и олеандровъ обычное великое освященіе воды святыхъ Богоявленій, — освященіе, обычное по своему обряду, но необычное по мѣстной обстановкѣ и, конечно, единственное въ жизни каждаго изъ насъ тутъ бывшихъ.

Нужно ли говорить, что я рѣдко гдѣ читалъ и пѣлъ съ такимъ чувствомъ и выраженіемъ, какъ здѣсь, въ описываемую минуту; нигдѣ и никогда такъ не поражалъ меня внутренній смыслъ и значеніе совершаемаго священнодѣйствія, какъ здѣсь, въ этомъ необъятномъ храмѣ Богоявленія, при ярко блещущемъ свѣтѣ міровой лампы, и подъ сводомъ тѣхъ самыхъ небесъ, которыя разверзались нѣкогда надъ Божественнымъ Законоположителемъ нашей вѣры, — небесъ, съ которыхъ сходилъ Духъ Божій и отъ которыхъ слышенъ былъ голосъ Бога Отца. Всѣ молившіеся со мною видимо находились подъ особеннымъ напряженнымъ настроеніемъ духа и всѣ, какъ одинъ, стояли на колѣнахъ, даже гордый англезъ (англичане), и тѣ, увлекшись общимъ движеніемъ «москвитовъ», сняли свои конусообразныя шляпы и пристально всматривались и замѣчали каждый священный актъ... Минута торжественная, картина трогательная! Когда же дошло до погруженія креста, о, съ какимъ сердечнымъ участіемъ и радостію всѣ мы, какъ бы единымъ сердцемъ и усты, воспѣли: *«Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи!»*

Что во мнѣ происходило, что я думалъ и чувствовалъ въ этотъ моментъ, — я не въ силахъ передать на бумагѣ. Мнѣ чудилось, что такъ погружалъ въ сихъ

самыхъ струяхъ великій пророкъ, проповѣдникъ и Предтеча, Святыхъ Святѣйшаго, какъ я погружаю въ нихъ держимый крестъ. При этой мысли я волновался, я умилялся, руки дрожали, голосъ прерывался, слезы текли по ланитамъ... Боже, Боже, какъ на душѣ моей было легко и сладко! Подобная минута, если и можетъ повториться, то развѣ тамъ только, гдѣ мириады блаженныхъ духовъ зрятъ неизреченную красоту Свѣта Трѣипостаснаго и возносятъ вѣчно-хвалебное аллилуя! Осѣнивъ всѣхъ крестомъ и окропивъ себя изъ самого Иордана, мы испили и священныхъ водъ его и омыли ими свои лица и головы.

По окончаніи обряда освященія, я еще совершалъ молебную литію ко Господу Искупителю, послѣ которой, склонивъ голову надъ водами, въ которыхъ готовился омыться, и положиа руку на сердце, сокрушенное раскаяніемъ, изъ глубины души изрекъ слѣдующіе молитвенные глаголы: Боже всемогущій, премилостивый и человеколюбивый! Съ смиреннымъ и покорнымъ сердцемъ я пришелъ изъ далекаго Сѣвера сюда, гдѣ крестился Сынъ Твой, а мой Спаситель; прежде всего, отъ всей души благодарю Тебя, что Ты сподобилъ меня, одного изъ первыхъ грѣшниковъ, сея благодати—лицезрѣнія сей таинственной бани пакибытія и оставленія грѣховъ; я помню клятвы, данныя мною при крещеніи, но я, окаянный, не выполнилъ ихъ; о, дай мнѣ, Всесильный, силу, творить благое предъ Тобою, а я совершенно предаюсь Тебѣ, Боже мой! Общаюсь любить Тебя и служить Тебѣ до послѣдняго моего издыханія.

Съ окончаніемъ священнодѣйствія всѣ устремились въ воду, но купаться въ рѣкѣ было опасно, потому что она черезчуръ переполнена была по случаю весенняго разлива; изъ боязни потонуть, большинство барахталось возлѣ берега, выдѣлывая разные эволюціи, надъ которыми усердно подсмѣивался англезъ (англичане), ограничившійся только осмотромъ Иорданской мѣстности и, захвативъ на память береговой зелени и десятокъ-другой бутоновъ олеандра, быстро удалившійся на своихъ скакунахъ въ Іерусалимъ.

Долго я искалъ, гдѣ бы поудобнѣе омыться, и нашелъ уютное мѣстечко подъ огромною ивою, вѣтви которой спускались въ самую рѣку; ухватившись за нихъ, я долго бороздилъ по быстро катившимся волнамъ ея, пока совершенно смылъ разные соли и ятръ, пристав-

шія къ моему тѣлу отъ купанья въ Мертвомъ морѣ, моля при этомъ возлюбленнаго Сына Божія, да очиститъ Онъ, Всеблагій, и всѣ мои нечистоты душевныя, которыми я загрязнился отъ дней юности *).

Сколько ни обильны здѣсь утѣшенія духовныя, но они были живительны и питательны только для духа,

Устья Іордана.

и хотя нашъ духъ виталь превыше земнаго, но немощная плоть напоминала въ свою очередь, что и она

*) Греки пьютъ Іорданской воды, сколько можетъ вмѣстить ихъ желудокъ. Омывъ тѣло, думаютъ, что омыли и душу; по ихъ мнѣнію, рѣка уноситъ съ собою всѣ нечистоты, — и для каждаго пилигрима, когда онъ выходитъ изъ Іордана, отворены уже небесныя врата.

нуждается въ присущихъ ей утѣшеніяхъ матеріальныхъ. И вотъ, откликаясь на ея зовъ, мы налили самоваръ священной водой, и затѣмъ, во славу Божию, подкрѣпились, кто питіемъ, довольствуясь однимъ чаемъ съ хлѣбомъ, кто однимъ ястіемъ ржаныхъ сухариковъ.

Что касается до самаго Иордана, то и теперь о немъ можно повторить тоже, что говорено было путешественниками во всѣ времена и лично мною въ описаніи первого моего путешествія.

По примѣру всѣхъ пилигримовъ, которые, посѣтивъ уединенный Иорданъ, запасались водою его, чтобы принести въ свою родину, и я наполнилъ нарочито припасенный сосудъ водою изъ Иордана, и бросилъ въ свой дорожный мѣшокъ десятка три камешковъ, поднятыхъ со дна Иордана, чтобы отнести домой и подѣлиться первою и послѣдними съ добрыми людьми, менѣе меня счастливыми. О, почему я не могу унести съ собою и святаго вдохновенія, которымъ теперь такъ преисполнена моя душа! О, какъ бы желалось привить къ себѣ хотя нѣкую частицу той святости и чистоты ума и сердца, какую имѣлъ Чистѣйшій и Святѣйшій изъ Сыновъ человѣческихъ, омывшійся въ водахъ Иорданскихъ!

Подкрѣпивъ силы, оставалось воздать снова хвалу, поклоненіе и благодареніе Единосущной и Нераздѣльной Троицѣ, и особенно Тому, Кто, Единъ сый Святыя Троицы, явился нѣкогда здѣсь *вселенный*, какъ *свѣтъ присносущный*, и знаменовалъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него блаженнымъ свѣтомъ истиннаго богоразумія. Сдѣлано и это, и затѣмъ всѣ мы *воспѣвши* пустились въ путь.

Мнѣ стало грустно, когда мы тронулись съ мѣста. Моментально проявившееся чувство тоски, ежесекундно возраставшее, тѣснило мнѣ грудь и нудило вспать. Оборотившись, я остановился и впивался глазами въ оставляемые предметы. Я понималъ, что это уже послѣдній взглядъ и на рѣку Божию, и на мѣсто святое. Наконецъ, облегчивъ грудь глубокимъ вздохомъ, я перекрестился, повернулъ мула и, еще взглянувъ на рѣку благодатную, сказалъ: прости, Иорданъ; прости, рѣка Божія, рѣка святая! Прости, рѣка дивная, рѣка таинственная, рѣка, принявшая въ себя и потопившая въ волнахъ грѣхи всего міра... и мои!...

Когда мы простились съ Иорданомъ, было 12 часовъ дня, и въ воздухѣ царилъ мертвая тишина. Съ поник-

нутыми главами мы медленно тянулись къ монастырю св. Іоанна Предтечи, куда и прибыли чрезъ полчаса. По преданію, монастырь этотъ, построенный въ незапамятное время, стоитъ противъ того мѣста Іордана, гдѣ благоизволилъ креститься Господь, и такимъ образомъ служить живымъ памятникомъ священнаго событія до дне сего. Названная обитель, какъ и пр. Герасима, кромѣ общей судьбы, постигшей во время оно всѣ почти монастыри Палестинскіе, подвергалась въ послѣдствіи частымъ нападеніямъ, грабежамъ и разоренію отъ Бедуиновъ. Теперь же эти монастыри болѣе или менѣе благоустроены: здѣсь просторная церковь, съ новымъ изящнымъ иконостасомъ, помѣщеніе для богомольцевъ и нѣсколько келлій для монашествующихъ, но еще многого и многого ей недостаетъ; братіи—всего три человѣка, изъ коихъ одинъ, игумень—простой монахъ, другой—іеромонахъ, а третій—послушникъ; но руинъ—цѣлыя горы, изъ чего можно заключить, что обитель эта нѣкогда процвѣтала и зданіями и многолюдствомъ. Привѣтливый игумень провелъ насъ сначала въ церковь, гдѣ мы отслужили молебенъ Святой Троицѣ и Крестителю Господню Іоанну Предтечѣ, послѣ чего приглашены были въ фондарики (пріемная комната), недавно возстановленный изъ развалинъ, и угощаемы—виномъ и винными ягодами. Монастырь окружаетъ бесплодная пустыня.

Чрезъ десять минутъ, съ молитвою на устахъ къ Великому Пророку, мы оставили приснопамятную обитель его и направили стопы наши на «Гору Испышенія», или *Сорокадневную*, вдоль по теченію быстрого источника *Емиссева*. Намъ, во что бы то ни стало, хотѣлось видѣть начало этого библейскаго студенца, горькія, негодныя воды котораго, силою молитвы человѣка Божія, превращены въ годныя—сладкія; но наши проводники—арабы сильно противились удовлетворенію нашего невиннаго любопытства,—и только всемогущій восточный бакшишъ побѣдилъ ихъ упрямство. За лишній трудъ мы достаточно были вознаграждены пріятностію пути: на протяженіи трехъ верстъ по теченію источника и до самаго мѣста истока его тянулись ряды прекрасныхъ садовъ, защищавшихъ насъ отъ жгучихъ полуденныхъ лучей, а бархатная зелень прибрежныхъ луговинъ съ міриадами пробивающихся сквозь нее бѣлыхъ, синихъ и пунцовыхъ цвѣточковъ необыкновенно радовали и услаждали

одно изъ пяти человѣческихъ чувствъ. По мѣрѣ приближенія къ самому устью, вода идетъ обильнѣе и сильнѣе, и съ такимъ шумомъ, какой слышится отъ движенія колесъ на водяныхъ мельницахъ. Вотъ мы и у самаго начала чуднаго источника: его осѣняетъ роскошное акридное дерево, а изъ подошвы превысокой горы въ двухъ или трехъ мѣстахъ широкой ямины вода пробивается съ такой силой и ревомъ, какъ бы ее оттуда гнали давленіемъ паровой машины,—и въ такой массѣ, что, отступя ниже шаговъ на 40, можно строить мельницу. Видомъ и вкусомъ эта вода превосходитъ воды всѣхъ уголковъ Палестины; нигдѣ намъ не случалось пить такой прохладной и мягкой воды, удовлетворяющей самому прихотливому вкусу; хотѣлось было покупаться въ этомъ резервуарѣ, но не удалось: дерзкая рука мусульманскаго фанатизма могла побить насъ.

Довольные видѣннымъ и испытаннымъ, мы отсюда поплелись уже пѣшкомъ до той горы, на которой, по преданію, не изъ древнихъ, а относящемся ко временамъ крестовыхъ походовъ, происходило событіе искушенія Богочеловѣка діаволомъ, и гдѣ Онъ сорокъ дней постился и молился, почему и названа—Сорокадневною или, выражаясь мѣстнымъ нарѣчіемъ—*Карантаніею*. Она стоитъ къ сѣверо-востоку отъ Іерихона, разстояніемъ отъ него около 10 верстъ, а отъ Елисеева источника—около двухъ, чрезвычайно высока, и конусообразная вершина ея рѣзко выдѣляется въ линіи другихъ смежныхъ горъ. Обнаженная отъ всякой растительности, она возстаетъ стремниною на выжженной солнцемъ, пустынной площади и представляетъ рѣзкій контрастъ съ дивною горою Блаженствъ. Воображеніе крестоносцевъ приняло Карантанію за притонъ сатанинскій,—за такое мѣсто, гдѣ, по народному выраженію, живутъ совы и совершаютъ свои пляски демоны.

Сдѣлавши около ста шаговъ выше отъ подошвы горы, мы увидѣли, что ходъ на нее, или вѣрнѣе—къ находящемуся на половинѣ ея монастырю, раздѣланъ ломаными линіями, по мѣловатому грунту. И чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ труднѣе и опаснѣе становилась дорога. Но вотъ далѣе вертикальный уступъ въ видѣ отвѣсистой стѣны сажень 60 въ вышину, и по нему искусственно проложена неимоверными усиліями братіи—тропа въ 1½ ар. ширины, скорѣе похожая на выдѣланный на высокомъ и громадномъ зданіи боко-

вой горизонтальный известковый карнизъ. Со страхомъ и трепетомъ ползли мы по нему около часу и истомились до кроваваго пота. Чтобы усладить трудный путь восхожденія нашего, братія монастыря салютовала намъ все время неумолкаемымъ колокольнымъ звономъ,—и, когда мы добрались до воздушнаго обиталища ихъ, предъ нами гостепріимно распахнулись двери фондарика, столъ котораго изобильно и весьма кстати уставленъ былъ восточными съѣстными продуктами, за который, немедля, насъ и усадили, и мы за онымъ получили велие утѣшеніе, въ возмездіе за понесенный тяжкій трудъ. Было три часа по полудни. Такъ какъ до вечерни оставалось еще довольно свободнаго времени, то мои сопутники возжелали побывать на самой вершинѣ горы, къ нимъ, было, присоединился и я; но монахи отсовѣтовали въ виду неописуемой трудности восхожденія на нее и предстоявшаго мнѣ служенія. И дѣйствительно, по рассказамъ возвратившихся чрезъ часъ соглядатаевъ горы,—одни изъ нихъ, хватаясь за камни, лишились ногтей, другіе—потерли до крови бока, третьи—показывали пробоины на головѣ отъ паденія, всѣ же—охали и стонали отъ боли во всемъ организмѣ и завидовали мнѣ, что я избралъ благую часть возлежанія въ лонѣ непривѣтливой горы.

Въ 6 часовъ вечера насъ ввели въ просторную пещеру, въ которой устроенъ въ видѣ спальной ширмы миниатюрный иконостасъ, на подобіе видѣннаго нами въ монастырѣ св. Герасима. Бѣдность во всемъ поразительная. Какъ видно, здѣсь издревле была церковь; ибо на сводѣ, за престоломъ, виднѣлись священные алфрейныя изображенія, но какія именно, нельзя было разобрать, такъ какъ не только глаза, уста и ланиты, но и руки и ноги на ликахъ истыканы штыками безбожныхъ Агарянъ. Здѣсь я служилъ вечерню, послѣ которой игуменъ повелъ меня вверхъ по сходамъ, въ другую смежную боковую пещеру: она гораздо меньше первой, и до послѣдняго времени находилась въ запустѣніи,—въ ней ютились птицы небесныя, и только съ небольшимъ годъ, какъ передняя восточная открытая сторона ея наглухо задѣлана и въ ней устроено окно, на задней же—сѣверной, съ уступомъ, за которымъ указываютъ мѣсто молитвы Верховнаго Молитвенника, печатлѣется едва замѣтный свящ. ликъ, изъ чего нельзя не заключить, что и это мѣсто было

храмомъ молитвы св. отшельниковъ. На одномъ изъ высунувшихся камней рельефно высѣченъ Спаситель, отъ Котораго стремглавъ летитъ сатана. Въ этой пещерѣ устроенъ престолъ въ честь искушаемаго Господа, который престолъ, какъ и жертвенникъ, высѣченъ въ известковомъ грунтѣ; на послѣднемъ я читалъ правило, готовясь служить Преждеосвященную Литургію; иконостаса нѣтъ.

Послѣ утомительнаго вояжа немощная плоть требовала достаточнаго отдыха, а потому, тотчасъ по окончаніи вечерни, я и предался ему. Хотѣлось попокойнѣе и покрѣпче уснуть, но ночные враги сна снова заставили меня трудиться: то и дѣло метаться на холодной и жесткой каменной постели.

Во второмъ часу ночи звонъ трехъ колоколовъ разбудилъ насъ къ заутрени, за которою непосредственно я началъ Часы и Преждеосвященную Обѣдню, а предъ этимъ просилъ здѣшняго іеромонаха принять мою исповѣдь; но онъ объяснилъ мнѣ, что священниковъ онъ не можетъ исповѣдывать: у насъ іереи ходятъ на духъ только къ архіереямъ, а нето къ архимандритамъ. Достоинно замѣчанія, что этотъ же самый іеромонахъ прислуживалъ мнѣ при служеніи, какъ-то: раздувалъ огонь, подавалъ кадило, ходилъ со свѣчей, подогрѣвалъ и подавалъ теплоту и т. п.

Находясь на мѣстѣ искушенія, подвиговъ поста и молитвы Искупителя, я счелъ долгомъ прочесть за Литургіей и соответственное происходившему на немъ событію Евангеліе, которое даетъ каждому Христіанину немаловажные, спасительные уроки, подтвержденные великимъ примѣромъ. *Если Ты—Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сии сдѣлались хлѣбами*, такъ началъ свое дѣло искушитель (Лук. 4, 3). Господь отвѣтствовалъ: *написано: не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ*. Это первый урокъ. Мы, говорилъ я своимъ спутникамъ, этими словами нашего Господа поучаемся, что человекъ не долженъ руководиться требованіями только общей съ животными природы, считая ихъ единственною поддержкою и удовольствіями жизни; мы не принадлежимъ самимъ себѣ и не можемъ дѣлать всего, что захотимъ, съ тѣмъ, что считаемъ даже своею собственностію; у человека существуютъ болѣе высокія правила жизни, чѣмъ бранный его составъ и его матеріальная поддержка. Кто воображаетъ, что живетъ

однимъ хлѣбомъ, кто ставить хлѣбъ главною цѣлію жизни, обладаніе имъ высшею цѣнностію, тотъ, не стараясь снискать для себя божественной пищи, погибнетъ съ голоду среди изобилія. Но кто знаетъ, что человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ, тотъ будетъ вѣрить, что, исполняя только свой долгъ, получить все необходимое для поддержанія тѣла, которое Богъ сотворилъ; тотъ усиленно будетъ искать хлѣба небеснаго и той живой воды, пившій которую не возжаждетъ во вѣки. *Потомъ беретъ Его диаволъ во святыи городъ, говоритъ Евангелистъ, и поставляетъ Его на крыль храма и говоритъ Ему: если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ, ибо написано: ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею.* На это былъ спокойный и простой отвѣтъ Господа: *написано также: не искушай Господа твоего.* Это второй урокъ. Изъ сихъ словъ Спасителя вытекаетъ, что человѣкъ не долженъ дерзать на все, подвергать силу и власть Божію испытанію для своего въ нихъ удостовѣренія. Если ты идешь путемъ долга, возложи на Господа все твое упованіе, но не слушай диавольскаго нашептыванья: «сдѣлай вотъ это — и ты будешь, какъ Богъ», не позволяй ничего капризнаго и прихотливаго въ твоихъ просьбахъ къ Богу о помощи, и *ты будешь сохраненъ во всѣхъ путяхъ твоихъ.* Никакое сильное искушеніе не обуславливаетъ необходимости совершенія грѣха. Господь указываетъ пути для его избѣжанія. Наконецъ, искушитель обращается къ послѣдней слабости человѣческой природы. Съ высокой горы, въ лонѣ которой мы теперь находимся, онъ показываетъ Иисусу *всѣ царства міра и славу ихъ* и говоритъ Ему: *все это дамъ Тебѣ, если падши, поклонишься мнѣ.* *Отойди отъ Меня, сатана,* сказалъ Господь, *ибо написано: Господу Богу Твоему поклоняйся и Ему одному служи.* Вотъ и еще урокъ весьма нелишній и полезный для каждаго изъ насъ! И Христіанинъ, исполненный вѣры, взирая на Начальника и Совершителя нашей вѣры, Иисуса, при всѣхъ диавольскихъ наводненіяхъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, можетъ и долженъ смѣло повторить отвѣтъ Христа, сказавъ: *именемъ Господа моего повѣлваю:—стойди отъ меня, сатана!* И стойдетъ отъ него нечистый, и приступитъ къ нему Ангелъ его Хранитель, и станетъ служить ему, какъ служили и служатъ всѣ небесныя силы Богу-Саваоу.

По окончаніи обѣдни, упомянутый іеромонахъ,

возложивъ на себя епитрахиль, освящалъ воду, по случаю 1-го Апрѣля, (у грековъ каждого перваго числа бываетъ освященіе воды), погружая крестъ вмѣстѣ съ васильками, и потомъ окроплялъ народъ. Такъ какъ Литургія окончилась въ 2 часа ночи, то мы прилетгли уснуть; и съ разсвѣтомъ, съ горы прямо направились къ Елисееву источнику, и здѣсь я отслужилъ молебень чудному Пророку Божію, которому дана свыше благодать, недуги отгоняти и прокаженные очищати (изъ тропаря Пророку), прося его подать и мнѣ даръ исцѣленія отъ моей болѣзни кропленіемъ и причащеніемъ св. воды.

Я забылъ еще сказать, что ниже пещеры, гдѣ постился и молился Спаситель, есть еще и другая,—въ которой устроенъ храмъ въ честь св. пророка Іліи. По преданію, въ ней обиталъ нѣкоторое время сей пророкъ, когда, по его предсказанію, трехлѣтній голодъ постигъ Израильскую землю.

Въ 7 часовъ утра, послѣ легкаго завтрака и по прочтеніи стиха изъ В. канона св. Андрея Критскаго: «Христосъ искушапшеся, діаволъ искушаше, показуя каменіе, да хлѣбы будутъ: на гору возведе видѣти вся царствія міра во мгновеніи: убойся, о душе! ловленія, трезвися, молися на всякій часъ Богу», мы оставили приснопамятную священную гору и чудный кладенецъ, и въ недалекомъ отъ развалинъ Іерихонскихъ пробирались по скатамъ цѣпи горъ на дорогу, ведущую въ Іерусалимъ. На этомъ пути намъ нужно было переѣзжать Енонскій потокъ, который необыкновенно быстро катитъ свои струи въ Іорданъ. Проводники рассказывали, что за годъ предъ симъ, въ полуку воду, названный источникъ унесъ въ невѣдомыя страны трехъ туристовъ изъ нѣмцевъ, которые, положась на силу и ловкость арабскихъ лошадей и свое искусство въ ѣздѣ, рискнули ѣхать чрезъ него. На крутомъ берегу его я хотѣлъ было остановиться, чтобы выбрать поудобнѣе тропу для спуска, но мой мулъ, сильно хотѣвшій пить, сразу бросился въ воду. Благодаря подскочившему арабу, я отдѣлался только однимъ испугомъ.

Чрезъ три часа, благодаря пасмурной погодѣ и сѣверному прохладному вѣтру, мы доѣхали до развалинъ гостинницы благаго Самарянина. Судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ ихъ, она была довольно солидныхъ размѣровъ; въ находящейся возлѣ нея безводной цистернѣ арабы-торговцы расположились съ своимъ

буфетомъ, на уступкахъ были разостланы рогожки и установлены табуреты для желающихъ предаться послѣ труднаго горнаго перехода восточному кейфу; кучи ароматическихъ апельсиновъ и лимоновъ пріятно ласкали взоръ и вкусъ, а дымившійся на жаровнѣ кофе напрашивался на визитъ въ засохшую гортань.

Нашъ привалъ былъ минутный; скушавъ по уломку хлѣба и по апельсину, мы отправились далѣе и встрѣчали по пути нашихъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ хохликовъ, тянувшихся на нѣсколько верстъ по два-три человѣка, и хотя внушали имъ быть болѣе осторожными и для большей безопасности совѣтовали сплотиться всѣмъ въ одну партію, но они не слушали насъ, внимая голосу сильной вѣры, что на сихъ св. мѣстахъ «тѣлеси твоему не прикоснется никакое зло и рана».

Послѣ двухъ часовъ ѣзды мы прибыли къ тому источнику, изъ котораго и Спаситель съ Своими учениками неоднократно утолялъ жажду, во время благовѣстія по Іудеѣ. Здѣсь мы застали массу разноплеменнаго народа разнаго званія, состоянія и пола. Тутъ отдыхали и утоляли свою жажду и пилигриммы, шедшіе на Іорданъ и обратно, и арабійскіе караваны съ пшеницей и виномъ; тамъ и сямъ бопошились люди и животныя: кто лежалъ, кто полудничалъ, тѣ пили воду, иные переливали изъ пустого въ порожнее, а у крана самаго источника происходила смертельная драка Франковъ съ Турками: первые подвели къ нему для водопоя цѣлый десятокъ лошадей и никого не допускали напиться, а вторые сильно гнали ихъ.

Утоливъ жажду, медленно и долго взбирались мы на кряжъ высокой горы, за которымъ показалась и Виеанія—мѣсто проявленія особенной Божественной любви, всемогущества и славы. Не доходя полверсты до той точки, гдѣ сестры Лазаревы, Марѳа и Марія, встрѣтили Господа, устроена красивая, въ Русскомъ стилѣ, церковь, съ удобнымъ пріютомъ при ней для богомольцевъ *). Иконостаса еще нѣтъ, по правую сторону алтаря въ концѣ стѣны вдѣлана въ половую мрамор-

*) Русскіе старожилы Іерусалимскіе передавали намъ, что устройство этой церкви и всѣхъ помѣщеній при ней есть спекуляція одного богатаго Греческаго архимандрита. Онъ купилъ это мѣсто только потому, что оно близъ дороги, удобно для построекъ, плодородно и соответствуетъ его матеріальнымъ расчетамъ во всѣхъ отношеніяхъ, занимая площадь до 3 десятинъ. Но мѣсто или камень, на которомъ сидѣлъ Спаситель и гдѣ встрѣтили Его Марѳа и

ную плиту часть отъ того камня, на которомъ сидѣлъ Спаситель, когда шелъ воскрешать Лазаря; съ благоговѣніемъ облобызавъ ее, я началъ пѣть молебень Побѣдителю смерти. По выходѣ изъ церкви, насъ усиленно приглашали на фондарики выпить кофе, но намъ желалось поскорѣе быть въ Виваніи.

Селеніе Виванія нынче называется Ель-Азаріетъ и состоитъ не болѣе, какъ изъ десяти бѣднѣйшихъ мазанокъ, похожихъ болѣе на логовища звѣрей, чѣмъ на жилища человѣческія. Насельники его, арабы, частью Христіане, частью мусульмане, занимаются обработкою земли и довольно привѣтливы. Въ одномъ изъ узенькихъ и глухихъ переулковъ насъ остановили и пригласили слѣзть съ муловъ. Оказалось, что мы стоимъ возлѣ гробницы, въ которой, по преданію, былъ погребенъ Лазарь. Она принадлежитъ частному владѣльцу, зажиточному арабу, который немедленно вышелъ къ намъ и сталъ торговаться. За входъ въ нее заплативъ по 20 коп. съ души, мы чрезъ низкую дверь спустились по 20-ти ступенькамъ узкой лѣстницы въ погребальный вертепъ, въ концѣ коего небольшая площадка съ квадратной лежанкой, служащей престоломъ во время совершенія обѣдни, которая бываетъ здѣсь только одинъ разъ въ году, въ Лазареву субботу. За этой площадкой къ востоку виднѣется отверстіе въ стѣнѣ, ведущей въ ту самую погребальную пещеру, въ которой положенъ былъ любимецъ Христа. Стоя на сказанной площадкѣ, Іисусъ, окруженный родными покойника и тѣснившимся народомъ, возведя взоры къ небу, возблагодарилъ Бога за наступающее исполненіе Его молитвы, а затѣмъ, возвысивъ голосъ, воскликнулъ: Лазарь, иди вонъ! Слова эти раздались по всей странѣ загробнаго міра, и едва только Онъ произнесъ ихъ, какъ изъ каменной могилы, подобно привидѣнію, выступила фигура, завернутая въ бѣлый ужащающій саванъ, съ бѣлой повязкой на головѣ, поддерживавшею четыре дня тому назадъ отвалившуюся челюсть; фигура связана была по рукамъ и

Марія, показывалось не здѣсь, а въ полверстѣ отсюда; но тамъ почва каменистая, неровная и неудобная для оскѣлости. Въ названную церковь богомольцевъ заманиваютъ разными средствами: то угощеніями, то сладкими словесами, то чуть не силою, и тутъ вымозоливаютъ подавнія. Рассказывали, что одну неподатливую партію поклонниковъ заперли въ церкви и выпускали по одному человѣку и не иначе, какъ по уплатѣ бакшиша, т. е. по 20 коп. съ души. Замѣтку эту нарочито дѣлаемъ, въ предостереженіе будущихъ поклонниковъ Палестины.

по ногамъ и, разрѣшенная отъ укроевъ, показалась не съ страшнымъ мертвеннымъ лицомъ, а съ такимъ, въ которомъ дышала юность. Въ ея жилахъ снова заби-
лась горячая кровь; жизнь, свѣтъ и любовь возврати-
лись къ Лазарю еще на тридцать долгихъ лѣтъ, кото-
рыхъ онъ провелъ въ санѣ епископа на островѣ Кипрѣ,
какъ говоритъ преданіе.

Изъ примѣра Лазаря и сестеръ его, рассуждалъ я
самъ съ собою, стоя у вѣковой могилы Визанскаго четыре-
дневнаго мертвеца, особенно видно, какъ справедливо
замѣчено ап. Павломъ, *что евоже любитъ Господь, того
наказуетъ*. Иисусъ не плакалъ на Своемъ крестѣ, а надъ
Лазаремъ плачетъ. Смотри: вотъ семейство, которое
Господь отличалъ Своимъ вниманіемъ, среди коего
всегда находилъ Себѣ дружескій пріютъ и успокоеніе,
которому явилъ столько знаковъ Своей благорасполо-
женности, такъ что оно нисколько не сомнѣвалось въ
любви Его, а возлагало на Него полную надежду, какъ
и теперь, и однакоже, какому великому искушенію и
какой великой скорби подвергается оно со смертію
Лазаря! Господь, безъ сомнѣнія, могъ отвратить болѣзнь
отъ Своего друга, но не отвратилъ; могъ сдѣлать ее
по крайней мѣрѣ несмертельною, но не сдѣлалъ; могъ
поспѣшить чудомъ и прійти въ Визанію на другой
день по смерти, но явился на пятый. Почему такъ и
для чего? Потому и для того, чтобы сдѣлать и Лазаря
и сестеръ его вполнѣ орудіемъ славы Божіей: *да про-
славится Сынъ Божій!* Такъ поступаетъ Господь съ дру-
гами и присными Своими! Онъ блюдетъ ихъ, какъ
зѣницу ока, но это не значить того, чтобы Онъ непре-
станно ущедрялъ ихъ только благодѣяніями, чтобы уве-
селялъ и питалъ ихъ сладостями, какъ поступаютъ съ
дѣтьми своими сердобольныя, но неразумныя матери,
портя такимъ обр. ихъ нравъ и приучая ихъ къ извѣжен-
ности и роскоши; нѣтъ, Господь премудръ и не можетъ
поступать такимъ образомъ; Онъ взираетъ не на удо-
вольствіе, а на истинную пользу любящихъ Его и люби-
мыхъ Имъ; и для усовершенія ихъ въ вѣрѣ, любви, смире-
ніи и преданности нерѣдко посылаетъ на нихъ такія иску-
шенія, какихъ не видятъ надъ собою грѣшники. Кто лю-
бимѣе былъ Ему двѣнадцати учениковъ? И всѣ они сконча-
лись во имя Его среди мученій, и это не только по
любви ихъ ко Господу, но и по любви къ нимъ Го-
спода. Ему ничего не стоило отвратить отъ нихъ всѣ
бѣды и напасти и окружить ихъ всѣми видами зем-

наго счастья, но Онъ не сдѣлалъ этого, дабы чрезъ искушенія они, какъ золото, сдѣлались совершенно чистыми и удостоились свѣтлѣйшихъ вѣнцевъ. Все это и я хорошо знаю, но какъ часто соблазняюсь, окаянный, когда встрѣчаю нечестиваго, отъявленнаго развратника, счастливаго во всѣхъ предпріятіяхъ и высыпавшаго въ обществѣ, какъ кедръ Ливанскій; и я, грѣшный, какъ иногда блазнюсь, если вижу, что кто-либо изъ усердныхъ рабовъ Божіихъ терпитъ постоянныя неудачи въ земныхъ дѣлахъ своихъ, переносить нападеніе или клевету, страдаетъ отъ болѣзни и другихъ золъ?...

Отъ площадки, на которой возгласилъ Іисусъ всемогущее: Лазарь, иди вонъ, до погребальной пещеры ведутъ четыре ступеньки, въ концѣ которыхъ вмѣсто двери отверстіе, чрезъ которое нужно пролазить, согнувшись всѣмъ корпусомъ; самая усыпальница въ длину 6-ть аршинъ, а въ ширину 4-ре, и не представляетъ ничего замѣчательнаго: по полу валяется осыпавшійся со стѣнъ мусоръ, а на одной изъ стѣнъ острымъ орудіемъ начертанъ крестъ; сырость могильная и подземный мракъ навѣваютъ грусть, а необычайность мѣста тревожить душу. Возжегши предъ сказаннымъ крестнымъ знаменіемъ десятка два припасенныхъ на этотъ разъ восковыхъ свѣчей, мы, при молебной литіи покоившемся здѣсь четыре дня, отъ всей души воспѣли радостную и трогательную пѣснь: «Общее воскресеніе прежде Твоея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря, Христе Боже; тѣмже и мы яко отроцы побѣды знаменіе носяще, Тебѣ, побѣдителю смерти, вопіемъ: Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»

Выходя изъ гробницы, я молилъ Всемогущаго, чтобы Онъ, всеблагій, и моего нечетверодневнаго, но многолѣтняго домашняго Лазаря—внутренняго челоуѣка, во сто кратъ хуже всякаго мертваго тѣла смердящаго множествомъ гнусныхъ дѣлъ, оздоровилъ токами Своей благодати, и умерщвленную грѣхами мою бѣдную душу воскресилъ къ новой доброй жизни!

Когда мы вышли изъ Виваніи, началъ моросить дождикъ, заставившій насъ ускорить шаги. Переваливъ чрезъ хребетъ Елеонской горы, мы восхищались громадными и изящными постройками Франкскаго пріюта для бѣдныхъ, съ прилегающимъ къ нимъ обширнымъ садомъ, расположенными на восточной сторонѣ ея; обогнувъ еще часть горы, мы узрѣли Іерусалимъ во всей

его красѣ; особенно рѣзко выдавались: мечеть Омара, мечеть Эль-Акса, дворецъ паши, еврейская синагога съ зеленой желѣзной куполообразной крышей, весьма схожая по наружному виду съ Харьковской — точно снимокъ съ нея. Тутъ теряешься въ лабиринтъ тропинокъ, извиствующихся въ разныхъ направленіяхъ между скалами, тропинокъ, на коихъ не встрѣтишь никого, кромѣ полуодѣтыхъ арабовъ, ѣдущихъ на своихъ ослахъ, или нѣсколькихъ погонщиковъ верблюдовъ, изъ Дамаска; порой попадаютъ женщины изъ Вилеелема или Іерихона, съ корзинами или клѣтками на головѣ, въ которыхъ онѣ носятъ зелень и голубей къ городскимъ воротамъ, на продажу.

Долго мы тянулись по берегу Масличной горы и наконецъ спустились въ долину Іосафатову. Среди этой долины, знаменитой историческими событіями, течетъ потокъ Аердонскій, изливающийся въ Мертвое море. Съ этой долины царь Салимскій вышелъ къ Аврааму для привѣтствія его съ побѣдою, которую онъ одержалъ надъ пятью царями. Долина эта лежитъ между горами Масличною, Сіонскою и Моріа; видъ ея весьма утрюмъ: готическія стѣны Іерусалима, ограждающія ее съ запада, бросаютъ на нее тѣнь и облакаютъ какою-то мрачностію, которая вызываетъ душу на грустные размышленія при одномъ имени долины Іосафатовой! Это мѣсто издревле было мѣстомъ погребенія, и здѣсь взоръ вашъ то и дѣло, что останавливается на трофеяхъ смерти: тутъ виднѣются гробницы и давно минувшихъ временъ и свѣжія могилы текущихъ дней. Къ этой долинѣ, разсѣянные по всему свѣту іудеи обращаютъ свои молитвенные, увлажненные слезами взоры. Многіе изъ нихъ, особенно преклонные лѣтами, и теперь оставляютъ свои родныя мѣста и идутъ сюда, чтобы упокоиться здѣсь. Берегъ Сіонскій есть конечная цѣль ихъ желаній и свящ. предметъ ихъ надеждъ. Они умираютъ здѣсь со словами Давида: «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ, ибо мы презрѣны», въ полномъ упованіи, что эта земля освятитъ ихъ бранный составъ, и они воспрянутъ въ день суда чистыми и безгрѣшными и возлягутъ во царствіи, вмѣстѣ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ. Ихъ надгробные памятники неисчислимы, совершенно покрываютъ гору Соблазна и тянутся вдоль Кедрскаго потока до гробницы Захаріи и царя Іосафата. Деревня Силоамская также окружена надгробными памятниками.

Когда мы въѣзжали въ городскіе Геосиманскіе ворота, сразу полилъ такой густой и сильный дождь, что въ нѣсколько минутъ мы промокли до костей. Въ 4 часа по полудни я былъ уже въ своей квартирѣ и, павъ предъ иконою Богоматери, воздавалъ Ей и Божественному Ея Сыну дань хвалы и благодаренія за то, что я благополучно совершилъ путь въ столь трудныя и опасныя мѣста.

VII.

Вербная, Страстная и Свѣтлая недѣли.

На другой день по приѣздѣ въ Іерусалимъ, я пошелъ приложиться ко Гробу Господню и къ колоннѣ *), къ которой, по преданію, былъ привязанъ Спаситель во время бичеванія, во дворѣ Пилата, но моему желанію не суждено было исполниться. Раньше мнѣ сказали, что названная святыня въ теченіи всей латинской страстной седмицы открыта для чествованія, но я въ четвертокъ нашелъ ее уже закрытою. Паписты, когда я вошелъ въ храмъ Воскресенія, готовились встрѣчать своего патріарха, который ради этого дня праздника Тѣла Господня долженъ былъ самъ совершать миссу. Едва я успѣлъ приложиться къ Камню Миропомазанія, какъ звонъ во всѣ колокола возвѣстилъ его шествіе; онъ шелъ въ преднесеніи большого руконоснаго креста, въ шляпѣ, края которой обшиты серебрянымъ позументомъ, въ фіолетовой шинели, на подобіе нашей камердинерской, и съ крестомъ на груди. Окропивъ себя и народъ св. водой, онъ направился къ кувукліи, предъ которой, на площадкѣ, ожидали его 4 митрополита и до 20 патеровъ, уже облаченныхъ и занявшихъ свои мѣста, а всего духовенства, окружавшаго служащихъ, было до 100 душъ. По окончаніи заутрени, четыре бискупа пошли къ патріарху, сняли съ него обычныя его одежды и начали облачать въ священныя;—отличіе его отъ прочихъ архіереевъ со-

*) Эта колонна хранится въ латинскомъ алтарѣ, и въ теченіи всего года закрыта отъ взора любопытныхъ, и только одинъ разъ, въ страстную латинскую среду, открывается для лобызанія всѣмъ безъ исключенія богомольцамъ. Въ прочее же время къ колоннѣ прикладываются чрезъ небольшое отверстіе, касаясь ея концомъ лежащей тутъ трости, а потомъ цѣлуя послѣднюю.

стояло въ узенькомъ омофорѣ съ черными по немъ крестами и кистями; въ высокой и необыкновенно богатой митрѣ, отъ задней стороны которой спускались по плечамъ двѣ широкія, вышитыя золотомъ и дорогими камнями ленты; на рукахъ натянуты были бѣлыя, какъ снѣгъ, лайковыя перчатки, съ брилліантовыми звѣздами на длинныхъ нарукавникахъ ихъ и съ громаднымъ кольцомъ на подмизинномъ перстѣ. Бискупы же, во время служенія, попеременно снимали и возлагали на него митру, омофоръ и пр. Жезлоносецъ и книгодержецъ, сверхъ бѣлыхъ служебныхъ рубашекъ, имѣли повѣшенными на выяхъ желтыя шелковыя полотенца, концами которыхъ брали и держали священные принадлежности. Служеніе было въ высшей степени торжественное, на которомъ, какъ говорили, присутствовало и участвовало много іезуитовъ, недавно нашедшихъ себѣ здѣсь теплый пріютъ. Кстати, теперь въ нихъ нужда, для поправленія пошатнувшихся религіозныхъ дѣлъ Іерусалимской папистической миссіи: ибо много католиковъ-арабовъ обратилось въ православіе. Подробностей Богослуженія не стану описывать, да они и мелочны; скажу только, что патріархъ самъ пріобщалъ, какъ всѣхъ духовныхъ, участвовавшихъ и не участвовавшихъ въ служеніи, такъ и всѣхъ богомольцевъ-папистовъ.

По окончаніи пріобщенія происходилъ обрядъ вкушенія Пасхальной вечери; для этого поставленъ былъ столъ предъ балдахиномъ, подъ которымъ возсѣдалъ патріархъ; затѣмъ церемоніально, въ сопровожденіи бискуповъ и патеровъ, подъ священнымъ большимъ зонтомъ, принесены изъ ризницы кубки съ водой и виномъ, и особыя вазы съ пищей и разставлены на сказанномъ столѣ. Всѣ участвовавшіе въ служеніи, одинъ за другимъ, съ разными китайскими церемоніями подходили къ столу, дули сначала въ помянутые кубки и вазы, потомъ дѣлали видъ, будто они пьютъ изъ нихъ и вкушаютъ пищу, и затѣмъ отходили и занимали прежнія свои мѣста. Послѣ этой церемоніи началась процессія несенія «Св. Тѣла Христова»: изъ католическаго придѣла показался богатый балдахинъ, утвержденный на шести серебряныхъ шестахъ, несомый шестью бискупами, подъ который сталъ патріархъ, имѣя въ рукахъ дискосъ съ Тѣломъ Христовымъ, покрытымъ воздухомъ, обвитымъ туго лентою, чтобы содержимое подъ онымъ не могло свалиться. Всѣ участвовавшіе въ про-

цессіи духовные—душъ до 150—шли съ огромными свитками въ рукахъ, по которымъ пѣли свящ. гимны. По троекратномъ обхожденіи кувукліи, патріархъ поставилъ дискосъ на Гробъ Господнемъ, къ дверямъ котораго на цѣлую ночь приставлена была стража, на обязанности которой лежало не допускать никого изъ схизматиковъ (православныхъ) къ сказанному мѣсту.

Въ два часа дня у папистовъ совершался обрядъ умовенія ногъ. По выбору патріарха введены были 12 учениковъ изъ ближайшей папистической школы,—мальчиковъ отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ и разсажены на скамьяхъ по сторонамъ амвона. Патріархъ, препоясанный полотенцами, подходя къ избранному, преклонялъ колѣна, омывалъ ему ноги благовонными водами, цѣловалъ ихъ и одарялъ каждого омытаго большимъ крестомъ изъ масличнаго дерева и евангеліемъ. Затѣмъ въ четыре часа читались 12 страстныхъ евангелій.

Да простить мнѣ, читатель, что я занимаю его вниманіе папистическими обрядами; что меня интересовало, тѣмъ дѣлюсь и съ другими, въ предположеніи, что они не посѣтуютъ на меня за это и позволяютъ сказать нѣсколько словъ и о латинской страстной пятницѣ.

Въ 6-ть часовъ вечера, сказаннаго дня, я засталъ съ Святотробскомъ Воскресенскомъ храмъ цѣлыя массы разноплеменнаго и разновѣрнаго народа, съ турецкимъ войскомъ во главѣ и подъ ружьями. Тѣснота, шумъ и крикъ нестерпимыя. Кавасы то и дѣло раздвигаютъ толпу, и для водворенія порядка употребляютъ специальное азіатское средство—макароны, т. е. батогы, толщиною въ палецъ. Я, во избѣжаніе давки и другихъ невзгодъ, забрался на хоры. Но вотъ послышалось стройное пѣніе мужскихъ голосовъ и затѣмъ дѣтское, необыкновенно умильное: это латины изъ своего придѣла вынесли громадный крестъ съ рельефнымъ изображеніемъ на немъ Распятаго Господа, въ предшествіи несмѣтнаго сонма духовенства разныхъ ранговъ. Пришедши къ придѣлу Поруганія, такъ названному отъ той колонны, къ которой привязанъ былъ Искушитель міра во время бичеванія и на которой обоснованъ этотъ придѣлъ, процессія остановилась; на главу модели Распятаго возложенъ терновый вѣнецъ и произнесена проповѣдь на польскомъ языкѣ; засимъ вошли на Голгоу; здѣсь крестъ положенъ былъ на полу, въ боковомъ католическомъ придѣлѣ,

на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ злобные войны пригвождали Господа ко кресту, и лежалъ до тѣхъ поръ, пока сказана была проповѣдь по нѣмецки, по окончаніи которой онъ былъ поднятъ и водруженъ на Голгоѣ, сбоку нашего православнаго,—и раньше до половины вложенные въ руки и ноги гвозди вбиты здѣсь до шляпокъ, при этомъ проповѣдь говорила на французскомъ языкѣ. Послѣ проповѣди была приставлена лѣстница, и началось разгвожденіе модели Христа; когда вынули гвозди изъ рукъ, онъ сами собой опустились къ колѣнамъ; по снятіи терноваго вѣнца съ головы, она такъ натурально и болѣзненно склонилась къ правому плечу, что въ толпѣ раздалась глухая рыданія, и многія изъ русскихъ дамъ вздыхали и всхлипывали... Меня же эта театральность на Голгоѣ, а затѣмъ и на камнѣ Миропомазанія (этихъ святѣйшихъ мѣстахъ вселенной), возмущала и оскорбляла мои религіозныя чувства до глубины души. По снятіи со креста восковой модели Христа, ее положили въ бѣлую большую пелену и понесли въ полномъ облаченіи 4 бискупа, въ предшествіи патеровъ съ 4 священными алавастрами съ драгоценнымъ миромъ, въ преднесеніи ими же громаднаго блюда съ терновымъ вѣнцемъ и гвоздями, и креста безъ всякаго изображенія, вмѣсто котораго развѣвалось полотенце, которымъ опоясана была по чресламъ модель Распятаго. Спустившись по Голгоѣской лѣстницѣ, процессія направилась къ камню Миропомазанія и здѣсь остановилась; первенствующие бискупы, положивъ на него модель Христа, затѣмъ снявъ омофоры и саккосы и обвивъ себя пеленами, какъ Іосифъ и Никодимъ, приступили къ намащенію ея благовоніями изъ упомянутыхъ сосудовъ, и это дѣлали при помощи губокъ; пѣвчіе, числомъ до 70 душъ, окруживъ священный камень, пѣли при этомъ плачевные, раздирающіе душу гимны, а панисты-богомольцы предстояли съ огромными пылавшими свѣчами и били себя въ перси... Картина, достойная вниманія и литератора и живописца, но я, грѣшный, блазилъ при этомъ... называлъ безумнымъ... воздавать такую черезчуръ образную божескую честь такому бездушному, хотя и искусному, издѣлію грѣшныхъ рукъ человѣческихъ, а творящихъ сіе... объуродѣвшими. Здѣсь произнесены были двѣ проповѣди: одна на турецкомъ, а другая на арабскомъ языкахъ, послѣдняя продолжалась около часу. Наконецъ, по-

витая пеленами священная модель Мертвеца, поднята была на рамена бискупами и, по внесеніи въ кувуклію, положена на подлинномъ Его ложѣ. Въ это время мимо меня быстро прошла фигура молодого человѣка, который моментально взобрался на громадный подсвѣчникъ, стоявшій возлѣ дверей кувукліи, и, опираясь на остовъ огромной свѣчи, началъ говорить проповѣдь по испански: могучій его голосъ, какъ громъ, грохоталъ въ самыхъ отдаленнѣйшихъ углахъ обширнаго храма; увлекательная дикція, виртуозная мимика, красоты, хотя и невѣдомаго языка, все... взятое вмѣстѣ, при необычной обстановкѣ, поражало зрѣніе и слухъ предстоявшихъ, а страшные вопли и крикъ испанцевъ, поднятіе ими рукъ къ небу... судорожно сжимали и мое бременное тѣло...

По окончаніи послѣдней проповѣди, вся свящ. процессія съ атрибутами ея двинулась къ католическому придѣлу и тамъ въ громадныхъ залахъ его ризницы сокрылась изъ нашихъ глазъ. Мы же, православные, лишенные папистами на два дня права лобызать Гробъ Господень, бросились со тщаніемъ исполнять св. желаніе своего сердца; послѣ этого я пошелъ на Голгоу, чтобы здѣсь прочесть положенное правило для уготовляющихъ себя къ служенію литургіи, такъ какъ мнѣ сильно желалось быть причастникомъ Св. Тѣла и крови Христовыхъ въ такой день, какъ наступившая суббота, день воскресенія Лазаря.

Я предполагалъ служить на Голгоѣ или же на гробѣ Господнемъ, но святогробская братія совѣтовала для большаго духовнаго утѣшенія и добраго пожизненнаго воспоминанія объ Іерусалимской Лазаревой вербной Субботѣ, идти для совершенія Литургіи на Елеонъ, гдѣ таковая бываетъ только два раза въ году: въ нынѣшній день и на Вознесеніе Господне; я съ великою готовностію принялъ такой, какъ нельзя болѣе умѣстный и своевременный, совѣтъ; но, когда на разсвѣтѣ турки отперли врата Воскресенскаго храма, я увидѣлъ и препятствіе къ исполненію его: шелъ густой дождикъ, а во время ненастной погоды восходъ на Масличную гору весьма труденъ и, еслибы усердные мои сопутники—два Аеонскіе іеромонаха и одинъ Пензенскій священникъ, не воспламенили во мнѣ, было, потухавшую искру св. желанія, я отправился бы назадъ въ свою келлію. Послѣ этого я уже не шелъ, а летѣлъ, чтобы не опоздать, такъ какъ отъ гроба Господня до Елеона около 3 верстъ.

Когда мы пришли къ палаткѣ, разбитой на развалинахъ церкви, устроенной на мѣстѣ Вознесенія Господня царицей Еленой, то массы народа наполняли не только внутренность ея, но заняли и близъ лежащіе холмы. Престоломъ въ названной скиніи служилъ громадной величины камень, бывшій пьедесталомъ у одной изъ колоннъ Еленинскаго храма. Священникъ, арабъ, уже совершалъ проскомидію. Намъ же, русскихъ, желавшихъ и пришедшихъ служить, было три священника и одинъ діаконовъ. Но къ великому прискорбію, для насъ не оказалось свящ. облаченій, а мы раньше не предвидѣли подобной случайности. Въ сильной печали сталъ я сбоку уготованнаго престола и въ молитвѣ ко Господу сталъ возвѣщать Ему о ней; и Онъ, милосердый, призрѣлъ на вопль мой! Къ концу заутрени появился при входѣ въ скинію архіерей; на встрѣчу его вышли священнослужители, назначенные къ сослуженію, машинально пошелъ и я за ними и, по окончаніи входныхъ молитвъ, подошелъ за благословеніемъ, вмѣстѣ съ прочими, какъ бы на служеніе, и когда другіе облачались, я стоялъ въ великомъ смущеніи и, отъ стыдѣнія лица, не зналъ, какъ и быть съ собой. Прошло двѣ-три минуты.. и, когда взять былъ съ престола для облаченія архіерея саккосъ, подъ нимъ оказалась священническая риза со всѣми другими священными принадлежностями. Я обратился къ архимандриту, въ вѣдѣніи коего Елеонъ, и спросилъ его, кто будетъ облачаться въ нее? Онъ отвѣтилъ: «эта риза принесена по ошибкѣ для меня, и вы можете воспользоваться ею въ настоящій разъ, служите!» О, не могу изобразить тѣхъ слезно-благодарныхъ и свѣтло-восторженныхъ чувствъ, которыми преисполнилась моя душа къ вознесемуся здѣ Богу Спасителю за то, что Онъ не оставляетъ меня Своею милостію на всѣхъ путяхъ и особенно во Св. землѣ, какъ и теперь, когда, повидимому, не оставалось никакой надежды на Елеонское священнодѣйствіе! И какъ удивлены были мои сопутники-священники, узрѣвъ меня литургисающимъ! Они долго недоумѣвали, завидовали мнѣ и называли меня счастливѣйшимъ изъ счастливцевъ. На литургіи евангеліе читалось на трехъ языкахъ: Греческомъ, Арабскомъ и Русскомъ; на послѣднемъ, конечно, читалъ я. Длинная и трогательная евангельская исторія о смерти и воскресеніи Лазаря и предварявшихъ и сопровождавшихъ ихъ обстоятельствахъ, на понятномъ для нашихъ поклонниковъ нарѣчій и въ виду самаго мѣста совер-

пившагося событія (съ Елеона мѣсто встрѣчи Спасителя Мареою и Марією и самая Виванія видны, какъ на ладони), видимо трогала и умиляла всѣхъ, а у многихъ струились и слезы по ланитамъ. Когда вышли со Св. Дарами, вдругъ полился такой сильный дождь, что сдѣлалось смятеніе въ храмовой скиніи, которая, кстати замѣтить, была вся въ дырахъ и, при жидкости матеріала, плохо даже защищала насъ отъ жгучихъ лучей, а отъ ливня ни мало. Всѣ облаченія на престолѣ и на служащихъ промокли до нитки; антиминосъ чуть не плавалъ, лежа въ лужѣ воды; Св. Дары тѣмъ только и соблюли отъ роскиси и опрѣсненія, что покрыли вчетверо сложенными покровцами; архіерей то и дѣло переходилъ съ мѣста на мѣсто, да и мы, ища болѣе удобнаго положенія; вода лилась намъ за шею цѣлымъ потокомъ; мы едва успѣвали протирать глаза отъ влаги, чтобы сказать возгласъ и прочесть молитву; служебники порасплылись въ рукахъ; сумятица страшная! Я сталъ, было, опасаться за надлежащій исходъ обѣдни; но владыка поставилъ мальчика съ жезломъ на томъ камнѣ, на передней сторонѣ котораго совершалась литургія, и онъ, подпирая имъ впалый наметъ надъ Св. Дарами, давалъ этимъ возможность водѣ скатываться больше въ сторону отъ нихъ, и такимъ образомъ мы окончили обѣдню. Впрочемъ, два архимандрита едва только приобщились, сейчасъ же въ виду архіерея разоблачились и ушли; остался я, да арабскій священникъ. Владыка Епифаній разоблачился послѣ всѣхъ. Нужно замѣтить, что онъ—Грекъ, но по русски говоритъ лучше прочей святогробской братіи и во время обѣдни постоянно обращался ко мнѣ за славянскимъ служебникомъ, намѣреваясь сказать возгласъ по московитски, любить русскихъ (что рѣдкость между Эллинами) и для нихъ нарочито произведенъ во епископа, онъ же и исповѣдникъ русскихъ. Послѣ, неоднократно, при встрѣчѣ онъ спрашивалъ меня: што, батко, мое чтанье по праву тебѣ и твоимъ землакамъ?...

По окончаніи обѣдни я зашелъ въ мусульманскую часовню, устроенную надъ отпечаткомъ стопы Вознесшагося Господа, чтобы приложиться къ ней и вмѣстѣ возблагодарить Промыслителя за то, что Онъ изъ 150 священно-іереевъ, прибывшихъ въ Іерусалимъ ко дню Пасхи, одного меня, путника дальняго Сѣвера, въ такой знаменательный день и въ такомъ исключительномъ мѣстѣ удостоилъ участвовать въ принесеніи безкров-

ной жертвы и причаститься ея. Хвала Тебѣ, Всевышній! Буди имя Твое благословенно отъ нынѣ и до вѣка! Обильный дождь, лившій во время обѣдни и потомъ продолжавшійся почти цѣлый день, Греки, Арабы и Турки приняли, какъ особенный даръ милости и благоволенія Божія въ такую пору, когда должны были наливаться хлѣбныя колосья. Послѣ этого я отправился въ Русскій пріютъ, устроенный нашею миссіей здѣсь же на Елеонѣ, въ разстояніи отъ мѣста Вознесенія на шесть минутъ ходьбы, и началъ свой осмотръ со двора онаго, подъ которымъ не менѣе десятины земли. Собака, которая привѣтствовала меня здѣсь вмѣсто сторожа въ 1875 году, и теперь та же самая, только теперь уже на свободѣ, а потому нигдѣ не давала мнѣ проходу, и донельзя наскучала своимъ неугомоннымъ и сердитымъ: авъ, авъ! Залъ пріюта—сквозной, съ частію открытаго здѣсь при раскопкахъ древняго мозаическаго пола, съ красивыми узорами, по между которыми искусно изображены разноцвѣтной мозаикой рыбы и птицы. По повелѣнію великаго князя Константина Николаевича, бывшаго здѣсь, это мѣсто для сбереженія ограждено рѣшеткой, и ходить за нее воспрещается. Здѣсь же въ шкапу хранятся обломки и осколки отъ разныхъ древнихъ гробницъ и части карнизовъ, колонокъ и орнаментовъ отъ разныхъ зданій, найденныхъ въ землѣ при углубленіи фундамента. За симъ ввели насъ въ усыпальницу, современную разрушенію Іерусалима, въ которой изсѣчены въ гранитной скалѣ пять-шесть гробовъ, изъ коихъ нѣкоторые открыты, и въ нихъ виднѣются человѣческія кости, а другіе закрыты и наглухо замазаны; на верхнихъ доскахъ ихъ печатлѣются вырѣзанные рѣзцомъ кресты и надписи, гласящія, что эти гробы вмѣщаютъ въ себѣ бранные остатки Грузинскихъ христіанскихъ царей. Сѣверо-западная дверь гостепріимно распахнулась предъ нами, и насъ, въ одномъ изъ уютныхъ номеровъ его, усадили за столъ, установленный яствами и кипящимъ русскимъ питальцемъ, самоваромъ.

Невдалекѣ отъ пріютскаго двора, въ трехъ стахъ шагахъ, высится русская церковь; при ней предполагается учредить мужескій скитъ для нашихъ соотечественниковъ, когда найдутся для этого средства.

Въ Вербную Субботу, по окончаніи обѣдни на Елеонѣ, ходятъ иногда съ крестнымъ ходомъ въ Виа-нію, въ пещеру Лазаря, для поклоненія, но теперь

помѣшала оному ненастная погода. Впрочемъ, массы народа то и дѣло тянулись длинной вереницей туда и обратно, а я вдоволь насмотрѣлся на Виванію и ея окрестности и отсюда, и при этомъ молился Св. Лазарю и Воскресившему его, чтобы Онъ, Жизнь и Воскресеніе, воскресилъ и мою душу, умерщвленную грѣхами. Идя съ горы, я поинтересовался знать, гдѣ то, недавно открытое, мѣсто, на которомъ расположено было Евангельское селеніе Вивѣагія, куда послалъ Иисусъ двухъ учениковъ, сказавъ имъ: «пойдите въ селеніе, которое прямо предъ вами, и тотчасъ найдете ослицу, привязанную, и молодаго осла съ нею; отвязавъ, приведите ко Мнѣ», для торжественнаго входа въ Іерусалимъ предъ Своими страданіями. Арабъ, привратникъ названнаго выше пріюта, къ которому я обратился за разрѣшеніемъ даннаго вопроса, оказался самъ виновникомъ открытія интересовавшей меня мѣстности, которая теперь за продана Франкамъ за 60 тысячъ, и уже ими ограждена забрами. Отъ верхней точки Елеона до Вивѣагіи будетъ болѣе полверсты.

Спускаясь ниже той же священной горой, мы зашли въ латинскій Французскій монастырь, устроенный одной богатой принцессой Де-ля-Туръ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель изрекъ молитву «Отче, нашъ». Мѣста подъ монастыремъ около 10 десятинъ, и все это пространство обнесено громадной, прочной и высокой каменной стѣной, и вездѣ на немъ разводятся всевозможныя породы дикихъ и плодовыхъ деревьевъ и засѣяны огородныя овощи. По входѣ во дворъ, насъ прежде всего повели въ подземелье, въ которое спускаются по шести ступенькамъ. Подземелье это—въ родѣ длиннаго и широкаго корридора, сводъ котораго опирается на открытыхъ при раскопкѣ, невысокихъ, но толстыхъ 12-ти колоннахъ, между которыми устроенъ престолъ; на немъ совершается папистическими патерами мисса; эта катакомба посвящена памяти 12-ти Апостоловъ, такъ какъ, по преданію, ученики Христа, по вознесеніи Его, нѣкоторое время пребывали въ ней, а потомъ здѣсь же составленъ ими и Символъ Вѣры. Среди двора устроены квадратомъ архитектурныя, изящныя крытыя галлерей, на боковыхъ стѣнахъ которыхъ красиво размѣщены 32 мраморныя доски солидныхъ размѣровъ (около 3 арш. длины и 1½ арш. ширины). На нихъ красивыми золотыми письменами изложена молитва Господня «Отче, нашъ» на 32-хъ нарѣчіяхъ,

и въ томъ числѣ на Славянскомъ и Русскомъ. Какія слова, говоритъ одинъ изъ древнихъ писателей, могутъ чаще повторяться съ большимъ умиленіемъ, какъ не слова молитвы Христовой? Какое образцовое произведение могло въ такой степени распространиться между столькими различными народностями, какъ не молитва Господня? Востокъ, Западъ, Сѣверъ и Югъ перечитываютъ эту молитву Іисуса Христа; во всѣхъ концахъ земли, мужчины и женщины, дѣти и старцы, каждое утро-вечеръ повторяютъ «*Отче нашъ, Іже еси на небесѣхъ!*» Эти Божественныя слова слышатся вездѣ; они раздаются и въ пустыняхъ необитаемыхъ. И какъ кстати они начертаны здѣсь на мѣстѣ всемірнаго искупленія на разныхъ языкахъ, куда стекается ежегодно для воздаянія хвалы Искупителю столько разныхъ племенъ и нарѣчій! Тутъ же, въ особой небольшой комнатѣ, на мраморномъ катафалкѣ возлежитъ точно живая, мастерски изсѣченная изъ мрамора фигура покойной благодѣлительницы этого честнаго мѣста, помянутой *Де-ля-Туръ*. Невдали отсюда, къ востоку, красивая латинская церковь, въ которую насъ почему-то паписты не соблаговолили впустить. Дворъ и все вообще—въ примѣрномъ порядкѣ; много цвѣтовъ, пышностію и разнообразіемъ колеровъ удовлетворяющихъ самому прихотливому требованію, а разбросанные заботливою рукой тамъ и сямъ прелестныя и мягкіе ковры бархатной зелени такъ и манятъ поотдохнуть на нихъ.

Спускаясь ниже половины горы, мы остановились вблизи полуразрушенной мечети, осѣненной масличными деревьями, замѣчательной тѣмъ, что съ того мѣста, на которомъ она стоитъ, Господь въ день торжественнаго вѣзда Своего въ Іерусалимъ, сопровождаемый множествомъ народа, восклицавшаго: «*Осанна Сыну Давидову*», смотрѣлъ на городъ, и въ Своемъ Божественномъ предвѣдѣніи, прозрѣвая печальную его будущность, плакалъ о немъ и, скорбя объ окамененіи сердець и неразуміи живущихъ въ немъ, съ болѣзнію говорилъ: о, если бы ты, хотя въ сей твой день, узналъ, что служить къ миру твоему! Но сіе сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ. Придутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами, и окружаютъ тебя отовсюду. И разорятъ тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего» (Лук. 19). Да! Для Богочеловѣка не было лучшаго и приличнѣйшаго

мѣста, съ котораго бы Ему съ большею силою можно было произнести столь грозное пророчество на Іерусалимъ. Слабымъ человѣческимъ языкомъ выяснить, и мертвыми письменами и тупымъ писаломъ невозможно изобразить того дѣйствія, какое производитъ на зрителя обширная панорама, представляющаяся съ Масличной горы. Холмъ, на вершинѣ котораго лежитъ Іерусалимъ, выдаетъ его наблюдателю до мельчайшихъ подробностей. Весь св. градъ видѣнъ какъ на ладони! Вотъ красивая площадь съ мечетью Омара (мѣсто храма Соломонова), а вотъ церковь «Введенія», нынѣ мечеть Эль - Акса; тамъ—архитектурный, громадный дворецъ паши, а тутъ—еврейская всесвѣтная синагога; это—Сіонъ, съ великолѣпнымъ армянскимъ соборомъ; это—древняя усыпальница съ гробомъ Давида, а здѣсь виднѣются куполы, увѣнчанные крестами, блистающими въ выси изумрудными искрами, подъ ними (куполами) сокрыта всемірная святыня Гроба Господня, а правѣ къ сѣверозападу на равнинѣ царятъ русскія постройки съ пятиглавымъ храмомъ во имя Святой Троицы: блистательный, чарующій ландшафтъ! Но когда вступишь въ него со вниманіемъ, то чувствуешь, что это только одинъ прелестный призракъ города Давидова и Соломонова. Унылыя его площади, безжизненные улицы навѣваютъ тоску; полуразрушенныя его зданія, тамъ и сямъ валяющіеся, скатившіеся камни отъ древнихъ руинъ, кучи безобразнаго мусора, съ порослями колючаго кактуса, ущемляютъ сердце; жалкіе пути, ведущіе къ нему съ Востока, Запада, Сѣвера и Юга, если только можно назвать путями нѣсколько узкихъ, извилистыхъ гусиныхъ тропинокъ, идущихъ по между безжизненными скалами, на коихъ изрѣдка встрѣтишь или полунагааго араба съ вьючными мулами изъ Яффы, или погонщиковъ верблюдовъ изъ Дамаска, или порой увидишь нѣсколько женщинъ съ тяжелой ношей на головѣ—огородной зеленью изъ Горнаго или Виелеема, пробуждаютъ цѣлый рой невеселыхъ думъ, а все вмѣстѣ взятое наглядно-осязательно даетъ замѣтить, съ какою неотразимою точностію исполняется до опредѣленнаго Богомъ времени пророчество: «и будетъ Іерусалимъ въ погребеніе языкомъ, доколѣ скончаются времена языковъ».

Всматриваясь въ Іерусалимъ и вдумываясь въ тяжкія судьбы его разрушенія, съ такими печальными и до сихъ поръ тяготящими надъ онымъ послѣд-

ствіями за то, что онъ не уразумѣлъ времени посѣщенія его Господомъ, я нашелъ, что и градъ души моей—умъ, сердце и воля не пребываютъ въ Богѣ, и хотя Всевышній посѣщалъ оный, и не разъ, то жизненными испытаніями и лишеніями, то возжелѣнными дарами земныхъ и небесныхъ утѣшеній, и я уразумѣвалъ въ этомъ пекущійся обо мнѣ Промыслъ Божій, но оставался неисправимымъ; душа моя, слыша глаголы живота вѣчнаго, мало внимала имъ, а больше пребывала въ духовной дремотѣ; очи ея то и дѣло, что смыкались грѣховной летаргіей! О, говорилъ я ей: проснись, окаянная, хотя теперь, въ виду тѣхъ мѣстъ, на которыхъ твой Спаситель совершилъ твое искупленіе, вырвалъ тебя изъ челюстей ада вѣчной смерти! Если ты и здѣсь не очувствуешься, не прійдешь въ себя, то когда и гдѣ ты, бѣдная, это сдѣлаешь? Встань, пробудись, глаголи Богу, вся вѣдущему, твоя мерзкая тайная, воздохни, начни твое исправленіе; иначе отворотится отъ тебя Господь, на твою утлую храмину нападутъ враги твоего спасенія, со всѣхъ сторонъ обложатъ и окопаютъ ее и поженутъ тебя, доколѣ не погубятъ тебя на вѣки, не оставивъ камня на камнѣ, ни крупинки отъ благодатныхъ даровъ, полученныхъ тобою въ Таинствахъ Церкви.

Спускаясь еще ниже съ горы, къ сѣверу, мы остановились возлѣ того знаменательнаго камня, на которомъ, по преданію, возсѣдалъ Иисусъ и который былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ Его бесѣды съ учениками Своими, когда Онъ говорилъ имъ о разореніи храма Іерусалимскаго, о лжепророкахъ, которые многихъ прельстятъ, о послѣдующихъ предъ концемъ міра бѣдствіяхъ народныхъ, о кончинѣ міра и о страшномъ послѣ оной судѣ надъ людьми. Вѣря преданію, я съ чувствомъ благоговѣнія облобызалъ этотъ священный памятникъ видимаго пребыванія на землѣ Бога во плоти и Его общенія съ людьми. Развалины указываютъ на существовавшую когда-то здѣсь церковь.

Когда мы совершенно спустились съ горы и шли мимо Гефсиманской гробницы Богоматери, въ это время приближалась къ намъ религіозная процессія, вышедшая изъ мечети Омара и шедшая въ такомъ порядкѣ: впереди три-четыре турецкихъ знамени, за ними въ нѣсколько рядовъ музыканты съ громадными барабанами и пѣвучими рожками, далѣе юноши съ пиками и ружьями, наконецъ масса молодыхъ женщинъ

и дѣвушекъ, которыя во всю плотку пѣли пѣсни, неся на головахъ калабалыкъ съ свѣтными припасами; по временамъ раздавались выстрѣлы,—салюты въ честь праздника. И такихъ процессій съ промежутками при насъ прошло нѣсколько. Это мусульмане такъ справляютъ свой праздникъ въ честь пророка и законодателя Моисея, память котораго чтутъ и Турки и Арабы. Послѣ шести часовъ пустыннаго пути они приходятъ къ огромному монастырю, посвященному названному святому вождю, — монастырю, находящемуся теперь въ совершенномъ запустѣніи, и здѣсь проводятъ время въ разныхъ плотскихъ удовольствіяхъ, присущихъ не одному только будущему пресловутому магометову раю, но и земной юдоли.

Мнѣ вотъ что понравилось въ послѣдователяхъ корана: что они, дошедши до погребальной пещеры Богоматери и поровнявшись съ вратами, ведущими въ нее, тотчасъ перестали играть, пѣть и стрѣлять и, остановившись здѣсь, простояли нѣсколько минутъ въ невозмутимой тишинѣ и безмолвіи, выражая этимъ уваженіе и благоговѣніе къ Сити Маріамъ (Св. Маріи) *) за тѣ благодѣянія, которыя они получаютъ отъ Ней, при своемъ обращеніи къ Ней за помощію, въ особенности при трудномъ чадорожденіи женъ, для которыхъ, (какъ я замѣтилъ въ прежнемъ своемъ описаніи Палестины за 1877 г.), отведено даже особое помѣщеніе вблизи смертнаго ложа Святой Дѣвы для молитвы.

Когда я пришелъ на «Русскія постройки», начался благовѣстъ въ нашемъ Троицкомъ Соборѣ ко всенощной, такъ какъ наступала недѣля Ваий. Въ богослуженіи участвовалъ о. настоятель Миссіи и 8 священниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Тѣ же самыя лица совершали литургію и на другой день, по окончаніи которой всѣ священнодѣйствовавшіе, въ 8 часовъ утра, отправились къ Гробу Господню для участствованія въ крестномъ ходѣ. Мы пришли въ храмъ во время

*) Урокъ отъ мусульманъ далеко нелишній и для насъ, Хрістіанъ. Какъ часто у насъ вблизи самыхъ храмовъ творятся безчинія во время мірскихъ сходокъ или базарныхъ и ярмарочныхъ дней! Для однихъ—нипочемъ: покурить въ церковной оградѣ и даже въ притворѣ храма; для другихъ безразлично, гдѣ они горланятъ уличныя безобразныя пѣсни, на пустырь ли или поровнявшись съ домомъ Божиимъ; для третьихъ—играть на музыкальныхъ инструментахъ возлѣ храма и въ то время, когда въ немъ совершается Богослуженіе. Уже нечего и говорить о томъ, что, проходя мимо дверей священнаго зданія, рѣдкій Хрістіанинъ, въ особенности горожанинъ, сниметъ шапку, перекрестится и этимъ воздастъ подобающее святинѣ храма. О, времена! о, нравы!

великаго выхода со Святыми Дарами. Литургисаль патріархъ съ 4-мя архіереями, нѣсколькими архимандритами и 24-мя священниками. Въ храмѣ Воскресенія горѣло болѣе тысячи разноцвѣтныхъ лампадъ, развѣшанныхъ на особыхъ шнурахъ по всему протяженію онаго красивыми гирляндами, и три громаднхъ люстры. Съ кувукліи Гроба Господня старыя иконы сняты и замѣнены новыми, усыпанными жемчугомъ и дорогими камнями, убраны цвѣтами и иллюминированы серебряными и золотыми стаканчиками. Кромѣ лампадъ, вокругъ всей кувукліи, по карнизамъ, стояли въ пять рядовъ зажженные бѣлаго воска узорчатыя свѣчи, а по между ними уставлены рѣзные херувимы. Надъ дверьми Гроба Господня висѣла большая, около пяти пудовъ вѣсу, лампада съ пятью стаканами,—даръ любви къ Искупителю покойнаго Государя Николая Павловича, сдѣланная изъ чистаго золота и усыпанная дорогими камнями; въ нишахъ купола Святогробскаго храма горѣло нѣсколько сотъ малыхъ лампадъ. По окончаніи обѣдни все духовенство, около полутораста человѣкъ, стало исподоволь выходить изъ алтаря, начиная съ низшаго, и устанавливаться попарно отъ царскихъ вратъ и до самой кувукліи, имѣя въ одной рукѣ большія зажженные свѣчи, роскошныя пальмовыя вѣтки и букеты лилій и розъ, а въ другой—иконы; это, какъ и дальнѣйшая разстановка лицъ и священныхъ предметовъ, длившаяся около часу *), было только подготовленіемъ къ крестному ходу; самый же ходъ открылся и совершался такимъ образомъ: впереди шла турецкая стража съ макаронами (бичами) и кавасы съ булавами и пролагали по между массаи народа свободный путь свящ. процессіи; потомъ хоругвеносцы несли 12-ть хоругвей, и предъ каждою шель мальчикъ въ облаченіи, имѣя въ рукахъ подсвѣчникъ съ горящею свѣчею, а иподіаконы несли большой запрестольный крестъ, рипиды и патріаршій жезлъ; за ними слѣдовали: хоръ арабскихъ пѣвцовъ, потомъ діаконы съ пальмами и свѣчами; за ними шли священники, за священниками игумены и архимандриты и несли

*) Въ продолженіе этого времени ко мнѣ поминутно подбѣгали греки-монахи съ вопросомъ: отчего я безъ камилавки? Я имъ отвѣчалъ, что она у меня въ квартирѣ и не надѣта по случаю ливня, изъ боязни, чтобы дорогой не размокла; но они не удовлетворились этимъ, и дѣло дошло до того, что меня изъ за этого ничтожнаго случая едва не лишили участія въ свящ. процессіи. Вотъ до чего необычно здѣсь, видѣть въ церкви духовное лице съ непокрытой головой. Оно служить имъ притчею во языцѣхъ!!

ковчеги со св. мощами; позади ихъ хоръ греческихъ пѣвцовъ; за ними 12 діаконовъ съ трикиріями и дикиріями, потомъ шествовали епископы и митрополиты, имѣя въ рукахъ Евангеліе, и предъ каждымъ изъ нихъ шелъ мальчикъ въ стихарѣ съ подсвѣчникомъ; въ концѣ процессіи патріархъ, за нимъ несли большую хоругвь съ изображеніемъ Воскресенія Христова и громадную масличную вѣтвь, съ большимъ вкусомъ убранную живыми цвѣтами. По бокамъ храма и на галлереяхъ его стояли массы разноплеменнаго народа и разныхъ исповѣданій: Христіане—съ красивыми пальмами *), листья которыхъ арабы, не смотря на свою дикость и невѣжество, умѣютъ великолѣпно переплетать разными фасонами, съ добавленіемъ роскошныхъ живыхъ цвѣтовъ. Во время свящ. хода пѣли канонъ, стихиры и великое славословіе и, обошедши вокругъ кувукліи два раза, въ третій пошли по галлерей вокругъ храма Воскресенія и, обогнувъ опять кувуклію, пришли къ дверямъ Гроба и остановились; здѣсь, послѣ троекратнаго пѣнія трисвятаго, патріархъ читалъ Евангеліе, потомъ, по окончаніи великой эктени и возглашенія отпуща, возвратившись въ Воскресенскій храмъ, съ высоты своей кафедры раздавалъ народу антидоръ. Такъ закончилась торжественная служба Цвѣтоносной недѣли. Послѣ этого кто хотѣлъ шелъ домой, я же остался посмотреть на процессіи другихъ Христіанъ, неправославныхъ.

По выходѣ нашего православнаго патріарха изъ святогробскаго храма, первыми начали крестный ходъ Армяне, имѣя во главѣ своего патріарха, который имѣлъ на головѣ митру, похожую на митру католическихъ бискуповъ, усыпанную брилліантами, а ризу,—съ длинными и широкими воскриліями, схожую съ нашею священническою, только съ широкимъ, стоячимъ, краснымъ воротникомъ, какъ у русскихъ старинныхъ генераловъ, на которомъ изображены живописные лики 12 Апостоловъ, съ золотымъ питьемъ вокругъ нихъ. Епископы были въ митрахъ, похожихъ на наши; обстановка во всемъ богатая. Спустя полчаса послѣ

*) Въ Іерусалимѣ, на всенощной, вай не заготовляютъ, какъ у насъ, для освященія и раздачи молящимся. Желавшій предстоять во храмѣ съ пальмою финиковою, запасается таковою на свои деньги заблаговременно и идетъ съ нею къ Богослуженію; Арабы въ пятницу и субботу Цвѣтоносныя приносятъ пальмовыя вѣтви изъ окрестныхъ мѣстъ и становятся съ ними для продажи на площадкѣ предъ храмомъ Гроба Господня, и продаютъ ихъ отъ 10 коп. до 2 руб. за штуку, смотря по величинѣ и красотѣ отдѣлки.

окончанія Армянами хода, показалась процессія Сиріанъ, и въ челѣ оной ихній епископъ, у котораго вмѣсто митры была на головѣ повязка, въ родѣ омофора; послѣ Сиріанъ шествовали Копты, при предстоятельствѣ своего архіерея; у послѣднихъ двухъ первосвященниковъ митры и жезлы, какъ у православныхъ, а облаченія—похожія на наши священническія. Обстановка процессіи у Сиріанъ и Коптовъ и по качеству, и по количеству самообѣднѣйшая; выдающихся отличительныхъ обрядностей не примѣтилъ.

Но вотъ наступила и седмица святыхъ и животворящихъ Страстей Господнихъ. Всѣ поклонники расположились говѣть. Въ понедѣльникъ я одинъ служилъ обѣдню въ нашей миссійской церкви, которая обѣдня началась въ 6 часовъ утра. Послѣ вечерни ходилъ прикладываться ко Гробу Господню, во вторникъ и среду послѣ литургіи въ той же миссіи навѣщалъ Геесиманію, но каждый разъ возвращался съ грустію, такъ какъ паписты, не смотря на усердныя мольбы наши, не отверзали дверей знаменательнаго и приснопамятнаго священно-историческаго вертограда ея. Подъ четвергъ оставался для ночнаго бдѣнія у Гроба Господня, и здѣсь, къ утѣшенію моему и великой духовной радости причастниковъ, прочитаны мною на Голгоѣ акаѣистъ страстямъ Господнимъ и все правило, а одинъ мужичекъ, умиленный и растроганный до глубины души чтеніемъ, поднесъ мнѣ въ награду за трудъ два рубля. Въ это же время въ сосѣдней церкви ап. Іакова совершалось надъ поклонниками таинство Елеосвященія.

Въ четвергъ, въ 11-ть часовъ ночи, началась заутреня въ Воскресенскомъ храмѣ, а въ половинѣ перваго и обѣдня. Обѣдня разомъ совершалась и на Гробѣ Господнемъ и на Голгоѣ; я служилъ на Голгоѣ вмѣстѣ съ епископомъ Іорданскимъ Никифоромъ, такъ какъ со времени моего пріѣзда въ Палестину мнѣ до сего дня не пришлось здѣсь священнодѣйствовать. Причастниковъ было довольно.

Въ 6 часовъ утра, а по восточному въ первомъ часу, послышался благовѣстъ къ обѣднѣ въ помянутой выше патріаршей церкви св. ап. Іакова, брата Господня; литургисалъ самъ патріархъ съ 12-ю нареченными апостолами, (въ числѣ которыхъ былъ и нашъ о. архимандритъ), по случаю совершаемаго въ этотъ день по чину церкви обряда умовенія ногъ. На открытой пло-

щади, предъ храмомъ Гроба Господня, для этого нарочито устроена была эстрада, съ перилами вокругъ, съ двумя скамейками по бокамъ для 12-ти избранниковъ (апостоловъ) и амвономъ посреди, съ золоченымъ на немъ кресломъ для патріарха; по угламъ эстрады мѣста для всѣхъ Палестинскихъ архіереевъ, пожелавшихъ присутствовать при умовеніи; вся площадка устлана была богатыми восточными коврами. Для чтенія евангелія во время обряда, въ стѣнѣ, близъ стоящаго зданія, устроенъ былъ временный балконъ и вмѣсто зонта отъ жгучихъ солнечныхъ лучей защищенъ нарочито срубленнымъ и поставленнымъ громаднымъ масличнымъ деревомъ *). Массы разноплеменнаго и разновѣрнаго народа, еще до разсвѣта, часовъ за шесть до церемоніала, начали занимать всевозможные пункты на террасахъ ближайшихъ зданій, въ окнахъ, нишахъ, карнизахъ, на колоннахъ и пр. Арабы приходили съ нарочито припасенными веревками и по нимъ ловко взбирались на самыя высокія и опасныя мѣста и тамъ прилаживались для лицезрѣнія. Нѣкоторые подворья, какъ напр. Геосиманское, выпускали публику по билетамъ, за которые взимали весьма солидную плату. Не знаю, почему, но мусульманки въ бѣлыхъ саванахъ въ особенности интересовались нашимъ обрядомъ «Умовенія ногъ» и заняли заблаговременно лучшія и удобнѣйшія мѣста. Крикъ и гамъ, и разныя при этомъ сцены и выходки иновѣрныхъ были нестерпимы для непривычнаго уха православныхъ. Вся видѣвшаяся 20-ти тысячная пестрая, разноплеменная и разновѣрная масса въ національныхъ костюмахъ, въ разныхъ позахъ, усявшая собою, какъ мухи, все, на чемъ только можно было держаться, сверху и внизу, на землѣ и на зданіяхъ, могла бы составить интересный фотографическій снимокъ, годный для любого альбома.

Но вотъ засуетилась турецкая военная стража, поставленная цѣлью для порядка, захопала бичи по спинамъ усердствующихъ взглянуть на процессію, показалась, наконецъ, и самая процессія въ такомъ по-

*) Объ этой масличнѣ Греческіе монахи проповѣдуютъ между поклонниками такую непростительную нечѣстность: кто будетъ имѣть вѣтку, къ тому не посмѣютъ подступить демоны, и душа того въ будущемъ вѣкѣ будетъ имѣть свободный ходъ чрезъ мытарства прямо въ рай. А кому это не желательно? И вотъ простушки, довѣряя лъстивымъ словамъ, нарасхватъ закупаютъ таинственныя вѣтки дорогого цѣною, жертвуя послѣдними лептами. Одна поклонница со слезами жаловалась мнѣ, что съ ней вытянули припасенные на обратный путь на родину двадцать пять рублей: не съ чѣмъ и домой!

рядѣ: кавасы съ палками, объемистый патріаршій швейцарь съ булавой, нѣсколько мальчиковъ съ зажженными свѣчами, монахи, пѣвчіе, діаконы съ кадильницами, священники, діаконы съ дикиріями и трикиріями и, наконецъ, самъ патріархъ въ полномъ облаченіи, благословлявшій народъ крестомъ. Взошедши на эстраду, патріархъ занялъ уготованное для него кресло, а избранные къ соучастію въ совершеніи обряда изъ священнослужащихъ сѣли на свои мѣста; толпа заколыхалась, говоръ усилился, часы пробили 4-ре раза (что означало 4-й часъ утра по восточному). Въ это время взошелъ на описанный мною раньше балконъ, вице-намѣстникъ святогробскій съ евангеліемъ въ рукахъ и сталъ читать по нему положенное, а патріархъ съ своего мѣста подходилъ къ каждому изъ нареченныхъ на этотъ разъ въ апостолы и предлагалъ вопросы, на которые иные отвѣчали устно, а другіе по тетради, и послѣ объясненій кланялись ему въ ноги. О чемъ ихъ вопрошали, что они отвѣтствовали, что читалось изъ евангелія, за гуломъ и говоромъ народныхъ массъ, нельзя было разобрать; но были такіе дерзкіе смѣльчаки, которые для удовлетворенія своего любопытства врывались за рѣшетку эстрады, гдѣ совершался обрядъ, и тутъ, стоя въ шапкахъ, всматривались, что творится, и это въ виду властей. Обошедши ряды священныхъ соучастниковъ совершенія обряда, патріархъ отложилъ митру и служебныя одежды до подризника и началъ умывать имъ ноги *). За симъ снова,

*) Чтеніе Евангелія продолжалось, въ воздухѣ висѣлъ людской гулъ, молва усиливалась, народъ волновался и громко излагалъ свое сужденіе то объ обрядѣ, то о лицахъ, участвующихъ въ немъ. И между прочимъ мнѣ пришлось выслушать слѣдующее курьезное сужденіе двухъ русскихъ бабъ и мужика. Когда патріархъ отъ жары и утомленія утиралъ лице, одна изъ нихъ говоритъ: глянь-ко, родимая, какъ патрахъ (патріархъ)-то рыдаетъ, да платочкомъ слезки подтираетъ! А другая продолжаетъ: да вишь, какъ ему, сердешному-то, и не плазаетъ! Разѣ отъ звитихъ, (указывая на сослужащихъ), и не достается ему? Въ то время, когда патріархъ подходитъ къ нареченнымъ апостоламъ и порознь съ каждымъ велъ бесѣду, по чиноположенію восточному, судили объ этомъ такъ: видишь, онъ, сердца (патріархъ), все допрашиваетъ ихъ, кто изъ нихъ хочетъ продать его жидамъ, а они-то, оканные, и не сознаются... не я, молъ, не я... Когда вышелъ предъ патріарха названный Іуда-іеродиаконъ, одѣтый въ стихарь и препоясанный ораремъ, то они же говорили: сказано Іуда, ему-то и священнической ризы не дали, какъ прочимъ... молъ, не стоишь... А когда патріархъ бесѣдовалъ съ нимъ, то мужикъ въ это время, обращаясь къ женщинамъ, такъ говоритъ: смотри, какъ онъ (Іуда) поблѣднѣлъ... а теперь сдѣлался, какъ печеный ракъ... а, видно, проговорился, что онъ-то и хочетъ продать его, такъ ему-то вотъ, заразы, и задаль жару патрахъ (патріархъ), молъ, я тебя въ порошокъ сотру, что это ты задумалъ, оканный! Глянь-ко, у него (у іеродиакона) и харя Іудинская! Въ то время, когда патріархъ, умывая ноги священнослужащимъ, подошелъ къ о. арх. Антонину (Петру), бабы вскричали: это нашъ, Антониушка, это Петръ, вотъ смотри, какъ они толкують по между собой... да и

облачившись, сошелъ съ эстрады съ тремя избранными и сталъ молиться, возлѣ того мѣста, гдѣ читалось евангеліе, а сопутники его прилегли на землѣ въ десяти шагахъ; въ продолженіи молитвы патріархъ три раза подходилъ къ нимъ и будилъ ихъ. Послѣ этого всѣ взошли опять на эстраду; патріарху подали громадный букетъ цвѣтовъ вмѣсто кропила и онъ, омокая его въ вазу съ розовой водой, окроплялъ священнодѣйствовавшихъ и весь народъ, при торжественномъ звонѣ колоколовъ. Наконецъ вся свящ. процессія двинулась въ тотъ самый храмъ, изъ котораго вышла, съ соблюденіемъ помянутаго выше распорядка.

Утро страстной пятницы я посвятилъ на то, чтобы пройти тѣмъ путемъ, какимъ вели моего Искупителя изъ Геесиманскаго сада къ первосвященникамъ Аннѣ и Каиафѣ, потомъ въ преторію Пилата и затѣмъ на Голгофу. Для этого я прошелъ Сіонскую гору, спустился въ Иосафатову долину, мимоходомъ осмотрѣлъ гробницы ветхозавѣтныхъ Іудейскихъ царей и въ особенности Авессалому и, налюбовавшись отсюда досыта восхитительною картинностію окружавшихъ меня пейзажей, прошелъ вдоль подошвы горы Елеонской къ Геесиманскому вертограду и, вошедши въ него, присѣлъ на скамью, дондеже утишатся вся чувствія и соберутся во едино для сосредоточенной молитвы. Я хотѣлъ въ великій день распятія Господа, втиши, уединенно излить предъ Нимъ свою грѣшную молитву, чтобы Онъ, вышній и крѣпкій Подвигоположникъ, въ помощи моей укрѣпилъ меня, чтобы Онъ, полунощный Молитвенникъ за родъ человѣческій, и меня научилъ всегда молиться Ему отъ любви сердечныя, съ воплемъ крѣпкимъ о грѣхахъ моихъ и со слезами благодаренія за вся благая. Ставъ подъ мраморнымъ балдахиномъ, предъ рельефнымъ чуднымъ изображеніемъ молящагося Спасителя, и преклонивъ колѣна, я началъ читать стихи, изъ канона Страстямъ Христовымъ: Слава страстемъ Твоимъ, Господи! Преклонилъ еси здѣ колѣнѣ моляся, Ему же поклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. Приклонися нынѣ къ моленію моему и услыши мя, якоже Отецъ молящагося Тя услыша.

Петя-то не сговорчивъ: не хочетъ, чтобы ему помыли ножки; вотъ паренекъ-то неволькій, отказывается еще... да вѣдь не простой-то водицей будутъ мыть, какъ у себя дома, а ероматами (ароматами)... доведись на меня, да ябъ еще попросила ихъ и на дорогу и домой; ну, слава Богу, сладили дѣло, опять вскрикнули тѣ же бабы, вотъ уже Петруша протянулъ ногу; ну, голубчикъ, мойся, мойся, ты вѣдь нашъ!...

Слава страстемъ Твоимъ, Господи! Отче, въ моленіи глаголаю еси, да Тебе истиннаго Сына покажешь, на раны готовъ есмь, аще и единого зла не сотворишь; мене, Иисусе мой, много зла сотворша, многихъ избави мученій. Слава: Въ потъ лица твоего хлѣбъ твой съѣси, реклъ еси падшему человѣку: тѣмже яко второй Адамъ егда молился еси, потъ крови изливашеся изъ пречистаго тѣла Твоего: брашно бо Твое волю Отчу творити. Ни едину убо заповѣдь Твою сотворшаго, Иисусе Христе, потомъ крове Твоея каплющимъ омыи мя. И нынѣ: Не кому земля проклята есть, кровію бо Сына Твоего благословляется: земле благословенная, Пречистая Дѣво, воздвигни мя, прахъ и пепелъ, на славословіе Христа, Бога нашего. Едва я прочелъ приведенные стихи, какъ моментально вокругъ меня собралась масса поклонниковъ; слышались среди ихъ рыданія и вопли... При этомъ ручьемъ полились слезы и изъ моихъ очей, и я едва съ перерывами могъ продолжать чтеніе акаеиста страстемъ Господнимъ; всѣ стояли колѣнопреклоненными; воздухъ поминутно оглашался глубокими и тяжелыми вздохами; иные били себя въ перси..., а другіе какъ бы замерли съ воздѣтыми къ небу дланями... Картина величественная и до раздѣленія мозговъ и членовъ поразительная. О, какъ сладки и несказанно утѣшительны были для меня эти единственные минуты въ моей жизни! Конечно, въ такомъ экстазѣ и при такой обстановкѣ не повторятся имъ въ сей юдоли никогда, никогда... Но неизгладиться имъ и изъ скрижалей сердца, изъ тайниковъ памяти до положенія моего во гробъ! Молитва окончена, но никто не двигался съ мѣста; точно всѣ прикованы были къ мѣсту стоянія, къ вертограду, невидимою силою: такъ души всѣхъ въ этотъ приснопамятный день и блаженный часъ возжадали къ Богу-Искупителю, живому и крѣпкому! Быть можетъ, мнилъ я грѣшный, по этому самому мѣсту, гдѣ я преклонялъ колѣна и главу мою, неоднократно скользили пречистыя стопы Господа, Творца моего! А можетъ статься, кто знаетъ, Онъ здѣсь же, преклонивъ колѣна, молился, говоря: Отче, о, если бы Ты благоволилъ пронести чашу сію (страданій) мимо Меня! И находясь въ бореніи, потомъ еще прилежнѣе молился, и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю.

Собираясь оставить таинственный вертоградъ, я прошелъ его вокругъ и вдоль, при чемъ покаянныя и

благодарственные слезы нѣсколько разъ орошали поникшее чело мое и канули даже на святую его землю. Господи, молился я при этомъ, омой каплями этихъ слезъ, омой грѣхи всѣхъ возрастовъ моей несчастной разбитой жизни!

Шествую мимо Геосиманской усыпальницы Богоматери, я, сверхъ всякаго чаянiя, нашелъ двери оной отверстыми (обыкновенно онѣ открываются въ два часа ночи, для служенiя литургiи, и по окончанiи оной запираются на цѣлый день) и со тщанiемъ и великою радостiю спустился по 48-ми ступенямъ широкой лѣстницы внизъ къ самой гробницѣ Приснодѣвы и здѣсь удостоился облобызать гробъ Рождшей отъ Отца Рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ и спострадавшей Ему даже до смерти, и прочитать акаѣистъ приснопамятному Ея Успенiю, послѣ чего сказано мною поученiе молящимся здѣ поклонникамъ. За симъ, окинувъ взоромъ всю Масличную гору, поклонившись до земли Геосиманскому вертограду и облобызавъ священный прахъ его при чтенiи кондака: «Видѣвъ Тя, Богочеловѣка, ангель въ вертоградѣ Геосиманскомъ, до пота кровава въ молитвѣ подвижающаяся, представъ укрѣпляше Тя, егда яко бремя тяжкое грѣхи наша отяготѣша на Тебѣ: Ты бо, Адама погибшаго на рамо воспримъ, Отцу представилъ еси, преклонъ колѣна моляся: о семъ убо, съ вѣрою и любовiю, взываю Тебѣ: аллилуiя», я направился чрезъ изсохшiй Кедрскiй потокъ, мимо мѣста побiенiя камнями св. первомученика и архидiакона Стефана, къ Иерусалимскимъ воротамъ Святой Дѣвы, и отсюда, съ открытой головой, шествовалъ по-надъ бывшей преторiей Пилата, по такъ называемому *крестному пути*, до Голгофы, по которому ведень былъ для распятiя на ней за насъ грѣшныхъ нашъ Искупитель, моля Его, да Онъ, Божественный Крестоносецъ, ведя и меня крестнымъ путемъ жизненныхъ бѣдъ и скорбей *въ церковь первородныхъ, на небесныхъ написанныхъ*, помогъ бы мнѣ безропотно идти имъ до конца жизни и для этого послалъ на помощь Симона Киринейскаго—свою благодать, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Вездѣ гонимый, Иисусе, говорилъ я, оставившись у арки «Се человѣкъ», многiя ради множества грѣховъ моихъ претерпѣлъ еси поношенiя и муки: едины бо Ты противна быти кесарю глаголютъ, друзiи яко злодѣя осуждаютъ, инiи же: «возми, возми и распни» вопiютъ. Отъ всѣхъ убо осужденному на пропятiе ве-

домому Тебѣ, Господу, изъ глубины души глаголю: Иисусе, несправедно осужденный, Судіе мой, не осуди мя по дѣломъ моимъ. Иисусе, изнемогаѣй на пути подъ крестомъ, сило моя въ часъ скорби и озлобленія моего, не остави мене. Иисусе, взываяѣй о помощи ко Отцу, Подвигоположнице мой, въ немощи моей укрѣпи мя. Иисусе, безчестіе пріемый, славо моя, отъ славы Твоея не отрини мене. Иисусе, образе пресвѣтлыя вѣпостаси Отця, преобрази мое нечистое и мрачное житіе. Иисусе, Сыне Божій, помяни мя, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!

Врата Воскресенскаго Святогробскаго храма я нашелъ тоже отворенными, а потому счелъ первымъ и священнымъ долгомъ взойти въ день всемірнаго искупленія на Голгоу, — мѣсто, идѣже стоястѣ пречистѣи нозѣ Спасителя міра, и, павъ предъ величественнымъ древомъ распятія Господня, отъ глубины сердечной произнесъ: Иже въ шестыи же день и часъ на крестѣ пригвождей въ раи дерзновенный Адамовъ грѣхъ, и согрѣшеній моихъ рукописаніе раздери, Христе Боже, и спаси мя! И лишь только я прикоснулся устами ко вселенской святынѣ, къ круглому небольшому отверстию, въ которое во время оно водруженъ былъ подлинный животворящій крестъ Господень, какъ святогробскіе часы пробили 11-ть разъ, — время распятія Спасителя, указуемое евангеліемъ! Это произвело во мнѣ страшную духовную бурю, потрясшую до глубины брѣнное мое естество... Слезы невольно канули въ святое отверстіе, вмѣщавшее древо искупленія, а таинственный голосъ вѣщалъ: грѣшникъ! еще и еще приклони твое надменное чело предъ этою священою скалою и принеси сердечную исповѣдь Искупителю твоему, во всѣхъ грѣхахъ своихъ, за которые принесена Имъ столь великая жертва; раскрой предъ Всевидящимъ всю твою душу; припомни все, что ты мыслилъ, говорилъ и дѣлалъ дурнаго; омой слезами сердечнаго покаянія всѣ твои беззаконія и, при благодатной помощи Распятаго, постарайся съ этого времени совершенно переимѣнить жизнь твою; начни жизнь новую, благодатную, и помянетъ Онъ и тебя, какъ благоразумнаго и вѣрнаго разбойника во царствіи Своемъ, и будешь съ Нимъ въ раи! Приложившись за симъ ко Гробу Господню и къ части мраморной колонны, къ которой привязанъ былъ Иисусъ при бичеваніи во дворѣ Пилата и которая, кстати замѣтить, только и открывается для лобызанія въ ны-

нѣшній день, и помазавшись у ней елеемъ, освященнымъ наканунѣ въ таинствѣ елеосвященія надъ поклонниками, я ушелъ для отдыха на «русскія постройки».

Въ часъ по полудни въ нашей миссіи началась вечерня, а въ пять—субботняя заутреня. Стихи канона на погребеніе Христова читали всѣ священники, а ихъ было 9-ть съ архимандритомъ во главѣ, такимъ порядкомъ: сначала пѣвчіе пѣли первый стихъ, за ними первый священникъ произносилъ слѣдующій; потомъ опять пѣвчіе, затѣмъ второй священникъ дальнѣйшій стихъ; опять пѣли пѣвчіе, за ними третій священникъ читалъ рядовой стихъ и т. д., въ концѣ утрени плащаница обносилась вокругъ построекъ миссіи и храма, богослуженіе окончилось къ 8-ми часамъ.

Въ 9-ть часовъ вечера о. архим., идя въ патріархію для участія въ совершеніи крестнаго хода съ плащаницею въ святогробскомъ храмѣ, пригласилъ съ собою и меня. Когда мы вошли во храмъ, то въ немъ народу было биткомъ набито вездѣ, отъ низу и до купола. Въ 9½ часовъ пришелъ патріархъ и сѣлъ на своемъ мѣстѣ подъ балдахиномъ на срединѣ церкви; въ это время подошелъ къ нему экклисіархъ за благословеніемъ для начатія перебора въ била и кандіи *), продолжавшагося пѣлый часъ. По окончаніи клепанія изъ алтаря вышли два діакона, имѣя на плечахъ, покрытыхъ богатыми бархатными, шитыми золотомъ нарамниками, золотыя ладонницы, видомъ похожія на дарохранительницы, и около часу кадили весь Воскресенскій храмъ съ примыкающими къ нему ротондами. Началась заутреня. Когда приспѣло время пѣнія канона, патріархъ и съ нимъ 4 архіерея приступили къ облаченію себя въ священныя одежды. По окончаніи великаго словесія архіерей, одѣтые въ изящные черные саккосы, подъяли древнюю Молдовлахійскую плащаницу, которой отъ созданія болѣе 200 лѣтъ, и понесли ее на Голгоу, въ предшествіи патріарха и всего наличнаго духовенства. Здѣсь крестный ходъ остановился, пла-

*) Била эти и кандіи устроены на хорахъ средняго яруса иконостаса Воскресенскаго храма: ихъ составляютъ деревянныя доски, длинныя, узкія полосы желѣза, повѣшенныя на плурахъ, мѣдныя тарелки, висяція на цѣпяхъ, колокольчики разныхъ тоновъ и пр. Для клепанія въ нихъ приставленъ особый клирикъ—знатокъ и художникъ этого дѣла, который по нотамъ выбиваетъ на нихъ молоточками разныя свѣщ. піесы. Клепаніе въ била и кандіи чрезвычайно пріятно для слуха и духовно настраиваетъ чувства къ предстоящему Богослуженію. Оно бываетъ только предъ служеніемъ въ нарочитые великіе праздники и большею частію въ присутствіи самого патріарха и придаетъ имъ много важности.

щаница положена на престолъ, архидіаконъ возгласилъ эктенію, въ которой поминалъ православныхъ царей и патріарховъ, по окончанія коей всѣ священнослужители пропѣли 40 разъ «Господи, помилуй»; за симъ произнесена о. архимандритомъ длинная проповѣдь на русскомъ языкѣ, изъ текста: *Сей же (Иисусъ) ни единого зла сотвори*, во время которой греческое и арабское духовенство отъ скуки усердно дремало, (не понимая языка проповѣди); единственнымъ слушателемъ изъ русскихъ былъ я, такъ какъ, по тѣснотѣ и мало-мѣстимости Голгоеской скалы, почти всѣ поклонники стояли у подошвы ея и слабый голосъ проповѣдника заглушаемъ былъ гуломъ народныхъ массъ. Лишь только закончилась проповѣдь, св. процессія двинулась съ Голгоеы сѣвѣрною лѣстницею до «камня мвропомазанія»; здѣсь предъ положенной на немъ плащаницей опять говорилась эктенія, по окончаніи которой одинъ изъ православныхъ арабскихъ учителей, взбравшись на широкой карнизъ, въ одномъ сюртукѣ, безъ всякихъ священныхъ отличій, началъ говорить проповѣдь *) довольно бойко и съ жестикуляціей. Потомъ, по пропѣтіи священнодѣйствующими пѣсни: «Благообразный Іосифъ» и окажденіи камня мвропомазанія съ лежащею на немъ плащаницею, свящ. ходъ направился къ кувукліи Гроба Господня, вокругъ которой сначала совершенно было обхожденіе три раза, а потомъ одними архіереями плащаница внесена въ священный вертъ и положена на тридневномъ пожѣ Искупителя. Послѣ чего предъ дверьми кувукліи сталъ патріархъ съ архіереями, а остальное духовенство размѣстилось вокругъ оной, и началось пѣніе канона на погребеніе Христово, по окончаніи котораго плащаница отнесена въ Воскресенскій храмъ, а молящіеся расходились по домамъ; впрочемъ, многіе остались здѣсь до завтрашняго дня—до времени полученія благодатнаго огня на Гробѣ. Часовая стрѣлка показывала на 12 часовъ ночи, когда я, пришедши на постройки, зажегъ свѣчу въ своей келліи.

При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что сейчасъ послѣ богослуженія потушены были всѣ огни не только внутри кувукліи, но и на всѣхъ мѣстахъ обшир-

*) Наши поклонницы только и могли сказать о ней: ай да и браво же говорилъ; сердце сильно горѣло въ насъ и чувало, что въ проповѣди сказывается все больно ражее (хорошее), да только ничего-то мы не могли понять: не по нашему!

наго Воскресенскаго храма, до времени явленія «благодатнаго свѣта» на Гробъ Господнемъ.

Въ Великую Субботу обѣдня въ нашей миссіи окончилась въ 10-ть часовъ утра. Ее совершалъ о. Архимандритъ съ 8-ю священниками, въ числѣ коихъ былъ и я. Въ 2 часа по полудни мы отправились въ Святोगробскій храмъ, для присутствованія при обрядѣ *) полученія и раздачи свящ. огня. Массы народа разныхъ племенъ и исповѣданій наполняли всѣ галереи храма; негдѣ было, какъ говорится, и яблоку упасть. Войска турецкія стояли шпалерами по всему протяженію храма и особенно охраняли всѣ входы въ алтарь **); такъ какъ православные Арабы въ чаяніи появленія благодатнаго огня выказывали избытокъ своей духовной радости разными конвульсивными движеніями и круженіемъ по всему храму.

Около часу мы стояли въ алтарѣ и нетерпѣливо ждали начала религіозной церемоніи; я думалъ, что все дѣло стало за нашимъ патріархомъ, но пришелъ, наконецъ, и онъ и усѣлся съ архіереями на диванчикѣ въ спокойномъ ожиданіи чего-то. Я спросилъ: кого и чего еще ожидаютъ? Мнѣ отвѣтили, что ожидаютъ съ поклономъ къ Греческому патріарху Армянскаго патріарха или его уполномоченнаго. Но вотъ кавасъ заступалъ булавой по половымъ плитамъ; толпа духовныхъ и мірянъ, наполнившихъ алтарь, разступилась и предъ

*) Мѣстное названіе.

**) Православные Арабы—эти самые лучшіе сыны дикой азіатской природы, съ давнихъ временъ и доселѣ имѣютъ обыкновение, за нѣскольکو часовъ до полученія благодатнаго огня, составлять изъ себя во храмѣ отдѣльныя и многочисленныя группы. Каждая группа, въ бытность мою, образуя собою хороводъ съ пѣніемъ по арабски: «Воля динъ, илля динъ эл-месія», т. е. «нѣсть вѣры, едина вѣра православныхъ Христіанъ», въ припѣску бѣгала вокругъ кувуклія и по всему храму, и бывали прежде случаи, что нѣкоторые доходили до такого экстаза, что зрывались въ алтарь и здѣсь плясали вокругъ престола. Для предупрежденія чего, теперь врата онаго всегда охраняются дюжими воинами. Такъ своеобразно и блазнительно для непривычнаго и посторонняго глаза выражается Арабами духовная радость, по случаю приближенія знаменательнаго момента полученія благодати! Блазнились и мы, Русскіе! Но будемъ пока снисходительны къ этимъ «лучшимъ дѣтямъ Востока», унасиждававшимъ этотъ религіозный актъ отъ своихъ предковъ и избалованнымъ поблажками турковъ, изъ за любимаго бакшиша. Мы знаемъ изъ древнихъ источниковъ, что здѣсь же на востокѣ, въ Ветхо-Завѣтной церкви, въ праздникъ Кушей, когда въ течение всѣхъ дней праздника горѣли ночью лампы въ гигагическихъ подсвѣчникахъ и разливали свѣтъ на весь городъ, то вокругъ ихъ народъ и даже государств. чины, священныя лица и фариसेи, въ радостномъ восторгѣ совершали свящ. танцы подъ звукъ мѣдныхъ инструментовъ, а левиты, построившись въ ряды, пѣли пѣсни. Самъ Богоотецъ, пророкъ Давидъ, когда переносили въ первую, созданную имъ на Сіонѣ, Скинію Ковчегъ Завѣта, въ порывѣ свящ. восторга скакалъ вокругъ него и предъ нимъ, играя. Не такъ давно на столбцахъ русскихъ газетъ сообщалось, что въ нѣкоторыхъ католическихъ паствахъ совершаются при извѣстныхъ религіозныхъ процессіяхъ свящ. танцы, при участіи пасторовъ.

православнаго патріарха предсталъ Армянскій архі-епископъ за благословеніемъ къ его святѣйшеству; воздавъ затѣмъ ему троекратное братское о Христѣ цѣлованіе, съ глубокимъ поклономъ *), онъ ушелъ.

Лишь только Григоріанскій іерархъ сошелъ съ солей, какъ священники, числомъ 12-ть, начали облачаться въ бѣлыя священныя одежды, а потомъ и патріархъ. Въ это время изъ алтаря чрезъ закрытыя царскія врата поданы были 12 хоругвей для крестнаго хода. Ликовавшіе Арабы умолкли, всѣ Православные

*) Это явленіе духовнаго лица съ поклономъ къ православному патріарху отъ имени Армянскаго народа, исключительно въ нынѣшній день и часъ, меня сильно заинтересовало, и я при первомъ удобномъ случаѣ не преминулъ навести справки, и оказалось слѣдующее. Въ царствованіе Мурата правдиваго, въ то время, когда Греки сильно отягчены были турецкимъ игомъ, богатые армяне просили Іерусалимскаго пашу, чтобы въ Великую Субботу онъ позволилъ имъ однимъ быть въ храмѣ Воскресенія, а Грековъ на этотъ разъ со-всѣмъ выгнать изъ него вонъ на площадь, увѣряя его и всѣхъ нейтральныхъ, что святѣ небесный въ этотъ день сходитъ на Гробъ Господень не ради Православныхъ, а ради ихъ, Григоріанъ, что они и хотѣли доказать, если ихъ самихъ оставить у Гроба. Но Турокъ не убѣдишь красными словами, а деньгами почти всегда. Получивъ изрядную сумму денегъ, турецкое начальство издало фирманъ, повелѣвающій въ имѣющую наступить у Грековъ Великую Субботу быть въ храмѣ Воскресенія только однимъ Армянамъ и имъ однимъ получать на Гробѣ свящ. огонь. Армяне на радостяхъ оповѣстили объ этомъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, приглашая ихъ прибыть къ этому дню на поклоненіе въ Іерусалимъ ко Гробу, такъ какъ теперь ихъ, армянъ, воля на этомъ мѣстѣ. Армянъ собралось великое множество. Наступилъ, наконецъ, и день В. Субботы. Григоріане всѣ собрались въ храмъ, а Православныхъ Грековъ турецкіе солдаты силою изгнали вонъ и заключили за ними св. врата. Изгнанники стали съ незажженными свѣчами возлѣ храма, на площади, и вмѣстѣ съ патріархомъ слезно и съ сокрушеннымъ сердцемъ молились ко Господу Человѣколюбцу, чтобы Онъ, ниже вѣсть судьбами, утѣшилъ Своихъ рабовъ, хотя и много прегрѣшившихъ, и прославилъ предъ всѣми истинную православную вѣру. И прилежное моленіе ихъ было не воще. Между тѣмъ приблизилась часъ, въ который обыкновенно исходитъ благодать отъ Гроба. Армяне молятся, но не слышится ихъ гласъ на небесахъ; уже болѣе получаса прошло, а свѣц. огня нѣтъ. Армяне усиливаетъ мольбу, плачутъ, бьютъ себя въ грудь, какъ нѣкогда поклонники Вааловы, но нѣтъ послушающаго ихъ! День былъ ясный, солнечный. Вдругъ при безоблачномъ небѣ гранулъ громъ и ударилъ въ мраморную среднюю колонну съ лѣвой стороны св. вратъ, она треснула въ длину, и изъ трещины началъ исходить яркимъ пламенемъ свѣтъ. Патріархъ, видя это, со страхомъ и радостію подошелъ къ колоннѣ и, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, зажегъ свою свѣчу, а отъ него—и всѣ Православные. Греки заликовали, а Арабы, единовѣрные съ ними, отъ избытка духовной радости начали прыгать, скакать и кричать: одна истинная вѣра, вѣра православныхъ Христіанъ! Они и теперь это творятъ ежегодно въ В. Субботу, что и бываетъ по полученіи благодатнаго огня въ память сказаннаго событія. Воины турецкіе, стоявшіе на стражѣ у церковныхъ вратъ, видѣвши такое чудо, ужаснулись, а одинъ изъ нихъ увѣровалъ во Христа и громогласно началъ проповѣдывать: Единъ есть истинный Богъ—Исусъ Христосъ, и вѣра православныхъ Христіанъ одна только истинная и въ подтвержденіе своихъ словъ прыгнулъ съ пятисаженной высоты на мраморныя плиты, какъ на пуховикъ, къ Христіанамъ-Грекамъ и стать съ ними славить Бога, потомъ вонзился въ каменную глыбу, какъ бы въ мягкій воскъ, три бывшихъ у него въ рукахъ—гвоздя, сказавъ при этомъ: такъ да вонзятся они въ очи невѣрующихъ въ св. свѣтъ! За это мусульмане отсѣкли ему голову, а тѣло его сожгли, кости же его Греки собрали и положили въ раку, которая и до сихъ поръ находится въ Іерусалимскомъ женскомъ монастырѣ Великой Панагіи. Имя этого страдальца—Эмиръ, какъ гласитъ преданіе. За

держали наготовѣ пуки свѣтъ, въ каждомъ по 33 свѣчи, по числу лѣтъ земной жизни Христа; говоръ затихъ, настала мертвая тишина. Предъ выходомъ изъ алтаря патріархъ вручилъ Арабскому священнику, обязательно постившемуся до этого три дня, золотое кандило, шарообразное и дырявое вверху, съ большимъ отверстіемъ сбоку, наполненное чистымъ елеемъ и хлопчатою бумагой, для принятія въ него благодатнаго огня, съ которымъ кандиломъ онъ и сталъ у сѣвернаго окна кувукліи, а Армянскій архіепископъ у южнаго—со свѣчами, съ своимъ клиромъ и народомъ. Засимъ отверзлись царскія врата Воскресенскаго храма, и патріархъ, въ предшествіи помянутыхъ священниковъ, хоругвей и кавасовъ, направился къ кувукліи, при пѣніи стихирь: *Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесахъ: и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славить*, и, обошедши ее три раза, остановился противъ входной двери оной; хоругви отнесены въ алтарь, а патріарха начали раздѣвать и раздѣли до подризника, оставивъ ему только малый омофоръ для совершенія молитвы у Гроба.

По снятіи печати и отверстіи дверей придѣла Ангела, патріархъ вошелъ внутрь ко Гробу Господню и двери опять затворились; мы, притаивъ дыханіе, не спускали глазъ съ кувукліи, боясь пропустить тотъ мигъ, въ который сверкнетъ надъ ней небесный огонь *),

симъ Греческій патріархъ съ своими пасомыми свободно вошелъ въ открытыя турками врата храма, и съ торжественнымъ пѣніемъ: «Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ творяй чудеса» приступилъ къ совершенію Литургіи. Что же случилось съ Армянами? Армяне у Гроба Господня ничего не получали, остались съ однимъ стыдомъ. Паша Іерусалимскій въ справедливомъ негодованіи за лжехваленіе тяжко ихъ наказалъ, и кромѣ того, издалъ такой фирманъ: за ложь, самомнѣніе и немирлоубіе Армяне и для вѣдущаго памятованія дня православной В. Субботы, въ который они посрамлены, а православные Греки возвеличены (ниспосланіемъ имъ небеснаго огня), Армянскій патріархъ, или уполномоченный отъ него да ходитъ вѣждо годно съ сей день съ поклономъ къ Греческому патріарху, и отъ лица Армянскаго народа да проситъ со смиреніемъ прощенія предъ полученіемъ огня, и отъ него же, патріарха, да принимаетъ оный, стоя внѣ кувукліи у окна. Помянутая коконна и теперь находится на томъ же самомъ мѣстѣ съ опаленною третиной; а къ ней лично прикладывался.

*) Этотъ чудесный огонь служилъ и доднесь служить камнемъ преткновенія и нескончаемаго говора на разныя варьяціи и помазанымъ и непомазанымъ елеемъ просвѣщенія у насъ, на Руси. Одни вовсе не вѣрятъ въ чудесное явленіе его на Гробѣ, смотря на этотъ феноменъ, какъ на продѣлку или подлогъ со стороны лукавыхъ грековъ и въ видахъ религіозныхъ, и въ видахъ матеріальныхъ; а другіе, безусловно вѣря въ чудесность огня, любятъ извѣстать: какъ и откуда оный приходитъ? Иные же изъ богомольцевъ, стоя въ церкви, въ часъ ожиданія появленія благодатнаго огня, мечтаютъ видѣть его чувственно нисходящимъ на Гробъ Господень, явно для всѣхъ, чрезъ находящееся въ куполѣ кувукліи отверстіе; а есть и такіе, которые прямо утверждаютъ, что видѣли его сходящимъ своими же глазами. Первымъ

въ предположеніи, что оный доступенъ зрѣнію нашихъ чувствъ. То трепеть и ужасъ, то умиленіе и радость попеременно волновали мое бренное естество; я стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, какъ бы ожидая появленія Самого Господа Спасителя... Нѣтъ, не выразить мнѣ словомъ тѣхъ благодатныхъ чувствованій, которыми переполнена была моя душа въ эти блаженные

Храмъ Гроба Господня: ожидающіе ниспаденія священного огня.

посоветуемъ не мудрствовать лукаво о томъ, яже око ихъ не видѣ. Вторымъ скажемъ, что этотъ свящ. огонь не съ неба приходитъ въ кувуклію, а, какъ гласитъ мѣстное преданіе, отъ самого Живоноснаго Гроба, освященнаго возлежавшею въ немъ плотію Христовою, который огонь исходитъ отъ него, какъ знаменіе истинны сего всемірнаго событія; а какъ, въ какомъ видѣ появляется или видимъ бываетъ на Гробѣ этотъ огонь, очевидно, это можетъ разсказать только тотъ, кто входилъ къ самому Гробу для принятія его. И вотъ одинъ изъ архіепископовъ прошлаго столѣтія, по имени Мисаилъ, бывшій

минуты и которые отражались на лицах всѣхъ окружающихъ меня! Не прошло и четверти часа послѣ входа патріарха въ кувуклію, какъ неожиданно-негаданно грянули у насъ надъ головами въ алтарѣ колокола необычнымъ потрясающимъ диссонансомъ, — сигналъ появленія свѣщ. огня на тридневномъ ложѣ Искупителя, отъ страху я задрожалъ какъ осенній листъ, наконецъ перекрестился, хотѣлъ пасть на колѣни... не вѣдая, какъ ап. Петръ на Фаворѣ при появленіи Божественнаго свѣта, что съ собой и дѣлать? Не успѣлъ я опомниться отъ напавшей на меня паники, какъ поманутый Арабскій священникъ, получивъ у окна кувукліи отъ патріарха зажженное кандило, какъ птица леталъ уже по алтарю и сообщалъ намъ благодатный огонь. Моментально во всѣхъ галлерейхъ храма запылали тысячи пуковъ свѣтъ въ рукахъ богомольцевъ, весь храмъ сталъ какъ бы громаднымъ пылавшимъ костромъ, или покрылся огненной лавой; всѣ заволновались, заликовали, слышались на разныхъ языкахъ возгласы: Господи, помилуй! посыпались разные привѣтствія другъ друга съ милостію и даромъ Божиимъ; многіе цѣловались, а нѣкоторые и плакали отъ умиленія, восклицая: слава Тебѣ, показавшему намъ Твой Божественный свѣтъ! Арабы опять закричали пуще

очевидцемъ явленія его, такъ говорилъ вопрошавшимъ его: Вшедшу мнѣ ко св. Гробу, видимъ бѣ на всей крышкѣ гробной блистающъ свѣтъ подобно разсыпанному мелкому бисеру, въ видѣ бѣлаго, голубаго, алаго и другихъ цвѣтовъ, который потомъ, совокупляясь, краснѣлъ и превращался въ вещество огня, но огонь сей въ теченіи времени, какъ только можно прочесть не спѣша четыредесять кратъ (40 разъ) Господи, помилуй, не жжетъ и не опаляетъ, и отъ сего-то огня уготованное кандило и свѣчи возжигаются. Третьимъ и четвертымъ скажемъ, что снѣгія благодатнаго огня никто изъ стоящихъ въ Святогробскомъ храмѣ не можетъ видѣть по той простой причинѣ, которую я сейчасъ объяснилъ, т. е. потому, что оный появляется не съ неба, а отъ самаго Гроба, куда не можетъ проникнуть ничей посторонній глазъ; а если иные изъ бывшихъ на этотъ разъ въ Иерусалимѣ и утверждаютъ, что они видѣли надъ кувукліей небесный свѣтъ, то это или миражъ слѣпкомъ настроеннаго ихъ воображенія, или они и дѣйствительно видѣли, какъ изъ двухъ боковыхъ окошекъ придѣла Ангела выходилъ или блисталъ свѣтъ; но то былъ свѣтъ отъ зажженныхъ уже самимъ патріархомъ отъ чудеснаго Гробоваго огня пучковъ обыкновенныхъ восковыхъ свѣщъ и елейнаго кандила, передаваемыхъ имъ по возженіи ихъ, въ сказанныя окна, Армянскому епископу и Арабскому священнику, первому—въ южное, а послѣднему—въ сѣверное. Но многіе еще возражаютъ: отчего же католики, цивилизованнѣйшіе прочихъ, отрицаютъ явленіе благодатнаго огня на Гробѣ Господнемъ? Отвѣчаемъ: по вѣковой злобѣ и ненависти къ схизматикамъ (православнымъ) и въ видахъ подорвать авторитетъ православія клеветою: яко бы называющіе себя православными всѣ глупы и на жи хотятъ утвердить основы своей схизмы. Католики этимъ мнятъ отвлечь слабыхъ и колеблющихся отъ Православія. Они и другимъ не довѣряютъ (и клеветуютъ на нихъ) и сами испытать дѣйствительность явленія свѣщ. огня опасаются, чтобы не быть въ свою очередь посрамленными подобно Армянамъ, и тѣмъ не подорвать возрастающаго кредита и обаянія папизма.

прежняго, составляя изъ себя хороводы по всему храму, обводя вокругъ шеи и упирая въ грудь горящими пучками свѣчъ, въ изступленіи дико и неистово кричали на распѣвъ: *Воля динъ, илля динъ эл-месія*. Даже мусульмане—и тѣ, прилагая руку къ сердцу, зывали: о Аллахъ, о Аллахъ! Часовая стрѣлка въ это время стояла на четверти четвертаго часа по полудни.

Черезъ нѣсколько секундъ изъ кувукліи вышелъ и патріархъ, съ двумя пылавшими въ рукахъ пучками свѣчей; народъ, едва завидѣвъ его, бросился зажигать свои пучки и едва не задушилъ его. На выручку святѣйшаго бросились два атлета-Араба и, взваливъ его къ себѣ на плеча, внесли въ алтарь и поставили на возвышенномъ мѣстѣ. Здѣсь кто желалъ изъ духовенства, подходилъ къ его святѣйшеству и зажигалъ свои свѣчи отъ пылавшихъ его свѣтильниковъ. Арабы, и по выходѣ изъ храма, хороводили, плясали по площади и по улицамъ Іерусалима, мотая въ воздухъ пылавшими пучками свѣчей и усердно распѣвая помянутый религіозный стихъ; а католики, стоя на кровляхъ домовъ, въ досадѣ плевали въ нихъ и свистали. Уполномоченные же отъ 20-ти Іерусалимскихъ монастырей Греческихъ и Армянскихъ опрометью бѣжали по разнымъ направленіямъ съ зажженными отъ гробоваго огня пучками громадныхъ свѣчей, для возжженія такового въ своихъ храмахъ.

Огонь, полученный въ В. Субботу на тридневномъ ложѣ Искушителя, бдительно поддерживается въ кувукліи цѣлый годъ и тушится только наканунѣ Велико-субботняго дня.

Впослѣдствіи, возвращаясь въ Россію, я видѣлъ, какъ Болгары, Черногорцы, Молдаване, Сербы и др., везли въ фонаряхъ благодатный огонь въ свои родныя мѣста и жилья.

Въ 4 часа по полудни, т. е. спустя часъ послѣ полученія благодатнаго огня, началась субботняя литургія Василия Великаго, которую совершалъ Іорданскій архіепископъ съ 4 священниками.

Въ 10-ть часовъ послышался звонъ къ Свѣтлой заутренѣ въ Святотробскомъ храмѣ Воскрсенія, а потому я, насколько возможно было въ мои лѣта, поспѣшилъ къ свящ. мѣсту всемірнаго торжества. Всѣ монастыри были отворены, на улицахъ Іерусалимскихъ, на высокихъ, желѣзныхъ, вѣтвистыхъ шестахъ пылали костры, вездѣ взадъ и впередъ сновалъ народъ, даже

Турки не спали и принимали участіе въ духовной радости Московитовъ; не видно было только однихъ жидовъ, заклятыхъ враговъ Распятаго ими. Храмъ Воскресенія и кувуклія Гроба Господня еще лучше были украшены и освѣщены, чѣмъ въ Вербное Воскресеніе: по всѣмъ святымъ мѣстамъ горѣло не менѣе десяти тысячъ лампадъ, а въ воздухѣ качались громадныя паникадила. Вскорѣ два діакона, имѣя на плечахъ ковчеги со св. мощами, стали кадить по всѣмъ св. мѣстамъ, а турецкія войска заняли всѣ пункты во храмѣ для порядка. Между тѣмъ духовенство, облачившись въ свящ. одежды, вышло для встрѣчи патріарха: священники съ иконами, крестами и евангеліями, діаконы съ рипидами, патріаршимъ жезломъ и мантиєю, а двѣнадцать мальчиковъ съ зажженными свѣчами въ большихъ стоячихъ подсвѣчникахъ. Вошедши во храмъ, патріархъ приложился къ «камню муропомазанія», потомъ къ Гробу Господню, за нимъ слѣдовали всѣ архіереи и все духовенство до патріаршей каедры. Здѣсь патріархъ остановился, затѣмъ возсѣлъ на уготованное подъ балдахиномъ оной сѣдалище, мальчикъ поставилъ предъ нимъ подсвѣчникъ съ громкою свѣчей, и началось клепаніе въ била и кандіи, а духовенство, готовившееся служить съ патріархомъ, подходило къ нему парами для принятія благословенія на облаченіе, и по облаченіи вышло на средину храма; послѣ чего старѣйшіе изъ него начали облачать патріарха при пѣніи канона «Волною морскою». Потомъ весь освященный соборъ: патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы, игумены, священники и діаконы, до 100 душъ, въ преднесеніи 12-ти богатѣйшихъ хоругвей, (которыя, кстати замѣчу, употребляются только на пасху и пожертвованы древними Греческими и Грузинскими царями), также св. иконъ, крестовъ и евангелій пошли ко Гробу Господню съ пѣніемъ: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ; и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славить.* Обошедши кувуклію его три раза, все духовенство остановилось противъ дверей оной, патріархъ прочиталъ воскресное Евангеліе и затѣмъ, взявъ кадило, покадилъ Гробъ Господень, кругомъ кувуклію, все духовенство и православныхъ поклонниковъ и, вошедши во внутрь Гроба съ архіереями, возгласилъ: *Слава Святѣй, и Единосущнѣй, и Животворящей, и Нераздѣльнѣй Троицѣ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!* Архіереи возгласили:

Аминь. Тогда патріархъ съ архіереями прошѣли три раза надъ самымъ Гробомъ Господнимъ по Гречески: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.* Потомъ пѣли всѣ стоявшіе вокругъ кувукліи, каждый на своемъ языкѣ. О, кто можетъ передать тотъ восторгъ, ту духовную сладостную радость, какими объемлется душа, при видѣ подлиннаго Гроба своего Спасителя, очами вѣры созерцающая какъ бы Самого Его, Воскресшаго! Какъ я горячо благодарилъ моего Искупителя, что Онъ удостоилъ меня праздновать святую Пасху въ Іерусалимѣ у самаго Его Живоноснаго Гроба, на мѣстѣ, гдѣ совершилась самая тайна нашего спасенія! О, какъ отрадно было смотрѣть и на всѣхъ Христіанъ, сошедшихся сюда со всѣхъ четырехъ концовъ вселенной, стоящихъ вокругъ Гроба своего Избавителя и единымъ сердцемъ и едиными устами радостно поющихъ: *Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь: се бо приидоша къ тебѣ, яко Бого-святлая свѣтила, отъ Запада, и Съвера, и моря, и Востока чада твоя, въ тебѣ благословляющая Христа во вѣки.* Мы на самомъ дѣлѣ воспѣвали то, что видѣли очами, и истинно для насъ въ Іерусалимѣ была священная и всепразднственная сія спасительная ночь, и свѣтозарная, свѣтоноснаго дне возстанія сущи провозвѣстница: въ ней же безплотный Свѣтъ изъ гроба плотски возсія.

Послѣ великой эктеніи патріархъ со всѣмъ соборомъ духовенства пошелъ окончивать утреню въ великую церковь Воскресенія, а у Гроба Господня остался одинъ священникъ съ діакономъ для совершенія Литургіи. Въ это время и армяне били въ свои била и мелодически клепали въ свои серебряныя кандіи, громко воспѣвая хвалу Воскресшему въ своей соборной церкви на хорахъ; а католики въ своемъ придѣлѣ гремѣли своимъ громаднымъ оглушительнымъ органомъ,—и все это, сливаясь въ неописуемую гармонию, (которой ни въ какомъ другомъ мѣстѣ всего міра никогда не услышать), потрясало бренное естество наше до раздѣленія мозговъ и членовъ; душа желала въ эти минуты разрѣшиться отъ тѣла; казалось, самые своды и стѣны храма преклонялись на этотъ разъ къ намъ, чтобы вмѣстѣ прославить *свѣтлое Христово Воскресеніе.*

Предъ окончаніемъ утрени патріархъ и всѣ архіереи, похристосовавшись между собою въ алтарѣ, взяли каждый крестъ и небольшія евангелія и, сѣвши въ кресла, начали христосоваться съ народомъ, я же въ

это время ушелъ въ миссію, для совершенія своего роднаго русскаго Богослуженія. Здѣсь звонъ къ заутрени начался въ первомъ часу, при чемъ вся колокольная увѣшана была разноцвѣтными фонарями. Въ пасхальной утрени и обѣднѣ участвовало 12 священниковъ и о. архимандритъ Антонинъ 13-й во главѣ, который говорилъ, что за все время управленія его русскою православною миссіей въ Іерусалимѣ никогда съ нимъ не сослужило столько священниковъ изъ Руси. Между ними были: изъ Харьк. губ.—я, 1 изъ Житомирской, 2 изъ Кишиневской, 1 изъ Пензенской, 1 изъ Кіева—схимникъ и 1 іеромонахъ изъ Казани, 2 члена миссіи, остальные—Аеонцы. Служеніе совершилось необыкновенно торжественно, при участіи 6 іеродіаконовъ и роскошной обстановкѣ храма. Евангеліе на обѣднѣ читалось только тремя священниками и на трехъ языкахъ *).

Послѣ обѣдни, окончившейся въ 7 часовъ утра, всѣ священнодѣйствующіе разговлялись у Русскаго консула. Но въ яствахъ здѣсь не было того разнообразія, обилія и изысканности, которыя мы, малороссы, привыкли видѣть у себя на столахъ въ пасхальные дни. Безъ вкусной пасхи, безъ окорока ветчины, въ особенности же безъ сала, колбасы и поросенка,—хохлу и праздникъ не въ праздникъ. Греки на пасху разговляются куличемъ и красными яйцами; послѣднія въ изобиліи продаются въ эти дни на базарахъ турками.

Въ два часа по полудни началась во храмѣ Воскресенія торжественнѣйшая, церемоніальная вечерня перваго дня. Патріарха вели во храмъ съ особою перемонією: весь путь ко храму и во храмъ до самаго престола устланъ былъ цвѣтами, а при входѣ его въ самый храмъ посыпались на него дождемъ лепестки и букеты розъ со всѣхъ галлерей. Впереди шли 10 діаконовъ съ дикиріями, за ними несли 12 рипидъ, а далѣе шли болѣе 100 священниковъ въ богатыхъ облаченіяхъ и, вошедши въ храмъ Воскресенія, начали торжественно совершать вечерню. Евангеліе, какъ я уже замѣтилъ

*) У Грековъ, какъ мнѣ передавали, Евангеліе на пасхальной Обѣднѣ читается однимъ діаконъ и безъ звону во всѣ колокола; на вечернѣ же читается 8 служащими и на 8-ми языкахъ, со звономъ предъ каждымъ стихомъ, и это потому, что Евангеліе отъ Іоанна, читаемое на обѣднѣ, не повѣствуетъ о воскресеніи Іисуса Христа, тогда какъ это событіе требовало немедленнаго и громогласнаго благовѣстія о немъ во всѣхъ концахъ; вечернее же Евангеліе благовѣствуетъ о воскресшемъ Господѣ, почему оно у насъ, говорятъ Греки, и читается на вечернѣ на разныхъ языкахъ и съ звономъ во вся тяжкая.

въ выносѣхъ подѣ чертой, читалось на разныхъ языкахъ и съ перезвонами; а по окончаніи вечерни патріархъ и архіереи, имѣя въ рукахъ кресты и евангелія, сѣли въ кресла, и народъ, какъ въ заутрени, подходилъ къ нимъ христосоваться. Я же пошелъ въ кувуклію, чтобы приложиться къ живоносному Гробу Господню въ тотъ благознаменитый день, въ который воскресъ изъ него Христосъ,—и, прежде чѣмъ войти къ самому Гробу, сталъ въ придѣлѣ Ангела и тамъ отъ всей души говорилъ: Слава Тебѣ, Христе, что Ты сподобилъ меня видѣть здѣсь день преславнаго Воскресенія Твоего, въ который Ты освободилъ души связанныхъ во адѣ. Той свободы и я желаю, чтобы Ты разрѣшилъ меня, связаннаго многими грѣхами, и чтобы свѣтъ благодати возсіялъ въ моей мрачной душѣ! Отъ юности моей и до нынѣ Ты заботился обо мнѣ, дабы я былъ спасенъ: и желая причислить меня къ лику Ангеловъ Твоихъ, Ты далъ мнѣ заповѣдь—совершать въ чистотѣ духовное дѣло. А я, окаянный, предавшись своей волѣ, ввергся въ смрадную тину грѣховную и удалился отъ Твоея благодати! И оттого взываю изъ глубины сердечной: не оставь меня, проповѣдующаго въ душѣ неумолкающаго радованія Твое живоносное воскресеніе, Иисусе, Боже мой, да буду и азъ, грѣшный, причастникъ сего воскресенія, поя Тебѣ непрестанно въ горнемъ Іерусалимѣ: аллилуія!

На второй день Пасхи многіе изъ поклонниковъ начали разѣзжаться восвояси; я же вечеромъ пошелъ ко Гробу, чтобы остаться здѣсь на цѣлую ночь,—и до полуночи, между прочимъ, прочиталъ акаѣистъ Воскресенію Христа, на тридневномъ Его ложѣ, и здѣсь же исповѣдавъ грѣхи, служилъ обѣдню съ тремя русскими священниками и однимъ грекомъ. Такъ провелъ я начало третьяго дня Пасхи!

У грековъ въ Пасхальную седмицу, при началѣ Богослуженія, *наприм.* на обѣднѣ, священнослужашіе поютъ въ алтарѣ 6-ть разъ тропарь—Христосъ воскрес: четыре раза—при кажденіи четырехъ сторонъ престола, разъ—при кажденіи жертвенника, и потомъ въ 6-й разъ—при вторичномъ кажденіи передней стороны престола, и каждый разъ этотъ тропарь, поемый священнослужашими въ алтарѣ, заканчивается народомъ или пѣвцами въ церкви послѣднимъ словомъ: *даровавъ*. Діаконъ возглашаетъ эктению съ крестомъ и со свѣчей въ рукахъ.

VIII.

Пѣздна къ Мамврійскому Дубу.

Еще въ 1875 году, когда я въ первый разъ приходилъ во Св. землю на поклоненіе къ священнымъ мѣстамъ, душа моя крѣпко рвалась видѣть Мамврійское библейское древо, подъ сѣнью котораго праведный Авраамъ принималъ и угощалъ трехъ странниковъ, подъ видомъ коихъ Самъ Богъ во Святой Троицѣ благоволилъ видимымъ образомъ открыться ему; но не удостоился тогда я улучшить часть избранныхъ—по немощамъ моимъ. Теперь же я поставилъ непремѣннымъ долгомъ пойти узрѣть этого пятидесятичлѣтнаго старца и налюбоваться имъ. Наступилъ четвертый день Пасхи, и мы, въ количествѣ 8 душъ, собрались въ путь на Хевронъ, неподалеку отъ котораго живетъ помянутый Палестинскій древесный старецъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ все-свѣтной флоры. Снаряжали и провожали насъ въ дорогу самъ о. архим., давъ намъ въ путевого и охранителя своего келейника-араба, Якуба, который во все время нашего вояжа былъ для насъ дорогимъ и незамѣнимымъ спутникомъ и толмачемъ, и кормильцемъ. О. архимандритъ посовѣтовалъ мнѣ взять изъ домово́й миссі́йской церкви священническое облаченіе и для всякаго случая просфоръ. Быть можетъ, сказалъ онъ мнѣ, тамъ будетъ возможность съ кѣмъ отслужить обѣдню, вотъ у васъ и будетъ все необходимое для служенія.

Дорогу къ Мамврійскому дубу мы выбрали на монастырь *Св. Креста* мимо *Филиппова источника*, на *Горній ірадь Іудовъ*, на *Беджалы* и затѣмъ на *Хевронъ*,—и обратно къ *Іерусалиму* мимо *Соломоновыхъ прудовъ* на *Вилеельмъ*.

Въ Крестномъ монастырѣ, отстоящемъ отъ Іерусалима около часу пути, мы слѣзли съ своихъ муловъ. Монахъ недружелюбно отворилъ намъ входную дверь въ церковь, и мы потянулись за нимъ по гранитной лѣстницѣ. Храмъ устроенъ игриво-архитектурно, но стѣны закопчены, орнаменты во многихъ мѣстахъ осыпались. Говорили мнѣ, что нашъ архимандритъ предлагалъ грекамъ возобновить ихъ на имѣющіяся у него средства, но они, въ видахъ спекулятивныхъ, упорно отказались отъ таковой неутилитарной для нихъ услуги. Въ алтарѣ, въ нишѣ задней части каменнаго престола, мѣсто произрастанія животворящаго древа креста Господня обозначено тумбочкой съ крестомъ, къ которой мы и при-

кладывались. Потомъ повели насъ съ зажженными свѣчами въ боковую алтарную дверь темнымъ ходомъ и узкой лѣсенкой въ подалтарную пещеру—мѣсто углубленія корней сказаннаго дерева въ почву и развѣтвленія ихъ въ разныя стороны. Ущелья, гдѣ шли корни, вполне сохранились и не засыпались; такъ какъ здѣсь грунтъ мѣловой, то самыхъ корней нѣтъ и слѣда, хотя нѣкоторые паломники и увѣряютъ, что они виднѣются и до сихъ поръ. Здѣсь постоянно горитъ неугасимая лампада, и многіе изъ глубоко-вѣрующихъ поклонниковъ берутъ здѣсь землю для врачеванія отъ различныхъ болѣзней. Нѣкоторые ученые туристы сомнѣваются, чтобы отсюда взято было дерево для Креста Господня, потому что, говорятъ они, если мучители Спасителя желали приготовить для Него крестъ изъ масличнаго, кипариснаго или кедроваго дерева, то нашли бы ихъ и въ стѣнахъ Иерусалима, а потому не было нужды отыскивать его за три четверти часа пути отъ города. Но таковыя говоруны, значить, не знакомы съ тѣми преданіями, которыя изстари ходятъ на востокѣ о деревѣ Креста Господня, а эти преданія вотъ что гласятъ. Въ одно время Лотъ, по паденіи своемъ, пошелъ къ Аврааму исповѣдать грѣхъ свой. Патріархъ взялъ изъ огня три головни, которыя были отъ кедра, кипариса и пегы, и приказалъ Лоту посадить ихъ и поливать, говоря: если эти головни примутся и станутъ расти, это будетъ знакомъ прощенія твоего тяжкаго грѣха. Лотъ, какъ приказалъ ему дядя, такъ и исполнилъ. Головни начали расти и срослись вмѣстѣ въ одно дерево. При постройкѣ храма Соломонова оно было срублено, но, какъ неспособное для постройки, оставлено безъ употребленія. При распятіи же Спасителя оно, по особому смотрѣнію Божію, было взято и уготовано для Креста, на которомъ и распятъ былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Когда праотецъ Адамъ былъ боленъ, онъ послалъ сына своего Сиеа въ Едемъ—просить у Ангела лекарствъ отъ болѣзни. Ангелъ вмѣсто лекарства далъ ему три сѣмени: отъ кедра, пегы и кипариса. Но когда Сиеа возвратился, то Адамъ уже умеръ. Сиеа пришла мысль посадить эти три сѣмени на могилѣ отца своего, и изъ нихъ выросло одно громаднѣйшее дерево. Когда строили храмъ Соломоновъ и вездѣ собирали самые лучшіе матеріалы, оно было срублено; но впоследствии, какъ почему-то негодное, брошено въ близъ находившуюся Силоамскую купель для пере-

кладинѣ, по которымъ переходили на другую сторону. Когда осудили Господа, Спасителя нашего, на крестную смерть, то евреи, желая соорудить потяжелѣе крестъ для ненавистнаго имъ Равви, выбрали это дерево, какъ самое тяжелое, ибо оно цѣлыя столѣтія лежало въ водѣ. Выходя изъ этого мѣста, я прильнулъ къ нему устнами и мысленно прочиталъ; «О, треблаженное древо, на немже распяся Христосъ, Царь и Господь, имже паде древомъ прельстивый, тобою прельстився Богу пригвоздившуся плотію, подающему миръ душамъ нашимъ».

Монастырь Креста теперь совершенно пустъ. Бывшая въ немъ прекрасная духовная семинарія, которую я посѣщалъ въ 1875 году, теперь не существуетъ. Она закрыта еще въ 1877 году, во время Русско-Турецкой войны, по той будто бы причинѣ, что не имѣется средствъ для содержанія ея въ казнѣ патріаршей. Но этому трудно повѣрить тому, кто знаетъ грековъ: имъ, по своимъ расчетамъ, не хочется затрачивать своихъ денегъ, въ полной увѣренности, что Россія рано или поздно приметъ на себя содержаніе ея, въ видахъ поддержанія Православія на Востокъ въ лицѣ достойныхъ и образованныхъ пастырей, которые теперь поставляются здѣсь изъ едва умѣющихъ грамотѣ, чему мы сами были свидѣтелями. Такъ какъ суровый монахъ отказался вести насъ далѣе по монастырскимъ постройкамъ, то мы отправились въ дальнѣйшій путь, къ источнику, извѣстному подъ именемъ *Святаго Филиппа*.

Слѣдуя по направленію къ нему между виноградниками и прекрасными рощами масличныхъ и фиговыхъ деревьевъ, мы достигли небольшого арабскаго хуторка *Мальха* и остановились на нѣсколько минутъ подъ тѣнистымъ деревомъ у здѣшняго источника. По преданію, это мѣсто ознаменовано посѣщеніемъ Богоматери, когда Она возвращалась съ Богомладенцемъ изъ Египта въ землю Израилеву. У самаго источника мы застали нѣсколько арабовъ, пришедшихъ за водой, и арабокъ, мывшихъ въ каменныхъ корытахъ бѣлье. Освѣживъ себя водою изъ священнаго водоема, мы продолжали путь по обширной долинѣ, усѣянной на протяженіи трехъ верстъ кустами розъ и покрытой роскошными виноградниками; здѣсь устроенъ метохъ или дача, принадлежащая Іерусалимской патріархіи, на которой Греческіе монахи, (изъ этихъ пахучихъ розъ), занимаются выдѣлкою благовонной воды, употребляе-

мой для окропленія священныхъ мѣстъ, предметовъ и богомольцевъ, и приносимой въ даръ именитымъ поклонникамъ.

Отсюда до Филиппова источника три четверти часа ѣзды; на пути къ нему намъ показывали два мраморныхъ столба, обозначающихъ то мѣсто, гдѣ Апостолы срывали колосья въ субботу, на бывшей тутъ хлѣбной нивѣ, стирали ихъ руками и ѣли. Но вотъ и самый источникъ Св. Филиппа, тотъ самый источникъ, къ которому Ангелъ Господень повелѣлъ идти Апостолу Филиппу, сказавъ: «встань и иди на полдень, на дорогу, идущую изъ Іерусалима въ Газу, на ту, которая пуста. Онъ встанетъ и пошелъ. И вотъ ѣдетъ Еѳіоплянинъ, евнухъ, вельможа Кандакіи, Еѳіопской царицы, хранитель всѣхъ сокровищъ ея, пріѣзжавшій въ Іерусалимъ для поклоненія. Онъ возвращался домой и, сидя на колесницѣ своей, читалъ пророка Исаію. Духъ сказалъ Филиппу: подойди и пристань къ сей колесницѣ. Филиппъ подошелъ и, услышавъ, что онъ читаетъ пророка Исаію, сказалъ: разумѣешь ли, что читаешь? Онъ отвѣчалъ: какъ могу разумѣть, если кто не наставитъ меня, и просилъ Филиппа взойти съѣсть съ нимъ. Мѣсто, которое онъ читалъ изъ Писанія, было сіе: какъ овча веденъ Онъ былъ на закланіе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзаетъ устъ Своихъ. Въ уничиженіи Его судъ Его совершился. Но родъ Его кто изъяснитъ? Ибо вземлетъ отъ земли жизнь Его (Исаіи: 53, 7, 8). Евнухъ же сказалъ Филиппу: прошу тебя сказать, о комъ пророкъ говоритъ сіе: о себѣ ли, или о комъ-либо другомъ? Филиппъ отверзъ уста свои и, начавъ отъ сего писанія, благовѣствовалъ ему объ Іисусѣ. Между тѣмъ, продолжая путь, они пріѣхали къ водѣ, и евнухъ сказалъ: вотъ вода; что препятствуетъ мнѣ креститься? Филиппъ же отвѣчалъ ему: если вѣруешь отъ всего сердца, можно. Онъ сказалъ въ отвѣтъ: вѣрую, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій. И приказалъ остановить колесницу: и сошли оба въ воду, Филиппъ и евнухъ, и окрестилъ его. Когда же они вышли изъ воды, Духъ Святый сошелъ на евнуха, а Филиппа восхитилъ Ангелъ Господень, и евнухъ уже не видѣлъ его и продолжалъ путь, радуясь» (Дѣян. VIII, 26—40). Водоемъ устроенъ при подошвѣ скалы; вода здѣсь ключевая и бьетъ фонтаномъ по разнымъ направленіямъ, съ поразительной силой; главная струя ея вытекаетъ изъ бывшаго горняго мѣста въ алтарь, задняя часть ко-

торого алтаря съ полусводомъ сохранилась и до сихъ дней отъ временъ царицы Елены. Мы привели сейчасъ сказаніе Св. Луки о крещеніи здѣсь евнуха, — дѣйстви-тельно нельзя сомнѣваться, что въ тѣ времена могла быть тутъ масса воды, въ которой не единицы, а сотни людей могли единовременно креститься. Непонятнымъ теперь кажется только то, въ какой колесницѣ и ка-кимъ образомъ можно было евноху ѣхать къ этому источнику по тѣмъ скалистымъ тропамъ и волнистымъ покатостямъ, покрытымъ точно оспою громадными глы-бами гранита и известняка, когда мы въ иныхъ мѣстахъ шли пѣшкомъ, а приходилось карабкаться и на четве-ренькахъ: такъ неудобенъ и опасенъ тутъ путь. По теченію источника растительность удивительно роскош-ная, а мѣстность такъ очаровательна, что никогда не разстался бы съ нею; плантаціи розъ, протянувшіяся длинной полосой съ небольшими перерывами, и вѣющій отъ нихъ ароматическій вѣтерокъ, то и дѣло застав-ляютъ насъ останавливаться, чтобы первыми налюбо-ваться, а послѣднимъ подолѣе подышать и напиться.

Отсюда лежалъ намъ путь на *Горня*, но проводникъ нашъ сбился съ тропы, ведущей туда, и мы для по-правленія его ошибки должны были таскаться по такимъ трупобамъ, что наши двѣ сопутницы оказались несо-стоятельными продолжать путь, и я принужденъ былъ то и дѣло, что подавать руки то одной, то другой и встаскивать ихъ силой по уступамъ выше и выше. Чрезъ два часа труднаго пути по обнаженнымъ ска-ламъ мы прибыли къ той пустынной пещерѣ, въ ко-торой, по преданію, Св. Іоаннъ Креститель до 17 л. возраста проводилъ дни свои въ подвигахъ духовной жизни. Пещера эта, видѣвшая дѣтство и взлелѣявшая юность Св. Предтечи, окружена прелестнѣйшими ланд-шафтами, такъ что съ охотою можно согласиться про-вести здѣсь остатокъ дней своихъ: все тутъ восхищаетъ духъ и располагаетъ къ молитвѣ. Пещера, служившая нѣкогда пріютомъ Іоанну Крестителю, есть ничто иное, какъ природная пустота въ ребрахъ верхней части почти отвѣсистой известковой скалы, съ водоемомъ сбоку пе-щеры, осѣненнымъ развѣсистымъ рожковымъ деревомъ, въ которомъ (водоемъ), сравнительно съ прежнимъ, воды, какъ мнѣ показалось, очень мало. Помолившись Пророку въ самой пещерѣ, въ которой по временамъ совершаютъ Богослуженіе паписты, послѣ котораго остатокъ дня проводятъ въ веселомъ пиршествѣ, и мы

расположились здѣсь подъ сѣнью инжирныхъ деревьевъ для подкрѣпленія силъ насущнымъ хлѣбомъ и чѣмъ Богъ пошлалъ.

Незадолго до вечера мы прибыли въ *Горній градъ Іудовъ*, въ которомъ русскіе теперь имѣютъ прочную осѣдлость: куплено болѣе 20 десятинъ удобной земли въ сосѣдствѣ съ свящ. мѣстомъ свиданія Св. Родственницъ, съ садами, въ которыхъ кромѣ разныхъ тропическихъ растений произрастаютъ, какъ рѣдкость въ Палестинѣ, и наши вишни, вывезенныя изъ Малороссіи, и та часть сада, гдѣ онѣ растутъ, въ честь ихъ называется «Малоросска». Напившись чаю въ прекрасномъ русскомъ гостепріимномъ пріютѣ, мы сначала отправились къ развалинамъ того дома, въ которомъ, по преданію, происходило свиданіе Богородицы съ праведной Елисаветой. Здѣсь католическій монахъ выказалъ намъ особенное вниманіе и предупредительность: показывалъ развалины двухъ церквей, устроенныхъ царицей Еленой, изъ коихъ въ нижней сохранились только нѣкоторыя арки, по которымъ можно заключить, что зданіе было громадное,—здѣсь теперь ссыпаютъ уголь и сберегаютъ топливо; въ верхней же—сохранился каменный престолъ и алтарный полусводъ надъ горнимъ мѣстомъ, къ которому теперь придѣлана терраса, съ коей открывается восхитительный видъ на окрестности. Здѣсь же католики устроили свой престолъ, изъ подъ котораго струится вода, чистая какъ кристалль, вкусная и необыкновенно холодная; въ заключеніе тотъ же привѣтливый францисканецъ повелъ насъ по своимъ чисто райскимъ цвѣтникамъ, изъ которыхъ надѣлили и намъ немало пышныхъ цвѣтовъ. За симъ мы спустились съ горы въ селеніе *Іоанна Предтечи*, въ которомъ находится Римско-папистическій монастырь, построенный въ XVII вѣкѣ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ родился тотъ, болѣе котораго не было изъ рожденныхъ женами, замѣчательный по архитектурѣ и внутреннему богатству и изящному убранству. Православные арабы, живущіе здѣсь, узнавъ, что мы идемъ въ церковь Крестителя Іоанна, присоединились къ намъ, чтобы вмѣстѣ съ нами поклониться мѣсту рожденія его, но францискане съ негодованіемъ прогнали ихъ за то, что они отложились отъ нихъ и приняли ненавистную и погибельную схизму (Православіе); насъ же пропустили и были такъ милостивы, что дозволили освятить иконы на томъ мѣстѣ, гдѣ родился Проповѣдникъ покаянія, и помазаться елеемъ отъ

горящихъ надъ нимъ лампадъ. Кромѣ того показывали намъ при свѣтѣ свѣчей, такъ какъ это было вечеромъ, чудную статую Мадонны надъ алтаремъ: перлъ совершенства,—обдѣлили священными камешками и даже печатными конвертами съ какою-то святыней, которые я, по приѣздѣ домой, раздалъ папистамъ.

Проходя мимо протчины, изъ которой, по преданію, почерпала воду Пресвятая Дѣва во время трехмѣсячнаго пребыванія у южки своей, св. Елисаветы, мы хотѣли тутъ помолиться, но мусульмане совершали въ это время свой вечерній намазъ. Оставивъ ихъ въ покоѣ и добравшись до своего убѣжища, въ нижнемъ этажѣ котораго устроена для новоприсоединившихся къ Православію арабовъ временная церковь, я сейчасъ же, при пособіи аеонскаго монаха и поклонницъ - пѣвицъ, началъ совершать всенощную.

На слѣдующій день, въ 5 часовъ утра, я приступилъ къ совершенію Литургіи, на которой поклонницы пѣли прекрасно. По окончаніи Богослуженія въ 7 часовъ, мы осматривали здѣшнія русскія постройки и хозяйство, особенно же строящуюся русскую церковь во имя Срѣтенія или свиданія Богоматери съ праведною Елисаветою. Отрадно было сердцу нашему встрѣтить на далекомъ Востокѣ храмъ, устроенный въ русскомъ стилѣ, хотя еще и вчернѣ. Собираются матеріалы и для сооруженія колокольни, для которой присланы уже и 4 колокола изъ Россіи и готовится въ Москвѣ иконостасъ. При раскопкѣ мѣста подъ священныя зданія открыто много древнихъ катакомбъ, въ которыхъ по всей вѣроятности укрывались отъ преслѣдованій и для молитвы Іерусалимскіе Христіане первыхъ вѣковъ; въ нихъ теперь поселилось для духовныхъ подвиговъ нѣсколько почтенныхъ старицъ, занимающихся швейной работой. Устроенный здѣсь страннопріимный домъ для поклонниковъ простаго званія не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Въ 8 часовъ мы были уже въ дорогѣ, перебираясь узкой тропинкой съ горы на гору нѣсколько часовъ сряду, по между большими камнями, а кое-гдѣ и по отлогостямъ, усаженнымъ разными плодоносными деревьями, пока, наконецъ, не достигли большого селенія Бейтъ-Іаллы или Беджалы.

Беджалы или домъ Еффраа, означаетъ «домъ веселія», названный такъ потому, что жители его, какъ говоритъ преданіе, первые приняли съ вѣрою вѣсть о

рождествъ Христовомъ и возрадовались. Жители Беджалы—всѣ хрістіане, и отличаются добрыми нравами и набожностію отъ обитателей другихъ поселковъ, и за это пользуются большимъ уваженіемъ въ Палестинѣ. Замѣчательно, что въ Беджалахъ нѣтъ ни одного послѣдователя магомета, потому будто бы, что здѣшній воздухъ убійственъ для нихъ. Этотъ предразсудокъ такъ здѣсь усилился, что ни одинъ мусульманинъ не рѣшается устроить себѣ жилища въ этомъ селеніи. Беджалы живописно расположены на скатахъ холмовъ и окружены множествомъ масличныхъ садовъ, виноградниковъ и хлѣбными полями.

Такъ-какъ о. арх. неоднократно предлагалъ мнѣ посѣтить здѣшнее русское православное училище, то мы первымъ долгомъ сочли, проѣзжая Беджалы, побывать въ немъ. Нужно замѣтить, что въ этой школѣ преимущественно обучаются дѣвочки. Лишь только мы подъѣхали къ крыльцу прекраснаго зданія, стоящаго въ тѣнистой рощѣ и окруженнаго роскошными цвѣтниками, съ благоуханными кустарниками, какъ къ намъ вышли на встрѣчу русская надзирательница и экономка, и учительница—Іерусалимская арабка, дѣвица, которая, прижимая руки къ сердцу, привѣтствовала насъ по арабски такъ: «Сабехкумъ бельхеръ, тайбъ Москвит!» т. е. здравствуйте, хорошіе Русскіе, — и затѣмъ обѣ христосовались съ нами. Потомъ пригласили въ приемный залъ и здѣсь первѣе всего начали по восточному обычаю усердно угощать насъ вареньемъ изъ винограда, ракою и кофе, а русская надзирательница — и нашимъ сѣвернымъ любимцемъ—чаемъ; послѣ сего одѣляли всѣхъ писанками арабскаго издѣлья. Между прочимъ я спросилъ, гдѣ же училищная комната, — мнѣ показали, и когда я вошелъ въ нее съ прочими спутниками, то малютки-дѣвочки мелодически запѣли по русски: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ» и пр., затѣмъ тоже самое по-гречески и потомъ по-арабски. Потомъ, подъ руководствомъ наставницы, дѣти долго пѣли разные духовные канты, больше по арабски, и въ заключеніе по нашему: «Молитву Господню» и «Ангель вопіяше». Затѣмъ показывали намъ рукодѣлье ученицъ: вышиванье золотомъ, серебромъ и цвѣтнымъ шелкомъ восточныхъ женскихъ покрывалъ и полотенецъ, вязанье чулокъ, шапочекъ, кружевъ, шитье гарусомъ на натянутомъ полотнѣ и проч. Дѣвочки всѣ имѣли свѣжія лица и веселый видъ, однообразныя платьица

восточнаго покроя, а на головкахъ бѣлыя покрывальца. Въ классѣ было не болѣе 20 дущъ, но всѣхъ посѣщающихъ школу до 150. На классныхъ большихъ пере-мѣнахъ, по распоряженію нашей миссіи Іерусалимской, даютъ дѣтямъ хлѣбъ, маслины и сыръ. Нѣкоторые изъ посѣтившихъ училище, оставляя классъ, награждали малютокъ русскими кредитками и монетами на память о «Московитахъ»; а намъ всѣмъ при отъѣздѣ презентовали по роскошному букету цвѣтовъ, и въ дабавокъ всѣ учащіе и учащіяся провожали насъ за ворота. Зданіе училищное прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ; примѣрная чистота; порядокъ, благоустройство вокругъ дѣлаютъ честь русскому имени. Съ отраднымъ настроеніемъ мы выбыли отсюда. Дай Богъ, чтобы это заведеніе росло и росло, возрастая въ мужа совершенна, и при будущихъ заправителяхъ также усердно контролировалось и такъ прекрасно содержалось!

Отъ Беджалъ до Мамврійскаго дуба около 30 верстъ, и дорога къ нему пролегаетъ по живописнымъ долинамъ, горамъ и холмамъ, покрытымъ виноградниками, масличными, инжирными и лимонными рощами и лѣсами акаціи, по мѣстамъ попадались на глаза пирамидальные кипарисы, зеленѣющія цератоніи, изумрудныя поля, покрытыя хлѣбными злаками. Чѣмъ ближе мы подвигались къ завѣтному мѣсту, тѣмъ роскошнѣе и разнообразнѣе становилась іудейская флора, но вотъ при закатѣ солнечномъ мы стали спускаться съ высокой известковой горы въ узкую, но далеко протянувшуюся отъ востока на западъ прелестную долину, окаймленную съ сѣвера и юга живописными возвышенностями и покрытую на нѣсколько верстъ сплошными садами плодовыхъ деревьевъ: абрикосовыхъ, персиковыхъ, миндальныхъ, фиговыхъ, рожковыхъ, съ вьющимися по между ними зѣмкой ручейками ключевой воды; любопытство подстрекнуло спросить, что это за прелестная долина и не имѣетъ-ли она какого названія? Намъ отвѣтили, что эта долина называется Мамврійской, и на ней-то непоколебимо до сихъ поръ стоитъ тотъ библейскій священный дубъ, въ тѣни котораго обиталъ св. праотецъ Авраамъ, подъ раскидистыми вѣтвями коего этотъ избранникъ Божій сподобился принять въ видѣ трехъ странниковъ Святую Троицу, и отъ Ней слышать благую вѣсть о рожденіи сына Исаака и о будущей славѣ его потомства. Нѣкоторые паломники говорятъ, что этотъ великанъ (дубъ Мамврійскій) видѣнъ издали, —

нѣтъ; мы его увидали только за нѣсколько шаговъ, такъ какъ онъ окруженъ другими деревьями и стоитъ на склонѣ высокой горы, а не на вершинѣ холма. Съ замираніемъ сердца мы подѣзжали къ священно-историческому дереву, около котораго копошились пріѣхавшіе раньше насъ богомольцы, въ ожиданіи всеобщей поднимѣ. Слѣзши съ муловъ, мы перекрестились и со словами: «Пресвятая Троице, Боже нашъ, слава Тебѣ!»—поцѣловали его, какъ своего рода рѣдкую святыню, а потомъ съ благоговѣніемъ прикасались къ священнымъ вѣткамъ и листьямъ его,—и намъ казалось, что души наши соединялись съ вѣками первобытными, и что-то непостижимое происходило въ насъ...

Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что мы нашли этотъ священный дубъ Мамврійскій въ натурѣ не вполне похожимъ на снимки съ него, имѣющіеся у насъ въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ, а рассказы о немъ разныхъ паломниковъ нѣсколько преувеличенными: онъ не такъ высокъ, роскошенъ и поразительно грандіозенъ, какъ рисуетъ его иногда горячая фантазія и увлеченіе; толщина ствола его при корнѣ 12¹/₂ аршинъ (въ окружности), и самый стволъ отъ поверхности земли не болѣе четырехъ четвертей въ длину, затѣмъ идутъ отъ него четыре отрога, изъ коихъ одинъ совершенно засохъ, а на другомъ—только нѣкоторыя вѣтви,—и грустно подумать,—быть можетъ—не далеко то время, когда рассказъ о Мамврійскомъ дубѣ будетъ считаться сказочнымъ, и самая тропа къ нему заростетъ высокой непроходимой ковылью. Только по преданію будутъ указывать мѣсто его пятитысячнаго житія - бытія. Греки по зависти, а франки по ненависти и теперь подсмѣиваются надъ русскими: — вотъ, говорятъ они, какъ только схизматики завладѣли дубомъ, такъ видимо гнѣвъ Божій обрушился на то мѣсто: дубъ сталъ сохнуть за грѣхи Московъ. И дѣйствительно, русскіе поклонники на этотъ разъ виноваты въ томъ, что, не смотря на зоркую бдительность стражи, охраняющей его, они всегда найдутъ возможность святотатственно сломить или вѣточку съ него, или отколотъ кусочекъ коры, какъ и случилось въ ту ночь, въ которую мы здѣсь ночевали. Когда я пришелъ утромъ къ дубу для служенія Литургіи, сторожъ—арабъ горько жаловался, что Русь не хороша укαραпшилъ *)..., указывая на свѣжее,

*) Укралъ.

ободранное отъ коры мѣсто на дубѣ, на протяженіи полуаршина.

По случаю поздняго времени, всенощная совершалась въ страннопріимномъ домѣ, недавно устроенномъ нашей миссіей для русскихъ пришельцевъ, въ 200 саж. отъ свящ. дерева. Этотъ домъ высится на гребнѣ высокой горы и съ галлерей его разстилается прелестнѣйшая Мамврійская долина во всей своей красѣ со всѣми деталями. Очаровательны виды Сихема, плѣнительны красоты Тиверіадскаго побережья, чудесны берега Иорданскіе, но всѣ они блекнутъ предъ Мамвріей въ прелести... Мамврія—это вѣнецъ чудесъ природы, сплетенный могучей рукой ея изъ самаго дорогаго и изящнаго матеріала, ревниво охраняемый ею отъ первыхъ дней творенія отъ бурь и разныхъ физическихъ невагодъ и лелѣемый ею до сего дня въ первобытномъ патріархальномъ видѣ и чудной нерукотворенной красѣ. Мнѣ чудится, что изъ всѣхъ мѣстъ земнаго шара, только этого уголка его не посмѣла коснуться могучая желѣзная длань всесокрушающаго времени отъ начала міробытія. Да и могло-ли быть иначе! Вѣдь здѣсь жилъ, скончался и погребенъ другъ—любимецъ Божій, отецъ вѣрующихъ—Авраамъ! Но что я говорю объ Авраамѣ? Здѣсь шествовала Своими пречистыми стопами въ образѣ трехъ странниковъ Сама Святая Троица и возсѣдала за трапезой у избранника Своего, подъ однимъ изъ развѣсистыхъ дубовъ ея. Дивно-ли, что задняя Ея и до дней нашихъ печатлѣются неизгладимо въ твореніяхъ руку Ея—въ живописныхъ возвышенностяхъ, окружающихъ всю ширь ея, въ роскошныхъ садахъ, пышныхъ виноградникахъ и обиліи водныхъ источниковъ, бьющихъ и журчащихъ по всему лону ея?! Не обинуясь скажемъ, что долина Мамврійская и въ наши отдаленныя времена есть истая представительница бывшей здѣсь библейской обѣтованной земли, кипѣвшей медомъ и млекоу.

Съ вечера еще многіе изъ поклонниковъ просили, пораньше отслужить Литургію, чтобы, пользуясь утренней прохладой, имѣть имъ возможность сдѣлать побольше стадій обратно въ Іерусалимъ. Мы удовлетворили ихнему желанію, священниковъ здѣсь собралось четыре, но служило только два,—я и аеонецъ-монахъ (по неимѣнію болѣе ризъ). Въ 4 часа подъ дубомъ Мамвріи поставленъ былъ столъ (онъ служилъ и жертвенникомъ и престоломъ), мы же, священнослужащіе, забравъ

священныя и литургійныя принадлежности—какъ-то: св. антиминь, чашу, дискосъ и др. изъ особаго хранилища при сказанномъ домѣ, стали совершать обѣдню, а поклонники обоого пола въ количествѣ 60 душъ прекрасно пѣли. О, если бы вы, читатели моихъ записокъ, были тогда со мною на семъ мѣстѣ, и посмотрѣли на насъ, служившихъ, и на молившихся въ этой нерукотворенной скинии: вы замѣтили бы на всѣхъ лицахъ нашихъ неописуемый, неземной восторгъ и елейное умиленіе! Мнѣ до настоящаго раза нигдѣ, кромѣ храма, не приходилось совершать Литургіи,—и вотъ, вдругъ литургисаю подъ открытымъ небомъ... подъ Мамврійскимъ дубомъ... тамъ, гдѣ мнѣ и не снилось быть когда-либо, сидя на родинѣ. Когда мы при пѣніи «Херувимской пѣсни» шествовали вокругъ свящ. древа съ Святыми Дарами,—вѣрую, что вся Святая Троица взирала на насъ окомъ благоволенія; а если мы, по грѣхамъ нашимъ, оказались и недостойными его, то мнѣ,—самъ отецъ вѣрующихъ, Авраамъ молилъ за насъ Владыку: Господи! Аще обрящещи между сими малыми и десять добрыхъ человѣкъ, пощади и помилуй ради ихъ и всѣхъ предстоящихъ здѣсь! И воистину на насъ, понесшихъ и тяготу путешествія, и варъ дня, и молившихся отъ всего сердца, кто какъ умѣлъ, Онъ, Всеблагій, возрѣлъ!.. Ибо великое утѣшеніе духовное, которое мы ощущали въ душѣ во время совершенія Литургіи, и свѣтлыя лица утомленныхъ путниковъ ясно говорили, что Святая Троица незримо присѣдѣла намъ при духовной трапезѣ Св. Тѣла и Крови Христовыхъ, какъ нѣкогда здѣсь Аврааму, при вещественной.

По окончаніи Обѣдни, всѣ до единого, какъ бы движимые неодолимой посторонней силой—пали на колѣна и сладостно воспѣли: «Днесъ благодать Святаго Духа нась собра, и вси возьмше Крестъ Твой глаголемъ: Осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне, Осанна въ вышнихъ! Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей, ниспославъ имъ Духа Святаго, и тѣми уловлей вселенную; Человѣколюбче, слава Тебѣ!» Когда всѣ ушли, я, припикнувъ челомъ къ священному праху Мамвріи, освященному пречистыми стопами Святой Троицы, съ глубокимъ чувствомъ прочелъ: «Владыко Боже Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный, Иисусе Христе и Святыи Душе, едина Сила, помилуй мя грѣшнаго и, имиже вѣси судьбами, спаси мя недостойнаго раба Твоего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь».

Вечеромъ этого же дня мы ѣздили обозрѣвать городъ Хевронъ; дорога къ нему идетъ почти сплошными садами и прекрасными рощами; онъ лежитъ между горами, прикрѣпившись къ скату одной изъ нихъ, къ юго-востоку отъ Мамврійскаго дуба и разстояніемъ отъ него на полчаса пути или около трехъ верстъ, а отъ Іерусалима на 10-ть часовъ. Хевронъ (Гобрунъ), называемый арабами *Эль-Халиль*, т. е. страню Авраама, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ обѣтованной земли; онъ былъ мѣстомъ жительства патріарха Авраама и его потомковъ. Когда Израильтяне прибыли въ землю Ханаанскую, тогда Хевронъ былъ завоеванъ Халевомъ у исполиновъ. Давидъ, въ началѣ своего царствованія, владѣя однимъ колѣномъ Іудинымъ, въ продолженіи семи съ половиною лѣтъ имѣлъ въ это время резиденцію въ Хевронѣ.

Въ настоящее время Хевронъ имѣетъ до пяти тысячъ жителей, изъ коихъ большая половина мусульманъ: арабовъ и турковъ, остальные евреи; христіанъ здѣсь вовсе нѣтъ. Мусульмане чтятъ Хевронъ наравнѣ съ Меккою и Мединою. Хевронъ не имѣетъ стѣнъ, какъ другіе восточные города,—стѣнъ, которыя бы окружали его и въ опасныхъ случаяхъ служили бы ему хотя временною защитой; но зато здѣсь нѣтъ восточнаго городского уличнаго зловонія; воздухъ чистый, здоровый, вода родниковая, пища сочная, растительность самая богатая; доброе вліяніе этихъ атрибутовъ земнаго счастья замѣтнымъ образомъ отражается и на веселыхъ и здоровыхъ лицахъ его обитателей.

Главная промышленность жителей Хеврона состоитъ въ стеклянныхъ издѣліяхъ, почему и находится здѣсь множество стеклянныхъ заводовъ, на которыхъ довольно изящно выдѣлываются разныхъ фасоновъ и длины палки, лампы, браслеты, которыми обыкновенно восточныя женщины украшаютъ свои руки, и которыя большими партіями отправляются въ Египетъ и Аравію. Бедуинки большею частію любятъ и уважаютъ издѣлія изъ синяго стекла, которыя въ большомъ количествѣ продаются въ Іерусалимскихъ лавкахъ и на площади у Гроба Господня, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Кромѣ этого въ Хевронѣ есть хорошіе заводы для выдѣлки и дубленія кожъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ козлиныя. Изъ послѣднихъ на востокъ дѣлаютъ мѣхи, употребляемые для ношенія воды изъ колодцевъ и цистернъ, и для хра-

ненія и перевозки въ нихъ винограднаго вина. Сказанные кожевенные заводы и мы посѣщали. Немаловажную отрасль торговли горожанъ составляетъ и сушеный виноградъ (изюмъ), вкусный и душистый; виноградныя вина Хевронскія отмѣнной доброты и аромата.

Въ Хевронѣ нѣтъ большихъ, замѣчательныхъ зданій, исключая мечети, называемой *Меджидъ-аль-Халиль*, передѣланной изъ христіанскаго храма, устроеннаго царицей Еленой надъ гробницами св. патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова. Входъ въ ту мечеть для христіанъ недоступенъ, но чтобы имѣть понятіе о внутренности ея, я приведу рассказы другихъ, посѣщавшихъ ее. Въ мечеть входятъ по прекрасной широкой лѣстницѣ, ведущей къ длинной галлерей, выдавшейся на небольшую площадку; влѣво представляется портикъ, опирающійся на квадратныхъ пилястрахъ. Въ преддверіи мечети находятся два отдѣленія: въ одномъ—направо стоитъ гробъ Авраама, въ другомъ—налѣво—гробъ Сарры. Во внутренности мечети, устроенной въ готическомъ вкусѣ, вправо, между двумя большими пилястрами, видѣнъ отдѣльный склепъ, въ которомъ стоитъ гробъ Исаака, а по лѣвую сторону, въ такомъ же склепѣ, гробъ жены его, Ревекки. По другую сторону площадки есть также преддверіе, съ двумя по сторонамъ отдѣленіями, въ которыхъ по лѣвую сторону находится гробъ Іакова, а по правую—жены его, Ліи. Всѣ гробницы этихъ святыхъ праотцевъ покрыты богатыми шелковыми зеленаго цвѣта коврами, превосходно вышитыми золотомъ; а гробницы женъ ихъ покрыты такими же коврами алаго цвѣта и такъ же вышитыми. Ковры эти доставляются сюда Константинопольскимъ султаномъ, и на нѣкоторыхъ гробницахъ ихъ лежитъ болѣе десяти, одинъ на другомъ. Комнаты или склепы, гдѣ помѣщаются гробницы, также убраны коврами; входы ограждены желѣзными рѣшетками съ деревянными дверями, обложенными серебромъ, которыя и запираются также серебряными замками.

Я забылъ еще сказать, что Хевронъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ городовъ, принадлежавшихъ левитамъ, въ которомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, жилъ и Захарія священникъ, степъ св. Іоанна Крестителя. Еврейскіе раввины говорятъ, что въ Хевронѣ погребены и первые праотцы рода человѣческаго, Адамъ и Ева; но преданіе Православной Церкви указываетъ мѣсто погребенія ихъ на Голгоѣ.

Возвратившись изъ Хеврона въ Мамврiю, я хотѣлъ отслужить подъ священнымъ деревомъ всенощную, а потомъ на другой день и литургiю, но къ сожалѣнiю всѣ прежнiе пѣвцы ушли въ Iерусалимъ, а оставшаяся въ нашей партii клирошанка-монахиня изъ Москвы ни за что не соглашалась сама пѣть богослужебные гимны. Скорбь свою объ этомъ я нѣсколько поумѣрилъ только тѣмъ, что не разъ прошелся по обаятельной Мамврiи и отдыхалъ подъ *дубомъ Сарры*, у источника, называющагося ея же именемъ. Дубъ Сарры въ половину ниже описаннаго раньше—библейскаго, но свѣжѣе и раскидистѣе перваго. Почему онъ названъ именемъ Сарры, я не могъ добиться.

На другой день, вмѣсто обѣдни, я имѣлъ утѣшенiе прочитать на мѣстѣ Богоявленiя канонъ и акаеистъ Пресвятой Троицѣ, а потомъ, послѣ легкаго завтрака, отправляясь въ обратный путь въ Iерусалимъ, опять зайти къ библейскому Мамврiйскому дереву, чтобы взглянуть на него въ послѣднiй разъ и проститься съ нимъ на вѣки. Преклонивъ здѣсь колѣна и лице до земли, я благодарнымъ сердцемъ изрекъ: покланяюся Тебѣ, явившаяся у сего дуба, во образѣ тріехъ странниковъ, Пресвятая Троице, единосущная, животворящая и нераздѣлимая, Отче, Сыне и Святыи Душе: вѣрую въ Тя и исповѣдую, славлю, благодарю, хвалю, почитаю и превозношу Тя и молю: помилуй мя, непотребнаго раба Твоего! Упованiе мое—Отецъ, прибѣжище мое—Сынъ, покровъ мой—Духъ Святыи: Троице Святая, Слава Тебѣ!

IX.

Обратный путь въ Iерусалимъ и послѣднiе дни въ немъ.

Выѣхавъ въ 7-мъ часовъ утра изъ Мамврiи, мы въ 12-ть остановились для отдыха и подкрѣпленiя силъ у *прудовъ Соломоновыхъ*, подъ громадными полуразрушенными стѣнами большаго каменнаго зданiя, называемаго *Соломоновымъ замкомъ*, въ чертѣ которыхъ живетъ нѣсколько мусульманскихъ семействъ, нарочито обитающихъ здѣсь для охраны сказанныхъ прудовъ и такъ называемаго *Заповѣднаго* или *Запечатаннаго водоема Соломонова*, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Пруды Соломоновы въ настоящее время состоятъ изъ 3-хъ обшир-

ныхъ квадратныхъ бассейновъ, выложенныхъ большими гранитными, а индѣ и мраморными стѣнами, и находятся въ отличномъ порядкѣ, точно недавно устроены. Оказывается, что ихъ съ усердіемъ ремонтируетъ турецкое правительство, вообще скупое на общественныя затраты. Эти три пруда, называющіеся именемъ мудраго и славнаго сына Давидова, довольно глубоки и велики. Они находятся въ широкой ложбинѣ между горами и слѣдуютъ одинъ за другимъ, постепенно понижаясь. Самый нижній имѣетъ 225 аршинъ длины и 82 арш. ширины; средній немного менѣе, а верхній менѣе всѣхъ, но зато онъ обильнѣе водой и глубже. Бассейны эти временемъ наполняются водой отъ осеннихъ и зимнихъ дождей, а постоянно изъ водосма *Заповѣднаго*, находящагося къ сѣверу отъ верхняго пруда на разстояніи 65 сажень. Изъ этого водоема выходятъ три обильнѣйшіе источника; огромнѣйшіе камни и теперь заграждаютъ его отверстіе, какъ и въ то время, когда Соломонъ приложилъ къ нему царскую печать свою. Эти три источника, соединясь потомъ вмѣстѣ, входятъ въ подземный каналецъ, идущій мимо сказаннаго замка Соломонова, и изъ него вливаются въ нарочито устроенную цистерну, а изъ этой послѣдней вода идетъ по каменнымъ водопроводамъ, по одному—въ верхній прудъ, а по другому—полями до самаго Виелеема, а отсюда въ Іерусалимъ къ Омаровой мечети.

Истаевая отъ жары, я во что бы то ни стало хотѣлъ освѣжиться въ знаменитыхъ древнихъ прудахъ Премудраго, но изъ моихъ спутниковъ никто не сочувствовалъ моему желанію: одни стращали меня тѣмъ, что въ нихъ запрещается гаурамъ купаться подѣ страхомъ смерти; другіе, что въ нихъ водится множество ядовитыхъ гадовъ; третьи, что вода въ этихъ бассейнахъ вредная, и многіе поплавились здоровьемъ; но я, не взирая ни на что, пошелъ и погрузился въ Соломоновыхъ водахъ и вышелъ изъ нихъ здоровымъ и невредимымъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Соломоновыхъ прудовъ, по правую сторону ихъ, виднѣлся монастырь св. Георгія Побѣдоносца, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ находится чудотворная икона сего великомученика и желѣзная цѣпь, коею будто-бы онъ былъ скованъ въ темницѣ; отъ сихъ святынь многимъ съ вѣрою притекающимъ подаются исцѣленія. Этотъ монастырь особенно

любить турки и арабы: когда у нихъ кто заболѣваетъ, они идутъ сюда съ откормленнымъ козленкомъ и, послѣ молитвы, заколовъ и зажаривъ его въ честь святаго, располагаются на террасахъ для пира. Отъ души сожалѣю, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ мнѣ не пришлось посѣтить эту рѣдкую обитель, стоящую на живописномъ мѣстѣ и окаймленную лучшими въ Палестинѣ виноградниками.

Во второмъ часу дня мы спускались въ узкую долину—мѣсто бывшихъ когда-то здѣсь садовъ Соломоновыхъ, прославленныхъ имъ же самимъ въ своей книгѣ «Пѣснь-Пѣсней». Въ настоящее время здѣсь глазъ путника только изрѣдка останавливается на раскинутыхъ въ небольшомъ количествѣ рощахъ масличныхъ, инжирныхъ и гранатныхъ деревьевъ, остальное пространство занято подъ хлѣбныя поля.

Въ три часа мы уже приближались къ Виелеему съ юго-западной стороны.

Отсюда онъ выглядываетъ очень веселымъ, большимъ, прекраснымъ городомъ, стоя на высокой горѣ и отдѣляясь съ запада глубокимъ оврагомъ, къ которому съ противоположной стороны примыкаетъ по истинѣ прекраснѣйшее и громаднѣйшее изъ всѣхъ зданій, видѣнныхъ мною въ Палестинѣ: это французскій женскій монастырь, окруженный громадными стѣнами, за которыми виднѣлись красиво разбитые скверы. Предъ нашими глазами по одну сторону шли горы Иудейскія, а по другую, за Иорданомъ и Мертвымъ моремъ, горы Аравійскія. Шествуя Виелеемскими полями, мы невольно вспоминали о происходившихъ на нихъ библейскихъ и евангельскихъ событіяхъ: о томъ, какъ Давидъ пасъ здѣсь стада отца своего и позванъ былъ отсюда въ Виелеемъ для избранія въ цари,—какъ онъ пробирался этими полями въ станъ филистимскій, неся пищу братьямъ-воинамъ, и обратно возвращался ими же въ домъ свой побѣдителемъ Голиафа и всѣхъ враговъ Израиля, привѣтствуемый хвалебными пѣснями женъ Иудейскихъ,—какъ онъ, будущій царь еврейскаго народа, бѣгалъ по близъ лежащимъ пустынямъ, горамъ и ущеліямъ, спасаясь отъ преслѣдованій своего злобнаго тестя, Саула, какъ на хлѣбныхъ поляхъ Виелеемскихъ бѣдная и благочестивая Руевъ во время жатвы ячменя подбирала оставшіеся колосья, и Господь привелъ ее на ниву добродѣтельнаго богача Вооза, сдѣлавшагося потомъ ея мужемъ, а она—проматерью Давида и родною Спасителя міра.

Но вотъ мы и въ Виелеемѣ... градѣ Давидовомъ, гдѣ онъ родился и помазанъ на царство, откуда возсіяла намъ звѣзда отъ Іакова—вочеловѣчился ради насъ и ради нашего спасенія Сынъ Божій. Проѣзжая Виелеемскими улицами, мы пріятно были удивлены чистотою и опрятностью ихъ, столь рѣдкими въ восточныхъ городахъ, но это потому, что тутъ живутъ христіане, болѣе или менѣе цивилизованные; евреевъ же, какъ извѣстно, отличающихся крайнею національною неряшливостію и запахомъ, здѣсь нѣтъ ни одного.

Въ Виелеемскій монастырь, устроенный на мѣстѣ, идѣже родился Отроча младо, Предвѣчный Богъ, мы прибыли незадолго до вечерни. Сопутники мои, какъ посѣтившіе раньше здѣшнія святыни, отправились въ Іерусалимъ, а я остался, имѣя намѣреніе въ наступающее воскресеніе служить обѣдню въ вертепѣ Рождества Христова, о чемъ сейчасъ же и заявилъ настоятелю онаго, митрополиту Анеиму, который при этомъ обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ: «все для васъ можно сдѣлать у насъ, что только вамъ ни пожелается», и велѣлъ келейнику отвести мнѣ номеръ и подать кофе, прибавивъ: «идите, отдыхайте съ дороги, а потомъ жалуйте къ вечерни». Предъ богослуженіемъ я спустился по 15 ступенямъ удобной гранитной лѣстницы въ ту пещеру, въ коей Безмужняя родила Того безсмертнаго перворожденнаго Сына, о Которомъ святой Василій Великій отъ лица Ея такъ говоритъ въ одномъ прекрасномъ своемъ словѣ: «Какъ я должна именовать Тебя, возлюбленный мой! Какъ должна я называть Тебя? Смертнымъ?.. Но я зачала Тебя наитіемъ Святаго Духа... Богомъ? Но у Тебя человѣческое тѣло. Какъ мнѣ поступать предъ Тобою? Должна-ли я приближаться къ Тебѣ съ куреніемъ еиміама, или предложить Тебѣ въ пицу млеко сосцевъ моихъ? Должна ли я имѣть о Тебѣ попеченіе, какъ самая нѣжнѣйшая мать, или должна служить Тебѣ, простершись предъ Тобою въ прахъ?.. О, дивная противоположность! Небо—жилище Твое, а я лелѣю Тебя на своихъ колѣняхъ!» Въ пещерѣ въ это время не было никого кромѣ меня, и я, простершись на полу предъ мѣстомъ воплощенія Богомладенца, по гласу Коего скоро утихнутъ бури, исчезнутъ немощи человѣческія, извергнутся въ мрачную бездну демоны, послѣдуютъ тьмы народа, будутъ лобызать края одежды Его и возстанутъ мертвые изъ гробовъ, излилъ свою душу въ благоговѣйной молитвѣ.

Звонъ въ колоколъ заставилъ меня приподняться и идти въ надпещерный храмъ Рождества, гдѣ священники стояли уже облаченными въ ризы, съ крестами, евангеліями и иконами въ рукахъ, для встрѣчи Газскаго архіепископа Іоасафа, имѣвшаго завтра служить литургію,—присоединился къ нимъ и я. По благословеніи седмичнымъ священникомъ начала вечерни, означенный архіепископъ, стоявшій въ мантии на своей каедрѣ, читалъ девятый часъ, потомъ на вечернемъ выходѣ всѣ встрѣчавшіе его восемь священниковъ шествовали изъ алтаря, становились попарно предъ архіерейскимъ амвономъ и соборне пѣли: «Свѣте тихій»; отпущекъ дѣлалъ архіерей.

Послѣ вечерни, когда я, между прочимъ, высказалъ окружающимъ меня, что я завтра съ благословенія митрополита буду служить литургію въ «Вертепѣ», они, не обинюясь, отвѣтили мнѣ, что этого не можетъ быть, потому что въ воскресные и праздничные дни тамъ никогда служенія не бываетъ: такъ какъ въ это время бываетъ много народу, который по тѣснотѣ Вертепа не можетъ въ немъ помѣститься. Я вторично пошелъ къ митрополиту *) и объяснилъ ему слышанное сейчасъ. Ну, сказали онъ, служите вотъ съ Газскимъ архіереємъ, или оставайтесь къ понедѣльнику. Въ бытность мою здѣсь въ 1875 году, мнѣ не пришлось служить въ Вертепѣ, былъ мой отвѣтъ,—и теперь В. В-во, хотите меня лишить утѣшенія и опечалить на цѣлый вѣкъ; у дальняго путника всѣ дни на перечетѣ; онъ не всегда можетъ распоряжаться временемъ по указанію другихъ; я на дняхъ уѣзжаю изъ Палестины, и если завтра не удостоюсь литургисать въ Вертепѣ, то быть можетъ мнѣ не узрѣть болѣе Вилелема... Успокоенный, наконецъ, согласіемъ іерарха исполнить мое желаніе, по прочтеніи положеннаго правила, я спокойно уснулъ.

Во второмъ часу ночи заблагоувѣстили къ заутрени, которую я слушалъ, стоя въ алтарѣ. Затѣмъ, когда я за-

*) Въ пріемной его меня встрѣтилъ помянутый арх. Іоасафъ, сидя на турецкомъ диванчикѣ съ поджатыми ногами. На вопросъ, что мнѣ нужно,—я отвѣтилъ, что хочу служить завтра въ Вертепѣ. А въ чемъ ты будешь служить? Голова у тебя не покрыта; нѣтъ тебѣ служенія безъ покрыва. Я сказалъ, что у меня есть намитавка, но въ Іерусалимѣ. А покажи, чѣмъ ты въ дорогѣ накрывалъ себѣ голову. Я показалъ. Надѣнь на голову. Я надѣлъ. Молодецъ! Служи въ шляпѣ, хорошъ Московъ.—У насъ не принято служить въ шляпахъ, продолжалъ я, это произведетъ въ нашихъ богомольцахъ соблазнъ и смѣхъ. А ну, дай я надѣну; что хорошъ а? Нѣтъ, ты служи въ ней... а не хочешь, такъ нѣтъ тебѣ службы... Это мнѣ второй камень преткновенія на Востокѣ, безъ намитавки.

явить, что я долженъ литургисать въ Вертепѣ, никто изъ служащихъ и прислуживающихъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, и приготовленій къ служенію тамъ никакихъ не дѣлалось. Вотъ уже заклепали въ била на обѣдню, мы встрѣтили Газскаго архіерея, вслѣдъ за нимъ пришелъ въ алтарь и митрополитъ: священники стали облекаться, а я сильно скорбѣлъ душею, что хотя и буду сегодня служить, но не тамъ, гдѣ желалось, а придется ли еще прійти сюда изъ Іерусалима? Подхожу къ Виелеемскому іерарху и напоминаю ему о его благословеніи. «Такъ вамъ непременно хочется служить сегодня въ Вертепѣ, говоритъ онъ?» — Да, это пока мое единственное предсмертное желаніе. Послѣ этого митрополитъ велѣлъ псалтамъ (такъ здѣсь называютъ церковныхъ прислужниковъ) поскорѣ готовить все нужное къ служенію въ Вертепѣ, но они и слушать его не хотѣли, чесали затылки, спорили одинъ съ другимъ, кричали: и здѣсь и тамъ разомъ, не при комъ служить. Послѣ долгихъ переговоровъ самъ святитель выдалъ мнѣ св. антиминосъ, священные сосуды и, сопровождая въ Вертепъ, приговаривалъ: «иди, да знаешь, поскорѣй служи!» Однакожъ я совершалъ литургію, какъ слѣдуетъ, а поклонницы гармонично пѣли. Митрополитъ стоялъ сбоку меня, опершись на жезлъ, и гдѣ нужно было преподавать народу благословеніе съ возгласомъ: «миръ всѣмъ», онъ самъ дѣлалъ это. вмѣсто причастника пѣвцы прекрасно пропѣли пасху (такъ называются здѣсь стихиры пасхальныя со стихами: Да воскреснетъ Богъ). По окончаніи обѣдни я поднесъ митрополиту антидору и, облобызавъ десницу, отъ души благодарилъ его за доставленіе духовнаго утѣшенія на мѣстѣ всемірнаго жертвеннаго вочеловѣченія Бога-Искупителя, и при томъ просилъ его приказать кому-нибудь изъ псалтовъ показать мнѣ ближнія свята мѣста. Прощаясь со мною, ангелъ Виелеемской церкви подарилъ мнѣ на память четки собственной работы.

Помолившись и приложившись ко св. мѣстамъ Рождества Спасителя—яслямъ и тому мѣсту, гдѣ сидѣла Матерь Божія, когда представляла Младенца волхвамъ для поклоненія, мы прошли небольшою дверью въ длинный, извилистый корридоръ, который привелъ насъ къ мрачному подземелью. При входѣ въ него воздвигнуть престолъ во имя праведнаго Іосифа, гдѣ по преданію стоялъ онъ, когда родился Сынъ Божій; далѣе—престолъ надъ могилою ученика блаж. Іеронима, Евсевія Кремен-

скаго, а немного далѣе—гробницы Павлины и ея дочери Евстахіи. Павлина происходила изъ знаменитой фамиліи патриціевъ древняго Рима. Обходя Святую Землю, она такъ плѣнилась этимъ свящ. мѣстомъ, что пожелала уединиться на немъ до конца своей жизни, предпочитая это смиренное убѣжище для себя и для своей дочери всѣмъ сокровищамъ міра. Еще далѣе воздвигнуть престолъ надъ закрытымъ склепомъ, въ которомъ хранятся кости младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ за Христа; наконецъ, мы вошли въ часовню, устроенную надъ гробницею блаженнаго Іеронима, котораго тѣло перенесено въ Римъ; неподалеку отсюда показали намъ мѣсто, называемое и теперь келліей Іеронима, гдѣ онъ въ борьбѣ съ привязанностію къ увеселеніямъ и мірскимъ празднествамъ, окруженный пустынею и убожествомъ, проводилъ время въ молитвѣ, постѣ и умерщвленіи плоти, сокрушая ея злыя страсти. Одинокое сидѣлъ я, говоритъ онъ самъ о себѣ, исполненный горькихъ думъ; прахомъ обезображенъ былъ ликъ мой, эѳіопскою чернотою покрылась моя кожа, роскошью была мнѣ прохладная струя воды. Когда же сонъ одолѣвалъ борющееся съ духомъ тѣло, одни кости со стукомъ ложились на землю, и я, заключившійся страха ради гонимы въ подобную темницу, я, сожитель звѣрей и скорпіоновъ, еще могъ иногда переноситься мыслями въ хоромы дѣвъ; ликъ мой, умерщвленный постами, еще прежде смерти отжилъ, но въ холодномъ тѣлѣ еще кипѣли сладострастные порывы... Такъ, лишенный всякой помощи, припадалъ я къ Спасителю; я проливалъ слезы, я рвалъ свои волосы, семидневнымъ голодомъ сокрушалъ свою плоть. Помню, какъ часто ночь заставляла меня, біющаго себя въ перси, доколѣ не водворялось въ нихъ желанное спокойствіе; я даже страшился своей келліи, какъ свидѣтеля нечестивыхъ помысловъ, и въ брани самъ съ собою погружался въ пустыню. Въ глубинѣ долинъ, на вершинѣ горъ, въ ущелии утесовъ искалъ я мѣста для молитвы,—мѣста казни бѣдственной моей плоти, и тамъ, сквозь пелену текущихъ слезъ, прикинувъ взорами къ неподвижному небу, я мнилъ себя быть въ ликахъ ангельскихъ... Есть чему поучиться у гробницы этого блаженнаго учителя и у могилъ этихъ св. женъ, мыслилъ я, осматривая ихъ убѣжища и переходя вторично чрезъ Вертепъ «Рождества»; вотъ какъ люди, искавшіе Христа и Его царствія и правды, распинали плоть свою со страстями и похотями, чтобы она

не воевала на ихъ духъ, не мѣшала бы ему парить въ превыспренняя небесъ и почивать въ Богѣ, и сама содѣлалась бы достойною жилицею неба. А я, сѣдшій на Моисеевомъ сѣдалищѣ и взявшій ключъ разумѣнія тайны спасенія душъ человѣческихъ, что повѣдаю о себѣ, чѣмъ похваюсь? Только развѣ малодушіемъ, ропотливостію, лѣнностію, всецѣлымъ порабоженіемъ духа плоти. О, окаянный азъ, палимый гнусными похотями и сожигаемый злыми страстями, какъ я воззрю на Тебя, меня ради снишедшаго съ небесъ, воплотившагося отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи и здѣ, въ этомъ убогомъ Вертепѣ, вочеловѣчившагося? Я, связывавшій бремена тяжелыя и неудобносимыя и возлагавшій ихъ на плеча другимъ, самъ же не хотѣвшій двинуть ихъ и перстомъ—понести благое иго закона Твоего; я, очищавшій только внѣшность, а внутри полный всякой неправды и хищенія даровъ Твоихъ—и естественныхъ и благодатныхъ; я, окрашенный гробъ, казавшійся всѣмъ красивымъ, внутри же полный костей мертвыхъ и всякой нечистоты, и ими обезобразившій въ себѣ Твой прекрасный образъ и подобіе, которое Ты пришелъ на сію землю возстановить во мнѣ! Да,—я, несчастный, позабылъ Твои божественныя слова: если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фариисеевъ, то вы не войдете въ царство небесное, и—аще соль обуюеть, чѣмъ осолится? О, блаженне, Иерониме, научи и меня покорять свою плоть духови. О, св. жены—Павлино и Евстахія, возведите и мой умъ отъ земныхъ сокровищъ къ небеснымъ благамъ! Родившійся въ семъ Вертепѣ и возлегій въ сихъ ясляхъ, ради нашего спасенія, Христосъ истинный Богъ, молитвами Тя здѣ Рождшія, помилуй и спаси меня, яко благій и человѣколюбивый!!

При выходѣ изъ Вертепа мы пали предъ мѣстомъ Рожденія Христа и стройными голосами воспѣли: «Дѣва днесъ Пресущественнаго раждаетъ, и земля вертепъ Неприступному приносить. Ангели съ пастырьми славословятъ, волсви же со звѣздою путешествуютъ: насъ бо ради родися Отроча младо, Превѣчный Богъ».

За симъ мы прошли въ пещеру, называемую пещерою или гротомъ *Богоматери* и *Млечною*, отстоящую отъ монастыря «Рождества» на 150 шаговъ, къ востоку. По одному преданію, въ ней будто-бы скрывалась Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, преслѣдуемая Иродомъ, а по другому—она, питая здѣсь отъ своихъ ма-

теринскихъ грудей Богомладенца, излила здѣсь млеко на землю. Пещера эта мѣловая и раздѣлена на двѣ части: въ первомъ отдѣленіи устроенъ латинскій престолъ, надъ которымъ красуется единственная икона Божіей Матери, съ неугасимой лампадой; другое отдѣленіе совершенно пусто; въ немъ въ безпорядкѣ валяются груды известковыхъ и мѣловыхъ осколковъ, отъ которыхъ женщины-богомолки отдѣляютъ частицы, и съ благоговѣніемъ уносятъ восвояси, такъ какъ онѣ, растворенныя въ водѣ, (принимающей въ это время видъ молока), будто-бы имѣютъ врачебную силу исцѣлять грудныя женскія болѣзни. Пещерою этою владѣютъ паписты-доминиканцы.

Въ 11 часовъ я долженъ былъ покинуть Виелеемъ, но мулъ мой, уведенный еще съ вечера, не возвращался; мнѣ оставалось идти пѣшкомъ, и для безопасности искать спутниковъ въ Іерусалимъ. Къ счастью моему десять поклонницъ согласились быть моими путевыми соработницами и нести мой багажъ. По живописной дорогѣ кое-гдѣ попадались намъ на встрѣчу пѣшіе подозрительные субъекты, при приближеніи коихъ наши «Марушки» чуть не падали въ обморокъ отъ страха, подъ вліяніемъ недавно совершившагося на этихъ мѣстахъ трагическаго происшествія—избіенія Бедуинами до полусмерти придорожными камнями 3-хъ нашихъ поклонниковъ и отнятія всего бывшаго при нихъ.

На половинѣ дороги мы зашли въ Греческій монастырь пророка Іліи; предъ монастыремъ растетъ дерево, котораго густыя листья осѣняютъ камень, служившій, какъ говорятъ, ложемъ пророку. По входѣ въ церковь, служба-послушникъ подвелъ насъ къ кіоту, съ изображеніемъ того же провидца, —изображеніемъ, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись приставшія монеты, большія и малыя, мѣдныя и серебряныя. И самъ онъ первый, взявъ съ тарелки монету, прилѣпилъ къ иконѣ, приглашая и насъ къ тому же; поклонницы не заставили себя долго ожидать, не утерпѣвъ и я произвести опытъ съ цѣлію осязательнѣе увѣриться и раскрыть тайну приставанія къ лику монетъ, и сталъ бывшія у меня разныя монеты прикладывать къ иконѣ и къ полямъ оной, и чтожь? Въ однихъ мѣстахъ прилипали всякія, а въ другихъ никакія *).

*) Вотъ поучительный примѣръ для каждаго писателя-паломника, какъ онъ долженъ быть остороженъ, разборчивъ и пытливъ, чтобы при описаніи видѣннаго имъ не впасть въ ошибку.

ственная и святотатственная поддѣлка на иконѣ, для приставанья къ ней монетъ, выдаваемая за чудо, крайне меня возмутила. Въ монастырѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, а въ церкви новый иконостасъ бросается въ глаза своими массивными размѣрами, изяществомъ чисто русскаго рисунка и новизною. Вправо отъ монастыря находятся замѣтныя руины дома, который, говорятъ, былъ жилищемъ пророка Аввакума.

Когда мы входили въ Іерусалимъ, на встрѣчу намъ шла печальная погребальная процессія: несли изъ «Русскихъ построекъ» умершую во св. Градѣ русскую монахиню, для погребенія на Сіонское Христіанское кладбище; тысячи нашихъ поклонницъ сопровождали смертные останки ея, а миссійскіе колокола усердно и мелодично выбивали похоронное «Святый Боже».

Окончивъ священный вояжъ по Іудеѣ, и ознакомившись, насколько возможно было, съ физическимъ положеніемъ ея, скажемъ о ней нѣсколько общихъ словъ.

Іудея, по пространству, занимаемому ею, болѣе всѣхъ описанныхъ мною Палестинскихъ провинцій: ея ширина отъ востока къ западу, отъ Яфы до Іордана, около 120 верстъ, а длина отъ сѣвера къ югу около 70 верстъ. Іудея граничитъ съ сѣвера Самарією, съ юга—Египтомъ и пустынею Аравійскою; съ востока—Іорданомъ и Мертвымъ моремъ и съ запада—Средиземнымъ моремъ. Нынѣшнее народонаселеніе Іудеи рѣже, нежели въ Галилеѣ, но зато въ ней населеніе и лучше города, напр. Іерусалимъ, Яфа, Хевронъ, Виѣлеемъ, и самые жители цивилизованнѣе, такъ какъ здѣсь иностранцы-промышленники и богомольцы разныхъ націй снуютъ почти каждый круглый годъ. Эта страна чрезвычайно гориста и камениста, начиная отъ Лидды и до Іерихона, и отъ Веѣиля до Хеврона. Только равнины, Саронская, Іерихонская и долина Мамврійская, орошаемая источниками, разрабатываются подъ хлѣбныя поля и другіе злаки; впрочемъ, клочки пахатей встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, напр., на склонахъ горъ; но чего стоитъ этотъ клочекъ? Нужно данное пространство взорвать порохомъ, потомъ взорванные камни разбить молотами на муку, просѣять сквозь сито и, наконецъ, непременно огородить засѣянный поскутокъ каменной глухой оградой, чтобы дожди не смыли и не унесли трудовыхъ грядъ. Въ иныхъ мѣстахъ подъ каменистой почвой, какъ я замѣтилъ, напр. въ окрестностяхъ Іеру-

салима, оказывается превосходная подпочва глинистаго свойства красноватаго цвѣта. Освобожденная отъ верхнихъ, покрывающихъ ее каменныхъ оковъ, она производитъ виноградъ, пшеницу, ячмень, оливковыя, инжирныя и прожковыя деревья; индѣ, — кипарисы, лимоны и миндаль. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ Іудеѣ удобная почва къ неудобной и каменистой относится такъ, какъ 6 къ 100, — и все неудобное есть ничто иное, какъ безлюдныя, голыя, порой бураго, а порой желтаго цвѣта горы, какъ бы составленныя изъ одного песку; почва ихъ, кажется, только и способна на то, чтобы производить одни камни; на нихъ, какъ будто на проклятой землѣ, нѣтъ жизни, и птица небесная и звѣрь земной не сыщутъ дерева, гдѣ бы отдохнуть, ни травинки и сѣмени утолить голодъ, ни капли воды — освѣжиться отъ зноя. Посему здѣсь дикихъ звѣрей и птицъ очень мало — шакалы да куропатки, а домашнія животныя, напр., коровы и быки, малорослыя, какъ наши годовые телятки; бараны же и овцы малосочны и худы, какъ щепка, и мясо ихъ безвкусно, — да и тѣ и другія разводятся здѣсь въ весьма ограниченномъ количествѣ. Гусей, утокъ и индѣекъ вовсе нѣтъ, а куры, какъ рѣдкость... Жители этой провинці апатично относятся къ труду и даже къ жизни, чрезвычайно лѣнны и усердны только къ куренію табаку и къ питью кофе. И только тысячи богомольцевъ разныхъ вѣроисповѣданій, расъ и состояній, приходящихъ сюда на болѣе или менѣе продолжительное время для поклоненія Св. мѣстамъ, и поддерживаютъ своими лептами ихъ жалкое существованіе. Мрачныя скалы и ужасныя пропасти по пути къ обители Св. Саввы, къ Іордану и къ Лиддѣ, наводятъ такое уныніе и страхъ, что кажется вотъ-вотъ изъ-за нихъ выйдетъ смерть и обовѣетъ васъ своими холодными костлявыми руками.

Да, если есть въ мірѣ мѣста, одаренныя печальнымъ могуществомъ пробуждать въ сердцѣ человѣческомъ все грустное и скорбное, такъ это мѣста въ Іудеѣ. Впрочемъ, переходя изъ пустыни въ пустыню, скорбь ваша понемногу разсѣвается, васъ хотя и объемлетъ страхъ, но онъ уже не тяготитъ вашей души, ибо здѣсь каждая тропинка, каждая пещера, каждая вершина горы имѣетъ свою исторію и заключаетъ въ себѣ тайну; — всѣ живописныя образы свящ. писанія находятся тутъ. Въ Іудеѣ все чудно: и палящее солнце, и летающій воробей, и плодоносная и безплодная смоковница,

и масличныя рощи. Путешествуя здѣсь, такъ и воображаешь, что можешь быть ступаешь по слѣдамъ своего Искупителя, отдыхаешь на томъ камнѣ, на которомъ нѣкогда успокоивалъ Себя Богочеловѣкъ, и пьешь изъ того источника, изъ котораго и Онъ утолялъ Свою жажду.

Изъ священныхъ книгъ мы знаемъ, что въ странѣ, ставшей потомъ называться Іудеею, жили патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ и здѣсь же погребены съ своими женами; Евреи, идя въ Обѣтованную Землю, вошли въ нее черезъ Іорданъ предѣлами этой страны и здѣсь же первоначально поселились; въ землѣ Іудейской жили многіе пророки, учили и обличали Еврейскій народъ въ нечестіи, предсказывали бѣдствія и паденія его царства и пришествіе Мессіи, и здѣсь же запечатлѣли свою проповѣдь мученическою смертію. Въ пустыняхъ этой области родился, воспитался и проповѣдывалъ крещеніе покаянія Предтеча Господень Іоаннъ. Въ стѣнахъ Іудейскаго Іерусалимскаго храма уготовлялся для великой тайны воплощенія избранный сосудъ—Пресвятая Дѣва Марія; въ одномъ изъ городовъ Іудовыхъ вочеловѣчился ради нашего спасенія Самъ Сынъ Божій, и сюда же приходили для поклоненія Ему пастыри и волхвы. Воды Іудейскія приняли въ свои струи крестившагося Господа, и на нихъ явственно, какъ нигдѣ, открылось таинство Святой Троицы; въ ущеліяхъ одной изъ горъ Іудейскихъ Спаситель міра приготовлялъ Себя молитвою и постомъ на великое дѣло открытаго служенія спасенію рода человѣческаго. Во храмѣ, домахъ, на стогнахъ, халугахъ и исходищахъ путей этой страны Іисусъ Христосъ наставлялъ учениковъ Своихъ и народъ тайнамъ царствія Божія и изрекъ поучительныя притчи: о милосердномъ самарянинѣ, о любостыжательномъ богачѣ и рабахъ, ожидающихъ господина; объ овцѣ погибшей, о потерянной драхмѣ, бесплодной смоковницѣ и званыхъ на вечерю; о блудномъ сынѣ, богатомъ и Лазарѣ, мытарѣ и фарисеѣ; о несправедливомъ судіи, равной наградѣ работникамъ въ виноградникѣ, о злыхъ виноградаряхъ, десяти дѣвахъ, ожидающихъ жениха, о бракѣ царскаго сына и о талантахъ; здѣсь же, въ виду Іерусалима, бесѣдоваль о разрушеніи его, второмъ Своемъ пришествіи и страшномъ судѣ надъ людьми. Гефсиманскій масличный садъ этой провинціи неоднократно былъ свидѣтелемъ уединенной полуночной молитвы

Искупителя за родъ человѣческій и отдыха Его послѣ трудовъ благовѣстія, а Виванія съ домомъ Лазаря—мирнымъ, тихимъ и дружескимъ пріютомъ въ часы скорби Его объ окамененіи сердець Израиля и озлобленія народнаго. Здѣсь, въ Іудеѣ, Христосъ исцѣлилъ слѣпорожденнаго при Силоамѣ, разслабленнаго—при овчей купели и воскресилъ четверодневнаго загнившагося мертвеца, Лазаря; тутъ же обратилъ на путь истины Закхея-мытаря, благословлялъ дѣтей, помиловалъ великую грѣшницу, подлежащую побіенію камнями, вечерялъ въ Виваніи въ домѣ Симона прокаженнаго и помазанъ драгоцѣннымъ миромъ и, наконецъ, установилъ Таинство Причащенія—залогъ вѣчной жизни, которое будетъ питать людей духовно до скончанія вѣка. Но самое важное и главное—здѣсь же Спаситель міра закончилъ Свою Божественную Миссію искупленія,—Своими страданіями, крестною смертію, Воскресеніемъ, Вознесеніемъ на небо и ниспосланиемъ въ міръ Святаго Духа-Утѣшителя и Просвѣтителя. Я сказалъ—главное: ибо съ симъ послѣднимъ актомъ ея (миссіи) притупилось острое жало смерти, снова отверзлись для всякаго вѣрующаго, заключенные грѣхомъ врата Эдема, распались какъ паутина верей ада, и онъ впервые зарыдалъ, видя разрушеніе Своей державы и погибель Своей власти.

Да, необыкновенно важныя, благія послѣдствія законченной въ Іудеѣ Христовой миссіи неисчислимы: она возродила весь міръ къ новой жизни; она взяла на себя попеченіе о сиротѣ, возвысила женщину, освятила бракъ, считавшійся прежде до нѣкоторой степени тягостнымъ условіемъ жизни и сдѣлавшійся отнынѣ священнымъ таинствомъ, и обратила домашній кровъ въ самое пріятное убѣжище; возвела бѣдность изъ проклятія въ блаженство; облагородила трудъ, обративши его изъ черной работы въ достоинство и обязанность каждаго. Она въ первый разъ открыла ангельскую красоту чистоты, дала вѣрное понятіе о милосердіи, распространивши его тѣсныя границы изъ круга сосѣдства на весь родъ человѣческій; идею о человѣчествѣ обратила въ идею объ обществѣ, братствѣ всего міра и возвысила душу каждой отдѣльной личности.

Припоминая это и все сдѣланное въ Іудеѣ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ для нашего временнаго и вѣчнаго блага, кто изъ поклонниковъ, путешествуя здѣсь по Св. мѣстамъ, не умилился душею и, чувствуя

свою грѣховность, не восплачетъ горько о своемъ окаянствѣ и не скажетъ изъ глубины души: «Низринухся долу и быхъ яко скоть, восклонитися отнюдь не могій: Ты же, благоволивый здѣ родитися отъ Дѣвы и во ясляхъ возлещи, не отрини и мене, хотящаго имѣти Тя, Іисусе, въ сердцѣ моемъ». «Не сохранихъ обѣтовъ, изреченныхъ въ крещеніи, ни по крещеніи, елика общахся Ти, Господи, тѣмъ и не имамъ избѣгнути осужденія; но, Спасителю мой, изволивый креститися во Іорданѣ ради нашего спасенія, омый водами Твоей благодати моя скверны, и спаси мя единымъ всемогуществомъ Твоимъ». «Іерусалимскій разслабленный однажды исцѣленъ бысть Тобою, Спасе, азъ же многажды пріяхъ отъ Тебе исцѣленіе въ исповѣди и пріятіи честнаго Тѣла и Крове Твоея, гласу же Твоему не внимахъ: се здравъ еси, и ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ. Но, Господи мой, Іисусе Христе! Милостивъ буди мнѣ, толико неблагодарному». «Имущество безцѣнное—духовныя дарованія въ отдаленіи отъ Тебе, Отче, азъ якоже блудный сынъ расточихъ: обращеніе же еже къ Тебѣ не имамъ. Но Самъ мя обративъ, Владыко, помилуй мя падшаго». «Слѣпые и одержимые разными недугами здѣ притекаху къ Тебѣ, Спасе, и пріимаху исцѣленія: азъ же лежу въ беззаконіи моемъ, и не могу возстати: Боже, Спасителю, даждь ми силу, да возмогу пріити къ Тебѣ, моему благодѣтелю». «Іудеи не хотяху творити добра въ субботу, азъ же чуждъ по вся дни являюся онаго. Сего ради простираю къ Тебѣ не руку изсохшую, но сердце, и вопію: Всемогушій Боже! Тебѣ вся возможна, милостію Твоею содѣлай мя цѣла!» «Силою Божественною воскресивый Лазаря, воскреси и мене истлѣвшаго страстьми и многолѣтно лежащаго во гробѣ нераскаянія, да возставъ по гласу Твоему, воспою спасаемый: Аллилуія». «Святѣйшее Тѣло и Кровь Твою, данныя въ снѣдь и питіе Твоимъ Апостоломъ въ Сіонской горницѣ, и азъ многократно пріимахъ и паки на грѣхъ обращахся: тѣмъ, яко повинный Тѣлу и Крови Господа, уже не мно себе помилована быти, обаче вопію: Боже милостивый, спаси мя по милости Твоей!» «Слезы ми даждь, Христе, якоже иногда Петру, Тебе отвергшемуся трижды, да паче мало что оплачу отъ безмѣрныхъ беззаконій моихъ». «Іисусе, пострадавый на крестѣ во Іерусалимѣ, потомъ плотію уснувший, яко мертвъ, воскресый изъ гроба, яко Богъ, и возшедый на небеса уготовати

мѣсто любящимъ Тя, даждь и мнѣ окаянному терпѣливо понести крестъ мой, умертви плотскія моя похоти, воскреси мою душу, лежащую во гробѣ, нерадѣнія и всели мя во обители Твоя». «Исусе, ниспославый ученикомъ Твоимъ, сѣдящимъ во Іерусалимѣ, Духа Святаго отъ Отца, и обѣщавый быти съ ними до скончанія вѣка: ниспосли Сего Духа Утѣшителя и Просвѣтителя и въ мрачную храмину души моей, и пробуди Самъ неотлучно во вся дни и со мною грѣшнымъ, да чистымъ сердцемъ и нескверными устами въ безконечные вѣки воспою Тебѣ пѣснь, трегубо пѣснословимую, и въ горнемъ Іерусалимѣ».

Собираясь на дняхъ оставить на вѣки Іерусалимъ, я хотѣлъ посѣтить еще нѣкоторыя священныя его мѣста, въ которыхъ по разнымъ обстоятельствамъ не пришлось побывать доселѣ. Взявъ въ спутники одного прекраснаго молодого человѣка изъ нашихъ миссійскихъ пѣвчихъ, В-го, я отправился сначала на Сіонскую гору, подъ которою не должно разумѣть отдѣльной горы отъ мѣстности Іерусалима: она подходитъ подъ одинъ уровень поверхности земли, на которой расположенъ Св. градъ, и горой можетъ быть названа только по отношенію къ окружающимъ ее равнинамъ съ востока и юга.

На этой горѣ Давидъ поклонялся Предвѣчному, воспѣвалъ Ему хвалы, умолялъ Его о милосердіи, прославлялъ чудеса Его, предсказалъ Его страданіе и смерть, на этой же горѣ покоится и самъ до страшнаго суда. Здѣсь же богодухновенный царь Израильскій написалъ тѣ высокія пѣснопѣнія, которыя извѣстны у насъ подъ именемъ псалмовъ, въ которыхъ весьма часто говорить онъ о любимомъ Сіонѣ и которыя каждодневно, при Богослуженіи, оглашаютъ наши храмы. Прежде всего мы зашли въ то зданіе, которое стоитъ на мѣстѣ той горницы, въ которой, по преданію, Спаситель установилъ Тайнство Причащенія, а въ день Пятидесятницы Духъ Святой сошелъ на Апостоловъ. Теперь на немъ высится мечеть мусульманская, въ которой намъ показали храмину—точный будто бы снимокъ или модель съ той священной горницы, какая здѣсь была во время Спасителя.

Въ Сіонской горницѣ, послѣ славнаго воскресенія Своего, Исусъ Христосъ явился нѣсколько разъ Своимъ ученикамъ, и посвятилъ ихъ въ высокій санъ благовѣстниковъ слова; въ этой же храминѣ Апостолы дер-

жали первый соборъ; наконецъ, отсюда же Апостолы, повинувась голосу Божественнаго своего Учителя, разошлись проповѣдывать Евангеліе по всему міру и крестить всѣ народы во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Въ двухъ стахъ шагахъ отсюда видны развалины дома, въ которомъ, по преданію, Богоматерь предала душу Свою въ рупѣ возлюбленнаго Своего Сына.

Невдалекѣ отъ Сіонской мечети стоитъ Армянская патріаршая церковь въ честь и память Апостола Іакова, перваго епископа Іерусалимскаго брата Божія, устроенная на томъ мѣстѣ, гдѣ была та темница, въ которой онъ усѣченъ былъ мечемъ. Глава св. Апостола сокрыта отъ глазъ, и только обозначено на полу мѣсто ея возлежанія особеннымъ стекляннымъ кошакомъ и множествомъ висящихъ предъ нимъ золотыхъ неугасаемыхъ лампадъ. Подобнаго храма по богатству и великолѣпію—нѣтъ въ Іерусалимѣ. По преданію, онъ основанъ и устроенъ Грузинскими православными царями, а почему владѣютъ имъ армяне-григоріане мы не могли добиться. При храмѣ находится огромный монастырь съ замѣчательными постройками, въ коихъ помѣщается болѣе 600 парныхъ страннопримныхъ келлій для богомольцевъ-соотечественниковъ. Говорятъ, что этотъ монастырь занимаетъ четырнадцатую часть Іерусалима.

Далѣе мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ, по преданію, былъ домъ первосвященника Каіафы;—на немъ теперь стоитъ небольшая Армянская церковь, въ которой замѣчательны три небольшихъ камня, вдѣланныхъ въ боковую правую сторону престола. Эти камни взяты были, какъ гласитъ мѣстное преданіе, изъ жилища Пресвятой Дѣвы Маріи, послѣ Ея успенія. Они принесены были будто бы Ей, Архангеломъ Гавріиломъ: одинъ взятъ съ Синайской горы, другой—съ Фаворской и третій—изъ рѣки Іордана. Возлѣ сказанной церкви у алтарной стѣны старая и толстая виноградная лоза указываетъ мѣсто отреченія Ап. Петра отъ своего Учителя и Господа. Затѣмъ мы зашли въ близъ лежащій Сирійскій монастырь, гдѣ запрестольный образъ Божіей Матери замѣчателенъ тѣмъ, что оный написанъ Св. Евангелистомъ Лукою. Этотъ монастырь стоитъ на мѣстѣ той темницы, въ которую заключенъ былъ Апостолъ Петръ за проповѣдь о Христѣ, выведенный потомъ изъ нея чудесно Ангеломъ; церковь небольшая, но прекрасная.

Сіонъ былъ прежде украшенъ великолѣпными царскими дворцами и другими изящными зданіями; теперь же половина его въ развалинахъ, которыя прикрываетъ индійская смоква и разная сорная трава, а часть его отведена подъ кладбище для Христіанъ, къ которому мы и направили свои стопы. Здѣсь мы застали Арабскихъ священниковъ, отправлявшихъ на могилахъ заупокойныя литіи, такъ какъ это былъ день проводъ. Они предложили къ моимъ услугамъ священныя принадлежности, и я сверхъ чаянія отслужилъ здѣсь панихиду по своимъ роднымъ и всѣмъ погребеннымъ на Сіонѣ православнымъ христіанамъ, между могилами которыхъ я замѣтилъ и могилу извѣстнаго и Россіи митрополита Мелетія, покрытую мраморною доскою, съ надписью. (Крестовъ мусульмане не дозволяютъ христіанамъ ставить на могилахъ).

Проходя мимо мѣста плача или молитвы «сыновъ Израиля», мы слышали ихъ литанію, совершаемую предъ городскими стѣнами, въ коихъ, по преданію, сохранились камни отъ временъ построенія В. Завѣтнаго Іерусалимскаго храма. По моей просьбѣ, случившійся здѣсь русскій еврей передалъ мнѣ на нашемъ языкѣ то, что читалось въ это время по еврейски. Вотъ текстъ. Предстоятель говорилъ:

Ради чертоговъ, которые разрушены,
Ради храма, который разоренъ,
Ради стѣнъ, которыя разбиты,
Ради величія нашего погибшаго,
Ради великихъ мужей, павшихъ здѣсь,
Ради драгоценныхъ предметовъ нашихъ, сожженныхъ здѣсь,

Ради священниковъ нашихъ, согрѣшившихъ здѣсь,
Ради царей нашихъ, пренебрегшихъ это святилище,...

Сидѣвшій на корточкахъ народъ за каждой строкой причиталъ: «мы сидимъ здѣсь и плачемъ».

Затѣмъ предстоятель, возвысивъ голосъ, продолжалъ:

Молимъ Тя, умилосердись надъ Сіономъ.

Народъ. Собери чада Израиля.

Предстоятель. Поспѣши, поспѣши, Искупитель Сіона.

Народъ. Скажи отрадное Іерусалиму.

Предстоятель. Пусть слава и величіе увѣнчаютъ Сіонъ.

Народъ. О, будь милостивъ ко Іерусалиму.

Предстоятель. Пусть снова явится царство на Сіонѣ.

Народъ. Утѣшь плачущихъ объ Іерусалимѣ.
Предстоятель. Пусть миръ и счастье войдутъ на Сіонъ.

Народъ. И жезлъ Іессея зацвѣтетъ на Сіонѣ.

Съ Сіона чрезъ глубокій ровъ, называемый Геенною, мы перешли въ село Скудельничье или, точнѣе, поле крови, купленное на тѣ деньги, которыя получили Іуда Искаріотскій за преданіе Іисуса Христа врагамъ Его и которыя возвращены имъ обратно; въ прежнее время здѣсь погребали всѣхъ усопшихъ странниковъ безъ различія вѣры и племени; тутъ рыли могилы Греки, Арабы и Русскіе для своихъ соотечественниковъ, пришедшихъ на поклоненіе Св. мѣстамъ и на нихъ скончавшихся; но теперь на этомъ селѣ не хоронятъ покойниковъ по чрезвычайной дороговизнѣ мѣстъ подъ могилами. Здѣсь во время оно устроена была царицею Еленою церковь, но въ настоящее время отъ нея остались едва замѣтныя развалины, возлѣ коихъ въ скалѣ высѣчена часовня, носящая названіе церкви Св. Онуфрія Великаго, въ коей едва замѣтны нѣсколько полуистертыхъ иконъ и въ которой разъ въ году совершается обѣдня Греческимъ и Армянскимъ духовенствомъ—въ день памяти сказаннаго Святаго. По всему склону скалы виднѣлись длинные подземные проходы или корридоры съ рядомъ небольшихъ комнатъ, отдѣленныхъ арками, къ стѣнамъ которыхъ примыкали каменные ящики съ грудями человеческихъ костей.

Тамъ, гдѣ ровъ или долина Геенны соединяется съ долиной Іосафатовой, намъ указали на колодезь Іоава, къ которому мы и подошли. Къ колодезю этому Іерусалимскіе мусульмане питаютъ особое благоговѣніе, такъ какъ онъ служитъ для нихъ провозвѣстникомъ будущаго урожая или неурожая хлѣбовъ и вообще земныхъ знаковъ. Предъ неурожаемъ вода въ немъ совершенно высыхаетъ; предъ урожаемъ же онъ переполняется водой такъ, что она разливается по долинѣ; когда это бываетъ, турки и арабы на радостяхъ выходятъ изъ своихъ жилищъ, разстилаютъ по зелени ковры и начинаютъ пѣть, пировать и веселиться. Вода въ этомъ колодезѣ пріятна на вкусъ. Отсюда мы не утерпѣли, чтобы не зайти къ купели Силоамской;—въ струяхъ ея я моментально погрузился три раза и,

набравъ во флаконъ воды для родины, тотчасъ вышелъ, чтобы не попасться въ руки исламитовъ-фанатиковъ. Когда мы проходили далѣе и выше, намъ указали на одно дерево, похожее на шелковичное, и сказали, что на немъ распилень былъ по поламъ пророкъ Исаія Манассіей. Кругомъ его наметана груда камней, подъ которыми будто бы покоится и прахъ пророка. Съ этого дерева, находящагося въ большомъ уваженіи и у послѣдователей Магомета, многіе поклонники скоблятъ пылинки коры, для исцѣленія отъ зубной боли.

Проходя мимо памятника Авессалома и гробницъ царя Иосафата и прор. Захаріи, мы долго разсматривали ихъ наружность и входили внутрь послѣднихъ, но ничего тутъ особаго не примѣтили; видно только въ загроможденное отверстіе, что далѣе идутъ мрачныя и обвалившіяся катакомбы. Слѣдуя далѣе, посѣтили Геесиманскій садъ и здѣсь помолились на мѣстѣ молитвеннаго подвига Искупителя, и зашли въ погребальную пещеру Богоматери, чтобы облобызать кивотъ, въ которомъ покоилось тѣло Матери жизни нашея и съ нимъ (кивотомъ) проститься на вѣки. Возвратились домой—на постройку—въ великой радости духовной.

Хотя я въ первое мое путешествіе въ Палестину и посѣщалъ мечеть Омара, но мнѣ хотѣлось еще побывать въ ней, чтобы лучше разсмотрѣть и наружность и внутренность ея. Когда я заявилъ объ этомъ нашему консульству, то мнѣ дали въ проводники только одного каваса и толмача, тогда какъ въ прошлый разъ меня охраняла стража, со штыками; не менѣе 10 душъ, что меня крайне удивило и вмѣстѣ утешало. Оказалось, что фанатизмъ мусульманскій противъ гяуровъ русскихъ теперь сильно поостылъ, особенно со времени послѣдней Турецкой войны; я ходилъ вездѣ, и ни малѣйшей непріязни къ себѣ ни въ комъ, даже въ муллахъ—не примѣтилъ: такъ время измѣняетъ людей и нравы! Я сначала обошелъ всю площадь, на которой стоитъ мечеть Омара, называемая Эль-Сакра; площадь чрезвычайно ровна и устлана индѣ мраморными, а индѣ гранитными плитами; изобиліе воды во всѣхъ ея цистернахъ, изъ коихъ нѣкоторыя сохранились отъ временъ Соломона; посреди двора изящный фонтанъ, съ бьющей высоко водой, проведенной изъ Вилелеема. Подножіемъ мечети служитъ платформа изъ бѣлаго мрамора; самая мечеть имѣетъ форму осьми-угольника и украшена прелестнымъ куполомъ, на которомъ красуетъ

ся золотой полумѣсяцъ; наружныя стѣны ея выложены красивою кафелью и мраморомъ; карнизы и фронтоны испещрены арабесками и стихами изъ корана, которые написаны золотыми буквами; по сторонамъ мечети изъ колоннъ бьетъ нѣсколько фонтановъ; высокіе кипарисы, небольшія рощи разныхъ деревьевъ и привлекательная зелень кустарниковъ и вьющагося вереска, листья которыхъ скользятъ по стѣнамъ, возвышаютъ красоту зданія. Я хотѣлъ войти внутрь мечети въ южныя врата, но насъ почему-то не пустили въ нихъ, а ввели восточными, хотя первыя стояли отворенными. Вступая въ зданіе, я скинулъ только одни калоши, а у кого ихъ не было, — тѣ обувь; внутренность его, возобновленная послѣ 1875 года, сдѣлалась еще прелестнѣе, хотя тотъ же полумракъ царитъ и теперь, стѣны обшиты саженными плитами такого дорогаго узорчатаго мрамора, какого я не видывалъ нигдѣ; мозаика карнизовъ художественна; словомъ, здѣсь собранъ матеріалъ изъ самыхъ лучшихъ сокровищъ земли, хотя все это лучшее, здѣсь находящееся, было прежде достояніемъ Христіанскихъ церквей, обобранныхъ турками и арабами. Священные для магометанъ предметы, хранящіеся въ этой мечети, какъ то: огромный камень, называемый Божиимъ камнемъ, о которомъ магометане говорятъ, что съ него пророкъ ихъ вознесся на небо, подлинный коранъ, щитъ, вѣсы Магомета (на которыхъ, по вѣрованію магометанъ, будутъ взвѣшиваться худыя и добрыя ихъ дѣла) и сѣдло его кобылицы, дѣлаютъ эту мечеть равною по достоинству и святости мечетямъ Мекки и Медины. Изъ всѣхъ этихъ предметовъ я видѣлъ только камень, обнесенный позолоченной рѣшеткой, и круглый щитъ Магомета, съ одной стороны каменный, а съ другой стальной, довольно тяжелый. Около западныхъ дверей мечети мнѣ показывали плиту зеленого мрамора, вдѣланную въ полъ. На ней, какъ видно по яминамъ, было когда-то вколочено 18 серебряныхъ гвоздей, но изъ нихъ 15 поочередно исчезли въ разное время, чѣмъ будто бы обозначается совершеніе нѣкоторыхъ великихъ событій въ мусульманскомъ мірѣ; когда же исчезнутъ и остальные три—тогда, по вѣрованію магометанъ, настанетъ конецъ міра. Противъ южныхъ дверей стоитъ на высокомъ мѣстѣ каеэдра, съ которой имамъ иногда читаетъ молитвы и произноситъ проповѣди читателямъ лжепророка;—она составляетъ лучшее изъ украшеній этой мечети. Магометане вѣрятъ, что нигдѣ такъ скоро Богъ

не внемлетъ ихъ молитвамъ, какъ въ этомъ священномъ мѣстѣ. Даже, говорятъ они, если бы и гяуръ пришелъ сюда помолиться, то Аллахъ и его молитву услышалъ бы скорѣе здѣсь, чѣмъ въ Христіанскомъ храмѣ; — что и теперь древніе патріархи и пророки приходятъ сюда въ сопровожденіи ангеловъ, для возношенія своихъ молитвъ; что помянутый камень Омаровой мечети постоянно охраняютъ 70,000 добрыхъ духовъ; что однажды греки похитили было изъ этой мечети одинъ изъ священныхъ камней ея, но камень, презирая несчастныхъ гяуровъ, чудесно опять возвратился на прежнее мѣсто. Въ каждую ночь подъ сводами этого зданія горитъ 180 лампадъ, въ подражаніе лампадамъ, горящимъ въ нашемъ Святогробскомъ храмѣ.

Къ югу отъ Эль-Сакры находится мечеть Эль-Акса. Она стоитъ на мѣстѣ бывшаго здѣсь Христіанскаго храма Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. — Зашелъ я и сюда. Мечеть эта далеко не такъ грандіозна, какъ первая, и много уступаетъ ей во всѣхъ отношеніяхъ, зато гораздо обширнѣе; всю красоту ея составляетъ длинная въ два ряда колоннада, поддерживающая своды ея отъ входа и до конца. Это зданіе тоже возобновлено послѣ 1875 года — и довольно изящно; жаль только, что знаменитые брусья на потолкахъ изъ негниющихъ Соломоновскихъ кедровъ, которые прежде видимы были въ натуральномъ ихъ видѣ, теперь порасписаны красками; прискорбно и то для благочестивыхъ Христіанъ, что два священныхъ памятника — отпечатки на камняхъ двухъ стоѣ Богоматери и одной Иисуса Христа — находятся здѣсь же. Когда я проходилъ по надъ сказанными мраморными колоннами, то замѣтилъ, что между двумя изъ нихъ, отстоящими одна отъ другой не болѣе, какъ на полторы четверти, внутренніе бока ихъ какъ бы вдавлены на полутора-аршинной вышины отъ подножія. Мусульмане говорятъ, что кто пролѣзетъ сквозь узкій промежутокъ этихъ колоннъ, тотъ непременно будетъ въ раю. И вотъ всѣ ихніе пилигриммы, вѣря въ это сказаніе Іерусалимскихъ муллъ, слятся во что бы то ни стало проскользнуть чрезъ него, отчего и образовались впадины въ видѣ выемокъ въ сказанныхъ колоннахъ или, точнѣе, потерялись ихъ крѣпкіе бока. И нужно видѣть (описать нельзя) ребяческую радость того исламита, который пройдетъ тѣснымъ путемъ — дутымъ залогомъ будущаго фиктивнаго магометова рая. Отсюда повели меня въ подвалы быв-

шаго храма Соломонова. Здѣсь, насколько глазъ мой могъ видѣть, между тысячами колоннъ тесаннаго гранитнаго камня, изъ коихъ многія держались до половины, другія развалились—вездѣ валяются груды мусора отъ обваловъ; впрочемъ, я могъ пройти, хотя и съ трудомъ, до 200 саж. Говорять, что во времена крестоносцевъ здѣсь помѣщалась вся ихъ конница. Въ заключеніе, во дворѣ Омаровой мечети мы осмотрѣли балдахинъ или кіоскъ, устроенный Омаромъ же, для публичнаго суда надъ преступниками.

По выходѣ изъ двора сказанной мечети, я остановился въ Евангельской Овчей Купели. Размѣры ея около ста пятидесяти шаговъ въ длину и сорока—въ ширину, а равно и бока ея, обложенные большими камнями и связанные желѣзными скобами, остались въ такомъ же видѣ, не стало только гранатныхъ деревьевъ, дикихъ тамариновъ и индѣйскихъ смокъ, о которыхъ упоминается въ прежнихъ описаніяхъ Св. Земли. Въ настоящее время франки, сисящіе захватить въ Палестинѣ въ свои руки всѣ Св. мѣста, болѣе или менѣе исторически извѣстныя, будто бы успѣли пріобрѣсти въ собственность и Овчую Купель съ тѣмъ, чтобы надъ ней создать церковь, а возлѣ нея пять притворовъ или отдѣленій для больныхъ, въ подражаніе евангельскимъ.

Не преминулъ я побывать и въ латинской церкви, надъ домомъ Богоотецъ Іоакима и Анны, въ одной изъ комнатъ котораго родилась отъ нихъ Преподобная въ женахъ. Въ прежнее мое посѣщеніе эта церковь только устраивалась; теперь же она вполне окончена, высится надъ окружающими ее зданіями въ дивной красѣ, и есть достойный памятникъ имени Той, рождество Которой радость возвѣсти всей вселеннѣй, даровавъ намъ животъ вѣчный. Стѣны комнатъ царственной четы прежде были въ природной ихъ наготѣ и простотѣ, такъ что отъ нихъ можно было откалывать на память и частицы, а теперь выше роста человѣка онѣ обложены плитами мрамора, что придало имъ много благообразія и отняло возможность исподволь святотатственно разрушать знаменательную древность. Порядокъ и чистота вездѣ, и въ церкви и во дворѣ, образцовыя.

Слѣдуя далѣе, я посѣтилъ франкскую церковь «Бичеванія Христа», и здѣсь съ умиленіемъ прочитавъ кондакъ: «Боготочною Твоею кровію весь облекся еси,

одѣяйся свѣтомъ яко ризоу: вѣмъ, воистину вѣмъ со Пророкомъ, почто червлены ризы Твоя: азъ Господи, азъ грѣхами моими уязвихъ Тя; Тебѣ, убо, мене ради уязвленному, благодарственно зову: Аллилуія», приложился къ священному мѣсту пролитія Божественной Крови Искупителя. Религіозныя картины, развѣшанныя здѣсь по стѣнамъ и изображающія разные виды бичеванія Богочеловѣка, необыкновенно художественны и производятъ подавляющее впечатлѣніе на душу.

Случайно познакомился я и съ тѣмъ мѣстомъ вблизи Святогробскаго храма Воскресенія, которое въ настоящее время приобрѣтено въ собственность Русскимъ правительствомъ отъ Турецкаго, пространствомъ около десятины. Какъ видно, здѣсь когда-то была громадная церковь о трехъ престолахъ, и, судя по основаніямъ, много другихъ массивныхъ зданій, отъ коихъ остались только кучи мусора, покрывшія поверхность земли аршинъ 15 въ толщину. Это мѣсто—лакомый кусокъ, на который издавна особенно поглядывали австрійцы и въ послѣднее время даже охраняли его, какъ нельзя болѣе кстати, достался теперь въ удѣлъ Русскимъ; въ недалекомъ будущемъ онъ окажетъ великую услугу нашей Іерусалимской духовной миссіи, на пользу Православія.

Проходя возлѣ Святогробскаго храма, я слышалъ въ немъ игру въ бубны, сопѣли и другія мусикійскія орудія: это паписты такъ праздновали здѣсь,—на мѣстѣ обрѣтенія честнаго креста, свой праздникъ, обозначенный въ нашихъ святцахъ такъ: Воспоминаніе на небеси явившагося знаменія честнаго креста во градѣ Іерусалимѣ, отъ святаго лобнаго мѣста протяженнаго звѣздами даже до святыя горы Елеонскія. Помолившись у Гроба Господня и на Голгоѣ, я возвращался въ келлію съ насыщенной душой и съ сердцемъ, налитаннымъ благоуханіемъ святыни.

За нѣсколько дней до выѣзда изъ Іерусалима я условился съ помянутымъ выше молодымъ человѣкомъ В. ѣхать въ Египетъ, оттуда на Синай, а на обратномъ пути—въ Баръ-Градъ и въ Римъ,—и въ теченіи ихъ сдѣлали все необходимое для такого труднаго и дальняго вояжа: размѣняли свои кредитки на французское золото, купили сосуды для воды и котелки для варевъ пищи въ безводной и безлюдной Аравійской пустынѣ, запаслись войлоками, особыми шляпами и покрывалами отъ палящихъ тропическихъ солнечныхъ лучей и при-

говорили дилижансъ на Яффу. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! Въ назначенный день и часъ для выѣзда, за нѣсколько минутъ предъ онымъ, мы сѣли, чтобы подерѣниться на дорогу и затѣмъ сѣсть въ колесницу и уѣхать, какъ въ это время входитъ въ нашъ номеръ съ озабоченнымъ лицомъ о. арх. Антонинъ и докладываетъ, обращаясь ко мнѣ, что хотя я и далъ отпускъ вашему компаньону, но долженъ теперь отнять его у васъ для себя, какъ лучшаго изъ миссійскихъ пѣвчихъ: такъ какъ сей часъ въ консульствѣ получена телеграмма изъ Пирея, что въ Іерусалимъ чрезъ двѣ недѣли прибудутъ Великіе Русскіе Князья, Сергій и Павелъ Александровичи и Константинъ Константиновичъ. Это неожиданное извѣстіе, а чрезъ него и препятствіе, какъ громомъ поразило меня... Я залился горючими... О. Антонинъ утѣшалъ меня... Это значитъ, говорилъ онъ, вы будете у насъ еще въ третій разъ! Подумалъ я, подумалъ—и возвергъ свою печаль на Бога, въ полномъ упованіи, что все, что ни дѣлается Имъ, дѣлается къ лучшему, и что ни отъ кого, какъ отъ Бога исправляются путіе человекъ,—и остался до слѣдующаго дня для отъѣзда на Аеонъ.

Въ этотъ печальный и прощальный день со Святой Землей, Господь утѣшилъ меня тѣмъ, что я провелъ всю ночь въ Святигробскомъ храмѣ и удостоился служить Литургію на Гробѣ Господнемъ съ одними русскими 6 священниками и о. Архимандритомъ во главѣ, и на дорогу—оживотворить свою душу и тѣло принятіемъ въ нихъ Безсмертнаго Источника жизни.

Путешествіе мое по Палестинѣ окончено. Но никогда мнѣ не забыть тебя, золотомъ и пурпуромъ одѣтая, всѣми цвѣтами радуги разукрашенная и солнечнымъ пламенемъ горящая и сіяющая, лучезарная, дорогая Святая Земля *).

Закончу свои записки о Палестинѣ тою прощальною рѣчью, съ которою я обратился къ поклонникамъ, въ день выѣзда изъ Святаго града Іерусалима.

Други мои! Были счастливейшія и блаженнѣйшія минуты въ нашей жизни вхожденія нашего въ Святую

*) Считаю нужнымъ оговориться, что въ этой второй части моихъ записокъ я по возможности избѣгалъ повторенія того, о чемъ достаточно было говорено въ моемъ первомъ путешествіи, напр., подробнаго описанія Святигробскаго храма, Гефсиманіи, Елеонской горы, Виллеема и пр.

Землю, въ сей Св. Градѣ и храмѣ сей, настало наконецъ время и нашего исхожденія изъ нихъ и изъ предѣловъ Палестинскихъ. Было время знакомства, свиданія, взаимнаго единенія, привѣтствій, ликованій духовныхъ, совокупныхъ молитвъ и хожденій по Св. мѣстамъ,—пришло, наконецъ, и время тяжелой разлуки другъ съ другомъ. День за днемъ, седмица за седмицей, и вотъ, какъ мимолетный пріятный сонъ, протекли цѣлые мѣсяцы нашего вожделѣннаго здѣ пребыванія. Въ послѣдній разъ мы молились съ вами сегодня у Живоноснаго Гроба, у котораго я ощущалъ особую благодать и проникался необыкновеннымъ священнымъ восторгомъ, священнодѣйствуя на немъ неоднократно Литургію. Въ послѣдній разъ мы преклоняли колѣна на страшной Голгоѣ—этомъ всемірномъ жертвенникѣ, предъ Голгоескимъ Крестомъ—древомъ жизни нашей и спасенія, подъ сѣнію котораго намъ было такъ отрадно, утѣшительно и успокоительно. Не услышать намъ болѣе на ней слезныхъ воплей истинно вѣрующей и кающейся души и ея трогательныхъ молитвенныхъ изліяній предъ Распатымъ, такъ глубоко потрясающихъ самое холодное сердце пришельца... Въ послѣдній разъ мы въ сію ночь обходили всѣ святыни, вмѣщающіяся подъ кровлей сего храма, и прикасались къ нимъ своими устами. Не услаждаться уже болѣе намъ звуками голосовъ разныхъ вѣроисповѣданій и священными мелодіями музыкальныхъ орудій, славословящихъ каждый по своему Воскреспаго, чудно сливающихся въ одинъ гармоническій гулъ подъ сводами этого обширнѣйшаго святилища,—гулъ, какого нигдѣ болѣе, ни въ какомъ другомъ храмѣ во всей вселенной не услышишь,—гулъ, потрясающій бренное тѣло до раздѣленія мозговъ и приводящій въ священный трепетъ каждую грѣшную душу. Не обонять намъ болѣе благоуханія, исходящаго изъ Св. мѣстъ и еиміама, безпрестанно стораемаго въ кадилахъ. Еще нѣсколько минутъ... и двери этого земнаго рая будутъ заключены для насъ навсегда. О, други мои! если бы вы знали, какая грусть, какая печаль, какая туга гложутъ мою душу въ сіи минуты! Господи, дай намъ слезы, да восплачемся и возрыдаемъ въ послѣдній разъ! Быть можетъ, эти слезы будутъ благодатныя, и прольютъ хотя малую отраду въ наши сердца, снѣдаемые сильною жалостію о разлукѣ съ Твоимъ Живоноснымъ Домомъ—распятія, смерти, погребенія и воскресенія Твоего!

Чѣмъ же заключимъ послѣднія остающіяся минуты нашего здѣ пребыванія? Съ умиленіемъ преклонимъ колѣна душѣ и сердецъ нашихъ и помолимся Господу Искупителю, чтобы Онъ, всеблагій, неосужденно принялъ нашъ странническій подвигъ, какъ умилоостивительную жертву о нашихъ грѣхахъ, въ Свой пренебесный жертвенникъ, и подалъ намъ духовныя силы, потребныя, яже къ животу и благочестію, для шествія въ горній Іерусалимъ—вѣчное царство. Помолимся, чтобы Онъ воззрѣлъ на насъ окомъ милосердія, благословилъ наше исхожденіе отсюда отнынѣ и до вѣка и исправилъ путь нашъ на родину въ мирѣ и благополучіи и во славу Его имени. Возблагодаримъ нашего Спасителя за прошлую и текущую нашу жизнь, время, средства, силы и охранительный Его промыслъ, давшія намъ возможность прійти поклониться и досыта упиться токомъ благодати, обильно точащейся у сего живопріемнаго Источника. И благодарность эту выкажемъ не словами только, но и самымъ дѣломъ,—возлюбимъ Господа отъ всей души и отъ всего сердца. Любовь эту запечатаѣмъ твердымъ обѣтомъ—жить отъ сего времени, исполняя усердно заповѣди Его, по реченному Имъ: аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ. А святому храму сему, граду и всѣмъ святынямъ Палестины и ей самой скажемъ послѣднее: прости! Прости, небеси подобная Скинія Воскресенія Господня—священная перспектива, божественныя мѣста, окропленныя Пречистою Кровію Христа Спасителя, на которыхъ ежедневно исходитъ еиміамъ отъ кадилъ священнослужащихъ и искреннее покаяніе и усердная мольба сонма богомольцевъ! Мы вкусили отъ твоихъ благодатныхъ даровъ и увидѣли, яко благъ Господь. Вѣдай, что мы и во вѣкъ приметались бы у святынь твоихъ, но голосъ съ родины, но дѣла служебныя, но обязанности семейныя—зовуть во свояси,—знай, что наши очи и закроются съ мыслию, мыслию сладкою о тебѣ. Прости, живоносный Гробъ Христовъ! Тотъ духъ вѣры, терпѣнія, мужества и упованія на Возлежавшаго въ тебѣ и Воскресшаго, который мы почерпали въ дневно-нощныхъ молитвахъ вблизи тебя, то неземное, неизреченное утѣшеніе, которое мы находили въ тысячекратномъ поклоненіи и лобызаніи тебя, да продлятся въ насъ до гробовой доски! И да содѣлаетъ Почившій въ тебѣ и Воскресшій Жизнодавецъ и нашъ гробъ источникомъ сладостнаго о Господѣ упокоенія и воскре-

сенія къ радостной вѣчно-блаженной жизни! Прости, священная и приснопамятная Голгоѳа! Да будутъ наши стоны, наши вопли, плачь, рыданіе и слезы, пролитыя на тебѣ на пользу нашей души и во омовеніе нашей душевной нечистоты. Всенощные акаеистные гимны, воспѣтыя многократно на твоємъ челѣ Распятому Господу, будутъ отзываться въ нашемъ сердцѣ до тѣхъ поръ, пока оно не перестанетъ биться для жизни. Прости, Геѳсиманія; прости, гора Елеонъ—любимицы Сына человѣческаго и Его Пречистой Матери! Какъ пріятно, какъ усладительно было душѣ нашей въ вашихъ св. убѣжищахъ, и освѣжительно для изнемогшей отъ зноя плоти нашей подъ тѣнью вашихъ вѣковыхъ маслинъ: примите-жъ отъ насъ за это послѣдній святыи привѣтъ и поклоненіе до земли. Прости, скромный и ненаглядный Назаретъ—земной пріютъ Св. Семейства! Святыня его да оградить насъ въ пути отъ всякаго зла, и сохранить и наши семейства во здравіи, благополучіи и тѣлесной и душевной чистотѣ! Прости, Фаворъ—гора тучная и усыренная, гора Божія, краса Галилеи! Преобразившись на тебѣ да обновить, да просвѣтитъ нечистое и мрачное одѣяніе душъ нашихъ, возсіяетъ намъ свѣтъ Свой присносущный, спасетъ и помилуетъ насъ. Прости, дорогой, Іорданъ—Божія купель, пріятелище чудесъ, святое мѣсто Богоявленій! Твои быстро катящіяся струи, твои вѣчно зеленѣющія побережья и радужные олеандровые берега всегда будутъ присущи намъ, а твоя священная вода и камешки съ благоговѣніемъ разнесутся по всѣмъ концамъ Божьяго міра и будутъ хранимы, какъ зѣница ока. Прости и ты, Мамврія,—домъ друга Божія, роскошный садъ Палестины! Веселися и красуйся! Тѣнь твоего священнаго древа, да упріючиваетъ путниковъ еще и еще, а хлѣбъ и вино твоихъ нивъ и виноградниковъ да не оскудѣваютъ, дондеже скончаются времена! Прости, привѣтливый Вилеємъ, вмѣстившій Невмѣстимаго. Не зыщи съ насъ за скудные вещественные дары, принесенные нами твоему царственному Вождю, но зато мы даемъ обѣтъ восполнить ихъ златомъ живой вѣры, ливаномъ усердной молитвы и смиренною крѣпкой любви къ Богу—Спасителю. Прости, Св. градъ Іерусалимъ! Да будетъ миръ въ стѣнахъ твоихъ, благоденствіе въ чертогахъ твоихъ, да благоденствуютъ и любящіе тебя! И да постыдятся и смятутся вси ненавидящіи тебе! Ради Дома Господа Бога нашего

желаемъ тебѣ блага. Простите, всѣ грады и веси Палестинскіе, горы и холмы, поля и источники, гдѣ только ступала наша грѣшная нога! Да будетъ надъ вами миръ и благословеніе Божіе! Простите и вы, единоземцы, пришедшіе сюда славить Господа съ востока, запада, сѣвера и юга Россіи. Простите, сомо-литвенники наши, братья Славяне: Болгары, Сербы, Черногорцы, Молдаване, и вы, единовѣрные Греки! Простите и вы, бывшіе дорогіе сопутники мои по морямъ и по Святой Землѣ! Да услышитъ васъ Господь въ день печали и защититъ васъ въ годину напастей имя Бога Іаковля! Да пошлетъ Онъ помощь отъ сего всемірнаго Святилища и отъ чуднаго Сіона, да подкрѣпитъ васъ и въ пути и дома! Съ миромъ изыдемъ, о имени Господнемъ!

Содержаніе 1-й части.

Побужденіе къ путешествію въ Палестину. — Приготовленіе къ отъѣзду. — Прощаніе съ паствой и выѣздъ чрезъ Харьковъ, Полтаву, Кременчугъ и Елисаветградъ въ Одессу и наружный видъ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ . .	9—14
Пріѣздъ въ Одессу, осмотръ ея, обмѣнъ русскаго документа на заграничный паспортъ, пассажирскій клас- сный билетъ на пароходъ Александръ II-й, и отплытіе въ Константинополь. — Черное море и волненіе на немъ . .	14—17
Константинопольскій проливъ. — Цареградъ наружный, картинный видъ его съ моря и отвратительное неряшество внутри. — Обзоръ города. — Султанская усыпальница. — Мѣ- сто погребенія Византійскаго Императора Константина Па- леолога и проявленіе мусульманскаго фанатизма при по- явленіи «Московитовъ» на семь мѣстъ	17—20
Мечеть Ая - Софи (бывшій правосл. храмъ Св. Со- фіи - Премудрости Божіей), громадная плата мулламъ за входъ въ нее, грандіозная внѣшность мечети и поражающая глазъ путника внутренность ея. — Часовня Успенія Богома- тери съ чудотворной Ея иконой. Влахернскій храмъ. Аѳонское Пантелеимоновское подворье, поклоненіе святынь его и чуд- ный видъ взморья и Цареграда съ высокой террасы подворья.	20—26
Отплытіе изъ Цареграда. Мраморное море и затонувшій на немъ англійскій пароходъ. Дарданеллы. Архипелагъ. Ту- рецкій паша съ 17-ю женами на пароходѣ. Смирна, ея окрест- ности и ея красоты и преимущество въ сравненіи съ Цареградомъ. Дешевизна мануфактурныхъ и др. товаровъ.	27—30
Моя болѣзнь; группы скалистыхъ острововъ и подвиж- никъ на одномъ изъ нихъ. Родосъ и его ослы. Средизем- ное море и буря на немъ. Мерсина. Александретта. Мѣ- сто, гдѣ выброшенъ пр. Іона. Лотокія. Замокъ Тамары; бараны вмѣстѣ съ пассажирами	30—34
Бейрутъ и его наружный видъ съ моря. Часовня Вмч. Георгія на мѣстѣ пораженія имъ чудовища. Сидонъ съ его садами. Яффа, прелестный видъ ея съ моря, и без-	V

образіе и зловонность въ самомъ городѣ. Наемный необыч-
ный азіатскій экипажъ до Іерусалима и роскошныя апель-
синовыя и лимонныя плантаціи по дорогѣ за Яффою . .

35—44

Св. Градъ Іерусалимъ, восточныя бани его и мѣстныя
цѣлны на разные продукты. Посѣщеніе святынь св. Града.
Воскресенскій храмъ и икона Богоматери, предъ которой
молилась Марія Египетская. Камень миропомазанія. Куву-
клія и гробъ Господень въ ней. Францискане и ихній
храмъ. Каменные узы, въ которыя забиты были ноги Иску-
пителя. Придѣлъ св. Лонгина Сотника. Придѣлъ Раздѣле-
нія ризъ Господнихъ. Происхожденіе восточнаго бакшиша
(въ родѣ нашего «на часекъ»). Придѣлъ Поруганія съ ча-
стію той колонны, къ которой привязанъ былъ Спаситель
во время бичеванія. Голгоѳа. Часть Древа отъ подлиннаго
Креста Христова и десная рука отъ мощей св. Маріи
Магдалины. Урна посреди храма, называемая пупомъ земли,
и заложенный въ немъ, при входѣ, ворота, въ которыя сили-
лась войти Марія Египетская. Колокольня храма

44—62

Шествіе по Крестному пути и латинскій храмъ на мѣ-
стѣ бичеванія Христа. Овчья Купель. Красныя Врата и буй-
ная возлѣ нихъ ватага мусульманскихъ мальчишекъ, чуть не
забившихъ меня камешками. Геѳсиманскія ворота. Кедрскій
потокъ, Іосафатова долина, мусульманскія кладбища, золо-
тыя ворота, мѣсто молитвы Евреевъ у Іерусалимской стѣны,
Гнойныя ворота.

62—68

Троицкій русскій Соборъ при миссіи. Русское Богослу-
женіе у Гроба Господня. Крестный монастырь, духовная
Греческая семинарія при немъ, переводные и выпускные
экзамены учащимся въ ней и присутствіе мое на нихъ. Вос-
точное угощеніе. Виѳлеемъ и святыни его. Вертепъ Ро-
ждества Христова и литургія въ немъ. Пастушекъ и цер-
ковь на мѣстѣ явленія Ангеловъ Виѳлеемскимъ пастухамъ.
Лавра св. Саввы. Появленіе разбойниковъ-бедуиновъ на
пути къ Мертвому морю. Мертвое море и купанье въ немъ.
Іорданъ. Іерихонъ и Иродова башня въ немъ. Источникъ
прор. Елисея. Сорокадневная гора.

68—98

Солнечный источникъ. Опасное положеніе. Возвраще-
ніе въ Іерусалимъ. Квартира и садъ Греческаго патріарха.
Ночь во храмѣ Воскресенія. Служеніе обѣдни на Голгоѳѣ
и особенности въ Богослуженіи. Сіонъ, греческое на немъ
кладбище и погребеніе Тиверіадскаго архіерея. Мѣсто той
горницы, въ которой совершена Господомъ Тайная Вечера.
Мѣста, гдѣ былъ домъ сыновей Зеведеевыхъ и дома Іудей-
скихъ первосвящ. Анны и Каіафы. Мѣсто отреченія Ап.
Петра. Армянскій монастырь съ главою отъ мощей Ап.

Іакова, 1-го епископа Іерусалимскаго, брата Божія. Армянскія-семинарія и бібліотека. 98—109

Геосиманія. Погребальный Вертепъ Богоматери и глубокое благоговѣніе и почитаніе Сити-Маріамъ мусульманами. Вертепъ Спасителя, въ которомъ почивали 8 учениковъ при Его молитвенномъ подвигѣ въ Геосим. саду предъ страданіями, и три камня, на которыхъ возлежали въ это же время три любимыхъ Его ученика. Латинскій монастырь Сіонскихъ сестеръ-монахинь на Крестномъ пути. Греческій монастырь св. Іоанна Предтечи съ частію честной его главы. Служеніе литургіи въ нашей духовной миссіи. Визитъ Греческому патріарху и его отеческія ласки и радущіе. Описаніе Іерусалима. Служеніе въ Геосиманскомъ Вертепѣ успенія Богоматери и опасеніе быть изгнаннымъ Армянами до окончанія обѣдни. 109—122

Гора Елеонская. Мусульманская часовня надъ камнемъ, на которомъ, по преданію, отпечатлѣлась стопа Господа въ моментъ вознесенія Его на небо. Латинскій монастырь на мѣстѣ изреченія Господомъ молитвы «Отче нашъ», дивная картина Іерусалима и его окрестностей съ сего мѣста и чарующіе зрѣніе виды Іорданской долины. Поползновеніе араба на грабительство. Шестіе по Іосафатовой долинѣ. Силоамская купель и рискованное купанье въ ней. . 122—129

Мечеть Омара, устроенная на мѣстѣ храма Соломонова, чарующій фантастическій видъ ея площади и причудливыя внутреннія, арабскаго зодчества, украшенія мечети. Камень или скала, на которую Магометъ, по мусульманскому преданію, спустился съ неба послѣ путешествія своего въ рай. Опасный инцидентъ съ нашимъ поклонникомъ въ названной мечети. Тронъ Давида, кресло Гаруна (Аарона). Мечеть Эль-Акса (бывшій православный храмъ Введенія во храмъ Богоотроковицы) и камень въ ней съ отпечаткомъ стопы Ея. Подземелье храма Соломонова подъ мечетью. Латинская церковь надъ домомъ св. Богоотецъ Іоакима и Анны. Посѣщеніе патріарха Іерусалимскаго. Слушаніе утрени въ Воскресенскомъ храмѣ, служеніе литургіи на Гробѣ Господнемъ съ намѣстникомъ патріарха и особенности при Греческомъ Богослуженіи. Послѣднее (3-е) мое служеніе на гробѣ Искупителя. . . 129—144

Холера въ Сиріи. Прокаженные въ Іерусалимѣ и Русская больница въ немъ. День св. Маріи Магдалины, тезоименитство Русской царицы, служеніе по этому случаю самого патріарха и нарочитая праздничная блистательная обстановка всего храма и кувукліи. Угощеніе въ патріархіи. Греческій монастырь св. Креста. Горній градъ Іудовъ.

Латинскій храмъ надъ мѣстомъ рожденія Предтечи. Мѣсто свиданія Богоматери съ прав. Елисаветою. Русская страннопріимница. Пещера, въ которой жилъ св. Іоаннъ Креститель. Мѣсто погребенія пр. Елисаветы. Мѣсто единоборства Давида съ Голиафомъ. Источникъ Приснодѣвы Маріи и глубокое почтеніе, питаемое мусульманами къ Св. Маріамъ и Ея источнику. Послѣднее мое служеніе на Голгоѣѣ, прощаніе съ святынями Воскресенскаго храма, съ святогробскою и Русскою братіей, съ оставляемымъ Св. Градомъ и выѣздъ изъ Палестины во своя си. . . . 145—156

Добавленіе къ 1-й части Записокъ.

Обратный путь въ Россію. Семидневный карантинъ возлѣ Смирны. Посланникъ Кашгарскаго хана со свитою на пароходѣ Владиміръ и пожаръ на немъ. Приѣздъ въ Одессу. Совѣты будущимъ поклонникамъ Палестины . . 157—165

Содержаніе 2-й части.

Предисловіе ко второму путешествію.	171—172
I. Изюмъ—Харьковъ—Одесса	175—187
II. Одесса—Смирна	187—191
III. Смирна—Бейрутъ.	192—200
IV. Бейрутъ—Яффа—Іерусалимъ.	200—247
V. Наблусъ или Сихемъ, Севаста или Самарія, Дженинъ, Назаретъ, Кана, Тиверіада, Өаворъ.	247—334
VI. Поѣздка на Іорданъ, Мертвое море, Сорокадневную гору. Виванія	335—381
VII. Вербная, Страстная и Свѣтлая Недѣли	381—414
VIII. Поѣздка къ Мамврійскому дубу.	415—429
IX. Обратный путь въ Іерусалимъ и послѣдніе дни въ немъ.	429—456

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА

(въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45)

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Вилоцѣтовъ А., прот. Кругъ поученій (110) на всѣ воскресныя и праздничныя дни въ году на седмицы: Пасхальную, первую поста и Страстную. Изд. 5-е. Св. Синод., опредѣленіемъ отъ 1—20 мая 1881 г., одобрилъ для приобр. въ дерк. библ. (Дерк. Вѣстн., № 31, 1881 г.) Слб., 1894 г., цѣна 1 р. 50 к., въ коленкоров. перепл. 2 р. 25 к.

— **Приготовление къ исповѣди и св. причащенію св. Христовыхъ тайнъ.** Поученія великопостыя. (Извлечен. изъ книги «Кругъ поученій».) Слб., 1894 г., ц. 20 к.

— **О сквернословіи.** Поученіе. Слб., 1890 г., цѣна 3 коп.

Реніаминъ, архіеп. Нижегород. Новая Скрижаль или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ. Въ 4-хъ част. Съ 77 рис. грав. на дер. А. Свѣриковымъ. Слб., 1891 г., ц. 2 р., въ коленк. переп. 3 р.

Виноградовъ І., прот. «Духоборцы». Изданіе 2-е, Слб., 1893 г., ц. 30 к.

Виссаріонъ, еп. Костр. (докт. Богосл.). Толкованіе на париміи. Изд. 2-е, въ трехъ томахъ. Слб., 1894—96 гг., ц. 3 р. 50 к., въ роскош. коленк. переп. 8 р.

— **Толкованіе на Божественную Литургію** по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василия Великаго. Изд. 4-е. Слб., 1895 г., ц. 1 р.

— **Сборникъ для любителей духовнаго чтенія.** Изданіе 2-е. Слб., 1897 г., ц. 2 р.

— **Уроки покаянія въ великомъ канонѣ св. Андрея Критскаго,** заимств. изъ библ. сказаній. Изд. 3-е. Слб., 1897 г., ц. 1 р.

— **Черты христіанскаго ученія.** Сборникъ для назидат. чтенія. Изд. 2-е. 1898 г., ц. 1 р.

Еластовъ І. Опытъ изученія Евангелія св. Іоанна Богослова. Въ двухъ томахъ. Слб., 1887 г., ц. 3 р. 50 к., въ коленк. переп. 4 р. 50 к.

— **Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества,** какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ. Въ 3-хъ томахъ. Изд. 2-е. Всѣ три тома «Священ. лѣтописи» опредѣлен. Св. Синода одобрены для приобрѣт. въ *фундаментальныя и учен. библіот. духовн. Семин. Мин. Нар. Просв. Рекон. для фундам. библ. средн. учебн. завед. Рекон. для всѣхъ церквей.* Слб., 1878 г., ц. 8 р. 50 к., въ коленк. перепл. 11 р.

Вознесенскій А. и Гусевъ Ѳ. Житіе и чудеса святителя Николая, архіепископа Мирликійскаго, и слава его въ Россіи. Первое полное, иллюстрированное изданіе. Съ рисунками иконъ, храмовъ и обителей имени святителя Николая. Слб., 1899 г., ц. 3 р., въ коленк. перепл. 4 р.

Бруевичъ М. Руководство для консисторій, духовныхъ слѣдователей и духовенства. Законы о подсудности и производствѣ слѣдствій съ объясненіями по рѣшеніямъ Правит. Сената и указамъ Святѣйшаго Синода. Изд. 3-е. Слб., 1896 г., ц. 1 р. 25 к.

Вѣтвицкій І., прот. Руководство къ преподаванію закона Божія для народныхъ школъ, городскихъ училищъ, дѣтскихъ приютовъ и элементарныхъ занятій съ дѣтьми дома. Изд. 4-е. Одобрено Учеб. Ком. при Св. Синодѣ и Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. Слб. 1899 г., ц. 75 к.

Гейки К., д-ръ. Святая земля и Библія, описаніе Палестины и правозвѣр. обитателей. Съ оригин. рис. Г. А. Гарпера. Пересказъ съ англ. похъ редак. Ф. С. Комарскаго. Съ приложен. карты Палестины. Роскошн. изд. отпечатан. на велен. бум. 2 тома. 1894 г., ц. 10 р., въ роскошн. коленк. переп. 12 р.

Гермогенъ, еп. Минути папстрскаго до-суга. 2 т. Слб., 1892 г., ц. 3 р. 70 к.

— **О святыхъ таинствахъ православной Церк-ви.** Слб., 1894 г., ц. 40 к.

— **Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу.** Изд. 10-е. Слб., 1898 г., ц. 30 к., въ кол. пер. 75 к.

Мин. Нар. Просв. одобрено для библ. ср. и низш. учеб. зав. 30 марта 1885 г. № 5188.

Внесена въ каталогъ книгъ для бесплатн. народн. читальн. изд. по распоряж. Мин. Нар. Просв. 1896 г., стр. 4-я.

Голубинскій Ѳ. Премудрость и благодать Божія въ судьбахъ міра и человѣка (о конеч-ныхъ причинахъ). М., 1894 г., ц. 2 р., въ коленк. перепл., ц. 3 р.

Граниковъ М. Разговоръ священника съ прихожаномъ противъ лѣченія заговорами. Слб., 1894 г., ц. 15 к. *Включ. въ катал. книгъ для употребл. въ книжн. училищ., епарх. библ. Мин. Нар. Просв. въ отделе. для ученич. библіот. и народн. чтенія. (Стран. катал. 36, 1882 г.)*

Григорій, митр. День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято? Слб., 1894 г., ц. 30 к., въ коленк. переп. 75 к. *Внесена въ спис. книгъ для библ. церк.-приход. школъ.*

Громачевскій А. Практическія задачи дѣятельности сельскаго православнаго священника. Слб., 1890 г., ц. 1 р.

Деобольскій Г. С. протоіер. Дни богослуженія православной кавказской восточной Церк-ви. 2 т. въ 6-ти частяхъ. Изд. 9-е. Слб., 1894 г., ц. 3 р., въ коленк. пер. 4 р.—*Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрены для учен. библ. средн. и низш. учебн. зав. 2 сентября 1884 г. № 12959.*

— **Житіе св. Равноапост. Князя Владимира.** Съ прилож. бесѣдъ о святыхъ въ православной Церк-ви. Прот. В. Нордова. Слб., 1888 г., ц. 10 к.

— **Краткое обзорѣніе богослуженія** православной церкви. Съ рисунк. въ текстѣ. Изд. 4-е. Слб. 1886 г., ц. 50 к. *Одобрено учен. ком. Мин. Нар. Просв. для употребл. въ гимн. и прогимназ.*

— **Необходимость и важность христіан. повед. и послушанія правосл. Церк-ви.** Изд. 2-е. Слб., 1885 г., ц. 50 к. *Одобрена для приобр. въ ученич. библ. средн. уч. зав. Мин. Нар. Просв. 21 іюля 1894 г. № 14375.*

— **О говѣніи по уставу православной Церк-ви.** Изд. 3-е. Слб., 1892 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для приобр. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. 21 іюля 1894 г. № 14375.*

— **О любви къ отечеству и трудѣ по слову Божію.** Слб., 1890 г., ц. 25 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для учен. библ. средн. и низш. учебн. зав. 2 сентября 1884 г. № 12959.*

— **О пользѣ чтенія Библіи, сирѣчь книгъ священ. писанія.** Изд. 2-е. Слб., 1897 г., ц. 60 к.

— **Поченіе православной Церк-ви о спасеніи міра, выраженное въ ея богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ рожденія до смерти, или объясненіе обрядовъ, требъ,**

таинства и богослужения православной Церкви. Съ рисунок. въ текстѣ. *Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учен. библ. средн. и низш. учебн. завед.* 2 сентября 1884 г. № 12959. Изд. 4-е. Спб., 1894 г., п. 2 р., въ коленк. пер. 3 р.

— Установления ветхозаветной Церкви, и христианския, для которыхъ первыя служили образами. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., п. 60 к.

— Семидеца говѣній, псалмовъ и причащения. Изд. 4-е. Спб., 1897 г., п. 20 к. Внесена въ списокъ книгъ для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ (Перк. Вѣд. № 2, 1896 г.).

— Житія святыхъ Василия Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго. Съ изображеніями ихъ кажад. Ѳ. Солнцева. Спб., 1897 г., п. 30 к.

Дестунисъ Софія. Житія святыхъ. Составлено по Четв-Минеямъ и другимъ книгамъ. Съ изображеніями святыхъ и праздниковъ академика Ѳ. Г. Солнцева. 12 книгъ. Спб., 1892 г., п. 6 р., въ коленк. пер. въ 4-хъ книгахъ 9 р. *Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для учен. библ. духовныхъ семинарій и училищъ въ качествѣ назидательнаго чтенія для учащихся* (27 іюля 1886 г. № 428). *Одобрено Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. для учен. библ. учебн. завед.* Мин. Нар. Просв. (20 мая 1887 г. № 7623). Составленъ Его Императорскаго Величества Канцеляріей циркулярно рекомендована мѣстнымъ начальствамъ учебнымъ и воспитательнымъ заведеніямъ вѣдомства Императрицы Маріи для библиотекъ отъ-режнихъ и въ заведеніяхъ (24 февраля 1887 г., № 2995).

— Житія святыхъ, ежедневное чтеніе для народа и для церковно-приходскихъ школъ. Со вѣлукеніемъ: 1) мѣсцеслова, 2) объясненія праздниковъ и 3) указанія лицъ особеннаго чествованія Бож. Матери. Съ 120 изображ. св. 12-тъ книгъ. Спб., 1891 г., п. 1 р. 80 к., въ кол. пер. въ 2-хъ кн. ц. 3 р. 30 к. По ея же книгѣ «Житія святыхъ», изд. 1886 г., *одобр. Учебн. Ком. при Св. Синодѣ* (27 іюля 1886 г. № 428) и *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* (20 мая 1887 г. № 7623).

Дмитревскій И. Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи, основанное на священной писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и на писаніяхъ св. отцовъ Церкви. Съ рисунок. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1884 г., п. 2 р. 50 к., въ коленк. пер. 3 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для фундамент. библ. средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г. № 14375.

Добровольскій И. Кан. Богословія. Справочная книга для православнаго духовенства. Спб., 1898 г., п. 1 р.

Есиповъ, Н. Н. Святитель и чудотворецъ архіепископъ Черниговскій Феодосій Углицкій. 1) Житіе. 2) Проявленіе и чудеса. 3) Торжество открытія мощей святителя. Съ приложеніемъ: патріаршихъ и царскихъ грамотъ, автографовъ и писемъ св. Феодосія, хронологическаго указателя событія съ 1630 по 1696 г. и описанія соборовъ, гдѣ покоялись и нынѣ почиваютъ мощи св. Феодосія и со многими рисунками. Спб., 1897 г., ц. 1 р.

Ивановъ А. Руководство къ изъяснительному чтенію Апостольскихъ посланій и Апостоліиса. Изд. 4-е. *Одобр. Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ для семинар.* Спб., 1893 г., п. 2 р. 50 к.

— Руководство къ изъяснительному чтенію четвероевангелія и дѣяній Апостольскихъ. Изд. 2-е съ приложеніемъ карты Палестины во время жизни Иисуса Христа. Спб., 1894 г., п. 2 р. 50 к. *Учебн. Ком. при Св. Синодѣ одобр. для употр. въ семин.*

Игнатій Еп. (Брянчаниновъ). Сочиненія. Съ прилож. портрета автора. Изд. 2-е. 6 т. Спб., 1886—91 г., п. 13 р., въ коленк. пер. 19 р.

— О терпѣнн скорбей. Ученіе св. отцовъ. Изд. 3-е. Спб., 1893 г., п. 50 к., въ коленк. пер. 1 р. *Мин. Нар. Просв. одобрено для учен. библ. средн. и низш. учебн. завед.* 2 сентября 1881 г., № 12959.

— Отечникъ. Избранныя изреченія святыхъ апостоловъ и подвижниковъ изъ жизни ихъ собранія. Спб., 1891 г., п. 3 р., въ коленк. пер. 4 р.

— Слово о смерти и прибавленіе къ нему Спб., 1886 г., ц. 1 р. 25 к., въ коленк. пер. 2 р.

Игнатіевъ П. Благочестивыя размышленія православнаго христианина о своей душѣ. На каждый день мѣсяца. Съ псалм., заимствов. изъ св. пис., св. отцовъ и святой Церкви и древнихъ философовъ. Спб., 1890 г., п. 30 к., въ коленк. пер. 75 к.

Избранныя изъ житій святыхъ чудеса и видѣнія, какъ доказательства различн. истинъ христіанской православн. вѣры. Материалъ для пастырей при составл. поученій, и назидательное чтеніе для всѣхъ православныхъ христіанъ. Сост. прот. Ѳ. Л. Изд. 3-е. Спб., 1891 г., ц. 1 р., въ коленк. пер. 1 р. 75 к.

Ириней св. еп. Лионскій. Сочиненія. Изд. въ русск. пер. прот. П. А. Преображенскій. 1) Пять книгъ противъ ересей. 2) Отрывки изъ утрач. сочин. св. Ириней. Спб., 1871 г., ц. 3 р.

Иоаннъ св. Дамаскинъ. Точное изложене православной вѣры. Твореніе св. Иоанна Дамаскина. Съ греч. переводъ и снабдилъ переводъ предисловіемъ, примѣчаніями и указателями А. Бронзовъ. Спб., 1894 г., ц. 2 р., въ коленк. пер. 3 р.

— Три защитительныхъ слова противъ порицающихъ святыхъ иконъ или изображенія. Съ греч. переводъ А. Бронзовъ. Спб., 1893 г., п. 1 р., въ коленк. пер. 1 р. 75 к.

Иоаннъ Злат. св. О воспитаніи дѣтей. Переводъ Филарета, архіеп. Черниговскаго, Спб., 1889 г., ц. 10 к.

— О дѣвствіи Персв. Маріи В-вой. Изд. 2-е. Спб., 1892 г., ц. 50 к.

Устинъ еп., Зерцало православнаго исповѣданія святителя Димитрія Ростовскаго, въ русскомъ переводѣ. Спб., 1898 г., ц. 15 к.

Устинъ, св. философъ и муч. Сочиненія. Изд. въ русск. пер. со введен. и примѣч. къ нимъ, прот. П. А. Преображенскій. Отд. I. Первая и вторая апологія. Разговоръ съ Трифономъ Гудеемъ. Отд. II. Посл. къ Дионетію. — Рѣчь къ Эллинамъ. — Утѣшен. къ Эллинамъ. — О едино-властительствѣ. — Отрывокъ о Воскресеніи. М., 1891 г., ц. 2 р.

Карповъ П. Систематическій указатель статей по основному, догматическому, нравственному, и сравнит. Богословію, помѣщенныхъ въ журналахъ. Изд. 2-е, исправлен. и дополненное. Спб., 1888 г., ц. 1 р.

Клоштокъ. Мессіада. Поэма. Въ трехъ частяхъ. Переводъ стихами С. И. Писаревъ. Спб., 1868 г., ц. 4 р.

Ковалевскій А., прот. Взглядъ на ученіе социализма объ общеніи имуществъ. Слово, ц. 5 к.

— Голосъ природы о величинъ Божіемъ и слабости человѣка. Изд. 3-е, ц. 5 к.

— Евангеліская женщина, обличенъ въ грѣхѣ людьми и оправданная Спасителемъ, ц. 5 к.

— Жена-христіанка. Слово. Изд. 2-е, ц. 5 к.

— Исповѣдь предъ духовникомъ не лишнее ли дѣло? Ц. 25 к.

Ковальницкий А., прот. Иерусалимъ вѣч-
ромъ и священникъ на Голгоѣ у Креста Го-
сподня. Изд. 3-е, ц. 10 к.

— **Иосафатова долина** въ Иерусалимѣ или мѣ-
сто страшнаго суда Христова. Изъ Путешествія
въ св. землю. Съ 2-мя рис. Слб., 1898 г., ц. 30 к.

— **Какъ мы были бы безъ Иисуса Христа.**
Съ франц. Изд. 4-е, ц. 15 к.

— **Материнская любовь** въ животныхъ, ц. 10 к.

— **Много-ли знаетъ человекъ о вселенной?**
Перев. съ нѣм., ц. 20 к.

— **Надгробныя надписи, выраженные словами**
священныхъ книгъ. Изд. 2-е. Слб., 1898 г.,
ц. 10 к.

— **Нравственное богословіе евреевъ-талму-
дистовъ.** Съ нѣмец. Изд. 2-е. Слб., 1898 г.
ц. 20 к.

— **Обращеніе изъ невѣрія въ христіанство**
философа Августина, — напоминаніе невѣрую-
щимъ нашего времени. Изд. 2-е, ц. 10 к.

— **О величіи Божіемъ на небѣ.** Слово, ц. 10 к.

— **О постѣ, на основаніи вѣры и науки.** Слово
противъ доказывающихъ, что постановл. Церкви
о постахъ уже отжило свое время, ц. 10 к.

— **О современномъ воспитаніи дѣтей мате-
рими.** Слово. Изд. 3-е, ц. 5 к.

— **О таинствѣ св. причащенія тѣла и крови**
Господа нашего Иисуса Христа. Изд. 2-е, ц. 5 к.

— **Отче нашъ, Иже еси на небесахъ!** Небе-
са, — Отецъ, — Дѣти. Изд. 2-е, ц. 10 к.

— **Послѣдніе дни жизни Пилата, осудившаго**
Христа на смерть. Перев. съ нѣм. Изд. 3-е, ц. 10 к.

— **Послѣдніе дни жизни преступника, осуж-
деннаго на смертную казнь.** ц. 20 к.

— **Преподобная Марія Египетская, какъ**
образецъ борьбы самой съ собой. Съ изображе-
ніемъ. Изд. 3-е, ц. 5 к.

— **Примыны невѣрія въ наше время.** Слово.
Изд. 2-е, ц. 10 к.

— **Примыры святости въ жизни христіанъ,**
бывшихъ вратами. Съ изображеніемъ святыхъ
акад. О. Г. Солнцева. Изд. 3-е, ц. 10 к.

— **Примыры святости въ жизни христіанъ,**
бывшихъ ремесленниками. Съ изображеніемъ
святыхъ акад. О. Г. Солнцева. Изд. 3-е, ц. 20 к.

— **Проповѣдь Иисуса Христа, какъ доказа-
тельство Его божественности.** ц. 10 к.

— **Рождество Иисуса Христа, какъ доказа-
тельство Его божественности.** ц. 10 к.

— **Свидѣтельство природы о Богѣ.** Съ франц.
Изд. 3-е. Одобрено Св. Синодомъ и Мин. Нар.
Просвѣщ. Слб., 1893 г., ц. 20 к.

— **Св. Иосифъ Обручникъ.** Изд. 2-е, ц. 10 к.

— **Св. Филаретъ Милостивый, какъ земле-
дѣлецъ.** Съ изображеніемъ, ц. 5 к.

— **Смерть Иисуса Христа, какъ доказа-
тельство Его божественности.** Изд. 3-е, ц. 10 к.

— **Сократъ и Иисусъ Христосъ.** Съ нѣм., ц. 20 к.

— **Состояніе рода человѣческаго предъ яв-
леніемъ Христа на землю и основаніе христіан-
ской Церкви.** Изд. 2-е, ц. 20 к.

— **Стѣна плача иудеевъ въ Иерусалимѣ и**
възглядъ на евреевъ нашего времени. Изъ Пу-
тешествія въ св. землю. Съ рис. Изд. 3-е. Слб.,
1898 г., ц. 30 к.

— **Теоретическое богословіе евреевъ-талму-
дистовъ.** Съ нѣмец. Изд. 2-е. Слб., 1898 г., ц. 20 к.

Комарскій Ф. С. Карта Палестины по но-
вѣйшимъ картамъ Киперта (1890 г.) д-ра Фи-
шера и проф. Гуте (1892 г.) и друг. Согласно
библейскимъ названіямъ (русскаго Синод. изд.
1892 г.). Съ планами древняго и современнаго

Иерусалима и съ приложеніемъ алфавитнаго ука-
зателя. Слб., 1893 г., ц. 75 к.

Легатовъ И., свят. Бесѣды о церкви, таин-
ствахъ и исправленіи книгъ, съ опровержені-
емъ мнѣній о семъ глаголемыхъ старообряд-
цевъ (преимущественно безоповѣщическаго тол-
ка). Изданіе второе. Слб., 1897 г., ц. 1 р.

Леонцій, митр. Моск. бывш. архіеп. Холмо-
Варшавскій. Слова и рѣчи. Изданіе 3-е, въ
двухъ томахъ, съ портретомъ авт. Слб., 1888 г.,
ц. 3 р., въ коленк. пер. 4 р.

Лонхунинъ А. П. Библейская Исторія при
свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій.
Ветхій и Новый заветъ. Въ 3-хъ большихъ то-
махъ, изданіе иллюстр., содерж. около 900 по-
литик., снимк. съ древнихъ памятн., заглавствъ
и картинъ восточн. живанц. нѣск. рисун. худож.
Густава Доре, съ прилож. больш. карты Пале-
стины. Роскомн. изд., отпечат. на веленев. гла-
бум. Слб., 1889—95 г., ц. 26 р., въ коленк. переп.
переп. 32 р.

— **Руководство къ библейской исторіи Ветхаго**
и Новаго Завета. Слб., 1888—96 г., ц. 4 р.

Луниевъ А., свят. Христіанскій путь (Сбор-
никъ для назидат. чтенія). Слб., 1892 г., ц. 1 р.

Лютардтъ Э. Э., ордин. проф. Лейпц. универ.
Аналогія христіанства. Публичн. чтенія. Пере-
водъ съ XI нѣмец. изданія А. П. Лонхунина.
Слб., 1893 г., ц. 4 р., въ коленк. переп. 5 р.

Макарий архим. (нынѣ еп.) Слова, бесѣды и
поученія. Слб., 1881 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк.
переп. 2 р. Учел. Ком. Мин. Нар. Просв. одоб.
для учебн. библиот. средн. и низш. учебн. завед.

Маленинскій Н. свят. Инструкция благо-
чинному приходскихъ церквей, изысканная
указами Святѣйшаго Синода, распоряженіями
епархіальнаго начальства, сводомъ законовъ,
церковной практикой. Настоящая книга для
каждаго священно и церковно-служителя и цер-
ковнаго старосты. Слб., 1898 г., ц. 1 р. 25 к.

Макаровъ П. свят. Катихизическія поученія
къ простому народу. На сумовѣ вѣры, мо-
литву Господню, блаженства Евангел. и на
десять заповѣдей Божіихъ. Слб., 1892 г., ц. 1 р.
50 к., въ коленк. пер. 2 р. 25 к. Мин. Нар. Пр.
одоброено для учел. библ. средн. и низш. учебн. завед.
2 сент. 1889 г. № 12959.

Малинскій П. Руководство по исторіи Русской
церкви (Признант. къ программѣ для духовн.
семинар.). Вып. I. Курсъ V класса. Ц. 90 коп.
Вып. II и III (въ одной книгѣ). Курсъ VI класса.
Ц. 75 к. Учебн. Комит. при Св. Синодѣ книги одоб.
къ употребл. въ духовн. семинар. въ качествѣ учебн.
пособ.; Мин. Нар. Просв. рекоменд. въ учелн. библ.
средн. учебн. завед.

Манасеювъ Г., прот. Краткое изъясненіе на
литургію, собранное изъ разныхъ писателей.
Изд. 9-е. Слб., 1894 г., ц. 20 к.

— **Обязанности домашнаго общества по слову**
Божію. Изд. 2-е. Слб., 1894 г., ц. 60 к.

Мартеановъ Г. докт. богосл. Ев. Зеландскій,
въ Даніи. Христіанское ученіе о нравственно-
сти. Перев. А. П. Лонхунина. Въ 2-хъ томахъ.
Слб., 1890 г., ц. 5 р., въ коленк. пер. 7 р.

Митрофанъ монахъ. Какъ живутъ наши
умершие и какъ будемъ жить и мы по смерти.
По ученію православной церкви, но предчув-
ствію общечеловѣч. духа и выводамъ науки.
Въ 3-хъ большихъ томахъ. Слб., 1889 г., ц. ка-
ждаго тома 2 р., въ коленк. пер. 3 р.

Михайловскій В. прот. Библейскій Богослов-
скій словарь. Изд. 4-е. Слб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к.

Москаленвич Р., священ. Два почти и два дня из земной жизни Богочеловѣка, Господа нашего Иисуса Христа. Размышленіе христіанина, посвященнаго юношеству. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. СПб., 1894 г., ц. 25 к.

Навьяль Эри. Христосъ. Публицины чтенія. М., 1881 г., ц. 75 к.

Наумовичъ І., прот. Какъ въ простотѣ живутъ люди. СПб., 1890 г., ц. 50 к. *Минист. Народ. Просв. одобрено для приобрѣт. въ учебн. библ. средн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

— Христіанскіи добродѣтели. СПб., 1895 г., ц. 25 к. 1. Вѣра.—2. Надежда.—3. Любовь.—4. Кротость.—5. Мудрость.—6. Воздержаніе.—7. Молчаливость.—8. Справедливость.—9. Честность.—10. Бережливость.—11. Богобоязненность.—12. Смирненіе.—13. Терпѣніе.—14. Милосердіе. *Минист. Народ. Просв. одобрено для приобрѣт. въ учебн. библ. средн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

Недешевъ І., священ. Заковъ Божій для полковыхъ учебныхъ командъ. Одобр. Главы Комитета по образованію войскъ. Изд. 5-е. СПб., 1891 г., ц. 30 к.

Недзвѣдницкій І. священ. Злой врагъ человѣка или что посылаетъ, то и посылаетъ. (Противъ дьявства). СПб., 1898 г., ц. 5 к.

— Штудіизмъ, причины появленія и разбортъ ученія его. Изд. 2-е. СПб., 1899 г., ц. 1 р.

Никаноръ, еп. Арх. и Холмог. Православно-Христіанское Богословіе. Сост. примѣч. къ семан. программѣ. Изд. 2-е. Учебн. Ком. при Св. Сын. въ 1891 г. допущ. въ приобрѣт. въ библ. дух. сем. СПб., 1894 г., ц. 80 к.

Нордовъ В., прот. Сѣятель Благочестія, или поздній кругъ церковна. бесѣды, поученій и словъ (съ портретомъ автора). Въ двухъ томахъ. СПб., 1891 г., ц. 5 р., въ коленк. переп. 7 руб. *Минист. Народ. Просв. одобрено для приобрѣт. въ учебн. библ. средн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

— Катихизическія поученія на Символъ вѣры, молитву Господню, Блаженства Евангельскія и на 10 заповѣд. Воинскіи. Изд. 5-е. СПб., 1891 г., ц. 1 р. *Минист. Народ. Просв. одобрено для приобрѣт. въ учебн. библ. средн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

— Бесѣда самого съ собою или мысли на досугъ. СПб., 1868 г., ц. 60 к.

Ортенъ. О молитвѣ и увѣщаніи къ мученичеству, творенія учителя церкви, съ первоначальнаго текста, переводъ съ примѣчаніями Н. Корсунскаго, редактора Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомост. 2-е изд. СПб., 1897 г., ц. 1 р.

Писанія мужей Апостольскихъ, изд. въ русско-ж. перев. со введеніемъ и примѣч. къ нимъ, прот. П. А. Преображенскихъ. Изд. 2-е. СПб., 1894 г., ц. 1 р. 50 к.

Покровский С. Курсъ гражданскаго руководства для пастырей. Часть общая. Составилъ примѣнительно къ программѣ преподаватель Тульской Духовной Семинаріи. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи первый отдѣлъ сего курса, подъ заглавіемъ: «Духовный Пастырь по Слову Божию», въ двухъ выпусккахъ, одобрены Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для учебн. библіотекъ духовныхъ семинарій; второй и третій отдѣлы: «Духовный Пастырь по ученію св. отцевъ» и «Основанія законоположенія православной христіанской церкви». Одобрены тѣмъ же Учебнымъ Комитетомъ для

фундаментальныхъ и ученіческихъ библіотекъ духовныхъ семинарій, а также и для библіотекъ церковныхъ, какъ полезная для священниковъ. СПб., 1898 г., ц. 2 р.

Полисадовъ І., прот. О загробной жизни. Противъ спиритовъ. Словомъ на Евангел. Притчу о богатомъ и Лазарѣ. СПб., 1881 г., ц. 15 к.

Поминанье (для записки о здравіи и за упокой), отпечат. на лучшей почтов. бумагѣ. СПб., ц. въ красн. коленк. переп. съ футляромъ 60 к., въ бархатѣ съ золотымъ обрѣз. ц. 2 р.

Почовъ Евг., прот. Земныя жизни Господа нашего Иисуса Христа. Общенародныя бесѣды. Въ 2 хъ частяхъ. Изд. 2-е. СПб., 1893 г., ц. 2 р., въ коленк. переп. 3 руб.

— Объ исповѣди. Домашнія наставленія духовнаго отца говѣющихъ, съ приложеніемъ свойственныхъ исповѣданію молитвенныхъ возношеній къ Богу. Изд. 2-е. СПб., 1893 г., ц. 50 к.

— О святомъ причащеніи. Домашнія наставленія пастыря готовящихся къ святому причащенію, съ прилож. молитвен. вознош. къ Богу во дни причащенія. Изд. 2-е. СПб., 1893 г., цѣна 50 коп.

— По православно-догматическому богословію. Общенародныя бесѣды. Въ 6 частяхъ. СПб., 1895 г., ц. 6 р.

Послѣднія минуты православнаго христіанина. СПб., 1886 г., ц. 30 к., въ коленк. переп. 75 коп.

Путятинъ Р., прот. Полное собраніе поученій. Съ портретъ автора. Изд. 2-е. СПб., 1893 г., ц. 2 р., въ коленк. переп. 3 р. *Одобрено Минист. Народ. Просв. для учеб. библ. и для народ. чтенія* (стр. кат. 48, 1862 г.).

Пюшъ Эме. Св. Іоаннъ Златоустъ и правы его времена. Сочиненіе, удостоенное преміи французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Переводъ съ французскаго А. А. Каймакова. СПб., 1897 г., ц. 1 р.

Пѣвничій В., проф. Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя приобщающихъ. СПб., изданіе 3-е. 1898 г., ц. 2 р.

Разумовскій А. Святой пророкъ Давидъ и его книга. СПб., 1891 г., ц. 1 р. *Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ къ употреб. въ духовн. Семинар. въ качествѣ учебн. пособ. по Священ. Писанію.* (Перев. Вѣд. № 6, 1891 г.).

Робертсонъ и Гердоль. Исторія христіанской церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Перев. съ англ. А. П. Лопухина. Въ двухъ томахъ. СПб., 1890—91 г., ц. 10 руб., въ коленк. переп. 12 р.

Рождественскій Н. П., проф. Христіанская апологетика. Курсъ Основнаго Богословія. 2 тома. СПб., 1893 г., ц. 4 р., въ коленк. пер. 5 р.

Романовъ І., прот. Полное собраніе поученій. Два тома. СПб., 1887 г., ц. 4 р. 50 к., въ коленк. пер. 6 р.

— Поученія и нѣсколько словъ. Новый третій выпускъ (выбрано изъ полн. собр. поученій). СПб., 1877 г., ц. 1 р.

— Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Въ 4-хъ вып. СПб., 1882—94 г., ц. 95 к. (Выпускъ первый *Мин. Нар. Просв. допущенъ къ употреб. въ начальн. училищ. въ качествѣ учебнаго руководства.* 24 сент. 1884 г. № 13237).

— Краткія поученія о богослуженіи православной церкви. СПб., 1897 г., ц. 50 к.

— Краткіе уроки о нравственной жизни и о

главѣйшихъ обязанностяхъ христіанина. Спб., 1889 г., п. 15 к.

Романовъ І., прот. О правилахъ и душеполезномъ приготовл. къ исповѣди. Спб., 1889 г., п. 10 к.

— Уроки Закова Божія по катихизису. Изд. 3-е. Спб., 1893 г., п. 30 к. *Мин. Народ. Просв. одобрено для употребл. въ ученич. библ. средн. учеб. зав. 21 Іюля 1894 г. № 14375.*

— Уроки о богослуженіи православной церкви. Съ 98-ю рис. въ текстѣ. Спб., 1886 г., п. 50 к.

— Уроки по церковной исторіи. Изд. 2-е. Спб., 1886 г., п. 60 к.

Руновскій П., свящ. Сборникъ поученій. Спб., 1887 г., п. 1 р.

Русановъ Н., прот. Катихизическія поученія, приспособл. къ поним. прост. народа, ч. 1 р. 25 к.

— Краткія поученія къ православному народу. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., п. 1 р. 60 к.

— Поученія изъ Священной Исторіи Ветхаго Завета. Спб., 1893 г., п. 50 к.

— Поученія (проповѣдныя въ гор. Бугурусланъ и Самарѣ). Спб., 1893 г., п. 50 к.

— О православной христіанской вѣрѣ по учебн.ю слова Божія. Противъ молоканъ, баптистовъ и штундистовъ. 2 вып. Спб., 1891—96 гг., п. 60 к.

Свирилинъ А., прот. Православное исповѣданіе христіанской вѣры въ четкихъ-минелхъ св. Димитрія Ростовскаго. Спб., 1893 г., п. 60 к.

Святловъ П., проф. Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христіанской религіи и философіи. Спб., 1897 г., п. 1 р.

Сильвестръ, архіеп. Кавказ. и Астрах. При- точникъ Евангельскій. Объясн., находящ. въ св. Евангеліи притчей, основан. на свящ. пис. и мысліи св. отцовъ и учителей церкви съ прилож. нравствен.-назидат. размышленій. Изд. 4-е (пересмотр.). Спб., 1894 г., ч. 1 р.

Славинъ А. Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Душевные и сердечные вопли, стenanія и воздыханія кающагося грѣшника. Изд. 2-е. Спб., 1875 г., п. 30 к.

— Размышленія кающагося грѣшника о страшномъ Судѣ или о второмъ пришествіи Господа нашего Ісуса Христа на землю и всеобщемъ воскрес. мертв. Изд. 3-е. Спб., 1885 г., п. 15 к.

Смирновъ П. Исторія русскаго раскола старообрядства. Учебникъ Комитета, по опредѣленію отъ 17 Декабря 1892 года книга рекомендо- вана къ употребленію при изученіи раскола въ духовныхъ семинаріяхъ. Святыиимъ Синодомъ, по опредѣленію отъ 1—12 Февраля 1893 года за № 296 удостоена полвой преміи московскаго митрополита Макарія. Изд. 2-е, исправ. и до- полненное. Спб., 1895 г., ч. 1 р. 30 к.

Смирновъ С., свящ. Алфавитный сборникъ распоряженій, необходимыхъ для каждаго члена причта. (Настольная книга). „Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона“ (Основн. зак., ст. 62). Спб., 1898 г., ч. 1 р. 50 к.

Соколовъ А., прот. Священная Исторія въ простыхъ разсказахъ для чтенія въ школахъ и дома. Ветхій и Новый Заветъ. Съ 40 рис. по оригиналамъ Доре и Покорнота и съ 109-ю по- лит. въ текстѣ. Спб., 1892 г., ч. 1 р., въ колѣн. переп. 2 руб.

Соловьевъ І., свящ., законоучит. Имл. Лицея въ память Песаревица Николая. Пособіе къ доброму чтенію Святой Библии. Руководствен- ная свѣдѣнія объ ея богодуховенномъ зна- ченіи, составл. раздѣленіи и внѣшнихъ особен- ностяхъ; о происхожденіи, содержаніи и бого- служебномъ употребленіи каждаго изъ свящ.

книгъ Библии въ отдѣльности. Изд. 2-е, исправл. и доп. Спб. 1897 г., ч. 2 р., въ кол. пер. 2 р.

Сочиненія древнихъ христіанскихъ аска- тиковъ. Изд. въ русск. перев. со введен. и примѣч. прот. П. А. Преображенскимъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ч. 1 р. 50 к.

Спаскій П. Н. Сборникъ правилъ о школахъ церковно-приходскихъ и грамотск. съ относящимися къ нимъ опредѣленіями и указа- ми Св. Синода, Училищаго при ономъ Совѣта и Новгородскаго епархіальнаго начальства. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1898 г., ч. 60 к.

— Толкованіе на пророческія книги Ветхаго Завета, состав. на основаніи святоотеческ. толков. примѣнительно къ славянскому (и гре- ческому 70-ти) тексту по программамъ для 4-го класса духовныхъ семинарій. Книги пророковъ: Исаіи, Іереміи, Іезекииля и Даниила. Спб., 1898 г., ч. 2 р.

Стратилатовъ К., свящ. Катихизическія бесѣды къ сельскимъ прихожанамъ. Изд. 5-е. Спб., 1893 г., ч. 1 р. 50 к.

— Собраніе церковныхъ поученій для сельскаго народа. Удостоено преміи Св. Синода. Въ 2 част. Изд. 2-е. Спб., 1890 г., ч. 1 р. 75 к.

Тренчъ, архіеп. Дублинскій. Толкованіе прит- чей Господа нашего Ісуса Христа. Переводъ съ англ. Зиновьева. Спб., 1888 г., ч. 2 р., въ колѣн. переп. 3 руб.

— Чудеса Господа нашего Ісуса Христа. Объяснительныя примѣчанія къ Евангельскимъ по- вѣствованіямъ о чудесахъ Христовыхъ. Перев. А. З. Зиновьевымъ. М., 1883 г., ч. 1 р. 30 к.

Училище благочестія, или примѣры хри- стіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ житій святыхъ. Съ 16-ю рис. акад. Ф. Г. Солнцева. Изд. 17-е (3-е Издѣл.). Спб. 1896 г., ч. 1 р., въ колѣн. пер. 1 р. 75 к. *Мин. Народн. Просв. одобрено для употребл. въ ученич. библ. средн. учебн. завѣд. 21 Іюля 1894 г. № 14375. Внесена въ списки книгъ для церковно-приходскихъ школъ. (Церк. Вѣд. № 2, 1896 г.).*

Фарраръ Ф. В. Власть тѣмъ въ царствѣ свѣта. Перев. съ англ. А. П. Лопухина. Спб., 1897 г., ч. 3 р., въ колѣн. переп. 4 р.

— Въ дни твоей юности. Духовно-нравствен- ныя бесѣды. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ч. 2 р., въ колѣн. пер. 2 р. 50 к.

— Голосъ съ Синая. Вѣчное основаніе нрав- ственнаго закона. Духовно-нравственныя бесѣды. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ч. 1 р. 50 к., въ колѣн. пер. 2 р.

— Жизнь Ісуса Христа. Новый перев. съ 30-го англ. изд. А. П. Лопухина, съ прил. ученыхъ изслѣваній по отдѣльн. вопросамъ изъ жизни Ісуса Христа и прим. къ тексту. Изд. 5-е, испр., со множествомъ иллюстр. и прилож. раскрышен. карты Палестины. Роскошн. изд., отпеч. на велен. бум. Въ 2-хъ т. Спб., 1890 г., ч. 8 р., въ колѣн. пер. 10 р.

— Жизнь Ісуса Христа. Перев. А. П. Ло- пухина. 6-е общедоступное изданіе. Съ прил. 16-ти полит. Въ 2-хъ част. Спб., 1893 г., ч. 2 р. 50 к., въ колѣн. пер. 3 р. 50 к. *Мин. Народн. Просв. одобрено для употребл. въ ученич. библ. средн. учебн. завѣд. 21 Іюля 1894 г. № 14375.*

— Жизнь и труды св. апост. Павла. Полн. переводъ съ послѣдняго англ. изданія. А. П. Лопухина. Со множествомъ иллюстрацій и съ приложеніемъ 4-хъ раскрыш. картъ. Роскош. изд. Спб., 1887 г., ч. 8 р., въ колѣн. пер. 10 р.

Труды св. апост. Павла. Перев. А. П. Лопухина. 3-е общедоступное изд. въ 2-хъ частяхъ. Спб., 1893 г., ц. 3 р., въ коленк. пер. 4 р. *Мин. Нар. Просв. одобрено для приобрит. въ учебн. библиот. средн. учебн. завед.* 21 июля 1894 г. № 14375.

— Жизнь и труды св. апост. Павла. Перев. Церкви. Перев. съ англ. А. П. Лопухина. Спб., 1891 г., ц. 4 р., въ коленк. пер. 5 р.

— Молитва, какъ средство къ утoleniю печали. Спб., 1888 г., ц. 10 к.

— На зарѣ христіанства и сцены изъ времени Нерона. Историч. разсказъ. Перев. съ англ. А. П. Лопухина съ пояснит. прим. отъ переводчика. Спб., 1892 г., ц. 3 р., въ коленк. пер. 4 р.

— Первые дни христіанства. Перев. съ послѣдняго англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2 част. Спб., 1892 г., ц. 4 р., въ коленк. пер. 5 р. *Мин. Нар. Просв. одобрено для приобрит. въ учебн. библиот. средн. учебн. завед.* 21 июля 1894 г. № 14375.

— Безахарактерность—причина многихъ бѣдъ. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Въ двухъ частяхъ. Съ англ. Спб. 1898 г. Ц. 2 р., въ коленк. переп. 2 р. 50 к.

— Голосъ совѣсти. Бесѣды о нравственности. Съ Англ. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переп. 2 р.

— Искатели Бога. Примеры высокой правильной жизни въ средѣ грубого язычества. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переп. 2 р.

— Раскаяніе—основаніе нравственнаго совершенства. Очерки нравовъ школьной жизни. Спб. 1898 г. Ц. 2 р., въ коленк. переп. 2 р. 50 к.

— Семейный очагъ. Мужчины и женщины. Необходимыя условія для сохраненія доброй христіанской жизни. Спб., 1898 г. Ц. 60 к., въ коленк. переп. 1 р.

— Сила добраго вліянiя—результатъ правильного воспитанiя. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Спб., 1898 г., ц. 2 р. 50 к., въ коленк. пер. 3 р.

— Христіанская ответственность. Бесѣды о нравственности. Съ Англ. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переп. 2 р.

— Христіанскіе труженики. Обзоръ жизни великихъ дѣателей (мучениковъ, пустынниковъ, онаховъ и др.). Спб. 1898 г. Ц. 60 к., въ коленк. пер. 1 р.

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниговск. Бесѣды о страданiяхъ Господа нашего Иисуса Христа. Съ портр. автора. Въ 2-хъ част. Изд. 3-е. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ коленк. пер. 4 р.

— Гласъ Божій въ грѣшнику. Учебн. Ком. Мин. Нар. Просв. рекомендовано для библиот. средн. учебн. заведенiй. Спб., 1882 г., ц. 30 к.

— Житія святыхъ подвижницъ Восточной Церкви. Изд. 3-е съ изображ. святыхъ подвижницъ акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 25 к.

— Житія святыхъ, чтимыхъ правосл. Церк.,

съ свѣдѣн. о праздн. Господск. и Богородичн. и о явлен. чудотворныхъ иконахъ съ дополн. изъ другихъ. Съ изображ. святыхъ и праздни. акад. Ѳ. Г. Солнцева и др. Съ прилож. портр. преосв. Филарета. На русск. языкѣ, за круглый годъ, 12 мѣс. Спб., 1892 г., ц. за всѣ 12 книгъ 15 р., въ коленк. переп. въ 6 книгахъ 20 р., въ 12-ти книгахъ 24 р.

— Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣнопѣвн. греческой Церкви. Изд. 2-е съ дополненiемъ. 1866 г., ц. 1 р. 50 к.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, въ 3-хъ томахъ (860 стр.). Спб., 1882 г., ц. 5 р., въ коленк. пер. 6 р.

— Историч. ученіе объ отцахъ Церкви (въ сокращенiи). Черниговъ. 1864 г., ц. 1 р. 25 к.

— Исторія русской Церкви. Въ пяти періодахъ (988—1926). Періодъ I. Отъ начала христіанства въ Россіи до нашествія Монголовъ.—Періодъ II. Монгольскій, отъ опустошенiя Россіи до раздѣленiя митрополіи.—Періодъ III. Отъ раздѣленiя митрополіи до учрежденiя патриаршества.—Періодъ IV. Періодъ патриаршества.—Періодъ V. Синодальное управленіе. Изд. 6-е. 1894 г., ц. 3 р., въ коленк. переп. 4 р.

— Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е съ поправками и дополн. автора. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ коленк. пер. 4 р.

— Православное догматическое богословіе. 2 т. Изд. 3-е, Спб., 1892 г., ц. 3 р., въ коленк. пер. 4 р.

— Святые южныхъ славянъ. Описаніе жизни ихъ. Съ изображенiемъ свят. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 50 к.

— Слова, бесѣды и рѣчи. Въ 4-хъ частяхъ. Изд. 3-е. Спб., 1883 г., ц. 3 р. 50 к., въ коленк. пер. 4 р. 50 к.

Херсонскій А. Обзоръ историческаго вѣдѣнія Ветхого Завета. Изд. 4-е. Спб., 1899 г., ц. 1 р.

— Христіанскія размышленiя на каждый день года. Спб., 1898 г., ц. 10 к.

Шарфенелъ В. Жизни. Философско-нравственное разсужденіе. Съ Французскаго Ф. О. Крамаре. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

Шарфенелъ Филиппъ, докторъ, профес. богосл. Инстута Христоса. Чудотворныя Сочиненіе, заключающее въ себѣ библейскія домысли теоріи о лицѣ Иисуса Христа, и собраніе свѣдѣтельств о высочайшемъ достоинствѣ, характерѣ жизни и дѣлѣ Его, со стороны невѣрующихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб., 1896 г., ц. 1 р., въ коленк. переп. 1 р. 75 к.

Широкіицъ С. Церковно-славянскій словарь. Пособіе при чтеніи и разборѣ священныя и богослужебныхъ книгъ. Спб., 1898 г., ц. 15 к. Ярославская, К. Л. Пасха Красная. Сборникъ для назидательнаго чтенiя во дни Святой недѣли. Одесса, 1898 г., ц. 80 к.

НА ПЕРЕСЫЛКУ КНИГЪ МАГАЗИНЪ ПРОСИТЬ ПРИЛАГАТЬ

по 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ обширнымъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.